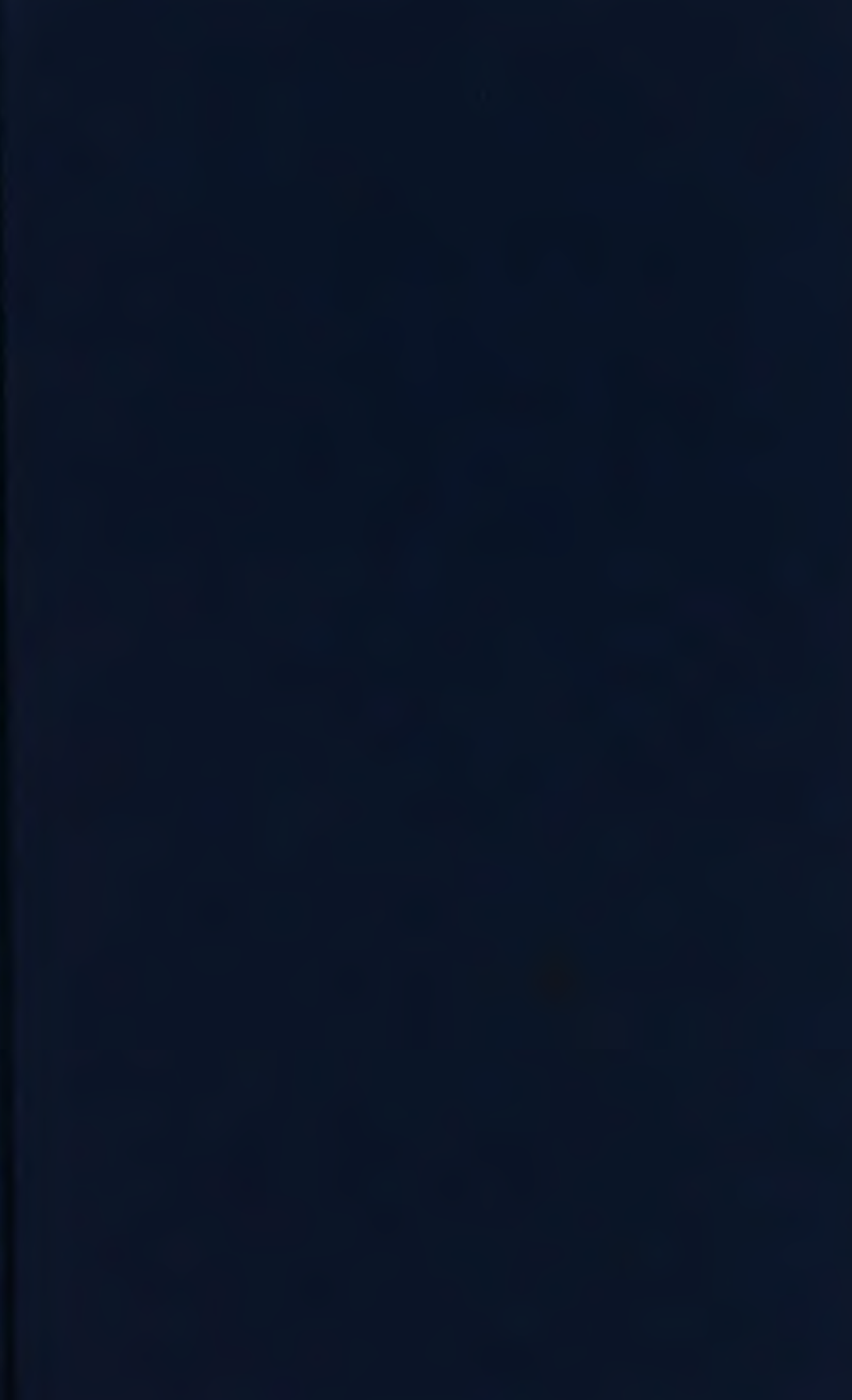

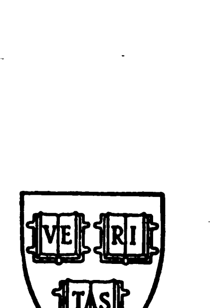
VE RI
TAS

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

edited by

C. H. VAN SCHOONEVELD

Indiana University

158/23

1971

MOUTON

THE HAGUE · PARIS

НОЯБРЬ. 1897.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 11

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1897.

Printed in Germany

СОДЕРЖАНІЕ.

См. на оборотъ.

ВЪ ГОРНОЙ ГЛУШИ.

ПОВѢСТЬ.

I.

У Муслюма въ кофейнѣ много народу. Пятница, день молитвы, и татары, прекративъ работу раньше обыкновеннаго, собрались и ждутъ, когда начнется служба въ мечети. Мечеть — напротивъ, черезъ улицу. Высокій минаретъ ея, окрашенный свѣтло-желтой краской, съ полумѣсяцемъ, утвержденнымъ на шпилѣ островонечной крыши, виденъ изъ окна кофейни. Татары курятъ табакъ, играютъ въ кости, пьютъ чай или приготовленный по турецки крѣпкій черный кофе, который Муслюмъ подаетъ гостямъ вмѣстѣ съ гущей въ маленькихъ, точно кукольныхъ, чашечкахъ и непремѣнно въ сопровожденіи маленькаго стаканчика воды. Кофейщикъ Муслюмъ, маленькій смуглый и чернявый татаринъ въ красной фескѣ съ черной кисточкой на маковкѣ, знаетъ свое дѣло и отлично изучилъ вкусы и привычки своихъ гостей. Посѣтителю не надо ни о чемъ заботиться. Муслюмъ, не спрашивая, молча подаетъ что надо: домино или шашки, карты, чай или кофе съ сахаромъ или безъ сахару, и если гость почетный, — «наргилэ». И гости знаютъ, что Муслюму никогда ни о чемъ не нужно напоминать. Они приходятъ, здороваются, прикладывая руку ко лбу, и садятся на свои мѣста. По большей части всѣ молчатъ, потому что—о чемъ говорить? Сегодня, напримѣръ, день былъ совсѣмъ такой-же, какъ вчера, а вчера—какъ раньше. Солнце жгло такъ, какъ будто не шутя хотѣло спалить землю. Татары ходили, завѣсивъ затылокъ платками, а ужъ они ли не привыкли къ солнцепеку! Кто ходилъ «на табакъ», или въ виноградникъ, взглянуть, что дѣлается; кто съѣздилъ въ лѣсъ, на «чаиръ», поглядѣть на кобылу съ жеребенкомъ или на быковъ, которые тамъ пасутся. Но въ этомъ не было ничего такого, о чемъ можно было бы много разговаривать. Вообще, деревня была глухая, и жизнь въ ней протекала однообразно. Развѣ, изрѣдка, подерутся татары, пустивъ въ

ходъ желѣзные заступы, изъ-за того, кому раньше пустить на табакъ воду изъ ручья, что бѣжитъ съ горъ и съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе усыхаетъ отъ жары, все тише и тише шепчетъ свои жалобы подъ тѣнью орѣшника и мелкой заросли, которые, томясь отъ зноя, ужъ не защищаютъ его больше отъ солнца, а сами жадно пьютъ его влагу; иной разъ пріѣдетъ въ деревню, въ роскошномъ ялтинскомъ извозчичьемъ фаэтонѣ, купецъ табачникъ, тяжеловѣсный караимъ, степенный, коротконогій, съ круглой спиною и короткой шеей, въ шляпѣ котелкомъ, съ лицомъ краснымъ и потнымъ, съ желтыми ястребиными глазами—богатый, какъ чортъ, въ золотыхъ часахъ съ толстой цѣпочкой и множествомъ брелокомъ на мягкомъ, какъ подушка, брюхѣ, съ дорогими перстнями на короткихъ толстыхъ пальцахъ; или нагрянетъ невзначай становой Дьяконовъ, маленькій вертлявый человѣкъ, бритый, съ усиками, съ остриженной по солдатски кругленькой головкой,—отчаянный крикунъ и ругатель—налетитъ, нашумитъ, накричитъ, подерется, посадитъ сотскаго въ «холодную» и опять надолго уѣдетъ. Вотъ почти все, что сколько нибудь разнообразило скучную будничную жизнь деревни.

Сегодня говорить не о чемъ; гости Муслюма скучаютъ, сидятъ, сложа руки, и молчаливо курятъ табакъ, сизый дымъ котораго все сгущается и туманитъ внутренность кофейни. Только одинъ старый Халиль говоритъ безъ умолку.

Старый Халиль сидитъ по турецки на своемъ обычномъ мѣстѣ, на застланномъ коврами балкончикѣ *), потягиваетъ «наргилэ» и хриплымъ голосомъ разсказываетъ длинную исторію о томъ, какъ, въ бытность свою старшиною, онъ ѣздилъ въ Москву «на коронацію», какіе видѣлъ виды, какъ его принимали во дворцѣ, какія пилъ вина отъ царскаго стола, какое уваженіе оказывали ему при дворѣ, и сколько онъ тамъ встрѣтилъ знакомыхъ. Старика знали многія высокопоставленныя лица, потому что онъ, въ прежнее время, не разъ устраивалъ для нихъ охоты въ горахъ Крыма. Бывшій старшина былъ тщеславенъ и очень гордился знакомствомъ съ князьями и графами.

Халиль болтливъ — воспоминанія увлекаютъ его, и онъ повѣствуетъ пространно, безконечно, останавливаясь только для того, чтобы потянуть кальянъ. Никто стараго Халиля не слушаетъ, потому что разсказъ его про «коронацію» всѣ слышали уже безсчетное число разъ, а кофейщикъ Мус-

*) Особенность устройства татарскихъ кофеенъ. Балкончикъ устраивается вдоль одной изъ стѣнъ, въ родѣ русскихъ наръ; край балкончика огороженъ невысокой баллюстрадой съ калиточкой, къ которой ведетъ изнутри кофейни лѣсенка. Назначеніе балкончика—служить мѣстомъ ночлега для заѣзжихъ гостей; а днемъ на немъ усаживаются посѣтители, которые любятъ сидѣть потурецки.

люмъ знаетъ ее чуть-ли не наизусть; но невниманіе слушателей не смущаетъ разсчазчика. Старикъ глядитъ своими мутными глазами какъ-бы мимо окружающей дѣйствительности, жестикулируетъ руками и говоритъ, говоритъ—хриплый голосъ его не умолкаетъ ни на минуту.

— Хоть бы ты что-нибудь новое разсказалъ! Надоѣлъ ты,— говоритъ, зѣвая во весь ротъ, угрюмый сельскій староста Кара-Али.

Но старикъ не слышитъ.

— Самъ князь со мной говорилъ!—продолжаетъ онъ разсказывать—«Какъ поживаешъ, Халиль? Что въ Крыму у васъ все благополучно?» А я говорю:—«слава Богу, ваше сіятельство, хорошо поживаю, дай Богъ вамъ здоровья! Все благополучно и хорошо, говорю. Пріѣзжайте, говорю, ваше сіятельство на охоту! Олень есть, коза есть, много всего есть. А онъ говоритъ...

Остановить старика невозможно, и не бываетъ конца его разсказу.

— Отчего, Халиль, въ становые не просился! Въ Москву ѣздилъ, даромъ деньги тратилъ. Попросилъ-бы князя, онъ бы тебя приставомъ сдѣлалъ!—шутитъ староста Кара-Али.

Всѣ смѣются, но старикъ не слышитъ ядовитаго замѣчанія, и разсказъ его продолжается дальше, старческій голосъ его скрипитъ и нагоняетъ на всѣхъ усыпительную скуку.

Но вотъ ужъ вечерѣетъ, и съ улицы доносится заунывный, высокій и мягкій теноръ муллы Хатипа, призывающаго съ высоты минарета всѣхъ правовѣрныхъ въ мечеть на молитву. Татары одинъ за другимъ выходятъ, и кофейня пустѣетъ.

Помолились татары и опять тянутся всѣ въ кофейню, потому что спать еще рано, а дома скучно. Сидятъ, курятъ, перебрасываются замѣчаніями, но разговоръ не вяжется. Скука. Всѣ зѣваютъ и питаютъ смутную надежду: можетъ быть, что нибудь еще случится,—явится хоть какая-нибудь тема для бесѣды.

На этотъ разъ татары не обманулись. Кофейню развлекъ десятскій Умеръ-Арифъ. Умеръ-Арифъ всегда первый узнавалъ всякія новости, потому что постоянно былъ, какъ говорится, въ разгонѣ по разнымъ административнымъ порученіямъ. То онъ разносилъ окладные листы, то какія-нибудь повѣстки, то его посылали за нѣсколько верстъ въ волость съ пакетомъ или съ арестантомъ, для сдачи «подъ росписку». Не смотря на то, что Умеръ-Арифу было лѣтъ подъ семьдесятъ, и лицо его было совсѣмъ сморщено, а борода бѣла, какъ вата,—онъ ходилъ по горамъ такъ скоро, что за нимъ трудно было поспѣть. Цѣлый день ходитъ старикъ, опираясь на длинную палку, которая отъ долгаго пребыванія въ его корявыхъ

мозолистыхъ рукахъ покрылась какимъ-то особеннымъ лакомъ, и стучитъ, выкликая хозяевъ, то въ одни, то въ другія ворота.

Умеръ-Арифъ пришелъ въ кофейню, посидѣлъ, помолчалъ, покурилъ и вдругъ сказалъ:

— Куртъ-Аметъ вернулся! Сейчасъ домой пошелъ!

Это была новость! Куртъ-Аметъ—сосѣдъ Халиля—незаконный сынъ Периде, былъ бродяга, контрабандистъ и воръ. Онъ сидѣлъ въ острогѣ, осужденный за промыселъ безакцизнымъ табакомъ, и теперь, отбывъ наказаніе, возвратился домой.

— Пропали татарскія куры!—сказалъ Кара-Али.

Всѣ засмѣялись.

— Халиль! Вѣдь онъ сватался къ твоей дочери!.. Отчего не отдалъ Салге за Куртъ-Амета?—пошутилъ староста.

Салге была единственная дочь Халиля, дѣвушка лѣтъ шестнадцати; старикъ дрожалъ надъ нею и всегда сердился, когда съ нимъ заговаривали о сватовствѣ, потому что не хотѣлъ разставаться съ любимой дочерью. О сватовствѣ же бродяги Куртъ-Амета онъ не могъ равнодушно вспомнить.

— Что болтаешь, староста?! Чтобъ у тебя языкъ заболѣлъ! Кто отдастъ родную дочь за негодяя? Лучше я отдамъ дочь за собаку! Куртъ-Аметъ хуже собаки!

— Берегись, старикъ! Куртъ-Аметъ обиды не забудетъ! Отдавай лучше дочь за моего Эреджепа! Онъ совсѣмъ какъ дуракъ сдѣлался: все около твоего дома ходитъ! Отдавай, что-ли? Дамъ выводъ, какой только захочешь!—говорилъ Кара-Али.

Но старый Халиль и слышать не хотѣлъ о сватовствѣ. Старикъ упрямо твердилъ:

— Молода моя дочь! Кто отдаетъ замужъ ребенка? Пройдетъ годъ, пройдетъ два,—тогда будемъ говорить!

Между тѣмъ въ кофейнѣ шли разговоры про Куртъ-Амета. Разсказывали, какъ его однажды татарки поймали на кражѣ куръ и поколотили. Это всѣхъ насмѣшило. Потомъ кто-то разсказалъ, какъ онъ повадился ѣздить съ однимъ сосѣднимъ татариномъ въ казенный лѣсъ за дровами, и какъ объѣздчики не могли никакъ поймать ловкихъ воровъ. Староста Кара Али разсказалъ, какъ Куртъ-Аметъ забрался воровать виноградъ въ Массандру, какъ казенный сторожъ подстрѣлилъ его изъ ружья, и какъ онъ долго послѣ этого пролежалъ въ больницѣ.

Наконецъ, и эта тема истощилась, и въ кофейнѣ опять воцарилось молчаніе. На дворѣ давно была ночь, и деревня спала; но татары долго еще сидѣли у Муслюма. Слышно было только, какъ игроки постукиваютъ костями, какъ булькаетъ вода въ кальянахъ, когда курильщики потягиваютъ своими могучими легкими дымъ «наргилэ», да гдѣ-то сверху, изъ дымныхъ облаковъ, скрипитъ старческій голосъ:

— А-а! Графъ! Ваше сіятельство! Ну, что, какъ дѣла? Какъ здоровье? А онъ мнѣ говоритъ... А я ему говорю...

Это старый Халилъ принялся опять разсказывать «про коронацію»...

II.

Халилъ жилъ на краю села, надъ самой рѣчкой, лучше сказать ручейкомъ, бѣжавшимъ подъ обрывомъ, черезъ заросшую садами горную долину. Старикъ былъ богатъ, и двухъ-этажный домикъ его подъ зеленой желѣзной крышей съ балкономъ, обвитымъ лозами винограда и глициніи, бѣлѣлъ и сразу выдѣлялся на сѣренькомъ фонѣ деревни. Чистенькій, обвитый зеленью, спрятанный отъ солнца подъ развѣсистыми вѣтвями громаднаго, стараго орѣха, домикъ Халиля выглядѣлъ весело и уютно, а всегда чисто вымытыя окна его съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ добродушія смотрѣли на окружающій міръ,—на горы, на сады въ долинѣ, на фонтанъ около ручья, гдѣ постоянно толпились женщины и дѣвушки, сходившіяся сюда за водой со всей деревни, на сакли татаръ, лѣпившіяся одна надъ другой по крутому склону холма.

Халилъ былъ женатъ два раза. Отъ первой жены у него было двое дѣтей, но они умерли отъ оспы еще въ младенческомъ возрастѣ. Когда умерла и жена, то Халилъ женился второй разъ, на молоденькой дѣвушкѣ. Ему было тогда ужъ подъ пятьдесятъ лѣтъ. Отъ этого брака у Халиля родилась дочка. Вторая жена Халиля тоже умерла рано, когда дѣвочкѣ было только пять или шесть лѣтъ. Маленькая Салге подросла и стала мало-по-малу самостоятельной хозяйкой дома. Это была худенькая, хорошенькая черноглазая дѣвочка, живая, нервная, веселая. Салге наполняла осиротѣвшій домъ Халиля счастіемъ; постоянно въ молитвахъ старикъ благодарилъ Аллаха за то, что онъ утѣшилъ его старость, пославъ ему такую дочку, и просилъ ей здоровья. Салге вела все хозяйство, кормила, обшивала старика, заботилась обо всѣхъ домашнихъ мелочахъ. И старый Халилъ не чаялъ души въ своей маленькой дочкѣ. Онъ баловалъ ее, ласкалъ, подолгу засматривался на нее, любовался, какъ она ходитъ, какъ все дѣлаетъ, во всемъ подчинялся ея волѣ, — наслаждался ею. И вотъ, время идетъ быстро—Салге уже шестнадцать лѣтъ. Она хороша собой, она въ возрастѣ невѣсты — парни деревенскіе украдкой заглядываются на нее, пріятели Халиля дѣлаютъ намеки о сватовствѣ. Мысль о выдачѣ Салге замужъ, о разлукѣ съ нею, раздражала Халиля. Онъ сердился, когда съ нимъ заговаривали объ этомъ.

— Салге дѣвочка! Какъ можно отдавать дѣвочку замужъ? — говорилъ онъ.

Старикъ ревновалъ...

Дома онъ продолжалъ относиться къ Салге такъ, какъ будто она все еще была дѣвочка. Онъ и не хотѣлъ, и не могъ, вступивъ въ седьмой десятокъ лѣтъ жизни, смотрѣть на нее иными глазами. Халиль по прежнему балуетъ Салге, какъ маленькую. Онъ гладитъ ее по головкѣ, приноситъ ей кокетливо завернутыя въ цвѣтныя бумажки конфекты и шоколадъ съ картинками, за которыми почти ежедневно заходитъ въ деревенскую лавочку грека Яни. Салге любитъ ласки отца, любитъ быть съ нимъ вмѣстѣ, слушать его разсказы. Часто, въ длинные, дождливые зимніе вечера, когда Халиль, послѣ обѣда, усядется, поджавъ подъ себя ноги, на низенькій закрытый ковромъ диванчикъ и, попивая кофе, принимается молча курить папироску за папироской,—Салге подсядетъ, склонится къ нему на колѣни и проситъ разсказать что нибудь изъ своихъ воспоминаній. И отецъ охотно удовлетворяетъ желаніе дочки. Онъ гладитъ ея ручки, перебираетъ пальцами ея тоненькія косички и повѣствуетъ цѣлыми часами. Разсказы про «коронацію», къ которымъ такъ равнодушны стали односельчане Халиля, про проѣздки по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, про города, про Ялту, гдѣ такъ весело живутъ пріѣзжіе изъ «Россіи» господа, про богачей, у которыхъ денегъ такъ много, что они сколько ни тратятъ, а никакъ не могутъ всѣхъ истратить—находили себѣ въ лицѣ Салге внимательную слушательницу. Салге никогда не покидала родной деревни, и маленькій, знакомый ей мірокъ ограничивался тѣснымъ кольцомъ горъ, обступившихъ со всѣхъ сторонъ пріютившуюся въ котловинѣ деревушку, и тѣснымъ кружкомъ однодеревенцевъ. Разсказы отца казались ей чудесными, и она не скучала, слушая много разъ подрядъ одно и то-же. Москва, русскіе обычаи, царь съ царицей, великолѣпіе и блескъ шумной придворной жизни—все это представлялось ей прекрасной сказкой. Воображеніе уносило ее далеко отъ бѣдной обстановки родной деревни и рисовало передъ ней иную жизнь, блестящую, полную богатства, разнообразія, свѣта и красоты. Головка дѣвушки кружилась отъ разсказовъ отца, и въ душу мало по малу закрадывалась неясная жажда чего-то лучшаго, несознанное недовольство скромной долей. Ей становится скучно съ подругами, она часто задумывается и груститъ. Мечтать, украшать дѣйствительность несвойственными ей красками, олицетворять природу, одушевлять окружающіе предметы — вотъ чѣмъ занята едва начинающая мыслить головка дѣвушки. И горы, обступившія деревню, и тихія лѣтнія ночи, и лѣсъ на горныхъ склонахъ,—тополи въ долинѣ рѣки, ручей внизу,

близъ самаго дома, и сложенный изъ сѣраго камня фонтанъ съ неумолчно бѣгущею изъ него струйкой воды, и старый столѣтній орѣхъ, обнявшій своими могучими вѣтвями ихъ домикъ, все это въ воображеніи Салге живыя созданія, чувствующія и мыслящія, и она часто вступаетъ съ ними въ разговоръ, повѣряетъ имъ свою безотчетную тоску. Тайно отъ всѣхъ Салге сочиняетъ пѣсни и тихонько распѣваетъ ихъ, когда никто не можетъ ее слышать. Въ этомъ невинномъ творчествѣ молодая дѣвушка находила удовлетвореніе и предавалась ему часами, горя отъ невѣдомой страсти, уносясь куда-то далеко изъ міра дѣйствительности. Часто, тихою лѣтнею ночью, когда отецъ и вся деревня давно спали, Салге выходила изъ душной сакли, садилась на толстый, обнажившійся у края обрыва корень могучаго орѣха, и, объятая поэзіей ароматной, сверкающей звѣздами южной ночи, принималась напѣвать свои пѣсни. Салге любила старый орѣхъ въ ихъ дворѣ. Онъ представлялся ей старымъ, старымъ добродушнымъ дѣдушкой, который вынянчилъ и выростилъ ее и былъ ей вмѣсто матери. Развѣсистыя вѣтви его защищали ее, маленькую Салге, чтобы солнце не ослѣпило ей глазки, когда она лежала въ колыбели, и тихонько шелестѣли надъ нею листьями, чтобы усыпить ее; и Салге пѣла старому орѣху пѣсни про свою любовь и благодарность. Подолгу просиживаетъ Салге въ такія ночи. Никто не мѣшаетъ ей. Она одна съ своими смутными грезами, и пѣсни одна за другою послушно слагаются звучными рифмами и наполняютъ сердце ея тревожной радостью...

Салге захотѣлось научиться писать, чтобы записывать свои стихи—«элаги», какъ она называла ихъ потатарски. Она скоро подыскала себѣ учителя. Научить ее таинствамъ замысловатой татарской грамоты взялся ея маленькій двоюродный братъ Смаилъ, мальчикъ лѣтъ одиннадцати. Смаилъ, какъ и другіе деревенскіе мальчики, обучался грамотѣ и чтенію корана, въ познаніи котораго заключается вся татарская образованность, у муллы Хатипа, и считался однимъ изъ способнѣйшихъ учениковъ импровизированнаго захолустнаго «медрессе».

Смаилъ приходилъ по вечерамъ и, съ сознаніемъ своего превосходства, объяснялъ своей взрослой ученицѣ правила, внушенныя ему строгимъ Хатипомъ. Салге занималась усердно, цѣлые часы подрядъ, съ настойчивостью и терпѣніемъ, какъ могутъ заниматься только женщины, когда у нихъ вдругъ пробудится желаніе учиться. Смаилъ былъ доволенъ своей ученицей и хвалилъ ее за успѣхи.

Старый Халиль заставалъ иногда дочь за занятіями и съ улыбкой на лицѣ смотрѣлъ, какъ она, подъ руководствомъ своего маленькаго учителя, выводитъ на бумажкѣ строчки, или разбираетъ печать по корану. Старику и въ голову никогда

не приходило обучить Салге грамотѣ, потому что это для женщины, по понятіямъ татаръ, совсѣмъ не нужно. Желаніе дочери учиться казалось ему причудой. Но такъ какъ все, что ни дѣлала маленькая Салге, было въ глазахъ старика очень хорошо, то и на занятія ея съ Смаиломъ онъ смотрѣлъ съ снисходительнымъ попустительствомъ, любуясь ея ненужнымъ усердіемъ.

Халиль цѣловалъ дочку, называлъ ее «умницей» и аккуратно приносилъ ей изъ лавочки Яни конфекты, никакъ не подозрѣвая, что конфекты эти поступали, въ уплату за занятія, въ карманъ маленькаго Смаила.

Между тѣмъ Салге дѣлала быстрые успѣхи и тихонько начинала уже записывать свои «элаги». Уроки продолжались аккуратно. Маленькій Смаилъ былъ хорошій учитель и очень любилъ сладкое...

III.

Однажды въ деревню заѣхали дамы амазонки, въ сопровожденіи ялтинскаго проводника Мемета.

Это были невиданныя гостьи, и чуть не вся деревня сбѣжалась смотрѣть на русскихъ молодыхъ барынь, пріѣхавшихъ верхомъ на лошадяхъ.

Заѣхавъ въ глухую деревню, барыни пожелали войти къ кому нибудь въ домъ, чтобы посмотрѣть обстановку татарской сакли. Меметъ пригласилъ ихъ въ домъ Халиля. Татары гостепріимны. Халиль радушно принялъ у себя заѣзжихъ туристокъ, угостилъ ихъ кофеемъ и сластями, охотно все объяснилъ, разсказалъ, сдѣлалъ даже подарки вещами, которыя, какъ ему казалось, особенно понравились гостьямъ, и проводилъ барынь, совсѣмъ очарованныхъ его любезностью и гостепріимствомъ.

Пріѣзжія барыни произвели на Салге впечатлѣніе чрезвычайное. До сихъ поръ она никогда не видѣла русскихъ, кромѣ заѣзжавшихъ къ отцу чиновниковъ, и теперь, подавая кофе и другія угощенія, съ любопытствомъ разсматривала этихъ странныхъ женщинъ, ихъ лица, ихъ прически, элегантныя черныя, обхватывавшія тонкія тальи платья со шлейфами, перчатки, шляпки съ длинными вуалями... Ей вспомнились разсказы отца, она смотрѣла на диковинное зрѣлище удивленная, восхищенная, не вѣря глазамъ своимъ. Русскія дамы казались ей такими прекрасными, такими изящными и нѣжными и такими смѣлыми... Салге не сводила съ нихъ глазъ...

Не менѣе поразилъ воображеніе Салге и проводникъ Меметъ. Онъ былъ уроженецъ ихъ деревни. Салге помнила его. Она еще была дѣвочкой, когда Меметъ переселился въ Ялту къ брату, содержавшему тамъ конюшни верховыхъ лошадей.

Теперь, спустя нѣсколько лѣтъ, она даже не узнала прежняго Мемета. Онъ былъ въ блестящемъ, расшитомъ золотомъ костюмѣ проводника, статный, черноглазый, съ красивыми кудрями и шелковистыми черными усами, совсѣмъ не такой, какимъ былъ прежде, когда жилъ и работалъ въ деревнѣ.

— Какая ты стала большая и хорошенькая, Салге!—сказалъ ей Меметъ.

Салге покраснѣла и закрыла лицо платкомъ.

Ей сдѣлалась весело и досадно на Мемета. Развѣ можно говорить съ дѣвушкой такъ смѣло?

Гости побыли немного и уѣхали... Салге долго провожала кавалькаду глазами... Она завидовала, что молодыя русскія барыни ѣдутъ съ красавцемъ Меметомъ...

Съ этихъ поръ въ пѣсняхъ, которыя распѣвала по ночамъ Салге, стало появляться новое лицо: въ нихъ часто упоминалось имя Мемета.

Салге ошибалась, думая, что никто ее не слышитъ, когда она поетъ подъ орѣхомъ.

Былъ человѣкъ, который слышалъ ея пѣсни.

Дворъ, гдѣ расположилась усадьба стараго Халиля, былъ невеликъ, и та часть его, которая выходила на рѣчку, была въ то же время крышей сакли, гдѣ жилъ Куртъ-Аметъ съ своею матерью. Въ горныхъ татарскихъ деревняхъ по большей части бываетъ такъ, что плоская крыша одной сакли составляетъ дворъ для сакли сосѣда, лежащей ступенью выше. Сакля Куртъ-Амета была невзрачная, маленькая, совсѣмъ бѣдная. Насколько бѣленькій, обвитый зеленью домикъ Халиля былъ красивъ и замѣтенъ, настолько жилище сосѣда Халиля было незамѣтно и мрачно. Прижатая къ обрыву холма, стѣсненная съ одной стороны саклей сосѣда, а съ другой скалою, она была похожа на землянку; маленькія подслѣповатыя оконца сакли, выходившія на покривившуюся отъ ветхости галлерейку, смотрѣли въ сторону рѣчки. Дворикъ, обнесенный изгородью, былъ запущенъ. Да и самая сакля часто стояла запертою. Мать Куртъ-Амета, Периде, или возится въ огородѣ, доходность отъ котораго всегда оставляла ей достаточную возможность умереть съ голоду, или была гдѣ-нибудь на поденной работѣ. Периде вела тяжелую и жалкую жизнь. Мужъ ея умеръ рано, и сына она родила уже вдовою. Всѣ на деревнѣ знали, что Куртъ-Аметъ родился отъ эскадронца Гафара, приходившаго въ деревню на побывку. Событіе это создало Периде репутацію распутной женщины и навсегда отчудило ее отъ общества. Периде и сына ея, рожденнаго незаконно, презирали. Это было тяжелое наказаніе за грѣхъ. Отъ слезъ, стыда и обидъ, отъ тяжкой работы съ утра до ночи, Периде въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ выглядѣла совсѣмъ старухой. Та-

тарки вообще старѣютъ рано, но Периде казалась гораздо старше своихъ лѣтъ. Сутуловатая, беззубая, вся въ морщинахъ, съ длиннымъ, неестественно заострившимся отъ худобы лица носомъ, съ глубоко запавшими глазами, она была безобразна.

Сынъ ея, Куртъ-Аметъ, былъ негодяй. Такимъ считали его на деревнѣ, такъ же думала о немъ съ скорбью въ сердцѣ и Периде. Куртъ-Аметъ ненавидѣлъ мать и не скрывалъ этого отъ нея. Съ дѣтскаго возраста онъ былъ предметомъ насмѣшекъ, какъ незаконнорожденный, и глупые попреки мальчишекъ сверстниковъ рано обозлили его и поселили въ его сердцѣ дурное чувство къ матери. Онъ былъ грубъ съ нею, попрекалъ ее за рожденіе свое, иногда билъ ее. Презрительное отношеніе къ нему односельчанъ способствовало развитію въ немъ наклонности къ бродячей жизни. Ему было вольготнѣе на чужихъ людахъ. Куртъ-Аметъ рѣдко бывалъ дома. Онъ больше околачивался по кофейнямъ сосѣднихъ деревень или въ Ялтѣ. Ходить онъ могъ безъ устали, легко дѣлая переходъ въ одинъ день въ Ялту и обратно, а это было верстъ сорокъ сокращенными горными тропами. По горамъ онъ ходилъ такъ же легко, какъ по равнинѣ. Кратчайшій двѣнадцативерстный, но и самый крутой подъемъ отъ Ялты на вершину Яйлы, по конной тропинкѣ на дер. Узень-Башъ, извѣстный у татаръ подъ названіемъ «дохузъ-алянъ-ма» (т. е. девять поворотовъ)—подъемъ, на который непривычный къ горнымъ прогулкамъ туристъ будетъ подниматься, задыхаясь и срываясь чуть не на каждомъ шагу на каменистыхъ осыпяхъ опасной кручи, не менѣе пяти часовъ — Куртъ-Аметъ, съ ношей на спинѣ, шутя дѣлалъ въ какіе нибудь три часа, съ единственнымъ отдыхомъ на вершинѣ, и то больше для того, чтобы покурить и посмотрѣть сверху внизъ на «Южный берегъ».

Куртъ-Аметъ любилъ ходить пѣшкомъ.

Но приволью бродячей жизни сопутствуетъ проголодь. И Куртъ-Аметъ сдѣлался воромъ. Въ первый разъ онъ укралъ съ голоду. Потомъ онъ началъ воровать про запасъ, на черный день, потому что «плохо лежало». Куртъ-Аметъ сталъ попадаться на кражахъ и скоро познакомился съ кордегардіей участка и съ оплеухами полицейскихъ, а затѣмъ получилъ полное понятіе и о мѣстахъ заключенія. Ялта имѣла на него развращающее вліяніе. Она указала ему пути къ легкой наживѣ. Промыселъ крошенымъ табакомъ, неоплоченнымъ акцизомъ, давалъ ловкимъ контрабандистамъ хорошій доходъ. Запретность же этого занятія и связанная съ нимъ опасность строгой отвѣтственности придавала ему особую привлекательность. Дурачить акцизныхъ, проводить за носъ полицію казалось Куртъ-Амету забавнымъ и интереснымъ. И онъ сталъ табачнымъ контрабандистомъ. Куртъ-Аметъ тотчасъ же усвоилъ

себѣ выработанную практикой технику контрабанднаго дѣла. За спиной у него появилась большая плетеная корзина, наполненная яйцами и разной живностью.

— Яйца! Зайца! Куры!—громко выкрикивалъ онъ по русски, расхаживая по Ялтѣ.—Табакъ! Табакъ,—тихонько говорилъ онъ въ то-же время, если встрѣчалъ прохожаго, которому, по его мнѣнію, слѣдовало сообщить о дѣйствительномъ характерѣ своей торговли. Находившіеся въ корзинѣ пищевые продукты фигурировали больше для наружнаго вида и маскировали собою спрятанный въ корзинѣ крошеный табакъ.

Корзина Куртъ-Амета оказывала ему услугу еще въ томъ отношеніи, что открывала ему, какъ разнощику, входъ на всѣ дачи, почти во всѣ кухни. Онъ любезничалъ съ кухарками, которыя его прикармливали для развлеченья, и нерѣдко тащилъ что нибудь изъ вещей, если выпадала удобная минута.

И дѣла Куртъ-Амета шли недурно. Домой онъ приходилъ только за тѣмъ, чтобы накрошить табаку и купить кое-какіе продукты деревенскаго хозяйства для снабженія своей корзины необходимой прикрышкой.

Крошить табакъ приходилось съ большой осторожностью. На деревнѣ Куртъ-Амета не долюбливали, и онъ не довѣрялъ татарамъ. Къ тому же, урядникъ изъ сосѣдней деревни слѣдилъ за нимъ. Акцизные уже были одинъ разъ у него съ обыскомъ. Староста Кара-Али успѣлъ тогда предупредить его о предстоящемъ обыскѣ, приславъ къ нему десятскаго Умеръ-Арифа съ извѣстіемъ о пріѣздѣ акцизнаго, и Куртъ-Аметъ успѣлъ до прихода чиновниковъ уничтожить всѣ слѣды крошки и хорошо припряталъ крошильную машинку. Но не всѣ татары таковы, какъ староста Кара-Али. Куртъ-Аметъ боялся доноса и крошилъ табакъ украдкой, большею частью по ночамъ.

Онъ съ вечера запирался въ сараѣ и при тускломъ свѣтѣ керосиновой лампочки крошилъ табакъ, засиживаясь за работой часами, иногда до самаго утра...

Куртъ-Аметъ и былъ тѣмъ человѣкомъ, который слышалъ пѣніе Салге по ночамъ...

IV.

Пѣніе сосѣдки нравилось Куртъ-Амету и мѣшало ему работать.

Пѣсни были такъ хороши, а голосъ дѣвушки такъ грустенъ и нѣженъ, что крошильный ножъ невольно останавливался въ его рукѣ. Куртъ-Аметъ смотрѣлъ на тусклый ого-

некъ чуть слышно горѣвшей лампы и, затаивъ дыханіе, прислушивался къ раздававшемуся въ тишинѣ ночи голосу.

Иногда, чтобы лучше слышать пѣніе, контрабандистъ оставлялъ работу, тихонько выходилъ изъ сарая во дворъ и, прячась въ тѣни навѣса, подолгу оставался стоять, напрасно стараясь разглядѣть дѣвушку. Въ темнотѣ ничего не было видно, но Куртъ-Аметъ по звукамъ голоса зналъ, что Салге сидитъ подъ деревомъ, у себя на дворѣ. Пѣніе то прекращалось, то раздавалось вновь и доставляло Куртъ-Амету какое-то особенное, никогда не испытанное ощущеніе удовольствія.

— Какъ хорошо поетъ Салге!—думалъ онъ, забываясь.

Куртъ-Аметъ и Салге, какъ близкіе сосѣди, росли вмѣстѣ, постоянно видѣли другъ друга, и Куртъ-Аметъ совсѣмъ не замѣтилъ, какъ Салге стала «большою». Казалось, еще такъ недавно было время, когда они, въ компаніи съ другими дѣтьми, въ жаркіе лѣтніе дни съ утра до вечера полоскались въ ручьѣ и, шаля и хохоча, бѣгали, разбрызгивая воду по каменистому руслу его. Это было въ первомъ возрастѣ дѣтства, когда всѣ равны между собою, дружны и счастливы.

Съ возрастомъ все это утратилось.

До самаго послѣдняго времени Куртъ-Аметъ не замѣчалъ Салге. Онъ видѣлъ ее постоянно, но она какъ бы не существовала для него. Дѣвченка, какъ дѣвченка—такая же, какъ и всѣ. Такъ смотрѣлъ онъ на нее. Куртъ-Аметъ даже не долюбливалъ Салге, невольно перенося на нее непріязнь, которую питалъ къ отцу ея: Халиль ненавидѣлъ Куртъ-Амета, молодой татаринъ зналъ это и платилъ старику тѣмъ же.

Пѣніе, которое онъ слышалъ по ночамъ, возбудило теперь его вниманіе къ Салге, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что Салге уже не дѣвченка, что изъ нея формируется женщина. Только теперь онъ замѣтилъ, что она хорошенькая.

Однажды онъ былъ у плетня въ своемъ дворѣ и видѣлъ, какъ Салге, размахивая конусообразнымъ кувшиномъ изъ бѣлаго желѣза, весело прыгая съ камня на камень, сбѣжала по крутому спуску къ фонтану за водой. Она была стройна, ловка и граціозна.

— Козочка дикая!—подумалъ онъ, заглядываясь на Салге.

Молодая дѣвушка заинтересовала его. Онъ сталъ чаще бывать дома и искалъ встрѣчи съ нею. Онъ становился около плетня, за которымъ, въ узкомъ проходѣ между саклями, круто спускалась тропинка; по этой тропинкѣ Салге должна была проходить къ фонтану или въ садъ, гдѣ Халиль былъ на работѣ, и подстерегалъ ее. Когда она шла, уже издали слышалъ онъ шуршанье ея шароваръ, и сердце его начинало биться. Онъ не отводилъ отъ нея глазъ. Живая, стройная фигурка

Салге, дышавшая соблазнительной прелестью юной женщины, возбуждала въ немъ любовь.

Салге смущалъ его пристальный взглядъ.

Что ему надо? Зачѣмъ онъ сталъ такъ часто встрѣчаться? Салге враждебно смотрѣла на Куртъ-Амета. Чувство непріязни къ молодому сосѣду было давно и незамѣтно внушено ей отцомъ и всѣми другими. Всѣ называли Куртъ-Амета дурнымъ человѣкомъ, порицали и осуждали его. Все было нехорошо въ немъ. Онъ былъ незаконный сынъ. Онъ былъ воръ. Салге знала, что воровать—большой грѣхъ. Къ тому же, онъ былъ золъ, бранился съ матерью, обижалъ ее. Потомъ у него были желтые, какъ у хищной птицы, глаза. И вся наружность его казалась Салге отталкивающей...

Куртъ-Аметъ рѣшился заговорить съ Салге.

Онъ подстерегъ ее на тропинкѣ, когда она шла домой, и перегородилъ дорогу.

Салге отшатнулась и испуганно глядѣла на него.

— Здравствуй, Салге!—сказалъ онъ.

Куртъ-Аметъ хотѣлъ говорить ласково, но голосъ его, по привычкѣ, звучалъ грубо. Онъ не могъ совладать съ собою.

— Что тебѣ нужно?

— Ничего не нужно... Какъ поживаешь?..

— Отстань! Пусти съ дороги!—говорила Салге, начиная сердиться.

Но Куртъ-Аметъ не хотѣлъ посторониться.

— Чего глядишь на меня колючкой?—сказалъ онъ грубо.

— Пошелъ, ты! Чего присталъ? Дай дорогу!

Онъ все стоялъ. Съ минуту они глядѣли другъ на друга.

— Ты стала красавица, Салге!—сказалъ онъ, любуясь ею.

Салге вспыхнула, толкнула его и, прорвавшись, быстро взбѣжала наверхъ. Войдя въ калитку своего двора, она остановилась и обернулась. Лицо ея пылало, и сердце билось отъ негодованія.

Куртъ-Аметъ стоялъ на томъ же мѣстѣ и угрюмо смотрѣлъ на нее.

— Дуракъ!—крикнула ему Салге и скрылась.

Куртъ-Аметъ зналъ, что ухаживанія его за Салге не могутъ имѣть успѣха. И всетаки ему стало больно, что она отнеслась къ нему такъ недружелюбно. За что? Вѣдь онъ не сдѣлалъ ничего дурного и не сказалъ ничего обиднаго.

Послѣ этого случая онъ исчезъ изъ деревни и долго не возвращался.

Однако, недѣли двѣ спустя Салге опять увидѣла Куртъ Амета на обычномъ мѣстѣ. Онъ стоялъ, облокотившись на плетень, и издали слѣдилъ за ней глазами.

Салге шла изъ сада, таща съ собою тяжелую мотыгу.

Увидѣвъ Куртъ-Амета, она ускорила шаги и хотѣла пробѣжать мимо, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ его.

Но онъ опять заговорилъ съ нею.

— Здравствуй, Салге! Зачѣмъ такъ бѣжишь?.. Вотъ тебѣ цвѣты... Возьми!

Онъ протягивалъ букетикъ подснѣжниковъ, которые нарвалъ для нея, возвращаясь лѣсомъ изъ Ялты.

Салге остановилась и сказала ему:

— Отвяжись ты! Не надо мнѣ твоихъ цвѣтовъ. Отстань, а то... вотъ!..

И она замахнулась на него мотыгой.

— Что-жъ? Ударь!

— Не смѣй смотрѣть на меня такъ и подстерегать...

— Развѣ и смотрѣть на тебя нельзя?

— Нельзя... Я не хочу!.. Ты не смѣешь преслѣдовать меня...

Она, какъ и въ тотъ разъ, вся покраснѣла и отъ смущенія не знала, что сказать.

Куртъ-Аметъ машинально обрывалъ лепестки съ цвѣтовъ, которыхъ она не захотѣла принять отъ него.

— Я тебѣ не сдѣлалъ зла, Салге! Зачѣмъ ты такая сердитая?..—сказалъ онъ и взглянулъ ей въ глаза.

— Я не хочу, чтобы ты приставалъ ко мнѣ... Вся деревня знаетъ, кто ты такой... Ты дурной человѣкъ... я не хочу тебя знать!.. И ты не смѣй меня караулить здѣсь! Слышишь? А то отцу скажу. Онъ побьетъ тебя!

И, проговоривъ это, Салге убѣжала.

Куртъ-Аметъ долго стоялъ на томъ же мѣстѣ и задумчиво продолжалъ обрывать цвѣты подснѣжниковъ. Жестокія слова дѣвушки глубоко оскорбили его. Въ немъ закипала жгучая ненависть къ своему прошлому, къ матери, которая была первой виновницей всѣхъ его несчастій, къ односельчанамъ, наложившимъ на него печать отверженія, къ самой красавицѣ Салге за обидныя слова ея, за то, что она съ презрѣніемъ отталкиваетъ его любовь.

Онъ пришелъ къ себѣ въ саклю и, весь дрожа въ ярости, сталъ кричать на мать.

На шумъ сбѣжались люди. Пришелъ староста Кара-Али, спустился во дворъ къ сосѣду и старый Халилъ. Порядокъ давно уже былъ водворенъ, и Куртъ-Аметъ, которому помяли бока, далеко шагалъ въ горахъ, направляясь въ Ялту,—а татары все еще галдѣли во дворѣ его дома, обсуждая происшествіе.

— Проклятый человѣкъ!—сказалъ Кара-Али, вытирая съ лица потъ.

— Шайтанъ, а не человѣкъ!—подтвердилъ старый Халилъ.

И оба пріятеля направились въ кофейню Муслюма, чтобы выпить кофе и успокоиться.

V.

День Курбанъ - байрама Куртъ-Аметъ провелъ въ Ялтѣ.

Это было въ исходѣ марта. Весна согрѣла воздухъ и пробуждала къ жизни природу. На вершинѣ Яйлы и кое-гдѣ въ трещинахъ скалъ еще лежалъ, сверкая на солнцѣ и рѣзко выдѣляясь на обрѣзѣ синяго неба, снѣгъ минувшей зимы, но животворное солнце могучей южной весны быстро дѣлало свое дѣло. Сады и лѣсъ, и склоны горъ—все съ каждымъ днемъ оживало, все одѣвалось въ свѣжій, свѣтло-зеленый нарядъ. Въ ущельяхъ горъ и надъ лѣсными оврагами нарождались легкія, молочно бѣлыя, прозрачныя облака; они быстро скользили по склонамъ горъ, поднимались надъ Яйлою и неожиданно таяли въ лучахъ солнца. Казалось, это душа умершей зимы отлетаетъ къ Богу, чтобы никогда болѣе не возвращаться на землю. Остывшее за зиму море было спокойно; гладкая поверхность его ослѣпительно блестѣла на солнцѣ. Подальше отъ берега, надъ моремъ, тамъ и сямъ поднимались испаренія, и горизонтъ сливался съ небосклономъ. Несмѣтныя стаи баклановъ черной тучей перелетали съ мѣста на мѣсто, оглашая море своимъ страннымъ гортаннымъ крикомъ. Это близко отъ берега идутъ полчища «хамсы», и бакланы преслѣдуютъ ее. За маленькой «хамсой» идетъ бѣлуга и осетръ, и рыбачьи баркасы съ Судакскихъ рыбныхъ заводовъ въ безчисленномъ множествѣ снуютъ по морю, разставляя крючья. Это тоже своего рода стая хищныхъ птицъ, эти лодки-рыбалки съ косыми латинскими парусами, день и ночь, въ неутомимой погонѣ за рыбой, проводящія въ морѣ, не смотря ни на туманъ, ни на вѣтеръ, ни на какую погоду. Но лихіе пловцы видны не только въ морѣ: зоркій глазъ легко различитъ ихъ и въ небѣ. Въ безпредѣльной синевѣ его здѣсь и тамъ парятъ, не дрогнувъ громадными крыльями, орлы, жители скалистой сосѣдки Чатыръ Дага, горы Демерджи. Орлы обрадовались веснѣ и гуляютъ въ безпредѣльной вышинѣ, вдыхая тонкій ароматъ сосновыхъ лѣсовъ, поднимающійся отъ согрѣтой солнцемъ земли, запахъ сырости, доносящійся съ моря. И завидно важнымъ орламъ глядѣть изподнебесья на пиръ баклановъ, на добычливую охоту человѣка! Едва видныя съ земли, царственныя птицы кричатъ что-то другъ другу...

Телеграмма изъ Константинополя о наступленіи байрама получилась утромъ.

Извѣстія этого ожидали съ нетерпѣніемъ, потому что ра-

мазанъ,—скучный постъ,—надоѣлъ и тяготилъ всѣхъ. Тотчасъ же по всѣмъ направленіямъ вскачь понеслись верховые, разнося по всему Крыму радостную вѣсть:

— Курбанъ-байрамъ насталъ!

И полилась невинная овечья кровь. Отощавшіе татары лакомятся сегодня бараниной. Только развѣ самый бѣдный татаринъ не рѣжетъ въ этотъ день ягненка.

Какъ только радостная вѣсть о наступленіи байрама достигала до татарскихъ поселеній, тотчасъ же начинался шумный праздникъ. Оглушительные удары и мелкая дробь огромнаго «даула» *) всюду повторялись горнымъ эхо. Звуки скрипки и пронзительной зурны неслись, сливаясь и перекрещиваясь, по всѣмъ направленіямъ, и, кажется, нѣтъ мѣста ни въ горахъ ни въ лѣсахъ, гдѣ не было бы слышно въ этотъ день отчаяннаго вопля зурны, громкихъ ударовъ татарскаго барабана.

Куртъ-Аметъ бродилъ на праздникѣ съ пріятелемъ, такимъ же, какъ и онъ, контрабандистомъ, цыганомъ Бекиромъ изъ деревни Узень Башъ. Пріятели оставили свои корзины въ кофейнѣ и гуляли. Они смотрѣли, какъ ялтинскіе проводники, разодѣвшись въ праздничные бешметы, пробуя ходъ застоявшихся за зиму коней шлапаковъ, разъѣзжали по набережной верхами. Потомъ ходили въ лежащую близъ Ялты деревню Дерекой, слушали тамъ музыку, смотрѣли, какъ татарскія дѣвушки, собравшись на земляной крышѣ одной сакли, водятъ хороводъ. Хороши были дѣвушки въ богатыхъ, блестѣвшихъ золотомъ, праздничныхъ нарядахъ, и пѣсни, которыя онѣ пѣли, танцуя, понравились Куртъ-Амету; но сосѣдка Салге была лучше, и звучныя пѣсни ея были нѣжнѣе и пріятнѣе... Куртъ-Аметъ любилъ Салге, и праздникъ не радовалъ его. Онъ тосковалъ, потому что не имѣлъ надежды на счастье! Изъ Дерекоя Бекиръ повелъ Куртъ-Амета гулять въ горы. Они долго сидѣли на холмѣ «Дарсана», откуда видны были море и вся Ялта. Бекиръ игралъ на кларнетѣ и искусно выдѣлывалъ веселыя рулады и трепетныя трели. Онъ ждалъ, что товарищъ похвалитъ его игру, но Куртъ-Аметъ молчалъ и вовсе не слушалъ, какъ цыганъ играетъ. Онъ думалъ о томъ, что Салге не любитъ его.

Вечеръ. Кофейня турка Юсуфа полна народомъ. Это настоящая турецкая кофейня, гдѣ подается лучшій кофе, а чебуреки и шашлыки приготовляютъ такіе, какихъ нѣтъ во всей Ялтѣ. Повара въ красныхъ фескахъ и бѣлыхъ фартукахъ сбились съ ногъ, потому что не успѣваютъ удовлет-

*) Даулъ—большой барабанъ. Съ одной стороны въ него бьютъ колотушкой; съ другой стороны есть палочка, которая, отъ сотрясенія, бьетъ мелкую дробь.

ворять всѣмъ требованіямъ. Хозяинъ Юсуфъ очень доволенъ. Онъ улыбается, то и дѣло привѣтствуетъ все новыхъ и новыхъ гостей земляковъ и слѣдитъ, чтобы прислуживающіе гостямъ мальчики были расторопны.

Посѣтители кофейни Юсуфа—все больше турки, рабочіе плантажники *) изъ окрестныхъ экономій, хамалы **) съ пароходной пристани и проч. Сегодня, по случаю байрама, всѣ гости Юсуфа въ сборѣ, и въ кофейнѣ едва можно протолкаться. Всѣ скамьи вдоль стѣнъ, всѣ столики заняты, и еще многимъ приходится стоять. Въ кофейнѣ веселье.

Гости разодѣты по праздничному, въ яркіе, разныхъ цвѣтовъ «кольмеки» (рубашки), въ новенькія малиновыя фески. Въ одномъ углу кофейни безъумолку играютъ музыканты. Ихъ двое. У одного—зурна, у другого — скрипка. Это не та аристократка скрипка, которую мы знаемъ, съ геніально задуманными выпуклыми деками и резонирующими извилинами, столь простого, на первый взглядъ, рисунка. Нѣтъ. Это инструментъ примитивный, можетъ быть доисторическій прототипъ нынѣшней царицы инструментовъ. Скрипка, на которой играютъ въ кофейнѣ турка Юсуфа, это неполированная деревянная коробочка, полая внутри, узенькая, похожая на длинный пеналъ; на коробочкѣ этой натянуто четыре струны; смычекъ тоже нисколько не похожъ на современный смычекъ; это туго натянутый, изогнутый дугою, лукъ. Музыкантъ склонилъ на бокъ голову и царапаетъ этимъ страннымъ смычкомъ свою сѣренькую скрипочку; и инструментъ издаетъ бѣдные, негромкіе, какіе-то жалостные звуки. Напротивъ, зурна кричитъ такъ громко, что слышна далеко въ городѣ. Музыканты играютъ. Вся мелодія сплетается изъ нѣсколькихъ нотъ, въ минорномъ тонѣ, и варьируется въ разныхъ комбинаціяхъ. Въ этомъ странномъ сочетаніи рѣзкихъ звуковъ зурны и едва слышной скрипки—крика отчаянія и тихихъ, меланхолическихъ слезъ—есть что то оригинальное и трогающее.

Вотъ гости Юсуфа тѣснятся ближе къ музыкантамъ и поютъ въ унисонъ съ зурною. Турки поютъ пѣсню, въ которой говорится про чудныхъ дѣвъ, гуляющихъ въ райскомъ саду; онѣ прекрасны и нѣжны, какъ розы и фіалки; но Шахъ Смаилъ не глядитъ на нихъ, потому что любитъ одну Кулле Заре; чудныя дѣвы рая одѣты въ разноцвѣтныя одежды изъ шелка и

---

*) Плантажъ—мѣсто, воздѣланное подъ виноградную плантацію. «Бить плантажъ», т. е. разрыхлять почву на 5 четв. въ глубину, тяжелая земляная работа, которую преимущественно исполняютъ на южномъ берегу Крыма пришлые чернорабочіе турки.

**) «Хамалы»—на Кавказѣ «муши»—переносчики тяжестей. Въ Ялтѣ хамалами называютъ портовыхъ рабочихъ, занимающихся выгрузкой и нагрузкой судовъ.

парчи; одежды расшиты драгоцѣнными камнями, но между дѣвами нѣтъ ни одной, которая была бы лучше Кулле Заре; чудныя дѣвы гуляютъ въ саду—ихъ круглыя, бѣлоснѣжныя перси съ брилiантовыми сосками такъ соблазнительны! Нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который былъ-бы достоинъ избрать изъ этихъ дѣвъ себѣ жену! — Но Шахъ Смаилъ не глядитъ на нихъ, потому что ни одна изъ нихъ не похожа на Кулле Заре; онъ горитъ любовью къ Кулле Заре, но ее не хотятъ отдать за него!..

Уже поздно, но гости Юсуфа не расходятся. Веселье разгорается. Въ ночной тиши далеко разносится грохотъ. Это турки пустились танцовать. Маленькiй курдъ музыкантъ, въ узенькихъ внизу и широкихъ у поясницы штанахъ, собранныхъ сзади въ сборку, что дѣлаетъ его похожимъ на курдючнаго барана, стоитъ среди кофейни и играетъ на зурнѣ. Танцующiе водятъ вокругъ хороводъ, взмахиваютъ руками и притопываютъ; и отъ топота этого дрожитъ вся кофейня, дребезжатъ стекла и посуда на столахъ. Кто-то командуетъ, и всѣ вдругъ нападаютъ на маленькаго курда и опять отпрыгиваютъ назадъ, и опять нападаютъ. Раздаются ободрительныя восклицанiя; зурна зудитъ и зудитъ... Такъ танцуютъ часъ, другой, одушевляются все больше и больше—и покрикиваютъ на музыканта, чтобы не смѣлъ уставать. Рубахи на танцорахъ мокры отъ поту. То и дѣло кто нибудь выходитъ изъ хоровода, торопливо мѣняетъ промокшiй «кольмекъ» на свѣжiй, нарочно для танцевъ припасенный, и, переодѣвшись, опять бросается въ цѣпь танцующихъ. Маленькiй курдъ покачиваетъ головой, повязанной вокругъ фески платочкомъ, и, красный отъ натуги, съ потоками пота на лицѣ, изъ послѣднихъ силъ дуетъ въ свою трубку, быстро перебираетъ по ней пальцами... И зурна все зудитъ и зудитъ, и полъ все грохочетъ подъ ударами дюжихъ ногъ, гости Юсуфа все танцуютъ, мѣняютъ мокрые кольмеки и опять танцуютъ... «Играй музыкантъ!» Но маленькiй курдъ видимо ослабѣваетъ, зурна попискиваетъ что то не то,—музыка вотъ-вотъ перестанетъ! Тогда къ потному лбу музыканта приклеиваютъ нѣсколько серебрянныхъ монетъ. Маленькiй курдъ благодаритъ глазами и, прежде чѣмъ деньги успѣваютъ отклеиться и упасть, быстрымъ движенiемъ руки смазываетъ монеты въ жилетный карманъ, и звуки зурны опять оживляются, музыка играетъ веселѣе... А турки все танцуютъ и танцуютъ, и нѣтъ конца ихъ изнурительной забавѣ. «У насъ одинъ праздникъ въ году!—говорятъ они: — веселиться такъ веселиться!»

— Играй музыкантъ!—кричатъ то и дѣло, и монеты вновь появляются на лбу умирающаго отъ усталости маленькаго курда.

Куртъ-Аметъ былъ въ этотъ день въ числѣ гостей кофейни

турка Юсуфа. Онъ сидѣлъ у стола, склонивъ голову на руки, и думалъ о Салге. Салге такъ хороша! Нѣтъ лучше дѣвушки на свѣтѣ! Козочка, милая!... Онъ слышалъ, какъ пѣли пѣсню про райскихъ дѣвъ, и думалъ о томъ, что и у него есть Кулле Заре—сосѣдка Салге, дочь Халиля—которую онъ любитъ и которую—онъ зналъ это—никогда не отдадутъ за него!

И ударилъ Куртъ-Аметъ тяжелой ладонью по столу. Онъ рѣшилъ самъ съ собою, что посватаетъ Салге! Отдастъ Халиль дочь за него—онъ женится на ней и заживетъ честной жизнью, какъ всѣ. А не отдастъ—тогда онъ знаетъ, что сдѣлаетъ!

Куртъ-Аметъ не зналъ еще тогда, что онъ сдѣлаетъ... Угроза вырвалась у него сама собою изъ наболѣвшаго сердца...

VI.

Въ тотъ день въ деревнѣ только и было разговору, что о сватовствѣ Куртъ-Амета.

— Слыхалъ?.. Куртъ-Аметъ посваталъ Салге!..

— Вотъ, что выдумалъ!?

И татары принимались хохотать, потому что всѣхъ смѣшила эта новость.

Старая Периде плакала. Она знала, что изъ сватовства сына ничего, кромѣ скандала, не выйдетъ. Она просила, со слезами умоляла Куртъ-Амета отказаться отъ этой мысли,—вѣдь Халиль никогда не дастъ своего согласія на этотъ бракъ, и на ихъ долю выпадетъ одинъ позоръ, одно напрасное униженіе, насмѣшки всей деревни...

Но Куртъ-Аметъ былъ упрямъ и стоялъ на своемъ. Онъ требовалъ, чтобы Периде шла говорить о его предложеніи Халилю.

— Не твое дѣло, а мое! ступай, когда посылаю! А то берегись, опять задамъ тебѣ!—сказалъ онъ, замахнувшись на мать рукою.

И старухѣ пришлось покориться. Периде накинула платокъ и пошла.

Но какъ сказать такую вещь Халилю? Старикъ вспыльчивъ и силенъ! Периде не сомнѣвалась, что онъ разсердится ужасно. «Схватитъ что попадется подъ руку, и убьетъ на мѣстѣ!»—со страхомъ думала старуха.

Периде не посмѣла явиться къ Халилю. Она пошла къ тетушкѣ Заиде.

«Тетушка Заиде», какъ звали ее на деревнѣ, была сестра Халиля и жила близко, черезъ одну саклю, отъ Периде. Она была замужемъ за Абибуллой и имѣла цѣлую кучу дѣтей. Абибулла былъ человѣкъ смиренный и молчаливый, тетушка Заиде

была особа крикливая. Масса дѣтей, которыхъ она безъ отдыху изъ года въ годъ вскармливала и должна была воспитывать, сдѣлали ее раздражительной. Слишкомъ большое, непосильное одному человѣку, количество домашнихъ и семейныхъ обязанностей, при крайней апатичности мужа, вынуждало ее управлять домомъ самовластно, съ стремительной, не терпящей возраженій, рѣшительностью. Иначе невозможно было бы передѣлать за день всего, что нужно было сдѣлать по хозяйству. Дѣтямъ своимъ Заиде не скупилась раздавать подзатыльники и колотушки, а Абибулла, котораго, какъ говорила строгая тетушка Заиде, хватало только на то, чтобы производить на свѣтъ дѣтей, былъ загнанъ въ своей семьѣ въ дальній уголъ. Сознавая, что въ упрекахъ свирѣпой жены есть доля справедливости, Абибулла молчалъ и переносилъ свое положеніе опальнаго мужа съ покорностью, причемъ работалъ для семьи, какъ волъ. Однако, при всей своей раздражительности, сварливая тетушка не была лишена извѣстнаго добродушія. Когда Куртъ-Аметъ избилъ Периде, и старуха, забытая всѣми, лежала больная въ своей саклѣ, не имѣя ничего въ домѣ, чтобы поѣсть, тетушка Заиде приходила ее лечить и, давъ подзатыльникъ маленькому Смаилу, посылала его отнести больной старухѣ оставшуюся отъ семейнаго обѣда баклу *).

Услышавъ, что говоритъ плачущая Периде, тетушка Заиде не повѣрила ушамъ своимъ.

— Какъ? Куртъ-Аметъ сватается? За племянницу? За красавицу?.. Твой уродъ? Воръ и мошенникъ хочетъ жениться на Салге? Да какъ ты, старая чертовка, посмѣла объ этомъ сказать мнѣ? Да вы оба, и ты, и желтоглазый сынъ твой, съ ума сошли. Вонъ пошла! Проваливай, негодная потаскушка! Вонъ отсюда!

Заиде кричала и, внѣ себя, пинками выпроводила дерзкую сосѣдку за калитку своего дома. Тетушка Заиде бросила на произволъ судьбы обѣдъ, который готовила и, накинувъ наскоро головной платокъ, поспѣшно отправилась къ брату сообщить удивительную новость.

Если тетушка Заиде такъ обидѣлась сватовствомъ Куртъ-Амета за ея хорошенькую племянницу, то ни съ чѣмъ не сообразное домогательство сосѣда тѣмъ болѣе оскорбило стараго Халиля.

Старикъ совсѣмъ вышелъ изъ себя и надѣлалъ шуму на всю деревню.

Какъ былъ, въ однихъ носкахъ и жилетѣ, выскочилъ старикъ на дворъ и побѣжалъ на крышу сакли сосѣда. Не помня себя, красный отъ негодованія, Халиль кричалъ и бранился, размахивалъ руками и грозился кулакомъ. Кисточка фески

*) Бакла—соусъ изъ фасоли.

подпрыгивала на его головѣ, описывая круги, и ужъ по ней издали можно было судить, какъ сильно сердится ея хозяинъ.

Куртъ-Аметъ стоялъ у себя во дворѣ, скрестивъ руки, и молча выслушивалъ ругательства Халиля. Онъ угрюмо молчалъ и смотрѣлъ въ землю. Дождавшись, когда сыпавшаяся на его голову сверху брань возмущеннаго старика на минуту прекратилась, потому что Халилю нужно было перевести духъ, Куртъ-Аметъ вдругъ встряхнулъ головою и громко сказалъ:

— А чѣмъ я хуже другихъ?

Еслибы кто-нибудь сказалъ Халилю, что нѣтъ Бога въ небѣ, то эти дерзкія слова не возмутили бы его такъ, какъ восклицаніе Куртъ-Амета.

— Ты... Ты...

Халиль поперхнулся, закашлялся, затопалъ ногами... Лицо старика побагровѣло, потомъ посинѣло—глаза налились кровью. Кисточка на фескѣ его неистово подпрыгнула и вдругъ спокойно повисла. Это былъ опасный моментъ. Старикъ былъ сложенія апоплексическаго и очень полнокровенъ. Могло кончиться худо.

Пуговица на воротѣ его рубашки оторвалась и, благодаря этому, сладивъ съ охватившимъ его удушьемъ, Халиль, наконецъ, визгливо закричалъ:

— С-собака!

Онъ готовъ былъ упасть на землю, такъ ему вдругъ стало худо.

Староста Кара Али, прослышавшій уже о скандалѣ во дворѣ своего пріятеля, подоспѣлъ какъ разъ во время, чтобы поддержать старика. Онъ увелъ трясущагося и фыркавшаго Халиля домой и старался его успокоить.

Но Халиль не могъ успокоиться.

— Дайте мнѣ ножъ! Я хочу его зарѣзать! Пусти!—кричалъ онъ и рвался вонъ изъ сакли.

Но дюжій староста не пускалъ.

Между тѣмъ, освободившееся послѣ ухода Халиля мѣсто на крышѣ сакли Периде уже давно заняла тетушка Заиде.

Она имѣла большой навыкъ кричать и не боялась удара, какъ не боялась ничего на свѣтѣ.

Тетушка Заиде дала полную волю своимъ возмущеннымъ чувствамъ, и бывшій въ саклѣ своей Куртъ-Аметъ удивлялся только, откуда знаетъ столько бранныхъ словъ и какъ можетъ произносить ихъ безъ передышки взбѣсившаяся баба. Тетушка кричала на крышѣ долго и такъ ужасно громко, что во дворъ Халиля сталъ сходиться народъ. Когда, наконецъ, Халиль вырвался отъ старосты и пришелъ на смѣну сестрѣ, чтобы еще поругать нахала Куртъ-Амета, во дворѣ уже гудѣла, обсуждая происшествіе, цѣлая толпа татаръ со всѣхъ концовъ деревни.

Настал вечеръ, въ деревнѣ зажигались огни, а многочисленная семья тетушки Заиде все еще оставалась безъ матери. Старшая дочка тетушки Заиде, шестнадцатилѣтняя Эмене Шерфе, доварила брошенный матерью на огнѣ обѣдъ и накормила маленькихъ братцевъ и сестрицъ.

Вечеромъ пришелъ съ работы и тоже пообѣдалъ одинъ отецъ семейства Абибулла,—а тетушка Заиде все не возвращалась. Во дворѣ Халиля и теперь еще, какъ отдаленный громъ изъ уходящей по горизонту грозовой тучи, отъ времени до времени слышались усталые сердитые голоса. Халиль и сестра его все еще не могли успокоиться и отъ времени до времени выходили на дворъ, чтобы еще что нибудь добавить къ сказанному, послать Куртъ-Амету еще новое бранное слово.

Нѣтъ-нѣтъ, и опять слышно, какъ въ вечерней тиши кричитъ охрипшій Халиль, или звонко затараторитъ Заиде. Но во дворѣ Куртъ-Амета все тихо, и только лаютъ на деревнѣ взбудораженныя собаки.

— Вотъ какъ долго кричитъ сегодня ваша мать!—сказалъ усмѣхнувшись Абибулла, обращаясь съ этимъ неожиданнымъ заявленіемъ къ своему семейству.

Дѣти ничего не отвѣтили отцу и только посмотрѣли ему въ ротъ. Абибулла такъ давно не говорилъ, что всѣ удивились, услышавъ вдругъ его голосъ.

Наконецъ, уже староста Кара Али протурилъ тетушку Заиде домой, а Халиля увлекъ съ собой провести вечеръ въ кофейнѣ. Въ деревнѣ все успокоилось. Тихая, теплая весенняя ночь потушила послѣдніе отблески ушедшаго за горы солнца и, казалось, приглашала людей соблюдать тишину и миръ. Въ воздухѣ чудно пахло молодой зеленью распускавшихся тополей, вѣяло пріятной прохладой. Въ заросли надъ рѣчкой птица громко кричала «сплю». Чья-то рука-невидимка зажигала въ небѣ звѣзды, сначала близкія къ землѣ, потомъ повыше, потомъ и дальнія, самыя маленькія, чуть видныя. Возвращаясь ночью изъ кофейни, уставшій отъ пережитаго оскорбленія, Халиль долго стоялъ у воротъ своего дома, заглядѣвшись на роскошное небо. Онъ смотрѣлъ на мерцавшія разноцвѣтныя звѣзды и думалъ о дочери.

— Неужели она уже взрослая? Какъ летитъ время! Милая дѣвочка! Что съ нею будетъ?

Онъ вздохнулъ и вошелъ въ саклю. Салге спала и не слышала, какъ вошелъ и склонился надъ нею отецъ. А старикъ долго стоялъ надъ дочерью, любуясь, какъ она спитъ, прислушиваясь къ ея дыханію.

— Моя красавица! Храни тебя Богъ!—шептали его губы.

Старикъ пошелъ къ себѣ, сталъ на колѣни и долго молился Аллаху. Онъ громко вздыхалъ и ударялъ головой объ полъ...

VII.

Халиль долго не могъ заснуть эту ночь...

Сватовство Куртъ-Амета не выходило у него изъ головы. Ну, пусть ужъ Куртъ-Аметъ, дрянной, испорченный мальчишка возмечталъ жениться на дѣвочкѣ, но какъ же староста, умный человѣкъ, не видитъ, что Салге еще такъ молода? Старый дуракъ Кара Али сватаетъ Салге своему Эреджепу! Пять тысячъ рублей за выводъ предлагаетъ!

— Взбѣсились они, что-ли? Да вѣдь Салге дѣвочка. Она еще конфекты кушаетъ,—думаетъ старикъ, ворочаясь съ боку на бокъ.

И онъ припоминалъ, какъ Кара Али хвалилъ сегодня въ кофейнѣ Салге. Староста говорилъ, что Салге красавица, что она всѣмъ парнямъ на деревнѣ нравится... И Халилю было пріятно это слышать. Но вѣдь если всѣ это говорятъ, значитъ, и вправду Салге уже невѣста? Какъ же это онъ, Халиль, этого не видитъ, точно проспалъ все время?...

Старикъ кряхтѣлъ, вздыхалъ и думалъ о томъ, что онъ ужъ старъ, что скоро придетъ время помирать.

— Охъ, скоро! Совсѣмъ скоро! Не успѣешь оглянуться!

Халиль уснулъ поздно, передъ самымъ утромъ, и ему снилось, что передъ нимъ, съ бубномъ въ рукѣ, танцуетъ Салге, а гости, которыхъ много сошлось въ саклю, восхищаются ею. Салге стучитъ въ бубенъ и стучитъ такъ громко... Халиль вдругъ вскочилъ и сѣлъ на постели.

Въ небольшомъ окнѣ сакли брезжилъ разсвѣтъ.

— Отворяй, чортъ!—кричалъ чей-то голосъ по-русски. Голосъ этотъ казался Халилю знакомымъ. Старикъ понялъ, что стучатъ и кричатъ гдѣ-то на дворѣ.

— Отецъ! Полиція!—сказала испуганнымъ голосомъ Салге, просовываясь въ двери.

Халиль поспѣшно одѣлся и вышелъ. Было очень рано. Утро было прохладное; надъ рѣчкой и садами стоялъ туманъ; все было смочено росою. Деревня еще спала. Халиль осмотрѣлся и тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло. Во дворѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда вчера онъ и тетушка Заиде кричали на Куртъ Амета, стоялъ акцизный, въ формѣ, съ шашкой черезъ плечо и большимъ, на зеленомъ шнурѣ, револьверомъ у бока. На улицѣ съ закинутыми на заборъ поводами стояли верховыя лошади. Внизу, во дворѣ Куртъ-Амета и въ проходѣ, что велъ къ фонтану, опять были видны акцизные, а дальше, на дорогѣ у рѣчки, стояли конные урядники.

Дворъ Куртъ-Амета былъ окруженъ. Въ самомъ дворѣ, перебѣгая отъ одного окна сакли къ другому и то и дѣло стуча

рукояткой шашки въ запертыя двери, суетился маленькій приставъ Дьяконовъ.

Это онъ кричалъ: «Отворяй, чоръ!»

Халилъ видѣлъ эту картину не въ первый разъ.

— Обыскъ!—сказалъ онъ самъ себѣ и спустился во дворъ къ сосѣду.

Салге вышла изъ сакли и тоже стала смотрѣть, что будетъ.

Приставъ Дьяконовъ продолжалъ отчаянно стучаться въ двери.

— Куртъ Аметъ! Отворяй! Нечего тамъ! Двери ломать прикажу!—кричалъ онъ.

Но внутри сакли все было тихо, и двери не отворялись.

Дьяконовъ подошелъ къ окну и, загородившись отъ свѣта руками, посмотрѣлъ внутрь дома.

— Вонъ они! Суетятся оба! А-га! Попались голубчики?.. Отворяй, каналья! А то сейчасъ сломаю двери!—закричалъ приставъ, стучась въ окно.

Двери вдругъ съ шумомъ отворились и изъ сакли стрѣлой вылетѣлъ Куртъ-Аметъ. За спиной у него былъ какой-то мѣшокъ.

— Стой! Стой!—закричалъ приставъ Дьяконовъ и бросился, чтобы схватить Куртъ-Амета, но не успѣлъ. Быстроногій татаринъ бѣжалъ слишкомъ скоро. Однако, выскочить было некуда. Куртъ-Аметъ увидѣлъ, что всѣ выходы со двора заняты. Метнулся Куртъ-Аметъ по двору, какъ звѣрь, окруженный на облавѣ! Не хотѣлось ему сдаваться такъ скоро! Онъ соображалъ, какъ-бы вырваться изъ ловушки, и вдругъ, разбѣжавшись, что было силы, въ мигъ махнулъ черезъ высокій заборъ и понесся по дорогѣ вдоль рѣчки. Такъ олень, уходя отъ гончей стаи, загнувъ рога на спину, съ ужасомъ въ глазахъ, бурей несется по лѣсу, ломая вѣтви, и прыгаетъ черезъ кусты, черезъ тынъ чаира, черезъ горный ручей, и нѣтъ препятствія, которое могло-бы остановить его бѣгъ!

— Побѣжалъ! Побѣжалъ!.. Уйдетъ! Унесъ мѣшокъ!—закричали со всѣхъ сторонъ.

Приставъ Дьяконовъ былъ въ отчаяніи.

— Ай-яй-яй! Батюшки! Уйдетъ! Уйдетъ!—восклицалъ онъ, всплеснувъ руками.—Скотининъ! Дармостукъ! Догоняйте, ловите каналью!—закричалъ онъ во все горло на урядниковъ.

Но урядники не ожидали приказанія становаго и неслись уже во весь карьеръ, хлеща коней нагайками.

— Держи! Догоняй! Остальные оставаться на мѣстахъ! Тутъ бестія старуха осталась! Не выпускать!—кричалъ расходившійся приставъ, суетясь по двору.

Ранній шумъ разбудилъ деревню. Отовсюду, одѣваясь на

ходу, сбѣгались еще не успѣвшіе хорошенько проснуться татары. Слышались восклицанія разспросы, плачъ испуганныхъ дѣтей.

— Вотъ такъ домъ! Вчера шумъ, сегодня шумъ!—говорили татары, покачивая головами.

Тетушка Заиде спозаранку надавала шлепковъ своимъ многочисленнымъ потомкамъ. Она разсердилась, потому что дѣти не пускали ее побѣжать къ мѣсту происшествія. Увидѣвъ вооруженныхъ людей и отчаянную погоню за улепетывавшимъ вдоль рѣчки Куртъ-Аметомъ, ребятишки плакали и визжали.

— Казакъ! казакъ!—кричали они,—и, хватаясь за платье матери, наперерывъ лѣзли къ ней на руки.

Во дворѣ Куртъ-Амета скоро собралась цѣлая толпа.

Подошелъ староста Кара Али и, сообразивъ въ чемъ дѣло, сталъ распоряжаться.

— Вамъ чего тутъ надо? Посторонитесь! Не толпитесь! Десятскіе и сотскіе сюда! Окружить домъ! Никого не пускать!—властно покрикивалъ онъ басомъ, расталкивая татаръ.

Староста поздоровался за руку съ чиновниками.

— Доброе утро! Что? Убѣжалъ? Вотъ дуракъ, подлецъ какой! Вотъ нехорошій человѣкъ, не дай Богъ!—говорилъ онъ по-русски, покачивая головой въ знакъ соболѣзнованія чиновникамъ.

— Упалъ! Поймали! Схватили!—закричали вдругъ со всѣхъ сторонъ.

Куртъ-Аметъ, съ мѣшкомъ за спиною, несся, какъ вѣтеръ. Онъ слышалъ за собою погоню и высматривалъ удобное мѣсто, чтобы переправиться черезъ каменистую рѣчку. Тамъ, за плетнемъ, тянулись татарскіе сады, и Куртъ-Аметъ зналъ, что, если ему удастся перескочить въ садъ, то тамъ его скоро не изловятъ и, во всякомъ случаѣ, онъ съумѣетъ скрыть свою ношу. Однако, урядникъ Дармостукъ на маленькой рѣзвой татарской лошадкѣ уже настигалъ бѣглеца. Куртъ-Аметъ слышалъ за собою тяжелое дыханіе лошади. Пришлось свернуть къ рѣчкѣ и перепрыгивать съ камня на камень въ самомъ неудобномъ мѣстѣ.

Не посчастливилось Куртъ-Амету. Онъ поскользнулся на мокрыхъ камняхъ, сорвался и упалъ въ рѣчку. Черезъ минуту урядники уже вели его, мокраго, тяжело дышавшаго, домой, къ приставу и чиновникамъ.

Куртъ-Аметъ стоялъ и дико оглядывалъ своихъ торжествующихъ преслѣдователей. Толпа смѣялась, видя его мокраго. Салге стояла на крышѣ сакли и, прикрывшись платкомъ, смотрѣла на него.

Маленькій приставъ Дьяконовъ, казавшійся совсѣмъ мальчикомъ передъ толпою рослыхъ татаръ, стоялъ подбоченясь и хохоталъ громче всѣхъ.

— Что? выкупался? Ха-ха-ха! А зачѣмъ бѣжалъ? Куда торопился? Ха-ха-ха!.. Дармостукъ, что тамъ въ мѣшкѣ? Машинка?

— Такъ точно, ваше сокородіе! Машинка! Замочилась у водѣ!—доложилъ, дѣлая подъ козырекъ, урядникъ Дармостукъ, пожилой, посѣдѣвшій на службѣ хохолъ съ густыми, бисмарковскими усами на бритомъ солдатскомъ лицѣ.

Всѣ пошли въ саклю.

— Показывай, гдѣ табакъ? — сказалъ приставъ Куртъ-Амету.

— Какой табакъ? Іохтуръ табакъ! Нѣту!—проворчалъ Куртъ-Аметъ, бросая безпокойный взглядъ на Периде.

— Разсказывай тамъ! «Іохтуръ, іохтуръ!»—передразнилъ приставъ.—Это кто здѣсь лежитъ? Старуха?

Периде, укрытая съ головой тяжелымъ, стеганнымъ одѣяломъ, лежала на полу, отвернувшись лицомъ къ стѣнкѣ, и стонала.

— Не трогай! Она больной!—сказалъ Куртъ-Аметъ по-русски.

— «Больной, больной?..» Врешь! Всѣ они больны въ такихъ случаяхъ! Вотъ, мы ее сейчасъ вылечимъ!

Приставъ подошелъ и сорвалъ со старухи одѣяло. Периде застонала громче и вся съежилась.

— Она больной, говорю тебѣ!—сказалъ Куртъ-Аметъ, пытаясь прикрыть мать одѣяломъ.

Но приставъ отстранилъ его.

— Эй, мадамъ! Нечего, тамъ! Вставай-ка! Вставай старая бестія! Показывай, что спрятала?—шумѣлъ приставъ и сталъ совать подъ старуху шашкой.

Периде вдругъ порывисто вскочила и съ воемъ бросилась бѣжать изъ комнаты.

Приставъ пустился за ней въ погоню.

— Ага! А-га! Выздоровѣла! Держите! Выздоровѣла! Стой!.. Стой!.. Стой-же, прыткая!—кричалъ Дьяконовъ, весело хохоча.

Онъ догналъ ее уже на дворѣ и схватилъ за платье. Ветхій кафтанъ старухи разорвался. Периде упала на четверенки, и изъ подъ платья ея высыпался ворохъ примятаго, свѣже-накрошеннаго табаку.

Обыскъ кончился. Все, что нужно было найти, было теперь найдено. Староста Кара Али любезно пригласилъ пристава и чиновниковъ зайти въ саклю Халиля отдохнуть и откушать кофе.

VIII.

Солнце стало всходить. Косые лучи его ослѣпительно сверкнули на вершинѣ горы и заблестѣли въ стеклахъ дальнихъ татарскихъ домиковъ. День обѣщалъ быть яснымъ. Приставъ Дьяконовъ и акцизные чиновники стали подниматься на пригорокъ къ привѣтливому домику Халиля. Урядники шли впереди и несли трофеи обыска — крошильную машину и собранный въ мѣшокъ табакъ.

— Зачѣмъ не сказалъ, что будетъ обыскъ?—сказалъ, улучивъ минутку, Куртъ-Аметъ старостѣ.

Кара Али сердито покосился на контрабадиста и, передразнивая его, отвѣтилъ: — «Зачѣмъ, зачѣмъ? Самъ не зналъ такъ и не сказалъ!»

Староста Кара Али былъ человѣкъ могучаго тѣлосложенія, высокій, худощавый, смуглый брюнетъ. Держался онъ важно и видъ имѣлъ угрюмый. Улыбка почти никогда не появлялась на его губахъ. Особенностью въ его лицѣ была «рвавая ноздря», какъ говорилъ приставъ Дьяконовъ,—послѣдствіе удара ножомъ въ лицо, полученнаго старостой въ молодыхъ годахъ, во время какой-то ссоры. Этотъ темный шрамъ на носу придавалъ лицу Кара Али видъ какой-то свирѣпости; и голосъ у него былъ тоже страшный. Когда онъ говорилъ своимъ низкимъ и сильнымъ басомъ, казалось, что рычитъ, забравшись въ комнату, какой-то большой звѣрь. Въ общемъ вся внѣшность этого татарина была внушительна и сразу обращала на себя вниманіе.

Умный, самоувѣренный и рѣшительный Кара Али имѣлъ большое вліяніе на татаръ, а въ своей деревнѣ властвовалъ и распоряжался общественными дѣлами вполнѣ деспотически. Онъ былъ богатъ—владѣлъ значительными табачными плантаціями и фруктовымъ садомъ—и это обстоятельство придавало ему большой вѣсъ. Односельчане вѣрили въ его умъ, уважали его и побаивались.

Кара Али питалъ непримиримую ненависть къ русскимъ. Однако необходимость жить подъ властью русскаго закона научила его подавлять и хорошо маскировать это чувство. Въ отношеніяхъ съ русскими властями онъ былъ большой дипломатъ. Самъ собою установился порядокъ, что населеніе деревни вступало въ сношенія съ русскими не иначе, какъ черезъ посредство старосты Кара-Али. Кто-бы ни заѣхалъ въ деревню—частный ли человѣкъ, или представитель власти—его тотчасъ же направляли къ старостѣ. Безъ помощи Кара Али ни отъ кого изъ татаръ ничего нельзя было добиться.

— Бельмемъ! *)—былъ одинъ отвѣтъ на всѣ вопросы.

— Моя не знай порусски! Староста знай!—говорили въ лучшемъ случаѣ татары и отводили пріѣзжаго русскаго къ Кара Али.

— А-а! Здравствуй, господинъ! Къ намъ пріѣхалъ? Вотъ хорошо!—говорилъ радушно Кара Али, дѣлая видъ, что чрезвычайно радъ видѣть гостя. Онъ крѣпко жалъ своей огромной рукой руку пріѣзжаго и тотчасъ бралъ его подъ свое покровительство. Шли въ кофейню, гость усаживался поудобнѣе и, окруженный заботами любезнаго хозяина деревни, кушалъ изъ маленькой чашечки турецкій кофе. Если гость былъ чиновникъ и пріѣхалъ по дѣлу, то десятскій Умеръ Арифъ, являвшійся въ такихъ случаяхъ въ кофейню точно по щучьему велѣнью, тотчасъ же шелъ, послушный приказаніямъ старосты, созывать нужныхъ людей. За гостепріимство и распорядительность староста Кара Али былъ на отличномъ счету у начальства. Становой Дьяконовъ часто хвалилъ его, и, если случалась новому чиновнику надобность ѣхать въ знакомую намъ деревню, то приставъ совѣтовалъ ѣхать прямо къ старостѣ.

— Прямо поѣзжайте въ Кара Али! Это человѣкъ вѣрный, все для васъ сдѣлаетъ! Безъ старосты вы никакого толку не добьетесь! Тамъ такая деревня дикая,—ни одна собака даже порусски ни слова не знаетъ!—говорилъ приставъ.

При всей своей кажущейся преданности и служебной исправности, Кара Али дурачилъ чиновниковъ на каждомъ шагу. Сердится-ли становой и кричитъ на татаръ, староста Кара Али принимаетъ видъ, какъ будто сердится еще больше, чѣмъ самъ приставъ. Онъ дѣлаетъ свирѣпое лицо, раздуваетъ единственную ноздрю и набрасывается на татаръ, ругая ихъ, размахивая руками, горячась, и громкій басъ его совсѣмъ заглушаетъ визгливый тенорокъ маленькаго пристава. Татары выслушивали брань, понуря головы, и нисколько на старосту не обижались. Они отлично знали, что Кара Али шумитъ въ угоду приставу. И недальновидный становой доволенъ, что, при содѣйствіи старосты, ему удалось «нагнать холоду» татарамъ.

— Я васъ подтяну, канальи!—говоритъ онъ, успокаиваясь.

— Что съ ними подѣлаешь, господинъ приставъ? Я сколько разъ имъ говорилъ! Такой дурной народъ, не дай Богъ!—говоритъ Кара Али, безнадежно разводя руками.

Властвовалъ Кара Али и на сходѣ. Деревня всецѣло ввѣрила въ его надежныя руки свои судьбы. Рѣшаютъ-ли какія нибудь общественныя дѣла,—какъ скажетъ Кара Али, такъ подтвердитъ весь сходъ. При выборахъ должностныхъ лицъ,

*) Не знаю.

кого выкрикнетъ староста, имя того кричитъ за нимъ и вся толпа. Писарю остается только записывать рѣшенія, во всемъ согласныя съ старостой схода.

Съ земскимъ начальникомъ Кара Али совсѣмъ не церемонился. Пользуясь тѣмъ, что земскій,—прибывшій изъ Петербурга молодой человѣкъ,—не знаетъ татарскаго языка, Кара Али обманывалъ его въ глаза...

Возвратимся къ разсказу.

Староста Кара Али пригласилъ чиновниковъ къ Халилю, такъ какъ у него въ домѣ была рѣдкая въ захолустныхъ татарскихъ деревняхъ мебель, столъ и стулья, что позволяло съ удобствомъ расположиться писать.

Кара Али хлопоталъ, усаживалъ—кого на стулъ, кого на низенькій, едва замѣтный надъ поломъ мягкій диванчикъ у стѣны, подкладывалъ гостямъ подъ спины подушки и послалъ десятскаго въ лавочку за чернилами.

Комната сейчасъ же наполнилась гостями. Одинъ за другимъ входили, скидывая обувь на балконѣ, сѣдобородые деревенскіе старики, такъ называемые «почетники». Безъ нихъ не обходится ни одно дѣло. Мягко ступая чулками по войлочнымъ коврамъ, татары входили, произносили привѣтствіе и, пожавъ всѣмъ руки, рядышкомъ усаживались, поджавъ ноги, на диванахъ. Затѣмъ они молча принимались курить. Салге вошла съ подносомъ и подала кофе.

Въ комнату внесли арестованную у Куртъ-Амета машинку и табакъ. Началось составленіе протокола. Позвали Куртъ-Амета и, черезъ посредство старосты, сняли съ него допросъ. Куртъ-Амету жалко было разставаться съ крошильной машинкой. Онъ купилъ ее давно, въ Бахчисараѣ, у пріѣхавшаго изъ Константинополя грека, и заплатилъ дорого. При машинкѣ былъ широкій, англійской выдѣлки, крошильный ножъ, и лишиться его было досадно. Куртъ-Аметъ съ грустью смотрѣлъ, какъ опечатали табакъ, потомъ и машинку, которую запрятали въ принесенный Халилемъ старый холстинный мѣшокъ.

— Пропала машинка! Пропалъ ножъ! Эхъ! —думалъ контрабандистъ, грустно поникнувъ головою.

Его отпустили.

Съ протоколомъ провозились довольно долго. Потомъ незваные гости татарской деревни заказали яичницу, выпили водочки, закусили. Приставъ Дьяконовъ разсказывалъ скоромные анекдоты и, наслаждаясь ихъ солью, хохоталъ до слезъ. Кара Али любезно вторилъ ему своимъ низкимъ басомъ. Потомъ не спавшіе ночь пріѣзжіе завалились спать.

Татары разошлись. Дворъ Халиля опустѣлъ. Теперь, казалось, уже ничего не будетъ интереснаго. Урядники, при-

строивъ лошадей, прилегли на дворѣ, подъ тѣнью развѣсистаго орѣха.

Всѣ утомились отъ проведенной безъ сна ночи и заснули крѣпко.

Оставшійся у Халиля староста Кара Али заглянулъ въ комнату, гдѣ расположились чиновники. Всѣ спали. Приставъ Дьяконовъ, разутый и безъ сюртука, лежалъ навзничъ, разбросавъ руки, и храпѣлъ такъ же добросовѣстно, какъ часъ тому назадъ смѣялся своимъ анекдотамъ. Около него лежала опечатанная машинка.

Староста Кара Али не слышно подошелъ по ковру и взялъ машинку. Эта мысль пришла ему въ голову совсѣмъ неожиданно.

Незамѣченный никѣмъ, староста вернулся въ комнату къ Халилю, гдѣ оба пріятеля пили кофе.

— Что это?—сказалъ, вытаращивъ глаза, Халиль.

Старикъ со страхомъ смотрѣлъ на мѣшокъ съ красными сургучными печатями въ рукахъ старосты. Кара Али тихо усмѣхнулся и заперъ за собою двери.

— Стащилъ?—сказалъ шопотомъ Халиль.

— Стащилъ!

— Что ты? Что ты? Въ моемъ домѣ?

— Что жъ, что въ твоемъ домѣ? Мало-ли было народу въ твоемъ домѣ? Пускай не спятъ!—отвѣчалъ, посмѣиваясь, староста.

— А засудятъ?

— Не засудятъ!

Халиль страшно испугался и уговаривалъ старосту отнести назадъ машинку.—Чортъ съ ней! Отнеси, пожалуйста! Я боюсь!

— Я сейчасъ отнесу!—сказалъ староста, лукаво поглядывая на пріятеля.

Онъ взялъ ножъ, подпоролъ мѣшокъ по шву и, не срывая печати, досталъ машинку, а вмѣсто нея вложилъ въ мѣшокъ валявшуюся въ саклѣ поломанную деревяшку вьючнаго сѣдла. Потомъ онъ сунулъ туда же старую бычачью подкову, чтобы бряцало, будто ножъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я не хочу—волновался Халиль, наблюдая продѣлку старосты.

— Молчи, старый! Не мѣшай! Убирайся!

— Убирайся? Изъ своего дома—убирайся? Ты убирайся!—сердился Халиль.

Но дѣло уже было кончено. Староста досталъ у Сaлгe иглу, зашилъ распоротое мѣсто и, затѣмъ, положилъ мѣшокъ около дрыхнувшаго съ открытымъ ртомъ пристава.

— Спятъ, точно издохли, чортъ ихъ побери! — сказалъ, посмѣиваясь, Кара Али, вернувшись къ Халилю.

Проснувшись, чиновники уѣхали, и продѣлка старосты не была обнаружена. Кара Али самъ привязалъ мѣшокъ къ сѣдлу лошади урядника Дармостука.

— Счастливой дороги! Дай Богъ здоровья!—говорилъ староста, пожимая руки чиновникамъ.

— До поворота доѣдете, тамъ осыпь будетъ! Не хорошо! Шагомъ надо ѣхать! Эй, десятскій! Ступай, покажи дорогу!—любезничалъ староста.

— Не надо! Не надо!—кричали отъѣзжающіе.

— Ничего! Онъ проводитъ!—отвѣчалъ староста въ догонку.

Старый десятскій Умеръ Арифъ, постукивая своей неизмѣнной палочкой, зашагалъ впереди лошадей и проводилъ гостей за цѣлую версту, пока не проѣхали опасное мѣсто.

Вечеромъ Халиль и Кара Али сидѣли въ кофейнѣ, и кофейщикъ Муслюмъ былъ очень озадаченъ ихъ страннымъ поведеніемъ.

Пріятели сидѣли молча, усердно потягивали наргиле и, безъ всякой видимой причины, хохотали. Начиналъ Халиль. Лицо старика постепенно наливалось кровью, дѣлало какую-то ужасную гримасу, а изъ широкой груди внезапно вырывался такой страшный хрипъ, будто гдѣ-то въ его утробѣ ѣхала и скрипѣла татарская мажара. И послѣ этого старикъ вдругъ оглашалъ кофейню потрясающимъ хохотомъ. Кисточка на его фескѣ принималась прыгать во всѣ стороны, а по лицу ручьемъ бѣжали слезы. А вслѣдъ за Халилемъ принимался хохотать, бася на всю кофейню, всегда такой серьезный староста Кара Али. Потомъ, не глядя другъ на друга, пріятели опять съ остервенѣніемъ курили, напускали цѣлыя облака дыму, и опять слышался скрипъ мажары въ груди Халиля. Наконецъ, Муслюмъ не выдержалъ и тоже сталъ хохотать, самъ не зная чему.

— Что такое съ ними сдѣлалось? Бѣда просто!—говорилъ онъ, вытирая рукавомъ слезы.

IX.

Кому случалось живать въ горной части Крыма и бродить съ ружьемъ, охотясь поздней осенью за вальдшнепами, по безлюднымъ татарскимъ садамъ, расположеннымъ въ горныхъ долинахъ, тому, конечно, приходилось не разъ наталкиваться на одинокія могилы татарскихъ святыхъ.

Въ мокрыхъ отъ ночной росы садахъ пахнетъ сыростью и душистой гнилью упавшихъ листьевъ; отъ ранняго утренняго холода пробираетъ дрожь, остывшіе стволы ружья знобятъ руки; тишина вокругъ невозмутимая; уснувшія на зиму де-

ревья сѣрѣютъ по сторонамъ въ молчаливомъ покоѣ; густою сѣтью перекрещенные сучья ихъ и тонкіе побѣги густой заросли не дрогнутъ въ утреннемъ забытьи; лишь черный дроздъ, всегдашній спутникъ таинственнаго вальдшнепа, запутался гдѣ-то у плетня въ заросли цѣпкаго держи-дерева, бьется крыльями и испуганно стрекочетъ, нарушая на минуту царящую въ саду тишину; весь промокшій отъ росы сетеръ мгновенно останавливается въ своихъ веселыхъ поискахъ и, закинувъ одно ухо на голову, дрожа отъ холода прислушивается къ рѣзкому крику суетливой птицы; но онъ скоро догадывается, что это не то, что нужно, и, фыркнувъ, опять идетъ шнырять по кустамъ, сбивая на пути своемъ цѣлый дождь нависшихъ на вѣтвяхъ тяжелыхъ капель росы. Вотъ, громко всплеснувъ крыльями, порывается долгоносый вальдшнепъ; во слѣдъ ему гремитъ спѣшный выстрѣлъ; звукъ раскатывается, громко отражается отъ скалъ окружныхъ горъ и, оглушивъ охотника и растерявшуюся собаку, замираетъ гдѣ-то въ дальнихъ ущельяхъ; пороховой дымъ остановился въ сыромъ воздухѣ—повисъ густымъ сизымъ облакомъ, какъ околдованный, — и не разлетается. Словно разбуженное ружейнымъ выстрѣломъ, золотя снѣжныя вершины горъ, торжественно встаетъ солнце, ослѣпительные лучи свѣта бѣгутъ, сгоняя тѣнь, по противоположнымъ восходу горнымъ склонамъ, соединяются вмѣстѣ и снопомъ ударяютъ въ долину; деревья искрятся бриліантовыми блестками росы, побѣлѣвшая, серебристая даль мокрой садовой лужайки играетъ радужными цвѣтами.

Вы идете дальше, перелѣзаете черезъ плетень, держи-дерево, вѣрный сторожъ татарскихъ садовъ, цѣпляется за васъ, деретъ острыми шипами кожу вашихъ высокихъ сапоговъ, царапаетъ руки, но вы топчете его подъ себя и спрыгиваете въ другой, смежный садъ. И вдругъ передъ вами встаетъ точно привидѣніе. Вамъ кажется, что кто-то, весь въ бѣломъ, притаился между темными стволами орѣховъ. Это привидѣніе и есть «могила Азиса». Бѣлѣетъ памятникъ, — столбъ высѣченный изъ камня, съ повиткомъ чалмы на верхушкѣ. Могила едва примѣтна надъ землею; положенная на ней плита съ истертой надписью устлана толстымъ слоемъ ароматныхъ, сырыхъ, пожелтѣвшихъ листьевъ, упавшихъ съ окружающихъ могилу орѣховъ. Кто былъ этотъ покойникъ, плоть и кости котораго давно превратились въ прахъ? Чѣмъ былъ онъ святъ?.. Татары по большей части ничего не умѣютъ разсказать объ этомъ, или разсказываютъ сказку. Но если съ годами забытъ человѣкъ, похороненный отдѣльно отъ другихъ, въ саду, въ тѣни орѣховъ, то въ народѣ сохранился обычай чтить его могилу, съ молитвой преклоняться передъ нею. Бѣлый столбъ съ высѣченной изъ камня чалмою не забытъ. Онъ весь завѣ-

шенъ лоскутками разноцвѣтной матеріи—дарами, приносимыми въ почесть святому благочестивыми татарками. Обмокшіе, полинялые, эти красные, синіе, зеленые лоскутья плачевно отвисаютъ и лѣпятся къ камню. Въ этихъ жалкихъ мокрыхъ тряпочкахъ, съ любовью возложенныхъ на могилу забытаго покойника, столько милой, дѣтской наивности, столько грустной поэзіи... Хорошо въ этомъ безлюдномъ, тихомъ уголкѣ, на этой почетной могилѣ.

Могилы святыхъ встрѣчаются въ горномъ Крыму довольно часто. Такая же могила была въ нѣсколькихъ верстахъ отъ знакомой намъ деревни.

Въ началѣ іюля насталъ день празднованія памяти этого святого, и изъ окрестныхъ татарскихъ деревень на могилу его стекались паломники.

Стояла сильная жара. Въ высокомъ синемъ небѣ тихо плыли, бросая на землю тѣнь, бѣлыя, легкія, какъ пухъ, облачка. Отъ раскаленныхъ каменистыхъ дорогъ и откосовъ шиферныхъ бугровъ вѣяло жаромъ. Въ садахъ слышался неумолчный, звенящій концертъ безчисленнаго множества цикадъ; казалось, гдѣ-то далеко скрипки играютъ безконечное тремоло. Умъ начинаетъ дремать подъ эти вибрирующіе, какъ томительные лучи солнца, звуки...

Не смотря на сильную жару, на окрестныхъ дорогахъ было замѣтно необычайное движеніе. Къ лежавшему въ горной долинѣ, удаленному отъ людского жилья саду, гдѣ былъ вакуфъ *) и находилась могила Азиса, направлялись татары. Люди зажиточные цѣлыми семьями ѣхали на дрогахъ; многіе шли пѣшкомъ, но въ особенности много виднѣлось всадниковъ. Одни, обгоняя всѣхъ, ѣхали на прекрасныхъ, подъ англійскими сѣдлами, горячихъ лошадяхъ; другіе—на уставшихъ рабочихъ клячахъ,—взобравшись на голую деревяшку вьючнаго сѣдла, трусили «аяномъ»; татарскіе мальчики ѣхали и совсѣмъ безъ сѣдла, взобравшись по двое на спину одной лошаденки.

Въ саду, у могилы Азиса, кишѣлъ народъ. Здѣсь былъ цѣлый лагерь. Всюду между деревьями виднѣлись люди, верховыя и упряжныя лошади, подводы, группы татарокъ около дрогъ. Яркіе наряды женщинъ въ цвѣтныхъ головныхъ платкахъ сверхъ маленькаго малиноваго феса пестрѣли въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Кое-гдѣ виднѣлись палатки походныхъ лавочекъ.

Кофейщикъ Муслюмъ пріѣхалъ съ самаго утра и открылъ здѣсь, въ саду, временное отдѣленіе своей кофейни. Черный, какъ смоль, съ завязанными платочкомъ ушами, грекъ Яни

---

*) Вакуфъ—церковная земля.

разставилъ лотки съ всевозможными лакомствами; тутъ были конфекты, пряники расписные, разные фрукты, любимые татарами—пыльная фурма, баклава, палочки суджука и проч. Рядомъ съ лотками грека Яни, предпріимчивые татарскіе кухмистеры готовили на жаровняхъ чебуреки, шашлыки и другія любимыя татарами блюда. Жаровни шипѣли и чадили, распространяя вокругъ пріятный запахъ бараньяго сала.

Близь могилы Азиса находилась въ этомъ мѣстѣ старинная, полуразрушившаяся отъ времени мечеть. Это была приземистая, съ плоской земляной крышей, каменная постройка съ плитнымъ, проросшимъ по швамъ травою, каменнымъ поломъ внутри; мечеть покосилась отъ старости, въ оконныхъ отверстіяхъ ея давно безслѣдно сгнили рамы, внутри пахло могильной сыростью; но высокія, уходящія въ небо пирамидальныя тополи по завѣщанію старины все стерегутъ ее, окруживъ кольцомъ, и густой темнозеленый плющъ любовно обвилъ ее своими лозами, точно руками. Сегодня, въ день памяти святого, у старыхъ стѣнъ мечети виднѣется множество татарскихъ башмаковъ. Старики въ чалмахъ, съ отпущенными сѣдыми бородами, цѣлый день толкутся около забытаго храма. Одни разуваются и входятъ, другіе, помолившись, выходятъ изъ мечети. Татары въ мечети тѣсной толпой стоятъ на колѣняхъ, усердно бьютъ поклоны и подолгу остаются недвижимы съ преклоненными къ холодному каменному полу головами. «Во имя милостиваго Бога»—провозглашаетъ мулла и раздается торжественное чтеніе корана. Въ саду то и дѣло слышно, какъ глухо стонетъ толпа молящихся въ мечети.

— Алла! Алла! Алла!

Халиль съ дочкой и тетушка Заиде съ кучей дѣтей ѣхали на дрогахъ.

— А! Здравствуй, здравствуй!—то и дѣло здоровался Халиль съ встрѣчавшимися по пути знакомыми. Бывшаго старшину хорошо всѣ знали, много разъ слышали отъ него про коронацію и почтительно кланялись ему. Старика считали добрякомъ и всѣ любили его. Тетушка Заиде и молодыя дѣвушки, Эмене Шерфе и Салге, были одѣты, по случаю праздника, въ лучшіе кафтаны и покрыты новыми, яркими платками. Халиль съ своими дрогами уже не могъ въѣхать въ садъ: всѣ мѣста были заняты. Пришлось остановиться около садоваго плетня, свернувъ съ проѣзжей дороги на зеленую лужайку. Распрягли лошадь, и всѣ пошли на могилу святого.

Праздникъ святого только для стариковъ день усиленныхъ молитвъ. Для молодежи—это веселый пикникъ. Халиль поздоровался съ стариками и пошелъ въ мечеть. Салге и Эмене Шерфе тотчасъ же присоединились къ подругамъ. Дѣвушки рвали цвѣты на лужайкѣ и вовсе не думали о Богѣ и его угодникѣ.

Прикрываясь платками, онѣ посматривали на парней, которые шумной толпой проѣзжали верхами по дорогѣ.

— Вотъ мой женихъ!—сказала Эмене Шерфе, показывая Салге на Асана.

Староста Кара Али съ молодымъ татариномъ Асаномъ въѣзжали въ садъ на великолѣпныхъ, обращавшихъ на себя обще вниманіе, дорогихъ лошадяхъ. Сзади, едва поспѣвая за старостой, какъ лоцманъ за акулой, шелъ, постукивая палкой, вѣрный долгу службы старикъ десятскій Умеръ Арифъ.

— А вонъ и твой женихъ! Смотри, Салге! Ха-ха-ха! Видишь, идетъ съ музыкой?—сказала, смѣясь, Эмене Шерфе, указывая вдаль на дорогу.

Она показывала на Куртъ-Амета, который подходилъ по дорогѣ съ своимъ пріятелемъ изъ Узень Баша, цыганомъ Бекиромъ. Бекиръ шелъ впереди и игралъ на кларнетѣ. Куртъ Аметъ, заломивъ на ухо плоскую барашковую шапочку, выступалъ сзади. Оба пріятеля пришли на праздникъ прямо изъ Ялты и, по пути, завернули въ корчму, находившуюся на шоссейной дорогѣ, на самой вершинѣ Яйлы, близъ Ай-Петри. Тамъ контрабандисты выпили русской водочки. Шапка Куртъ Амета была ужъ очень сдвинута на бокъ, а кларнетъ цыгана игралъ нѣсколько громче обыкновеннаго.

Салге и Эмене Шерфе вернулись къ дрогамъ, гдѣ тетушка Заиде, воюя съ своими шалунами, приготовила качковалъ, чтобы компанія могла подкрѣпить силы. Дѣвушки только-что расположились позавтракать, какъ вдругъ Салге увидѣла Мемета. Это былъ онъ, ялтинскій проводникъ, предметъ ея страстныхъ тайныхъ мечтаній. Появленіе Мемета на праздникѣ Азиса было такъ неожиданно, что Салге поспѣшно закрыла лицо платкомъ, чтобы не выдать своего смущенія... Салге не могла больше ѣсть. Сердце ея такъ сильно билось отъ счастія!

Меметъ въ щегольскомъ, шитомъ золотомъ черномъ бешметѣ, какой обыкновенно носятъ ялтинскіе проводники, подъѣзжалъ на великолѣпномъ взмыленномъ гнѣдомъ конѣ. Онъ только-что пріобрѣлъ эту лошадь и пріѣхалъ на праздникъ Азиса, чтобы показать ее знатокамъ, похвастаться удачной покупкой.

Лошадь Мемета тотчасъ же обратила на себя общее вниманіе. Молодого проводника окружили. Сидѣвшіе за кофеемъ почетники повставали съ своихъ мѣстъ и тоже шли смотрѣть на необыкновенную лошадь. Со всѣхъ сторонъ раздавались привѣтствія и одни и тѣ же разспросы.

— Здравствуй, Меметъ! Это у тебя новая лошадь?

— А! Меметъ! Будь здоровъ! Вотъ, какая у тебя лошадь! Это гдѣ ты досталъ такую лошадь? Какъ ее зовутъ?

— Абрекъ зовутъ!—отвѣчалъ Меметъ, разглаживая гриву своего любимца.

— Хорошій конь! Добрый конь!—говорили старики.

И всѣ подходили, трогали лошадь, трепали по шеѣ, старались заглянуть ей въ зубы. Конь волновался, грызъ мундштукъ и билъ копытомъ по дорогѣ.

Довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, Меметъ сошелъ съ лошади и отдалъ ее водить мальчику.

Толпа двинулась за Абрекомъ, а Меметъ пошелъ сидѣть въ кофейню, т. е. къ столикамъ, которые предупредительный Муслюмъ разставилъ подъ деревьями.

Проходя въ садъ, Меметъ замѣтилъ нашихъ дѣвушекъ.

— Здравствуй, Салге! Здравствуй, Эмене Шерфе! — сказалъ онъ, прикладывая руку ко лбу.

Дѣвушки весело кивнули красивому татарину и спрятались въ свои палатки.

Разговаривая со старостой и Халилемъ, Меметъ видѣлъ, что черные глаза Салге пристально смотрятъ на него изъ-за плетня.

Меметъ былъ большой любезникъ и избалованъ вниманіемъ женщинъ. Салге казалась ему хорошенькой; чувствуя на себѣ ея взглядъ, онъ рисовался.

— Это арабской породы лошадь и природный иноходецъ!—разсказывалъ онъ татарамъ, попивая изъ чашечки кофе. — Я купилъ ее въ Батумѣ у одного армянина.

— Ноги, ноги какія! Сухія и крѣпкія, совсѣмъ какъ у оленя!—восторгался Халилъ.

— Во всемъ Крыму нѣтъ другой такой лошади, какъ мой Абрекъ,—сказалъ, закуривая, Меметъ и посмотрѣлъ на Салге.

— Продай коня, Меметъ!—сказалъ Кара Али.

— Нѣтъ, что ты? Не продамъ ни за что!

— Или давай мѣняться на моего Бельбека! Это добрая кабардинская лошадь! Если хочешь, я дамъ придачу!

— Нѣтъ, я не отдамъ Абрека! Одинъ генералъ давалъ мнѣ тысячу рублей за него, но я не отдамъ его ни за какія деньги. Генералъ ѣхалъ по шоссе на ливадійскихъ лошадяхъ... Есть тамъ пара сѣрыхъ рысаковъ... Я сталъ на Абрекѣ обходить его коляску. Генералъ крикнулъ кучеру «пошелъ!» Кучеръ пустилъ рысаковъ во весь ходъ... Я тоже послалъ своего Абрека. Минуты черезъ двѣ генералъ остался сзади!.. Просилъ, молилъ потомъ — продай ему лошадь! «Тысячу рублей, говоритъ, бери за коня». Но я отказался. Другой такой лошади, какъ Абрекъ, нельзя достать...

Сказавъ это, Меметъ отошелъ и сталъ покупать лакомства у грека Яни.

Эмене Шерфе и Салге смотрѣли изъ-за плетня.

— Идетъ! Къ намъ идетъ! — прошептала вдругъ Эмене Шерфе, и обѣ дѣвушки отскочили отъ забора.

Меметъ подошелъ къ садовому плетню и, облокотившись на него, протягивалъ дѣвушкамъ бумажный мѣшокъ съ конфектами.

— Зачѣмъ убѣжали? Я васъ угостить хочу! Салге, возьми!.. Бери! Чего боишься?—говорилъ Меметъ.

Салге приблизилась, взяла пакетъ и, покраснѣвъ, поблагодарила.

— Какой у тебя дорогой кокселюкъ! *)—сказалъ Меметъ, заглядываясь на дѣвушку.

— А у тебя самого какой поясъ! Я видѣла — весь золотой!—отвѣтила Салге, конфузясь.

— Э-э!—закричала вдругъ на Мемета тетушка Заиде.— Ты зачѣмъ пришелъ? Отойди сейчасъ! Развѣ можно къ дѣвушкамъ подходить? А вы, безстыдницы, какъ смѣете съ парнемъ заводить разговоры?

И тетушка Заиде такъ затараторила, что свиданіе разстроилось. Меметъ долженъ былъ отойти.

Тетушка возмущалась распущенностью нынѣшней молодежи и припоминала время, когда она сама была невѣстой. Она долго ворчала и хвасталась, что она до свадьбы во всю жизнь не сказала ни одного слова съ своимъ суженымъ.

Тетушка Заиде такъ увлеклась своими воспоминаніями, что не замѣтила, какъ къ находившимся на ея попеченіи молодымъ дѣвушкамъ подошелъ другой любезникъ.

Куртъ Аметъ подошелъ къ Салге и протягивалъ ей суджукъ и пряники.

— На, бери! — говорилъ онъ, пристально глядя на дѣвушку.

Куртъ Аметъ все время не сводилъ глазъ съ Салге и видѣлъ, какое впечатлѣніе произвелъ на нее красавецъ Меметъ. Онъ вспомнилъ, что имя Мемета не разъ повторялось въ ея пѣсняхъ. Ему еще раньше приходило въ голову, что Салге не даромъ поетъ про Мемета. Куртъ Амету было извѣстно, что Меметъ пріѣзжалъ въ деревню съ русскими барынями и былъ тогда въ домѣ Халиля. Сегодня ему стало очевидно, что Салге засматривается на проводника. Куртъ Аметъ видѣлъ, какъ Салге разговаривала съ проводникомъ и взяла отъ него гостинцы, и ревность вспыхнула въ немъ. Выпитое вино сдѣлало его смѣлымъ. Не задумываясь надъ тѣмъ, что изъ этого можетъ выйти, Куртъ Аметъ въ свою очередь купилъ сластей у Яни и, подойдя съ Бекиромъ къ тому мѣсту, гдѣ

*) Кокселюкъ—расшитый золотыми монетами нагрудникъ.

стояли дроги Халиля, вдругъ прямо подошелъ къ Салге и предложилъ ей подарокъ.

Онъ стоялъ, протягивая гостинцы, и смотрѣлъ на Салге дерзкими пьяными глазами.

— Бери!—повторялъ онъ.—Это хорошо!

Салге испугалась его вида и отшатнулась. Сегодня Куртъ Аметъ былъ ей въ особенности ненавистенъ; зловѣщій взглядъ его показался ей страшнымъ, и она ни за что не хотѣла принять отъ него подарка.

— Уйди! Не надо мнѣ ничего отъ тебя! — сказала она, отходя.

— А-а! Не надо? Отъ меня не надо?! — обиженно говорилъ Куртъ Аметъ.

Тетушка Заиде вдругъ увидѣла его и закричала:

— А тебѣ чего здѣсь нужно? Да ты еще пьянъ, негодяй! Поди сейчасъ прочь! Гдѣ это видано, чтобы парни смѣли такъ приставать къ дѣвушкамъ?

— А черезъ плетень можно разговаривать? — огрызнулся Куртъ Аметъ.

Тутъ уже тетушка Заиде вышла изъ себя. Она напала на Куртъ Амета и пинками вытолкала его на дорогу.

— Что жъ? Не хочешь, Салге, моихъ гостинцевъ? Хорошо же! Прощай, Салге!—говорилъ Куртъ Аметъ.—Да не толкайся такъ, старая! Я и самъ уйду!.. Играй Бекиръ! Гдѣ твоя музыка?

Бекиръ заигралъ на своемъ кларнетѣ, и веселые друзья удалились. Они присѣли недалеко, на пригоркѣ. Тетушка Заиде долго еще бранилась и потрясала кулаками въ ихъ сторону.

X.

Передъ вечеромъ, когда солнце стало склоняться къ западу и жара замѣтно спала, староста Кара Али, Асанъ и проводникъ Меметъ затѣяли пробовать быстроту своихъ коней.

Скачки одно изъ любимыхъ развлеченій татаръ, и вѣсть о предстоящемъ состязаніи быстро облетѣла садъ. Всѣ стали выходить на дорогу и становились шпалерами. Только сѣдобородые старики остались въ мечети, и ихъ глухіе возгласы — «Алла! Алла! Алла!»—не переставали доноситься изъ сада.

Заинтересованные предстоящей скачкой, Салге и Эмене Шерфе стали на дроги и, держась за руки, съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣли на наѣздниковъ. Поодаль, у дороги, стоялъ и Куртъ Аметъ съ цыганомъ Бекиромъ. Кларнетъ Бекира заливался въ честь участниковъ состязанія и фальшивилъ. Куртъ Аметъ громко хохоталъ и что-то кому-то кричалъ.

Пріятели только-что поѣли шашлыковъ и съ этой закуской прикончили захваченную изъ русской корчмы водочку. Послѣ шашлыковъ оба стали вести себя нѣсколько шумно. Однако на нихъ никто теперь не обращалъ вниманія. Было не до того. Скачки слишкомъ всѣхъ заинтересовали. Толпа галдѣла, давала совѣты. Татары размахивали руками, разсуждали, откуда начинать ѣхать, какое назначить разстояніе для гонки,—держали пари.

Лошади, предчувствуя скачки, волновались и не хотѣли стоять спокойно. Кара Али въ широкихъ шароварахъ и открытыхъ, спадавшихъ съ пятки, кожаныхъ башмакахъ сдерживалъ горячившагося кабардинца и кричалъ, что ѣхать надо вокругъ сада и окончить состязаніе около воротъ. Грузная фигура старосты очень проигрывала передъ стройнымъ Меметомъ.

Заломивъ шапочку на бекрень, молодой проводникъ успокаивалъ прыгавшую и то и дѣло встававшую на дыбы лошадь и, твердо сидя на невидномъ подъ нимъ маленькомъ англійскомъ сѣдлѣ, оправлялъ рукою свои кудри. Позументъ на его бешметѣ и поясъ изъ плетенаго золота такъ и сіяли на солнцѣ. Меметъ видѣлъ, что Салге не сводитъ съ него глазъ, и рисовался. Тутъ же, на горячей высокой лошади гарцовалъ, поглядывая на Эмене Шерфе, легкій и статный Асанъ,—отличный наѣздникъ, казавшійся серьезнымъ соперникомъ въ предстоящемъ состязаніи.

— Я за Асана!—сказала, хлопая въ ладоши, Эмене Шерфе.

— Я за Мемета! — сказала, подпрыгивая отъ радости, Салге.

— Смотри, упадешь съ дрогъ.

— Не упаду!

Наконецъ, все было условлено. Порѣшили ѣхать вокругъ садовъ, что составляло дистанцію около 2 верстъ, и кончить состязаніе у воротъ, отъ которыхъ теперь начинали скачку. Толпа разступилась.

— Айда! Пошелъ!—закричали татары, хлопая руками.

Лошади испуганно рванулись впередъ и понеслись. Черезъ минуту, поднявъ за собою облако пыли, всадники скрылись за поворотомъ.

Теперь всѣ повернулись въ ту сторону, откуда гонщики должны были показаться. Въ толпѣ было движеніе. Слышался сдержанный говоръ. Салге и Эмене Шерфе стояли на дрогахъ обнявшись и ждали, затаивъ дыханіе. Въ нетерпѣньи имъ ужъ начало казаться, что всадники не показываются слишкомъ долго.

Вдругъ раздались крики.

— Ѣдутъ! Ѣдутъ!.. Вотъ они!

Въ то же мгновеніе вдали, изъ-за угла садоваго плетня, одинъ за другимъ показались два всадника.

— Меметъ! Асанъ! Меметъ впереди!—кричала толпа.

Всадники быстро приближались. Красавецъ Абрекъ высоко несъ голову и, качаясь, размашистой иноходью шелъ впереди. Асанъ видимо отставалъ на послѣднихъ саженяхъ дистанціи. Еще дальше отсталъ и ужъ сдерживалъ заскакавшаго галопомъ тяжеловѣснаго Бельбека староста Кара Али.

Меметъ, сидя прямо и мѣрно покачиваясь на сѣдлѣ, далеко бросивъ соперниковъ, полнымъ ходомъ подходилъ къ воротамъ, заранѣе торжествуя побѣду.

Шумъ поднялся невообразимый.

— А-а-а! А-а-а!—кричала толпа.

Побѣдителя привѣтствовали, махали ему шапками. Нѣкоторые бѣжали за нимъ вслѣдъ.

Вдругъ случилось что-то такое, чего въ первое мгновеніе никто не могъ понять. Меметъ взмахнулъ руками, рванулся, потерялъ стремена и сталъ падать съ лошади. Шапка свалилась съ него. Абрекъ испугался и запрыгалъ тряскимъ галопомъ. Однако Меметъ не упалъ. Онъ схватился за гриву лошади, сильнымъ движеніемъ всего тѣла изловчился и сѣлъ опять въ сѣдло.

Все это случилось такъ быстро, что никто не успѣлъ опомниться. Меметъ съ бѣшенствомъ потянулъ за мундштукъ и, поднявъ взмыленнаго коня на дыбы, круто повернулъ назадъ.

— Кто ударилъ меня?—закричалъ онъ, поблѣднѣвъ.

Кто-то крикнулъ:

— Куртъ Аметъ! Куртъ Аметъ бросилъ камнемъ!

Куртъ Аметъ давно уже злился и придумывалъ, чѣмъ бы отомстить Салге за ея обидное пренебреженіе къ его ухаживанію.

«Теперь я знаю, кто предметъ твоихъ пѣсенъ, Салге! Теперь я знаю!»—думалъ Куртъ Аметъ, ревнуя.

Когда готовились къ скачкамъ, онъ сталъ близко отъ дрогъ Халиля и еще болѣе убѣдился, что правъ въ своихъ подозрѣніяхъ. Салге съ нескрываемымъ восторгомъ смотрѣла на всадника на гнѣдой лошади — широко раскрытые глаза и пылающее лицо выдавали состояніе дѣвушки. Она явно влюблена въ Мемета—въ этомъ не могло быть сомнѣнія.

И Куртъ Аметъ возненавидѣлъ своего соперника. Самый видъ красиваго татарина бѣсилъ его. Ему хотѣлось оскорбить его, побить, пырнуть ножомъ.

Вотъ онъ, проклятый Меметъ, торжествуя побѣду, несется быстрѣе вѣтра на своей великолѣпной лошади.

Свободный въ посадкѣ, красивый, раскраснѣвшійся, съ сверкающими глазами—онъ предметъ общаго восторга! Толпа кричитъ, за нимъ бѣгутъ! Салге тоже что-то кричитъ и машетъ рукой!

Куртъ Аметъ поднялъ съ дороги камень и запустилъ имъ въ догонку Мемету. Онъ видѣлъ, что Меметъ замотался на конѣ, какъ подстрѣленный, и падаетъ...

Видно, тяжелый камень хорошо попалъ въ цѣль...

Куртъ Аметъ перескочилъ черезъ плетень въ садъ и остановился. Въ головѣ у него шумѣло... Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что сдѣлалъ. Сбилъ спѣсь нахалу!.. Это было довольно некрасиво, когда торжествующій побѣдитель скачки вдругъ взмахнулъ руками и ногами и сталъ, какъ дуракъ, валиться съ лошади передъ своей Салге!

Произошла суматоха. Мемета окружили; всѣ что-то кричали, показывали въ садъ, куда перескочилъ Куртъ Аметъ. Слышались брань и угрозы.

Безъ шапки, съ лицомъ, исказившимся отъ злобы, Меметъ сжималъ въ рукѣ нагайку и искалъ глазами своего оскорбителя.

— Кто ударилъ?—дико кричалъ онъ.

— Куртъ Аметъ! Куртъ Аметъ!—кричали въ толпѣ. Нѣкоторые бѣжали къ воротамъ, другіе, торопясь, лѣзли въ садъ черезъ плетень. Куртъ Аметъ видѣлъ угрожавшую ему опасность, но надѣялся на быстроту своихъ ногъ. Никто не поймаетъ его, когда онъ пустится бѣжать и станетъ скакать черезъ плетни изъ сада въ садъ. Куртъ Аметъ не торопился убѣгать. Еще есть время впереди! Между нимъ и Меметомъ былъ высокій плетень. Не перескочитъ же Меметъ верхомъ на лошади черезъ эту преграду! Заборъ высокъ! Куртъ Аметъ стоялъ подбоченившись и вызывающими глазами смотрѣлъ на Мемета.

— Это ты ударилъ меня?—крикнулъ Меметъ.

Куртъ Аметъ отвѣтилъ Мемету площадной русской бранью.

Это происходило въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ, на дрогахъ, стояли Салге и Эмене Шерфе. Салге все видѣла. Она видѣла, какъ Меметъ, съ яростью въ лицѣ, направилъ коня прямо на плетень и жестоко вытянулъ его нагайкой.

Возбужденное состояніе всадника, казалось, сообщилось лошади. Абрекъ храпѣлъ и дико косился налившимися кровью глазами. Получивъ ударъ кнута, онъ присѣлъ къ землѣ и вдругъ взвился въ воздухѣ. То, что казалось немыслимымъ, оказалось возможнымъ для арабской лошади Мемета. Прежде чѣмъ татары сообразили, на что рѣшился обезумѣвшій молодой татаринъ, Меметъ перескочилъ на конѣ черезъ плетень. Всѣ съ крикомъ ринулись въ садъ.

Куртъ Аметъ стремглавъ пустился бѣжать, но теперь ужъ было поздно. Меметъ настигъ его на своемъ Абрекѣ и въ бѣшенствѣ, не помня себя, сталъ пороть нагайкой по чемъ попало...

Куртъ Аметъ метался изъ стороны въ сторону, старался уклониться отъ ударовъ, заслонялъ руками лицо, чтобы уберечь глаза. Но Меметъ искусно управлялъ конемъ, гонялся за Куртъ Аметомъ и, наслаждаясь дикимъ мщеньемъ, наносилъ ему одинъ за другимъ тяжелые удары.

Къ мѣсту происшествія со всѣхъ сторонъ сбѣгались татары. Въ саду поднялся шумъ и бѣготня. Кричали, галдѣли, ругались, многіе спрашивали, «въ чемъ дѣло?», потому что не видѣли, изъ-за чего произошелъ переполохъ. Сѣдобородые старики перестали молиться и, выйдя изъ мечети, тоже спѣшили на скандалъ, не надѣвъ даже впопыхахъ башмаковъ. Почтенные чалмоносцы, интересуясь поскорѣе узнать, въ чемъ дѣло, смѣшно присѣдая на колючей травѣ, бѣжали въ однихъ носкахъ туда, гдѣ видна была толпа. Салге и Эмене Шерфе, которыя все видѣли, въ ужасѣ прижались другъ къ дружкѣ и плакали. Грекъ Яни, у котораго лошадь Мемета опрокинула лотки съ товарами, былъ въ отчаяніи. Его душа,—такая-же мелочная, какъ и лавочка, которую онъ содержалъ въ деревнѣ, разрывалась на части. Онъ ругался, плакалъ и визжалъ, подбирая разсыпанные по землѣ, растоптанные бѣжавшими отовсюду татарами фрукты и разныя сласти. Слезы лились у Яни изъ глазъ и ручьемъ струились по красному отъ безсильной злобы лицу его. Но никто не обращалъ на визгливаго грека вниманія. Всѣ стремились туда, гдѣ собралась уже толпа, надъ головами которой то и дѣло взвивалась въ воздухѣ нагайка Мемета.

Наконецъ въ толпѣ послышался повелительный голосъ старосты Кара Али. Пора было вмѣшаться, и онъ сдѣлалъ это. Нѣсколько десятскихъ бросились отнимать жертву у взбѣсившагося Мемета. Удалось это, однако, не безъ труда. Проводника стащили съ лошади и держали за руки, пока онъ не опомнился. Избитаго, окровавленнаго Куртъ Амета поспѣшили скорѣй увести съ глазъ долой, чтобы не дошло дѣло до ножей, какъ это часто бываетъ у татаръ.

Уже надвигалась ночь, когда, наконецъ, всѣ стали разъѣзжаться и расходиться по домамъ. Халиль и тетушка Заиде, обсуждая случившееся на праздникѣ происшествіе, шагомъ ѣхали на дрогахъ, нагруженныхъ уснувшими ребятишками. и всю дорогу бранили негодяя Куртъ Амета. Салге и Эмене Шерфе, усталыя отъ пережитыхъ впечатлѣній, ѣхали молча. Салге не слушала скучной воркотни стариковъ. Она была полна воспоминаніями о Меметѣ. Онъ, первый красавецъ, герой дня, явно оказывалъ ей вниманіе. Салге была счастлива. Конечно, расправа съ Куртъ Аметомъ была ужасна—сердце ея еще и теперь бьется отъ страха, когда она вспоминаетъ объ этомъ,—но Меметъ поступилъ, какъ мужчина, который не можетъ сносить оскорбленій...

И ей припоминался приведшій въ восторгъ всѣхъ татаръ ужасный прыжокъ лошади Мемета черезъ садовый плетень. Какъ Меметъ усидѣлъ на сѣдлѣ, какъ не сломалъ себѣ шеи?..

И сердце ея замирало отъ восторга.

— А я что-то знаю!.. Ты влюблена, Салге!—шептала Эмене Шерфе и, смѣясь, прижимала къ себѣ подругу.

— Молчи, молчи, молчи! Ты ничего не знаешь! Ты ничего не понимаешь!—шептала Салге, склоняя смущенное лицо на грудь сестры.

Дроги стучали, и Халиль съ тетушкой Заиде такъ увлеклись разговоромъ, что шопотъ молодыхъ дѣвушекъ не могъ быть услышанъ.

XI.

Отлежавшись послѣ побоевъ, полученныхъ на праздникѣ Азиса, Куртъ Аметъ подалъ въ волостной судъ жалобу на Мемета. Когда онъ пришелъ для этого въ волостное правленіе, тамъ ему «кстати» вручили повѣстку о вызовѣ его въ окружной судъ по обвиненію въ нарушеніи табачнаго устава. По этому дѣлу Куртъ Аметъ былъ обвиненъ, взятъ подъ стражу и, прямо изъ залы суда, отправленъ въ тюрьму, гдѣ и просидѣлъ цѣлый мѣсяцъ.

Нашъ разсказъ начинается съ того момента, когда Куртъ Аметъ, отбывъ наказаніе, послѣ продолжительной отлучки, возвратился въ свою деревню.

Былъ конецъ августа,—время рабочее,—страдная пора у татаръ. Стояла сильная жара. Табакъ быстро отцвѣталъ, повсюду началась такъ называемая «ломка» — сборъ табачныхъ листьевъ со стебля. На плантаціяхъ было замѣтно большое оживленіе. Вездѣ виднѣлись татары, группы женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, занятыхъ обламываніемъ листьевъ, лошади въ вьючныхъ сѣдлахъ съ подвѣшанными съ обѣихъ сторонъ корзинами, въ которыя складывали и везли затѣмъ въ деревню свѣжезеленый, мясистый табакъ. Открытыя галлерейки татарскихъ саклей съ каждымъ днемъ все больше и гуще завѣшивались протянутыми изъ одного конца въ другой зелеными гирляндами нанизанныхъ на нитки табачныхъ листьевъ, предназначенныхъ для просушки.

Для Куртъ Амета тоже настало хлопотливое время. Осень — горячая пора не у однихъ сельскихъ хозяевъ: много дѣла и у табачныхъ контрабандистовъ. Съ августа въ Ялтѣ открывается такъ называемый виноградный сезонъ—шумное время, когда городъ заполняется не столько больными, ищущими возстановленія силъ и здоровья, сколько сильными и здоровыми туристами, людьми богатыми, пріѣзжающими на южный бе-

регъ Крыма пріятно провести время въ исключительной обстановкѣ, пить крымское вино, затѣвать веселые пикники, кататься на татарскихъ шлапакахъ, устраивать блестящія кавалькады съ барышнями и курортными дамами и, погулявъ на славу, накупить для отвоза домой ненужныхъ вещей.

Между такими ненужными покупками, принадлежащими къ категоріи характерныхъ сувенировъ южнаго берега Крыма, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ не перебродившій, невкусный, но за то дорогой, «мѣстный контрабандный табакъ». Въ шумные осенніе мѣсяцы, когда Ялту населяетъ эта жуирующая, не знающая счету деньгамъ россійская публика, контрабандисты дѣлаютъ «хорошія дѣла» съ табакомъ и съ усердіемъ предаются своему небезопасному промыслу.

Освободившись изъ тюрьмы какъ разъ къ разгару винограднаго сезона, Куртъ Аметъ, не теряя времени, взялся за старое ремесло. Дорогая табако крошильная машинка, которой онъ едва не лишился лѣтомъ, была опять въ его рукахъ. Староста возвратилъ ему машинку и наставлялъ впредь быть осторожнѣе. Еще сидя въ тюрьмѣ, Куртъ Аметъ рѣшилъ принять добрый совѣтъ старосты и перенести свою дѣятельность изъ дому, гдѣ повадились дѣлать обыски приставъ съ акцизными, куда либо въ другое, болѣе укромное мѣсто. Онъ встрѣтилъ въ этомъ отношеніи полное сочувствіе со стороны цыгана Бекира, который тоже подвергался преслѣдованіямъ за табачную контрабанду.

Пріятели рѣшили вступить въ компанію по торговлѣ контрабанднымъ табакомъ и избрать для крошки табаку такое мѣсто, гдѣ бы никто не догадался ихъ искать. Куртъ Аметъ хорошо зналъ всѣ закоулки, ущелья и пещеры окрестныхъ горъ и указалъ пріятелю на вершинѣ Яйлы пещеру, существованіе которой мало кто зналъ и гдѣ рѣдко когда показывались люди. Мѣсто было почти неприступно и удобно тѣмъ, что находилось обоимъ по дорогѣ изъ Ялты.

Куртъ Аметъ и цыганъ Бекиръ условились поселиться на время въ пещерѣ. Они принесли сюда свои постели, кое-какія домашнія вещи, посуду, запасъ провизіи, наконецъ, крошильныя машинки.

Пещера, гдѣ пріятели открыли тайную табачную фабрику, представляла изъ себя довольно просторное подземелье; дальше оно съуживалось и уходило внутрь толщи Яйлы темнымъ тоннелемъ, конецъ котораго терялся далеко—неизвѣстно гдѣ, въ нѣдрахъ горы. Свѣтъ проникалъ въ пещеру черезъ расщелину у входа и освѣщалъ только небольшую часть подземелья. Въ пещерѣ было сыро—на потолкѣ съ сталактитовыми образованіями постоянно сочилась вода, и тяжелыя капли ея падали на неровный твердый полъ, съ торчащими во многихъ мѣ-

стахъ обломками сталагмитовъ. Отъ этихъ звучно шлепавшихъ на полъ капель кое-гдѣ въ неровностяхъ скоплялись небольшія лужицы воды, излишекъ которой тоненькой струйкой сбѣгалъ подъ уклонъ по темному тоннелю. Входъ въ пещеру находился выше лѣса — тамъ, гдѣ по всему протяженію Яйлы виднѣется голый, сѣрый камень ея отвѣсныхъ стѣнъ — и терялся среди трещинъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, лежащихъ пластами одна надъ другой. Къ пещерѣ вела едва замѣтная, протоптанная контрабандистами, головоломная тропинка, шедшая частью по осыпи, частью по уступамъ каменныхъ напластованій, надъ глубокимъ проваломъ, на днѣ котораго былъ видѣнъ лѣсъ. У непривычнаго человѣка захватитъ духъ идти по такой дорогѣ.

Пещера съ опушки лѣса была не видна. Куртъ Аметъ и Бекиръ отличали ее по особой примѣтѣ: у самой вершины Яйлы, надъ входомъ въ пещеру, одна среди унылыхъ, отвѣсныхъ скалъ, росла сосенка, съ вѣтвями, обращенными отъ частыхъ вѣтровъ въ одну сторону. Что занесло ее въ эту недоступную высь, на горючіе камни? Какъ ухитрилась она возрасти и жить на голой твердынѣ? Корявая, приземистая— она поднялась настолько, чтобы заглянуть за обрѣзъ Яйлы, точно изъ любопытства. Частые и сильные на этой высотѣ ураганы выбивались изъ силъ, чтобы вырвать любопытную сосенку съ корнемъ и сбросить внизъ. Но она все стояла и росла и достигла того, чего желала. Она заглянула туда, за Яйлу—и точно ужаснулась тому, что увидала. Она отвернулась отъ унылаго вида безконечной, уходящей въ дальній сѣверъ равнины, гдѣ все было выжжено лѣтнимъ зноемъ, гдѣ морилъ все живое желѣзный холодъ зимою, гдѣ гремѣла и металась въ тоскѣ блѣдная снѣжная вьюга... Всѣ вѣтви испуганной сосенки, изогнувшись дугою, протягивались къ теплому морю, навстрѣчу солнечному свѣту.

Эта застывшая въ стремительномъ порывѣ сосенка, съ насильственно обращенными въ одну сторону вѣтвями, производила странное впечатлѣніе. Въ ясный божій день, когда все вокругъ дремлетъ въ сладкой лѣтней истомѣ, когда не дрогнетъ нигдѣ листъ на вѣткѣ дерева, не зашелеститъ травинка—она заставляла невольно оглядѣться. Гдѣ же буря? Гдѣ вѣтеръ, который захватилъ и держитъ въ неестественномъ напряженіи эти толстыя вѣтви сосны, изогнувъ ихъ дугою въ сторону моря?..

Куртъ Аметъ съ цыганомъ не скучали въ своей поднебесной фабрикѣ. Они работали съ большимъ удовольствіемъ. Провизія у нихъ была, потому что водились деньги; вода была тутъ же, въ лужицахъ пещеры. А если этой воды не хватало, кто-нибудь шелъ на Яйлу и приносилъ глыбу снѣга изъ

лощины, куда онъ нападалъ зимою и, слежавшись, держался цѣлое лѣто. Снѣгъ не долго было превратить въ воду.

Пріятели не морили себя работой. Когда имъ надоѣдало крошить табакъ, они играли въ карты или садились подъ тѣнью сосны и бесѣдовали. Бекиръ принесъ сюда свой кларнетъ и иногда, по вечерамъ, разыгрывалъ рулады. Отсюда, съ вершины, открывался прекрасный видъ на южный берегъ и сосѣднія горы. Направо виднѣлась вершина Ай-Петри—этой эффектной точки на плоскогорьи Яйлы, гдѣ холмистая степь внезапно взмыла къ небу высокой каменной волною и такъ застыла навсегда. Налѣво, за контрафорсомъ Яйлы—Учъ-Хошъ, чудный провалъ съ бѣгущими по страшной кручѣ, до самой Яйлы, великолѣпными соснами. У ногъ, точно географическая карта, развернутъ южный берегъ. Какъ причудливы, какъ рѣзко очерчены моремъ его линіи! Вонъ, по сверкающей на солнцѣ чешуѣ моря, которая даже здѣсь, на высотѣ около 5000 футъ, достигаетъ глаза, плыветъ, какъ игрушка, пароходъ. Шоссейная дорога яркой бѣлой лентой извивается черезъ весь видный берегъ. Вдали горбатый Аю-Дагъ пьетъ воду въ морѣ. Вонъ Ялта, маленькое, ничтожное бѣленькое пятнышко, точно пушинка, потерянная чайкой на морскомъ берегу. Ближе — Гаспра, Мисхоръ; а дальше — сумрачный, изъ сѣраго камня, Алупскій замокъ дремлетъ въ густой зелени роскошнаго парка. Пирамидальная Магаби кажется отсюда маленькимъ пригоркомъ. Она вся зеленая. Старый казенный лѣсъ рѣзкой линіей отдѣляется отъ принадлежащаго безпощаднымъ татарамъ мелколѣсья. И стоитъ онъ, какъ войско, правильнымъ фронтомъ, грозный, спокойный, словно увѣренный въ своей таинственной силѣ. А море?.. Оно необъятно — его неизмѣримая площадь теряется, сливаясь съ небомъ, и дразнитъ, и манитъ своей загадочной глубиной, своей стихійной красотою. Тихій, таинственный шумъ его, словно дыханіе живой природы, доносится до слуха...

Бекиръ играетъ, и торопливые звуки кларнета, сплетаясь и разбѣгаясь, льются въ тишинѣ вечера, то повторяясь гдѣ-то въ скалахъ, то отзываясь въ лѣсу. Куртъ Аметъ слушаетъ. Онъ задумался, ему грустно. Онъ машинально сбрасываетъ въ пропасть мелкіе камушки и, слѣдя за ихъ полетомъ, мечтаетъ о Салге. Онъ не забылъ ея. Онъ видитъ ея взоръ, слышитъ шорохъ ея платья, ея милый голосъ раздается у него въ ушахъ. Ему нравится, что Бекиръ всегда играетъ что-то грустное.

— Что? Хорошо я играю?—спрашиваетъ цыганъ.

— Хорошо, Бекиръ! Играй еще!—И, поощренный похвалою пріятеля, цыганъ опять играетъ. Кларнетъ опять звучитъ, и торопливые, нѣжные звуки бѣгутъ въ горы и въ лѣсъ. И

горы, и лѣсъ то и дѣло повторяютъ унылую пѣсню цыгана.

— Я ее украду!—думаетъ Куртъ Аметъ и слѣдитъ, какъ летитъ и шуршитъ, падая въ пропасть, брошенный камень...

XII.

— Я украду ее!

Эта мысль въ первый разъ мелькнула въ умѣ Куртъ Амета еще въ то время, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Онъ любилъ Салге и не могъ разстаться съ мечтою о ней. Это была любовь дикая, примитивная, эгоистическая. Явное равнодушіе, презрительное, брезгливое чувство къ нему со стороны Салге и очевидное увлеченіе Салге проводникомъ Меметомъ,—уязвляли его самолюбіе, возбуждали въ немъ злость. Къ страстному желанію имѣть ее, примѣшивалось желаніе отомстить Салге за отказъ на его предложеніе, отмстить старому хрычу Халилю за его ругань, Мемету за побои.

— Я ее украду!

Эта мысль не давала спать Куртъ Амету. Конечно, если бы удалось это сдѣлать, онъ отмстилъ-бы имъ всѣмъ...

Но какъ это сдѣлать?

Въ самомъ фактѣ похищенія Салге не было-бы ничего необычайнаго. Воровство парнями молодыхъ дѣвушекъ-невѣстъ живой татарскій обычай, утвердившійся, какъ протестъ противъ злоупотребленія предписаніями Аль-Корана. Коранъ Магомета требуетъ, чтобы женихъ платилъ родителямъ невѣсты выводъ, уплачивалъ имъ за невѣстино приданое. Родители льстятся на деньги и, случается, насильно продаютъ дочерей въ жены старикамъ, дающимъ за дѣвушку, иногда за дѣвочку, наибольшій выводъ. Молодежь въ такихъ случаяхъ рѣшается спасать свою любовь поспѣшнымъ тайнымъ бракомъ. Дѣвушка сговаривается съ своимъ возлюбленнымъ, и молодой, отвергнутый родителями, женихъ похищаетъ ее. И общество, и церковь мусульманская берутъ въ такихъ случаяхъ молодыхъ подъ свою защиту. Мулла читаетъ молитву надъ соединившимися по любви и санкціонируетъ бракъ. Общество употребляетъ свое вліяніе, чтобы убѣдить родителей бѣжавшей дѣвушки примириться съ совершившимся фактомъ, простить дочь и зятя за обманъ.

Но если старики злоупотребляютъ правами родителей, насилуя волю своихъ дѣтей, то и молодежь зачастую злоупотребляетъ обычаемъ тайно вступать въ бракъ. Случается, женихъ крадетъ невѣсту не потому, что родители отказываютъ въ своемъ согласіи на бракъ, а только для того, чтобы избѣжать

платежа вывода или чтобы ускорить бракъ, если денегъ на выводъ невѣсты скоплено еще недостаточно.

Такимъ образомъ, кража невѣсты у татаръ явленіе заурядное. Правда, въ похищеніи Салге, съ точки зрѣнія мусульманскихъ правовыхъ понятій, не было-бы ничего преступнаго лишь тогда, если бы она бѣжала съ Куртъ Аметомъ изъ дома отца по собственному желанію. Но то, что будетъ послѣ, мало заботило Куртъ Амета. Всетаки Салге, хотя и противъ воли, сдѣлается его женою. Если она и вернется домой, то вернется «вдовою», какъ принято считать у татаръ, и онъ, Куртъ Аметъ, будетъ отмщенъ. Пусть тогда Халилъ кричитъ себѣ на здоровье! Пусть тогда сватается къ Салге Меметъ!

Но, какъ украсть Салге, если она сама этого не желаетъ?

Сидя въ тюрьмѣ, отъ нечего дѣлать, Куртъ Аметъ много думалъ объ этомъ. Мысль эта не давала ему покоя, и въ головѣ его созрѣлъ цѣлый планъ. Конечно, задача была трудная, и очень можетъ быть, что привести въ исполненіе задуманный планъ не удастся Но отчего-же не попробовать? Отчего не попытать счастья?

На праздникѣ Азиса Куртъ Аметъ сдѣлалъ важное открытіе. Онъ убѣдился, что Салге любитъ проводника Мемета. Это было очевидно. Открытіемъ этимъ надо было воспользоваться.

Но, чтобы задуманное дѣло могло удаться, надо было дѣйствовать осторожно, неторопливо и хитро. Прежде всего представлялось нужнымъ измѣнить свое отношеніе къ сосѣдкѣ и усыпить бдительность Халиля. Нужно было, чтобы забылось и недавнее сватовство Куртъ Амета за Салге, и происшествіе въ саду, на праздникѣ Азиса. Нужно было постараться сдѣлать такъ, чтобы о Куртъ Аметѣ всѣ поскорѣе забыли.

Возвратившись домой изъ тюрьмы, Куртъ Аметъ сейчасъже пошелъ въ волость и взялъ обратно свою жалобу на Мемета, а затѣмъ скрылся изъ деревни, переселившись съ Бекиромъ въ пещеру, на «табачную фабрику». Работа наполняла его день и удерживала отъ поспѣшныхъ дѣйствій. Дни шли за днями и, дѣйствительно, недавняя новость—возвращеніе бродяги Куртъ Амета изъ тюрьмы—новость, давшая тему для оживленныхъ разговоровъ въ средѣ обычныхъ посѣтителей кофейни Муслюма, забылась очень скоро. Куртъ Аметъ исчезъ съ деревенскаго горизонта. Его рѣдко было видно, нигдѣ ничего про него не разсказывали. Да и время было рабочее, всѣ были очень заняты.

Однако Куртъ Аметъ не упускалъ Салге изъ виду. Ему нужно было знать, что дѣлается въ домѣ Халиля, что дѣлается въ деревнѣ. И онъ приходилъ иногда домой за ружьемъ, чтобы пойти за зайцами, или купить у татарокъ яицъ для своей корзины.

Приходя домой, Куртъ Аметъ старался непремѣнно увидѣть Салге. Онъ поджидалъ, когда она пройдетъ къ фонтану, или высматривалъ ее въ саду на плантаціи, но каждый разъ дѣлалъ видъ, будто не видитъ ее или вовсе не интересуется ею. Однажды онъ былъ около плетня въ своемъ дворѣ, какъ вдругъ Салге неожиданно прошла домой съ плантаціи. Куртъ Аметъ отвернулся и пошелъ къ себѣ въ саклю, не обративъ никакого вниманія на дѣвушку. Салге не могла этого не видѣть. А вечеромъ того же дня, когда всѣ разошлись по домамъ, онъ подкрался подъ стѣнкой сакли Халиля къ окошку и, притаившись, любовался Салге. Онъ видѣлъ, какъ она писала подъ наблюденіемъ своего маленькаго учителя Смаила, какъ потомъ сѣла за ткацкій станокъ и долго работала.

Приходя теперь домой, Куртъ Аметъ не былъ грубъ съ матерью и молчаливъ, какъ прежде. Онъ разговаривалъ съ Перидe, интересовался знать, у кого она работаетъ, подробно выспрашивалъ, о чемъ говорятъ въ деревнѣ, и пр. Перидe разсказала ему, между прочимъ, что недавно, въ тотъ день, какъ онъ возвратился въ деревню изъ острога, староста Кара Али опять сваталъ за Салге своего Эреджепа и предлагалъ Халилю богатый выводъ, но что старикъ опять отказалъ, откладывая вопросъ о замужествѣ дочери до будущаго года. Перидe слышала, какъ объ этомъ разсказывали татарки у фонтана...

Это не мѣшало знать. Куртъ Аметъ принялъ сообщеніе матери къ свѣдѣнію.

Навѣдавшись домой и повидавъ украдкою Салге, Куртъ Аметъ опять возвращался въ пещеру и принимался за работу. Выходя покурить и погрѣться на солнцѣ послѣ долгаго сидѣнья въ сыромъ подземельи, Куртъ Аметъ садился надъ обрывомъ Яйлы и думалъ все объ одномъ и томъ-же:

— Я ее украду!..

XIII.

Послѣ неожиданной встрѣчи съ Меметомъ въ саду, на праздникѣ Азиса, неясныя мечты Салге о молодомъ проводникѣ превратились въ страстную любовь. Съ этого дня Меметъ былъ все для молодой дѣвушки: онъ всецѣло наполнилъ ея душевный міръ. Салге казалось, что Меметъ былъ именно тотъ, кого давно ждала ея душа, герой ея фантазіи, красавецъ, богачъ, удалецъ, первый между всѣми наѣздникъ.

— О мой Меметъ! О милый!—шептали ея губы, и сердце замирало отъ восторга любви.

Образъ Мемета былъ съ нею вездѣ. Даже ночью онъ

являлся къ ней въ тревожныхъ снахъ, ласкалъ ее, обнималъ, цѣловалъ... И она, вся въ огнѣ, отвѣчала ему ласками, искала его поцѣлуевъ.

По вечерамъ, когда все въ деревнѣ успокаивалось, и отецъ, пообѣдавъ съ заходомъ солнца, уходилъ, по обыкновенію, въ кофейню или ложился спать, Салге приходила на свое любимое мѣсто къ обрыву и, усѣвшись подъ орѣхомъ, тихонько напѣвала свои импровизаціи. Она пѣла про свою любовь, про свое счастье, и Меметъ былъ постояннымъ героемъ ея пѣсенъ.

Салге переживала бредъ первой любви, испытывала первое эфемерное счастье земной жизни.

Такъ шли дни, и мало по малу овладѣвшій душою молодой дѣвушки восторгъ любви сталъ смѣняться смутной тоскою. Заставлявшее замирать сердце чувство неизъяснимой сладости Салге стала ощущать все рѣже и слабѣе. Салге начинала сознавать, что ей мало однихъ мечтаній. Впечатлѣнія встрѣчи, воспоминаніемъ о которой она наслаждалась такъ долго, потухая, требовали обновленія, вызывали жажду новаго свиданія. Салге хотѣлось видѣть Мемета. Зачѣмъ онъ ушелъ и пропалъ, и не возвращается къ ней? И Салге мучительно стала ждать его появленія.

Съ тревогой глядѣла Салге на улицу, на даль уходящей въ горы дороги, съ бьющимся сердцемъ прислушивалась къ раздававшемуся гдѣ-либо конскому топоту. Но ѣхали какіе-то скучные, лишніе люди, а желанный всадникъ не показывался.

Меметъ не пріѣзжалъ, ничѣмъ не подавалъ о себѣ вѣсти. Неужели онъ уѣхалъ навсегда и не возвратится болѣе? Неужели въ его сердцѣ не осталось ничего послѣ встрѣчи съ нею въ саду на праздникѣ Азяса? Зачѣмъ-же онъ такъ явно отличалъ ее, бѣдную Салге, передъ всѣми дѣвушками, зачѣмъ дарилъ конфекты не другимъ, а ей?

И Салге все больше и больше становилось грустно. Въ ея неопытное сердце закрадывалось мучительное чувство обиды и ревности. Меметъ—проводникъ. Салге знала, что онъ часто ѣздитъ верхомъ въ обществѣ русскихъ барынь и дѣвушекъ, она имѣла случай сама видѣть его въ такомъ обществѣ. Онъ близокъ къ нимъ, къ этимъ свѣтловолосымъ, блѣднымъ красавицамъ въ черныхъ платьяхъ, казавшимся ей почти неземными, полувоздушными созданіями. Что ему любовь бѣдной деревенской дѣвушки съ загорѣлымъ на солнцѣ лицомъ, съ грубыми отъ работы руками, когда онъ каждый день окруженъ благородными красавицами, любовь которыхъ вскружитъ голову любому мужчинѣ?.. Что ему до Салге? Онъ давно забылъ ее, забылъ о встрѣчѣ въ саду, у плетня! Зачѣмъ-же подходилъ? Зачѣмъ говорилъ? Къ чему дарилъ гостинцы?

Салге затосковала. Недавнее счастье любви превращалось въ муку обманутыхъ ожиданій. Послѣ первыхъ порывовъ нѣжнаго восторга, она узнала горе разочарованія, проливала первыя тайныя слезы о несбывшемся счастьи. И подруги, и старый Халиль стали замѣчать перемѣну въ Салге и спрашивали, что съ ней? Но Салге никому не разсказала правды. Зачѣмъ было говорить подругамъ о неудавшейся любви? Развѣ онѣ могли бы помочь ей въ горѣ, разсѣять тоску ея сердца? Салге любила отца, но развѣ можно говорить съ отцомъ о такихъ вещахъ?

Однажды, возвращаясь изъ Ялты, Куртъ Аметъ, вмѣсто того, чтобы идти въ пещеру, гдѣ условился сойтись вечеромъ съ Бекиромъ, рѣшилъ идти домой, въ деревню. Онъ давно не былъ дома, и его вдругъ потянуло увидѣть Салге.

— Чортъ съ нимъ, съ цыганомъ! Пусть ночуетъ одинъ! — рѣшилъ Куртъ Аметъ и, не смотря на позднее время (солнце давно уже сѣло, когда онъ взошелъ на Яйлу), отправился прямо къ себѣ въ деревню.

Куртъ Аметъ усталъ. Отъ ходьбы ему было жарко, и корзина рѣзала плечи. Неслышно выступая въ мягкихъ, кожанныхъ постолахъ, Куртъ Аметъ приближался къ деревнѣ ужъ поздно вечеромъ. Онъ добрался до фонтана, напился воды и, снявъ съ плечъ корзину, присѣлъ на край каменнаго водоема передохнуть.

Была чудная, тихая ночь. Луна давно взошла и, торжественно плывя по ясному, безоблачному небу, освѣщала затихшую землю. Деревня, вся залитая мягкимъ зеленоватымъ свѣтомъ, казалось, спала. Только кое-гдѣ въ сакляхъ виднѣлись еще поздніе огоньки.

Очертанія окружныхъ горъ и деревенскихъ улицъ были хорошо видны. Надъ рѣчкой, бросая длинныя таинственныя тѣни, какъ взводъ солдатъ на караулѣ, стояли въ рядъ безконечно высокіе пирамидальные тополи. На пригоркѣ, противъ фонтана, ярко бѣлѣлъ въ ночномъ сумракѣ привѣтливый домикъ Халиля. Въ окнахъ его было темно. Косые лунные лучи, прокравшись черезъ листву стараго орѣха, ударяли въ оконное стекло и отражались холоднымъ блескомъ.

Куртъ Аметъ осмотрѣлся.

— Спитъ, вѣрно! — подумалъ онъ, глядя на домикъ Халиля.

Вода изъ узенькой трубочки фонтана, завиваясь и играя луннымъ блескомъ, тонкой струйкой журчала и булькала, падая въ водоемъ. Гдѣ-то въ саду фыркала оставленная на ночь лошадь.

— Козочка моя! Она здѣсь часто бываетъ, на фонтанѣ! — подумалъ Куртъ-Аметъ.

И ему пришло въ голову,—что, еслибы Салге спустилась теперь, лунной ночью, къ фонтану?

Онъ машинально трогалъ пальцами прохладную воду, слѣдя за разбѣгающимися по ея поверхности кругами. Отраженный въ глубинѣ воды лунный дискъ, морщась отъ разбѣгавшихся струй, смотрѣлъ на него со дна водоема; казалось, будто тамъ, на днѣ фонтана, была другая луна, кромѣ той, что на небѣ, такая же чистая и ясная, и такая-же безжизненно-холодная.

— Нѣтъ, не придетъ! Будь здѣсь кто-нибудь другой, а не я, можетъ быть и пришла-бы!—думалъ Куртъ Аметъ.

Вдругъ въ тишинѣ ночи, гдѣ-то вблизи, послышалось тихое пѣніе...

Куртъ Аметъ поспѣшно обернулся и посмотрѣлъ на домикъ Халиля. Свѣтъ луны, казалось, сталъ еще ярче. На бѣлой стѣнѣ дома обрисовывались мягкія, чуть движущіяся тѣни листьевъ, какіе-то странные узоры отъ перекрещивающихся сучьевъ стараго орѣха. Въ окнахъ, по прежнему, было темно. Куртъ Аметъ разглядѣлъ Салге надъ обрывомъ, подъ деревомъ, на ея обычномъ мѣстѣ. Онъ поспѣшно перебѣжалъ въ тѣнь и, неслышно прокравшись подъ защитой плетня, остановился у калитки своего дома, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ молодой дѣвушки. Куртъ Аметъ замеръ на мѣстѣ и слушалъ чуть дыша.

Салге пѣла пѣсню, въ которой говорилось про молодыхъ наѣздниковъ, пробующихъ великолѣпныхъ коней своихъ. Слышенъ топотъ копытъ, пыль вздымается густымъ облакомъ, прекрасные кони несутся, какъ вѣтеръ. Впереди всѣхъ ѣдетъ молодой красавецъ. Его конь быстрѣе и красивѣе всѣхъ. Толпа шумитъ и кричитъ, всѣ хвалятъ прекрасную лошадь. Дѣвушка одна глядитъ не на лошадь: ей нравится молодой наѣздникъ. Она молчитъ, но сердце ея говоритъ:—Приди, Меметъ! Приди!

Стройныя, какъ тополи, русскія дѣвушки, свѣжія и прекрасныя, какъ дѣвы рая, ѣдутъ на коняхъ и окружаютъ молодого татарина. Чудный конь его горячится и храпитъ. Молодой наѣздникъ, весь въ золотомъ шитьѣ, привлекаетъ къ себѣ взоры красавицъ... Молодая татарка въ бѣдной деревнѣ забыта и тоскуетъ одна. Она любитъ нѣжно и вѣрно, какъ не будутъ любить бѣлолицыя русскія дѣвушки. Неужели молодой татаринъ не знаетъ, кто больше его любитъ?

И опять Салге закончила куплетъ пѣсни полнымъ тоски и страсти призывомъ:—О, Меметъ! Приди!

Куртъ Аметъ видѣлъ, какъ она обняла колѣни руками и въ тоскѣ склонила на нихъ голову.

Куртъ Аметъ слышалъ каждое слово пѣсни. Онъ дрожалъ, задыхался и не могъ двинуться съ мѣста. Онъ и любилъ ее,

эту чудную дѣвушку, которая можетъ такъ жалобно пѣть, что душа разрывается на части, и страстно ненавидѣлъ за обиду. Зачѣмъ, въ тиши этой ночи, она при немъ звала другого?.. Слезы душили его. На мгновенье въ головѣ его мелькнула мысль взбѣжать туда, на обрывъ, и убить Салге! Пусть никому не достается! Но онъ сейчасъ-же опомнился.

— Ничего! Пусть! Теперь я знаю!—подумалъ онъ.—Изъ глубины души его поднималось новое, злорадное чувство.

Куртъ Аметъ посмотрѣлъ на свой пустынный, залитый свѣтомъ луны дворъ, на покосившуюся, почернѣвшую отъ старости саклю, гдѣ теперь спала Периде, и ему стало невыразимо тоскливо.

— Чего я пойду туда?—подумалъ онъ.—Пойду къ цыгану!

И онъ, также незамѣтно, какъ подкрался, скользнулъ въ тѣни плетня внизъ и вышелъ на дорогу.

— Ничего!.. Пусть!.. Теперь я ее украду!—сказалъ онъ самъ себѣ.

И, вскинувъ на плечи оставленную у фонтана корзину, онъ, не выдавъ своего присутствія, бодрымъ шагомъ пошелъ назадъ.

XIV.

Деревенскія сакли и табачные навѣсы все больше и больше завѣшивались табачными суруками. Уборка табаку кончалась, доламывали послѣдніе доспѣвшіе листья, и многія плантаціи стояли уже обнаженными, съ уныло торчащими на нихъ, какъ воткнутыя зачѣмъ-то въ землю палки, оголенными стволами табачнаго стебля.

На одной изъ плантацій стараго Халиля, въ саду, работали дѣвушки. Работницы то и дѣло сгибались, обламывая и складывая въ корзины послѣдніе, начинавшіе желтѣть табачные листья. Было уже за полдень. Дѣвушки обобрали уже почти всю плантацію и доканчивали послѣдній косякъ около садоваго плетня. Имъ было весело. Онѣ болтали, пересмѣивались и шалили.

— Что это Куртъ Аметъ все ходитъ? Вотъ уже второй разъ идетъ!—сказала Эмене Шерфе.

— Это онъ на насъ засматривается! Жениться, вѣрно, хочетъ?—сказала Авашъ и захохотала.

За ней засмѣялись и другія.

Между дѣвушками была Салге. Куртъ Амету нужно было говорить съ ней, и, послѣ нѣкоторой нерѣшительности, онъ подошелъ къ плетню.

Его стѣсняло присутствіе другихъ дѣвушекъ, но, съ другой стороны, казалось, что еще лучше будетъ, если онъ при постороннихъ скажетъ то, что имѣетъ сказать Салге.

Дѣвушки такъ и напали на него, когда онъ подошелъ.

— А! Это ты, Куртъ Аметъ! Здравствуй и прощай!

— А, Куртъ Аметъ! Гдѣ ты пропадаешь?.. Что тебѣ здѣсь надо?.. Убирайся!..

— Что тебя нигдѣ не видно? Ты, вѣрно, все въ острогѣ сидишь?

— Нѣтъ! Это его Меметъ нагайкой высѣкъ! Вотъ онъ и ходитъ въ Ялту къ русскимъ докторамъ лѣчиться!

И въ Куртъ Амета полетѣла табачная кочерыжка съ комомъ рыхлой земли на корняхъ. Дѣвушки захохотали.

Куртъ Аметъ хотѣлъ подозвать Салге, но ему не давали заговорить. Больше всѣхъ, подзадоривая другихъ, издѣвалась надъ нимъ хохотушка Авашъ...

— Чего смотришь? Что тебѣ нужно отъ насъ?

— Ступай! Чего таращишь желтые глаза?

— Куртъ Аметъ! Правда, что въ тебя изъ ружья стрѣляли?

— А правда, что ты много денегъ въ кости выигралъ и самъ у себя укралъ?

И всѣ снова хохотали.

Куртъ Аметъ отошелъ отъ плетня.

— Нѣтъ, лучше послѣ! Теперь нельзя!—подумалъ онъ.

Отходя, онъ слышалъ, какъ трескотня и звонкій хохотъ дѣвушекъ раздавались ему вслѣдъ.

Въ другое время Куртъ Аметъ и не вздумалъ-бы подойти къ дѣвушкамъ, потому что зналъ, что его встрѣтятъ недружелюбно. Но теперь онъ не обратилъ на это вниманія. Онъ даже почти не слышалъ, что говорятъ ему, и ядовитыя замѣчанія шаловливыхъ татарокъ нисколько не обижали его. Ему было только досадно, что дѣвчонки не даютъ заговорить о дѣлѣ, съ которымъ онъ пришелъ.

— Ничего, послѣ!.. Когда будетъ одна!—говорилъ онъ самъ съ собой и, подкидывая на рукѣ апельсинъ, пошелъ къ себѣ домой.

Этотъ апельсинъ Куртъ Аметъ нарочно купилъ наканунѣ, чтобы отдать Салге.

Стало смеркаться, когда Салге пошла домой изъ сада отца. Она ушла съ работы раньше другихъ и шла одна. Куртъ Аметъ подстерегалъ ее у себя во дворѣ.

Едва лишь Салге повернула на тропинку, пролегавшую въ узкомъ проходѣ между плетнями, какъ увидѣла Куртъ-Амета. Онъ стоялъ у самаго плетня, мимо котораго ей надо было пройти, и подбрасывалъ на рукѣ апельсинъ.

— Здравствуй, Салге!.. Меметъ тебѣ кланяется!—сказалъ Куртъ Аметъ.

При словѣ «Меметъ», Салге вспыхнула и невольно пріостановилась.

Она закрыла покраснѣвшее лицо платкомъ и пристально посмотрѣла на Куртъ Амета.

— Мы съ нимъ друзья теперь!.. Мы помирились!.. Вотъ, онъ прислалъ тебѣ этотъ апельсинъ!.. На! Возьми!..

Куртъ Аметъ смотрѣлъ прямо въ глаза дѣвушкѣ.

Повѣритъ Салге, или нѣтъ? Въ этомъ было все...

— На! Возьми-же!

Онъ протягивалъ ей апельсинъ.

Салге стояла передъ нимъ растерянная, покраснѣвшая отъ смущенія и страха. Она не вѣрила и хотѣла вѣрить. Она хотѣла уйти, и не могла двинуться съ мѣста. Тотъ, кого она любила, воспоминаніями о комъ жила и дышала, кѣмъ наполнена была ея душа, кого она звала въ страстныхъ пѣсняхъ, онъ отозвался! Меметъ любитъ ее! Онъ помнитъ ее! Вѣдь это правда. Не извергъ-же Куртъ Аметъ, чтобы такъ лгать. Наконецъ, онъ не знаетъ вѣдь о ея любви, никто объ этомъ ничего не знаетъ. Нѣтъ! Онъ не лжетъ! И онъ смотритъ такъ прямо въ лицо... О, Меметъ! О милый, возлюбленный Меметъ! Онъ не забылъ, онъ помнитъ свою Салге!

У молодой дѣвушки кружилась голова отъ этихъ мыслей, въ вискахъ стучало, сердце такъ ужасно билось въ груди.

— На! возьми-же!.. Ты не берешь? Ты не вѣришь мнѣ?..

Куртъ Аметъ опустилъ глаза и повернулся уходить.

— Постой!—сказала Салге.

Онъ обернулся и опять смѣло взглянулъ ей прямо въ лицо.

— Ты правду говоришь, Куртъ Аметъ?..—спросила она.

— Зачѣмъ мнѣ лгать?.. Мы помирились!.. Меметъ далъ мнѣ апельсинъ и сказалъ: «когда будешь въ деревнѣ, отдай Салге отъ меня въ подарокъ». Онъ такъ сказалъ!

— Онъ такъ сказалъ?—машинально переспросила она.

— На! Возьми!

И онъ опять протянулъ ей апельсинъ.

Салге повѣрила Куртъ Амету. Она высвободила руку изъ подъ платка и взяла апельсинъ.

Куртъ Аметъ видѣлъ, какъ дрожала ея рука.

— Благодари Мемета! Поклонись Мемету!—прошептала Салге.

Она зажала въ рукѣ апельсинъ и, внѣ себя отъ неожиданнаго счастья, убѣжала домой...

Вячеславъ Фаусекъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Нѣмецкій крестьянинъ послѣ освобожденія.

VI.

Единственной мѣрой, направленной, повидимому, къ улучшенію быта крестьянской массы, является учрежденіе «рентныхъ имѣній» (Rentengüter). Закономъ 27 іюня 1890 г. разрѣшено землевладѣльцамъ выдѣлять изъ своихъ имѣній, независимо отъ ихъ задолженности и фидеикомиссныхъ свойствъ, небольшіе участки и отдавать ихъ на правахъ собственности крестьянамъ за опредѣленную, денежную или натуральную, годичную плату (ренту). Этотъ законъ порвалъ со старыми традиціями прусскаго законодательства, уничтоживъ замкнутость крупныхъ имѣній, ограничивъ власть кредиторовъ и разрѣшивъ пріобрѣтеніе права собственности на недвижимость безъ единовременной уплаты ея стоимости, т. е. возстановивъ до нѣкоторой степени институтъ наслѣдственной аренды, отмѣненный при освобожденіи крестьянъ. Дальнѣйшее отступленіе отъ существующаго правового порядка состоитъ въ томъ, что землевладѣльцу предоставляется право внести въ договоръ условіе, по которому для отчужденія рентнаго имѣнія, частями или полностью, требуется его согласіе. Этой поправкой законодатель имѣлъ въ виду до нѣкоторой степени предохранить рентныя имѣнія отъ гибельнаго вліянія спекулянтовъ и кулаковъ-кредиторовъ. Дополненіемъ къ закону 1890 г. служитъ законъ 7 іюля 1891 г., въ силу котораго рента съ согласія сторонъ можетъ быть выкуплена при содѣйствіи рентныхъ банковъ; кромѣ того, лицо, пріобрѣтающее рентное имѣніе, можетъ получить ссуду на первое обзаведеніе. Цѣль обоихъ законовъ состоитъ въ томъ, чтобы, «создавъ рядъ среднихъ и мелкихъ участковъ, возстановить въ мѣстностяхъ съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ поземельной собственности, особенно въ восточной Пруссіи, столь важный въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ средній членъ между крупными землевладѣльцами и безземельными рабочими, а также образовать кон-

тингентъ осѣдлыхъ сельскихъ рабочихъ и положитъ конецъ эмиграціи, бродяжеству и чрезмѣрному стремленію въ города» *).

Итакъ, учреждая институтъ рентныхъ имѣній, правительство имѣло въ виду двоякую цѣль: 1) увеличить ряды обезпеченнаго землею крестьянства и 2) доставить помѣщикамъ постоянный контингентъ рабочихъ рукъ.

Можетъ-ли быть достигнута первая цѣль тѣми способами, корые заключаются въ законахъ 1890 и 1891 гг.?

По закону 1891 г. ссуда на первое обзаведеніе можетъ быть выдана «среднимъ и мелкимъ» рентнымъ имѣніямъ. Что же слѣдуетъ разумѣть подъ «мелкими» имѣніями? Правительственная инструкція рекомендуетъ подлежащимъ учрежденіямъ взять въ качествѣ критерія возножность вести на землѣ собственное хозяйство, независимо отъ того, поглощаетъ-ли земля всю рабочую силу собственника и его семьи, или же, въ видахъ лучшаго обезпеченія, онъ можетъ искать заработка на сторонѣ. Другими словами, законъ 1891 г. не заключаетъ въ себѣ никакихъ гарантій противъ учрежденія такихъ имѣній, владѣльцы которыхъ вынуждены будутъ продавать свою рабочую силу тому самому помѣщику, у котораго они купили землю. И дѣйствительно, генеральная коммиссія во Франкфуртѣ, въ которой сосредоточиваются дѣла по учрежденію рентныхъ имѣній во франкфуртскомъ округѣ, считаетъ вполнѣ достаточнымъ участокъ въ $2^1/_2$ гектара, т. е. половину того, что безусловно необходимо для пропитанія семьи; понятно, что такой собственникъ не можетъ обойтись безъ продажи своей рабочей силы помѣщику. При такой неопредѣленности и растяжимости критерія, рекомендуемаго правительствомъ, возникаетъ опасность, что вмѣсто созданія «средняго члена между крупными землевладѣльцами и безземельными рабочими» окажется только образованіе нѣкотораго контингента «осѣдлыхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ», т. е. что законъ принесетъ пользу только крупнымъ землевладѣльцамъ, которые будутъ имѣть къ своимъ услугамъ готовые кадры привязанныхъ къ землѣ рабочихъ. Обѣ намѣченныя правительствомъ цѣли сольются тогда въ одну—обезпеченіе помѣщика рабочей силой, недостатокъ и дороговизна которой вызываютъ въ послѣднее время безконечныя жалобы со стороны землевладѣльцевъ.

Нужно еще принять во вниманіе и то, что учрежденіе рентныхъ имѣній является актомъ доброй воли землевладѣльца; роль государства ограничивается содѣйствіемъ и посредничествомъ. При такой организаціи дѣло едва-ли приметъ сколько-нибудь значительные размѣры, а вѣдь только въ послѣднемъ случаѣ оно могло бы получить соціальное значеніе, могло бы стать факторомъ, уравнивающимъ «чрезмѣрныя» крайности распредѣленія земельной собственности въ Пруссіи. Съ 7 іюля 1891 г. до конца 1895 года

*) Denkschrift, стр. 25.

учреждено было 7,723 имѣнія. Если даже предположить, что владѣльцы ихъ достаточно обезпечены землей, и имъ не приходится прибѣгать къ поденщинѣ, какъ къ подсобному занятію, то все же это только капля въ морѣ. Въ 1895 году насчитывалось въ Германіи 1,445,300 семействъ, принадлежащихъ къ числу сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и не владѣющихъ ни клочкомъ земли *). Еслибы германскія государства вздумали всѣхъ ихъ обратить въ крестьянъ по рецепту, даваемому законами о рентныхъ имѣніяхъ, т. е. учреждая по 1,716 имѣній въ годъ, то потребовалось бы 842 года! Въ этотъ счетъ не входятъ ни 1,718,885 чел. прислуги, ни 382,872 самодѣятельныхъ сельскихъ рабочихъ, владѣющихъ клочкомъ земли. А еслибы мы пожелали такимъ путемъ обратить въ крестьянъ весь сельско-хозяйственный пролетаріатъ, то потребовалось бы ни больше ни меньше, какъ 2067 лѣтъ!

Конечно, правительство вовсе не стремится къ надѣленію землею *всѣхъ* сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, да — по понятнымъ причинамъ—и не можетъ къ этому стремиться. Все, чего оно желаетъ, — это обратить *нѣкоторое* количество безземельныхъ рабочихъ въ крестьянъ, чтобы наполнить ту пропасть, которая отдѣляетъ два крайнихъ момента прусскаго землевладѣнія—классъ лэндлордовъ и классъ пролетаріевъ. Оно хочетъ создать «здоровое» распредѣленіе поземельной собственности, которое, по рецепту консервативныхъ ученыхъ, состоитъ въ томъ, что земельная площадь распредѣляется равномѣрно между крупными, средними и мелкими собственниками. Не благосостояніе массы имѣло правительство въ виду, издавая законы о рентныхъ имѣніяхъ, а устойчивость нынѣшняго государственнаго строя, для которой, по теоріи консерваторовъ, необходимъ нѣкоторый контингентъ среднихъ землевладѣльцевъ (крестьянъ), являющихся, вмѣстѣ съ аграріями, единственнымъ оплотомъ современнаго государства. Въ крестьянахъ правительство видитъ противовѣсъ разрушительнымъ тенденціямъ пролетаріата, и лишь съ этой точки зрѣнія оно интересуется судьбами крестьянской массы. Политическія соображенія не требуютъ надѣленія *всего* сельскаго пролетаріата землею; напротивъ, сельскій пролетаріатъ обязательно долженъ остаться, ибо онъ необходимъ для благополучнаго существованія крупныхъ землевладѣльцевъ. Но, съ другой стороны, его не должно быть слишкомъ много: большое количество революціонно настроенныхъ батраковъ представляетъ серьезную опасность въ деревнѣ. Контингентъ сельскаго пролетаріата нужно сократить настолько, чтобы «здоровое» крестьянство преобладало, и въ то же время не страдали интересы юнкеровъ; тогда нечего будетъ бояться проникновенія въ деревню гидры революціи.

---

*) Vierteljahrschrift zur Statistik des Deutschen Reichs, 1896, Ergänzungsheft.

Чтобы оцѣнить значеніе рентныхъ имѣній съ этой стороны, сдѣлаемъ слѣдующій разсчетъ. По мнѣнію Міасковскаго, Шмоллера и другихъ идеологовъ консервативнаго лагеря, общее распредѣленіе землевладѣнія въ Германіи можно признать нормальнымъ, и прусское правительство должно направить свои усилія къ тому, чтобы приблизить распредѣленіе землевладѣнія въ Пруссіи, особенно въ ея шести восточныхъ провинціяхъ, къ среднему отношенію, существующему въ Германіи. По переписи 1882 года, землевладѣніе въ Германіи и въ восточной Пруссіи распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

На 100 гектаровъ сельско-хозяйственной площади приходится хозяйствъ:

	до 1 гект.	1—100 гект.	выше 100 гект.
Германія	$2,_4$	$73,_2$	$24,_4$
6 восточн. пров. Пруссіи	$1,_5$	$54,_5$	$44,_0$

Т. е. въ Германіи средній классъ втрое больше крупнаго, тогда какъ въ восточной Пруссіи классы эти относятся, какъ 5:4. Чтобы создать въ этой части Пруссіи «нормальныя» аграрныя отношенія, необходимо у крупнаго землевладѣнія отнять 2,592,603 гектара и прибавить ихъ къ среднему *). Такъ какъ въ періодъ 1891—1895 гг. общая площадь рентныхъ имѣній достигла 82,380 гектар., т. е. крестьянское землевладѣніе увеличивалось въ среднемъ на 18,306 гект. въ годъ, то для достиженія консервативнаго идеала потребовалось бы 141 годъ. Можно-ли придавать серьезное значеніе такому черепашьему движенію впередъ?

Учрежденіе рентныхъ имѣній могло бы имѣть дѣйствительное соціально-политическое значеніе, еслибы оно стояло не на почвѣ добровольнаго соглашенія между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ, а государство само взяло бы это дѣло въ свои руки, либо скупая дворянскія земли съ цѣлью заселенія ихъ крестьянами **), либо вводя принудительное начало. Разъ увеличеніе средняго землевладѣнія считается необходимымъ для поддержанія современнаго государственнаго строя, разъ отъ существованія крестьянства зависитъ самая судьба нынѣшняго государства, то, казалось бы, сама логика диктуетъ правительству средство для устраненія грозящей опасности; это средство — быстрая экспропріація нѣкоторой части крупныхъ землевладѣльцевъ. Вильгельмъ II не упускаетъ случая, чтобы напомнить, что необходима серьезная борьба съ врагами существующаго строя, что онъ твердо рѣшился раздавить

*) Земельная площадь въ 6 вост. пров. Пруссіи равнялась:

до 1 гект.	1—100 гект.	выше 100 гект.
192,221 гект.	6,901,655 гект.	5,667,490 гект.

**) Въ этомъ смыслѣ высказались Вагнеръ и Шмоллеръ въ собраніи Общества Соціальной Политики (см. Schriften des Vereins für Socialpolitik, XXXIII, 97 и LVIII, 289.

гидру революціи въ лицѣ соціалъ-демократіи. Отчего же онъ не пускаетъ въ ходъ того средства, которое, по теоріи самихъ же консервативныхъ ученыхъ, является наиболѣе дѣйствительнымъ при наличныхъ обстоятельствахъ? Репрессивныя мѣры, какъ показалъ опытъ, не достигаютъ цѣли, да при той высотѣ общественнаго самосознанія, которую находимъ въ Германіи, невозможно провести никакіе исключительные законы. Отечество въ опасности, а тутъ такое простое и вѣрное средство — и правительство имъ не пользуется!

Въ томъ-то и дѣло, что не совсѣмъ ужъ это *простое* и *вѣрное* средство. Вѣдь для осуществленія идеала консервативныхъ ученыхъ пришлось бы лишить земли 8,642 землевладѣльца, т. е. больше 1/2 (52%) всего числа ихъ въ восточной Пруссіи *). Если одно лишеніе юнкеровъ обычныхъ подачекъ, выдаваемыхъ насчетъ народнаго кармана, привело ихъ въ необыкновенную ярость, вызвало у этихъ вѣрныхъ служителей престола и отечества угрозу перейти въ ряды соціалъ-демократіи, то осуществленіе такой радикальной мѣры, какъ экспропріація 8½ тыс. землевладѣльцевъ, вызвало бы настоящую юнкерскую революцію. Оказалось ли бы крестьянство въ самомъ дѣлѣ вѣрнымъ оплотомъ монархіи, какъ увѣряютъ ученые, это еще вопросъ; но пока что правительство лишилось бы поддержки представителей крупнаго землевладѣнія, этихъ испытанныхъ защитниковъ престола... при достаточно солидныхъ подачкахъ...

Въ концѣ-концовъ, издавая законъ о рентныхъ имѣніяхъ, правительство вовсе не имѣло серьезнаго намѣренія насадить въ Пруссіи болѣе или менѣе значительный контингентъ крестьянства. Истинная цѣль заключалась въ прикрѣпленіи сельскихъ рабочихъ къ землѣ посредствомъ надѣленія ихъ ничтожными, не обезпечивающими существованія клочками земли, чтобы такимъ путемъ создать изъ нихъ болѣе податливую и дешевую рабочую силу и парализовать массовую эмиграцію въ города и за океанъ. Созданіе же крестьянскихъ участковъ есть вынужденная уступка теоретикамъ, обставленная такими условіями, которыя лишаютъ ее серьезнаго значенія. Справедливую оцѣнку «рентнаго закона» далъ Зомбартъ, заявившій, что «въ выигрышѣ остается, по крайней мѣрѣ, то, что принятіемъ рентнаго принципа пробита брешь въ римскомъ зако-

---

*) Результатъ этотъ получился при помощи слѣдующаго разсчета: въ 6 вост. пров. Пруссіи насчитывается 16,323 хозяйствъ, превышающихъ 100 гект., а вся площадь ихъ равна 5,657,490 гект. Если предположить, что каждое хозяйство принадлежитъ одному лицу, то средній размѣръ владѣнія одного хозяина составитъ 346 гект. Такъ какъ для осуществленія идеала консервативныхъ ученыхъ необходимо взять у крупныхъ землевладѣльцевъ, по крайней мѣрѣ, 2,592,603 гект., то слѣд. оставляя каждому изъ нихъ по 46 гект. для веденія собственнаго хозяйства пришлось бы экспропріировать (2,592,603:300) 8,642 чел.

нодательствѣ *). Это не оцѣнка, а обвинительный приговоръ: законъ не имѣетъ соціально-политическаго и экономическаго значенія и сохраняетъ интересъ лишь для юриста-теоретика.

Насколько намѣреніе прусскаго правительства «создать промежуточный членъ между крупными землевладѣльцами и безземельными рабочими» есть пустой звукъ, разсчитанный только на внѣшній эффектъ, показываетъ колонизаціонная дѣятельность Пруссіи на *казенныхъ* земляхъ. Съ цѣлью насажденія крестьянскихъ хозяйствъ назначенъ былъ фондъ въ 3,000 гектар., на которыхъ до сихъ поръ учреждено 123 рентныхъ имѣнія, занимающихъ площадь въ 312 гектар. **). Такъ какъ государству принадлежитъ въ Пруссіи 1,337,440 гектар. удобной земли (не считая желѣзныхъ дорогъ) ***), то отведенный для рентныхъ имѣній фондъ не превышаетъ 0,2%— щедрость довольно сомнительная! Далѣе, средняя величина имѣній, учрежденныхъ казною, равняется 2½ гектар., т. е. это, собственно говоря, не крестьянскія хозяйства, а парцеллярныя, недостаточныя для прокормленія семьи. «Крестьянинъ», имѣющій 2½ гект. ****), самъ работаетъ у помѣщика, а земля его воздѣлывается членами семьи. Стало быть, не о насажденіи крестьянскихъ хозяйствъ заботится правительство, а о прикрѣпленіи сельскихъ рабочихъ къ землѣ.

Мы останавливались на мѣропріятіяхъ прусскаго правительства въ пользу сельскаго хозяйства съ излишней, можетъ быть, обстоятельностью. Но въ аграрной политикѣ Пруссіи съ наибольшей рельефностью и полнотой выступаютъ характеристическія черты аграрной политики всей Германіи, такъ какъ образъ дѣйствія другихъ германскихъ государствъ по существу ничѣмъ не отличается отъ образа дѣйствія прусскаго правительства. При всемъ томъ, въ Пруссіи крестьянская масса находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ гдѣ бы то ни было; здѣсь то настоятельнѣе всего требуется государственная помощь, а ея не было въ этой части Германіи точно такъ же, какъ въ остальныхъ. Съ начала столѣтія до конца его излюбленнымъ дѣтищемъ правительствъ является крупное землевладѣніе, а по отношенію къ крестьянству они играли роль злыхъ

---

*) *Sombart*, Das preussische Gesetz ü. Rentengüter (Schmoller's Jahrbücher, XIV, H. 4).

**) Denkschrift, 26.

***) Preussische Statistik, № 103.

****) По мнѣнію Кюна (назв. соч.), крестьянское хозяйство изъ 2—5 гект. возможно только при *благопріятныхъ условіяхъ*, а таковыхъ нѣтъ въ восточной Пруссіи; Зеттегастъ опредѣляетъ величину мелкаго хозяйства для С. Германіи въ 7½—50 гект. (см. Walcker, Handbuch der Nationalöconomie, Bd. II, стр. 109).

мачихъ, предоставившихъ народную массу собственнымъ силамъ *). Правда, крестьяне безропотно подчиняются своей судьбѣ; съ ихъ стороны не слышно тѣхъ воплей, которыми оглашаютъ воздухъ «голодающіе» аграріи. Но значитъ ли это, что положеніе крестьянъ вполнѣ удовлетворительно, что оно не внушаетъ никакихъ опасеній? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ изслѣдованіе аграрныхъ отношеній въ современной Германіи.

VII.

Аграрная статистика Германіи не можетъ быть признана удовлетворительной. До сихъ поръ мы не имѣемъ точной статистики поземельной собственности, которая могла бы дать надлежащую картину обезпеченности землею разныхъ земледѣльческихъ классовъ. Въ то время какъ сельскохозяйственная статистика (въ узкомъ смыслѣ) находится въ образцовомъ состояніи, въ то время какъ съ величайшей заботливостью учитывается, по выраженію Конрада **), каждый бобъ, получаемый съ земли,—распредѣленіе землевладѣнія до сихъ поръ остается неразгаданнымъ сфинксомъ. Промысловая перепись 1882 года учитывала не поземельныя владѣнія, а земледѣльческія хозяйства-предпріятія (Betriebe), при чемъ если кому-либо принадлежало нѣсколько участковъ, на которыхъ велись особыя хозяйства, то всѣ они записывались, какъ самостоятельныя единицы; поэтому число предпріятій не совпадаетъ съ числомъ владѣній, и этого послѣдняго мы изъ переписи 1882 года узнать не можемъ. Хотя мелкіе владѣльцы рѣдко имѣютъ по нѣскольку хозяйствъ-предпріятій, такъ что въ этомъ разрядѣ цифра хозяйствъ почти совпадаетъ съ цифрою владѣній, но нельзя того же сказать относительно крупныхъ землевладѣльцевъ, которые весьма часто разбиваютъ свои владѣнія на нѣсколько хозяйствъ ***). Затѣмъ, перепись не даетъ полной картины экономическаго положенія сельскихъ хозяевъ, поскольку оно можетъ быть выражено въ цифрахъ; она ограничивается тремя экономическими признаками (скотоводство, употребленіе машинъ и побочныя занятія), которыхъ недостаточно для характеристики земледѣльческаго хозяйства.

Обслѣдованія, производившіяся въ разныхъ государствахъ Германіи до 1882 года, не могутъ служить источникомъ для ознакомленія съ аграрными отношеніями *всей* Германіи, такъ какъ они, во

---

*) Ср. *Witt*, Die sogenannte innere Kolonisation (Vierteljahrschrift für Volkswirthschaft etc., т. *XC*).

**) *J. Conrad*, Agrarstatistische Untersuchungen (Conrad's Jahrb., N. F., *XVI*, 121). См. также *Kuhland*, Zu den Streitfragen etc. (Vierteljahrschrift für Volkswirthschaft, т. *LXXXV*, стр. 70).

***) Такъ какъ въ дальнѣйшемъ изложеніи мы, за неимѣніемъ другихъ источниковъ, будемъ пользоваться переписью 1882 г., то просимъ читателя имѣть въ виду сдѣланную въ текстѣ оговорку.

1-хъ, устарѣли, а во 2-хъ, въ основу ихъ положены были неодинаковые принципы, вслѣдствіе чего ихъ нельзя между собою сравнивать.

Еще въ худшемъ положеніи окажемся мы, если пожелаемъ узнать динамику землевладѣнія. 14 іюня 1895 года произведена была въ Германіи вторая промысловая перепись, результаты, которые, при сравненіи съ результатами переписи 1882 г., дали бы богатый матеріалъ для сужденія о движеніи земледѣльческихъ хозяйствъ. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ опубликованы лишь данныя о населеніи, а та часть, которая представляетъ для насъ наибольшій интересъ, именно Landwirthschaftliche Betriebsstatistik, еще не вышла въ свѣтъ. Прежнія же переписи совершенно не пригодны для нашей цѣли, такъ какъ содержащіяся въ нихъ данныя не однородны съ данными переписи 1882 г. Поэтому намъ придется довольствоваться отдѣльными указаніями, встрѣчающимися въ литературѣ.

Что касается, въ частности, крестьянскаго хозяйства, то тутъ мы наталкиваемся на еще большую скудность статистическихъ свѣдѣній, чѣмъ въ отношеніи землевладѣнія вообще. Какъ это ни странно, но Германіи неизвѣстенъ тотъ способъ изслѣдованія крестьянскаго хозяйства, который практикуется нашими земскими статистиками. Всѣ свѣдѣнія о положеніи крестьянъ собирались здѣсь въ видѣ анкетъ—черезъ корреспондентовъ, принадлежавшихъ большею частью къ крупнымъ землевладѣльцамъ или чинамъ администраціи. Не говоря уже о сомнительной цѣнности сообщеній, исходящихъ изъ такого источника, самый способъ собиранія свѣдѣній анкетный — нельзя считать удовлетворительнымъ тамъ, гдѣ можетъ быть получено точное числовое выраженіе факта. Мнѣнія свѣдущихъ людей имѣютъ, безспорно большое значеніе, но они должны допускаться либо тамъ, гдѣ фактъ не можетъ быть выраженъ въ цифрахъ, либо въ качествѣ дополненія къ статистическимъ даннымъ, *рядомъ* съ ними. Ограничиться же общими фразами, въ видѣ которыхъ «свѣдущіе люди» обыкновенно подаютъ свои мнѣнія, значитъ получить лишь смутное представленіе объ интересующемъ предметѣ. Какую цѣну могутъ имѣть выраженія: «много», «мало», «не слишкомъ много» и т. п., когда рѣчь идетъ, напр., о задолженности землевладѣнія? Не всѣ понимаютъ подъ этими словами одно и то же *). Или какое значеніе можетъ имѣть фраза въ родѣ: «характеръ землевладѣнія за послѣднее время *почти не* измѣнился»? А между тѣмъ нѣмецкія анкеты полны такихъ общихъ, лишенныхъ опредѣленнаго содержанія характеристикъ.

Другой недостатокъ нѣмецкихъ анкетъ, присущій, впрочемъ, въ большей или меньшей степени всякой анкетѣ, это крайняя субъективность отзывовъ. Если даже предположить полное, идеальное

---

*) Ср. отзывъ Мейтцена въ Landwirthsch. Jahrb. *XIV*, Erg. 3.

безпристрастіе корреспондентовъ, искреннее желаніе ихъ дать вѣрную картину дѣйствительности, то все же трудно отрѣшиться отъ своихъ общихъ взглядовъ, и освѣщеніе факта окажется противъ воли не вполнѣ объективнымъ. Особенно велика опасность субъективнаго освѣщенія въ тѣхъ случаяхъ, когда напр. о нуждахъ крестьянъ высказывается представитель крупнаго землевладѣнія. Этотъ недостатокъ рельефно выступаетъ тамъ, гдѣ корреспондентъ иллюстрируетъ свое мнѣніе цифрами: внимательному читателю не трудно усмотрѣть, что общая характеристика если не противорѣчитъ цифрамъ, то во всякомъ случаѣ рисуетъ фактъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ цифры *). Съ какимъ же довѣріемъ можно послѣ этого относиться къ тѣмъ отзывамъ корреспондентовъ, которыхъ читатель не можетъ провѣрить? Для устраненія этого крупнаго недостатка необходимо было бы опрашивать по нѣсколько корреспондентовъ изъ одной и той же мѣстности, чего однако ни правительства, ни Общество Соціальной Политики не сдѣлали.

Далѣе, матеріалъ, добытый анкетами, трудно поддается обработкѣ. Заключая въ себѣ общія характеристики, сдѣланныя подъ разными углами зрѣніями, онъ не можетъ быть сведенъ къ итогамъ подобно тому, какъ это дѣлается при сводкѣ статистическихъ данныхъ. Обобщенія, дѣлаемыя на основаніи подобнаго матеріала, выражаются обыкновенно въ такомъ видѣ: «въ однѣхъ общинахъ не произошло замѣтныхъ перемѣнъ (въ распредѣленіи землевладѣнія), тогда какъ въ другихъ констатировано движеніе частью вверхъ (т. е. увеличеніе числа крупныхъ участковъ), частью внизъ (увеличеніе числа мелкихъ участковъ)» **). Что можетъ дать такое общее мѣсто? Стоило ли тратить столько средствъ и силъ для полученія подобнаго вывода? А такой именно характеръ носятъ всѣ «Ergebnisse», въ которыхъ подводятся итоги отдѣльнымъ сообщеніямъ. Итоги эти—ни что иное какъ общее *впечатлѣніе*, выносимое при чтеніи корреспондентскихъ отчетовъ,—впечатлѣніе, которое къ тому же не можетъ быть подтверждено достаточно вѣскими данными. Удовлетворительной цѣльной картины подобное изслѣдованіе дать не можетъ. Наконецъ, при анкетѣ изслѣдуемыхъ мѣстныхъ единицъ должно быть какъ можно меньше; въ противномъ случаѣ наберутся сотни томовъ, которыхъ не будетъ никакой возможности свести въ одно цѣлое и которые останутся мертвымъ сырымъ матеріаломъ ***). Въ виду этого для изслѣдованія обыкновенно выбираются *типическія* мѣстности, такъ что достоинства

*) См. напр. Bäuerliche Zustände, т. *II*, стр. 319 и 337 (несоотвѣтствіе отзыва съ цифрами).

**) Ergebnisse der Erhebungen über die Lage der Landwirthschaft in Baden, стр. 22.

***) Такъ было съ баварской анкетой 1809—1812 г., давшей 438 большихъ фоліантовъ, изъ которыхъ никто не могъ составить систематическаго труда. (Landw. Jahrb., *XIV*, Erg. 3, стр. 372).

анкеты всецѣло зависятъ отъ удачнаго подбора этихъ типовъ. А кто можетъ поручиться, что при этомъ не допущены крупныя ошибки, лишающія анкету всякаго значенія? Тутъ необходимо отчетливое знакомство съ особенностями разныхъ районовъ, а вѣдь для опредѣленія этихъ особенностей и предпринимается анкета; другими словами, то неизвѣстное, которое подлежитъ нахожденію, кладется въ основу анкеты. Типы выбираются поэтому на основаніи сомнительныхъ данныхъ, вслѣдствіе чего полученныя свѣдѣнія, не будучи типичными, не могутъ считаться характерными для *всей* страны. Въ то время, какъ при статистическихъ изслѣдованіяхъ дѣлаются *массовыя* наблюденія,—здѣсь кругъ наблюденія по необходимости съуживается, почему и получаемый результатъ можетъ не быть выраженіемъ состоянія цѣлаго.

Опредѣливъ достоинства источниковъ *), на которыхъ мы будемъ основываться въ дальнѣйшемъ изложеніи, переходимъ къ характеристикѣ землевладѣнія въ Германіи.

VIII.

Въ нѣмецкой литературѣ установилось дѣленіе земледѣльческихъ хозяйствъ на крупныя, среднія и мелкія Къ крупнымъ относятся такія хозяйства, въ которыхъ, при постоянной утилизаціи наемнаго труда, собственнику принадлежитъ исключительно высшій контроль надъ работами, причемъ, кромѣ предпринимательской прибыли, получается земельная рента, достаточная для содержанія семьи хозяина на соотвѣтствующей ея соціальному положенію высотѣ. Мелкими хозяйствами мы называемъ такія, въ которыхъ наемный трудъ вовсе не употребляется, собственникъ съ семьею является одновременно и администраторомъ и рабочимъ, а получаемый доходъ настолько обезпечиваетъ его, что ему не приходится прибѣгать къ постороннимъ заработкамъ. Наконецъ, среднее хозяйство отличается отъ крупнаго тѣмъ, что собственникъ частью самъ занимается физическимъ трудомъ, а отъ мелкаго тѣмъ, что

*) Вотъ эти источники: 1) Ermittelungen über die allgem. Lage der Landwirthschaft in *Preussen* (Landw. Jahrb., XVI, Erg. 2 u 3, 1890—1891). 2) Erhebungen üb. die Lage der Landwirthschaft in *Baden*, 1883, 4 Bde. 3) Die landw. Enquête in Grossh. *Hessen*, 1884—1886, 3 Bde. 4) Ergebnisse der Ergebungen üb. die Lage der bäuereichen Landwirthschaft in *Württemberg*, 1884—5. 5) Die Landwirthschaft in *Bayern*. Denkschrift nach amtlichen Quellen bearbeitet, 1890. Къ сожалѣнію, баварской анкетой, опубликованной въ 1896 г., намъ не удалось воспользоваться. 6) Ergebnisse der Fragebogen-Ergebung üb die ländl. Vehältnisse *Süddeutschlands*, bearb. von David. 7) Statistik des Deutschen Reichs, N. F., Bd. 5. 8) Preussische Statistik, № 103. 9) Vierteljahrschrift zur Statistik des Deutschen Reichs. 1896. Ergänzungsheft.

въ извѣстныхъ случаяхъ пользуется наемной рабочей силой *). Кромѣ этихъ трехъ родовъ хозяйствъ, различаютъ еще парцеллярныя (карликовыя), въ которыхъ земледѣльческій трудъ составляетъ только побочное занятіе, находящееся въ рукахъ членовъ семьи, а главнымъ промысломъ является поденщина или фабричный трудъ главы хозяйства. Само собою разумѣется, что размѣры этихъ хозяйствъ не могутъ быть одинаковы во всѣхъ частяхъ Германіи, они необходимо варьируются въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, опредѣляемыхъ свойствами климата, качествомъ почвы и степенью интенсивности обработки. Принимая во вниманіе эти факторы, Зеттегастъ даетъ слѣдующія нормы (въ гектарахъ):

	Сѣв. Германія	Сред. Германія	Южн. Германія
Крупное землевлад.	выше 250	выше 125	выше 62½
Среднее — —	отъ 50 до 250	отъ 25 до 125	отъ 7½ до 62½
Мелкое — —	отъ 7½ до 50	отъ 5 до 25	отъ 2½ до 7½
Парцеллярное —	ниже 7½	ниже 5	ниже 2½

Къ сожалѣнію, мы не можемъ воспользоваться этими нормами для характеристики землевладѣнія въ Германіи, потому что перепись 1892 г. не выдѣляетъ хозяйствъ въ 7½ гект., 2½, 125 и пр. Въ основу переписи 1882 г. положено другое подраздѣленіе, одинаковое для всей Германіи, причемъ къ крупнымъ хозяйствамъ причисляются имѣющія больше 100 гект., къ среднимъ—отъ 10 до 100, къ мелкимъ отъ 1 до 10, къ мельчайшимъ—до 1 гект. Не говоря уже о той неточности, которая необходимо вытекаетъ изъ одинаковости нормъ для всей Германіи,—нижняя ступень, до 1 гект. несообразно мала, такъ какъ даже въ южной Германіи, гдѣ земледѣліе отличается наибольшей интенсивностью, мелкія хозяйства начинаются лишь съ 2½ гект. Мы могли бы принять схему, предложенную Кюномъ и имѣющую то преимущество, что она начинаетъ мелкія хозяйства съ 2 гект., но она неудобна тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ слишкомъ много дѣленій, отступая отъ теоретической классификаціи и затемняя своей пестротой общую картину. Такъ какъ о крестьянскомъ землевладѣніи мы будемъ говорить ниже особо, а здѣсь хотимъ только дать *общую картину* аграрныхъ отношеній, то и возьмемъ въ готовомъ видѣ классификацію переписи 1882 г.

Слѣдующая таблица представляетъ собою распредѣленіе сельско-хозяйственной площади во всей Германіи и ея составныхъ частяхъ (въ процентахъ):

---

*) Мы нѣсколько отступаемъ отъ опредѣленій, даваемыхъ Рошеромъ въ въ Nationalökonomik des Ackerbaues, § 47.

	Приходится на долю хозяйствъ			
	до 1 гек.	1—10 гек.	10—100	выше 100 гект.
Пруссія	2,2	19,8	46,3	31,7
восточныя пров.	1,5	13,8	40,7	44,0
западныя пров. *)	3,4	29,6	55,2	11,8
Баварія	1,6	35,6	60,5	2,3
Саксонія	3,0	25,7	57,2	14,1
Вюртембергъ	3,9	51,9	42,2	2,0
Баденъ	4,6	62,3	31,3	1,8
Гессенъ	4,9	54,4	35.8	4,9
Мекленбургъ-Шверинъ	2,2	6,9	31,0	59,9
Саксенъ Веймаръ	2,6	34,0	51,4	12,0
Мекленбургъ-Стрелицъ	2,3	4,5	32,3	61,0
Ольденбургъ вел. герц.	1,8	29,0	65,8	3,4
5 герцогствъ	4,8	26.9	50,6	17,7
7 княжествъ	6,2	32,0	51,9	10,9
3 вольныхъ города **)	3,5	14,5	72,2	10,8
Эльзасъ-Лотарингія	5,0	51,8	35,9	7,3
Германія	*2,4*	*25,6*	*47,6*	*24,4*

Разсматривая эту таблицу, мы видимъ, что крупное землевладѣніе занимаетъ въ Германіи вообще $1/4$ всей сельско-хозяйственной площади, въ двухъ территоріальныхъ единицахъ оно превышаетъ $1/2$, а въ одной приближается къ $1/2$. Среднее землевладѣніе во всей Германіи занимаетъ почти $1/2$ сельско-хозяйственной площади, а въ 8 территоріальныхъ единицахъ (изъ 15) оно превышаетъ $1/2$. Наконецъ, мелкое землевладѣніе занимаетъ во всей Германіи $1/4$ сельско-хозяйственной площади, а въ 4 территоріальныхъ единицахъ оно превышаетъ $1/2$. Что же касается парцеллярныхъ хозяйствъ, то они сильнѣе всего развиты въ княжествахъ, а затѣмъ въ герцогствахъ Баденѣ и Гессенѣ. Посмотримъ теперь, какого рода землевладѣніе является *преобладающимъ* въ данной мѣстности. Съ этой точки зрѣнія Германію въ общемъ можно назвать страною средняго землевладѣнія, такъ какъ хозяйства отъ 10 до 100 гектар. занимаютъ большую долю сельско-хозяйств. площади, чѣмъ каждый изъ остальныхъ разрядовъ. Въ частности, восточная Пруссія и оба Мекленбурга—страны крупнаго землевладѣнія par excellence; въ Западной Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Саксенъ-Веймарѣ, Ольденбургѣ, герцогствахъ, княжествахъ и вольныхъ городахъ преобладаетъ сред-

---

*) Приводимъ отдѣльныя цифры для восточной и западной Пруссіи, такъ какъ первая половина королевства существенно отличается отъ второй.

**) Герцогства, княжества и вольные города мы соединили въ три отдѣльныя группы, такъ какъ въ предѣлахъ каждой группы составныя единицы однородны.

нее землевладѣніе; наконецъ, Вюртембергъ, Баденъ, Гессенъ и Эльзасъ-Лотарингія принадлежатъ къ странамъ, гдѣ преобладаетъ мелкое землевладѣніе. Вообще теченіе Эльбы раздѣляетъ Германію на двѣ половины, изъ которыхъ въ западной господствуетъ болѣе дробное землевладѣніе, чѣмъ въ восточной.

Изъ европейскихъ государствъ Германія, по общему характеру своего землевладѣнія, приближается къ Франціи.

Изъ 100 гект. сельско.-хоз. площадь приходится на хозяйства:

	до 1 гект.	1—10 гект.	10—100 гект.	выше 100 гект.
Германія . . .	2,4	25,6	47.6	24,4
Франція . . .	5,19	30,17	39,62	25,02

Крупное землевладѣніе занимаетъ во Франціи такую же часть площади, какъ въ Германіи; но мелкія и среднія хозяйства распредѣляются въ первой равномѣрнѣе, чѣмъ во второй, а парцеллярныя занимаютъ во Франціи вдвое большую часть площади, чѣмъ въ Германіи.

Итакъ, крупное землевладѣніе занимаетъ въ Германіи второстепенное мѣсто, доминируя въ очень малой части нѣмецкой территоріи. Еще ничтожнѣе представится намъ значеніе этого класса, если опредѣлить, сколько приходится на его долю хозяйствъ.

Распредѣленіе земледѣльческихъ хозяйствъ по разрядамъ въ процентахъ:

	до 1 гект.	1—10 гект.	10—100 гект.	больше 100 гект
Пруссія	47,9	38,8	12,6	0,7
Баварія	25,5	55,0	19,4	0,1
Саксонія	49,1	35,9	14,6	0,4
Вюртембергъ	35,7	56,0	8,3	0,0
Баденъ	34,5	59,9	5,6	0,0
Гессенъ	42,0	50,7	7,2	0,1
Мекленбургъ-Шверинъ	67,0	22,5	9,1	1,4
Мекленбургъ-Стрелицъ	76,6	14,2	8,0	1,2
Германія	*44,0*	*43,1*	*12,4*	*0,5*

Крупныхъ хозяйствъ въ Германіи такъ мало, что число ихъ по справедливости можно принять за une quantité négligeable. Даже въ восточной Пруссіи и обоихъ Мекленбургахъ, гдѣ половина сельскохозяйственной площади принадлежитъ нѣмецкимъ лэндъ-лордамъ, число крупныхъ хозяйствъ едва достигаетъ 1½%. Юнкеры, слѣд., численно составляютъ ничтожную горсть, которая, при другихъ условіяхъ, совершенно терялась бы въ общей массѣ земледѣльческихъ хозяйствъ. Если цѣлью государственной дѣятельности считать благосостояніе большинства, то юнкеры и съ политической точки зрѣнія не имѣютъ права на преимущественное вниманіе со стороны правительства и не могутъ претендовать на то, чтобы

передъ ихъ интересами отступали на задній планъ интересы другихъ земледѣльческихъ классовъ. Тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи объ отождествленіи блага крупныхъ землевладѣльцевъ съ благомъ «отечества».

На такое отождествленіе не могутъ претендовать даже всѣ земледѣльческіе классы въ совокупности.

Изъ 100 хозяйствъ приходится на долю земледѣльческихъ:

Восточная половина Пруссіи	43,7	53,1	Герцогства	61,4
Западная » »	54,5		Княжества	66,7
Баварія	61,3		Вюртембергъ	71,4
Саксонія	28,8		Баденъ	72,1
Мекленбургъ-Шверинъ	73,7		Гессенъ	64,7
Саксенъ-Веймаръ	59,3		Вольные города	10,7
Мекленбургъ-Стрелицъ	80,8		Эльзасъ-Лотарингія	66,5
Ольденбургъ (вел. герц.)	81,5		*Германія*	*54,8*

Только въ двухъ районахъ земледѣльческія хозяйства превышаютъ ¾ всего числа хозяйствъ, а въ восточной Пруссіи, этомъ мѣсторожденіи аграріевъ, земледѣльческихъ хозяйствъ не насчитывается и половины. Во всей Германіи почти 55% всего числа хозяйствъ принадлежитъ къ земледѣльческимъ. *Абсолютно* это, безъ сомнѣнія, почтенная цифра, дающая право представителямъ земледѣлія требовать отъ правительства полнаго вниманія къ своимъ интересамъ. Въ успѣхахъ земледѣлія заинтересована половина хозяйствъ, и этого достаточно, чтобы не имѣть нравственнаго права игнорировать эту отрасль промышленности. Но отсюда еще далеко до покровительства сельскому хозяйству *въ ущербъ* остальному населенію. Нужно, кромѣ того, имѣть въ виду, что въ приведенныя цифры включены и такія земледѣльческія хозяйства, въ которыхъ сельскій промыселъ составляетъ лишь побочное занятіе, а главнымъ источникомъ существованія семьи служитъ торговля или работа на фабрикахъ и заводахъ. Чтобы получить истинное представленіе о значеніи сельскаго хозяйства въ Германіи, необходимо выдѣлить населеніе, у котораго эта отрасль промышленности служитъ *главнымъ* занятіемъ.

По переписи 1895 года, на 100 чел. населенія приходится лицъ[1] у которыхъ главнымъ занятіемъ служитъ:

сельское хозяйство	34,4
индустрія	39,1
торговля	11,5

Слѣдовательно, въ индустріи и торговлѣ заинтересовано въ полтора раза больше населенія, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Еще менѣе основательными представятся намъ претензіи аграріевъ, если посмотримъ, у какой части населенія сельское хозяйство служитъ *единственнымъ* источникомъ жизни. Въ 1895 году

такихъ лицъ насчитывалось всего 13,7% населенія! Можно ли при такихъ условіяхъ говорить о преобладаніи сельскохозяйственныхъ интересовъ въ Германіи?

Да и въ самомъ земледѣльческомъ населеніи не всѣ слои извлекаютъ одинаковую выгоду изъ покровительства сельскому хозяйству. Помимо различія между крупными землевладѣльцами и мелкими, сельскохозяйственное населеніе расчленяется на хозяевъ, служащихъ и рабочихъ, между которыми выгоды земледѣльческаго промысла распредѣляются далеко не равномѣрно. Если послѣдніе два класса вообще принимаютъ какое-нибудь участіе въ подачкахъ, выпадающихъ на долю «угнетеннаго сельскаго хозяйства, то участіе это, во всякомъ случаѣ, косвенное и отдаленное. А вѣдь къ таковымъ принадлежитъ больше трети самодѣятельнаго земледѣльческаго населенія!

Изъ 100 душъ самодѣятельнаго населенія, занимающагося сельскимъ хозяйствомъ въ видѣ главнаго или побочнаго промысла, приходится на долю:

хозяевъ и высшихъ управляющихъ	65,7	
служебнаго персонала	0,7)	34,3
наемныхъ рабочихъ	33,6)	

Если исключить послѣдніе два разряда изъ общаго числа самодѣятельнаго населенія, занимающагося сельскимъ хозяйствомъ, то число лицъ (самодѣятельныхъ), извлекающихъ прямую, непосредственную выгоду изъ политики, покровительствующей сельскому хозяйству, не составитъ и половины (40,4%) всего самодѣятельнаго населенія.

Что Германія, съ точки зрѣнія преобладанія интересовъ, не можетъ быть названа страной земледѣльческой, видно изъ сравненія ея съ другими западно-европейскими государствами.

На 100 жителей приходится занимающихся сельскимъ хозяйствомъ: *).

въ Венгріи . .	(1881 г.)	76,5	во Франціи . .	(1881 г.)	48,8
» Норвегіи . .	(1876 »)	55,2	» Даніи . . .	(1880 »)	45,2
» Австріи . .	(1881 »)	55.1	» Швейцаріи .	(1870 »)	42,5
» Швеціи . .	(1870 »)	54,8	» *Германіи* . .	(1882 »)	42,5
				1895 »	*35,7*

Германія, въ интересующемъ насъ отношеніи, стоитъ, слѣд., ниже многихъ европейскихъ государствъ.

---

*) Таблица заимствована нами у Kollmann'а (Schmoller's Jahrbücher. XIX, H. 1).

IX.

Переходимъ къ крестьянскому землевладѣнію.

Такъ какъ сословныя перегородки въ Германіи давнымъ-давно отошли въ исторію, не оставивъ тѣхъ слѣдовъ, которые до сихъ поръ играютъ немаловажную роль въ Россіи, то германское крестьянство характеризуется чисто аграрными признаками, причемъ гранями крестьянскаго землевладѣнія являются, съ одной стороны, парцеллярные участки, на которыхъ о земледѣльческомъ хозяйствѣ въ собственномъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи, а съ другой— крупныя имѣнія, въ которыхъ хозяйство ведется исключительно при помощи наемнаго труда. Руководствуясь этимъ критеріемъ, проф. Кюнъ относитъ къ крестьянскому землевладѣнію всѣ хозяйства отъ 2 до 100 гектар., такъ какъ у имѣющихъ меньше 2 гект. главнымъ источникомъ существованія служитъ работа на сторонѣ, а со 100 гект. начинается капиталистическое хозяйство въ настоящемъ смыслѣ. Въ этихъ предѣлахъ крестьянство насчитывало въ 1882 году:

1.	2. Число крестьянскихъ хозяйствъ.	3.	4. Въ %%-хъ ко всему числу хозяйствъ.	5.	6. Въ %%-хъ къ числу земледѣльч. хозяйствъ.
Пруссія	1,154,599	Баварія	37,6	Баварія	61,4
Баварія	418,584	В. г. Ольденб.	37,3	Сакс.-Вейм.	49,7
Вюртембергъ	142,842	Вюртемб.	33,0	Вюртемб.	46,4
Баденъ	105,962	Баденъ	32,9	Ольденб.	46,1
Эльз.-Лотар.	90,891	Сакс.-Вейм.	29,5	Баденъ	45,6
Саксонія	75,916	Гессенъ	27,2	Гессенъ	42,2
Гессенъ	54,253	Эльз.-Лотар.	25,9	Саксонія	39,4
Герцогства	49,773	Княжества	22,7	Эльз.-Лотар.	38,9
В. г. Ольденб.	26,731	Пруссія	20,2	Пруссія	37,9
Княжества	25,721	Герцогства	19,4	Княжества	34,1
Сакс.-Вейм.	19,977	Мекл.-Швер.	14,6	Герцогства	31,6
Мекл.-Швер.	18,449	Мекл.-Стрел.	12,9	Мекл.-Швер.	19,8
Вольн. гор.	3,171	Саксонія	11,3	Вольн. гор.	19,0
Мекл.-Стрел.	2,653	Вольн. гор.	2,0	Мекл.-Стрел.	14,9
Германія	*2.189,522*		*22,7*		*41,5*

Такимъ образомъ, во всей Германіи къ крестьянскому землевладѣнію, насчитывающему больше 2 милл. хозяйствъ, относится до $^2/_5$ всего числа земледѣльческихъ хозяйствъ и больше $^1/_5$ всего числа хозяйствъ вообще. При сравненіи различныхъ частей Германіи между собою по *относительному* числу крестьянскихъ хозяйствъ (колонны 4 и 6), первое мѣсто занимаютъ Баварія, Ольденбургъ, Вюртембергъ, Баденъ, Саксенъ-Веймаръ и Гессенъ, въ которыхъ относительное число крестьянскихъ хозяйствъ выше средней цифры для всей Германіи, безразлично, принимается ли за 100 общее число хозяйствъ въ данной мѣстности или только число

земледѣльческихъ хозяйствъ. Другими словами, перечисленныя государства представляются крестьянскими по преимуществу; это—очагъ нѣмецкаго крестьянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Баварія, Вюртембергъ и Баденъ занимаютъ видныя мѣста и по абсолютному числу крестьянскихъ хозяйствъ: выше ихъ стоитъ только Пруссія.

Въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ minimum'омъ въ 2 гект. и maximum'омъ въ 100, Кюнъ различаетъ три категоріи крестьянскаго землевладѣнія: 1) мелкихъ крестьянъ или полукрестьянъ, имѣющихъ отъ 2 до 5 гект., 2) среднихъ или крестьянъ въ собственномъ смыслѣ, имѣющихъ отъ 5 до 20 гект.; и 3) крупныхъ крестьянъ, владѣющихъ участками отъ 20 до 100 гект. Первая категорія лишь при особо благопріятныхъ условіяхъ можетъ вести собственное хозяйство; третья въ значительной степени прибѣгаетъ къ наемному труду, составляя переходную ступень отъ крестьянъ въ собственномъ смыслѣ къ капиталистическому хозяйству. Крупные крестьяне составляютъ въ Германіи $^1/_8$ (12,8%) всего числа крестьянскихъ хозяйствъ, а остальныя $^7/_8$ распредѣляются почти въ равныхъ доляхъ между двумя другими разрядами, причемъ число мелкихъ крестьянъ немного больше числа среднихъ (45,9% и 42,3%). По отдѣльнымъ государствамъ разныя категоріи крестьянскихъ хозяйствъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ (мы приводимъ лишь тѣ государства, которыя названы нами крестьянскими по преимуществу, добавивъ, однако, Пруссію и Саксонію, какъ болѣе крупныя территоріальныя единицы):

Изъ 100 крестьянскихъ хозяйствъ приходится на долю хозяйствъ:

	отъ 2 до 5 гект.	отъ 5 до 20 гект.	отъ 20 до 100 гект.
Баденъ	62,8	34,3	2,9
Вюртембергъ	56,9	37,7	5,4
Гессенъ	52,9	43,7	3,4
Ольденбургъ	49,6	34,7	15,7
Пруссія	42,8	41,9	15,3
Саксенъ-Веймаръ . .	40,0	51,1	8,9
Баварія	39,5	49,7	10,8
Саксонія	39,4	47,7	12,9
Германія	*45,9*	*42,3*	*12,8*

Мы видимъ, что *мелкое* крестьянское хозяйство преобладаетъ въ Вюртембергѣ, Баденѣ, Гессенѣ и Ольденбургѣ, причемъ наиболѣе дробнымъ оно является въ первыхъ трехъ государствахъ, гдѣ мелкое крестьянство составляетъ больше половины всего числа крестьянскихъ хозяйствъ, а крупные крестьяне фигурируютъ незначительнымъ процентомъ (отъ 2 до 5). *Среднее* крестьянское хозяйство преобладаетъ въ Баваріи, Саксоніи и Саксенъ-Веймарѣ, гдѣ этотъ разрядъ составляетъ около половины всего числа крестьянскихъ хозяйствъ. Наконецъ, *крупныхъ* крестьянъ въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ находимъ въ Пруссіи, Ольденбургѣ

и Саксоніи. Словомъ, Баденъ, Вюртембергъ и Гессенъ являются типичными странами мелкаго крестьянства, а Саксенъ-Веймаръ и Баварія—средняго.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ хозяйствами, какъ экономическими единицами, принимая хозяйство въ смыслѣ предпріятія, независимо отъ того, составляетъ ли участокъ земли, на которомъ ведется хозяйство, собственность хозяина, или же онъ принадлежитъ ему только на правѣ пользованія. Нѣтъ надобности распространяться здѣсь о томъ, что положеніе крестьянина арендатора довольно шаткое: онъ можетъ къ извѣстному сроку лишиться земли и, кромѣ того, вынужденъ нѣкоторую часть своихъ доходовъ отдавать собственнику, что равносильно уменьшенію земельнаго участка. Несобственникъ, пользующійся сегодня относительной самостоятельностью, завтра можетъ оказаться въ рядахъ пролетаріата, вынужденный искать работу на сторонѣ. Его существованіе въ качествѣ самостоятельнаго крестьянина нельзя считать прочнымъ; это—рыцарь на часъ, кандидатъ въ пролетаріи. Въ этомъ отношеніи Германія находится въ довольно благопріятныхъ условіяхъ: крестьянскихъ хозяйствъ, совсѣмъ не имѣющихъ собственной земли, насчитывается всего 2,8%, а если сюда прибавить тѣ хозяйства, у которыхъ *больше* половины обрабатываемой площади принадлежитъ къ арендуемой землѣ, то число хозяйствъ, существованіе которыхъ представляется не вполнѣ обезпеченнымъ, все же не достигаетъ и 10%. Напротивъ, больше половины крестьянскихъ хозяйствъ (64,2%) владѣетъ *всей* землей на правѣ собственности, а если возьмемъ и тѣ хозяйства, которыя арендуютъ *меньше* половины своей земли, то получимъ 90% хозяйствъ, владѣющихъ землею на прочныхъ *съ юридической стороны* основаніяхъ. По отдѣльнымъ государствамъ вопросъ этотъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

На 100 крестьянскихъ хозяйствъ приходится хозяйствъ:

	Не арендующихъ земли.	Арендующихъ менѣе $^1/_2$ обрабатываемой площади.	Итого (1+2).	Арендующихъ болѣе $^1/_2$ обрабатываемой площади.	Не имѣющихъ собственной земли.	Итого (3+4).
	1	2	3	4	5	6
Баварія	77,4	20,0	*97,4*	2,1	0,5	*2,6*
Саксонія	73,6	19,9	*93,5*	5,2	1,3	*6,5*
Пруссія	65,1	23,4	*88,5*	7,6	3,9	*11,5*
Вюртембергъ	65,0	32,6	*97,6*	2,0	0,4	*2,4*
Саксенъ-Веймаръ	58,6	34,9	*93,5*	5,9	0,6	*6,5*
Ольденбургъ	46,6	26,7	*73,3*	7,3	19,4	*26,7*
Гессенъ	42,8	47,9	*90,7*	8,8	0,5	*9,3*
Баденъ	40,8	50,1	*90,9*	8,3	0,8	*9,1*
Германія	*64,2*	*26,5*	*90,7*	*6,5*	*2,8*	*9,3*

Наиболѣе благопріятное положеніе находимъ въ Вюртембергѣ, гдѣ хозяйства, совсѣмъ не арендующія земли и арендующія меньше половины, составляютъ процентъ большій, чѣмъ гдѣ либо въ Германіи. За Вюртембергомъ слѣдуютъ Баварія и Саксонія. Въ наихудшемъ положеніи находится вел. герц. Ольденбургъ, гдѣ процентъ хозяйствъ съ лучше обезпеченными правами выраженъ чрезвычайно низкой цифрой, не имѣющей равной во всей таблицѣ, а процентъ хозяйствъ съ худшими правами выраженъ чрезвычайно высокой цифрой, превышающей соотвѣтственныя данныя для другихъ государствъ, причемъ на это же государство приходится и максимумъ хозяйствъ, имѣющихъ *только* арендуемую землю. Слѣдующее мѣсто послѣ Ольденбурга занимаетъ Пруссія. Словомъ, наиболѣе обезпеченными въ юридическомъ отношеніи нужно считать вюртембергскихъ и баварскихъ крестьянъ, наименѣе обезпеченными—ольденбургскихъ и прусскихъ.

Резюмируемъ найденный нами до сихъ поръ результатъ: въ Германіи земледѣліемъ занято больше $^{1}/_{2}$ всѣхъ хозяйствъ; изъ этого числа $^{2}/_{5}$ (2,189,522) принадлежитъ къ крестьянскимъ, а изъ послѣднихъ большинство—$^{7}/_{8}$—имѣетъ отъ 2 до 20 гектаровъ земли; хозяйства, совсѣмъ не арендующія земли, составляютъ нѣсколько больше $^{3}/_{5}$ (1,404,914), а имѣющія только арендуемую землю—до $^{3}/_{100}$ (60,013) всего числа крестьянскихъ хозяйствъ.

X.

Въ какомъ же видѣ представляется *экономическая* обезпеченность нѣмецкаго крестьянства?

Существуютъ два способа измѣренія земельной обезпеченности: 1) съ точки зрѣнія нормальной *продовольственной* площади и 2) съ точки зрѣнія нормальной *рабочей* площади. Въ первомъ случаѣ устанавливается, какой участокъ безусловно необходимъ для прокормленія семьи, опредѣляется тотъ минимумъ, ниже котораго начинается полуголодное существованіе, вынуждающее крестьянина искать постороннихъ заработковъ. Во второмъ случаѣ устанавливается размѣръ земельной площади, необходимой для использованія всей рабочей силы семьи.

Начнемъ съ перваго способа.

На основаніи 171 бюджета, приводимаго въ оффиціальныхъ анкетахъ, мы вычислили, что взрослый крестьянинъ въ среднемъ потребляетъ въ годъ 295,76 килогр. (около 18 пуд.) зерноваго хлѣба, кромѣ картофеля; затѣмъ, для прокорма скота идетъ въ среднемъ 224,38 килогр. на человѣка. Въ десятилѣтіе 1880—90 гг. съ 1 гектара посѣвной площади получалось въ среднемъ для всей Германіи, за вычетомъ сѣмянъ, 940 килогр. зерноваго хлѣба *);

---

*) Землевладѣніе и сельское хозяйство, изд. Водовозовыхъ, стр. 248—249.

слѣд., подъ зерновыми хлѣбами одному человѣку нужно имѣть 0,31 гект. для продовольствія и 0,24 гект. для прокорма скота. Но такъ какъ зерновыми хлѣбами засѣвается 59,79% пашни *), то вся пищевая площадь для одного человѣка равна 0,52 гект., а кормовая 0,40 гект. Среднее отношеніе пашни къ лугамъ выражается 70,32:16,12 **); слѣд., къ предыдущей площади нужно прибавить еще 0,22 гект., такъ что вся площадь земли, необходимой для продовольствія 1 взрослаго человѣка и соотвѣтственнаго количества скота, равна 1,14 гект. Считая семью въ $3^1/_2$ взрослыхъ человѣка, получимъ, что для обезпеченія крестьянской семьи и скота зерновыми продуктами требуется 4,0 гект. Но кромѣ хлѣба крестьянинъ, хотя и рѣдко, употребляетъ еще мясо, котораго приходится на семью въ годъ 218,6 килогр. Принимая среднюю цѣну мяса въ 1 марку за килограммъ, а хлѣба—140 мар. за 1000 килогр. (въ періоды 1851—80 и 1881—90 гг. самый дешевый изъ зерновыхъ продуктовъ—овесъ—стоилъ 144,4 мар. за 1000 килогр. ***) найдемъ, что для покупки необходимаго количества мяса крестьянинъ долженъ продать хлѣбъ съ 1,7 гектар.****), слѣдовательно, вся нормальная продовольственная площадь крестьянской семьи равна 5,7 гект. Нужно притомъ имѣть въ виду, что мы не приняли въ разсчетъ картофеля, котораго приходится на 1 чел. въ годъ 368,83 килогр. (22,5 пуд.); кромѣ того, мы предположили, что всѣ остальные расходы, какъ-то: на одежду, обувь, духовно-нравственныя и интеллектуальныя потребности, ремонтъ хозяйства, подати и пр., покрываются изъ дохода, получаемаго отъ скота; слѣд., вычисленная нами норма представляется скорѣе слишкомъ низкой, чѣмъ высокой. Но мы еще урѣжемъ ее до 5 гект., такъ какъ перепись 1882 г. не выдѣляетъ хозяйствъ, имѣющихъ больше 5 и менѣе 10 гектар.

Спрашивается теперь, какая доля крестьянскихъ хозяйствъ удовлетворяетъ нормальной продовольственной площади? Оказывается, что въ Германіи изъ 2,189,522 крестьянскихъ хозяйствъ 981,407, или 44,8%, не имѣютъ того минимума земли, который необходимъ для существованія семьи; почти половина крестьянства не можетъ существовать безъ постороннихъ заработковъ. Положеніе этого класса крестьянъ во всѣхъ отношеніяхъ незавидное. Земли не хватаетъ для прокормленія семьи, но она въ то же время отнимаетъ у рабочихъ членовъ ея большую часть времени, такъ что постороннія работы не могутъ дать сколько нибудь значительнаго заработка. Такіе крестьяне живутъ хуже парцеллярныхъ владѣль-

---

*) *Freiherr von der Goltz,* Handbuch der landw. Betriebslehre, стр. 108.

**) *Ibid*, стр. 107.

***) Землевладѣніе и сельское хозяйство, стр. 326.

****) Мы принимаемъ здѣсь, что все мясо покупается, такъ какъ мясо, получаемое отъ убоя собственнаго скота, введено нами въ статью доходовъ отъ скота, на которую указываемъ нѣсколько ниже.

цевъ, которые все свое рабочее время могутъ продавать на сторону. Даже сельскіе рабочіе, не имѣющіе ни клочка земли, кочующіе отъ одного землевладѣльца къ другому, ведутъ болѣе сносную жизнь, чѣмъ эти нищіе, носящіе имя крестьянъ. Тутъ ведется борьба за кусокъ хлѣба,—борьба, скашивающая изъ года въ годъ не мало самостоятельныхъ существованій. Это—тотъ классъ крестьянства, который доставляетъ больше всего пищи ненасытнымъ аппетитамъ ростовщиковъ, спекулянтовъ, крупныхъ землевладѣльцевъ и tutti quanti. Это—пролетарія in potentia, ждущіе только какого нибудь случая—неурожая, паденія скотины и т. п., чтобы перейти въ ряды безземельныхъ рабочихъ.

Что касается второго способа измѣренія земельной обезпеченности, то по Пабсту *) средняя семья можетъ воздѣлать:

при экстенсивномъ хозяйствѣ . . . . 17—22 гектар.
» интенсивномъ » . . . . 7— 9 »
» средней интенсивности хозяйства . 10—15 »

Примемъ для Германіи *въ среднемъ* третью норму, такъ какъ, по свидѣтельству анкетъ, преобладающей системой земледѣлія въ германскихъ государствахъ является улучшенное трехполье. Далѣе, такъ какъ хозяйствъ въ 15 гект. мы не можемъ выдѣлить по переписи 1882 г., то ограничимся низшей цифрой—10 гект., т. е. примемъ, что средняя семья, имѣющая 10 гект., тратитъ всю свою рабочую силу на собственную землю и ничего не можетъ удѣлить для продажи на рабочемъ рынкѣ. Хозяйства, имѣющія меньше 10 гект., не могутъ занять *всю* наличную рабочую силу, вслѣдствіе чего нѣкоторая часть ея поступаетъ въ резервную армію, изъ которой пополняются ряды наемныхъ рабочихъ. Съ другой стороны, *за* этой гранью начинаются хозяйства, ощущающія въ той или другой степени недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и прибѣгающія къ наемному труду. Съ 15 гектар. землевладѣніе получаетъ капиталистическую окраску, которая становится все гуще и гуще, пока не доходитъ до 100 гектар., гдѣ хозяйство является вполнѣ капиталистическимъ.

По переписи 1882 г. въ Германіи насчитывается 1,535,581 хозяйство, имѣющее отъ 2 до 10 гект., т. е. 70,1% всего числа крестьянскихъ хозяйствъ не удовлетворяетъ нормѣ рабочей площади; почти ⅔ крестьянства не могутъ приложить всей своей рабочей силы въ собственномъ хозяйствѣ, и нѣкоторая часть ея поступаетъ въ распоряженіе крупныхъ землевладѣльцевъ. Если сюда прибавить 3,061,831 парцеллярныхъ хозяйствъ, живущихъ, *главнымъ образомъ* посредствомъ отдачи своей рабочей силы въ наемъ, то получится солидная цифра 4,597,412 семействъ, составляющихъ кадры, изъ которыхъ, помимо профессіональныхъ сельскихъ рабо-

*) *Von der Goltz*, назв. соч., 266.

чихъ, рекрутируется рабочая сила для крупнаго землевладѣнія. Наконецъ, крестьянскихъ хозяйствъ, обезпеченныхъ съ точки зрѣнія продовольственной площади, но не обезпеченныхъ съ точки зрѣнія рабочей площади (т. е. имѣющихъ отъ 5 до 10 гект.), насчитывается 554,174, т. е. 25,3%.

Для большей наглядности сведемъ всѣ цифры, касающіяся земельнаго обезпеченія крестьянъ, въ одну табличку:

	Размѣръ хозяйства въ гектарахъ.	Число крестьянскихъ хозяйствъ абсолютное.	въ %%-хъ.
Вообще	2—100	2,189,522	100
Необезпеченныхъ продовольственной площадью .	2— 5	981,407	44,8
Необезпеченныхъ рабочей площадью	2— 10	1,535,581	70,1
Обезпеченныхъ продовольств. площ., но не обезп. рабочей.	5— 10	554,174	25,3
Обезпеченныхъ рабочей площ.	10—100	653,641	29,9

Анализъ землевладѣнія показалъ неудовлетворительное экономическое состояніе большей части нѣмецкаго крестьянства. Мы придемъ къ тому же выводу, если обратимся къ доходности крестьянскихъ хозяйствъ. Оффиціальныя анкеты обратили особенное вниманіе на опредѣленіе доходности и вычисленіе «ренты», даваемой крестьянскимъ хозяйствомъ. Изъ приводимыхъ въ этихъ обслѣдованіяхъ бюджетовъ можно установить, въ какомъ количествѣ хозяйствъ расходъ превышаетъ доходъ (къ расходу отнесены потребленіе семьи и хозяйственныя издержки, а къ доходу—стоимость полученныхъ въ хозяйствѣ продуктовъ), и какъ велика рента, опредѣляемая въ процентахъ къ цѣнности основного капитала. При вычисленіи ренты вышеупомянутыя анкеты поступаютъ не всѣ одинаково. Баденская, относя къ издержкамъ производства вознагражденіе членовъ семьи за ихъ трудъ по высотѣ рыночной рабочей платы, включаетъ сюда и предпринимательскую прибыль, какъ особое вознагражденіе хозяина; подъ основнымъ капиталомъ она разумѣетъ землю вмѣстѣ со строеніями, не отдѣляя послѣднихъ отъ первой. Гессенская анкета не включаетъ предпринимательской прибыли въ составъ издержекъ производства, а къ основному капиталу относитъ лишь землю, исключая строенія. Наконецъ, вюртембергская занимаетъ средину между обѣими предыдущими: предпринимательская прибыль не входитъ въ издержки производства, а основнымъ капиталомъ считается земля вмѣстѣ со строеніями.

Имѣя въ виду это различіе въ способахъ опредѣленія ренты, обратимся къ результатамъ, даваемымъ анкетами. На основаніи 157 бюджетовъ мы составили слѣдующую табличку:

	Общее число изслѣдованныхъ хозяйствъ.	Число хозяйствъ, дающихъ дефицитъ		Число хозяйствъ, не дающихъ ренты		Средн. рента 1 хозяйства (изъ остальныхъ)
		вообще.	въ %.	вообще.	въ %.	въ %-хъ.
Баденъ	70	18	25,7	27	38,6	1,67
Гессенъ	68	19	27,9	22	32,3	2,41
Вюртембергъ . .	19	4	21,0	12	63,2	2,16
	157	41	26,1	61	38,8	—

Больше четверти хозяйствъ даютъ дефицитъ; слѣдовательно, о «рентѣ» не можетъ быть рѣчи: не хватаетъ даже для содержанія семьи. Почти $^{2}/_{5}$ всего числа хозяйствъ не даютъ ренты, т. е. хотя и сводятъ концы съ концами, но не имѣютъ излишковъ, такъ что достаточно простой случайности, чтобы хозяйство пошатнулось въ своемъ основаніи, и равновѣсіе въ бюджетѣ нарушилось. Наконецъ, въ болѣе состоятельныхъ хозяйствахъ, имѣющихъ нѣкоторый излишекъ, рента не превышаетъ $2^{1}/_{2}$%—цифра, значительно уступающая той, которую приходится платить въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Такъ какъ крестьянинъ, обыкновенно не имѣетъ наличныхъ капиталовъ, а земля во многихъ случаяхъ пріобрѣтена имъ посредствомъ купли, то ему невозможно обойтись безъ кредита.

Обыкновенно, при нуждѣ въ деньгахъ, ему предупредительно предлагаетъ свои услуги ростовщикъ, и такъ какъ такой способъ пріобрѣтенія денегъ доступнѣе, лишенъ формальностей и, главное, возможенъ тотчасъ же, въ моментъ нужды, то къ нему, главнымъ образомъ, и прибѣгаютъ крестьяне. По обслѣдованію Общества Соціальной Политики *), ростовщичество сильно распространено во всей Германіи, особенно тамъ, гдѣ преобладаетъ мелкое землевладѣніе **). Проценты, взимаемые ростовщиками, нерѣдко доходятъ до 170 ***); получая $2^{1}/_{2}$% и платя 170%, крестьянинъ оказывается въ неоплатномъ долгу и при всѣхъ усиліяхъ не можетъ выпутаться изъ когтей ростовщика; въ результатѣ—продажа земли съ молотка.

Не лучше его положеніе и въ томъ случаѣ, когда онъ обращается къ общественному кредиту. Не говоря уже о томъ, что кредитныя установленія въ Германіи слишкомъ мало приспособлены къ нуждамъ землевладѣнія вообще и крестьянъ въ частности, ****)

*) Schriften des Vereins für Socialpolitik, XXXV.

**) *Ibid*, предисл.

***) *Ibid.*, стр. 25 и др.

****) См. *Miaskovski*, Erbrecht und Grundeigenthumsvertheilung in Deutschland, т. I, стр. 101 и сл.. а также въ Schriften des Vereins für Socialpolitik, т. XXXVIII стр. 23 и сл. *G. Marchet*, Der Credit des Landwirthes (Landwirthschaftliche Jahrbücher, т. XII, стр. 350—369).

ни одно учрежденіе не можетъ дать кредита меньше, чѣмъ изъ 3—4%, обыкновенно же банки взимаютъ 5—6%; такой невысокій процентъ не по карману крестьянину, чистый доходъ котораго не превышаетъ 2½%. Удивительно ли, что, разъ сдѣлавъ заемъ, крестьянинъ не можетъ уплатить его и все сильнѣе и сильнѣе затягиваетъ на себѣ петлю?

Мы не можемъ опредѣлить всю сумму долговъ (личныхъ и ипотечныхъ), лежащихъ на крестьянствѣ, потому что крестьянинъ обыкновенно скрываетъ истинную цифру своей задолженности. Но ипотечные долги можно опредѣлить по земельнымъ книгамъ; тѣмъ не менѣе болѣе или менѣе удовлетворительная статистика крестьянской задолженности существуетъ лишь въ Пруссіи, Баденѣ, Гессенѣ и Вюртембергѣ. Слѣдующая табличка, составленная нами на основаніи анкетъ (для Бадена, Вюртембэрга и Гессена) и данныхъ, опубликованныхъ Мейтценомъ *) (для Пруссіи), иллюстрируетъ задолженность крестьянскаго землевладѣнія:

	Число изслѣдованныхъ общинъ (округовъ).	% хозяйствъ не имѣющихъ долговъ.	% хозяйствъ съ долг. до 1/4 цѣнности земли	1/4—1/2	бол. 1/2	Средняя задолженность въ % цѣнности земли.
Пруссія **)	42	?	50,9	45,1	4,1	27,9 — 24,
Баденъ ***)	37	32,9	25,7	30,7	10,7	38,9
Гессенъ ****)	23	37,2	41.5	10,7	10,9	24,1
Вюртемб. *****)	6	45,5	47,9	7,4	0,9	21,7

Въ наихудшемъ положеніи находится Баденъ, гдѣ и средняя задолженность наивысшая, и процентъ хозяйствъ съ долгомъ, превышающимъ 1/4 цѣнности земли, наибольшій, и процентъ не имѣющихъ долга хозяйствъ наименьшій; въ наилучшемъ положеніи находятся Вюртембергъ, гдѣ средняя задолженность низшая, хозяйствъ съ долгомъ, превышающимъ 1/2 цѣнности земли, совсѣмъ нѣтъ, почти половина хозяйствъ имѣетъ долгъ, не превышающій 1/4 цѣнности земли, а процентъ незадолженныхъ выше, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Какую же оцѣнку можно дать задолженности въ приведенныхъ четырехъ государствахъ? Можно ли квалифицировать ее, какъ «внушающую опасенія», угрожающую существованію крестьянскаго хозяйства?

Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимъ масштабъ, который указалъ бы, какой размѣръ задолженности слѣдуетъ считать опас-

---

*) Landwirhschaftliche Jahrbücher, т. XIV, Erg. 2.

**) Не считая хозяйствъ съ „чистымъ податнымъ доходомъ" до 30 тал.

***) Вмѣстѣ съ парцеллярными хозяйствами.

****) Исключены хозяйства до 0,50 гектар.

нымъ. Безъ такого критерія одинъ и тотъ же долгъ найдетъ различныя оцѣнки, у разныхъ изслѣдователей. Масштабъ, о которомъ мы говоримъ, можно составить на основаніи крестьянскихъ бюджетовъ, показывающихъ, какую сумму крестьяне въ состояніи выплачивать изъ своихъ излишковъ. Погашеніе долга вмѣстѣ съ платежемъ процентовъ должно падать на «ренту»; если положимъ, что вся рента будетъ поглощаться кредитными учрежденіями, и что послѣднія будутъ взимать въ общей сложности 6%, то предѣлъ, до котораго можетъ доходить задолженность, будетъ равняться:

въ Баденѣ	27,8%	цѣнности земли,
» Гессенѣ	40,1%	» »
» Вюртемб.	36,0%	» »

Слѣдовательно, въ Баденѣ изъ задолженныхъ хозяйствъ лишь четверть еще не дошла до опаснаго предѣла, а три четверти находятся въ «положеніи, внушающемъ опасенія», ибо излишковъ ихъ не хватаетъ на удовлетвореніе обязательствъ; въ Гессенѣ немного болѣе 1/10 части зедолженныхъ хозяйствъ, а въ Вюртембергѣ 3% грозитъ продажа съ молотка. Для правильнаго пониманія этого вывода нужно, однако, припомнить, что преимущество Гессена передъ Баденомъ относительно высоты ренты зависитъ въ значительной степени отъ способа ея опредѣленія: въ Гессенѣ при вычисленіи ренты не принята во вниманіе предпринимательская прибыль и выражена она въ процентахъ не всего основного капитала, а одной только земли. Что касается Вюртемберга, то тутъ изслѣдованію подверглась слишкомъ малая часть территоріи, чтобы позволительно было дѣлать обобщенія.

Гораздо лучшимъ показателемъ экономическаго положенія крестьянъ могло бы служить *движеніе* задолженности, но и тутъ наши свѣдѣнія очень ограничены. Въ Пруссіи задолженность землевладѣнія вообще за пятилѣтіе 1886—1891 гг. возрасла на 678 милл. мар. или на 2—3% цѣнности земли. Въ Саксоніи задолженность за періодъ 1884—1890 г. увеличилась на 37%; въ Баденѣ за тотъ же промежутокъ она возрасла на 95 милл. *). Ростъ крестьянской задолженности констатируется также въ Гессенѣ **), Вюртембергѣ ***) и Баваріи ****).

Объ ухудшеніи положенія крестьянъ свидѣтельствуетъ также статистика эмиграціи. По вычисленію Герцога *****), число лицъ, иммигрировавшихъ въ Соединенные Штаты въ пятилѣтіе 1879—

*) *Buchenberger*, Agrarwesen und Agrarpolitik, II, 31—34. Для Бадена опубликованы болѣе новыя данныя, которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ руками.

**) Анкета, т. I, стр. 54.

***) Анкета стр. XIV.

****) Landwirthschaft in Bagern стр. 735 и сл.

*****) Schmoller's Jahrbücher IX, H. 1.

1883 гг., распредѣлялось по государствамъ слѣдующимъ образомъ: Германія дала 36,24% всего числа европейскихъ эмигрантовъ:

Великобританія и Ирландія	31 13%	»	»
Италія.	4,48%	»	»
Австрія.	3,45%	»	»
Россія	2,51%	»	»
Венгрія	1,53%	»	»
Франція	0.99%	»	»

И т. д.

Т. е. наибольшій процентъ эмигрантовъ дала Германія. Далѣе, число лицъ, эмигрировавшихъ изъ Германіи въ Соединенные Штаты, возрасло съ 1879 до 1883 г. на 48,8%. Среди эмигрантовъ были, конечно, представители разныхъ классовъ населенія, причемъ крестьяне составляли 9,4%, а сельскіе рабочіе 0,06%. Правда, по мнѣнію Герцога, «крестьянами называли себя, вѣроятно, и тѣ, кто *желалъ* стать крестьянами». Однако, Герцогъ ничѣмъ не подтверждаетъ своихъ словъ. Какъ бы то ни было, число земледѣльцевъ, покидающихъ родныя пепелища и ищущихъ счастья въ чужой странѣ, растетъ изъ года въ годъ: за 4 года оно увеличилось на 637%!

Для полноты картины скажемъ нѣсколько словъ о налогахъ. Во всѣхъ анкетахъ высокія подати фигурируютъ въ числѣ причинъ, вліяющихъ неблагопріятнымъ образомъ на положеніе крестьянъ. Такъ, напримѣръ., въ Баденѣ налоги составляютъ 28% «ренты», въ Гессенѣ 53%, а въ Вюртембергѣ всѣ изслѣдованныя хозяйства въ совокупности даютъ дефицитъ въ 155,4 мар., а налоговъ уплачиваютъ 2539,39 мар. Подати ложатся на землевладѣльцевъ гораздо большей тяжестью, чѣмъ на другіе классы. Такъ, въ Баваріи съ одного и того же дохода капиталистъ уплачиваетъ 3%, промышленникъ 5%, домавладѣлецъ 7%, а землевладѣлецъ 12,57%. Больше всего жалобъ вызываютъ мѣстные налоги, которые сплошь и рядомъ въ 2—3 раза превышаютъ размѣръ государственныхъ податей. Прусская податная реформа 1893 года, передавшая реальные налоги общинамъ, въ незначительной степени облегчила податное бремя крестьянъ. Изслѣдованіе, произведенное въ 35000 сельскихъ общинъ, показало, что въ 1895—6 г. сравнительно съ 1894—5 г. *) общинные реальные налоги остались безъ перемѣны въ 10000 общинъ, увеличились на сумму, равную суммѣ отмѣненныхъ государственныхъ налоговъ, въ 1200 общинахъ, на 51 — 100% этой суммы — въ 4400 общ. и на 1—50%—въ 14000 общинъ. **)

*) Законъ 1893 года вступилъ въ силу съ 1895 г.
**) Denkschrift, стр. 14.

XI.

Какія же тенденціи замѣчаются въ крестьянскомъ хозяйствѣ послѣдняго времени? Произошли ли какія либо перемѣны въ крестьянскомъ землевладѣніи, а если да, то въ чемъ онѣ выразились: въ исчезновеніи ли крестьянства, сопровождаемомъ ростомъ пролетаріата и крупнаго землевладѣнія, или, наоборотъ, въ увеличеніи числа крестьянскихъ хозяйствъ?

Германская статистика еще болѣе скудна для динамическаго изслѣдованія крестьянскаго землевладѣнія, чѣмъ для статическаго. Результаты переписи земледѣльческихъ хозяйствъ, произведенной въ 1895 году, еще не опубликованы, а данныя, относящіяся ко времени до 1882 г., не вполнѣ однородны съ данными переписи 1882 г., такъ какъ получены при помощи не тожественныхъ пріемовъ. Поэтому общей картины эволюціи крестьянскаго землевладѣнія во всей Германіи нельзя получить. Немногія цифры, имѣющіяся для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей Германіи, могутъ дать лишь слабый намекъ на совершающійся въ нѣмецкомъ крестьянствѣ процессъ.

Въ *Пруссіи* (прежняго состава) крестьянство отъ 1816 до 1859 г потеряло 1.761,641 морг., что составляетъ 5,11% всей крестьянской площади; изъ нихъ 468,660 или 1,36% отошли въ пользу крупнаго землевладѣнія, а 1.292,981 или 3,75% въ пользу парцеллярнаго. Въ періодъ времени отъ 1865 до 1867 г. крестьянство потеряло 224,121 морг., изъ которыхъ дворянами поглощено 13,797 морг. *) Для позднѣйшаго времени у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ. Цифры 1878 г. **) нельзя сравнивать съ цифрами 1882, такъ какъ первыя даютъ число владѣній и получены на основаніи податныхъ списковъ, а вторыя—число хозяйствъ и получены путемъ переписи. Цифры 1882 г. нельзя также сравнивать съ цифрами 1867 и 1859 гг., такъ какъ послѣднія не даютъ числа хозяйствъ по классамъ землевладѣнія, а различаютъ только «упряжеспособныя» и «неупряжеспособныя»—признакъ, потерявшій въ настоящее время всякое значеніе и сильно колеблющійся по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Болѣе поддаются сравненію данныя за 1858 и 1878 гг., но и тутъ цифры выражаютъ не вполнѣ однородныя величины: въ 1858 году принимались въ счетъ и участки чужеселовъ, на которыхъ не велось самостоятельнаго хозяйства, тогда какъ въ податные списки 1878 г. вошли только самостоятельныя хозяйства. Поэтому цифры 1858 г., особенно въ низшей и высшей группахъ, для сравненія съ цифрами 1878 г. должны

---

*) *Miaskovski*, Erbrecht etc, I, 151—152, *Sering*, Die innere Kolonisation, 293- 297. *Meitzen*, Der Boden etc. *I*, 488—510.

**) Preussische Statistik, № 103.

быть нѣсколько уменьшены; сопоставленіе же среднихъ групъ болѣе надежно.

Вотъ распредѣленіе владѣній въ процентахъ:

	1858 г.		1878 г.	
До 1,25 гект.	48,9		28,0	
Отъ 1,25 гект. до 7,5 гект.	29,2)	49,3	39,3)	69,6
» 7,5 » » 75 »	20,1)		30,3)	
» 75 » » 150 »	0,8)	1,8	1,2)	2,4
выше 150 »	1.0)		1.2)	
	100,0		100,0	

При всѣхъ недостаткахъ этой таблицы, несомнѣнно то, что въ 20-лѣтіе 1858—1878 гг. число крестьянскихъ хозяйствъ увеличилось; притомъ, такъ какъ цифры 1858 г. для сравненія съ цифрами 1878 г. должны быть уменьшаемы, то ростъ крестьянства въ дѣйствительности былъ еще больше, чѣмъ показываетъ таблица.

Что касается другихъ германскихъ государствъ, то болѣе или менѣе надежную картину эволюціи можно получить только для *Вюртемберга* при сравненіи переписей 1873 и 1882 г. Землевладѣніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ (въ процентахъ).

	1873 г. *)	1882 г.
До 10 гект.	91,5	91,7
Отъ 10 до 100 гект.	8,4	8,3
Выше 100 гект.	0,1	0,0

Т. е. въ означенный періодъ времени не произошло почти никакихъ перемѣнъ. Къ сожалѣнію, намъ пришлось взять слишкомъ большія группы, такъ какъ хозяйства до 2 гект., отъ 2 до 5 и пр. нельзя выдѣлить изъ переписи 1873 г.

Въ виду недостаточности статистическихъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы судить объ эволюціи землевладѣнія въ цѣлыхъ территоріальныхъ единицахъ, намъ придется ограничиться цифровымъ и не цифровымъ матеріаломъ, относящимся къ небольшимъ районамъ. Много фактовъ подобнаго рода сгруппировалъ въ своемъ трудѣ проф. Міасковскій, собиравшій ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Со времени выхода его книги въ свѣтъ накопилось еще много указаній по интересующему насъ вопросу. Такъ какъ эволюція крестьянскаго землевладѣнія имѣетъ первостепенную важность во многихъ отношеніяхъ, то считаемъ необходимымъ познакомить читателя со всѣми относящимися сюда фактами.

*) Данныя за 1873 г. взяты изъ Würthembergische Jahrbücher, 1881, Th. I, H. 1.

Начнемъ съ *Пруссіи*.

Въ Познани жалобы на упадокъ крестьянства раздаются изъ многихъ мѣстъ. Въ бромбергскомъ округѣ съ 1875 г. замѣчается сильное раздробленіе крестьянскихъ участковъ; число парцеллярныхъ хозяйствъ растетъ, а контингентъ состоятельнаго крестьянства уменьшается изъ года въ годъ. Во время преній въ познанскомъ провинціальномъ сеймѣ по поводу одного правительственнаго законопроекта, было констатировано, что въ нѣкоторыхъ частяхъ провинціи раздробленіе крестьянскихъ владѣній на мелкіе, несамостоятельные участки, а слѣдовательно, уменьшеніе числа собственно крестьянскихъ хозяйствъ происходитъ въ опасныхъ размѣрахъ, такъ что платежеспособность крестьянства тамъ положительно понизилась. *) Этотъ отзывъ подтверждается также обслѣдованіемъ Общества Соціальной Политики **) и имѣющимися статистическими данными. Въ періодъ 1859—1880 гг. число крестьянскихъ хозяйствъ уменьшилось въ Познани на 8,396 или 17,54%, а число парцеллярныхъ увеличилось на 10,856 или 32%; площадь крестьянскаго землевладѣнія уменьшилась на 104,505 моргеновъ или 3%, а площадь парцеллярныхъ хозяйствъ увеличилась на 225,007 морг. или 75% ***).

Въ Силезіи число крестьянскихъ участковъ въ періодъ времени 1850—1880 гг. упало съ 45,799 до 40,876, а площадь ихъ—съ 1,091,177 гект. до 896,372 ****). Въ частности, въ Оппельнскомъ округѣ было владѣній (въ процентахъ) *****):

	1858 г.		*1879 г.*	
До 1,25 гект.	36,6		43,5	
Отъ 1,25 гект. до 7,5 гект.	44,5	64,2	41,2	55,7
» 7,5 » » 75 »	19,7		14,5	
» 75 » » 150 »	0,3	2,2	0,2	0,3
выше 150 »	1,9		0,6	

Т. е. относительное число парцеллярныхъ владѣній увеличилось, а крестьянскихъ уменьшилось.

Аналогичное явленіе находимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. Пруссіи ******). Такъ, въ деревнѣ Горловкенъ было хозяйствъ (въ процентахъ):

	1852 г.	1882 г.
до 5 гектар.	32,5	49,2
отъ 5 до 75 гект.	65,1	47,5
выше 75 »	2,4	3,2

*) *Miaskovski*, I, 139—140.

**) Bäuerliche Zustände, III, 31—32.

***) Landw. Jahrb. XII, Erg. 1, стр. 153—154.

****) *Sering*, *85. Miaskovski* I, 154.

*****) *Miaskovski*, I, 140.

******) Bäuerl. Zustände, II, 320.

Т. е. число парцеллярныхъ и крупныхъ хозяйствъ увеличилось, а крестьянскихъ уменьшилось. Въ округѣ Іоганнисбургѣ было:

	въ 1860 г.	въ 1882 г.
крестьянскихъ хозяйствъ	50%	34%
парцеллярныхъ »	50%	66%

Въ Зап. Пруссіи также возникли въ послѣднее время новыя парцеллярныя владѣнія, которыя большею частью получились посредствомъ раздробленія крестьянскихъ участковъ *).

Не лучше обстоитъ дѣло въ Помераніи. Въ Ново-Штеттинскомъ округѣ отъ освобожденія до 1880 г. произошли слѣдующія измѣненія: число обезпеченныхъ хозяйствъ упало съ 1888 до 1484, т. е. на 21%; число хозяйствъ, нуждающихся въ постороннихъ заработкахъ, увеличилось съ 240 до 816, т. е. на 240%; вновь возникло мало обезпеченныхъ хозяйствъ 372. Слѣдовательно, число парцеллярныхъ хозяйствъ увеличилось на 395% **).

Объ упадкѣ крестьянства сообщаютъ и изъ Рейнской провинціи. Въ 9 общинахъ Гауштадтскаго бургомистерства перешло въ руки ростовщиковъ 1051 гектаръ земли, что равняется 25,4% всей земельной площади, принадлежащей частнымъ лицамъ, а 1335 или 32,2% настолько обременены долгами, что ихъ переходъ въ руки ростовщиковъ неминуемъ въ ближайшемъ будущемъ ***).

Въ Гессенъ-Нассау дробленіе крестьянскихъ участковъ началось еще въ 50-хъ годахъ, а въ 1873, 1874 и 1876 гг. оно достигло громадныхъ размѣровъ. Въ послѣднее время процессъ этотъ нѣсколько ослабѣлъ ****).

Въ Саксонской провинціи дробленіе особенно усилилось въ 1877 г. Въ Деличскомъ округѣ число крестьянскихъ хозяйствъ отъ 1860 до 1880 г. уменьшилось съ 2,159 до 2,108, а парцеллярныхъ увеличилось съ 1317 до 1370. Въ Биттерфельдскомъ округѣ число первыхъ отъ 1867 до 1881 г. уменьшилось съ 1,299 до 1,281, а число послѣднихъ увеличилось съ 1,611 до 1,806 *****).

Упадокъ крестьянскаго землевладѣнія замѣтенъ также въ нѣкоторыхъ частяхъ *Вюртемберга*, особенно въ Шварцвальдѣ, гдѣ дробленіе участковъ продолжается съ самаго начала столѣтія ******).

То же совершается въ *Баваріи*. По обслѣдованію, произведенному въ 1890 г. въ трехъ общинахъ, съ 1888 до 1890 г. прекратили свое существованіе 1,415 хозяйствъ; если сюда добавить и тѣ участки, которые хотя и раздробились, но небольшими частями остались за прежними хозяевами, то получится еще большая цифра. Съ 1890 г. раздробилось 35 хозяйствъ изъ 117 (29,9%), причемъ

*) *Miaskovski*, I, 141.
**) Landw. Jahrb, XII, Erg, 1 стр., 136—137, *Sering*, 79.
***) Bäuerl. Zust., I, 239.
****) *Miaskovski*, I, 133.
*****) Landw. Jahrb. XII, Erg., I, стр. 269, 27
******) *Miaskovski*. I, 136.

15 (12,8%) вовсе прекратили свое существованіе *). Далѣе, изъ Швабіи сообщаютъ, что въ послѣдніе 10 лѣтъ спекулянты скупали крестьянскіе участки и перепродавали ихъ другимъ мелкими частями, недостаточными для веденія земледѣльческаго хозяйства **). То же самое происходитъ въ другихъ частяхъ Баваріи, какъ, напримѣръ, въ Средней и Нижней Франконіи. Изъ послѣдняго района сообщаютъ: «Земля все болѣе и болѣе низводится на степень «товара», переходящаго добровольнымъ или принудительнымъ путемъ въ другія руки, осуществляя такимъ образомъ идеалъ манчестерцевъ,—«мобилизацію» земельной собственности. Но вмѣстѣ съ этимъ мобилизируется и крестьянинъ, т. е. становится поденщикомъ или сельскимъ пролетаріемъ, или же поворачиваетъ спину отечеству, которое ничего не дѣлаетъ и не умѣетъ сдѣлать для него, и ищетъ за океаномъ лучшую родину» ***).

Дробленіе крестьянскихъ участковъ издавна наблюдается также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бадена, Саксоніи и Саксенъ-Веймара.

Наряду съ дробленіемъ крестьянскихъ участковъ происходитъ концентрація ихъ въ немногихъ рукахъ. Оба эти явленія представляютъ, въ сущности, двѣ стороны одного и того же процесса—экспропріаціи крестьянъ: упадокъ крестьянскаго землевладѣнія сопровождается, съ одной стороны, ростомъ парцеллярныхъ хозяйствъ, совершающимся двумя путями: 1) посредствомъ обращенія крестьянина изъ самостоятельнаго хозяина въ парцеллярнаго вслѣдствіе потери имъ части земли и 2) посредствомъ пріобрѣтенія клочковъ земли рабочими, надѣющимися такимъ образомъ стать въ меньшую зависимость отъ работодателя ****); съ другой стороны, крестьянская земля переходитъ въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, скупающихъ крестьянскіе участки либо цѣликомъ, либо частями. Посредникомъ въ обѣихъ этихъ операціяхъ является спекулянтъ-ростовщикъ, какъ представитель капитала. Раскидывая свои сѣти въ средѣ крестьянской массы, онъ въ лучшемъ случаѣ заставляетъ задолжавшагося земледѣльца для уплаты долга отчуждать одну часть земли за другой, сохраняя хотя бы тѣнь самостоятельности, а въ худшемъ—уступить ростовщику или продать весь свой участокъ, обратившись въ пролетарія чистѣйшей воды.

Судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, концентрація совершается въ еще большихъ размѣрахъ, чѣмъ дробленіе.

О ростѣ дворянскаго землевладѣнія въ *Пруссіи* въ первой половинѣ столѣтія мы говорили выше; земельныя пріобрѣтенія помѣщиковъ совершались въ то время либо вслѣдствіе уступки крестьянами части земли въ видѣ выкупа, либо посредствомъ

---

*) Schmoller's Jahrbücher XVIII, H. I, стр. 64, 65.

**) *Miaskovski* I. 137.

***) Bäuerl. Zust.. III, 177.

****) На этотъ послѣдній фактъ указываютъ всѣ корреспонденты анкеты Общества Соціальной Политики.

скупки крестьянскихъ участковъ. Процессъ концентраціи продолжается и теперь. Такъ, въ засѣданіи вестфальскаго провинціальнаго сейма отъ 24 апрѣля 1880 г. было сообщено, что одно «рыцарское имѣніе», располагавшее въ 1865 г. 6,000 морг., теперь имѣетъ 14,000 морг., и что въ одной общинѣ, имѣвшей въ 50-хъ гг. 12 владѣній, теперь осталось 5, а остальныя 7 пріобрѣтены сосѣднимъ крупнымъ землевладѣльцемъ *).

Въ Бранденбургѣ въ одномъ округѣ (Prenzlau) 75%, а въ другомъ (Soldin) 60% всего числа исчезнувшихъ крестьянскихъ участковъ поглощены крупными землевладѣльцами. **) Аналогичныя извѣстія получаются изъ Саксонской провинціи ***).

Въ 70-хъ гг. констатировано было въ прусской палатѣ депутатовъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ пров. Пруссіи мелкія и среднія владѣнія исчезаютъ, а взамѣнъ ихъ растетъ число латифундій ****). Это подтверждается и другими источниками *****). Процессъ концентраціи продолжается и въ настоящее время *).

Въ Силезіи мобилизація крестьянской собственности представляетъ болѣе печальную картину, чѣмъ въ другихъ частяхъ Пруссіи. Крестьянская земля скупается не только крупными землевладѣльцами, но и сахаро-заводчиками. «Силезскіе магнаты соединяются съ бреславскими капиталистами, чтобы погубить крестьянское сословіе». На крайнемъ югѣ Силезіи собственники латифундій изъ года въ годъ скупаютъ крестьянскую землю, поглощая всякій клочекъ, какой только остался въ рукахъ крестьянъ **).

Въ Шлезвигъ-Голштейнѣ также замѣчается въ послѣднее время стремленіе со стороны дворянъ расширять свои владѣнія насчетъ крестьянской собственности; исчезновеніе крестьянства особенно замѣтно на востокѣ ***).

Въ широкихъ размѣрахъ совершается концентрація земли въ *Гессенѣ*, гдѣ цѣлыя общины сдѣлались жертвой дворянскихъ аппетитовъ ****). Въ *Баденѣ* процессъ этотъ даетъ себя особенно сильно чувствовать въ Шварцвальдѣ, гдѣ населеніе съ большой непріязнью относится къ представителямъ крупнаго землевладѣнія. Буквы F. F.. вырѣзанныя на пограничныхъ камняхъ, окаймляющихъ владѣнія одного магната, народъ читаетъ: «fort ist fort» (т. е. гибель крестьянамъ!) *****).

---

*) *Liebknecht*, Zur Bodenfrage, 119.
**) Landw. Jahrb. XII, Erg. 1 стр. 617. *Sering*, 81.
***) *Miaskovski*, I, 148. Bäuerl. Zustände, II, 120.
****) *Miaskovski*, I, 149.
*****) Bäuerl. Zustände, II, 237, 287.
*) *Sering*, 78.
**) *Ibid*, 84—85. *Miaskovski*, I, 149.
***) *Miaskovski*, I, 148,
****) *Miaskovski*, I, 145.
*****) *Ibid*, 146—147.

Даже въ *Баварiи*, этой странѣ «могучаго крестьянства», нерѣдки случаи скупки крестьянскихъ участковъ крупными землевладѣльцами и капиталистами. Извѣстный фабрикантъ карандашей, Фаберъ, скупаетъ цѣлыя общины, засаживая громадныя земельныя пространства липовыми деревьями *).

Упадокъ крестьянства имѣетъ мѣсто и въ *Саксенъ-Веймарѣ*. Такъ, въ Веймарскомъ округѣ число владѣнiй, превышающихъ 90 гектаровъ, увеличилось въ промежутокъ времени 1864—1879 гг. на 1,6%, а число владѣнiй отъ 36 до 90 гект. уменьшилось на 13,3%. Въ частности классъ выше 90 гект. возросъ въ 7 районахъ и понизился въ 5, классъ 36—90 гект. увеличился въ 1 районѣ и уменьшился въ 11 **).

Аналогичныя извѣстiя получаются изъ Брауншвейга ***) и Мекленбурга. Послѣднiй можно считать классической страной экспропрiацiи крестьянскаго сословiя; впрочемъ, тамъ аппетиты дворянства были вполнѣ удовлетворены еще при отмѣнѣ крѣпостного права.

(*Окончанiе слѣдуетъ*).

Л. Закъ.

---

*) Bäuerl. Zust. III, 159.
**) *Ibid*, I, 88—91.
***) *Liebknecht*, 119.

Еще изъ міра отверженныхъ.

VI.

На очной ставкѣ.

Населеніе нерчинскихъ рудниковъ въ послѣднее время сильно таяло и независимо отъ манифеста, благодаря частымъ весеннимъ выборкамъ здоровыхъ арестантовъ на Сахалинъ и, главнымъ образомъ, потому, что изъ Россіи временно почти прекратился притокъ свѣжихъ партій (вѣроятно, также благодаря усиленному требованію ихъ на Сахалинъ). Населеніе Шелайскаго рудника рѣдѣло не по днямъ, а по часамъ; не хватало здоровыхъ арестантовъ для исполненія даже тѣхъ несложныхъ функцій, какія имѣлись въ его повседневной жизни. Особенный недостатокъ чувствовался въ мастеровыхъ всякаго рода. Въ гору наряжали совсѣмъ мало народа, и Монаховъ прекратилъ дѣйствіе одной изъ шахтъ. Между тѣмъ, изъ маленькихъ партій, время отъ времени продолжавшихъ всетаки приходить изъ Россіи, въ Шелай не присылали почему-то ни одного человѣка: арестанты объясняли это «варварской» славой браваго капитана и дурными отношеніями къ нему завѣдующаго каторгой. Предполагалось, что Шестиглазый жить не можетъ, «спать спокойно не можетъ безъ нашего брата», и что этимъ игнорированьемъ его тюрьмы ему можно насолить всего сильнѣе. Говорили, что онъ то и дѣло посылалъ «затребованія» новыхъ людей, и временами къ намъ присылали, дѣйствительно будто на смѣхъ, двухъ-трехъ старичковъ, которыхъ давно уже слѣдовало бы поселить въ богадѣльнѣ, кривыхъ, хромыхъ, неспособныхъ ни къ какой работѣ и не знающихъ никакого ремесла. Лучезаровъ тогда рвалъ и металъ и немедленно отсылалъ новую «партію» обратно, отзываясь, что у него нѣтъ свободныхъ мѣстъ въ лазаретѣ.

Съ уменьшеніемъ числа сильныхъ и здоровыхъ элементовъ въ тюрьмѣ, на мѣста такъ наз. «домашнихъ» рабочихъ, камерныхъ старостъ, парашниковъ, больничныхъ и другихъ служителей, тяжести работъ которыхъ Лучезаровъ не вѣрилъ, все больше и больше ставились слабосильные старички и завѣдомые больные, сифилитики, чахоточные. Одинъ только гигантъ Юхоревъ сумѣлъ какъ-то и въ

это время сохранить за собою мѣсто общаго старосты, позволявшее ему цѣлый день спать безъ просыпу или слоняться безъ дѣла по тюрьмѣ. Шестиглазый, очевидно, былъ чрезвычайно къ нему расположенъ и, по разсказу самого Юхорева, говорилъ ему:

— На должности старосты непремѣнно долженъ быть такой человѣкъ, какъ ты,—съ хорошей глоткой и здоровымъ кулакомъ, чтобъ живо можно было унять недовольныхъ! Не допускай, чтобы въ тюрьмѣ слышалась воркотня на пищу или тяжесть работъ. Чуть что, не докладывая мнѣ, расправляйся самъ съ буянами.

— А по мнѣ пускай, что хочетъ, брешетъ собачій сынъ!—прибавлялъ отъ себя Юхоревъ, передавая такія поученія бравaго капитана: — я слушаю да молчу. Что мнѣ мѣшаетъ вытянуться по солдатски да гаркнуть: «Слушаю-съ, господинъ начальникъ!» Душа изъ него вонъ.

И Юхоревъ продолжалъ быть тюремнымъ царькомъ, все больше и больше забирая въ свои руки власть надъ артелью. Это была вообще деспотическая натура. Ради соблюденія одной формы ходилъ онъ иногда по камерамъ и спрашивалъ: «Ребята, желаете-ли того-то и того-то?» Но изъ самаго тона, какимъ онъ задавалъ вопросъ, сейчасъ же было видно, что́ ему самому кажется желательнымъ, и отвѣтъ шпанки всегда былъ обезпеченъ. Случалось, что за глаза Юхорева не одобряли, поговаривали даже, что онъ заважничалъ, и что нашлось бы, молъ, изъ кого и другого старосту выбрать, но говорилось это несерьезно, такъ какъ отлично всѣ понимали, что никто другой въ тюрьмѣ не въ состояніи тягаться съ Юхоревымъ ни въ умѣ, ни во внутренней силѣ, ни даже во внѣшней представительности. Стоило только появиться въ толпѣ арестантовъ могучей фигурѣ Юхорева, какъ всѣ они начинали казаться передъ нимъ мелкими мухами, самой заурядной шпанкой. Существовала также преувеличенная увѣренность въ томъ, что общій староста пользуется огромнымъ вліяніемъ на эконома, обдуваетъ его въ пользу артели и вообще держитъ въ ежевыхъ рукавицахъ. Мнѣ самому, дѣйствительно, приходилось слыхивать въ кухнѣ, какъ Юхоревъ въ глаза называлъ эконома шепелявымъ чортомъ, и тотъ только добродушно ежился да отшучивался. Но «шепелявый чортъ», съ своей стороны, производилъ впечатлѣніе слишкомъ скупой и пронырливой бестіи, чтобы могъ въ чемъ-нибудь уступить самому хитрому и ловкому арестанту; восхищеніе кобылки умомъ своего старосты было чисто платоническимъ, никакихъ видимыхъ благотворныхъ для себя плодовъ отъ его побѣдоносной политики тюрьма не видѣла; напротивъ, баланда въ котлѣ становилась съ каждымъ мѣсяцемъ все водянистѣе и безвкуснѣе, мяса все меньше и меньше; сало для каши то подъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ не выдавалось цѣлыми недѣлями. Все это кобылка отлично видѣла и чувствовала, но личность Юхорева была слиш-

комъ обаятельна и слишкомъ подавляла всѣхъ, чтобы раздались, наконецъ, противъ него громкіе протесты.

Между тѣмъ, самъ Юхоревъ, отъ природы жилистый и сухощавый, начиналъ лосниться отъ жира и избытка здоровья; онъ не пилъ чаю безъ молока, курилъ только хорошій табакъ, ѣлъ много мяса и даже бывалъ иногда пьянъ, доставая спиртъ отъ фельдшера Землянскаго, съ которымъ велъ большую дружбу. Онъ самъ похвалялся арестантамъ послѣ одного изъ тюремныхъ обысковъ, что еслибы пошарили хорошенько въ его бушлатѣ, то нашли бы тамъ цѣлыхъ двадцать пять рублей. Откуда у него явились такія деньги? Откуда онъ бралъ молоко, мясо? Кобылка старалась не думать о подобныхъ щекотливыхъ вопросахъ, продолжая молчаливо и безропотно питаться помоями.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней Башуровъ и Штейнгартъ гуляли, по обыкновенію, со мной въ корридорѣ, какъ вдругъ Юхоревъ крикнулъ съ порога своей камеры:

— Валерьянъ, завтракъ поданъ, иди, дружище!

— Какой такой завтракъ?—съ недоумѣніемъ обратились мы съ Дмитріемъ къ товарищу.

Валерьянъ сконфузился.

— Да знаете, тамъ... Юхоревъ часто потчуетъ... Неловко както бываетъ отказываться.

— Чѣмъ онъ потчуетъ?

— Ну, разнымъ тамъ, картошкой, иногда мясомъ...

— Да вы развѣ не знаете, откуда онъ беретъ все это? Вѣдь онъ у артели крадетъ, и если мы станемъ участвовать въ его пирушкахъ, то какъ начнутъ глядѣть на насъ арестанты? Юхореву простятъ, а намъ нѣтъ.

— О! да они вѣдь всѣ участвуютъ... У насъ чуть не вся камера ѣстъ картошку!

— Вотъ именно: «чуть не вся»... Какому-нибудь Карпушкѣ, навѣрное, ничего не даютъ? Ваша камера имѣетъ завтраки только потому, что въ ней случайно скопились Иваны, а другія сидятъ голодныя.

— Мелочной вы ригористъ, Иванъ Николаевичъ! Несчастная какая-нибудь картофелина или луковица... Больше я, обыкновенно, ничего не беру... Вѣдь обидишь отказомъ!

Штейнгартъ рѣзко сталъ, однако, на мою сторону, и смущенный Башуровъ отъ завтрака на этотъ разъ отказался. Но прошло нѣсколько недѣль, и я опять имѣлъ случай убѣдиться, что по безхарактерности или излишней деликатности Валерьянъ возобновилъ участіе въ юхоревскихъ пирушкахъ. Затѣвать по этому поводу новыя пренія я не счелъ возможнымъ, зная огромное самолюбіе Валерьяна, и предпочелъ махнуть рукою, сказавъ себѣ мысленно, что онъ самъ уже взрослый человѣкъ, и что, въ концѣ концовъ, каждый отвѣчаетъ за свой личный только образъ дѣйствій... Но мнѣ сильно,

по прежнему, не нравилось, что дружба его съ Юхоревымъ росла, казалось, не по днямъ, а по часамъ и что онъ продолжалъ вступать въ фамильярную и, во всякомъ случаѣ, ненужную близость и съ другими также арестантами. Они позволяли себѣ хлопать его по плечу, называли просто по имени, отпускали на его счетъ грубоватыя шутки. Я и самъ никогда не держался съ арестантами недотрогой: напротивъ, многіе изъ нихъ называли меня даже «волынщикомъ»... Но, затѣвая всѣ подобныя волынки (съ Чиркомъ, Ногайцевымъ, Сохатымъ и др.), я старался никогда не переходить въ нихъ за извѣстный предѣлъ сдержанности и чувства собственнаго достоинства. Штейнгартъ не меньше моего былъ въ этомъ отношеніи остороженъ. Но теперь, когда легкомысленный товарищъ сталъ практиковать совершенно новую политику отношеній, мы оба инстинктивно сжались и сдѣлались въ обращеніи съ арестантами болѣе прежняго замкнуты и сухи. Наблюдательная кобылка скоро замѣтила это обстоятельство и нерѣдко стала подчеркивать въ нашемъ присутствіи (и серьезно, и въ шутку), что вотъ-молъ Валерьянъ Вашуровъ—простой человѣкъ, душа-человѣкъ, не то что мы двое—гордые люди, гнушающіеся темнымъ людомъ...

Но, какъ и предсказывалъ Штейнгартъ, Валерьянъ не смогъ надолго остаться въ одномъ и томъ же настроеніи, и у него тамъ и сямъ стали случаться рѣзкія стычки съ пріятелями-арестантами. Объ одной такой стычкѣ съ любимымъ его «ученикомъ», Быковымъ, заговорили во всей тюрьмѣ. Этотъ Быковъ былъ замѣтная въ своемъ родѣ фигура, и я долженъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Ближайшій другъ Юхорева, онъ былъ обязанъ своей замѣтностью не какимъ либо внутреннимъ качествамъ, а почти исключительно физической внѣшности. Туповатый и недалекій малый, онъ былъ чуть не цѣлой головой выше Юхорева и Сохатаго и при этомъ сухъ и тощъ, какъ спичка; смертельно-блѣдное лицо на огромномъ четырехугольномъ черепѣ, глубоко впавшіе каріе глаза и чуть замѣтная желтая бородка, длинныя, костистыя руки, отличавшіяся феноменальной силой,—таковъ былъ обликъ этого огромнаго живого скелета, въ дополненіе ко всему имѣвшаго грубый, непріятный голосъ съ отрывистымъ смѣхомъ... Пришелъ Быковъ въ каторгу за насиліе надъ женщиной, но самъ онъ находилъ свое осужденіе возмутительно-жестокимъ и несправедливымъ дѣломъ.

— Ха! законъ!—говорилъ онъ своимъ жесткимъ, сердитымъ басомъ:—какой тутъ можетъ быть законъ? За какую-нибудь шляющую старушонку посылать человѣка въ каторгу...

— Но вы точно обидѣли ее? Вы этого не отрицаете, Быковъ?

— Какая тутъ можетъ быть обида? Ну, кабы дѣвка молодая, аль мужняя жена, тогда бы другое дѣло. А то—вдова-старушонка и съ лица-то прямо вѣдьма-вѣдьмой!

— Все равно—женщина...

— Э, да вы, Миколаичъ, извѣстно, всегда за это поганое со-

словіе стояте! А вы послухайте, какъ было дѣло-то. На пріискѣ я жилъ, и старушонка эта тамъ же гдѣ-то по-близу жила. Вотъ и встрѣтили мы ее, нѣсколько парней, въ лѣсу... Праздничнымъ было дѣломъ—ну, и выпимши всѣ здорово. Нешто въ трезвую башку взбрела бъ такая глупость? Нешто денегъ у насъ не было, аль охочихъ дѣвокъ не хватило? Ну, а она, вѣдьма, закуражилась... Другая бъ еще за честь почла... Хо-хо-хо, съ молодыми-то парнями погулять... А она рыло прочь! Ну... ну и пришлось насильствомъ.

— Какъ же она потомъ доказала на васъ?

— Свидѣтели нашлись. Двое изъ нашей же кампаніи непьяныхъ было... Еще отговаривали насъ... Ну, а потомъ, какъ сволочь-то эта заявила и сослалась на нихъ, они и не стали запираться, указали на меня съ товарищами. И вотъ восемь лѣтъ каторги, какъ пить дать, готово! Ну, какой же это законъ? Не законъ это, а прямо сказать—разбой!

Изъ внутреннихъ качествъ Быкова, кромѣ упомянутой уже недалекости, выдавались еще чисто-ослиное упорство и болѣзненно развитое самолюбіе, способность видѣть обиду даже тамъ, гдѣ ея совсѣмъ не было. Мня себя очень неглупымъ человѣкомъ, онъ не допускалъ ни малѣйшаго возраженія въ спорахъ и сейчасъ-же начиналъ фыркать. Разъ лѣтомъ, любуясь со двора тюрьмы на красиво разливавшійся по сопкамъ цвѣтъ богульника, я спросилъ проходившаго мимо Быкова, какого онъ представляется ему цвѣта.

— Ну, да алаго, вѣстимо, алаго,—категорически заявилъ онъ.

— А мнѣ кажется, лиловаго цвѣта,—высказалъ я свое мнѣніе:—алый совсѣмъ не такой...

Быковъ сейчасъ-же обидѣлся.

— Еловый?.. Я не знаю, какой такой еловый свѣтъ... Зачѣмъ и спрашиваете, коли сами все знаете? Мы въ попы вѣдь не мѣтимъ... Хо-хо! еловый свѣтъ!

И надувшись, отошелъ прочь. *)

Вотъ съ этимъ-то человѣкомъ у Валерьяна Башурова и произошло вскорѣ рѣзкое столкновеніе. При установившейся раньше фамильярности отношеній немудрено, что въ отвѣтъ на какую-то грубость Валерьяна (въ родѣ «отойдите прочь, не мѣшайте мнѣ!») Быковъ самъ послалъ учителя въ какія-то не очень двусмысленныя мѣста... Не ожидавшій ничего подобнаго Башуровъ вскипѣлъ гнѣвомъ и подбѣжалъ къ Быкову, требуя, чтобы тотъ немедленно передъ нимъ извинился. Быковъ вмѣсто извиненія закатился самымъ обиднымъ

*) Кстати сказать, я и до сихъ поръ не въ состояніи опредѣлить этотъ цвѣтъ. Мнѣ указывали, что въ I ч. „Міра отверженныхъ" встрѣчаются такія курьезно противорѣчащія одно другому выраженія, какъ „лиловый" и „кровавый" цвѣтъ богульника... Но я думаю, что это вовсе не противорѣчіе: лиловатый обыкновенно, цвѣтъ этотъ иногда (особенно когда задумаешься) дѣйствительно принимаетъ кровавый оттѣнокъ.

Прим. авт.

хохотомъ и къ первой грубости прибавилъ еще нѣсколько площадныхъ словъ. Вліятельные арестанты въ родѣ Юхорева поспѣшили удалиться изъ камеры, точно и не слышавъ ссоры; оставшаяся шпанка хранила безмолвный нейтралитетъ. Чуть не плача отъ безсильной злости, прибѣжалъ Валерьянъ къ намъ съ Штейнгартомъ жаловаться.

Мы могли лишь пожать плечами и порекомендовать ему на будущее время быть осторожнѣе.

— Я васъ всегда предупреждалъ, Башуровъ,—высказалъ я свое мнѣніе:—такъ какъ на площадную брань мы не можемъ отвѣчать арестантамъ такой же бранью, то намъ вообще не слѣдуетъ входить въ черезчуръ близкія съ ними отношенія.

— Ахъ, право же, этотъ Быковъ исключеніе! Это такая гадина, такой оселъ...

— Ну, дѣлать всетаки нечего,—рѣшилъ Дмитрій,—не полѣзешь же ты драться съ нимъ.

Въ душѣ я чувствовалъ большое раздраженіе противъ Валерьяна, обвиняя скорѣе его, нежели Быкова, съ котораго и спрашивать многаго нельзя было; тѣмъ не менѣе, оффиціально и я счелъ нужнымъ нѣсколько надуться на этого послѣдняго, суше обыкновеннаго отвѣчая на его заговариванія при встрѣчахъ. Вообще, послѣ этого случая мы съ Дмитріемъ еще больше насторожились; стоило кому либо изъ насъ троихъ заговорить въ присутствіи кобылки что-нибудь лишнее или, какъ другимъ казалось, прямо нетактичное, какъ уже слышалось предостереженіе.

Проученный столкновеніемъ съ Быковымъ и цѣлымъ рядомъ другихъ болѣе мелкихъ стычекъ съ сожителями, самъ Валерьянъ сталъ подозрительно относиться ко всѣмъ арестантамъ, съ которыми раньше допустилъ излишнюю близость. Онъ все чаще сталъ грубо обрывать фамильярное обращеніе съ собою и получать въ отвѣтъ, разумѣется, такія же грубости. Популярность Башурова такъ же быстро начала падать въ тюрьмѣ, какъ раньше быстро создалась. Въ концѣ концовъ, и съ Юхоревымъ у него началось неизбѣжное охлажденіе. На бѣду свою Валерьянъ былъ черезчуръ откровененъ и неосторожень въ громкомъ высказываніи своихъ мыслей о людяхъ: того онъ называлъ за глаза дуракомъ, другого скотиной. Прежде, когда онъ держалъ себя съ сожителями на равной ногѣ, всѣ эти рѣзкости ему прощались, и самыя нелестныя замѣчанія его объ артельныхъ порядкахъ обращались въ шутку; но теперь, когда подъ вліяніемъ обиженнаго самолюбія онъ попробовалъ круто измѣнить первоначальное поведеніе, оставляя, однако, за собой право разыгрывать роль цензора нравовъ, арестанты не захотѣли признавать за нимъ этого права. Вотъ на какой почвѣ произошла первая его ссора съ Юхоревымъ, недѣли двѣ спустя послѣ объявленія въ тюрьмѣ манифеста. Придя разъ утромъ въ кухню за кипяткомъ и увидавъ

кухонниковъ, сидящими за какимъ-то завтракомъ, онъ сказалъ, смѣясь:

— Хорошо вамъ жить, господа, съ теперешнимъ старостой!— Кормитъ онъ васъ, точно на убой.

Слова эти были приняты, повидимому, за шутку, но когда Валерьянъ ушелъ, въ кухнѣ разыгралось цѣлое драматическое представленіе. Явившемуся туда Юхореву сообщили, будто Башуровъ говорилъ о составившейся въ кухнѣ подъ его предводительствомъ шайкѣ. Какъ взбѣшенный левъ, прибѣжалъ Юхоревъ въ камеру и торжественно заявилъ Валерьяну:

— Я этого не ожидалъ отъ васъ, Башуровъ. Мы жили до сихъ поръ дружно, а теперь я вижу, что вы камень за пазухой держите. Только вамъ слѣдовало бы доказать сначала, что я атаманъ какой-то тамъ шайки, обворовывающей артель!

Валерьянъ пробовалъ оправдаться.

— Я пошутилъ, меня невѣрно поняли...

— Ну, такъ не шутятъ у насъ,—внушительно возразилъ Юхоревъ и прибавилъ:—впрочемъ, мнѣ хорошо извѣстно, откуда все это идетъ, и кто васъ настраиваетъ противъ меня. Слишкомъ ужъ высоко носъ загибаете, господа!

— Что вы такое разумѣете? Кто меня настраиваетъ и кто носъ загибаетъ?—спрашивалъ Валерьянъ.

— Да ужъ знаемъ мы, кто!—сказалъ, какъ отрѣзалъ, Юхоревъ и выбѣжалъ вонъ изъ камеры.

Узнавъ объ этомъ разговорѣ, я ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что разумѣлъ онъ Штейнгарта и, главнымъ образомъ, меня. Еще до прибытія новичковъ, я былъ по отношенію къ нему всегда крайне сдержанъ, какъ бы инстинктомъ чуя, что это человѣкъ выдающейся силы, лишенной, однако, всякаго моральнаго элемента, и что поэтому благоразумно стоять отъ него подальше; съ началомъ же дружбы Юхорева съ Валерьяномъ я (также, быть можетъ, безсознательно) сталъ съ нимъ не только сдержаннымъ, но даже и холоднымъ. И я чувствовалъ, что эта вибрація моихъ отношеній не оставалась незамѣченной умнымъ арестантомъ. Онъ былъ по прежнему безукоризненно вѣжливъ со мной и Штейнгартомъ, но въ вѣжливости этой уже чуялась затаенная вражда. Его, очевидно, глубоко задѣвало и оскорбляло, что съ нашей стороны онъ не встрѣчалъ того же товарищескаго довѣрія и желанія сблизиться, какъ со стороны экспансивнаго Валерьяна.

Друзья Юхорева нѣсколько дней подрядъ находились въ сильной ажитаціи и все время о чемъ-то совѣщались съ нимъ, расхаживая въ свободные отъ работы часы по тюремному двору. Въ кухнѣ появленіе каждаго изъ насъ троихъ встрѣчалось гробовымъ, холоднымъ молчаніемъ. Главный поваръ, татаринъ Азіадиновъ, отнесшійся вначалѣ со смѣхомъ къ шуткѣ Башурова, теперь больше всѣхъ дулся и даже не отвѣчалъ на вопросы. Когда насту-

пилъ ближайшій постный день, въ который готовилась баланда изъ нашего мяса, оказалось, что Юхоревъ, Быковъ, Азіадиновъ, Шматовъ и еще два-три человѣка сварили себѣ отдѣльную постную баланду, а при субботней раздачѣ по камерамъ нашей махорки они же отказались отъ своихъ порцій. Это былъ явный протестъ. Борьба принимала острый и довольно непріятный характеръ...

Хлѣбопекъ Огурцовъ, совсѣмъ еще молодой и необыкновенно смѣшливый парень, до тѣхъ поръ очень дружившій со мной, теперь, когда я показывался въ кухнѣ, конфузливо отворачивался, точно не замѣчая меня. Но разъ, подъ вечеръ, когда я заваривалъ себѣ передъ самой повѣркой чай, онъ незамѣтно для другихъ арестантовъ приблизился ко мнѣ и быстро вложилъ въ руку записку. Вернувшись въ камеру, я прочелъ слѣдующія безграмотныя строки: «иванъ мекалаечъ шайка Наша говорятъ что у васъ тожи своя шайка что вы вней отоманъ что вы тесните тюрму сводитѣ напраслену на иванофъ А я видитъ бохъ люблю васъ да боюсь. того гляди побьютъ юхорефъ говоритъ, что вы купили меня табакомъ вашъ верный лечарда Огурцофъ».

Я долженъ разсказать здѣсь исторію этого Огурцова—она небезъинтересна. Онъ явился вмѣстѣ со мною въ Шелай совсѣмъ почти мальчикомъ, безусымъ бутузомъ съ свѣже-округленными щеками и атлетическимъ сложеніемъ, но главное—съ такой наивной и неиспорченной душою, что просто жаль было смотрѣть на него, облеченнаго въ сѣрую куртку съ двумя черными каторжными тузами на спинѣ. Не даромъ кобылка называла его травой—онъ и точно былъ травой безъ всякаго собственнаго цвѣта и запаха, бѣлой доской, на которой жизнь могла написать, что хотѣла. Имѣя въ плечахъ чуть не косую сажень, круглое толстое лицо котораго, какъ острили арестанты, въ три дня было кругомъ не объѣхать, и огромный кулакъ, тяжелый, словно пудовая гиря, восемнадцатилѣтній Огурцовъ былъ безобиденъ и незлобивъ, какъ голубь, въ отвѣтъ на всякую брань умѣлъ только хихикать и хвататься за животъ, и какъ-то съ трудомъ даже вѣрилось, что этотъ юный и недалекій геркулесъ пришелъ въ каторгу за убійство человѣка. Онъ совершилъ, впрочемъ, это убійство, безъ всякаго желанія и намѣренія, почти случайно. Товарищи зазвали однажды Огурцова въ кабакъ, и когда онъ отказался тамъ отъ питья водки, сидѣвшій въ кабакѣ пьяный, какъ стелька, фельдфебель предложилъ честной компаніи насильно влить ему въ ротъ стаканъ спирта. Защищаясь отъ этого остроумнаго предложенія, Огурцовъ хотѣлъ, по его словамъ, «смазать» пьянаго солдата по рожѣ, но такъ неосторожно угодилъ кулакомъ по виску, что у несчастнаго раскололся черепъ, и духъ вылетѣлъ моментально.

Со мной Огурцовъ сдружился съ первыхъ же дней общаго пребыванія въ тюрьмѣ и, хотя не жилъ въ одной камерѣ, учился урывками грамотѣ, которая давалась ему очень туго; онъ съ боль-

шой охотой велъ также «ученые» разговоры, подобно Кифѣ Мокіевичу допрашивая меня, напр., о томъ, почему у человѣка только двѣ ноги или почему собака умнѣе коровы. При этомъ, о какой бы важной матеріи ни заходила бесѣда, онъ то и дѣло закрывалъ почемуто одной рукой ротъ, а другой держался за животъ, присѣдалъ и закатывался тоненькими смѣшками: это было обычнымъ выраженіемъ его удивленія... Кобылку Огурцовъ цѣнилъ, подобно Луньков у, очень низко, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, возмущался всѣми арестантскими обычаями и порядками и держался въ сторонѣ отъ общей тюремной жизни.

Однажды понадобился на кухню новый хлѣбопекъ. Лучезаровъ окинулъ глазами строй арестантовъ и облюбовалъ почему-то Огурцова. Послѣдній былъ въ страшномъ огорченіи. Его богатырское тѣлосложеніе требовало свѣжаго воздуха и здоровой работы, а душная и жаркая атмосфера кухни только распаривала человѣка, разслабляла мускулы, наполняла лѣнью и жиромъ. Онъ готовъ былъ кричать отъ страшныхъ головныхъ болей, которыми началъ страдать, но на всѣ просьбы отослать его въ рудникъ бравый капитанъ отвѣчалъ одно:

— Вздоръ, братецъ, вздоръ! привыкнешь. Хлѣбопекъ тоже долженъ быть сильнымъ человѣкомъ. Да и фамилія твоя не даромъ Огурцовъ: ты здоровъ и свѣжъ, какъ молодой огурецъ. Хлѣбопекъ такимъ и долженъ быть.

И Огурцовъ, дѣйствительно, привыкъ къ кухнѣ. Онъ страшно облѣнился и зажирѣлъ; румяные, нѣжные тона быстро исчезли съ его лица и уступили мѣсто ярко-бѣлому, безкровному цвѣту нездоровой одутловатости. Онъ уже не рвался больше на тяжелую работу и вполнѣ доволенъ былъ своимъ новымъ положеніемъ; а такъ какъ кухня всегда была центромъ разныхъ арестантскихъ мошенничествъ, Огурцовъ же былъ «травой», малымъ безъ всякихъ умственныхъ и нравственныхъ устоевъ, то не прошло и году, какъ въ немъ стали появляться самыя несимпатичныя черты и свойства. За ошкуромъ его зазвенѣли деньги, за чаемъ стало являться всегда молоко... Сначала объектомъ эксплуатаціи былъ, какъ и у Юхорева, «шепелявый дьяволъ», но съ теченіемъ времени полетѣли клочья и съ бараньяго стада каторжной кобылки. На моихъ глазахъ развращался и портился Огурцовъ, быстро грубѣя даже во внѣшнемъ обращеніи съ людьми: подобно всѣмъ Иванамъ, въ стычкахъ съ мелкой шпанкой онъ началъ употреблять бранные окрики и показывать свои здоровые кулаки; а когда я пробовалъ, по старой памяти, въ качествѣ учителя, читать ему наставленія, то онъ, по старому же обыкновенію, хватался руками за животъ и хихикалъ густымъ, какъ у перепившагося дьякона, басомъ, но въ душу ему слова мои, очевидно, уже не западали. Послѣ каждой изъ такихъ бесѣдъ я получалъ только записку съ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ мошенническихъ продѣлокъ товарищей по кухнѣ. Въ то время, о кото-

ромъ я началъ разсказывать, зажирѣвшій и оппанѣвшій Огурцовъ сохранялъ уже только тѣнь моего былого расположенія къ себѣ, хотя самъ онъ и продолжалъ въ своихъ запискахъ-доносахъ подписываться моимъ «вѣрнымъ личардой».

Тяжела была моральная атмосфера кухни, этого тюремнаго клуба, въ которомъ полновластно царилъ Юхоревъ. Но онъ же царилъ и надъ больницей, благодаря своей закадычной дружбѣ съ фельдшеромъ Землянскимъ. Едва послѣдній вбѣгалъ въ больницу, всегда пьяный, съ налитыми кровью мошенническими глазами на черномъ, какъ у цыгана, лицѣ, какъ туда же спѣшилъ и общій староста. Казеннаго больничнаго спирта едва хватало и для одного Землянскаго, но за деньги онъ приносилъ вино подъ видомъ лѣкарства съ воли, и я нерѣдко видалъ Юхорева, Быкова и другихъ арестантскихъ Ивановъ изрядно навеселѣ. Въ больницѣ юхаревскимъ агентомъ былъ лазаретный служитель Мишка Биркинъ, по прозванью Звѣздочетъ, юркій, живой, необыкновенно легкомысленный, весельчакъ и щеголь изъ бывшихъ солдатъ. Биркинъ льнулъ, между прочимъ, и ко мнѣ, десять разъ на день забѣгая на минуту въ мою камеру и задавая мнѣ какой либо ученый вопросъ:

— А скажите, Иванъ Николаевичъ, есть ли гдѣ нибудь конецъ звѣздамъ на небѣ?

Или:

— Возможно ли, Иванъ Николаевичъ, прокопать землю наскрозь?

Вопросами о мірозданіи, о звѣздахъ и пр. онъ наиболѣе, повидимому, интересовался, за что и получилъ отъ арестантовъ насмѣшливое прозвище Звѣздочета; но когда онъ задавалъ любой изъ подобныхъ вопросовъ, я хорошо видѣлъ, что и онъ, подобно Огурцову, очень мало въ сущности имъ интересуется и въ то самое время, какъ, слушая мой отвѣтъ, глубокомысленно глядитъ прямо въ мои глаза, мысли его несутся уже далеко, далеко, и съ губъ срывается фраза о чемъ либо совершенно постороннемъ и астрономіи, и геологіи:

— А знаете, какую сегодня пулю отмочилъ Землянскій? Вотъ что, говоритъ, Мишка: если придутъ сегодня больные, гони ихъ въ шею! Нѣтъ у меня лѣкарствъ, а отъ работы освобождать я боюсь!

И Мишка, еще не кончивъ своего сообщенія, уже стрѣлой убѣгалъ изъ камеры. Вѣчно онъ куда-то торопился, вѣчно о чемъ-то заботился, и румяное лицо его съ взъерошенными усами всегда казалось чѣмъ нибудь встревоженнымъ и взволнованнымъ. За эту свою непосѣдливость и суетливость Биркинъ носилъ также названіе Собачьей Почты.

Не смотря на то, что Юхоревъ не только походя ругалъ Мишку самой увѣсистой и циничной бранью, но нерѣдко и колотилъ основательнымъ образомъ, Мишка буквально благоговѣлъ передъ нимъ, питая какую-то чисто-собачью привязанность, вполнѣ безкорыстную и самоотверженную.

Въ тюрьмѣ такую же роль преданной собаки, по отношенію къ Юхореву, игралъ Шматовъ, онъ же и Гнусъ, который, благодаря страшной астмѣ, былъ совершенно освобожденъ врачомъ отъ работъ и имѣлъ массу свободнаго времени для всякаго рода волынокъ, интригъ и сплетенъ. Нѣсколько разъ пытался Шестиглазый засадить его всетаки въ мастерскую въ качествѣ починщика старой арестантской лопоти, но проходило два - три дня, и Шматовъ опять отбивался отъ работы и, дыша, какъ паровикъ, по прежнему начиналъ праздно слоняться по тюрьмѣ, разнося по камерамъ, по кухнѣ и больницѣ всякаго рода тюремныя новости и «бумò». Другимъ такимъ же вѣстникомъ былъ сапожникъ Звонаренко (Кожаный Гвоздь), тоже чахоточный человѣкъ, крикливый и необыкновенно злой на языкъ; но этотъ былъ характера самостоятельнаго: непримиримый обличитель всякаго рода неправды и нарушенія артельныхъ интересовъ (хотя, конечно, готовый при случаѣ и самъ погрѣть около артели руки), онъ во все совалъ свой носъ, вездѣ находилъ «неправильность поступковъ» и, расхаживая по тюрьмѣ, громко кричалъ объ этомъ своимъ тонкимъ, бабьимъ голосомъ, безпрестанно кашляя и хватаясь руками за впалую грудь. Въ награду за свою любовь къ «правдѣ» Звонаренко нерѣдко получалъ жестокіе побои отъ тюремныхъ воротилъ. Передъ нами же онъ всегда льстиво лисилъ и заискивалъ.

Но вотъ явилась, наконецъ, долго жданная новая партія въ шестьдесятъ четыре человѣка. Въ тюрьмѣ поднялась невообразимая бѣготня и возня; не только Шестиглазый, но и всѣ надзиратели чего-то ликовали и торжествовали. Освободили для новичковъ четыре крайнихъ камеры, выгнавъ оттуда старыхъ арестантовъ и размѣстивъ по остальнымъ шести номерамъ. Смѣшивать всѣхъ вмѣстѣ почему-то не торопились, и въ теченіе нѣсколькихъ дней новая партія жила совершенно отдѣльной жизнью въ отдѣльномъ корридорѣ, имѣя даже своего особаго старосту. Мнѣ также предстояло оставить насиженное гнѣздо и перейти въ другую камеру. Штейнгартъ настаивалъ, чтобы я воспользовался этимъ случаемъ и записался на нѣкоторое время въ больницу, чтобы тамъ на болѣе питательной пищѣ поправить свое довольно разстроенное здоровье. Не сладка была, впрочемъ, перспектива и лежанья въ тѣсномъ, душномъ лазаретѣ, совершенно переполненномъ больными, среди которыхъ были и тифозные изъ только что пришедшей партіи; смерти одного изъ нихъ ожидали съ минуты на минуту. Особенно покоробило насъ, когда мы узнали отъ Биркина, что бѣлье этого больного, испачканное экскрементами, вотъ уже третьи сутки лежитъ здѣсь же, въ лазаретномъ чуланѣ. Возмущенный Штейнгартъ тотчасъ же побѣжалъ сказать фельдшеру, что бѣлье необходимо немедленно убрать. Землянскій, давно уже косившійся на то, что арестантъ свободно заходитъ въ аптеку и распоряжается въ ней по своему усмотрѣнію, отвѣчалъ очень грубо:

— А вотъ когда накопится больше, тогда велю убрать!

Дмитрій вспылилъ:

— Сейчасъ-же извольте очистить чуланъ. Если вы будете распространять здѣсь заразу, я на васъ врачу пожалуюсь.

И, хлопнувъ дверью, вышелъ вонъ. Тотчасъ-же послѣ этой стычки, но еще не зная о ней, пришелъ и я просить Землянскаго записать меня въ лазаретъ. Онъ рвалъ и металъ въ аптекѣ, билъ въ безсильномъ бѣшенствѣ стклянки и бросалъ на полъ вату и бумагу.

— Мѣста нѣтъ въ лазаретѣ!—коротко отрѣзалъ онъ мнѣ.

— Неправда, Штейнгартъ говоритъ, что есть.

Черные, воровскіе глаза Землянскаго забѣгали въ разныя стороны, сверкая злымъ огонькомъ. Онъ какъ-будто обдумывалъ планъ борьбы.

— Ну, есть. Да какая вамъ будетъ польза отъ этого мѣста?—сказалъ онъ наконецъ, стараясь быть хладнокровнымъ:—вамъ нужна улучшенная пища, хлѣбъ и молоко, а между тѣмъ третьи порціи всѣ въ разборѣ. Ложитесь, пожалуй, если хотите, на койку, только станете получать почти ту же пищу, что и въ тюрьмѣ. Начальникъ и то сердится, что я больше, чѣмъ слѣдуетъ, третьихъ порцій назначаю.

И, доставъ изъ шкафа какіе-то отчеты, онъ быстро началъ перечислять мнѣ всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи денежныя средства, «вторыя» и «третьи» порціи и т. д. Эти порціи, о которыхъ постоянно толковали и фельдшеръ, и староста, и больничные повара, служили всегда камнемъ преткновенія для моего пониманія; даже самъ Штейнгартъ не совсѣмъ ясно понималъ порядокъ ихъ назначенія, а потому я предпочелъ просто спросить Землянскаго строгимъ голосомъ:

— Такъ, значитъ, вы начальника боитесь—назначить мнѣ молочную порцію?

— Да, начальника... Вотъ странное дѣло! Штейнгартъ тоже пристаетъ ко мнѣ насчетъ бѣлья... А что-жъ мнѣ дѣлать, если и его тоже начальникъ велитъ держать въ чуланѣ?

Я молча поклонился и, отправившись къ воротамъ, попросилъ дежурнаго доложить начальнику о моемъ желаніи видѣть его по важному дѣлу. Лучезаровъ, какъ всегда, тотчасъ же вызвалъ меня въ контору. Когда я сообщилъ ему, что фельдшеръ ссылается на его авторитетъ, отказываясь убирать экскременты тифозныхъ и принять меня въ больницу, онъ пришелъ въ страшное бѣшенство и обѣщалъ сію же минуту нарядить слѣдствіе. Дѣйствительно, черезъ часъ времени въ тюрьму явился изъ конторы письмоводитель и сталъ по одиночкѣ допрашивать въ дежурной комнатѣ меня, Юхорева и нѣкоторыхъ больныхъ, лежавшихъ въ лазаретѣ. Между прочимъ. письмоводитель задалъ мнѣ вопросъ:

— Не слыхали-ль вы чего нибудь о томъ, что Землянскій при-

носитъ въ тюрьму водку или продаетъ Юхореву казенный аптечный спиртъ?

Изъ этого вопроса очевидно было, что у Шестиглазаго уже имѣлись на этотъ счетъ какія-то свѣдѣнія. Я отвѣчалъ, конечно, что не слыхалъ ничего. Что говорили Юхоревъ и другіе допрошенные арестанты, я не знаю, но о фельдшерѣ большинство отозвалось, что онъ ведетъ свое дѣло отлично, и никакихъ претензій къ нему арестанты не имѣютъ. Такимъ образомъ, моя жалоба осталась голословной, и «слѣдствіе» не привело ровно ни къ какимъ благотворнымъ результатамъ.

А между тѣмъ, въ тюрьмѣ началось сильное волненіе. Юхоревъ произнесъ въ кухнѣ противъ меня съ товарищами цѣлую рѣчь.

— Вотъ они, хваленые-то благодѣтели!—гремѣлъ онъ, потрясая своей могучей головою:—мы да мы!.. Мы за народъ стоимъ, мы доносчиковъ ненавидимъ... А кто-же, скажите, о спиртѣ донесъ? Почему письмоводитель такъ сразу и выпалилъ мнѣ: «А правда-ль, Юхоревъ, что ты у Землянскаго спиртъ покупаешь?» Вѣдь ни одинъ честный арестантъ не возьметъ во вниманіе доносами заниматься... Ахъ вы, фискалишки паршивые, бумагомараки! Знаю я теперь настоящую цѣну вамъ.

Валерьянъ первый прибѣжалъ сообщить мнѣ о происходящемъ на кухнѣ. Обвиненіе въ фискальствѣ, исходившее даже изъ такихъ устъ, признаюсь, какъ ножомъ рѣзнуло меня по сердцу. Дмитрій былъ гдѣ-то внѣ тюрьмы у своихъ многочисленныхъ паціентовъ, и посовѣтоваться было не съ кѣмъ. А душа такъ наболѣла за последніе дни, нервы такъ расходились, что, подъ вліяніемъ горькаго чувства обиды, я потерялъ голову и предпринялъ большую глупость, которая могла кончиться самымъ непріятнымъ для всѣхъ насъ образомъ. Вмѣсто того, чтобы пойти на кухню и, властнымъ тономъ сказавъ ораторствовавшему тамъ Юхореву, что онъ не смѣетъ распускать про меня небылицы, удалиться тотчасъ, не вступая съ нимъ въ полемику,—вмѣсто этого я обошелъ, въ пылу негодованія, всѣ шесть камеръ, гдѣ жили старые арестанты, и пригласилъ ихъ въ свой номеръ на сходку «по очень важному дѣлу». Кобылка, очевидно, сразу догадалась, о какомъ щекотливомъ дѣлѣ шла рѣчь, потому что большинство ея не шевельнулось даже съ мѣста, и на сходку изъ семидесяти человѣкъ собралось не больше пятнадцати-двадцати... Среди нихъ было очень мало безусловно сочувствовавшихъ мнѣ лицъ, но за то всѣ друзья Юхорева, Быковъ, Азіадиновъ, Шматовъ, Бяркинъ и во главѣ ихъ самъ онъ были на виду. Съ неостывшимъ еще чувствомъ возмущенія заявивъ собравшейся публикѣ, что Юхоревъ громогласно обозвалъ меня въ кухнѣ фискаломъ, я спрашивалъ, какой поводъ далъ я арестантамъ за нѣсколько лѣтъ жизни въ ихъ средѣ думать про меня подобныя вещи. Не успѣлъ я кончить свою маленькую рѣчь, какъ Шматовъ, стоявшій на нарахъ, крикливо загнусавилъ:

— Они думають, что купили насъ своимъ табакомъ да мясомъ! Мы рта не смѣй разинуть!

— Ха! купили!—иронически поддакнулъ ему верзила Быковъ. Фыркнуло и еще нѣсколько человѣкъ.

— А я скажу вотъ—что, продолжалъ шипѣть Гнусъ:—перестану я вовсе курить, помру я съ голоду на шестиглазовскомъ брульонѣ, да останусь за то вольнымъ человѣкомъ... Вотъ что!

— Молчи, гнусина проклятая!—вдругъ притопнулъ на него Юхоревъ, любившій обстоятельность и желавшій соблюсти цивилизованныя формы преній со мною. И онъ смѣло выступилъ впередъ:— Дай прежде людямъ слово сказать.

— А я говорю: помру лучше!..—прошипѣлъ еще разъ Шматовъ, патетически ударяя себя кулакомъ въ грудь.

— Ты еще станешь мѣшать мнѣ!—внѣ себя закричалъ Юхоревъ и сдѣлалъ гнѣвное движеніе, намѣреваясь схватить Гнуса за шиворотъ. Гнусъ юркнулъ куда-то въ уголъ и замолчалъ.

— Теперь я, старики, говорить буду,—началъ Юхоревъ—и признаюсь,—онъ былъ живописенъ въ эту минуту, гордо выпрямившись во весь свой огромный ростъ: поблѣднѣвшее отъ волненія смуглое лицо, точно изваянное изъ бронзы, казалось страшнымъ и величавымъ; свирѣпые сѣрые глаза загорѣлись враждою... Желѣзная рука вытянулась впередъ—и въ этомъ неподвижномъ положеніи онъ живо напомнилъ мнѣ (рискую показаться смѣшнымъ, но это такъ) грозную статую Антокольскаго «Петръ Великій»... Противъ воли я почти залюбовался своимъ противникомъ.

— Я буду теперь говорить, старики. Жалуется Иванъ Николаевичъ, что я его фискаломъ обозвалъ. Это точно, обозвалъ. Ну, а какъ было не подумать этого и не высказать? Бѣжитъ Иванъ Николаевичъ къ начальнику на фельдшера доказывать. А наша кобылка вообще къ жалобамъ прибѣгать не любитъ.

— Неправда, на своего только брата!—негодуя, прервалъ я:— Землянскій не свой братъ-арестантъ, онъ—то же начальство.

— Позвольте, Иванъ Николаевичъ,—вѣжливо отстранилъ меня Юхоревъ:—я теперь говорю... Для насъ Землянскій не начальство, а почти, можно сказать, свой братъ! Не знаемъ, какъ вы, а мы вполнѣ довольны этимъ фершаломъ.

— Душа-человѣкъ для насъ, арестантовъ!—загнусавилъ Шматовъ.

— Чего и говорить,—поддержалъ Быковъ.

— Про этого фельдшера вы ничего дурногоне скажете?—оглянулся я кругомъ, снова до глубины души возмущаясь, и замѣтилъ, какъ нѣкоторые изъ арестантовъ скосили глаза, чтобы избѣгнуть моего взгляда.

— Разныя у насъ съ вами требованія отъ фершала,—заговорилъ опять Юхоревъ:—въ этомъ и все дѣло. Вы нашихъ арестантскихъ нравовъ не знаете. Не о томъ однако рѣчь. Очень, конечно, пріятно слышать, что вы не доносили Шестиглазому о моемъ

пьянствѣ, но я все таки виновнымъ себя въ поклепѣ не признаю. Является по вашему зову въ тюрьму письмоводитель и вдругъ, допросивъ сначала васъ, начинаетъ всѣхъ спрашивать о спиртѣ. Ясное дѣло, на кого тутъ подумать! А вотъ, что скажутъ ребята, ежели я объясню имъ другую штуку. Этотъ же самый Иванъ Николаевичъ, который такъ возмущенъ моими словами объ его фискальствѣ, самъ пустилъ по тюрьмѣ бумо̀, что Юхоревъ, молъ, когда ходитъ къ начальнику съ просьбой, обсказываетъ ему разныя ябеды на арестантовъ.

— Я пустилъ про васъ такое бумо?! Вы въ своемъ умѣ, Юхоревъ?

— Не безпокойтесь. Вы сказали Огурцову, что я просилъ начальника убрать его съ кухни, какъ лѣниваго и супротивнаго мнѣ человѣка.

На минуту я почувствовалъ себя ошеломленнымъ, подавленнымъ. Смутно я припомнилъ, что, дѣйствительно, вѣдь было нѣчто подобное! Чуть-ли еще не за полгода до этого времени Лучезаровъ въ одной изъ бесѣдъ со мной у себя на квартирѣ сказалъ:

— Въ тюрьмѣ, кажется, и осталось только два настоящихъ богатыря—Юхоревъ да Огурцовъ. Ихъ слѣдовало бы, собственно, въ рудникъ отправить, да и на этихъ мѣстахъ они оба тоже нужны. А кстати, какого вы о нихъ мнѣнія?

— Ничего, добрые, кажется, малые,—отвѣчалъ я уклончиво.

— Въ Юхорева, откровенно скажу вамъ, я просто влюбленъ: этакій молодчинища на видъ! Да и уменъ тоже бестія. Но вотъ на Огурцова онъ все мнѣ жалуется, говоритъ: очень лѣнивъ и затѣваетъ свары на кухнѣ.

Признаюсь, эти слова въ то время непріятно поразили меня: до тѣхъ поръ я не думалъ, чтобы Юхоревъ въ борьбѣ съ противниками не прочь былъ прибѣгнуть и къ наушничеству. Какъ разъ въ тотъ же день Огурцовъ подошелъ ко мнѣ и началъ жаловаться на то, что въ послѣднее время Шестиглазый все что-то къ нему придирается, бранитъ за лѣность и грозитъ карцеромъ. Парень казался такъ искренно огорченнымъ и недоумѣвающимъ, что я почувствовалъ все былое расположеніе къ нему и для чего-то сказалъ:

— Я бы могъ назвать вамъ человѣка, который вредитъ вамъ, да боюсь, вы разболтаете...

Огурцовъ закрестился обѣими руками и сталъ божиться, что будетъ нѣмъ, какъ могила.

Какой смыслъ, какая цѣль была говорить ему о моемъ разговорѣ съ Лучезаровымъ? Разумѣется, это было въ высшей степени глупо, но бываютъ иногда въ жизни такія сумасшедшія минуты, и я назвалъ Огурцову Юхорева. Назвалъ—и сейчасъ же понялъ, какую непростительную безтакность сдѣлалъ, но вернуть сказанное было уже невозможно. Тщетно старался я, по возможности, смягчить вину Юхорева, придать ей характеръ шутки, допустить ложь со стороны браваго капитана,—Огурцовъ твердилъ одно:

— Нѣтъ, это не ложь... Такъ вотъ, гдѣ сука-то кроется! Я такъ вѣдь и думалъ... Ну, укараулю жъ и я его, мерзавца, не прощу!

Мнѣ оставалось заставить Огурцова еще разъ возвести глаза къ небу и подтвердить торжественной клятвой, что онъ будетъ молчать и имени моего никогда не коснется въ своихъ стычкахъ съ Юхоревымъ, и я ушелъ, продолжая проклинать въ душѣ свою откровенность. Такъ прошло полгода, и я забылъ совсѣмъ объ этой исторіи, считая ее навѣки похороненной.

— Огурцова, Огурцова сюда, на очную ставку!—съ дикимъ торжествомъ заголосили Быковъ, Шматовъ и другіе благожелатели Юхорева.

Кто-то побѣжалъ въ кухню за Огурцовымъ. Я обдумывалъ планъ своихъ дѣйствій. Дѣло запутывалось самымъ отвратительнымъ образомъ. Конечно, я могъ бы разсказать теперь же, при всей сходкѣ, то, что сообщилъ нѣкогда Огурцову, но нѣкоторыя съ быстротой молніи мелькнувшія въ головѣ соображенія подсказывали, что лучше не дѣлать этого. Въ самомъ дѣлѣ, какія я могъ привести доказательства? Не сказалъ ли бы мнѣ Юхоревъ съ товарищами: «А! такъ ты самъ разговариваешь съ начальствомъ объ арестантахъ? Какъ же ты послѣ этого не фискалъ?» А что сказалъ бы самъ Лучезаровъ, еслибы узналъ когда-нибудь, что я передалъ кобылкѣ конфиденціально брошенную имъ мнѣ фразу? Я ждалъ поэтому прихода Огурцова съ величайшимъ волненіемъ.

Огурцовъ не скоро явился на зовъ. Вошелъ онъ въ камеру неохотной, грузной походкой, флегматичный, заплывшій жиромъ, въ бѣломъ кухонномъ фартукѣ и съ высоко засученными рукавами. Я поглядѣлъ ему въ глаза и поспѣшилъ спросить:

— Огурцовъ, развѣ я говорилъ вамъ когда-нибудь, что Юхоревъ жаловался на васъ начальнику?

Минута молчанія, послѣдовавшая за этимъ вопросомъ, была для меня тягостной минутой.

— А зачѣмъ вамъ говорить мнѣ, когда я самъ это хорошо знаю?—медлительно пробасилъ наконецъ Огурцовъ, окинувъ своего врага съ ногъ до головы ненавистнымъ взглядомъ.

У меня отлегло отъ сердца: не выдалъ меня Огурцовъ!..

— Что ты знаешь, волчій ротъ?—подскочилъ къ нему Юхоревъ съ стиснутыми кулаками.

— Самъ сучій ротъ! отвѣчалъ молодой геркулесъ, въ свою очередь приближаясь къ лицу противника:—аль ты не знаешь, что у меня тоже кулакъ здоровый? Одному этакому живо брюшину выпущу.

— Да развѣ жъ ты не сказывалъ Мишкѣ Биркину про Ивана Николаевича?—съѣхалъ Юхоревъ на болѣе удобную для себя позицію, сразу понижая тонъ.

— Ничего не сказывалъ.

— Мишка! Эй, Собачья Почта, заревѣлъ Юхоровъ, оглядываясь по всѣмъ сторонамъ, какъ разъяренный тигръ, ищущій добычи.

— Эге—откликнулся юркій Мишка, норовившій уже, было, шмыгнуть за дверь.

— Что тебѣ сказывалъ Огурцовъ?

— Да что ты, молъ... на мѣсто его другого хлѣбопека хочешь просить у начальника.

— Не про то, сволочь, спрашиваютъ тебя! Это-то я самому Огурцову въ глаза говорилъ... А что сказывалъ ему Николаичъ?

— Ты, можетъ, звѣзды тогда на потолкѣ считалъ, когда я тебѣ сказывалъ это?—спросилъ и Огурцовъ, тоже подступая къ Мишкѣ;— а то, можетъ, хочешь, чтобъ я ребра тебѣ хорошенько посчиталъ?

Несчастный Звѣздочетъ завертѣлся между двухъ огней: для меня было очевидно, что Огурцовъ не берегъ-таки довѣренной ему мною тайны и дѣйствительно что-то сболтнулъ Биркину, но что теперь онъ готовъ пустить въ ходъ свои дюжіе кулаки, лишь-бы только хоть какъ-нибудь оправить себя въ моихъ глазахъ, и перспектива отвѣдать этихъ знаменитыхъ кулаковъ мало улыбалась его легкомысленному конфиденту.

— Такъ называлъ онъ тебѣ Николаича, аль нѣтъ?—бѣсился передъ Биркинымъ не менѣе грозный Юхоровъ.

— Да давно вѣдь было это, Юхоровъ... запамятовалъ я!—весь красный, какъ ракъ, взмолился трусливый Мишка.

Стальная рука Юхорева схватила его во мгновеніе ока за шиворотъ, приподняла, встряхнула раза два и вышвырнула за дверь камеры. Кобылка разразилась хохотомъ, а Юхоровъ неистовой бранью. Быстрыми шагами подошелъ онъ затѣмъ ко мнѣ и, протягивая руку, сказалъ:

— Ну, помиримтесь въ такомъ случаѣ, Николаичъ. Я повѣрилъ этой сволочи, Собачьей Почтѣ, которой одно надо—порядочныхъ людей стравливать. Теперь я вполнѣ вѣрю вамъ и прошу прощенья за поклепъ.

VII.

Герои новой партіи.—Открытіе Прони.

Горькое чувство обиды, приниженнаго самолюбія, попранной въ грязь любви къ этому несчастному, темному люду, искренней готовности отстаивать всегда и во всемъ его интересы долгое время послѣ описанной исторіи волновали меня. Мнѣ трудно было примириться съ мыслью, что *меня* поставили на очную ставку съ какимъ нибудь Огурцовымъ или Мишкой Звѣздочетомъ, одинъ минутный капризъ, одно слово которыхъ могли поставить меня въ самое позорное положеніе! На одну чашку вѣсовъ положили мое человѣческое достоинство, на другую авторитетъ Юхорева и за-

ставили меня съ сердечнымъ замираніемъ ждать, которая изъ этихъ двухъ чашекъ перетянетъ въ глазахъ судей-зрителей, и кому изъ насъ они вынесутъ обвинительный или оправдательный приговоръ! Сзывая сходку, я, очевидно, разсчитывалъ въ глубинѣ души, что кобылка, какъ одинъ человѣкъ, подымется на мою защиту и выскажетъ Юхореву рѣзкое неодобреніе за взведенное на меня обвиненіе. Ничего подобнаго не случилось, однако. Ни одинъ голосъ не возвысился въ мою пользу; единственное, чего я дождался, это—что Огурцовъ не рѣшился открыто предать меня. Но и тутъ пришла мнѣ на помощь его мстительная ненависть къ Юхореву: не будь этой послѣдней, считай и онъ нужнымъ заискивать передъ общимъ старостой, развѣ тогда поступилъ бы такъ благородно этотъ чистокровный представитель шпанки? Кто поручился бы въ этомъ?..

Въ тотъ же день Чирокъ, не присутствовавшій на сходкѣ, говорилъ мнѣ таинственно въ банѣ, гдѣ онъ стиралъ бѣлье и куда я случайно зашелъ:

— Хорошо мы знаемъ, Миколаичъ, что Юхоревъ глотъ. И то знаемъ, что онъ все, обязательно все, что въ тюрьмѣ дѣлается, Шестиглазому переводитъ. А только никакъ нельзя намъ было встать за тебя.

— Почему же нельзя?

— Эхъ, ровно дитя ты малое, право! Не знаешь развѣ арестантскихъ порядковъ? Вѣдь намъ житья не станетъ отъ Ивановъ: скажутъ, махоркой да мясомъ купили они васъ, продажныя души!..

Съ выраженіемъ подобнаго же тайнаго сочувствія подходили ко мнѣ и многіе другіе арестанты, какъ изъ старой, такъ и изъ новой партіи. Изъ этой послѣдней нѣсколько человѣкъ присутствовали даже на сходкѣ. Новички, еще полные ужасныхъ впечатлѣній этапнаго пути, а также слуховъ объ омерзительномъ пищевомъ режимѣ другихъ рудниковъ, повидимому, совершенно искренно недоумѣвали: какъ возможна такая черствая неблагодарность по отношенію къ людямъ, которымъ тюрьма столькимъ обязана?

— Помилуйте, да за такихъ людей надо вѣчно Бога молить, а не то чтобы что... Сколько лѣтъ впереди всяческихъ стязаній да постовъ предвидится; отъ цынги одной, какъ собаки, подохнемъ безъ табачишку... А вы намъ помогу оказываете, заступниками въ кажинной бѣдѣ являетесь! Достаточно мы еще въ дорогѣ наслышаны; всюду вѣдь слухъ-то пошелъ: не люди, а прямо анделы небесные! Ну, да не печальтесь, господа. Наша партія все по новому передѣлаетъ. Мы этимъ глотамъ вашимъ, Юхоревымъ-то разнымъ, почирикать много не дадимъ... Набаловали вы ихъ шибко! Ужъ такъ набаловали! Отъ насъ, ужъ повѣрьте, такой неблагодарности не дождетесь.

Такимъ нскательнымъ языкомъ говорило вначалѣ большинство новоприбывшихъ. Отъ средняго типа старой партіи такого языка я давно уже не слыхалъ. Старые шелайскіе арестанты, «набалован-

ные» ли нашимъ деликатнымъ обращеніемъ, «просвѣщенные» ли шестиглазовскимъ суровымъ режимомъ, держались болѣе горделиво и независимо, были въ высшей степени амбиціозны и чутки насчетъ охраны своего человѣческаго достоинства въ отношеніяхъ съ нами. И какъ только новую партію смѣшали со старой, разбивъ по всѣмъ девяти камерамъ, такъ этотъ независимый духъ сообщился сейчасъ же и большинству вновь пришедшихъ. До тѣхъ поръ забитая и приниженная шпана очень быстро превратилась въ гордую «Испанію»...

Въ новой камерѣ, куда переведены были мы съ Штейнгартомъ, очутилось съ нами шестеро новичковъ. Одинъ изъ нихъ, Струйскій по фамиліи, сынъ мелкаго чиновника, гдѣ-то когда-то учился и пришелъ въ каторгу за фальшивыя кредитки. Въ обращеніи съ нами онъ старался блеснуть книжными оборотами рѣчи, ужимочками и манерами якобы свѣтскаго пошиба, но за этой внѣшней полированностью скрывалось самое неосвѣтимое невѣжество и мелкая душонка. Завѣтнѣйшія помышленія этого человѣка вертѣлись около самой грубой и первобытной клубнички, и скоро даже среди арестантовъ онъ получилъ циничную кличку «любителя». Струйскій тотчасъ же внесъ въ камеру такую зловонную атмосферу словесной распущенности, что мы съ Дмитріемъ должны были то и дѣло ежиться, выслушивая эти безконечные скабрезные анекдоты, это грязное и извращенное остроуміе. Какъ разъ передъ появленіемъ «любителя» въ нашей камерѣ составился въ этомъ отношеніи превосходнѣйшій подборъ обитателей. Въ одну изъ благодушныхъ минутъ общей веселости и размягченія сердецъ мы съ Дмитріемъ, скорѣе въ шутку, нежели серьезно, предложили своимъ сожителямъ никогда не произносить, находясь въ камерѣ, ни одного площаднаго слова, подъ угрозой немедленной постановки банокъ провинившемуся. Камера приняла предложеніе съ восторгомъ... Къ чести Лунькова, Сохатаго, Ногайцева, поэта Владимірова, Желѣзнаго Кота и нѣкоторыхъ другихъ надо сказать, что всѣ они и безъ того отличались большой воздержностью на языкъ и прибѣгали къ циничной ругани лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Предложеніе было поэтому направлено, главнымъ образомъ, противъ Чирка. Онъ тотчасъ же зачесался по всѣмъ направленіямъ тѣла, что было у него всегда признакомъ большого волненія, и заговорилъ жалобно:

— И хитрые жъ вы, братцы, я погляжу! Сами знаете, что я безъ этого слова жить не могу... Вамъ-то легко отвыкнуть, а мнѣ, значитъ, кажный день банокъ придется отвѣдывать? Нѣтъ, я не согласенъ!

И съ языка его тутъ же сорвалось запретное выраженіе... Тогда Сохатый, Луньковъ, Ногайцевъ, Желѣзный Котъ, Медвѣжье Ушко и другіе кинулись на него всей оравой и отрубили такія здоровыя «банки», что злополучный Чирокъ оралъ не своимъ голо-

сомъ и клялся и божился, что станетъ впередъ остерегаться... И точно, хотя ему и чаще другихъ приходилось получать банки, но онъ началъ съ этихъ поръ, насколько могъ, «остерегаться», и камера наша сдѣлалась прямо образцовой по сдержанности на языкъ. Случалось, что усердные ревнители нравственности отрубали банки даже случайно заходившимъ къ намъ обитателямъ чужихъ камеръ...

И вотъ, вся эта воздержность пошла прахомъ съ появленіемъ шестерыхъ новичковъ, ни образъ мыслей, ни характеръ которыхъ, ни внутренняя цѣнность рѣшительно никому не были извѣстны. Аборигены тюрьмы, не успѣвшіе еще сблизиться съ новыми товарищами, не только не останавливали ихъ, но и сами начали опять мало-по-малу заражаться дурнымъ примѣромъ: опять загремѣла кругомъ кабацкая брань, опять нравственная атмосфера сдѣлалась душной и нестерпимо-смрадной. Что касается «любителя» Струйскаго, то онъ, казалось, и не замѣчалъ того, что мы съ Дмитріемъ чувствуемъ себя въ его обществѣ отвратительно, и продолжалъ то и дѣло вступать съ нами въ бесѣды, причемъ держался самымъ галантнымъ и утонченно вѣжливымъ, на его взглядъ, образомъ. Но разъ, вечеромъ, когда, только что разсказавъ громогласно одинъ изъ своихъ безчисленныхъ сальныхъ анекдотовъ, онъ подошелъ съ самымъ развязнымъ видомъ къ нашимъ нарамъ и задалъ Штейнгарту какой-то вопросъ, послѣдній поднялся въ страшномъ негодованіи и крикнулъ ему:

— Прочь отъ меня, негодяй! Не смѣйте никогда больше со мной разговаривать!

Струйскій, не ожидавшій подобнаго афронта, опѣшилъ. Онъ поблѣднѣлъ и, весь какъ-то съежившись, принялъ вдругъ самый плачевный видъ.

— Дмитрій Петровичъ, да что же я вамъ сдѣлалъ?—забормоталъ онъ.

Штейнгартъ повернулся къ нему спиной.

— Я тебѣ, Струйскій, скажу вотъ что, — заговорилъ тогда Чирокъ, — Митрій Петровичъ и Иванъ Миколаичъ не любятъ этихъ самыхъ словъ. Не выноситъ, значитъ, душа, да и все тутъ! А ты такое, братъ, мелешь, что ужъ чего мой пермяцкій языкъ любитъ срамо словить, а и мнѣ, скажу тебѣ, подчасъ муторно становится...

— Дуракъ ты этакій,—вступился и Сохатый не то серьезно, не то, по обыкновенію, иронизируя,—ты долженъ понимать, въ какую тюрьму попалъ и съ какими людьми обращенье имѣешь. Ты думалъ, тутъ каторга, а на дѣлѣ тутъ ниверситетъ, и ты студентомъ долженъ понимать себя, вотъ что!

— У насъ банки отсѣкали до васъ каждому, кто только мать выругаетъ!—съ гордостью добавилъ Луньковъ.

— А вѣдь что-жъ, ребята, самое это разлюбезное дѣло!—сорвался вдругъ съ наръ плечистый мужчина съ непріятнымъ выраженіемъ краснаго, какъ морковь, угреватаго лица и маленькими

рыжими усиками, Карасевъ по фамиліи:—Я самъ смерть не люблю этой нашей дурной привычки... Давайте, братцы, и мы въ это согласіе вступимъ. Банки тому, сукиному сыну, кто хоть разъ помянетъ мать аль отца нехорошимъ словомъ.

И за этимъ энергичнымъ выкрикомъ онъ сдѣлалъ въ воздухѣ энергичное движеніе кулакомъ.

— Что, братъ Струйскій, заварилъ кашу?—захохоталъ другой арестантъ, спокойно лежавшій на нарахъ. Онъ давно уже производилъ на меня непріятное впечатлѣніе своими наглыми свѣтлосѣрыми глазами, постоянно оскаленными, какъ у волка, бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами и всѣмъ своимъ лицомъ, тоже ослѣпительно-бѣлымъ и прекрасно упитаннымъ. Рядомъ съ этимъ антипатичнымъ, развязнымъ блондиномъ, фамилія котораго была Тропинъ, лежалъ худощавый брюнетъ съ длинными усами и прямымъ, острымъ носомъ; темные глаза его въ глубокихъ впадинахъ смотрѣли пронзительнымъ, мрачнымъ и почти дикимъ взглядомъ. Этотъ не проронилъ пока ни одного слова.

Струйскій по прежнему стоялъ возлѣ нашихъ наръ, повѣсивъ голову и имѣя самый виноватый видъ.

— Я что же... Я, какъ всѣ, господа,—продолжалъ онъ оправдываться:—противъ общества я никогда не пойду. Я даже очень буду радъ... Конечно, глупая привычка наша всему причиной... Къ тому же иные настоящіе господа очень даже сами одобряютъ крѣпкое слово... Приходилось мнѣ и порядочное общество тоже видѣть... Но ежели вашъ характеръ иного рода, такъ простите великодушно, я не зналъ вѣдь...

Несчастный «любитель» имѣлъ очень комичный видъ въ своей растерянности.

— Больше, значитъ, не будете?—сурово спросилъ его Дмитрій, поворачиваясь къ нему и противъ воли улыбаясь вмѣстѣ со мною.

— Прямо языкъ себѣ позволю отрѣзать!—обрадовался Струйскій,—прямо вотъ принесу ножикъ, подамъ въ руки и скажу: рѣжьте, заслужилъ!

— Ну, надо, значитъ, въ другую камеру проситься, съ барами намъ не житье!—гнѣвно произнесъ вдругъ худощавый, мрачный брюнетъ, поднявшись съ наръ. И, громко бряцая кандалами и стуча сапогами, онъ сталъ расхаживать взадъ и впередъ по камерѣ, крутя одной рукой усы и исподлобья бросая въ нашъ уголъ злые, пронизывающіе взгляды.

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо! Молодчинища Стрѣльбицкій, славно, братъ, отбрилъ!—залился веселымъ смѣхомъ Тропинъ, перевалившись съ одного бока на другой и скаля свои острые, бѣлые зубы.

— Дичь вы необразованная, еловая дичь!—ядовито бросилъ въ сторону ихъ обоихъ Карасевъ, тотъ мужчина съ непріятнымъ краснымъ лицомъ, который вызвался вступить въ «согласіе».

Я давно уже замѣчалъ, что въ этомъ человѣкѣ, работалъ ли

онъ, отдыхалъ ли, разговаривалъ ли съ кѣмъ, вѣчно, казалось, бурлило и клокотало тайное недовольство, злость на кого-то или обида на что-то. Вѣчно онъ на что-нибудь ворчалъ, проклиналъ то начальство, то арестантовъ, то самого себя. Когда же не было повода къ чему либо придраться, онъ упорно молчалъ по цѣлымъ часамъ, угрюмо насупившись, съ налитыми кровью глазами безъ рѣсницъ, съ подозрительно насторожившимся видомъ, точно зорко выжидая и выслѣживая, гдѣ бы и въ чемъ бы уловить хоть тѣнь обиды себѣ и оскорбленія. Очевидно, это былъ человѣкъ изъ породы тѣхъ самогрызуновъ, недалекихъ, безпричинно злобныхъ и сварливыхъ, которые умѣютъ дѣлать несчастными и себя самихъ, и всѣхъ окружающихъ ихъ людей. Когда на Карасева находили, случалось, порывы добросердечія, то въ нихъ было что-то неестественное, слащаво сантиментальное, и, конечно, порывы эти были всегда крайне мимолетны и оканчивались сугубой бранью съ сожителями... Такъ, въ настоящую минуту онъ всталъ ни съ того, ни съ сего на защиту благопристойности и съ гнѣвомъ обрушился на двухъ товарищей, заявившихъ себя ея противниками.

— Ты, что-ль, образованный-то?—захохоталъ пуще прежняго Тропинъ, приподнимая на локтѣ свое нахальное лицо:—я, по крайности, грамотный, а ты-то до сегодня вѣдь полагалъ, что книжку замѣсто сахару съ чаемъ прикусываютъ! Недаромъ и фамилія-то твоя Карасевъ: карася вѣдь всѣхъ рыбъ глупѣе, братцы.

Кровь такъ и ударила въ лицо Карасеву.

— А твоя какая фамилія?—весь дрожа отъ злости и тщетно ломая голову, какой бы сокрушительный отвѣтъ придумать, спросилъ онъ, подступая кошачьими шагами къ нарамъ противника:—ты кто такой будешь? Тропинъ?

— Ну, Тропинъ. А все жъ не Карасевъ. Завтра, захочу, Скатертевымъ буду, а все жъ не Карасевымъ!

Карасевъ, видимо, былъ окончательно ошеломленъ этимъ непонятнымъ для него остроуміемъ и нѣсколько мгновеній стоялъ, какъ очумѣлый, не зная что возразить. И вдругъ, подумавъ, раскатился самой отборной, трехъэтажной кабацкой руганью! Кобылка, какъ одинъ человѣкъ, покатилась со смѣху, не выдержалъ даже и мрачный Стрѣльбицкій, все время шагавшій по камерѣ.

— Ай да монахъ! Только что въ монахи поступить собирался... Ну, и удружилъ же! Молодчага!

Карасевъ окончательно потерялся.

— А чего-жъ онъ говоритъ мнѣ глупости-то?—обращаясь къ камерѣ, заговорилъ онъ охрипшимъ голосомъ:—я вѣдь и самъ могу ему наговорить глупостей...

И долго еще въ такомъ родѣ шла между новичками перебранка, пока всѣ не улеглись, наконецъ, спать. Не помню уже въ какой связи, поздно вечеромъ, Стрѣльбицкій разсказалъ Тропину, лежа съ нимъ рядомъ на нарахъ, одну страшную исторію изъ своего да-

лекаго прошлаго. Начала этой исторіи я не слышалъ: должно быть, Стрѣльбицкій повѣствовалъ о своихъ разбойничьихъ похожденіяхъ гдѣ-то на югѣ Россіи. Шайка ихъ была переловлена, и озлобленные крестьяне хохлы посадили троихъ главарей ея, въ томъ числѣ и Стрѣльбицкаго, въ холодный погребъ.

— Ну, вотъ посадили. И помни, въ однихъ рубахахъ, со связанными руками, ногами! Глядимъ вокругъ—темно, ледъ. Холодно страсть. «Что-жъ, братцы, видно, помирать надо»,—говоримъ промежъ себя. Помирать—такъ помирать! Стараемся уснуть, жмемся другъ къ другу; зубъ на зубъ не попадаетъ. Вдругъ ночью огни. Много народу, слышимъ, идетъ. «Бить ихъ мерзавцевъ!» Ну, бѣда пришла. Ввалилась орава. Лупили, я тебѣ скажу, такъ, что еле живыхъ оставили. Однако на смерть не убили. А что жъ, ты думаешь, сдѣлали? Привѣсили за веревку, которой руки за спиной были скручены, къ балкѣ, вылили на каждаго по ведру воды и ушли. Заледенѣли мы всѣ... Ну, вотъ какъ сосульки бываютъ зимой, съ крышъ висятъ. И такъ, братецъ ты мой, кажинный день по часу, по два стали мы висѣть: выльютъ на насъ по ведру воды и привяжутъ. А разъ, помню, цѣлыя сутки такъ продержали.

— Да какъ же вы не померли? Вѣдь это насмоку какую, братъ, схватить было можно!

— Тутъ ужъ не до насмоки. Всѣ трое голосу совсѣмъ лишились, а одинъ въ горячкѣ и померъ скоро. Другой товарищъ безъ голосу на всю жизнь остался, а у меня послѣ отошло.

— Ну, и долго-ль такъ держали васъ въ погребу?

— Да почти шесть недѣль.

— Ну, врешь?!

— Ничего не вру. Ты, братъ, не знаешь еще этихъ хохловъ! Такихъ другихъ варваровъ свѣтъ не создавалъ.

Но, возмущаясь варварствомъ палачей-хохловъ, собесѣдники и не думали, повидимому, вспомнить о варварствахъ самого разсказчика, которыми была вызвана эта свирѣпая расправа. Я давно уже привыкъ къ такому одностороннему гуманизму своихъ сожителей; тѣмъ не менѣе, услышанный разсказъ, въ которомъ чуялась правда, обратилъ мое вниманіе на Стрѣльбицкаго: у человѣка, прошедшаго такую школу,—невольно думалось мнѣ, скопилось въ душѣ много мрака и ненависти, и долженъ быть гордый, непреклонно-сильный характеръ... Что касается Струйскаго, то на него описанная исторія повліяла почему-то самымъ благотворнымъ образомъ: онъ не только пересталъ срамословить, но и вообще какъ-то затихъ и совершенно стушевался въ камерѣ. Его прежнюю роль взялъ на себя Тропинъ, которому, видимо, страшно нравилось доставлять мнѣ и Штейнгарту возможно больше непріятностей. Струйскій, бывало, только разсказывалъ грязные анекдоты, онъ же теперь старался размазывать ихъ, всячески изукрашивать, варіировать и смаковать. И оборвать такого человѣка, подобно тому, какъ Дмит-

рій оборвалъ Струйскаго, было немыслимо: это значило бы пойти на крупный скандалъ, въ которомъ несомнѣнно принялъ бы участіе и озлобленный товарищъ Тропина—Стрѣльбицкій. Оба они еще съ первыхъ же дней свели дружбу съ Юхоревымъ и все свободное отъ работы время неразлучно гуляли вмѣстѣ по тюремному двору.

Въ тотъ самый день, какъ произошло примиреніе мое съ Юхоревымъ, послѣдній прибѣжалъ и торжественно заявилъ:

— Иванъ Николаевичъ! Мы съ товарищами по прежнему будемъ брать у васъ табакъ и пользоваться вашимъ мясомъ. Миръ—такъ ужъ, значитъ, миръ въ полной формѣ!

Это было сказано такимъ тономъ, точно мнѣ сообщалась огромная радость, и дѣлалось великое одолженіе... Однако, я тогда же почувствовалъ, что миръ этотъ былъ довольно неискрененъ и непроченъ, такъ какъ вызванъ былъ, главнымъ образомъ, необходимостью для Юхорева самому выпутаться какимъ-либо искуснымъ маневромъ изъ неловкаго, двусмысленнаго положенія, въ какое онъ попалъ на сходкѣ. Вся клика, дѣйствительно, по прежнему стала принимать нашу махорку и ѣсть въ постные дни скоромную пищу, но въ отношеніяхъ ея съ нами не переставала чувствоваться напряженность и натянутость. Изъ новой партіи тотчасъ же выдѣлились элементы, которые быстро съ ней снюхались и заключили оборонительный и наступательный союзъ: главарями ихъ были Тропинъ и Стрѣльбицкій.

Но первый изъ этой достойной парочки заслуживаетъ того, чтобы на немъ нѣсколько подольше остановиться. Подобно Сокольцеву, Тропинъ былъ софистъ по натурѣ, но софистъ совсѣмъ въ другомъ родѣ, софистъ-мучитель, находившій величайшее наслажденіе въ возможности (если нѣтъ случаевъ мучить кого-либо физически) терзать чью нибудь душу, мочалить чьи-либо нервы, наконецъ кощунствовать и издѣваться надъ какой-либо признанной всѣми святыней. Отчаянный болтунище, онъ по цѣлымъ вечерамъ ораторствовалъ, напр., на тему, что честность—вздоръ и одно лицемѣріе, что и всѣ тѣ, кто ее проповѣдуетъ, если не тупоумные дураки, вродѣ крестьянъ, то въ глубинѣ души первостатейные подлецы и негодяи, богатые люди, живущіе на чужой счетъ, чужимъ трудомъ и потомъ. Прочитавъ когда-то какой-то романъ изъ жизни іезуитовъ, Тропинъ пропагандировалъ теперь устройство такого мошенническаго ордена, который покрылъ бы своей сѣтью всю Россію и сталъ бы неодолимой силой. Путаница понятій въ этихъ дикихъ мечтахъ была полнѣйшая!

Вступать съ Тропинымъ въ какой нибудь споръ было совершенно безцѣльно, такъ какъ все, что имъ говорилось, говорилось намѣренно, изъ желанія позлить меня съ Штейнгартомъ, вывести изъ себя. И Штейнгартъ, дѣйствительно, выходилъ иногда изъ терпѣнія, схватывался съ нимъ, пытался пристыдить, урезонить. Но

это только больше поджигало безстыднаго человѣка, и я предпочиталъ бороться съ нимъ убивающимъ презрѣніемъ.

Но какая,—спроситъ читатель,—была, собственно, причина его ненависти къ намъ, къ людямъ, отъ которыхъ онъ пользовался матеріальной выгодой и передъ которыми, казалось бы, долженъ былъ въ силу своей дешевой натуришки скорѣе заискивать и пресмыкаться? Я думаю, одна только причина—пожирающая скука, страшное раздраженіе противъ образцовой каторжной тюрьмы, далеко уже славившейся среди арестантовъ «просвѣщенностью» своихъ обитателей. Не меньше, чѣмъ мнѣ съ Штейнгартомъ, досаждалъ онъ и самому бравому капитану почти ежедневными приставаніями — перевести его въ другой рудникъ. Излагалъ онъ эти просьбы также въ высшей степени развязно и даже нахально, принимая, однако, видъ не то простофили, не то юродиваго и тѣмъ оставляя себѣ лазейку спасенія отъ наказанія за дерзость.

— Господинъ начальникъ,—начиналъ онъ одну изъ такихъ волынокъ:—у меня носъ проваливается.

— Что такое?—удивленно поднималъ голову великолѣпный капитанъ.

— У меня, знаете, сифилисъ и очень даже сердитый сифилисъ: я здѣсь всѣхъ арестантовъ, а можетъ, и самихъ надзирателей, навѣрное, перезаражу. Каждый день у меня то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ новый прыщъ вскочитъ.

— Такъ ступай къ фельдшеру, въ больницу!

— Фершалъ говоритъ, что у него нѣтъ для такихъ больныхъ коекъ. А у меня, я правду вамъ сказываю, господинъ начальникъ, носъ скоро провалится...

— Чортъ знаетъ, братецъ! другой я носъ, что ли, тебѣ могу приставить? Чего ты ко мнѣ съ носомъ своимъ лѣзешь?

И, съ отвращеніемъ покручивая собственнымъ органомъ обонянія, Лучезаровъ, какъ бомба, вылеталъ изъ камеры въ коридоръ Тропинъ же, нагло скаля зубы, подходилъ къ нашимъ нарамъ и, не обращая вниманія на то, что мы не разъ заявляли ему о своемъ нежеланіи имѣть съ нимъ какое-либо дѣло, начиналъ повѣствовать Дмитрію о своей болѣзни. При всей своей непріязни къ намъ, формально онъ не переставалъ быть вѣжливымъ, говорилъ «вы» и не иначе обращался, какъ со словами «Иванъ Николаевичъ», «Дмитрій Петровичъ» или «господинъ Штенгоръ».

— Я читалъ гдѣ-то, господинъ Штенгоръ, не знаю правду ли, нѣтъ ли, — что въ настоящее время уже двѣ трети человѣческаго рода заражены сифилисомъ, и что самое лучшее будетъ, если и остальная треть возможно скорѣй имъ заразится. Тогда, будто бы, болѣзнь сама собой прекратится. Значитъ, я такъ полагаю, что болѣзни этой не только стыдиться нечего, но даже гордиться ею слѣдуетъ.

Прошлое Тропина, двадцатилѣтнаго каторжанина (рецидивиста

и, кажется, оффиціально извѣстнаго подъ ложной фамиліей) было въ арестантскомъ смыслѣ не изъ серьезныхъ. Началъ онъ свою тюремную карьеру въ качествѣ самаго обыкновеннаго жулика изъ тѣхъ южныхъ «ракловъ», какими особенно славится городъ Николаевъ, мѣсто его родины. Не знаю, гдѣ научился онъ грамотѣ и гдѣ нахватался тѣхъ книжныхъ верхушекъ, знаніемъ которыхъ несомнѣнно превосходилъ большинство шелайскихъ обитателей. Если и были среди нихъ люди, не меньше его читавшіе и даже кончившіе курсы уѣздныхъ училищъ и прогимназій, то Тропинъ, уступая имъ въ чисто внѣшней полированности, грубостью своей напоминая скорѣе невѣжественнаго простолюдина, былъ за то выше ихъ всѣхъ по природному уму, гибкому, цинично-изворотливому, пропитанному всякаго рода софистическимъ ядомъ. Быть можетъ, это былъ единственный экземпляръ изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ мною подонковъ отверженнаго міра, относительно котораго я затруднился бы сказать: есть ли у него въ сокровеннѣйшей глубинѣ души, въ той глубинѣ, которая и самому обладателю ея лишь смутно извѣстна, хоть что нибудь святое и завѣтное. У Семенова, напр., было въ высшей степени развито чувство какого-то особеннаго, мрачнаго и, пожалуй, даже страшнаго человѣческаго достоинства, чувство своеобразной арестантской чести и товарищества; что-то въ этомъ же родѣ было несомнѣнно и въ Юхоревѣ, и въ Сокольцевѣ, и въ другихъ крупныхъ представителяхъ каторжнаго міра; но у Тропина, мнѣ кажется, ничего не было, кромѣ голаго, откровенно-циничнаго эгоизма, для удовлетворенія котораго онъ не остановился бы, вѣроятно, ни передъ какой гнусностью, ни передъ какимъ злодѣйствомъ. Впрочемъ, къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ производилъ, при всей своей развязности и нахальствѣ, впечатлѣніе страшнаго труса, способнаго ныть и плакать отъ порѣза собственнаго пальца. Я уже упоминалъ о томъ, что, ведя себя дерзко и иногда прямо нахально съ надзирателями и самимъ Шестиглазымъ, нерѣдко попадая за это даже въ темный карцеръ, онъ никогда не переходилъ границъ, за которыми начиналось бы явное преступленіе. Той же политики онъ держался, вѣроятно, и на волѣ, то есть не шелъ, подобно другимъ преступникамъ, напроломъ, а старался дѣйствовать какими-нибудь скрытыми изворотами, изъ за угла или черезъ мелкихъ помощниковъ, самому себѣ оставляя всегда спасительную лазейку. Тропинъ, не скрывая отъ товарищей, громко, съ циничнымъ сарказмомъ надъ самимъ собой, говорилъ, что больше всего на свѣтѣ онъ боится веревки!.. Въ минуты самой обостренной борьбы съ Юхоревымъ я могъ любоваться и даже восхищаться этимъ человѣкомъ, какъ своего рода силой; но Тропинъ ни разу за все время нашего знакомства, ни на одно самое даже короткое мгновеніе, не умѣлъ внушить мнѣ ни малѣйшаго чувства симпатіи или сожалѣнія, и я боюсь, что, давая изображеніе этого молодца, сгустилъ нѣсколько мрачныя краски... Кто знаетъ,

не была ли и здѣсь виною недостаточная наблюдательность и вниманіе съ моей стороны? Быть можетъ, другой, болѣе терпимый и безпристрастный глазъ сумѣлъ бы и въ Тропинѣ отыскать искру божію, безъ которой какъ-то трудно представить себѣ разумное существо—человѣка... Но я описываю только то, что самъ видѣлъ и чувствовалъ.

Мишка Звѣздочетъ не переставалъ и послѣ извѣстной исторіи лебезить передо мною. Одной изъ его слабостей было, между прочимъ, изученіе заковыристыхъ иностранныхъ словъ, которыми онъ могъ щеголять передъ шпанкой, и онъ то и дѣло прибѣгалъ ко мнѣ или къ Штейнгарту съ вопросами.

— Ну, теперь, Иванъ Николаевичъ, я уже знаю, что я галантный и интеллигентный человѣкъ, индивидуй, либералъ, космополитъ и профессіональный астрономъ... А вотъ что еще мнѣ разъясните: что это такое инціадива?

И, едва успѣвъ удовлетворить свое любопытство, торопливо убѣгалъ куда то по неотложнымъ дѣламъ.

— Охъ ты, Собачья Почта!—говорили ему вслѣдъ арестанты.

Но однажды, покруживъ такимъ образомъ нѣсколько разъ около Штейнгарта, прогуливавшагося вокругъ тюрьмы, онъ подошелъ къ нему и спросилъ съ обычнымъ беззаботнымъ видомъ:

— А скажите, пожалуйста, Дмитрій Петровичъ, для чего употребляется морфій?

Штейнгартъ объяснилъ. Затѣмъ онъ полюбопытствовалъ узнать, что такое опій, атропинъ, и какая разница въ дѣйствіи этихъ ядовъ на человѣка. Штейнгартъ вдругъ насторожился: всѣ эти яды имѣлись въ тюремной аптекѣ, и, кромѣ того, задавая свои вопросы, Мишка, противъ обыкновенія, чего-то внутренно волновался. Тревожное подозрѣніе мелькнуло у Дмитрія, и онъ очень строго сталъ допрашивать Биркина о причинахъ его любознательности. Биркинъ окончательно растерялся и началъ, по арестантскому выраженію, крутить хвостомъ во всѣ стороны. Штейнгартъ, въ свою очередь, принялъ еще болѣе строгій тонъ и, наконецъ, добился отъ Мишки слѣдующаго признанія:

— Я боюсь, Дмитрій Петровичъ, какъ бы мнѣ не попасть въ бѣду... Я хочу бѣжать изъ больничныхъ служителей, да меня грозятся побить.

— Кто такой грозится побить? Что вы говорите?

— Наши иваны... У нихъ поддѣланъ ключъ къ аптекѣ, и они хотятъ, чтобъ я вошелъ туда ночью и взялъ эти самые яды.

— Ага, вотъ что. Ну, и мерзавцы же! Только знаете что, Биркинъ? Если вы не исполните ихъ просьбы, они только побьютъ васъ немного, а быть можетъ и совсѣмъ не побьютъ. Не такая здѣсь тюрьма. Ну, а если исполните, тогда знайте, что вамъ не миновать висѣлицы, или, по крайней мѣрѣ, новой каторги. А вамъ вѣдь черезъ четыре мѣсяца на поселеніе выходить!

Мишка поблѣднѣлъ.

— Присовѣтуйте, что же мнѣ дѣлать?

— Скажите имъ, что въ аптекѣ нѣтъ этихъ ядовъ.

— Нельзя. Тропинъ самъ видѣлъ мертвую голову на ящикахъ. Онъ чуть не каждый вѣдь день къ фершалу лѣчиться ходитъ.

— Такъ вотъ что: я дамъ вамъ магнезіи или другихъ какихъ-нибудь пустяковъ, а вы скажите имъ, что это и есть ядъ. Не станутъ же они на языкъ пробовать, подлецы этакіе.

Мишка, видимо, сильно обрадовался этому плану и, поблагодаривъ Штейнгарта за совѣтъ, быстро умчался.

Но Штейнгартъ былъ взволнованъ. Онъ долго совѣщался со мной и Башуровымъ, и мы не могли придти ни къ какому спасительному рѣшенію. Доносить Шестиглазому о безумной затѣѣ арестантовъ намъ не приходило, конечно, и въ голову; рекомендовать осторожность Землянскому, который такъ дружилъ съ Юхоревымъ и могъ въ концѣ концовъ лично выдать ему все, что угодно, особенно въ пьяномъ видѣ, было бы глупо. Я посовѣтовалъ Дмитрію, чтобы онъ при первомъ удобномъ случаѣ самъ провѣрилъ количество имѣвшихся въ аптекѣ ядовъ и затѣмъ слѣдилъ не только за Виркинымъ, но и за самимъ Землянскимъ. Произвести, однако, такую провѣрку Дмитрію удалось не скоро.

Почти въ тотъ же день, когда происходилъ разговоръ съ Мишкой Звѣздочетомъ, Тропинъ подошелъ къ Штейнгарту при всей камерѣ и спросилъ съ обычной развязной улыбкой:

— Скажите, пожайлуста, Дмитрій Петровичъ, что это за штука такая атропинъ? Правда ли, будто отрава такая существуетъ, читалъ я въ какой-то книжкѣ?

Взволнованный Штейнгартъ поглядѣлъ ему пристально въ глаза и отчеканилъ:

— Дѣйствительно, есть такая штука. Первая буква этого слово *а* есть греческая частица, обозначающая отрицаніе: не нужно, молъ... И выходитъ, что *атропинъ* есть то, о чемъ даже и знать не нужно Тропину! Вотъ что это такое.

Тропинъ весело захохоталъ: казалось, ему ужасно понравилась остроумная шутка.

— Но зачѣмъ этимъ негодяямъ понадобился ядъ?—допрашивалъ меня всѣ эти дни негодующій Штейнгартъ.

— Ну, это-то я отлично понимаю зачѣмъ,—объяснилъ я:—много разъ приходилось мнѣ слышать ихъ бесѣды на этотъ счетъ. Ядъ, хорошій, тонкій ядъ—это своего рода философскій камень алхимиковъ, о которомъ мечтаютъ всѣ эти Тропины, Юхоревы, Сокольцевы. Они думаютъ, что, имѣя такое оружіе, они будутъ всесильны и безнаказанно могутъ убивать и грабить.

— Такъ вы думаете, они для подвиговъ на волѣ, а не въ тюрьмѣ хотятъ теперь раздобыть его?

— Я почти увѣренъ въ этомъ. Запасаютъ я на далекое буду-

щее. Да впрочемъ, почему на далекое? Юхоревъ-то почти на дняхъ вѣдь долженъ выйти въ вольную команду.

Между тѣмъ долгія прогулки Юхорева съ Тропинымъ, Стрѣльбицкимъ и другими по тюремному двору и какія-то тайныя совѣщанія продолжались ежедневно. Къ этому избранному обществу присоединялся иногда и Гнусъ-Шматовъ. Юхоревъ вскорѣ, дѣйствительно, долженъ былъ выйти въ вольную команду и, должно быть, торопился преподать своимъ ученикамъ уроки долгаго мошенническаго опыта. Въ одинъ прекрасный вечеръ имя его прочитали на повѣркѣ въ числѣ освобождаемыхъ на жительство внѣ тюрьмы, онъ забралъ свои вещи и тотчасъ же ушелъ за ворота. Признаюсь, я вздохнулъ не безъ тайнаго удовольствія, думая, что никому другому изъ арестантовъ уже не удастся такъ верховодить кобылкой, экономомъ, фельдшеромъ и самимъ Шестиглазымъ.

Была уже середина лѣта.

Въ тюрьмѣ наступила отрадная тишина, отдыхъ послѣ всѣхъ пережитыхъ треволненій. Все это время арестанты потѣшались надъ Шматовымъ-Гнусомъ, который вздумалъ по уши влюбиться въ одну изъ каторжныхъ сильфидъ и то и дѣло вертѣлся около воротъ, въ тайной надеждѣ увидѣть свою пассію. Надзиратели сначала заподозрили было Шматова въ какихъ-то жульническихъ планахъ и намѣреніяхъ, но скоро и они попали въ общій тонъ, слыша постоянныя насмѣшки кобылки надъ Гнусомъ.

—Гнусъ, а Гнусъ? Да вѣдь она тебя, говорятъ, стряхиваетъ? Сказываетъ, что изъ тебя песокъ скоро посыплется?

— Ты бороду-то сбрѣй, дурачина,—гляди, какъ помолодѣешь!

— Ну, что и за Гнусъ у насъ, братцы! Одно слово—любитель...

И вотъ, въ одно прекрасное утро вся тюрьма такъ и покатилась со смѣху: Гнусъ, дѣйствительно, сбрилъ бороду и, закрутивъ длинные усы, расхаживалъ по двору такимъ молодцомъ, словно ему было не больше двадцати лѣтъ... Каждый разъ, какъ растворялись ворота, и домашніе рабочіе, исполняя должность быковъ, ѣхали съ бочкой по воду, добровольно впрягался вмѣстѣ съ ними въ телѣгу и Гнусъ, чтобы хоть глазкомъ повидать свою красавицу, встрѣтивъ ее гдѣ нибудь случайно за оградой. Самъ онъ, правда, никому не говорилъ этого, но болѣзненно ожирѣвшее лицо его съ большимъ носомъ, сопѣвшимъ не хуже паровика, и оскаленными гнилыми зубами, улыбалось такой блаженной и вмѣстѣ лукавой улыбкой, что арестанты хватались въ порывѣ веселости руками за бока. Изрѣдка только Шматовъ гнусавилъ:

— Завидно, небось, подлецы?

— Ну, а коли она, Гнусъ, записку тебѣ пришлетъ, какъ ты ее читать будешь?

— Найду такихъ—прочтутъ.

— Да вѣдь переврутъ сучьи дѣти!

— Ты Николаичу дай, Гнусъ.

— А онъ чѣмъ лучше? Такой же вольнщикъ, какъ и всѣ.

Долго не давали такимъ образомъ Шматову проходу не только товарищи-арестанты, но и надзиратели, скучавшіе не меньше ихъ и тоже искавшіе предлога позубоскалить. Исключеніе представлялъ одинъ только Проня, «живая смерть», точно манекенъ въ дни своего дежурства ходившій по тюрьмѣ, дѣйствуя во всемъ «согласно инструкціи», молчаливый, педантичный и подозрительный. Онъ не смѣялся, подобно другимъ, надъ Шматовымъ, и я не разъ замѣчалъ, идя въ кухню за кипяткомъ, какъ онъ, усѣвшись на главномъ тюремномъ крыльцѣ, искоса наблюдаетъ за гуляющимъ тутъ же, вдоль фасада тюрьмы, Гнусомъ и какъ-то особенно при этомъ навостряетъ свои рысьи ушки и глазки, не смотря на то, что Гнусъ съ своей стороны усиленно заискиваетъ и то и дѣло заговариваетъ:

— Прокопій Филипповичъ, а вѣдь скоро, пожалуй, нашему начальнику подполковничій чинъ выйдетъ?

Или:

— А вѣдь вамъ, Прокопій Филипповичъ, набавка жалованья должна выйти? Пятилѣтіе-то ваше на дняхъ кончается, я слышалъ?

Но на гладко выбритомъ, худощаво-блѣдномъ лицѣ образцоваго надзирателя не вздрагиваетъ ни одинъ мускулъ. Онъ отвѣчаетъ односложными, ничего незначущими словами и продолжаетъ свои ни для кого незамѣтныя, подозрительныя наблюденія. Но вотъ Гнусъ, нѣсколько разъ прогулявшись такимъ образомъ взадъ и впередъ съ заложенными за спину руками, быстрымъ движеніемъ повернулъ за уголъ тюрьмы и скрылся. Кажется, что въ этомъ особеннаго? Соскучился человѣкъ ходить по одному мѣсту и ушелъ. Но неподвижность статуи командора моментально соскочила съ Прони, и онъ, точно стрѣла, пущенная изъ лука, бросился къ противоположному углу тюрьмы, какъ бы желая—тоже для моціона—обѣжать ее кругомъ.

Поиски и наблюденія каторжнаго Лекока не оказались безплодными, и въ одно мертвенно-тихое послѣобѣденное время, когда большинство арестантовъ, пользуясь короткимъ отдыхомъ, спало богатырскимъ сномъ по камерамъ, Проня- Живая Смерть сдѣлалъ важное открытіе, произведшее въ тюрьмѣ страшный переполохъ. Вынувъ половицу на одномъ изъ боковыхъ крылецъ тюрьмы, онъ нашелъ подъ ней цѣлый складъ вещей: массу лазаретнаго бѣлья, арестантскихъ бродней, рубахъ, рукавицъ и пр. Мало того: по данному имъ сигналу,—вскорѣ послѣ того, какъ кучка арестантовъ, съ Гнусомъ въ томъ числѣ, выходила за ворота тюрьмы въ огородъ поливать капусту,—въ одной изъ грядъ нашли, повидимому, только что зарытую часть того же больничнаго бѣлья. Немедленно явился въ тюрьму самъ бравый капитанъ, чуть не лопавшійся отъ гнѣвнаго прилива крови къ лицу, и, осмотрѣвъ крыльцо съ потайнымъ складомъ, приказалъ въ собственномъ присутствіи произве-

сти во всѣхъ камерахъ повальный обыскъ. Обыскъ этотъ не далъ, однако, никакихъ новыхъ открытій.

— Я знаю главныхъ виновниковъ! — кричалъ Шестиглазый, грозясь заковать ихъ въ наручни и отдать подъ судъ; — нѣтъ, мало суда: убью и отвѣчать не буду!

Но на дѣлѣ онъ, очевидно, не зналъ виновныхъ, а голыхъ подозрѣній (наученный прежними неудачными опытами) на этотъ разъ не рѣшился послушаться. Не былъ почему-то арестованъ даже Шматовъ, котораго Проня видѣлъ убѣгающимъ отъ крыльца, и всѣ репрессіи по отношенію къ тюрьмѣ ограничились тѣмъ, что снова было предписано надзирателямъ держать камеры подъ строжайшимъ запоромъ, никого не выпуская вонъ безъ самой крайней необходимости. Что касается Прони, то, вмѣсто ожидаемой похвалы и поощренія, онъ получилъ суровый окрикъ:

— А вы глупы!.. Надо было устроить засаду и поймать этихъ артистовъ съ поличнымъ.

И Лучезаровъ повернулся къ образцовому надзирателю спиной.

Еще слышно было въ растворенное окно кухни, какъ онъ грозился упечь подъ судъ фельдшера Землянскаго. Но и изъ этой угрозы ничего не вышло, такъ какъ фельдшеръ привелъ въ свою защиту какіе-то факты, свалившіе вину недосмотра на эконома, а послѣдній тоже какимъ-то образомъ выкрутился, и дѣло съ краденымъ бѣльемъ такъ въ концѣ концовъ и заглохло.

Единственнымъ видимымъ послѣдствіемъ открытія Прони было то, что любовь Гнуса въ тотъ же день точно рукой сняло... Онъ перестатъ бродить подъ воротами тюрьмы и добровольно впрягаться въ водовозную телѣгу, перестатъ щеголять и только самодовольно скалилъ зубы, давая этимъ понять, какъ ловко водилъ онъ за носъ не только надзирателей, но и самихъ сожителей-арестантовъ.

— Ай, да и Гнусина!..—говорили послѣдніе, раздумчиво качая головами.

Втайнѣ поговаривали также (и, конечно, не безъ основаній), что складъ краденыхъ вещей принадлежалъ, въ сущности, Юхореву, а Шматовъ былъ не больше, какъ его прислужникомъ-агентомъ: послѣ выхода въ вольную команду главы товарищества Гнусъ производилъ ликвидацію его дѣлъ и успѣлъ уже сплавить за ворота тюрьмы столько вещей, что открытіе Прони захватило лишь жалкіе остатки былого величія...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Л. Мельшинъ.

Мормоны.

(Путевыя впечатлѣнія и замѣтки).

До отхода поѣзда оставалось нѣсколько минутъ. Громадная и пестрая толпа наполняла «тихо-океанскій» вокзалъ въ г. Чикаго; пассажиры, провожающіе и носильщики озабоченно сновали у кассъ и около багажныхъ пріемщиковъ; многіе тревожно посматривали на часы; повторялись наставленія, добрыя пожеланія, отдавались послѣднія приказанія,—обычная картина вокзаловъ и пароходныхъ пристаней, всѣмъ знакомая, но всегда нѣсколько разстраивающая нервы. Вотъ раздается звонокъ. Невольно вздрагиваешь, хотя его и ожидаешь. Медлить некогда; я прохожу въ пульмановскій спальный вагонъ и отыскиваю свой занумерованный диванчикъ.

Противъ меня сидитъ дама лѣтъ тридцати пяти съ симпатичнымъ, но задумчивымъ лицомъ и съ заплаканными глазами. Остальныя мѣста тоже заняты удобно расположившимися мужчинами и женщинами. Двѣ электрическія лампы съ потолка вагона освѣщаютъ насъ своими ровными, бѣлыми лучами. Вотъ тронулся поѣздъ, тихо, чуть замѣтно тронулся, лишь слегка постукивая колесами на стыкахъ рельсъ. Въ окно замѣтно, какъ въ вечернихъ сумеркахъ мелькаютъ ярко освѣщенныя улицы, дома и фабрики. Мы прибавляемъ ходу, чаще звенитъ паровозный колоколъ, усиливается солидное громыханіе бѣгущихъ вагоновъ; мелькающія зданія начинаютъ сливаться, и, наконецъ, мы выѣзжаемъ изъ шумнаго и пыльнаго Чикаго.

Я отворилъ окно. Въ лицо мнѣ пахнулъ свѣжій вѣтеръ, пропитанный запахомъ полей и луговъ. Вотъ она—Америка, подумалъ я, всматриваясь въ неясные контуры пейзажа, все болѣе и болѣе скрывавшагося въ темнотѣ надвигающейся ночи. Вотъ тѣ мѣста, гдѣ недавно бродили индѣйцы и буйволы, гдѣ не было дорогъ, гдѣ разстилались безконечныя преріи, и гдѣ теперь между фермъ, по обработаннымъ полямъ, снабжающимъ Европу хлѣбомъ, пробѣгаютъ ежедневно десятки и сотни поѣздовъ... Вотъ страна, которая въ теченіе жизни одного поколѣнія прошла тѣ фазы развитія, на которыя Старый Свѣтъ потратилъ вѣка. И я долго стоялъ у окна

и все старался понять, въ чемъ заключается секретъ этого удивительнаго Новаго Свѣта.

Въ 10 часовъ утра, 18 августа, мы остановились у вокзала города Соленаго Озера. Пріѣхавшіе со мною пассажиры скоро разошлись. У дверей стоялъ полисменъ въ сѣрой, фетровой, форменной шляпѣ съ бляхой. Я обратился къ нему съ просьбою указать мнѣ порядочный отель.

— А вотъ, сэръ,—сказалъ онъ, указывая рукой на высокое, красивое зданіе, расположенное какъ разъ противъ вокзала.—Этотъ отель не хуже остальныхъ.

— Не хуже, такъ и ладно,—подумалъ я и съ чемоданчикомъ въ рукѣ пошелъ по указанному направленію. Съ первыхъ же шаговъ на меня пахнуло провинціальной простотой небольшого городка. Улицы напоминали густыя аллеи пирамидальныхъ тополей, бѣлыхъ акацій и высокихъ, темнозеленыхъ орѣшниковъ. Дома буквально утопали въ свѣжихъ садикахъ, въ цѣлыхъ рощицахъ вишенъ, грушъ и апельсинныхъ деревьевъ. Вдоль тротуаровъ, въ выложенныхъ камнемъ канавкахъ, весело журчала чистая, прозрачная вода, проведенная съ высокихъ, грандіозныхъ горъ, которыя какъ бы непрерывнымъ кольцомъ охватывали городъ. На улицахъ народу было немного; это я сразу и съ удовольствіемъ замѣтилъ, утомившись толкотней въ громадной толпѣ Лондона, Нью-Іорка и Чикаго. Отель, дѣйствительно, оказался хорошимъ. Въ небольшой комнаткѣ, съ надписью «оффисъ», сидѣла хозяйка—привѣтливая женщина, лѣтъ сорока пяти. Она сразу по выговору догадалась, что я иностранецъ, и спросила меня, откуда и куда я ѣду.

— Изъ Россіи... Россія...—повторила она.—Это вѣдь очень далеко, сэръ.

Во второмъ этажѣ мнѣ отвели чистую комнату съ большой двухъспальной кроватью за 75 коп. въ сутки. Я отворилъ окно и просто былъ пораженъ красотою мормонской столицы. Всѣ улицы какъ бы упирались своими концами въ обрывистыя, скалистыя горы, которыя, какъ стѣны, окружали и защищали этотъ уголокъ отъ бурныхъ порывовъ кордильерскаго вѣтра. Горы, море и растительность—вотъ главные элементы красоты природы; здѣсь не хватало только моря. Я надѣлъ шляпу и въ самомъ хорошемъ расположеніи духа отправился на улицу.

— Вы, навѣрно, идете осматривать Табернаклъ,—сказала хозяйка, когда я проходилъ мимо нея.—Идите все прямо и пересѣките три улицы; немного подальше вы увидите арку орла.

Но я не пошелъ къ Табернаклу, а сталъ отыскивать книжный магазинъ, чтобы купить планъ города и его описаніе; кромѣ того, мнѣ хотѣлось пріобрѣсти нѣкоторыя сочиненія по мормонскому вопросу. Изъ гида Кинга я зналъ, что въ городѣ есть книжный складъ Джоржа Каннона,—совѣтника мормонскаго президента, и что въ этомъ складѣ можно достать всѣ тѣ книги и брошюры, ко-

торыя разсылаются мормонами съ цѣлью пропаганды въ самыя отдаленныя части свѣта. Этотъ-то именно складъ я и рѣшился найти, а чтобы получить надлежащія указанія, я вошелъ въ аптеку и спросилъ себѣ десятокъ папиросъ и стаканъ сельтерской воды. Аптекарь разсказалъ мнѣ, что складъ находится въ концѣ улицы, и что имъ завѣдуетъ мистеръ Персонъ, — видный мормонскій дѣятель, одинъ изъ соредакторовъ мѣстной газеты «Deseret News» и членъ мормонскаго совѣта.

Если въ Россіи языкъ доводитъ до Кіева, то и въ Америкѣ онъ оказываетъ не меньшія услуги. Я скоро отыскалъ складъ и вошелъ въ него. За прилавкомъ сидѣла красивая, рослая блондинка, лѣтъ двадцати и брюнетъ безъ бороды, съ серьезными и умными глазами. Это и былъ мистеръ Персонъ.

— Позвольте мнѣ исторію мормонской церкви и еще какую нибудь книгу съ изложеніемъ догматовъ этого вѣроученія, — сказалъ я.

— Такихъ книгъ очень много,—отвѣтилъ мистеръ Персонъ,— чье именно сочиненіе желаете вы получить?

Я объяснилъ, что не знакомъ съ литературою предмета, что пріѣхалъ изъ Россіи, что хотѣлъ бы прочитать исторію мормоновъ и ихъ, такъ сказать, символъ вѣры. Мы разговорились. Оказалось, что мистеръ Персонъ объѣздилъ всю Европу съ цѣлью пропаганды и не былъ только въ Россіи.

— Мы очень интересуемся Россіей,—сказалъ онъ.—Тамъ, кажется, нѣтъ нашихъ послѣдователей, но мы думаемъ, что проповѣдь мормонства въ Россіи могла бы имѣть большой успѣхъ. Мы читали нѣкоторыя сочиненія графа Толстого и посылали ему наши брошюры. Графъ ихъ получилъ и очень любезнымъ письмомъ выразилъ намъ свою благодарность. Скажите, пожалуйста, въ чемъ состоитъ религія, основанная этимъ писателемъ?

Неожиданность вопроса меня сильно затруднила. Изъ роли интервьюера я попалъ въ положеніе отвѣчающаго. Но всетаки я постарался объяснить моему собесѣднику, что мы—русскіе считаемъ графа Толстого великимъ беллетристомъ, но не основателемъ новой религіи, что графъ Толстой, правда, критически относится къ основамъ православія, что онъ признаетъ лишь этику евангелія и особенно подчеркиваетъ идею «непротивленія злу», но онъ и самъ не смотритъ на себя, какъ на проповѣдника новой вѣры; хотя и утверждаютъ, что въ Россіи есть «толстовцы», но, въ сущности, это не религіозная секта съ детально-разработанными догматикой и обрядами, а группа лицъ не курящихъ, не желающихъ ѣсть убоину, не пьющихъ вина, считающихъ физическій трудъ обязательнымъ, отвергающихъ борьбу насиліемъ и т. д.

Мистеръ Персонъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ и въ заключеніе предложилъ мнѣ вчитаться въ мормонскую литературу и, если она мнѣ понравится, распространять ее въ Россіи. Я поспѣ-

шилъ заявить, что «вчитаться» я готовъ съ удовольствіемъ, но что по своимъ убѣжденіямъ не могу быть религіознымъ проповѣдникомъ. Кромѣ этого, я объяснилъ, что совращеніе православныхъ отнесено русскими законами къ разряду самыхъ тяжелыхъ преступленій...

Мистеръ Персонъ не предлагалъ мнѣ болѣе миссіонерскихъ обязанностей; однако, не смотря на это, онъ очень любезно подарилъ мнѣ цѣлую кипу разныхъ книгъ и брошюръ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я,—какъ могли вы отказаться отъ многоженства—одного изъ догматовъ вашего ученія?

— Да мы и теперь утверждаемъ, что священное писаніе разрѣшаетъ многоженство. Мы и теперь повторяемъ, что теоретически полигамія допустима. Но вѣдь вамъ извѣстно, что мы признаемъ свѣтскую власть и подчиняемся ей, поэтому мы только покорились законодательству Штатовъ.

Довольно долго еще бесѣдовали мы, усѣвшись у прилавка. На всѣ мои вопросы представитель «гонимой» секты отвѣчалъ охотно и подробно. Совсѣмъ не такъ разговариваютъ наши раскольники. Они или недовѣрчиво отмалчиваются, или фанатически высказываютъ свои мнѣнія не просто и покойно, а съ видомъ людей, пренебрегающихъ опасностью и немедленно готовыхъ претерпѣть всякое мученіе.

— Въ чемъ же заключаются тѣ притѣсненія, которыя вы испытываете?—спросилъ я.

— Несправедливыя притѣсненія, сэръ, возмутительныя!... Во-первыхъ, Утахъ — территорія, а не штатъ. Вслѣдствіе этого мы лишены права избирать двухъ сенаторовъ въ законодательное собраніе и не имѣемъ представительства въ конгрессѣ. Правда, мы посылаемъ «делегата», но онъ имѣетъ только совѣщательный голосъ. Кромѣ того, нашъ губернаторъ не нами избирается, а назначается въ Вашингтонѣ изъ «не мормоновъ». Этотъ губернаторъ имѣетъ право не утверждать вотированные нами мѣстные законы.

— Это-то вы и «называете жестокими гоненіями»?

— Конечно. Возмутительныя несправедливости! Утахъ многолюднѣе, богаче и просвѣщеннѣе многихъ штатовъ союза, и все-таки Утахъ — территорія. Яркій примѣръ отсутствія вѣротерпимости. Многоженство — вотъ чѣмъ насъ до сихъ поръ укоряютъ... но скажите, пожалуйста, почему небольшая группа полигамистовъ на берегахъ Соленаго Озера привлекаетъ всеобщее вниманіе и возбуждаетъ столь сильную ненависть? Почему наши враги не займутся обращеніемъ сотенъ милліоновъ другихъ полигамистовъ—китайцевъ, индусовъ, магометанъ и разныхъ язычниковъ? Вѣдь только потому, что мы не достаточно сильны, чтобы сопротивляться.

Меня интересовало еще узнать, нѣтъ ли чего коммунистическаго въ мормонскомъ вѣроученіи, и я спросилъ объ этомъ мистера Персона. Онъ объяснилъ мнѣ, что мормоны вполнѣ при-

знають частную собственность, и что ихъ религіозная община построена на этомъ принципѣ. Мормонская церковь, дѣйствительно, обладаетъ значительною свѣтскою властью, но это обстоятельство не должно казаться удивительнымъ, если имѣть въ виду, что мормонство—вѣроученіе весьма молодое, отдѣленіе же свѣтской власти отъ духовной происходитъ лишь тамъ, гдѣ религіозный культъ достаточно состарился.

— Здѣсь, въ Утахъ,—продолжалъ мистеръ Персонъ, насъ — мормоновъ около 400 тыс. человѣкъ, на Сандвичевыхъ островахъ и въ Мексикѣ мы насчитываемъ тысячъ до 6 послѣдователей. Въ Европѣ, вѣроятно, тоже есть столько же. Главнымъ образомъ, они находятся въ Швеціи, Норвегіи и въ Англіи; есть немного мормоновъ въ Германіи и даже въ Турціи. Пропаганда велась очень энергично, но за послѣднее время миссіонерское рвеніе почему-то замѣтно ослабѣло... Я не знаю, чѣмъ и объяснить такое явленіе. Наши проповѣдники избираются и разсылаются нашимъ церковнымъ совѣтомъ, а для того, чтобы церковь всегда имѣла нужныя средства, всякій изъ насъ ежегодно отдаетъ въ церковную кассу не менѣе одной десятой доли своихъ доходовъ. На эти деньги содержатся и всѣ наши благотворительныя учрежденія...

Съ кипой книжекъ и брошюръ вышелъ я изъ склада. Необходимо было отнести эту ношу въ номеръ и тогда уже идти осматривать соборъ. Въ это время мимо меня пробѣгалъ, лязгая о проволоку и позванивая, вагонъ электрической желѣзной дороги. Я вскочилъ въ него и доѣхалъ до своей гостинницы.

Всякій, кто путешествовалъ, знаетъ, съ какимъ особеннымъ интересомъ читаются газеты на чужой сторонѣ. Газета даетъ массу свѣдѣній и отвѣчаетъ на массу вопросовъ. По газетѣ сейчасъ видно, чего требуетъ читатель, какой умственной пищей привыкъ онъ питаться, что ему по плечу, на сколько онъ развитъ и образованъ, на какія стороны жизни обращаетъ онъ свое вниманіе и т. д. и т. д. Съ большимъ любопытствомъ принялся я за чтеніе купленнаго мною номера «Deseret News», то есть, «Дезеретскихъ Новостей». Слово «Deseret» не англійское, а взято изъ книги Мормона и означаетъ «медоносная пчела». Было очевидно, что въ моихъ рукахъ находится мормонскій органъ. Подъ заглавіемъ стоялъ девизъ:—«правда и свобода». Великія слова, великій девизъ.—Лѣтъ сорокъ тому назадъ, «Deseret News» была единственной газетой, выходившей на громадномъ пространствѣ между Санъ-Франциско и рѣкою Миссури. Въ то время мормонамъ жилось плохо: они были вынуждены спасаться бѣгствомъ и поселиться въ пустынѣ. Тогда девизъ «правда и свобода» указывалъ на жгучую нужду. Но это время миновало; никто теперь не покушается грабить, разорять или убивать мормоновъ, осталось лишь незначительныя притѣсне-

нія, какъ наслѣдіе суроваго прошлаго, и великій, старинный девизъ мормонской газеты украшаетъ собою столбцы газеты...

Читаю далѣе. На видномъ мѣстѣ напечатано воззваніе, объясняющее, почему «Deseret News» слѣдуетъ выписывать предпочтительно всякой другой газетѣ. Во первыхъ, это слѣдуетъ дѣлать потому, что «Deseret News»—органъ «современныхъ святыхъ церкви Христовой», посредствомъ котораго «отцы церкви» выражаютъ свои взгляды. Во вторыхъ, этотъ органъ поддерживаетъ мѣстныя производства: бумажныя фабрики, электротипіи и т. п. Мнѣ показалось очень характернымъ, что религіозное значеніе органа, несомнѣнно игравшее главную роль еще въ недавнее время, теперешніе издатели нашли нужнымъ подкрѣпить указаніемъ на торгово-промышленное значеніе газеты. Новыя вѣроученія всецѣло поглощаютъ лишь первыхъ прозелитовъ; но скоро остываетъ жгучесть религіознаго вопроса, и на первый планъ выдвигаются интересы политико-экономическіе. Со столбцовъ повременныхъ и всякихъ изданій вопросы вѣры неуклонно исчезаютъ, сползаютъ, и ихъ мѣста занимаютъ интересы болѣе матеріальные. Существовалъ или не существовалъ ангелъ Марони—этимъ не заняты теперь утахскія газеты; онѣ теперь озабочены сборищами въ Чикаго и вообще рабочимъ вопросомъ. Очевидно, и здѣсь, въ столицѣ Соленаго Озера опредѣлились отношенія между богатыми и бѣдными. Очевидно для территоріи Утахъ прошло то время, когда равномѣрно бѣдные переселенцы-мормоны еще не были раздѣлены на рѣзко обособленные общественные классы. Миновали невинные дни молодой религіозной общины, и наступилъ періодъ зрѣлаго возраста со всѣми «проклятыми» вопросами, столь извѣстными жителямъ Стараго Свѣта.

Конечно, всякій, кто былъ въ городѣ Соленаго Озера, былъ и въ Табернаклѣ. Табернаклъ — это старый мормонскій храмъ, на смѣну которому теперь воздвигнутъ тутъ же рядомъ громадный изъ сѣраго гранита въ готическомъ стилѣ соборъ, стоившій около 8 милліон. руб. Этотъ новый соборъ красивъ, великъ и внушителенъ, но всетаки главный интересъ возбуждаетъ старый Табернаклъ, который, какъ громадная черепаха, ютится между развѣсистыми высокими, ярко-зелеными деревьями. Построенъ Табернаклъ очень просто: крыша его въ видѣ продолговатаго купола — полуэллипсоида, покоится на низкой, толстой, вытянутой по эллипсису, стѣнѣ, въ которой прорѣзано 20 большихъ дверей, служащихъ въ то же время и окнами.

Въ саду, окружающемъ Табернаклъ, никого не было, лишь вѣтерокъ шевелилъ листьями и вѣтками. На стѣнѣ храма я прочиталъ надпись: «Входите въ шестую дверь». Я послѣдовалъ указанію и очутился въ огромномъ пустомъ и свѣтломъ зданіи. Бѣлый

потолокъ, бѣлыя стѣны, полъ, покрытый ковровъ, многочисленные ряды скамеекъ; громадный органъ съ мѣдными трубами и ни одной иконы, ни одной статуи и ни одного украшенія... Только солнечные лучи, пронизывая листву, врывались въ стеклянныя двери и играли на полу, на скамейкахъ и на противоположной бѣлой церковной стѣнѣ. Мнѣ сначала показалось, что я одинъ въ Табернаклѣ, но въ это время съ одной изъ скамеекъ поднялся и подошелъ ко мнѣ старикъ сторожъ.

— Можно посмотрѣть?—спросилъ я.

— Да, да, — привѣтливо отвѣтилъ старикъ,—смотрите .. Все зданіе изъ дерева. Когда мы его строили, у насъ не было желѣза... тутъ все изъ одного дерева, и это находятъ удивительнымъ... только хорошіе архитекторы могли справиться съ такой трудной задачей; вѣдь въ этомъ зданіи помѣщается до 10,000 человѣкъ.

Старикъ говорилъ съ оттѣнкомъ гордости. Было время, когда мормоны особенно цѣнили то, что въ ихъ средѣ имѣются образованные люди, искусные техники, ученые строители. Мой старый собесѣдникъ сохранилъ въ себѣ чувства этой минувшей эпохи, какъ бы игнорируя, что рядомъ съ Табернакломъ выросла новая постройка—громадный соборъ, дѣйствительно доказывающій высокій уровень архитектурнаго искусства. Но какое дѣло старику до новаго храма! Онъ помнитъ, когда строили Табернаклъ, онъ помнитъ всѣ затрудненія, которыя тогда возникали, и гордую радость, охватившую переселенцевъ, когда затрудненія эти были побѣждены.

— Вонъ какой выстроили соборъ,—продолжалъ старикъ тономъ подавленнаго недоброжелательства къ готическому сопернику Табернакла —Конечно, это великое зданіе, но его и выстроить не трудно было, имѣя въ рукахъ и желѣзо, и машины, и всякіе инструменты; а когда мы строили Табернаклъ, здѣсь была пустыня, и мы работали лишь топорами, пилами и лопатами. Пройдите ка на ту сторону, да послушайте, какая здѣсь акустика. Вотъ я ороню булавку, и вы услышите... да-съ, одну маленькую булавку... Развѣ это не удивительно?..

Осторожно пробираясь между безконечными рядами скамеекъ по мягкому ковру, я подошелъ къ противоположной стѣнѣ. Я воображалъ себѣ былыя времена, когда въ этомъ, только что застроенномъ, храмѣ собирались люди, недавно бѣжавшіе изъ штата Иллинойсъ и занятые устройствомъ культурнаго оазиса среди суровой и громадной пустыни. Какая здѣсь была тогда атмосфера живой и вдохновляющей вѣры. Какая странная смѣсь фанатическихъ заботъ о душѣ и дѣльныхъ попеченій о мірскихъ благахъ. Здѣсь, въ Табернаклѣ, раздавались тогда удивительныя проповѣди.

— Пусть всякій, вновь пришедшій,—говорилъ Бригамъ Юнгъ,—во первыхъ, выучится разводить скотъ, воздѣлывать пшеницу, картофель и овесъ. Умѣть это дѣлать, значитъ угождать Господу Богу.

И подобная проповѣдь гармонировала съ этимъ зданіемъ, лишеннымъ всякихъ украшеній и статуй.

Я посмотрѣлъ на старика сторожа; онъ неподвижно стоялъ вдали, облокотившись на спинку скамейки, и казался мнѣ маленькой фигуркой.

— Слушайте,—сказалъ онъ и добавилъ шопотомъ:—каждое мое слово, сказанное даже шопотомъ, вы навѣрно хорошо разбираете.

Я, дѣйствительно, ясно слышалъ каждое слово.

— Теперь слушайте, какъ ударится булавка о скамейку.

Старикъ сдѣлалъ какое-то движеніе рукой, и я отчетливо услыхалъ характерный звукъ паденія булавки на деревянное сидѣнье.

— Вотъ видите,—самодовольно сказалъ сторожъ.

Я прислонился къ стѣнѣ и любовался на окружающую меня простоту. Глаза и вниманіе не разбѣгались, и мысли, какъ звуки, пріобрѣтали здѣсь сосредоточенную ясность. Вотъ храмъ, какъ разъ приспособленный для культа разума. Однако, здѣсь вѣрятъ въ басни про ангела Марони, про пророка Мормона, про очки Уримъ-Тумимъ и т. д. и т. д... Нѣтъ статуй, украшеній, но вмѣсто нихъ есть смѣшное суевѣріе.

— Здѣсь происходитъ служба?—спросилъ я, возвратившись къ сторожу.

— Да, да:—всякое воскресенье и всякій праздникъ

— Въ чемъ состоитъ ваша служба?

— Какъ въ чемъ?.. обыкновенная служба... поютъ гимны, играютъ на органѣ и говорятъ проповѣди.

— А вы всѣхъ пускаете, когда идетъ обѣдня?

— Конечно... входи, кто хочетъ: бѣлый или черный. Мы рады всякому посѣтителю.

Я пожалъ руку старика и сказалъ ему, что Табернаклъ мнѣ очень понравился. Старикъ, видимо, остался доволенъ и даже проводилъ меня до двери.

Могила Бригама Юнга находится не на общемъ кладбищѣ, а въ садикѣ при частномъ домѣ. Садикъ обнесенъ рѣшеткой, но входная калитка не была заперта. Среди хорошенькой лужайки я увидалъ шесть каменныхъ плитъ съ надписями. Подъ одной покоились кости знаменитаго президента, а подъ остальными были погребены его вѣрныя жены. Здѣсь, какъ и въ Табернаклѣ, поражала простота: нѣтъ мавзолея, нѣтъ даже памятника, а всего только простая гранитная плита съ лаконической надписью. Камень уже начиналъ вростать въ землю и, какъ бы, утопалъ въ зеленой, сочной травѣ. Стебельки, листочки и цвѣтки загибались надъ краями плиты, окружая ее живымъ зеленымъ вѣнкомъ.

— Вотъ тутъ-то, подъ этимъ камнемъ, думалъ я, лежатъ кости Бригама Юнга, массивныя, прочныя кости, а большое крѣп-

кое его тѣло, навѣрно, уже давно разложилось и всосалось окружающею почвой. Чрезъ корешки этой свѣжей травы атомы, изъ которыхъ когда-то состоялъ Бригамъ Юнгъ, поднялись и проникли въ эти сочные стебельки, листочки и цвѣтки. Я сорвалъ маленькую травку и спряталъ ее въ записную книжку. Пусть она въ далекой Россіи напомнитъ мнѣ о великомъ мормонѣ. «Великій»... имѣетъ ли право Бригамъ Юнгъ на такой эпитетъ? Мнѣ кажется, что имѣетъ. Провести тысячи переселенцевъ чрезъ пустыню, съумѣть выбрать мѣсто, гдѣ остановиться, основать не только городъ, но цѣлую колонію, завести политическій порядокъ въ общинѣ, разработать догматическую и обрядовую сторону новаго вѣроученія и т. д. и т. д. Развѣ все это подъ силу обыкновенному человѣку?

Наступалъ вечеръ, теплый, ясный, лѣтній вечеръ. Лучи солнца уже не падали въ долину и на городъ, а лишь слегка задѣвали и золотили вершины окружающихъ горъ. Я возвратился въ свой номеръ усталый и скоро уснулъ подъ лязганье проволоки электрической желѣзной дороги, проходившей подъ моимъ окномъ.

Часовъ въ 11 утра я услыхалъ изъ своей комнаты пѣніе и звуки фортепіано. Я вышелъ въ корридоръ и убѣдился, что музыка раздается въ сосѣдней гостинной. Въ это время проходила знакомая уже мнѣ хозяйка и любезно пригласила меня идти за ней. Въ гостинной находились три барышни и нѣсколько мужчинъ. Одна изъ дѣвушекъ аккомпанировала на роялѣ, а худощавый брюнетъ пѣлъ. Барышни были молоды, красивы и чрезвычайно оживленны, но костюмъ ихъ меня въ первую минуту нѣсколько удивилъ: всѣ онѣ были одѣты въ очень короткія юбки, опускавшіяся лишь немного ниже колѣнъ. Молодой человѣкъ обладалъ пріятнымъ теноромъ. Я сѣлъ на кресло, около хозяйки. Она стала разспрашивать меня, люблю ли я музыку, не могу ли я что нибудь сыграть и нравится ли мнѣ голосъ пѣвца? Не имѣя музыкальныхъ талантовъ, я ограничился разговорами. Оказалось, что въ этой гостинной сходятся всѣ случайные обитатели номеровъ. Въ Россіи врядъ ли возможно открыть на такихъ началахъ гостинную: публика наша недостаточно дисциплинирована, недостаточно благовоспитана. А въ Америкѣ это въ порядкѣ вещей. Здѣсь, въ залахъ гостинницъ, знакомятся, разговариваютъ, читаютъ, поютъ и играютъ, и всякій держитъ себя прилично, какъ будто находится въ домѣ самыхъ уважаемыхъ знакомыхъ; и никто не думаетъ, какъ у насъ же въ Россіи, что «за свои деньги» въ гостинницѣ стѣсняться нечего.

Городъ Соленаго Озера расположенъ не на самомъ берегу Соленаго Озера, и надо проѣхать нѣсколько верстъ, чтобы добраться

до «Garfield Beach», гдѣ устроены прекрасныя купальни. Въ «Garfield Beach» поѣздъ отходитъ по нѣскольку разъ въ день отъ вокзала, расположеннаго въ концѣ города, въ большомъ саду; рельсы проложены по аллеямъ, и вагоны, пробѣгая, задѣваютъ за вѣтки. На вокзалѣ, когда я туда пришелъ, публики еще было мало. Машинистъ и кондукторъ разгуливали по платформѣ и охотно вступали въ разговоръ. На всемъ лежалъ отпечатокъ провинціальной простоты, но всетаки въ назначенное время поѣздъ тронулся. Соленое Озеро—это единственное въ своемъ родѣ явленіе. Во всемъ мірѣ нѣтъ такой большой массы соленой воды на высотѣ 4300 фут. надъ уровнемъ океана. Соленое Озеро періодически то увеличивается, то сокращается, вѣроятно, вслѣдствіе засариванія подземныхъ стоковъ. Въ настоящее время оно имѣетъ около 70 верстъ ширины и до 140 верстъ длины. Вода этого озера въ четыре раза солонѣе воды океана, т. е. содержитъ приблизительно 22% соли, и по этой причинѣ озеро совершенно необитаемо, совершенно безжизненно и мертво. Ни растенія, ни рыбы не могутъ жить въ такомъ густомъ разсолѣ. Купающіеся въ Соленомъ Озерѣ испытываютъ необыкновенное чувство: вода до того плотна и тяжела, что поддерживаетъ человѣческое тѣло, какъ рѣчная вода поддерживаетъ пробку, и нѣтъ возможности окунуться: при погруженіи головы—поднимаются ноги, а опустите ноги, всплываетъ голова. Однако дѣлать эти эксперименты надо осторожно, потому что легко получить воспаленіе глазъ.

На большой террасѣ общественной купальни разгуливала публика и смотрѣла, какъ въ водѣ барахтались нѣсколько любителей и любительницъ прохлады. Погода была свѣжая, и довольно сильный вѣтеръ рябилъ поверхность удивительнаго озера. Я не рѣшился выкупаться, да и зеленовато-бѣлая волна мало къ себѣ манила. Это не то, что морской прибой, гдѣ пѣнистые синеватые гребни, догоняя другъ друга, взбѣгаютъ на берегъ, гдѣ въ лицо дуетъ особенный морской вѣтеръ, и гдѣ даже въ прохладную погоду пріятно поплавать. Безжизненность Соленаго Озера производитъ унылое впечатлѣніе, берега-солончаки лишены растительности, прибой не выкидываетъ даже мелкихъ раковинъ, и надъ зеленоватой поверхностью не летаютъ веселыя чайки. Съ первымъ отходящимъ поѣздомъ я уѣхалъ въ городъ, гдѣ занялся чтеніемъ книгъ, данныхъ мнѣ мистеромъ Персономъ.

Исторія мормоновъ чрезвычайно интересна и поучительна. Она достойна вниманія уже потому, что помогаетъ понимать, какъ вообще развиваются культы. Существуютъ психологическіе законы, въ силу которыхъ человѣчество склонно увлекаться и принимать за истину нелѣпыя басни, вздорныя и смѣшныя сказки. Но изучить эти законы довольно трудно на древнихъ религіяхъ, начала кото-

рыхъ скрываются въ давно прошедшихъ вѣкахъ и свѣдѣнія о развитіи которыхъ заслонены массою миѳовъ и легендъ позднѣйшаго измышленія. Мормонство—это религія нашего XIX вѣка; она возникла всего 60—70 лѣтъ тому назадъ, и всѣ фазисы ея роста отразились на столбцахъ американскихъ газетъ и журналовъ

Основателемъ мормонства былъ Іосифъ Смитъ. Въ 1842 г. онъ помѣстилъ въ Чикагской газетѣ «Демократъ» свою автобіографію, *) съ нѣкоторыми выдержками изъ которой я нахожу нужнымъ познакомить читателей.

«Я родился, пишетъ Смитъ, 23 декабря 1805 г. въ городѣ Шаровѣ, Виндзорскаго округа, въ штатѣ Вермонтъ. Мой отецъ былъ фермеръ и научилъ меня земледѣлію. Четырнадцати лѣтъ я сталъ размышлять о томъ, что необходимо приготовиться къ будущей жизни. Я замѣтилъ, что существуетъ много противорѣчій въ нашихъ религіозныхъ, понятіяхъ: послѣдователи одной вѣры развивали предо мною одну систему, послѣдователи другой вѣры — другую систему, и всякій утверждалъ, что истина на его сторонѣ. Догадываясь, что въ одно и то же время всѣ не могутъ быть правы, я рѣшился серьезно заняться этимъ вопросомъ. Я былъ убѣжденъ, что не Богъ внушилъ одной группѣ людей вѣрить такъ, а другой группѣ людей вѣрить совсѣмъ иначе.

«Вечеромъ 21 сентября 1823 г. я усердно молился. Вдругъ мою комнату озарилъ свѣтъ подобный солнечному. Я задрожалъ и увидалъ передъ собою лучезарное существо—ангела, который объявилъ мнѣ, что наступаетъ время второго пришествія Мессіи, и что Господь избираетъ меня для выполненія нѣкоторыхъ изъ его предначертаній.

«Мнѣ также было объяснено все касающееся аборигеновъ Америки, кто они и откуда появились. Кромѣ того, я узналъ, что существуютъ золотые листы, на которыхъ записаны предсказанія пророковъ, жившихъ въ Америкѣ. Три раза въ эту ночь являлся ко мнѣ ангелъ и три раза повторялъ одно и то же откровеніе. Впослѣдствіи ангелъ Божій еще много разъ меня навѣщалъ, причемъ разсказалъ мнѣ все то, что должно случиться предъ концомъ міра. 22 сентября 1827 г. ангелъ Божій передалъ мнѣ золотые листы-скрижали.

«Священное писаніе, полученное мною, было начертано на золотыхъ листахъ шести дюймовъ ширины, восьми дюймовъ длины и толщиною какъ обыкновенная жесть. Поверхность листовъ была покрыта египетскими письменами, и всѣ листы были стянуты тремя кольцами и скрѣплены вмѣстѣ, какъ страницы толстой книги. Со скрижалями я получилъ странный инструментъ, названный ангеломъ «Уримъ-Туммимъ». Онъ состоялъ изъ двухъ прозрачныхъ камней, скрѣпленныхъ небольшой дугой, вродѣ очковъ.

---

*) A hand-book of reference Salt lake City Utah. 1884.

«При помощи Уримъ-Тумима по волѣ Божіей я перевелъ писанія. На этихъ въ высшей степени важныхъ и интересныхъ листахъ была изложена древняя исторія Америки, начиная съ того времени, какъ сюда переселилась группа лицъ послѣ вавилонскаго столпотворенія, и кончая V вѣкомъ нашей эры. Изъ писанія я узналъ, что въ самыя древнія времена въ Америкѣ жили двѣ расы людей: Жаредиты, переселившіеся непосредственно съ вавилонской башни, и потомки Іосифа, перебравшіеся въ Америку прямо изъ Іерусалима около 600 лѣтъ до Р. Хр. Жаредиты были истреблены израильтянами, потомки которыхъ и до сихъ поръ еще находятся въ Америкѣ и извѣстны подъ названіемъ индѣйцевъ или краснокожихъ. Послѣ вознесенія въ Старомъ свѣтѣ, Іисусъ Христосъ явился въ Америкѣ и здѣсь во всей полнотѣ повторилъ свое божественное ученіе. Здѣсь, въ Америкѣ, какъ и на восточномъ континентѣ, были избраны Іисусомъ Христомъ апостолы проповѣдники и евангелисты, и здѣсь было установлено священноначаліе со всѣми правами и дарами Святого Духа. Потомъ люди впали въ грѣхъ, и истины божественнаго ученія начали забываться. И вотъ, чтобы это истинное ученіе не совсѣмъ утратилось, послѣднимъ пророкамъ было повелѣно изложить его въ сокращенномъ видѣ и написать исторію народа. Эти писанія было повелѣно зарыть въ землю, чтобы въ свое время они были найдены и присоединены къ библіи для ея дополненія. Эти писанія и есть книга пророка Мормона.

«Какъ только стало извѣстно, что у меня находятся листы-скрижали, въ народѣ съ быстротою вѣтра начали распространяться самые нелѣпые слухи. На мой домъ нападали толпы негодяевъ, много разъ въ меня стрѣляли и вообще всячески старались отнять у меня листы. Но Господь защищалъ меня, и многіе стали вѣрить моимъ словамъ.

«6 апрѣля 1830 года въ штатѣ Нью-Іоркъ, въ городѣ Фаетта. была мной основана «Церковь Христова Современныхъ Святыхъ». Нѣсколько человѣкъ получили откровеніе и даръ пророчества. Эти люди начали проповѣдь новой вѣры и, хотя они и были малочисленны и слабы, но Господь ихъ поддерживалъ. Много народа покаялось; мы ихъ крестили въ водѣ и сообщали имъ дары Святого Духа рукоположеніемъ. Проповѣдь сопровождалась чудесами: появлялись видѣнія, дѣлались предсказанія, изгонялись бѣсы, исцѣлялись больные. Съ этого времени распространеніе пошло поразительно быстро, и скоро возникли отдѣлы нашей церкви въ другихъ мѣстахъ штата Нью-Іоркъ и въ штатахъ Пенсильванія, Огіо, Индіана и Миссури. Народъ толпами къ намъ присоединялся, мы покупали обширныя пространства земель, наши фермы славились своимъ достаткомъ, спокойствіе и счастіе нашихъ семействъ удивляли нашихъ сосѣдей, которые часто были самыми дурными людьми, покинувшими свои отдаленныя родины лишь съ цѣлью избѣ-

жать правосудія. Эти люди, занимавшіеся ночными кутежами, картежными и другими азартными играми, скачками и разнымъ спортомъ, сперва осмѣивали насъ и нашу скромную трудовую жизнь, потомъ начали насъ преслѣдовать. Сторонниковъ нашихъ били, раздѣвали, обмазывали дегтемъ и осыпали перьями, наши дома разоряли и поджигали и, наконецъ, насъ принудили бѣжать изъ своего мѣстожительства. Мы удалились въ степи, гдѣ странствовали, отыскивая удобное мѣсто для поселенія. Это было въ ноябрѣ. Погода стояла холодная, и мы мерзли подъ открытомъ небомъ. Мы обращались съ жалобами и просьбами, но, не смотря на то, что въ нашихъ рукахъ были купчія крѣпости на землю, мы не могли добиться возстановленія своихъ правъ. Нашими фермами овладѣли негодяи, которые кромѣ того забрали въ свою пользу тысячи головъ нашего скота, овецъ, лошадей, коровъ и свиней, наши запасы, имущество, печатные станки и шрифты.

«Наконецъ, мы кое-какъ поселились около мѣстечка Клей. До 1836 г. мы не испытывали здѣсь насилій, но ежедневно слышали угрозы. Однако лѣтомъ наше положеніе ухудшилось: завистники, жадно смотрѣвшіе на наше имущество, собирались на сходки и уговаривались разорить и разогнать насъ, какъ въ округѣ Джаксонъ. Мы не надѣялись на заступничество правительственной власти и потому рѣшились покинуть Клей.

«Слѣдующее мѣсто, избранное нами, былъ округъ Кальдвель и Давіасъ. Здѣсь мы надѣялись жить покойно, потому что населеніе было весьма рѣдкое. Мы опять завели обширныя фермы, но въ 1836 г. нашлись негодяи, пожелавшіе безнаказанно воспользоваться нашимъ имуществомъ. Мѣстный губернаторъ Богсъ издалъ циркуляръ, который какъ бы ставилъ насъ внѣ закона. Шайки разбойниковъ угнали нашихъ лошадей, коровъ, свиней и овецъ. Мужчинъ убивали, а нашихъ женщинъ и дѣвушекъ насиловали. Среди зимы, въ самое холодное время, въ самую дурную погоду мы опять были изгнаны изъ своихъ домовъ, и опять мы пустились искать счастья.

«Въ 1839 году мы поселились въ штатѣ Иллинойсъ. Тутъ въ первый разъ мы встрѣтили добродушныхъ сосѣдей, признающихъ законъ, правила справедливости и человѣколюбія»...

На этомъ и кончается газетная статья Іосифа Смита. Хотя онъ и считалъ себя провидцемъ и пророкомъ, но мнѣніе его о добродушіи иллинойскихъ сосѣдей было совсѣмъ ошибочное. Въ началѣ, дѣйствительно, мормоновъ не безпокоили и безпрепятственно позволили имъ выстроить городокъ Нову. Но такъ продолжалось не долго. Изъ Миссури приходили извѣстія, что мормоновъ можно избивать и разорять безнаказанно, что само правительство косо смотритъ на нихъ, считая эту деспотическую теократію за imperium in imperio. Надо замѣтить, что и мормоны не совсѣмъ скромно вели себя: они рѣзко порицали религію сосѣдей и навязывали имъ

свою книгу, написанную при помощи очковъ Уримъ-Туммимъ. Отношенія обострялись, и, наконецъ, въ 1844 г. начался настоящій погромъ. Громадныя банды пьянаго народа принялись разорять и жечь фермы, угонять скотъ. Мормоновъ старались уничтожить, какъ вредную заразу. Избивали не только мужчинъ и женщинъ, избивали даже дѣтей. Власти симпатизировали нападавшимъ и даже подъ видомъ какихъ-то разслѣдованій заключили Іосифа Смита въ тюрьму въ г. Карфагенѣ. Въ 5 часовъ вечера 27 іюня 1844 г. въ тюрьму ворвалось нѣсколько замаскированныхъ людей, Они безпрепятственно вытащили Смита изъ его камеры и разстрѣляли его въ корридорѣ. Такъ трагически погибъ основатель мормонства.

О Іосифѣ Смитѣ написано чрезвычайно много, и онъ достоинъ вниманія, какъ человѣкъ несомнѣнно выдающійся. Но, къ сожалѣнію, его характеристики грѣшатъ одной изъ двухъ крайностей: мормоны утверждаютъ, что одинъ лишь Іисусъ Христосъ можетъ сравниться съ ихъ первымъ президентомъ, а противники рисуютъ Смита въ такихъ черныхъ краскахъ, что только сатана могъ выступить конкуррентомъ съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ. Въ столицѣ Соленаго Озера я купилъ портретъ Смита. «Пророкъ» сидитъ въ профиль; острый подбородокъ, острый носъ, глубоко посаженные глаза, впалыя щеки и густые волосы, зачесанные клокомъ надо лбомъ, придаютъ его физіономія тонкое, рѣшительное, хотя и нѣсколько лукавое выраженіе. Конечно, для всякаго здравомыслящаго человѣка совершенно ясно, что Іосифъ Смитъ морочилъ людей. Если даже допустить, что онъ иногда и галлюцинировалъ и въ это время видѣлъ ангеловъ и даже съ ними разговаривалъ, все же исторія съ золотыми листами и очками Уримъ-Туммимъ явно сочинена съ цѣлью обмана. Современники Іосифа Смита свидѣтельствуютъ, что онъ обладалъ крупнымъ полемическимъ талантомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Газетныя статьи Смита написаны очень ловко, а умѣнье его защищаться на судѣ было изумительное. Его жена—Эмма Смитъ нѣсколько разъ выступала въ качествѣ обвинительницы: она изобличала своего мужа въ прелюбодѣйствѣ и въ жестокомъ обращеніи. Къ Эммѣ Смитъ присоединялись враги мормоновъ и обвиняли «пророка» въ обманахъ и въ растратахъ общественныхъ денегъ. Такихъ процессовъ насчитываютъ болѣе сорока, но Смитъ всякій разъ выходилъ оправданнымъ. Популярность его въ извѣстныхъ слояхъ была настолько велика, что незадолго до событія 27 Іюня 1844 г. онъ хотѣлъ было выставить свою кандидатуру на постъ президента Соединенныхъ Штатовъ.

Изъ Иллинойсъ мормоны бѣжали, какъ евреи изъ Египта. На этотъ разъ рѣшено было искать счастья на «Дальнемъ Западѣ». И вотъ, 4 февраля 1846 года начался великій мормонскій «исходъ». Зима была суровая; Миссисипи покрывалъ толстый слой льда; преріи были занесены снѣгомъ, а частые метели и бураны особенно за-

трудняли передвиженіе въ этихъ бездорожныхъ пространствахъ. 12,000 мормоновъ перебрались въ штатъ Іова и направились къ Кордильерамъ. Уцѣлѣвшее имущество, провизія, сѣмена хлѣбовъ и земледѣльческія орудія везли въ фургонахъ. Осенью того же 1846 года переселенцы кое какъ добрались до рѣки Миссури, до границы штата Небраска и здѣсь зимовали. Весной 1847 г. Бригамъ Юнгъ, избранный президентомъ послѣ смерти Іосифа Смита, съ 142 піонерами отправился искать «обѣтованную землю». Четыре мѣсяца пробирались они по преріямъ, выбирая направленіе по звѣздамъ и по компасу. Часто приходилось голодать и даже ѣсть сусликовъ и мышей. Но особенно трудно было доставать воду.

По ночамъ на піонеровъ нападали индѣйцы и стаи волковъ, и въ виду этого приходилось во время остановокъ устраивать родъ укрѣпленнаго лагеря. Съ этой цѣлью повозки и фургоны разставлялись такъ, чтобы изъ нихъ образовалось замкнутое кольцо, въ средину загонялись лошади и ослы, а вокругъ разводились огни.

Но главныя затрудненія явились, когда мормоны подошли къ Скалистымъ горамъ. Проходы имъ не были извѣстны, и потому приходилось постоянно взбираться и спускаться по каменистымъ кручамъ. Лихорадка и цынга одолѣвали піонеровъ, а ноги почти у всѣхъ были въ ранахъ. Наконецъ, 24 іюня 1847 г. путники спустились въ долину Соленаго Озера. Бригамъ Юнгъ быстро сообразилъ, что эта долина удобна для поселенія, и рѣшилъ здѣсь остановиться. Въ то время эта мѣстность была такъ мало изслѣдована, что даже не знали опредѣленно, принадлежитъ ли она Мексикѣ или Соединеннымъ Штатамъ. 28 іюня погода была жаркая, и солнце немилосердно палило. Бригамъ Юнгъ страдалъ сильной лихорадкой, но, не смотря на это, верхомъ на лошади объѣзжалъ окрестности Соленаго Озера, выбирая мѣсто для новаго города. За Юнгомъ слѣдовали Вульфордъ Вудруфъ, теперешній президентъ мормоновъ, и другіе старѣйшины. *) Вдругъ Юнгъ остановился, и, ударивъ землю клюшкой, сказалъ: «Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ мы воздвигнемъ храмъ Господу Богу нашему». Поиски прекратились, и началась постройка города.

За піонерами прибыли и остальные мормоны. Трудности пути особенно отразились на женщинахъ и на дѣтяхъ, но ихъ поддерживала мысль наконецъ устроиться покойно, внѣ опасности отъ погромовъ. Съ радостью остановились переселенцы въ долинѣ Соленаго Озера, которая показалась имъ, дѣйствительно, Обѣтованною Землею. Соленое Озеро они назвали Мертвымъ Моремъ, небольшое озеро съ прѣсной водой—Сладкимъ Генисаретомъ, а протекающую тутъ рѣчку—Іорданомъ.

Съ этого момента начинается въ исторіи мормоновъ утахскій періодъ, который продолжается и до настоящаго времени. Въ

*) «House of the Lord». Salt Lake city Utah. 1893.

пятьдесятъ лѣтъ мормоны успѣли поразительно много сдѣлать. По новѣйшимъ статистическимъ даннымъ *) видно, что Утахъ теперь богатая территорія; въ ней насчитываютъ около ½ милл. жителей, изъ которыхъ двѣ трети мормоны; годовая доходность промышленныхъ заведеній, горнаго промысла и сельскаго хозяйства достигаетъ 30 милл. руб. Въ Утахъ болѣе 2½ тыс. верстъ желѣзныхъ дорогъ, 50 періодическихъ изданій, и всѣ дѣти обучаются въ школахъ. Въ городѣ Соленаго Озера электрическое освѣщеніе и болѣе 100 верстъ электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, водопроводъ и канализація. Кромѣ столицы въ территоріи есть еще десять маленькихъ городовъ, также хорошо построенныхъ и обладающихъ всѣми удобствами цивилизованныхъ центровъ. Приведенныя цифры краснорѣчивы, но надо еще замѣтить, что между мормонами нѣтъ нищихъ, такъ какъ общественная благотворительность у нихъ прекрасно организована. Девять десятыхъ мормоновъ живутъ въ своихъ собственныхъ домахъ и обработываютъ свои собственные участки, но неравномѣрность распредѣленія богатствъ начинаетъ и здѣсь сильно проявляться: въ Утахъ уже много крупныхъ капиталистовъ-милліонеровъ. Самъ Бригамъ Юнгъ, умирая, оставилъ своимъ дѣтямъ имущество, оцѣненное въ десять милліоновъ рублей.

Мормоны очень любятъ указывать на то, что въ ихъ средѣ чрезвычайно мало преступниковъ. Въ Tract. № 3. S. Lake City напечатаны слѣдующія любопытныя данныя. 78% населенія города Соленаго озера—мормоны, и, не смотря на это, ежегодное число мормоновъ, наказанныхъ по приговорамъ суда, въ восемь разъ менѣе числа осужденныхъ «немормоновъ». Иными словами среди мормоновъ преступленія бываютъ въ 25 разъ рѣже, чѣмъ среди утахскихъ христіанъ. Правда, многіе мормоны избѣгаютъ обращаться къ свѣтскому суду, и, кромѣ того, надо помнить, что утахскіе христіане—народъ не первоуразрядный, но всетаки дисциплинированность «современныхъ святыхъ» внѣ сомнѣнія. Мормонство еще не состарилось, оно еще молодо и дѣятельно.

Противники мормоновъ соглашаются, что «современные святые» несклонны къ кражамъ, буйствамъ, пьянству, дракамъ и тому подобнымъ обыкновеннымъ преступленіямъ. Но за то многіе увѣрены, что мормоны фанатичны и жестоки. Утверждаютъ, напримѣръ, что Бригамъ Юнгъ приказалъ одному мормону Джону Ли подкупить индѣйцевъ и перебить около сотни эмигрантовъ, пришедшихъ въ долину Соленаго Озера и не пожелавшихъ подчиняться мормонамъ. Говорятъ, что и теперь «ангелы мстители» умерщвляютъ ренегатовъ въ Утахъ. Разсказываютъ, что одинъ простой мормонъ — Андерсонъ имѣлъ несчастіе полюбить дѣвушку, понравившуюся старѣйшинѣ Клингенсмиту; въ результатѣ старѣйшина, увѣряя, что

---

*) Kings. «Hand book of the U. S. London».—«The Mormon Metropolius» Utah 1863.

дѣйствуетъ по волѣ Божіей, зарѣзалъ Андерсона и при этомъ держалъ его въ такомъ положеніи, что кровь стекла въ вырытую могилу. Утверждаютъ, что одинъ молодой человѣкъ такъ же, какъ и Андерсонъ, поспорилъ съ епископомъ Сно изъ за невѣсты. Сно будто бы кастрировалъ своего соперника, который вслѣдствіе этого сошелъ съ ума, и т. д. и т. д. Мормоны старательно оспариваютъ эти разсказы, но очень можетъ быть, что въ періоды гоненій и грубаго фанатизма нѣкоторыми мормонами и были совершены злодѣйства. Не надо забывать, что и въ Европѣ существовала инквизиція, и что до сихъ поръ нѣкоторые виды религіозной борьбы не могутъ быть названы иначе, какъ жестокими...

Необходимость вербовать прозелитовъ изъ среды христіанъ вынудила Іосифа Смита создать религію, во многомъ сходную съ христіанствомъ. Онъ весьма ловко заявилъ, что имѣетъ цѣлью не разрушить библію—ветхій и новый завѣты, а только дополнить ихъ. Смитъ обращалъ вниманіе своихъ слушателей на то, что въ библіи ничего не говорится объ Америкѣ, что безъ книги Мормона приходится допустить, что до Колумба въ теченіе 15 вѣковъ никто не проповѣдывалъ американцамъ евангельскихъ истинъ. Запутавши слушателей такимъ парадоксомъ, Смитъ предлагалъ имъ вникнуть въ его ученіе и въ доказательство вѣрности этого ученія приводилъ доводы, скопированные съ доводовъ христіанскихъ богослововъ. Смитъ разсуждалъ такъ:

1) Книга Мормона содержитъ въ себѣ ученіе столь высоконравственное и мудрое, что сочинить его было не подъ силу простому человѣку, и, слѣдовательно, Книга Мормона—боговдохновенна.

2) Когда онъ, Смитъ, переводилъ Книгу Мормона, онъ все время находился подъ наитіемъ Святого Духа, что выразилось въ многочисленныхъ чудесахъ, имъ совершенныхъ, и, слѣдовательно, Книга Мормона—боговдохновенна.

3) Кромѣ того, онъ, Смитъ, пророчествовалъ и, слѣдовательно, былъ подъ наитіемъ Святого Духа, а въ такомъ состояніи онъ могъ только переводить боговдохновенное ученіе.

Конечно, о «высотѣ ученья» распространяться нечего. До сихъ поръ неизвѣстно, что доступно человѣческому разуму и что недоступно. Одни считаютъ необычайно высокими правила человѣческихъ жертвоприношеній и правила мести—око за око,—зубъ за зубъ, а другіе—открытія Ньютона, Лапласа и Дарвина. Всѣ люди находятъ, что та религія, которую они исповѣдуютъ, лучше остальныхъ, что она совершенна, мудра и боговдохновенна. Всякій хвалитъ то, во что вѣритъ. Но о чудесахъ Смита нужно сказать нѣсколько словъ. Въ мормонскихъ книгахъ описаны десятки и сотни чудесъ, будто бы совершенныхъ «пророкомъ». Отъ прикосновенія его пальца изчезали бѣльма, и слѣпые прозрѣвали, глухіе начинали прекрасно слышать, хромые и калѣки вставали и начинали бѣгать, нѣмые получали даръ слова. Но чаще всего Смитъ занимался из-

гнаніемъ бѣсовъ. Оказывается, и въ XIX вѣкѣ дьяволъ не отказался отъ своей старой привычки залѣзать въ тѣла грѣшниковъ. Смитъ охотно посрамлялъ бѣсовъ къ немалому удовольствію своихъ зрителей. «Только безсмысленные люди,—говорятъ мормоны,—не вѣрятъ въ чудеса, совершенныя Смитомъ, тѣ чудеса, которыя видѣли сотни и тысячи свидѣтелей».

О чудесахъ вообще написано такъ много, что мнѣ нечего прибавить къ этому вопросу. Повторилась старая исторія: эпилептики и истеричные субъекты, легко поддающіеся гипнотическому внушенію, составили Смиту славу отмѣннаго чертогона. Людская молва пріукрасила дѣйствительные факты, и все это зарегистрировано въ мормонскихъ сочиненіяхъ. Въ романѣ Эмиля Зола—«Лурдъ» съ замѣчательной тонкостью проанализирована психологія легковѣрной толпы, и, конечно, въ Америкѣ происходило то же самое, что и у знаменитаго католическаго источника. Не менѣе типичными являются и пророчества мормонства. Эти пророчества были не только записаны, но и напечатаны въ 1832 г. «Современные святые» увѣряютъ, что многія изъ предсказаній Смита уже успѣли блистательно оправдаться. Интересно посмотрѣть, что дало поводъ къ такому странному выводу. Уроки дельфійской Пифіи не пропали даромъ мормонскій пророкъ избѣгалъ опасной точности и прорицалъ со всѣми особенностями древняго лукаваго метода недомолвокъ. Вотъ примѣры:

«И будутъ войны послѣ возстанія Южной Каролины, и послѣдствіемъ ихъ будетъ разореніе и смерть многихъ людей (какъ будто до возстанія Южной Каролины войны не сопровождались разореніями и смертями). Истинно говорю, придетъ день, когда съ этого мѣста начнется большая война, которая охватитъ всѣ народы. И южные штаты пойдутъ противъ штатовъ сѣверныхъ, и южные штаты обратятся за помощью къ другимъ народамъ и даже къ Великобританіи. Эти народы, въ свою очередь, заключатъ союзы, и война охватитъ всѣ націи.

«И придетъ время, когда рабы возстанутъ на своихъ господъ, но господа не будутъ застигнуты врасплохъ, а будутъ вооружены и готовы къ битвѣ.

«И придетъ время, когда природные жители этой страны, замѣчая, что ихъ земля отъ нихъ отбирается, возстанутъ, и тогда придется вытерпѣть большое горе.

«Итакъ, подъ сабельными ударами и въ потокахъ крови будетъ стонать человѣчество. Распространятся и голодъ, и повальныя болѣзни, и грянетъ громъ, и блеснетъ молнія, и земля будетъ колебаться, и тогда всѣ люди на землѣ поймутъ гнѣвъ справедливо наказующаго Бога. И будетъ такъ, пока не исчезнутъ всѣ народы.

«Пусть перестанутъ возноситься до слуха Всевышняго стоны Святыхъ, пусть перестанетъ взывать къ отмщенію ихъ невинно пролитая кровь.

«И стойте вы всѣ на своихъ мѣстахъ и не шевелитесь, пока

не придетъ день. Говорю вамъ, этотъ день придетъ скорѣе, чѣмъ вы думаете». И т. д., и т. д.

По мнѣнію мормоновъ, приведенныя пророчества самаго перваго сорта. Развѣ американскіе рабы не возставали на господъ? а господа развѣ не были вооружены? Развѣ человѣчество не стонало и не стонетъ подъ сабельными ударами? Развѣ не заключались союзы между націями? Однимъ словомъ—все предсказанное сбылось, а что еще не исполнилось—непремѣнно сбудется. И толпа, не пріученная къ строгому мышленію, вѣритъ и удивляется силѣ такихъ доказательствъ.

Хотя «высота ученья», чудеса и пророчества и сослужили Смиту службу, все же ему пришлось считаться съ XIX вѣкомъ и потому, кромѣ древнихъ средствъ, онъ выдвинулъ еще одно новомодное «неопровержимое» доказательство. Онъ обнародовалъ протоколъ, подписанный, по его словамъ, тремя «очевидцами» («тремя мошенниками»—по увѣренію противниковъ). Правда, подписи не были засвидѣтельствованы у нотаріуса, но въ виду того, что рукоприкладчики подтверждали ссылку и не оспаривали документа, доказательство имѣло вѣсъ. Позволяю себѣ привести дословный переводъ этого смѣшного протокола.

ПОКАЗАНІЕ ТРЕХЪ СВИДѢТЕЛЕЙ. *)

«Да будетъ извѣстно всѣмъ націямъ, языкамъ и людямъ, до которыхъ дойдетъ Книга Мормона: мы правдиво объявляемъ, что при насъ ангелъ Божій сошелъ съ неба и принесъ, и положилъ предъ нами скрижали, мы эти скрижали видѣли, держали въ рукахъ и смотрѣли начертанія. Мы знаемъ, что лишь вслѣдствіе милосердія Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа мы призваны подтвердить, что это сущая правда. Все это и по нашему мнѣнію чудесно, но, тѣмъ не менѣе, голосъ Господа повелѣлъ намъ это засвидѣтельствовать. Мы знаемъ, что, если будемъ вѣрны Христу, то очистимъ свои одежды отъ пятенъ человѣческой крови и явимся свѣтлыми на Страшный Судъ и пребудемъ со Христомъ во вѣки вѣковъ.

Оливеръ Каудери.
Давидъ Витмеръ.
Мартинъ Харисъ».

Посмотримъ теперь, что заключаетъ въ себѣ «дополненіе» къ библіи или такъ называемая Книга Мормона, качества которой столь убѣдительно доказаны Смитомъ.

Послѣ вавилонскаго столпотворенія, какъ извѣстно, Господь разсѣялъ возгордившихся строителей, предварительно «смѣшавъ ихъ языки». Въ числѣ прогнѣвившихъ Бога, по словамъ Книги Мормона, былъ—нѣкто Жаредъ и его семейство. Жаредиты усердно молили Бога о прощеніи, и Господь провелъ ихъ чрезъ пустыню по берегу моря. Здѣсь жаредиты прожили четыре года, построили

*) The Book of Mormon. S. L. C. 1862.

корабль, похожій на ковчегъ Ноя, помѣстились въ немъ сами, захватили домашній скотъ, провизію и отплыли. Сильный вѣтеръ подхватилъ ковчегъ и пригналъ его къ берегамъ Америки, гдѣ путники высадились. Жаредиты скоро размножились и разбогатѣли. Возникли города, возвысились храмы. Но народъ сталъ забывать вѣру въ единаго Бога и впалъ въ идолопоклонство, вслѣдствіе чего возникли смуты и войны. Воинственный царь Коріонтурмъ покорялъ одно племя за другимъ, и никто не могъ противостоять его арміи. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, но, наконецъ, нашелся полководецъ Шицъ, который рѣшился выступить противъ непобѣдимаго царя. Коріонтурмъ былъ разбитъ, но самъ уцѣлѣлъ и поклялся отмстить Шицу. Четыре года Коріонтурмъ и Шицъ набирали войска, наконецъ, созвавши всѣхъ тогдашнихъ жителей Америки, они рѣшились вступить въ бой. Одинъ лишь пророкъ Этеръ отказался принимать участіе въ кровопролитіи, которое длилось семь дней на берегахъ озера Онтаріо, у подошвы горы Кюмора. Обѣ арміи погибли до послѣдняго человѣка, и, еслибы не пророкъ Этеръ, некому было бы записать это событіе.

Самоистребленіе жаредитовъ произошло 1,600 лѣтъ послѣ вавилонскаго столпотворенія. Въ это время, т. е. за 600 лѣтъ до Р. Хр., въ Іерусалимѣ жилъ пророкъ Лехи. По повелѣнію Господа, онъ построилъ ковчегъ и достигъ восточнаго берега Южной Америки, гдѣ основалъ государство. Сыновья Лехи—Ламанъ и Лемуэль стали завидовать успѣхамъ третьяго брата, добродѣтельнаго Нефи, и рѣшились его убить, но Господь спасъ Нефи и наказалъ Ламана и Лемуэль: потомство ихъ сдѣлалось краснокожимъ. Дѣти Нефи образовали родъ республики и долгое время управлялись судьями, а краснокожіе впали въ идолопоклонство, кормились охотой и часто грабили мирныхъ нефитовъ, среди которыхъ были пророки, предсказывавшіе скорое пришествіе Христа. Когда въ Азіи родился Спаситель, въ Америкѣ объ этомъ событіи узнали по разнымъ сверхъестественнымъ признакамъ: два дня не закатывалось солнце, и на небѣ появилась новая звѣзда. Послѣ вознесенія въ Старомъ Свѣтѣ, Христосъ явился въ Америкѣ и здѣсь проповѣдывалъ свое ученіе, безъ чего американцы не могли бы спастись. Въ 400 г. послѣ Р. Хр. нефитами управлялъ Мормонъ, которому краснокожіе ламаниты объявили войну. Мормонъ, во избѣжаніе кровопролитія, увелъ свой народъ въ Сѣверную Америку, но за нимъ погнались ламаниты, и у горы Кюмора, гдѣ погибли жаредиты, произошло страшное сраженіе между бѣлыми и краснокожими, и нефиты погибли, «какъ погибаетъ трава въ преріи во время степного пожара».

Послѣднимъ изъ нефитовъ былъ благочестивый пророкъ Морони—сынъ Мормона. Морони написалъ подробную исторію американскихъ жителей, начиная съ переселенія въ Америку жаредитовъ послѣ вавилонскаго столпотворенія. Главнымъ матеріаломъ

этого труда послужила книга пророка Мормона, а также записи нефитскихъ судей и лѣтопись пророка Этера.

Морони написалъ свою исторію на золотыхъ листахъ-скрижаляхъ, тѣхъ самыхъ, съ которыхъ впослѣдствіи Іосифъ Смитъ и сдѣлалъ свой знаменитый переводъ Книги Мормона, названной такъ лишь въ память отца Мормона.

Всякій разъ, когда я думаю о быстромъ ростѣ мормонской общины, я наталкиваюсь на интересный вопросъ: мѣшала или помогала мормонская религія этому росту? Въ ученіи Смита мы находимъ три догмата, имѣвшихъ несомнѣнно большое вліяніе на соціальное развитіе мормоновъ. Во первыхъ, идея свѣтской власти церкви; во-вторыхъ—идея полигаміи и въ третьихъ—идея взаимопомощи съ нѣкоторымъ соціалистическимъ оттѣнкомъ. Сильная церковная власть, конечно, укрѣпила мормонскую общину, дисциплинировала первоначальный разнохарактерный сбродъ послѣдователей и поддерживала внутри общины порядокъ, необходимый для производительной работы. Деспотически-теократическій строй бываетъ полезенъ только для молодыхъ обществъ. Какъ только люди привыкнутъ жить мирно, руководиться не исключительно эгоистическими побужденіями, подчиняться требованіямъ общественной организаціи, такъ слѣдуетъ давать отставку отслужившему свою роль деспотически-теократическому режиму. Въ настоящее время въ Утахъ замѣчается ослабленіе церковнаго вліянія; даже мистеръ Персонъ говорилъ мнѣ объ этомъ, указывая на малоуспѣшность пропаганды. Въ Америкѣ, гдѣ существуетъ свобода личности, совѣсти и прессы, эволюція учрежденій совершается постепенно, а не скачками, какъ въ Старомъ Свѣтѣ, гдѣ искусственныя плотины задерживаютъ теченіе жизни. Мормонскій церковный деспотизмъ въ продолженіе первыхъ 30—40 лѣтъ былъ цементомъ общины, теперь же онъ болѣе не нуженъ и поэтому таетъ и блѣднѣетъ.

О второмъ религіозно-соціальномъ факторѣ мормонства—полигаміи приходится сказать приблизительно то же самое, что уже сказано о принципѣ церковнаго деспотизма. Всѣ народы переживали періоды многоженства, которое уступаетъ свое мѣсто моногаміи только съ развитіемъ общественности, культуры и особенно съ прогрессомъ идеи равноправности мужчинъ и женщинъ. Въ первое время, когда мормоны только что поселились на дикихъ берегахъ Соленаго озера, многоженство оказало имъ свои услуги. Благодаря полигаміи, мормоны размножались чрезвычайно быстро, нерѣдко можно было встрѣтить «современнаго святого», имѣющаго 20 и 40 дѣтей. Во вторыхъ, также констатировано, что многоженство привлекало въ мормонскую секту немалое число мужчинъ, желавшихъ испытать прелести магометова рая, и женщинъ, отчаявшихся найти себѣ партнера жизни въ средѣ христіанъ. Но какъ только мормонская община выросла и развилась, развращаю-

щее вліяніе полигаміи начало все яснѣе и яснѣе сказываться. Не только сосѣди мормоновъ, но и сами они начали замѣчать, что ихъ женщины почти столь же принижены и подавлены, какъ женщины Востока. Вѣковой укладъ Востока выработалъ особенный типъ женщинъ, вполнѣ мирящихся съ рабски-гаремнымъ положеніемъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ такихъ женщинъ трудно найти, и мормонамъ приходилось немало работать, чтобы превратить англо-саксонокъ, шведокъ, нѣмокъ и другихъ тому подобныхъ женщинъ въ покорныхъ мормонскихъ женъ. Задача была нелегкая, и хотя «современные святые» и добивались своего, все же въ сердцахъ мормонокъ не вымиралъ окончательно инстинктивный протестъ противъ полигаміи и противъ грубаго попиранія принципа равноправности мужчинъ и женщинъ. Это настроеніе характерно проявилось въ книгѣ г-жи Витней *) которая, хотя и выступаетъ защитницей многоженства, все же не можетъ отрѣшиться отъ европейскихъ традицій, въѣвшихся слишкомъ сильно въ плоть и кровь.

Въ первыхъ главахъ своей книги г-жа Витней очень покойно разсуждаетъ о томъ, что Ветхій завѣтъ смотритъ на многоженство, какъ на институтъ вполнѣ богоугодный. Авраамъ, Іаковъ, Давидъ, Соломонъ и др. имѣли по многу женъ. Новымъ Завѣтомъ, говоритъ г-жа Витней, не воспрещается многоженство, и самъ Іисусъ Христосъ, обличавшій блудъ и прелюбодѣйство, не высказался противъ полигаміи, а, напротивъ, заявилъ, что «не нарушить пришелъ, а исполнить» тотъ самый ветхій завѣтъ, который допускаетъ многоженство. Все это г-жа Витней развиваетъ очень спокойно, но далѣе, когда она начинаетъ, въ видѣ примѣра, разсказывать свою собственную жизнь, всякая строчка звучитъ драматизмомъ.

...«Я была первой женой моего мужа,—пишетъ г-жа Витней.— У насъ были дѣти. На девятомъ году нашего брака мой мужъ задумалъ еще разъ жениться, и мой отецъ поддерживалъ его въ этомъ рѣшеніи. Спросили и мое мнѣніе. Это извѣстіе меня ужасно взволновало, и еслибы я не знала, что мой мужъ поступаетъ лишь въ силу самыхъ чистыхъ религіозныхъ соображеній, я не была бы въ состояніи противостоять демону ревности. Но я страшилась прогнѣвить Господа Бога, хотя временами сердце мое разрывалось на части... Я молилась усердно, чтобы заглушить грѣховное чувство... Наконецъ, я сдѣлалась одной изъ двухъ женъ моего мужа, и, могу сказать, душа моя очистилась, и любовь моя къ мужу превратилась въ экзальтацію. Я жила со второю женою въ одномъ домѣ, пока у нея не народилось троихъ дѣтей, и только вслѣдствіе тѣсноты мы разъѣхались. Наши дѣти всегда играли вмѣстѣ и любили другъ друга не менѣе, чѣмъ родные братья и сестры. Мои дѣти называли вторую жену моего мужа—«тетей», и ея дѣти на-

*) „Why we practice plural marriage". By Helen Whitnay Salt Lake City 1889.

зывали меня также»... Задумывалась г-жа Витней и надъ вопросомъ: почему недопустимо многомужество, если допустимо многоженство? «Умъ женщины возмущается при мысли о поліандріи,— пишетъ она,—съ женской точки зрѣнія невозможно также понять, какъ можетъ мужчина любить нѣсколькихъ женъ? Причина этого, должно быть, заключается въ различной организаціи мужчинъ и женщинъ: какъ мужчинѣ не понять материнскаго чувства, такъ и женщинѣ не понять любви мужчины къ нѣсколькимъ женщинамъ. Любовь къ одному мужчинѣ поглощаетъ всѣ любовныя способности женщины, и мы—женщины обязаны вѣрить свидѣтельству честныхъ мужчинъ, что они иначе созданы. Я часто задумывалась надъ этимъ вопросомъ и, лишь благодаря увѣреніямъ моего отца, мужа и другихъ уважаемыхъ мною людей, я убѣдилась, что это такъ».

Защита полигаміи г-жи Витней—не защита, а «бабьи стоны», да иначе оно и быть не могло. Путешественникъ Диксонъ говоритъ, что мормонскія женщины показались ему подавленными: все ихъ время уходило на тяжелыя хозяйственныя работы и на нянчанье необыкновеннаго количества маленькихъ дѣтей. Въ бѣдныхъ семьяхъ въ положеніи женъ замѣчалась еще одна достойная вниманія черта. Вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія всѣмъ женамъ и мужу приходилось жить и спать въ одной комнатѣ. Если мужъ былъ человѣкомъ мало мальски мягкаго характера, неспособнымъ завести деспотической дисциплины въ своемъ домѣ, старшія жены буквально заѣдали своихъ молодыхъ соперницъ, которыя, конечно, пользовались особеннымъ вниманіемъ мужа на глазахъ у женъ, уже нѣсколько состарившихся. Легко составить себѣ понятіе о тѣхъ тяжелыхъ драмахъ, которыя происходили въ этихъ американскихъ гаремахъ... Ссоры мормонскихъ женъ на почвѣ ревности нерѣдко вынуждали мужей прибѣгать даже къ розгамъ.

Теперь я постараюсь возможно кратко изложить сущность мормонскаго вѣроученія. Эта религія, какъ и всѣ остальныя, развилась не сразу. Іосифъ Смитъ намѣтилъ лишь основные догматы, которые уже впослѣдствіи разработалъ Орсонъ Праттъ и другіе богословы. Подражая христіанству, Смитъ написалъ мормонскій Символъ Вѣры слѣдующаго содержанія *).

1) Мы вѣримъ въ Бога-Отца, въ его сына—Іисуса Христа и въ духа Святого.

2) Мы вѣримъ, что люди подлежатъ наказанію лишь за свои собственные грѣхи, а не за грѣхи Адама.

3) Мы вѣримъ, что послѣ искупительной смерти Христа, всѣ люди могутъ спастись исполненіемъ того, что предписано Священнымъ Писаніемъ.

4) Мы вѣримъ, что повелѣнія Священнаго Писанія сводятся

*) Hand book of Reference S. Lake City 1884.

къ четыремъ положеніямъ: a) вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа, b) раскаяніе во грѣхахъ; c) крещеніе погруженіемъ во избавленіе отъ грѣховъ и d) рукоположеніе для полученія даровъ Духа Святого.

5) Мы вѣримъ, что только тотъ, кто имѣетъ право проповѣдывать Слово Божіе и совершать священные обряды, можетъ черезъ рукоположеніе, по наитію Святого Духа, обращать людей къ Богу.

6) Мы вѣримъ, что церковь должна, какъ въ древности, состоять изъ апостоловъ, пророковъ, учителей, евангелистовъ и проч. и проч.

7) Мы вѣримъ въ чудеса, пророчества, откровенія, видѣнія, исцѣленія и т. п.

8) Мы вѣримъ, что Библія—слово Божіе, конечно, за исключеніемъ мѣстъ, неправильно переведенныхъ. Мы также признаемъ, что книга Мормона—Слово Божіе.

9) Мы вѣримъ всему, что Господь уже открылъ людямъ, всему, что онъ теперь открываетъ, и мы вѣримъ, что Онъ еще многое откроетъ, касающееся небеснаго царствованія.

10) Мы вѣримъ буквально въ возстановленіе Израиля и въ возстановленіе десяти колѣнъ. Царство Сіона будетъ основано на американскомъ континентѣ. Мы вѣримъ, что Христосъ будетъ царствовать на землѣ, и что земля обновится и получитъ райскую славу.

11) Мы вѣримъ, что должны требовать себѣ права молиться Богу такъ, какъ подсказываетъ намъ наша совѣсть Мы признаемъ это же право за всѣми людьми. Пусть всякій молится, какъ ему угодно.

12) Мы вѣримъ, что должны покоряться законной власти королей, президентовъ, правителей и суда; мы уважаемъ, соблюдаемъ и поддерживаемъ законъ.

13) Мы вѣримъ, что всѣ люди должны быть честны, правдивы, нравственны, скромны и доброжелательны ко всѣмъ людямъ безъ исключенія. Мы можемъ сказать, что слѣдуемъ указанію Павла: «мы во все вѣримъ и на все надѣемся». Мы многое вынесли и надѣемся вынести все, что бы ни случилось. Мы стараемся подражать всему нравственному, высокому и похвальному».

Нельзя не замѣтить, что приведенный символъ вѣры составленъ плохо: главные догматы формулированы сбивчиво и неопредѣленно. Вмѣсто сжатыхъ, точныхъ выраженій мы находимъ много фразъ, довольно цвѣтистыхъ, но безсодержательныхъ. Одиннадцатый членъ провозглашаетъ полную вѣротерпимость, но, къ сожалѣнію, эта идея была выставлена лишь съ цѣлью ослабить гоненія противъ мормоновъ, сами же мормоны, особенно на первыхъ порахъ, жестоко мстили своимъ ренегатамъ.

Послѣ смерти Іосифа Смита мормонскіе богословы не мало поработали надъ своей религіей. Они составили какую-то странную

смѣсь изъ разныхъ теологическихъ, метафизическихъ и позитивно-научныхъ идей, извѣстныхъ въ Америкѣ за послѣдніе 30—40 лѣтъ. Греческая мифологія, буддизмъ, коранъ, язычество, талмудъ, христіанство и позитивизмъ послужили матеріаломъ Орсону Пратту и другимъ ученымъ мормонамъ для составленія запутанной, фантастической космогоніи и этики.

Матерія, по ихъ ученію, существовала вѣчно и будетъ всегда существовать. Вслѣдствіе физико-химическихъ процессовъ изъ матеріи образовались и боги, и люди, и животныя, и растенія. Боговъ много, есть и богини, и всѣ они безсмертны. Главный богъ находится въ центрѣ міра, на планетѣ Колобъ, отъ него произошло многочисленное безсмертное потомство...

Надземное пространство наполнено духами, которые, по мѣрѣ рожденія людей входятъ въ нихъ, а послѣ смерти людей вылетаютъ изъ ихъ тѣла и превращаются въ ангеловъ. Души бездѣтныхъ людей, то есть ихъ ангелы, дѣлаются слугами душъ или ангеловъ тѣхъ людей, у которыхъ много дѣтей. Также наказываются маловѣры и непослушные, и, слѣдовательно, главными добродѣтелями надо считать: вѣру, покорность и большесемейность. Бездѣтныя женщины, во избѣжаніе наказанія, могутъ вступаетъ въ «замѣстительные» браки, то есть, кромѣ мужа, еще вѣнчаться съ кѣмъ нибудь изъ почтенныхъ мормонскихъ старѣйшинъ, которые изображаютъ изъ себя въ это время того или другого уже умершаго святого. Такимъ образомъ очевидно, что иногда допускается и поліандрія. Таинствъ—четыре: крещеніе, совершаемое чрезъ погруженіе надъ 8-ми лѣтними дѣтьми, причащеніе хлѣбомъ и водою, бракъ полигамическій и замѣстительный и священство—чрезъ рукоположеніе. Крещеніе можетъ быть повторено нѣсколько разъ «во спасеніе умершихъ не мормоновъ».

Утахскіе мормоны образуютъ чрезвычайно дисциплинированную деспотическую теократію. Ихъ іерархія состоитъ изъ высшихъ управителей по степени Мельхиседека: президента, трехъ совѣтниковъ президента, двѣнадцати апостоловъ и семидесяти или ста сорока миссіонеровъ-проповѣдниковъ. Низшая іерархія, по степенямъ Аарона, дѣлится на священниковъ, діаконовъ и учителей.

И до сихъ поръ мормоны увѣряютъ, что ихъ руководители совершаютъ чудеса: говорятъ, когда нужно, на всѣхъ языкахъ, изгоняютъ бѣсовъ, исцѣляютъ больныхъ, пророчествуютъ и т. д. и т. д.

Въ заключеніе я разскажу, какъ въ послѣднее время относилось къ мормонству правительство Соединенныхъ Штатовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мормоны поселились въ Утахъ, они не испытывали болѣе кровавыхъ и насильственныхъ преслѣдованій. Но большая часть американской печати и все разнообразное американское духовенство съ удивительной настойчивостью требовали репрессивныхъ мѣръ противъ мормонства, противъ «христіанъ, впавшихъ въ позорное язычество». Особеннымъ фанатизмомъ отличался извѣстный

бруклинскій пасторъ Талмеджъ, который въ своихъ проповѣдяхъ совѣтовалъ идти на Утахъ новымъ крестовымъ походомъ для уничтоженія огнемъ и мечемъ «этого срама англо-саксонской расы». Такая энергичная агитація не осталась безъ результата. Въ вашингтонскомъ союзномъ законодательномъ собраніи образовалась большая группа, рѣшившаяся бороться противъ мормоновъ. Но нелегко было найти практическій способъ для осуществленія задуманныхъ стѣсненій. Конституція Соединенныхъ Штатовъ признаетъ за штатами и за территоріями право мѣстнаго законодательства, и поэтому въ Вашингтонѣ невозможно было объявить преступленіемъ утахскую полигамію, такъ какъ подобную пенитенціарную новеллу могло вотировать только собраніе въ городѣ Соленаго Озера. Возникли жаркіе споры и въ прессѣ, и между юристами, и въ конгрессѣ. Одни утверждали, что союзное законодательное собраніе имѣетъ конституціонное право объявить, что полигамія карается, какъ преступленіе во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, что подобная мѣра является общегосударственной, а не только направленной противъ утахскихъ мормоновъ; другіе говорили, что принципъ религіозной свободы не позволяетъ преслѣдовать мормоновъ, что и указанная мѣра подъ видомъ общаго закона для всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ, въ сущности, направлена только противъ многоженства на берегахъ Соленаго Озера. Въ 1887 г. сенаторы Эдмундъ и Тукеръ внесли въ конгрессъ законодательный проектъ, въ которомъ предлагали: 1) лишить гражданскихъ правъ всѣхъ полигамистовъ; 2) виновныхъ въ полигаміи заключать въ тюрьму срокомъ до пяти лѣтъ и 3) конфисковать все имущество мормонскихъ храмовъ и передать его въ фондъ народнаго образованія. Этотъ билль, хотя и былъ въ концѣ концовъ принятъ, но встрѣтилъ чрезвычайно энергичную критику. Въ нѣкоторыхъ рѣчахъ американскихъ ораторовъ такъ краснорѣчиво выражены принципы религіозной свободы, что я позволяю себѣ привести небольшія выдержки. *)

Сенаторъ Браунъ сказалъ:... «Билль предлагаетъ преслѣдовать мормонскіе догматы и потому является выраженіемъ религіозной нетерпимости. Мормоны признають, что Іосифъ Смитъ пророкъ, такъ же, какъ я признаю, что Іеремія—пророкъ, и я имѣю право обвинять мормоновъ лишь въ идейномъ заблужденіи, а не въ преступномъ дѣяніи. Какое же основаніе имѣемъ мы для преслѣдованій? Если мы начнемъ уничтожать хотя бы самыя непопулярныя секты единственно въ силу религіознаго разномыслія, врядъ ли возможно будетъ поручиться, что скоро не запылаютъ костры, не откроются двери темницъ для колдуній и не подвергнутся разоренію католическіе монастыри. Мы, можетъ быть, скоро лишимъ избирательныхъ правъ всѣхъ, признающихъ непогрѣшимость папы, таинство пресуществленія и крещеніе чрезъ погруженіе въ воду.

*) Tract. № 3. By elder John Morgan. S. Lake City.

Мы вступаемъ на опасный путь. Народная нетерпимость обращена теперь на мормоновъ, но когда мы съ ними раздѣлаемся, найдутся новыя жертвы преслѣдованій.

«Для того, чтобы сломить мормоновъ, мы съ легкимъ сердцемъ собираемся нарушить право мѣстнаго самоуправленія; мы хотимъ отдать на разграбленіе богатую область Утахъ.

«Господинъ президентъ! Я никогда не буду сторонникомъ такихъ законовъ. Нѣкоторыя секціи, входящія въ составъ нашей республики, могутъ сильно обозлиться на правительство за вѣро терпимые взгляды: но, не смотря на это, нѣтъ возможности принять законодательную новеллу, которая вводится вопреки основному смыслу нашей конституціи только съ цѣлью тиранически раздавить секту въ угоду невѣротерпимой группѣ лицъ. Эта группа, считающая себя призванной регулировать поведеніе другихъ людей, непремѣнно воспользуется слѣдующимъ случаемъ для того, чтобы накинуться на квакеровъ, баптистовъ и католиковъ, какъ только притѣсненіе разоренныхъ мормоновъ перестанетъ доставлять выгоду. Тотъ, кто думаетъ, что алчные преслѣдователи будутъ удовлетворены разореніемъ мормоновъ, мало извлекъ пользы изъ чтенія исторіи.

«Мормонская секта намѣчена, какъ первая жертва. Наша конституція и наши обычаи попираются ногами и дѣлается это единственно для удовлетворенія зуда вмѣшательства.

«Весь шумъ поднятъ не потому, что на одного мормона приходится нѣсколько любовницъ, а потому что мормоны осмѣливаются называть этихъ женщинъ—женами. Повидимому, насъ возмущаетъ, что мормоны не называютъ вещи ихъ именами, а позволяютъ себѣ называть любовныя отношенія—бракомъ.

«Пусть всякій мормонъ, говоритъ новый законопроектъ, подчинится нашимъ американскимъ обычаямъ: пусть одну женщину называютъ женой, а остальныхъ—любовницами. Вотъ, господинъ президентъ, до чего мы договорились. Вотъ великій принципъ, который мы устанавливаемъ. Вотъ наша глубокомысленная политика.

«Пусть всѣ тѣ, кого человѣконенавистничество побуждаетъ поддерживать такой законъ, примутъ фактическое участіе и въ самомъ геройскомъ походѣ противъ беззащитнаго, мирнаго народа, которому выпадаетъ на долю быть раздавленнымъ во имя нравственности страны, той нравственности, которая отъ этого ничего не выиграетъ. Преслѣдуйте, чтобы сохранить тайныя любовныя сожительства, а то есть опасность, что онѣ исчезнутъ! Но я присягалъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ и потому не могу претендовать на участіе въ торжествѣ покоренія. Я не испачкаю своихъ рукъ въ крови несчастныхъ, когда наступятъ дни побоища. Не на меня падетъ отвѣтственность, не на меня въ будущемъ посыпятся укоры, когда нашъ несправедливый законъ противъ мормоновъ послужитъ печальнымъ прецедентомъ подобныхъ

же мѣръ противъ другихъ сектъ, достаточно несчастныхъ, чтобы испытать религіозное гоненіе.

«Среди шестидесяти милліоновъ жителей нашихъ Штатовъ навѣрно найдется въ двадцать разъ болѣе блудниковъ и прелюбодѣевъ, т. е. фактическихъ полигамистовъ, чѣмъ таковыхъ насчитывается въ территоріи Утахъ. Достойно особаго вниманія, что именно тамъ, гдѣ число людей, пренебрегающихъ чистотою нравовъ въ смыслѣ половыхъ отношеній, во много разъ превосходитъ общее число мормонскихъ полигамистовъ, именно тамъ особенно громко вопіютъ о необходимости преслѣдованія многоженства. Я, конечно, согласенъ, что слѣдуетъ бороться съ полигаміей, проституціей, дѣтоубійствомъ, прелюбодѣяніемъ и развратомъ, и еслибы нашлись дѣйствительныя средства противъ этихъ золъ, я первый высказался бы за нихъ. Но нельзя поддерживать мѣры, безсильныя въ борьбѣ съ дурными нравами и въ то же время нарушающія основные законы нашей республики. Намъ не надо забывать, что если конгрессъ позволитъ себѣ, хотя бы одинъ разъ, нарушить конституцію, это послужитъ печальнымъ прецедентомъ: одна секта за другой явятся жертвами репрессій, деспотическое вмѣшательство въ жизнь отдѣльныхъ штатовъ и территорій сдѣлается обыденнымъ, и продолжится такой порядокъ до тѣхъ поръ, пока не погибнетъ знаменитая американская религіозная и политическая свобода.

«Но меня могутъ спросить: какую же мѣру я предлагаю для уничтоженія полигаміи въ Утахъ? Я отвѣчу, что цѣль эта не можетъ быть достигнута нарушеніемъ основныхъ принциповъ религіозной и политической свободы.

«Христіанскія церкви не жалѣютъ долларовъ на посылку миссіонеровъ въ тѣ земли, гдѣ есть многоженство. Въ Китаѣ и Индіи насчитываютъ около 500 мил. людей, допускающихъ полигамію, и, не смотря на такую ужасающую цифру заблуждающихся, христіанскіе миссіонеры не отчаяваются, а, напротивъ,—надѣются обратить ихъ на путь истины. Скажите мнѣ теперь, почему же мы не находимъ возможнымъ послать миссіонеровъ и въ маленькій Утахъ, гдѣ насчитываютъ лишь около 12,000 полигамическихъ браковъ?

«Если христіанскія церкви надѣются обратить 500 милл. восточныхъ жителей, почему не задаться цѣлью обратить нѣсколько тысячъ людей, живущихъ среди насъ? Если бо̀льшая задача считается разрѣшимой, какія причины могутъ заставить насъ думать, что меньшая задача намъ не подъ силу? Мормоны говорятъ на нашемъ языкѣ, доѣхать до нихъ очень легко; почему же не послать къ нимъ миссіонеровъ, когда мы посылаемъ проповѣдниковъ въ далекія страны, гдѣ говорятъ не по нашему и гдѣ живутъ люди совсѣмъ не нашей расы? Если нельзя обратить мормонскихъ вождей, то можно обратить тысячи народа. Или, можетъ быть,

легче кричать — «распните ихъ», чѣмъ попытаться ихъ переубѣдить»?

Послѣ Броуна говорилъ сенаторъ Морганъ. Онъ остроумно указалъ, что билль является закономъ, карающимъ ex post facto. Законъ не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія, между тѣмъ новелла Эдмунда и Тукера предлагаетъ наказывать всѣхъ полигамистовъ, то есть не только тѣхъ, кто провинится послѣ изданія закона, но и тѣхъ, кто взялъ себѣ болѣе одной жены еще въ то время, когда полигамія не была объявлена преступленіемъ.

Сенаторъ Коль между прочимъ сказалъ: «если ужъ рѣшаться воздвигнуть гоненіе на мормоновъ, то не къ чему приплетать великіе принципы свободы и нравственности, во имя которыхъ будто бы мы дѣйствуемъ. Просто пошлемъ солдатъ въ Утахъ и объявимъ мормонамъ: «исповѣдуйте вашу религію и придерживайтесь вашихъ обычаевъ внѣ предѣловъ Соединенныхъ Штатовъ»! Господинъ президентъ! Это будетъ отвратительный походъ! Мы докажемъ, что тѣ принципы свободы, за которые сражались наши отцы, нами выброшены за бортъ и замѣнены принципами деспотизма».

«Стая жадныхъ чиновниковъ, подъ видомъ примѣненія новаго билля,—сказалъ сенаторъ Гаусъ,—стремится нахлынуть въ Утахъ. На дѣйствія этихъ чиновниковъ не будутъ приниматься жалобы, и права гражданъ будутъ втоптаны въ грязь. Господинъ Спикеръ, въ страну, отданную во власть чиновниковъ гонителей и преслѣдователей, я не рѣшился бы помѣстить своей собаки, такъ какъ увѣренъ, что у нея изо рта вырвутъ послѣднюю кость. Мы собираемся распространить надъ народомъ самый отчаянный деспотизмъ и самую давящую тиранію!»

Очень покойно, но убѣдительно говорилъ судья Блекъ. Онъ тоже заявилъ, что жажда наживы играетъ не послѣднюю роль во всякихъ религіозныхъ гоненіяхъ. Къ мормонамъ придется послать чиновниковъ для примѣненія новаго закона, и эти чиновники будутъ хозяйничать, какъ вздумается.

«Обращаюсь къ главному и основному возраженію противъ законопроекта,—сказалъ Блекъ.—Конгрессъ не имѣетъ конституціоннаго права вторгаться въ область мѣстнаго самоуправленія и вотировать законы, касающіеся формъ брака въ территоріи. Но возникаетъ вопросъ: какъ же быть съ многоженствомъ? Безспорно, полигамію хвалить нельзя, и религія, допускающая многоженство, проводитъ фальшивый взглядъ; но вѣдь жители Утаха имѣютъ такое же право придерживаться своей вѣры, съ нашей точки зрѣнія — неправильной, какъ и мы имѣемъ право исповѣдывать нашу вѣру, неправильную съ точки зрѣнія мормоновъ. На это возражаютъ обыкновенно, что многоженство не только религіозное заблужденіе, но и настоящее общественное злодѣяніе, съ которымъ необходимо бороться при помощи гражданской власти. Но что же

дѣлать, если и гражданская власть въ Утахъ тоже заблуждается по вопросу о многоженствѣ, какъ и мормонская религія? Вѣдь ни та, ни другая не подлежатъ постороннему контролю. Дѣлать нечего: приходится относиться къ полигаміи въ Утахъ такъ-же, какъ мы относимся и къ многимъ другимъ неодобрительнымъ, съ нашей точки зрѣнія, явленіямъ въ разныхъ другихъ территоріяхъ и штатахъ. Пусть время и Господь Богъ обратятъ заблуждающихся на путь истины».

Въ Вашингтонѣ ожидали, что мормоны не подчинятся новому закону, и что придется посылать войско въ Утахъ. Но ожиданія эти не оправдались: полигамисты въ числѣ 13 тыс. оставили себѣ по одной женѣ, а остальныхъ объявили вдовами. Президентъ мормоновъ Вудруфъ по этому поводу издалъ 13 декабря 1889 г. и 24 августа 1890 г. слѣдущіе интересные манифесты, характеризующіе современное настроеніе мормоновъ.

«Ко всѣмъ, къ кому это относится!

«Въ прессѣ появились извѣстія, что въ Утахъ продолжаютъ совершаться полигамическіе браки, и что 40 такихъ браковъ были допущены въ теченіе прошлаго года. Кромѣ этого, указываютъ, что высшее мормонское церковное начальство позволяетъ себѣ публично въ проповѣдяхъ поддерживать полигамію.

«Я, Президентъ Современныхъ Святыхъ Церкви Христовой, утверждаю, что слухи эти совершенно ложны. Мы прекратили проповѣдь полигаміи и не заключаемъ болѣе такихъ браковъ. Законъ, направленный противъ многоженства, утвержденъ конгрессомъ; я подчинился этому закону и требую, чтобы всѣ члены нашей церкви послѣдовали моему примѣру.

Вильфордъ Вудруфъ».

Во второмъ манифестѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Про насъ распускаютъ слухъ, что мы убиваемъ нашихъ вѣроотступниковъ. Это злая выдумка, этого никогда не случалось и никогда не допускалось нашей религіей. Сотни отпадшихъ живутъ между нами, накопляя значительныя состоянія. Даже тѣ лица, которыя своею спеціальностью избрали—чернить насъ, выкапывая изъ древнихъ, давно забытыхъ проповѣдей отдѣльныя рѣзкія слова, даже эти люди живутъ покойно между нами, не испытывая ни насилій, ни оскорбленій.

«Мы объявляемъ, что наши епископальные и другіе церковные совѣты не пересматриваютъ приговоровъ законнаго свѣтскаго суда. Наши совѣты—учрежденія исключительно эклезіастическія и вѣдаютъ только дѣла церковныя.

«Мы не оказываемъ давленія на баллотировку, точно также наша церковь не вмѣшивается въ частныя дѣла своихъ послѣдователей, потому что мы признаемъ за всякимъ человѣкомъ право на полную свободу поведенія.

«Мы объявляемъ, что нѣтъ ни одного догмата въ религіи, ко-

торый шелъ бы противъ правительства Соединенныхъ Штатовъ. Напротивъ, мы вѣримъ и учимъ, что конституція—это законъ, составленный по Божественному внушенію, и потому подчиняться этому закону для всякаго обязательно.

«Изъ рѣчей, произнесенныхъ въ минувшее тревожное и бурное время нашими великими людьми, выхвачены отдѣльныя слова и выраженія съ цѣлью доказать, что мы по принципу бунтовщики. Но надо помнить, что эти рѣчи были произнесены болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, когда, вслѣдствіе извѣтовъ разныхъ чиновниковъ, впослѣдствіи изобличенныхъ въ составленіи лживыхъ доносовъ, къ нашимъ домамъ подошла армія, на которую мы смотрѣли, какъ на толпу разбойниковъ, желающихъ возобновить гоненія прежнихъ временъ. Въ это минувшее время, дѣйствительно, были произнесены рѣзкія слова, но даже тогда мы не проповѣдывали бунта противъ правительства. Наши ораторы лишь клеймили подлыхъ чиновниковъ, которые злоупотребляли своею властью. Критика отдѣльныхъ распоряженій ни въ какомъ случаѣ не должна быть смѣшиваема съ бунтомъ противъ основъ общественнаго устройства.

«Мы также объявляемъ, что не считаемъ нашу церковь царствіемъ Божіимъ на землѣ, и потому мы не являемся imperium in imperio, стремящимся опрокинуть свѣтскую власть. Наша церковь была основана по божественному откровенію, которое гласитъ, что «царство Божіе грядетъ», и потому члены нашей церкви обязаны покоряться законной свѣтской власти, пока не придетъ на землю во второй разъ Спаситель, и пока не начнется Его земное царствованіе.

«Мы требуемъ для себя только такой религіозной свободы, какую мы сами предоставляемъ другимъ. Мы требуемъ себѣ только тѣхъ политическихъ правъ, которыми пользуются уже всѣ другіе граждане.

«Мы смотримъ на законъ, воспрещающій мормонамъ принимать участіе въ конгрессѣ, какъ на законъ несправедливый, нарушающій политическую и религіозную свободу.

«Мы убѣдительно просимъ американскую прессу не осуждать насъ, не выслушавши нашихъ объясненій. Неужели намъ навсегда суждено быть судимыми лишь на основаніи показаній нашихъ враговъ? Вильфордъ Вудруфъ».

Съ вечернимъ поѣздомъ я выѣхалъ изъ города Соленаго Озера. Мелькнули дома, утопающіе въ зелени фруктовыхъ садовъ, мелькнули фабрики и заводы съ дымящимися высокими трубами, и мы понеслись по полямъ, изрѣзаннымъ канавами искусственнаго орошенія. Власть промышленнаго вѣка замѣчалась повсюду. Мормоны хладнокровно подчинились закону о полигаміи и настойчиво требуютъ только политической равноправности. Религіозный фанатизмъ, который здѣсь господствовалъ полвѣка тому назадъ, когда непроходимая пустыня окружала территорію Утахъ, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, съ превращеніемъ сосѣднихъ земель въ населенные и культурные штаты, выдохся и потерялъ свою остроту.

С. Д. Протопоповъ.

НАДЪ ЛИМАНОМЪ.

(*Изъ записной книжки путешественника*).

„Некрасовскій корень"*).

I.

Наша лодка тихо скользитъ по лиману. Весла мѣрно опускаются въ синюю, какъ будто загустѣвшую отъ зноя воду и также мѣрно подымаются, сбрасывая съ себя серебристыя капли. Впереди за легкою дымкой, едва смягчающей переливы красокъ, виднѣется красивая цѣпь невысокихъ горъ. На одной изъ нихъ темнымъ вѣнцомъ рисуются развалины старинной, еще генуэзской крѣпости.

Лиманъ называется Reaselm,—но наши соотечественники некрасовцы, издавна еще при туркѣ поселившіеся здѣсь, на гирлахъ Дуная, по плавнямъ и на равнинахъ Добруджи—зовутъ его Разинымъ. Они говорятъ, будто Стенька Разинъ, въ одинъ изъ трудныхъ промежутковъ своей дикой карьеры, приходилъ сюда, бродилъ по этимъ берегамъ, мечтая устроить здѣсь свою вольную общину. Разумѣется, это только совпаденіе названій.

На берегу, вдоль котораго, минуя рыбные заводы, «скелю» и «кирганы», **) спокойно подвигается наша лодка—раскинулось липованское село Сарыкіой. Село большое, «больше 600 нумеровъ», все утонуло въ зелени. Хаты строены изъ чамура (земля, смѣшанная съ навозомъ, отрубями и соломой), выбѣлены чисто известкой, кое-гдѣ окна изукрашены синими разводами. По большей части на улицу глядитъ одно окно,—

---

*) Атаманъ Игнатій Некрасовъ, имя котораго часто упоминается въ этомъ очеркѣ, сподвижникъ атамана Булавина. Послѣ усмиренія булавинскаго бунта, Некрасовъ вывелъ за собой съ Дона казаковъ и поселился на низовьяхъ Дуная, въ Добруджѣ. Въ настоящее время потомки Некрасовцевъ живутъ слободами подъ властью румынъ, такъ какъ со времени берлинскаго трактата Добруджа отдана Румыніи.

**) «Скеля» пристань-помостъ, ведущій отъ берега къ «киргану», зданію для солки рыбы.

двери и остальныя окна продѣланы во дворъ, крѣпко обнесенный заборами. Старая, еще россійская привычка, отъ которой не было причинъ отступаться при турчинѣ. Кое-гдѣ въ наружныхъ окнахъ видны желѣзныя рѣшетки.

Живутъ сарыкіойцы «пространно» и, пожалуй, богато. Лошади у нихъ здоровыя, коровы сытыя, хлѣбъ жнутъ жнеями, а возятъ съ полей на «гарманы» такими огромными возами, что подъ вечеръ, когда я ѣхалъ сюда, мнѣ показалось, будто по дорогѣ на меня надвигается домъ. Кромѣ того, у сарыкіойцевъ есть рыбныя ловли въ лиманѣ и отличные виноградники. Въ иномъ русскомъ селѣ не пьютъ столько квасу, сколько сарыкіойцы выпиваютъ вина и пелену (вино, настоенное на полыни).

Въ Сарыкіоѣ двѣ корчмы: одну арендуетъ болгаринъ Дмитрій, другую Рышканъ. Уже издалека слышится легкій виноградный запахъ, которымъ корчмы обвѣяны такъ же, какъ наши кабаки запахомъ сивухи. Передъ корчмой утоптанная площадка, слегка возвышающаяся надъ улицей. На площадкѣ столики и скамейки, а надъ столами и скамейками—зеленыя тѣнистыя акаціи. Необыкновенно пріятное мѣсто. Поглядишь налѣво—улица съ бѣлыми хатами и кудрявыми садами, а въ ея перспективѣ, точно изогнутый хребетъ дракона, синѣютъ вершины далекой махмудійской цѣпи. Поглядишь направо,—глазъ пробѣгаетъ по такой же веселой улицѣ и падаетъ прямо въ лиманъ, который затѣмъ все подымается и подымается кверху, захвативъ своей колыхающейся синевой полнеба, и, кажется, вотъ-вотъ хлынетъ въ село... Грѣетъ теплое южное солнце, вѣетъ теплый вѣтеръ, то и дѣло стучатъ по столамъ кружки, и два молодыхъ болгарина проворно шмыгаютъ съ «полъоками» свѣтлаго, холоднаго вина. Есть, конечно, горькая нужда и въ Сарыкіоѣ. Но и самая нужда какая-то чистенькая и прибранная, не лѣзущая въ глаза рванью и растрепанными крышами...

Въ первый разъ я былъ въ этомъ селѣ года четыре назадъ, но тогда попалъ несовсѣмъ удачно. Пріѣхалъ я съ русскимъ докторомъ изъ Тульчи, человѣкомъ необыкновенно популярнымъ въ Добруджѣ. Занесенный сюда тѣмъ же вѣтромъ, который гналъ съ незапамятныхъ временъ на Синій Дунай столько русскихъ людей, «шукавшихъ» кто счастья, кто воли, а кто и вѣры, докторъ бродилъ въ молодости по заливу съ рыбацкой артелью, и еще къ этому времени относятся его знакомство и дружба съ сарыкіойцами. Его пріѣзду очень обрадовались многочисленные пріятели, а такъ какъ, вдобавокъ, недавно кончили сборъ винограда, и былъ праздникъ, то въ Сарыкіоѣ проснулось внезапно «старинное гостепріимство» — добродѣтель свирѣпая, почти чудовищная. Сначала мы сидѣли

подъ акаціями у Рышкана, пили бѣлое вино и горьковатый пеленокъ. Потомъ насъ повели по избамъ. Въ домахъ подносили вино и яства, хозяйки кланялись, хозяева угощали и обижались отказами, потомъ присоединялись къ намъ, и точно лавина, выростающая на пути, мы перекатывались дальше. Въ избахъ стоялъ только нестройный гулъ, чавканіе, отрывочныя и мало понятныя рѣчи. На улицахъ сторожили нашъ выходъ, во дворахъ ставили самовары... Я скоро почувствовалъ что-то похожее на предсмертную тоску и, узнавъ отъ доктора, что эта процедура едва ли можетъ закончиться ранѣе слѣдующаго утра, запросилъ пощады. Жизнь какъ-то сразу потеряла въ моихъ глазахъ всю свою цѣну, и даже чудесная рамка Сарыкіоя, съ синимъ лиманомъ и жемчужною цѣпью горъ на другой сторонѣ—опостылѣла до послѣдней степени. Мнѣ казалось, что на каждой горѣ закипаетъ по самовару, а отъ лимана рѣшительно пахло ухой и яичницей. Сарыкіойцы сначала немного обидѣлись и даже начинали слегка шумѣть, но, когда докторъ рѣшительно стукнулъ кулакомъ по столу,—они уступили, такъ какъ знали и раньше, что онъ не чтитъ многихъ священныхъ обычаевъ.

— Ну, счастливо, господинъ,—говорили они мнѣ, гурьбой провожая насъ къ повозкѣ. — Поѣдете въ Рассею, — скажите «нашимъ», какъ мы тутъ живемъ.

— Вотъ наша церква... видѣли?

— Двѣ церквы у насъ. Бѣлокриницкая и безпопская.

— Не безпопская. Говори: бѣглаго священства. Безпопская на турецкой магалѣ, у Тульчѣ...

— Все одно—нѣтъ попа, такъ безпопская.

— Сбѣжалъ! — насмѣшливо замѣтилъ кто-то, но другой, пополитичнѣе, тотчасъ же прибавилъ, прекращая готовый возникнуть между двумя «вѣрами» споръ:

— Звонъ имѣемъ. Жалко не остались, звона нашего не слышали.

— При турчинѣ и то звонъ имѣли.

— Намъ и турчинъ ничего! Жили, слава Богу, и при турчинѣ.

— Что жалиться! И рамунъ тоже ничего. Подати ты ему заплатилъ, остальное либеръ. Конституцыя!

— Точно такъ. Намъ и турчинъ ничего былъ, и рамунъ ничего. Ты до ево хорошъ, и онъ до тебя хорошъ. Не зачипаетъ...

Но теперь, когда, черезъ четыре года, я опять посѣтилъ Добруджу и завернулъ въ Сарыкіой, принявъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не будить опасной добродѣтели стариннаго гостепріимства,—настроеніе сарыкіойцевъ было уже не такъ благодушно...

Румынъ сталъ сильно «зачипать» нашихъ соотечественниковъ надъ Дунаемъ.

За нѣсколько дней до поѣздки въ Сарыкіой я сидѣлъ въ «градинѣ» грека Николаки въ Тульчѣ, мирно бесѣдуя за стаканомъ вина съ однимъ изъ тульчанцевъ, принадлежащихъ къ такъ называемой «бѣлокриницкой вѣрѣ». Въ пустомъ въ эту пору садикѣ мы были только вдвоемъ, какъ вдругъ я замѣтилъ удивленіе на лицѣ моего собесѣдника и невольно оглянулся. Въ «градину» входили 9 человѣкъ, съ русскими окладистыми бородами, въ косоворсткахъ, сибиркахъ и сапогахъ бураками. Впрочемъ одинъ былъ въ пиджакѣ, на немъ была шитая малороссійская рубаха и бѣлая соломенная шляпа.

— Здравствуйте, Михалъ Иванычъ, Илья Ильичъ, Семенъ Гордѣичъ,—поздоровался мой собесѣдникъ, и потомъ тихо сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Удивительно,—какъ это они сошлись во едино. Видно нужда стиснула. Ето вотъ съ краю лысый, съ рыжей бородкой—федосѣевецъ-безбрачникъ; дальше за нимъ, толстый—филипповецъ, эти женятся по благословенію; въ пиджакѣ—это торговецъ изъ «хатниковъ»... не имѣющіе церкви; за нимъ двое тоже хатники, дальше бѣглопоповцы. А вонъ той, щупленькой (онъ указалъ глазами на худощаваго человѣка, имѣвшаго видъ загнаннаго зайца), — тоже безпоповскій начетчикъ. Только что изъ тюрьмы выпустили.

— За что?

— Похоронилъ человѣка, а въ примарію не донесъ. Уже второй разъ сидитъ. Видно надоѣло!

Компанія разсѣлась за столомъ, и, заказавъ вина, липоване стали вытаскивать изъ кармановъ собственные стаканы.

— Видѣли?—насмѣшливо сказалъ опять мой бѣлокриницкій собесѣдникъ.—У каждаго и стаканъ свой, одинъ другимъ брезгуютъ, одинъ другого нечистымъ почитаетъ. Сколько разъ анаѳемѣ одни другихъ предавали...

— Зачѣмъ же они сошлись сюда?

Глаза моего собесѣдника засверкали насмѣшливымъ огонькомъ.

— А ето, какъ передъ потопомъ, всѣ звѣри сбѣжалися на единую скалу... «И ста левъ со овцой». Видите: румынъ притиснулъ насчетъ метрикъ, да насчетъ воспы... Етой вотъ, что въ соломенной шляпѣ, тоже съ ними. А я вѣрно знаю, что уже онъ своихъ дѣтей давно записалъ у примаріи... Теперь видно хотятъ соборъ дѣлать, всѣмъ сообча—сговориться, какъ имъ теперь поступать съ румыномъ.

— А ваши?—спросилъ я.

— Мы, бѣлокриницкіе, принимаемъ. Глупость ето одна... Воспа она прищепливается для пользы.

Вчера, когда я ѣхалъ по дорогѣ къ Сарыкіою, навстрѣчу мнѣ попалась толпа, представлявшая странное, нѣсколько даже прискорбное зрѣлище. Пятнадцать румынскихъ конныхъ жандармовъ ѣхали верхами, держа въ правой рукѣ на вѣсу по заряженному ружью. А въ серединѣ этого воинственнаго кольца шествовали около 20 человѣкъ сарыкіойскихъ обывателей. Солнце жгло побѣдныя русыя головушки, а изъ подъ ногъ подымалась густая, летучая пыль, облѣплявшая потныя лица и мокрыя жилетки. Мой возница хохолъ свернулъ въ сторону каруцу и провожалъ зрѣлище своими черными, глубокими, задумчивыми глазами. Встрѣчались по дорогѣ болгаре, молдоване, попадались татары и турки въ красныхъ фескахъ: всѣ оглядывались и ѣхали дальше, не выражая ни вражды, ни сочувствія... Дѣло, за которое вели въ Бабадагъ сарыкіойскихъ липованъ, видимо, не задѣвало ничьихъ интересовъ. Это было ихъ собственное «липованское» дѣло.

— Что это такое?—спросилъ я у своего возницы.

— А? Ето они воспы не хотять прищепливать. А румынъ судить да амендуеть (штрафуетъ), а кому амендъ платить нечѣмъ, — сажаетъ въ тюрьму, — отвѣтилъ онъ спокойно, опять выводя лошадей на дорогу... Позади туча пыли двигалась по направленію къ Бабадагу...

Послѣ этой встрѣчи, поздно вечеромъ мы пріѣхали въ Сарыкіой. Пришлось довольно долго стучать въ ворота, пока ихъ, наконецъ, открылъ самъ хозяинъ, Иванъ Гавриловъ. Это былъ человѣкъ необыкновенной толщины, но бодрый и крѣпкій. Надъ необъятнымъ туловищемъ и круглыми плечами сидѣла небольшая голова съ чертами очень толстаго младенца и маленькими, то веселыми, то лукавыми глазками. Прочитавъ рекомендательное письмо доктора, онъ принялъ меня очень радушно и устроилъ постель на почетномъ мѣстѣ,—т. е. въ душной комнатѣ на широкой кровати, подъ пологомъ. Но подъ этимъ радушіемъ всетаки была замѣтна нѣкоторая озабоченность и какъ будто дурное расположеніе духа.

— Что это у васъ въ селѣ, неспокойно?—спросилъ я.

— Нѣтъ! Чего неспокойно, все слава Богу.

— А куда же повели столько народу?

— Куда повели! У Бабу, у острогъ! Да что съ дураками дѣлать. Безпопскіе ето. Обмерзѣли уже и правительству.

И, внезапно закипѣвъ, толстякъ безпокойно задвигался на мѣстѣ и заговорилъ съ неожиданной горячностью:

— Воспы не прищеплюють, записываться не хотять .. Судите сами,—чего имъ еще нужно: насчетъ релегіи — румынъ не стѣсняеть,—молись, какъ хочешь. Дитенковъ учи по своему, только онъ желаеть, чтобы и по румынски знали. Ну, что еще надо? А они супротивничають... Повѣрите вы етому: есть ко-

торые уже по 300 и четыреста франокъ аменду платили. У острогъ по второму разу идуть...

— И много такихъ?

— Много. Вотъ у насъ двѣ церквы. Одна бѣлокриницкая, наша. Мы, значыть, приняли архіепископа Амвросія, называется австрійская іерархія. Номеровъ двѣсти насъ. Имѣемъ священника, онъ у насъ все дѣло ведеть и метрики пишеть... Отчего не писать? Скажите пожалуйста!

— А другіе?

— А тѣ по бѣглому священству. Лѣтъ по десяти поповъ не имѣють, потомъ сманють выпиваку какого нибудь изъ Рассеи, онъ пріѣдеть, дѣтей покрестить, отцовъ съ матерями повѣнчаеть... Опять нѣтъ никого... Етые вотъ и бунтують. Ихъ противъ насъ тутъ вдвое. Номеровъ ста четыре.

Онъ плюнулъ съ негодованіемъ и пожелалъ мнѣ доброй ночи, обѣщавъ на утро снарядить лодку для моей поѣздки по Разинскому лиману, къ развалинамъ «Гераклеи»,—бывшей крѣпости на Енисалейской горѣ.

II.

На другой день послѣ ранняго обѣда наша лодка скользила по тихимъ водамъ лимана. Мимо насъ мелькали виноградники, сбѣгавшіе къ самой водѣ, за ними изъ за зелени привѣтливо выглядывали бѣлыя стѣны хатокъ. Потомъ «пилекъ» (мысъ) прогоняетъ насъ вглубь лимана, и скоро свѣжая зелень высокой плавни скрыла село отъ нашихъ глазъ. День былъ чудесный, лодка скользила, тихо покачиваясь при ударахъ веселъ, кругомъ лиманъ шевелился, какъ живой, и даже вдали чувствовалось спокойное колыханіе томной бирюзовой глади.

Насъ въ лодкѣ было пять человѣкъ и четыре вѣры. Въ серединѣ, на лавочкѣ сидѣлъ Иванъ Гавриловъ и его зять, такой же толстый, одѣтый въ такую же косоворотку, также подпоясанный подъ грудью гайтаномъ, изъ подъ котораго горой выступалъ толстый животъ. На первый взглядъ этихъ липованскихъ богатырей можно было принять за близнецовъ,—но зять Игнатъ былъ моложе, и лицо у него было другого типа: правильныя черты, окладистая борода, выраженіе сдержанное и спокойное. Иванъ Гавриловъ былъ человѣкъ сравнительно рыхлый, необъятная фигура Игната точно отлита изъ чугуна. Чувства тестя прорывались легко и бурно. Игнатъ былъ тактиченъ и сдержанъ. Оба они—бѣлокриницкіе. Игнатъ состоитъ старостой при церкви и пользуется огромнымъ вліяніемъ въ своемъ приходѣ.

На передней лавочкѣ за веслами сидѣли два мужика, безъ шапокъ и босые. Мы уже садились въ лодку, на скелѣ, когда они выступили, какъ-то осторожно оглядываясь, изъ за деревянныхъ зданій рыбнаго завода и попросились съ нами «на той берегъ». Иванъ Гавриловъ посмотрѣлъ на улицу, по которой только что промелькнула какая-то фигура въ пиджакѣ, вѣроятно, кто нибудь изъ сельской администраціи,—потомъ на смиренныя фигуры просителей... Въ его глазахъ засверкалъ лукавый огонекъ, и готова была сорваться какая-то ѣдкая острота, когда его зять сказалъ спокойно:

— Садитесь, намъ что! На «гарманъ» *) что ли?

— То-то вотъ. Намъ бы только догарманить... Сами знаете...

— Разумѣется,—опять такъ же спокойно сказалъ Игнатъ,—садитесь.

Оба мужика, безъ дальнихъ разговоровъ, сѣли прямо въ весла, какъ будто по безмолвному договору. Это были «супротивники» изъ бѣглопоповской части Сарыкіоя, вѣроятно, тоже подлежавшіе отправкѣ въ Бабадагъ. Но они пока еще скрылись, чтобы докончить уборку хлѣба.

Рядомъ со мною сидѣлъ такой же «простецъ», тоже безъ шляпы, только одѣтый акуратнѣе и чище. Густая шапка кудрявыхъ волосъ, съ красивой серебристой просѣдью, защищала его голову отъ жаркихъ лучей солнца. Онъ сидѣлъ неподвижно, положивъ руки ладонями на колѣняхъ и глядя передъ собой остановившимся и страннымъ взглядомъ. Маленькая бородка клиномъ тоже сильно серебрилась, черты лица были правильны и пріятны, только въ выраженіи сжатыхъ губъ и въ морщинѣ между бровями виднѣлось что-то горькое и скорбное. Казалось, онъ вглядывался своими мечтательными глазами въ какую-то мысль, мучительную и неясную, и успѣлъ состариться съ этой мыслью. Это былъ безпоповецъ, пріѣхавшій въ Сарыкіой по какому-то дѣлу.

Наконецъ, у руля на кормѣ сидѣлъ молодой еще человѣкъ, въ соломенной шляпѣ, изъ подъ которой на лобъ падали буйные русые кудри. Русая борода клиномъ удлиняла его лицо съ большими умными глазами, глядѣвшими спокойно и немного себѣ на умѣ. Это былъ Иванъ Гордѣевъ, сѣнъ бѣглопоповскаго дьячка и начетчика, державшаго въ рукахъ дѣла бѣглопоповской части Сарыкіоя, какъ Игнатъ—бѣлокриницкой. Молодой Гордѣевъ представлялъ собою типъ, довольно распространенный теперь среди раскольничьяго населенія и въ нашемъ отечествѣ. Воспитанный начетчиками на «старыхъ книгахъ», онъ успѣлъ познакомиться съ свѣтской литературой, и это сразу сдѣлало его равнодушнымъ къ тонкимъ діалектическимъ вопросамъ, по-

*) Гарманъ — токъ для молотьбы.

глощающимъ всю умственную жизнь его среды. Онъ читалъ техническія книги, интересуется газетами и водитъ дружбу съ бѣлокриницкими, спокойное и умѣренное настроеніе которыхъ ему, видимо, болѣе по душѣ, чѣмъ воинствующее ожиданіе антихриста. Но все это приходится держать про себя: всѣ существенные интересы Ивана Гордѣева всетаки въ прежней средѣ, которая и безъ того уже «блазнится» и смотритъ косо на сына своего воротилы, чувствуя, что онъ уже чужой, хотя ничѣмъ этого не проявляетъ. Это деликатное положеніе требуетъ много выдержки,—и мнѣ не въ первый уже разъ приходилось видѣть такой же взглядъ умныхъ глазъ, задернутыхъ какъ будто завѣсой и высматривающихъ изъ за нея чутко и осторожно. Съ годами въ этомъ взглядѣ накопляется что-то очень непріятное...

Настроеніе въ нашей лодкѣ было какое-то сдержанное. Чувствовалось, по крайней мѣрѣ, между «тремя вѣрами» (если не считать меня) не мало неудовольствія и взаимнаго раздраженія...

Гребцы сильно ударили веслами и потомъ опустили ихъ. Лодка тихо вошла въ узкій рукавъ плавни. Одинъ изъ нихъ обтеръ рукавомъ потъ на лбу.

— Что много еще кончать на гарманѣ?—спросилъ у него Игнатъ.

— На недѣлю еще осталось. Какъ бы нибудь...

И, оглянувшись какъ-то растерянно кругомъ, онъ опять взялъ весло и прибавилъ, сплевывая на рубку:

— Стѣсненіе пошло...

— А что, при туркѣ лучше было? — спрашиваю я.

— Какъ можно! За турка мы такъ считаемъ, что рай былъ. Заплатишь ему три франка, — иди куда хочешь.

— Ту-рчинъ! — подхватываетъ другой съ оживленіемъ. — Турчинъ вовсе простякъ былъ.

— Ето правда, — подтверждаетъ и Иванъ Гавриловъ, и его полное лицо съ вздернутымъ носомъ расплывается въ такую широкую улыбку, что даже на подбородкѣ, плохо прикрытомъ жиденькой бороденкой, появляется ямка, какъ у ребенка. — Ты его, бывало, какъ хотишь, такъ и обманешь, какъ малаго дитенка. Сдѣлаешь чего нибудь—сейчасъ къ нему, да и заплачешь. Ахъ, ехвенди, вотъ я бѣдный человѣкъ, такъ и такъ, да лиру ему у руку... Ну, и дѣлу конецъ!

Воспоминаніе о турчинѣ вызываетъ общее умиленіе.

— Теперь вотъ у румына записано усе дочиста. А при турчинѣ скотина ходила роговая вольно. Только, бывало, за свинью отдай три лева. Почему што онъ свинью дюже не уважаетъ.

— Ну, не скажи тоже! — возражаетъ спокойно и трезво

Игнатъ, не поддающійся общему настроенію. — Бралъ и онъ на косѣ за роговую скотину. А на твоей землѣ и рамунъ не возьметъ.

— Нѣтъ, не бралъ...

— Бралъ, что ты дурно говоришь...

— Ну, за то вѣдь у турка порядку не было,—говорю я.

— Чего это? — удивленно спрашиваетъ гребецъ.

— Ну, напримѣръ, судъ.

— Судъ вовсе былъ слабой,—весело заговорилъ толстякъ Иванъ.—Кто до него первый заскочилъ, да лиры хоть три бакшишъ сунулъ, тотъ и правъ. Одинъ побилъ другого, такъ что даже и ноги отшибъ. Той лежитъ, а етой бѣжитъ. Прибѣгъ до каймакана: ой, ехвендій! Мене такой человѣкъ побилъ до смерти... «А гдѣ онъ?» На дорогѣ лежитъ. Сейчасъ онъ посылаетъ привести этого человѣка. «Ты, собака, зачѣмъ человѣка убилъ»! А на то не глядитъ, что убитый самъ прибѣгъ, а этого на рукахъ принесли.

— Ну, вотъ видите, — сказалъ я.

— Что это?

— Какой же это судъ?

— Да гдѣ онъ, хорошій судъ? — наивно спросилъ Иванъ.

— Хорошаго-то суда и на свѣтѣ не бываетъ,—прибавилъ гребецъ съ наивной увѣренностію.

— Ну, не скажи,—опять вмѣшивается серьезный Игнатъ.— У рамуна судъ правильнѣе.

— А все втикай отъ него,—такъ лучше будетъ,—засмѣялся Иванъ.—Нѣтъ, турчинъ добряга былъ. Ну, правда, христіанина передъ своимъ никогда, бывало, не оправитъ. Какъ нибудь, а ужъ завинитъ... Ето у него собачій былъ обычай... А ужъ за то просто было. Куда хотишь ступай себѣ, — не препятствовалъ. Прибѣжитъ, бывало, человѣкъ изъ за Дунаю, перевезутъ его градинары съ русскаго берега у Тульчу, — ступай на всѣ четыре стороны! Или хочъ у Рассею опять. Придешь бывало у конакъ, а онъ сидитъ, табачище пьетъ, ноги подвернуты. «Селемъ-алекъ, ехвендій». Что надо?—Чикчиръ у Рассею.—А ты что за человѣкъ?—А я такой вотъ человѣкъ. Сейчасъ онъ камышинку застругаетъ, хартію на колѣно положитъ, напишетъ,— ступай! А самъ тебя и въ глаза не видалъ.

— Да вѣдь навѣрное разбои были, грабежи...

— Нѣ-ѣтъ.

— Какъ нѣтъ. Было, — подтверждаетъ Захаръ.

— Ну, черкесъ, скажемъ, озоровалъ. Ето правда. Пошта село, Черкеская Слава,—туда ужь бывало не ѣзди. Только вѣдь это сначала онъ страшный... Весь пистолями да кинчалами утыкается, а самъ какъ жареный блинъ на конѣ.

— Наша игнатовская порода много крѣпче,—самодовольно

прибавляетъ Иванъ, глядя на свой животъ.—Черкесъ это скоро узналъ. Ежели трое или четверо на одного наскочуть, ну, ихъ счастіе. А въ двохъ на двохъ—игнатовская сторона завсегда, бывало, одолѣеть. У лѣсу подъ Славой мой батько съ дядей слегами отъ нихъ отбились. Послѣ хлѣбъ-соль водили.

— Вотъ какъ русскій сталъ наступать, тутъ всѣ они поднялись, какъ хмара: и турчинъ, и черкесъ, и албанѐсъ, всякая урвань, все одно, какъ тая саранча. Ну, мы тогда свое село шанцемъ окопали, калавуры держали, думали, и намъ войну сдѣлаеть. А не сдѣлалъ. Есть тутъ, километра съ четыре отъ насъ—деревнюшка молдованская. Тую пограбилъ чисто. Прибѣгли къ намъ молдавана: «помоги, кажуть, Игнатъ казакъ! Черкесъ набѣжалъ». Мы, человѣкъ со сто, сѣли на коней, айда, какъ на пожаръ. А черкесы возы накладывають. Увидали насъ, давай кричать: «зачѣмъ Игнатъ пришелъ? Смотри, липованъ, за своя хатка!» Значить, мы васъ не трогаемъ, и вы не у свое дѣло не лѣзьте. Ну, мы повернули да назадъ.

— Такъ и ограбили молдаванъ?

— Пограбили. Убить никого не убили. Болгаръ, правда, порѣзали таки не мало. Руснаковъ (хохловъ) тоже кое гдѣ попортили. А къ намъ, бывало, подъѣдеть подъ шанецъ, вертится на конѣ, какъ той комаръ, и кричить: «не бойся, липованъ, твоя не тронемъ». Болгаръ послѣ, какъ русскіе войски Тульчу заступали, хуже лютовалъ.

— Нѣтъ, насчетъ турчина ето напрасно,—обобщаетъ гребецъ, налегая на весла.—Вѣра у его собачья, а самъ добряга былъ.

На лицахъ липованъ бродитъ одинаковая благодушная улыбка. Это мнѣніе о турчинѣ объединяетъ всѣхъ.

Лодка дѣлаетъ поворотъ, и мы выплываемъ на чистое мѣсто, у самаго берега. Баги (виноградники) кончились, пошло жнивье, на выпуклой косѣ желтѣють нивы, виднѣется стогъ, около стога расчищенъ токъ (гарманъ), и начата молотьба. Но работа брошена недоконченной. Кругомъ ни души, надъ раскиданными для молотьбы снопами, важно озираясь, стоитъ огромный аистъ, и скачутъ суетливыя вороны и галки.

— Это чей гарманъ?—спрашиваетъ Иванъ.—Для чего не работають?

— Родіона,—угрюмо отвѣчаетъ черный гребецъ.—Только принялся съ сыномъ молотить, а ихъ и взяли.

Лодка опять уползаетъ въ извилину плавни, гарманъ скрывается отъ глазъ, но воспоминаніе о грустномъ зрѣлищѣ даетъ новое направленіе мыслямъ. Благодушная улыбка, освѣщавшая воспоминаніе о турчинѣ, смѣняется угрюмымъ и нѣсколько натянутымъ молчаніемъ. «У турчина вѣра собачья, а самъ добряга» —этотъ отзывъ мнѣ приходилось не разъ слышать отъ

русскихъ въ Добруджѣ. Что это такое? — думалъ я сначала. Отвратительное правительство, взяточники чиновники, правосудіе, въ которомъ все рѣшаетъ бакшишъ, невозможность найти управу на мусульманина, грубый произволъ, обращеніе къ каждому со словомъ «собака» даже въ офиціальныхъ формулахъ суда—и все это русскій человѣкъ готовъ простить турчину за какія-то особенныя добродѣтели. Что это? Просто воспоминаніе о «добромъ старомъ времени», или, въ самомъ дѣлѣ, было у турчина нѣчто такое, за что можно простить все неустройство его государства?

Теперь, когда наша лодка, обвѣянная угрюмымъ молчаніемъ и оставившая за собой брошеный гарманъ, тихо скользила по узкому рукаву плавни — мнѣ вспомнилась вчерашняя картина; толпа сарыкіойскихъ узниковъ и равнодушныя лица румынскихъ солдатъ: ни злобы, ни возбужденія, присущаго усмиренію бунта!.. Не было ни выстрѣловъ, ни борьбы, ни сопротивленія! Скромный господинъ въ сѣромъ костюмѣ прочиталъ протоколъ и постановилъ рѣшеніе за непрививку оспы... И придунайская вольница чувствуетъ, что это рѣшеніе сильнѣе всей турецкой урвани, которая налетала, какъ буря, и какъ буря исчезала. Современное государство смыкается кругомъ, неодолимое и сильное,—то самое, отъ котораго они убѣгали съ Игнатомъ Некрасовымъ въ эти опасныя и пустынныя степи. И что всего хуже,—это сила роковая, стихійная, почти пассивная. И потомки атамана Некрасова чувствуютъ себя, точно на островѣ, со всѣхъ сторонъ охваченномъ волнами все приливающаго новаго государственнаго уклада. И они невольно вспоминаютъ турка: и вѣра у него собачья, и судъ плохой, и непорядокъ... Но можетъ быть за эту именно добродѣтель, за слабость турецкаго государства все прощаетъ турчину наша россійская степная вольница!

— Что же у васъ будетъ дальше? — спрашиваю я, чтобы нарушить тяжелое молчаніе.

— А что будетъ!—раздраженно прорывается экспансивный Иванъ.—Мы, бѣлокрыницкіе, подчиняемся, приняли и воспу, завели и книги.

— Ваше дѣло, — холодно говоритъ гребецъ.

— А вы обмерзѣли уже и намъ, и правительству. Что вамъ надо, хоть и отъ рамуна? Что онъ вамъ вѣру стѣснилъ, крестъ отнялъ?.. Чего вы шукаете? Вамъ надо, чтобы васъ рамунъ сослалъ отсюдова!

— Куда онъ насъ сошлетъ? Его здѣсь не было, а мы уже были.

— Мало ли что! Всетаки царскій указъ надо исполнять Какой же онъ будетъ своему хозяйству хозяинъ, ежели не будетъ знать, сколько у его народу, сколько чего...

Другой гребецъ, молчаливый до того времени, отвѣтилъ со злостью:

— Что ему меня писать. Я самъ тутъ. Етакъ же вотъ Давыду-царю у башку вскочило: давай всѣхъ перепишу до чиста. Хорошо вышло?

— А оспы отчего не хотите? — спросилъ я.

— Что ты меня пытаешь? — Спытай вотъ ево, онъ грамотный,—злобно махнулъ онъ головой въ сторону рулевого.

Сынъ бѣглопоповскаго начетчика, молча управлявшій все время рулемъ, спокойно принялъ вызовъ.

— Видите, господинъ,—повернулся онъ ко мнѣ,—насчетъ воспы говорится...

— А у тебя прищеплена?—ядовито перебилъ Иванъ, уставившись въ него своими маленькими сверкающими глазами.

— Обо мнѣ нѣтъ рѣчи!.. Воспа, господинъ, признается за печать антихриста. Въ соборникѣ Ипполита, папы римскаго, говорится, что антихристъ будетъ ставить свои печати, подъ видомъ, какъ бы для болѣзни.

— Не для болѣзни, неправда,—горячо возразилъ Иванъ,— а сказано, что придетъ скудость и будетъ подманивать раздачею хлѣба...

— То особо, а также и подъ видомъ болѣзни...

Иванъ Гавриловъ многозначительно посмотрѣлъ на говорившаго. Какое-то неосторожное полемическое словцо готово было сорваться по адресу лицемѣрнаго защитника антихриста, но тотъ не смутился и продолжалъ:

— Ну, правда, ето дѣло, насчетъ антихриста, темное. Оный же Ипполитъ въ концѣ книги пишетъ,—что, говоритъ, братіе мои, и самъ я насчетъ сего времени весьма опасаюсь вамъ объяснить. Что будетъ, то будетъ... А какъ его признать, по какимъ предметамъ, то это очень трудно...

— Пришелъ уже,—мрачно буркнулъ гребецъ.—Не надо намъ его, а станетъ нудить,—опять за море ускочимъ.

— За море ускочишь,—передразнилъ Иванъ.—За моремъ не тѣе же самое? На Майнозъ сколько тысячей съ Игнатомъ ушло, а теперь мужчинъ, говорятъ, осталось съ шестдесятъ, да бабъ сотни двѣ! Да и тамъ теперь турчинъ налоги наложилъ, и народъ у себя пишетъ... Образовался уже и турчинъ... За море вы ускочите! Тьфу! съ этимъ народомъ говорить и то обмерзѣетъ

III.

Въ лодкѣ водворилось молчаніе. Невдалекѣ тяжело взлетѣла утка и скрылась, прежде чѣмъ Игнатъ успѣлъ схватиться за ружье. Вершина Енисалейской горы съ развалинами продви-

нулась надъ линіей камышей, лодка вошла опять въ широкое пространство.

— Дай ружье — сказалъ Иванъ.

— Чего ты?

Иванъ всталъ въ лодкѣ, широко раздвинувъ ноги. На серединѣ заводи безпечно проплывалъ большой черный бакланъ. Птица эта никуда негодная, но экспансивный липованинъ хотѣлъ дать исходъ накопившейся въ немъ досадѣ. Рѣшительный тонъ чернаго бѣглопоповца и молчаніе остальныхъ дѣйствовали на него, повидимому, очень сильно. Тѣмъ болѣе, что подъ ними чувствовался невысказанный укоръ. Недаромъ и отецъ Ивана Гаврилова, и самъ онъ когда-то былъ въ «етой же вѣрѣ». Не изъ за нея ли ушелъ изъ Россіи Игнатъ Некрасовъ, не передъ этими ли все наступавшими признаками мірского государственнаго уклада отступалъ все дальше «игнатовскій корень», снимаясь сначала изъ Россіи, изъ Стародубщины и съ тихаго Дона, а потомъ и съ благословенныхъ дунайскихъ равнинъ, переселяясь въ невѣдомую и гибельную «Надолію». И вотъ теперь умѣренные его потомки «престали отъ брани» и мирятся съ мірскимъ укладомъ. Румынъ не тѣснитъ ни языка, ни вѣры, это правда; его учрежденія проникнуты національной и вѣроисповѣдной терпимостью; въ его школѣ ребенокъ не учится чуждой религіи, онъ не мѣшаетъ никому учить его своей. Онъ требуетъ только минимальныхъ познаній также о божіемъ мірѣ, знанія «гражданской» грамоты и соблюденія общихъ мѣръ безопасности. Но «игнатовскій корень» чувствуетъ, что этотъ спокойный приливъ самоувѣренной государственности и культуры—гораздо опаснѣе. Это—сама «сила вещей» и, признавая ея законность,—тѣмъ самымъ приходится осудить все прошлое, съ его упорнымъ противленіемъ...

По этой причинѣ бѣдный бакланъ долженъ былъ погибнуть. Всѣ слѣдили за участію птицы, безпечно продвигавшейся межъ двухъ стѣнъ камыша. Грянулъ выстрѣлъ. Дробь взрыла воду кругомъ, но бакланъ, удивленно оглянувшись, снялся съ мѣста и неторопливо полетѣлъ надъ плавней. Стрѣлокъ оглянулся на всѣхъ, сконфуженный и какъ-то забавно удивленный.

— Не попалъ? — спросилъ онъ почти жалобно.

— Какъ не попалъ? Видѣлъ, кругомъ вода вскипѣла. И спереду, и сзаду, и съ боковъ...

— А летитъ...

— Летитъ ровно. Не пострѣленъ.

— Ну, значитъ ему жить.

— Счастливый значитъ. Хоть ты въ него сто разъ пали, ему ничего.

Всѣ провожаютъ «счастливаго баклана» почтительнымъ взглядомъ, какъ существо, отмѣченное перстомъ судьбы... По

сторонамъ лодки тихо шелеститъ камышъ, и вода морщится на поверхности. Изъ за плавни на поворотѣ опять внезапно показывается вершина Гераклейской горы, величаво увѣнчанная развалинами. Занятый разговорами, я какъ-то потерялъ ее изъ виду, и теперь, совсѣмъ близкая и выросшая высоко къ синему небу, она какъ-то неожиданно для насъ всѣхъ заглянула съ своей высоты въ затишный уголокъ, по которому скользила наша лодка.

— Ераклея—сказалъ рулевой.—Чудное дѣло, зачѣмъ етому народу потребовалось поставить ее тутъ, надъ лиманомъ.

— А вотъ видишь ты,—отвѣтилъ Игнатъ.—Старики сказывали, что тутъ когда-то было гирло. Дунай мимо Бабы подавался у море. Отецъ разсказывалъ: когда-то, въ старое время подошелъ изъ моря вонъ туда, къ Портицѣ чужестранный корабль съ мореходцами. Спустили они лодку и пытаютъ у рыбалокъ: гдѣ тутъ есть Портица?—Ета самая, говорятъ рыбалки.— А какъ намъ у Бабу-городъ кораблемъ пройтить? У насъ есть старые планты, и тѣмъ плантамъ уже 260 лѣтъ. Такъ на ихъ тутъ обозначаетъ Портица, и отъ нея ходъ дунайскимъ гирломъ у Бабу и выше въ Дунайскіе города. — Ну, — говоритъ рыбалка имъ,—теперь тутъ не то что корабль вашъ, и наша лодочка у Бабу не проталапается.

— Такъ оно и было, вѣрно. А теперь тутъ сталъ лиманъ, и плавня рыночками поросла, а къ Бабѣ пошло озеро. Тутъ, значить, прежде Дунай проходилъ.

Это объясняетъ странное присутствіе развалинъ въ глубинѣ непроходимаго лимана. Старые остовы стѣнъ какъ будто сторожатъ умершее гирло... Всѣ задумались, весла тихо взламывали спокойную, стоячую воду... Сквозь молчаніе дремлющаго лимана какъ будто раскрылась какая-то завѣса, а изъ-за нее на одно мгновеніе выглянуло на насъ давнее прошлое... Высится крѣпость... стоятъ на стѣнахъ невѣдомые воины, и давно исчезнувшія волны плещутся въ берегъ, и давно истлѣвшіе корабли съ тяжелыми и странными парусами плывутъ мимо, и мореходцы обмѣниваются съ крѣпостью непонятными сигналами... Плавня съ шепчущими камышами вся наполняется для меня странными образами прошлаго..

Вотъ куда только,—думается мнѣ,—можно ускочить моимъ землякамъ и отъ румына, и отъ всеобщаго обученія, и отъ оспы.

Въ лодкѣ послышался глубокій вздохъ.

Это вздохнулъ безмолвно сидѣвшій до сихъ поръ курчавый старикъ съ руками на колѣняхъ, глядѣвшій впередъ своимъ мечтательнымъ взглядомъ. Все время, пока въ лодкѣ разговаривали и спорили, пока горячился Иванъ Гавриловъ и черный бѣглопоповецъ кидалъ свои сердитыя реплики, онъ

молчалъ и, повидимому, думалъ все объ одномъ и томъ же предметѣ. Теперь, когда лодка была уже близка къ цѣли, и на насъ надвигались близкіе уступы горы съ виноградникомъ, онъ безпокойно задвигался на мѣстѣ, выраженіе его лица стало еще прискорбнѣе, и онъ сказалъ, не глядя ни на кого въ частности (видимо, однако, онъ возлагалъ какія-то надежды на меня, заѣзжаго ученаго человѣка):

— А что... сказываютъ... есть еще гдѣ-то настоящій Некрасовъ.

— Что тебѣ... У Майносѣ и есть настоящій,—отвѣтилъ Иванъ.

— Нѣтъ... той принялъ амвросіанскихъ поповъ... будто дальше, въ Надоліи... Не то у Сирійскомъ царствѣ... Гдѣ-то, сказываютъ, живетъ настоящій...

— Едва ли,—отвѣчаю я, чувствуя, что, не глядя на меня, онъ всетаки ко мнѣ адресуетъ этотъ вопросъ.

— Еще, сказываютъ, у Сибири Бѣлки есть горы.

— Есть.

— Приходили оттеда люди... Земля, сказываютъ, не больно родимая... Звѣря усякаго много... А насчетъ вѣры... какъ теперь у Рассеѣ?..

Я не зналъ, что сказать этому вопрошателю...

— Знаешь самъ, какъ у Рассеѣ, чего пытаешь?—буркнулъ Иванъ. Но скорбный старикъ будто не слышалъ. У него, очевидно, былъ намѣченъ свой рядъ вопросовъ.

— А правда ли, пишутъ, у Тирашполѣ наши у землю отъ воспы закопались?

Теперь уже всѣ повернулись ко мнѣ, ожидая отвѣта.

— Не отъ оспы, а отъ переписи,—сказалъ я.

— Стало быть—правда?

— Правда... Замуровались въ подвалѣ...

— Съ большого ума,—желчно сказалъ Иванъ и съ досадой плюнулъ въ лиманъ.

Водворилось молчаніе. Было слышно, какъ вода стоячей плавни тихо и какъ-то грустно булькаетъ на носу лодки. Глаза старика все съ тѣмъ же скорбнымъ удивленіемъ глядѣли куда-то въ пространство.

— Онъ... правильный-те законъ Господень,—сказалъ онъ своимъ старческимъ голосомъ,—ударилъ гдѣй-то, какъ шнуръ. Прямо, правильно! Да мы-то вотъ, шукаемъ его да блукаемъ, какъ слѣпые, найти не можемъ...

— У землю лѣземъ,—опять съязвилъ экспансивный Иванъ.

Старикъ истово сложилъ двуперстіе и перекрестился. По сморщенной щекѣ тихо скатилась слеза. Безпоповцы-гребцы угрюмо налегали на весла. Развалины Гераклеи глядѣли на насъ со своей недоступной вышины и надвигались все ближе...

II.

«ИСКАТЕЛИ».

Лодка внезапно вывернулась изъ ерика и ткнулась носомъ въ болотистый берегъ. По склону берегового холма раскинулась небольшая багѣ и баштанъ съ созрѣвшими уже дынями. Старый молдаванъ, въ бараньей шапкѣ, съ сѣдыми длинными усами, лѣниво подошелъ къ берегу и, какъ будто обдумывая трудности всякаго движенія, подтянулъ лодку.

Лодка отчаянно закачалась подъ ногами двухъ сарыкіойскихъ богатырей; потомъ легко выскочили босоногіе гребцы и тихо выбрался грустный старикъ, который тотчасъ же, ни съ кѣмъ не попрощавшись, пошелъ по дорогѣ къ румынскому селу.

Изъ ближайшей лощинки курился дымокъ. Оттуда выглянула молодая красивая липованка, но тотчасъ-же, увидѣвъ меня, скрылась.

— Иди, иди, чего ты!—ободрилъ ее Иванъ Гавриловъ.— Не видишь и твой тутъ. Не съѣдятъ. Э! Да вы вотъ гдѣ хоронитесь,—прибавилъ онъ весело, заглядывая въ лощинку.

— Что намъ хорониться,—отвѣтилъ босой мужикъ, тоже вышедшій изъ овражка:—А что извѣстно, гарманное время надо провести, потомъ что будетъ...

— Да ужъ извѣстно, что будетъ: не отбѣгаешься! Не у турчина. Да у васъ и бабы, и дѣтенки тутъ.

— Увесь матеріалъ,—усмѣхнулся мужикъ.

Дѣйствительно, въ лощинѣ виднѣлся шатеръ. Нѣсколько дней уже стоялъ большой жаръ, и потому шалашъ, видимо, оставался безъ употребленія. На землѣ, въ тѣни густого стараго орѣшника, на грязныхъ подстилкахъ лежали маленькія дѣти; надъ огонькомъ, въ котлѣ закипала уха. Вода бурлила, и на ея поверхности среди пузырей и мутной пѣны то и дѣло появлялись бѣлые бока только что наловленной въ лиманѣ рыбы.

Молодая липованка послѣдовала приглашенію Ивана и, опустивъ подолъ подобранной юбки, обратилась къ мужику:

— Ну, чего тамъ у васъ на селѣ подѣялося?

— А чего подѣялось. Извѣстно, побрали народъ, да у Бабу погнали?

— А тебя выкликали?

— Ево вонъ выкликали, мене еще нѣтъ. А Семенъ самъ набивался: а мене говоритъ, что не берете? А съ тебе, говоритъ, амендъ возьмемъ. Имѣешь съ чего заплатить.

— Ему скольки?

— Триста франокъ.

— Посидишь за етые деньги, плата хорошая,—расхохотался Иванъ.

— Какъ же теперь будеть?—озабоченно спрашиваетъ баба, оглядываясь на ребенка; невинная причина злоключеній родителей, защищающихъ его отъ «антихристовой печати», тихо зашевелилась въ тѣни орѣшника.

— А какъ будетъ? Вотъ отгармѝнимъ, уберемся, сами у Бабу придемъ: такъ и такъ, дòмнуле, зачѣмъ насъ кликали?

Всѣ весело засмѣялись.

— Не знаешь, зачѣмъ кликали,—сказалъ Иванъ, заливаясь своимъ тонкимъ смѣхомъ.—Поленомъ угощать, извѣстно...

— Ну, теперь вамъ, господинъ, вотъ этой тропочкой идтить, у гору,—сказалъ Игнатъ.—Тутъ перейдете горку, будетъ низина, покопано маленько. То, сказываютъ, царь Траянъ лагорь ставилъ, а дальше все у гору, держитесь больше къ камню. Трава на етой горѣ не дай Богъ скользкая. А мы у Журиловку подадимся. Если не захотится вамъ насъ дожидать, сойдите сюда на багу, то они васъ за франчишку опять свезутъ у Сарикой. А не то, такъ и мы не дюже долго забавимся. Оттуда съ горы вамъ журиловскую дорогу будетъ видно, какъ мы по ней пойдемъ. А? Что тебѣ?

Послѣдній вопросъ относился къ бѣглецамъ, которые, собравшись въ кружокъ, о чемъ-то живо толковали, дѣлая Игнату и Ивану какіе-то таинственные знаки. Игнатъ подошелъ къ нимъ и скоро вернулся.

— Глупый народъ,—чего толкуютъ.

— А что?

— Да что! Будто, говорятъ, на горѣ етой огонь по ночамъ у крѣпости горитъ.

— Вѣрно!—горячо подхватилъ одинъ изъ мужиковъ.—Явственно не обозначаетъ, чтобы, напримѣръ, теплина или полымя. А такъ отливаетъ по стѣнамъ, вродѣ издалека. А вы, господинъ, можетъ по етимъ дѣламъ?

— По какимъ?

— Насчетъ кладовъ. Такъ оно, дѣйствительно, старики говорятъ: гдѣ огонь горитъ, тутъ, значитъ, деньги огнемъ скидываются. Очищаетъ ихъ.

Всѣ собрались около насъ.

— Ночью дитенокъ у меня скричалъ,—говоритъ своимъ пѣвучимъ голосомъ молодая липованка, какъ будто стыдясь обращеннаго на нее вниманія.—Скричалъ дитенокъ, пить запросилъ. Я ему кувшинъ подаю, глядь, а на горѣ чегой-то блеститъ. Я Марью побудила. Гляди, говорю, Марьица, блеститъ... Съ нами крестная сила!

— Вѣрно,—изъ за чьей-то спины подтверждаетъ подошедшая Марья.

— Ежели вы насчетъ «этого дѣла», такъ можетъ народъ нанимать будете...—таинственно начинаетъ мужикъ.

— Нѣтъ,—перебиваетъ его Игнатъ.—Они етыми глупостями не займуются.

— А для чего прiѣхалъ?

— Старинность посмотрѣть. Значить у ихъ, у Россеѣ етого ничего нѣту.

— А здѣсь много, у Добруджѣ.

— Куда хошь поди. Усюду могилы да городища. А на степу ночью огни много горять.

— Воевали тутъ, извѣстно.

— И все искатели копають.

— Шукають, чего не поклали.

— Чего не положилъ, не возьмешь. Есть-то они есть, огни не даромъ горять. Да, значыть, не усякому дается.

— Теперь рамунъ запретилъ копать. Надо бумагу имѣть.

— Извѣстно. Короли поклали, король и возьметь.

Разговоръ исчерпывается. Иванъ съ зятемъ подымаются на холмъ, и вскорѣ обѣ могучiя фигуры вырисовываются на его верхушкѣ. Зрѣлище до такой степени внушительное, что на минуту оно приковываетъ общее вниманiе.

— Гляди, усю гору покрыли.

— И крѣпости не видать стало. Могутные люди.

— Некрасовской корень! Этакой, сказывають, и Игнатъ былъ, и Стенька Разинъ.

Я невольно улыбнулся. Толстыя брюха липованскихъ богатырей стали исчезать за холмомъ. Я тоже попрощался и сталъ подыматься на Енисалейскую гору. Красивая, гладкая издали, она оказалась покрытой каменными выступами и морщинами. Отъ накалившихся за день камней еще пыхало жаромъ. Между ними, шурша сухой травой, беспечно извивались ящерицы, и черные скорпiоны мелькали и исчезали въ норахъ, какъ будто чувствуя, что имъ не будетъ пощады. Все было мертво и непривѣтливо на этихъ склонахъ. Вверху еще величавѣе рисовались развалины.

Черезъ полчаса я былъ на вершинѣ, среди старыхъ стѣнъ, вѣнцомъ охватившихъ гору. На юго-западной сторонѣ сохранилась еще половина шестигранной генуэзской башни и рядомъ съ нею остатки воротной стѣны, съ широкими пазами, по которымъ когда-то ходили подъемныя ворота. Прямо подъ ними зiяла крутизна, а вдали по невысокимъ горамъ бѣлой лентой вилась дорога. Навѣрное,—подумалось мнѣ,—много разъ давно умершiе люди съ тревогой смотрѣли отсюда на эту дорогу, готовясь къ борьбѣ на жизнь и на смерть. Теперь

по ней двигались двумя замѣтными точками мои знакомые липоване.

Есть что-то особенное среди развалинъ. Какое-то специфическое ощущеніе, насыщающее почти до осязаемости атмосферу, прорѣзанную этими мшистыми камнями и неправильными изломами старыхъ стѣнъ. Что-то щемящее, проникнутое грустью почти до боли душевной и вмѣстѣ вѣющее въ душу странньмъ успокоеніемъ... Не замѣчаешь, какъ летитъ время, бѣлыя облака тихо продвигаются въ пролетахъ бойницъ и оконъ, высоко въ небѣ паритъ хищная птица, и сухая трава колышется и шепчетъ что-то, такъ довѣрчиво, какъ будто вы непремѣнно должны ее понять, и такъ жалобно, потому что вы все-таки ее не понимаете! Проходятъ минуты, или часы, или годы... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ столѣтія, которыя пронеслись надъ этими стѣнами, не кажутся теперь минутами, а въ настоящія минуты не промчались въ душѣ призраки цѣлыхъ столѣтій...

Въ этотъ разъ «ощущеніе прошлаго» говорило во мнѣ особенно сильно, можетъ быть потому, что я сидѣлъ теперь подъ сѣверо-восточной стѣной, и у моихъ ногъ разстилалась Добруджа, романтическая и сонная степь, переживающая сны прошлаго, но еще не проснувшаяся для трезваго, настоящаго дня. Внизу, широко и далеко разстилался лиманъ, окрещенный именемъ Стеньки Разина. Чуть замѣтная, тонкая мгла дѣлала синюю поверхность почти матовой, и подъ нею скорѣе угадывалось, чѣмъ замѣчалось тихое переливаніе ряби. Вотъ сверкнула вдругъ на водѣ тонкая серебряная полоска, заискрилась, постояла и угасла. Можетъ быть, метнулась зашедшая съ моря крупная рыба, или поднялась встревоженная стая дикихъ гусей... А вотъ и причина ихъ тревоги: черной полоской на лиманѣ мелькаетъ лодка, и надъ ней расплывается клубокъ бѣлаго дыма. Гулъ выстрѣла скрадывается разстояніемъ.

Далеко!.. Черезъ минуту я уже не могу разыскать глазами эту лодку, и слѣды дальней тревоги исчезаютъ, какъ сонъ. Гдѣ-то подъ самой полоской туманной земли, отдѣлившей лиманъ отъ Чернаго моря, мелькнулъ парусъ, освѣтился на поворотѣ косыми лучами солнца и тихо угасъ... На косѣ чуть виднѣется миніатюрная колоколенка, ближе на берегу лимана Сарыкіой мелькаетъ бѣлыми стѣнами среди зелени садовъ, за нимъ туманяться очертанія Махмудійской горы, а затѣмъ только ровная гладь воды и смутная волнистость степи...

Все проходитъ, все угасаетъ, какъ сверкающая полоска на глади лимана. Исчезли генуэзцы, строившіе эти стѣны, и могущество османовъ, ихъ возобновлявшихъ. Заросло гирло, по которому проплывали когда-то корабли, стихли военные крики вольницы, въ теченіе вѣковъ проносившейся по степи

и исчезавшей, какъ пыль, подымаемая вѣтромъ... Затихла братоубійственная борьба запорожцевъ и некрасовцевъ, рѣзавшихъ другъ друга на низовьяхъ Дуная; ушли турки, исторія перевернула свою страницу, и послѣдніе отголоски исчезающаго прошлаго сказываются развѣ въ сравнительно благодушной борьбѣ между противниками оспы и бабадагскимъ мировымъ судьей... Анархическая степная воля скоро покорится государственному укладу...

Все проходитъ!.. Вотъ, почти на серединѣ лимана, обвѣянный синеватою мглою, лежитъ, какъ спина чудовища, островъ Попинъ. Существуетъ старая легенда: въ пещерѣ, на Енисалейской горѣ, жилъ огромный змѣй, который подземнымъ ходомъ пробирался отсюда на островъ и ложился тамъ, глядя на степь и на море... Островъ весь изрытъ кладоискателями, находившими, вмѣсто змѣиныхъ сокровищъ—катакомбы и подземныя церкви... Надъ ними проходили столѣтія; люди, копавшіе катакомбы, сами слышавшіе старую легенду о змѣѣ, давно истлѣли въ могилахъ. Приходили новые, искавшіе воли или хотя бы только безопаснаго пріюта на бѣломъ свѣтѣ, кидали въ эти волны свои сѣти, повторяли тѣ же легенды, дивились на развалины Гераклеи и умирали. И еще новые пришельцы раскапывали слѣды ихъ собственныхъ жилищъ... И такъ таяли поколѣнія, какъ эти бѣлыя облака, плывущія по синему небу, какъ эти синія волны, ровными грядами набѣгающія на берегъ внизу, подъ моими ногами, въ умершемъ дунайскомъ руслѣ.

И я съ грустью думалъ о томъ, сколько такихъ волнъ, живыхъ и сверкавшихъ уже въ мое время, теперь вошли въ иныя русла или затихли, затянувшись, какъ лиманъ, дремотными плавнями. На этомъ самомъ островѣ въ 70-хъ годахъ, мой тульчанскій знакомый, русскій докторъ, бродилъ со своею рыболовною артелью, отказавшись отъ привилегій образованія, отъ своей профессіи, отъ всего своего прошлаго, для мечты, одушевлявшей тогда его поколѣніе...

Прошло и это...

Я отдавался воспоминаніямъ, и часы летѣли надъ моей головой. Тѣни старыхъ башенъ ползли внизъ по горному склону и уже легли на плавню.

II.

Внезапно я вздрогнулъ отъ неопредѣленнаго безпокойства. Мнѣ вдругъ показалось, что я здѣсь не одинъ среди развалинъ. «Ощущеніе прошлаго» сгустилось почти до иллюзіи и вскорѣ приняло ясную звуковую форму. Кто-то будто шептался невдалекѣ. Кто-то хрипѣлъ.

Я приподнялся. Камень сорвался изъ подъ моей ноги и полетѣлъ внизъ, подскакивая на крутыхъ уступахъ. Когда я опять вошелъ внутрь крѣпости,—все было тихо. И однако, мнѣ казалось всетаки, что кто-то есть недалеко, кто-то притаился за стѣной, кто-то сторожитъ меня изъ за развалинъ. Въ памяти вдругъ возникли странные звуки, которые еще въ то время, когда я весь отдавался своимъ воспоминаніямъ, будили мое вниманіе, поглощенное прошлымъ. Все это теперь стало до того живо и осязательно, что я рѣшился обойти кругомъ крѣпости.

Я уже кончалъ свой обходъ, какъ вдругъ галлюцинація повторилась съ такой ясностію, что я невольно вздрогнулъ и остановился. Несомнѣнно, кто-то хрипѣлъ, недалеко, подъ моими ногами.

Тутъ была большая яма, сажени въ три длины и въ 1½ ширины, правильной формы, выложенная ровно обтесаннымъ камнемъ. Можно было догадаться, что это углубленіе служило когда-то водоемомъ для гарнизона крѣпости. Послѣ минутнаго раздумья, я спустился туда. Мнѣ пришлось спрыгнуть на кучу камней, которая съ трескомъ подалась подъ моими ногами, и я скатился внизъ. Поднявшись, я очутился противъ большого углубленія, свѣже выбитаго въ стѣнѣ водоема. Въ этомъ углубленіи, прислонясь къ разрытой землѣ и закинувъ голову, спалъ неизвѣстный человѣкъ.

Шумъ моего паденія разбудилъ его; онъ посмотрѣлъ на меня мутными, не то сонными, не то пьяными глазами. Рядомъ— вмѣстѣ съ лопатой и киркой, виднѣлась стеклянная посудина, съ остаткомъ вина на самомъ днѣ.

Все это было такъ неожиданно и изумительно, что я смотрѣлъ на незнакомца молча, не зная, что сказать въ этихъ экстренныхъ обстоятельствахъ. Онъ тоже смотрѣлъ на меня тупымъ взглядомъ круглыхъ, какъ у птицы, голубыхъ глазъ.

— Дудикъ, ты?.. а гдѣ Филимонъ?—спросилъ онъ и затѣмъ, не мѣняя тона, прибавилъ:—вы, господинъ, откеда взялись?

— Изъ Тульчи,—отвѣтилъ я машинально.

— А я изъ Журиловки. Журиловка слобода, у ей хорошая вода...

Онъ глупо засмѣялся, и глаза его стали смыкаться.

— Русскаго доктора у Тульчѣ знаете?—заговорилъ онъ лѣниво, едва ворочавшимся языкомъ.—Я съ нимъ на матулѣ работалъ... У насъ по 12 свѣчей горѣло... всѣ рыбалки у красныхъ рубахахъ... Книжки читали... А я зиму работалъ, весной прощался. Прощай, староста. Пойду на степь рыбалить. Ты лови, что у водѣ плаваеть, я буду, что по степѣ ходить... Сердится...

Онъ лукаво прищурился и слегка привсталъ.

— Шулика знаете? Я Шуликъ. Шуликъ называется птица соколъ, а я шуликъ орелъ. Человѣкъ не простой, имѣю розумъ большой. Дѣдъ у меня стародубской былъ, бабушка полячка. Пѣсни польскія пѣла... Круля, крулеву... етое все намъ извѣстно...

Онъ засмѣялся, пробормоталъ еще нѣсколько невнятныхъ фразъ, въ которыхъ попадались польскія и румынскія слова, и виднѣлись попытки риѳмованной рѣчи, и закрылъ глаза. Но вдругъ они опять открылись, губы странно искривились, носъ заострился крючкомъ, и вся физіономія страннаго Шулика приняла дѣйствительно выраженіе хищной птицы.

— Хотите вы одному человѣку такъ сдѣлать, чтобъ его не было на свѣтѣ. Моя бабушка умѣетъ, и я умѣю. Сдѣлаетъ одну плачинду *), скажетъ слово: человѣкъ самъ придетъ, возьметъ и готовъ. Вотъ какой человѣкъ Шуликъ. Съ Филимономъ клады копаю... Слово знаю... Давай вина, Филимонъ! Господина угостить...

Онъ опять прищурился, но вдругъ глаза его угасли, на этотъ разъ окончательно: на мгновеніе въ нихъ мелькнуло еще изумленіе, какъ будто вопросъ, а затѣмъ, откинувшись на спину, онъ захрапѣлъ. Навѣрное и я, и весь нашъ разговоръ явились для него лишь эпизодомъ сна.

Я выбрался изъ ямы съ неопредѣленнымъ ощущеніемъ. Безсвязные разговоры человѣка-птицы, въ которыхъ было столько фантастическаго, служили какъ бы продолженіемъ моего фантастическаго настроенія. Стародубье и Польша, и даже исторія русскаго доктора и все, о чемъ я думалъ подъ старой стѣной надъ лиманомъ, казалось, носится также туманными образами надъ этимъ спящимъ субъектомъ. Однако, я сознавалъ, что собственное мое положеніе становится двусмысленнымъ. Кто этотъ Филимонъ и Дудикъ, о которыхъ упоминалъ Шуликъ? Что это за люди, и не притаились ли они также среди этихъ развалинъ?

Съ этими мыслями я спустился за крѣпостную стѣну, намѣреваясь заглянуть еще въ змѣиную пещеру и затѣмъ спуститься внизъ. Спускъ былъ извилистый и крутой. Тощій ясень, висѣвшій надъ кручей, уцѣпившись за расщелины скалъ, прикрывалъ входъ въ пещеру. На его вѣткахъ качались отъ вѣтра клочки волосъ, какія-то ленточки, и обрывки разноцвѣтныхъ матерій. Это служило мнѣ указаніемъ. Я зналъ, что на Троицынъ день откуда-то изъ лѣсныхъ скитовъ сюда приходитъ старый калугеръ и, водворившись въ пещерѣ, лѣчитъ больныхъ лихорадкой въ гротѣ, освѣщенномъ восковыми свѣчами... Полупо-

*) По румынски—пирогъ.

мѣшанный калугеръ шепчетъ странные заговоры, больные ползаютъ по сырому полу пещеры и потомъ, исполняя какой-то языческій обрядъ, вѣшаютъ на вѣтвяхъ ясеня ленты и волосы въ жертву невѣдомому божеству прошлыхъ временъ.

Дойдя до входа, я остановился въ нерѣшительности. Мнѣ опять почудилось чье-то присутствіе. И дѣйствительно, когда глаза мои привыкли нѣсколько къ темнотѣ, я увидѣлъ, что изъ глубины сталактитовой пещеры на меня смотрятъ двѣ пары тоже какъ будто испуганныхъ глазъ.

Здѣсь было два человѣка. У одного была длинная сѣдая борода, почти до пояса, благообразное старческое лицо, узкія плечи; небольшая сгорбленная фигура была одѣта въ синій русскій кафтанъ. Старикъ глядѣлъ на меня нѣсколько сконфуженно и вопросительно. Изъ за него выглядывало безусое, сморщенное лицо съ узенькими, совершенно потонувшими въ морщинахъ, глазами.

— Пожалуйте, господинъ,—первый заговорилъ благообразный старикъ, подымаясь съ сталактитоваго выступа.—Насчетъ пещеры имѣете любопытство? Дудикъ, пропусти.

Субъектъ, названный Дудикомъ, торопливо выскочилъ наружу и сталъ у входа. Троимъ здѣсь было дѣйствительно тѣсно, но все же мое положеніе теперь показалось мнѣ еще болѣе двусмысленнымъ, среди этихъ искателей кладовъ. Я стоялъ въ полутьмѣ, лицомъ къ лицу съ неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ, а другой неизвѣстный субъектъ загораживалъ выходъ. Что,—думалось мнѣ невольно,—если, позабывъ на время о журавлѣ въ небѣ, они примутъ меня за синицу, дающуюся въ руки. Однако, если человѣкъ-птица, спавшій въ ямѣ, не внушалъ мнѣ никакого довѣрія, то наружность сѣдобородаго старика устраняла всякія сомнѣнія. Онъ имѣлъ видъ настоящаго патріарха или, по меньшей мѣрѣ, какого нибудь сектантскаго учителя. Благообразное лицо, съ румянцемъ свѣжей старости, бѣлая борода, благодушно мечтательные глаза и тонкія, старчески жующія по временамъ губы. Что касается Дудика, то это былъ субъектъ неопредѣленной національности, неопредѣленнаго возраста, въ неопредѣленнаго цвѣта одеждѣ и съ неопредѣленнымъ взглядомъ тусклыхъ глазъ, въ которыхъ было что-то испуганное и жалкое. Онъ держался рукой за выступъ камня у входа, и его ноги въ узкихъ брюкахъ, смѣшно поднявшихся къ колѣнямъ, замѣтно дрожали.

Приглядѣвшись пристальнѣе, я узналъ эту фигуру. Говорили мнѣ въ Тульчѣ также и о Филимонѣ. Профессія Филимона была довольно неопредѣленная: онъ бродилъ по Добруджѣ, раскапывая на мѣстахъ прежнихъ лѣсовъ «копанину», старые древесные корни, изъ которыхъ приготовлялъ клещи для хомутовъ, набадашники для палокъ, вѣшалки и т. под. предметы.

Онъ былъ немного художникъ, и любители охотно покупали у него фигурныя палки, съ изображеніями самыхъ фантастическихъ животныхъ. Зарабатывалъ онъ достаточно для своего одинокаго существованія, могъ бы даже имѣть деньжонки, еслибы не страсть къ разысканіямъ кладовъ. Поработавъ мѣсяца два, сначала въ лѣсныхъ трущобахъ, а потомъ въ своей каморкѣ, и распродавъ свои произведенія, онъ запиралъ на замокъ свое убогое жилище и исчезалъ на цѣлыя недѣли, бродя среди старыхъ городищъ и роясь въ курганахъ. Дудика я часто видѣлъ въ Тульчѣ, въ широкомъ окнѣ портняжной мастерской, гдѣ, присѣвъ на корточкахъ и прислонясь спиной къ стѣнѣ, онъ цѣлые дни, не разгибаясь, шмыгалъ иголкой. Онъ былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ, когда-то, говорятъ, имѣлъ небольшія деньги, которыя просадилъ на какое то фантастическое предпріятіе. Существованіе Дудика было, вообще, жалкое. Жизнь онъ велъ трезвую, и только когда Филимонъ заканчивалъ работу, на Дудика нападало безпокойство, глаза начинали тревожно блуждать, иголка ходила медленно въ рукахъ, и, если жена не успѣвала во время принять мѣры, Дудикъ исчезалъ вмѣстѣ съ Филимономъ... При турчинѣ можно было рыться въ землѣ гдѣ угодно; румынъ и тутъ «сдѣлалъ стѣсненіе», требуя плановъ и объявокъ. У пріятелей не было достаточно денегъ для снятія плановъ, и они рыли тайкомъ. Почтеннаго Филимона это не смущало. Онъ смотрѣлъ на свои поиски, пока лишь какъ на предварительное добываніе какого нибудь «малаго количества», ничтожнаго клада «тысячъ въ двадцать», который затѣмъ дастъ ему средства приняться за настоящую работу.

Съ этими-то двумя искателями теперь столкнула меня судьба въ пещерѣ гераклейскаго змѣя.

— Вотъ извольте посмотрѣть,—радушно приглашалъ меня старикъ.—Здѣсь, стало быть, онъ лежалъ изогнувшись. Вотъ въ этомъ мѣстѣ былъ поднявши его хвостъ, а главу держалъ здѣсь. Вотъ и слѣды его когтей. Видите, цапано.

Большая, грузная капля воды, насыщенная известью, сорвалась съ потолка пещеры и звонко шлепнулась на руку старика, показывавшаго мнѣ, гдѣ именно «цапано».

— Да не вода ли выбила, просто, эти ямки?—усумнился я.

При этихъ моихъ словахъ, Дудикъ вдругъ метнулся отъ входа, наклонился и пощупалъ пальцами. Потомъ, робко поднявъ глаза на старика, онъ заикнулся и сказалъ съ выраженіемъ почти отчаянія:

— Во-во-вода!

Старикъ холодно посмотрѣлъ на меня и сказалъ, видимо недовольный:

— Все можетъ быть. Только видите сами: явственно обозначаетъ пять когтей.

Дудикъ опять наклонился, сосчиталъ слѣды, дѣйствительно поразительно напоминавшіе отпечатокъ когтистой лапы, и отдернулъ руку, на которую шлепнулась новая капля.

— Во-во-отъ,—сильно заикаясь произнесъ онъ, поднимая глаза кверху, гдѣ уже нависала новая капля. — Гляди, Филимонъ, опять вдаритъ...

Старикъ сохранялъ видъ человѣка, недоступнаго никакимъ сомнѣніямъ. Онъ отвернулся отъ Дудика и сказалъ спокойно:

— Да тутъ, впротчемъ сказать, сумма положена не большая. На три локтя отъ входа, гдѣ обозначаетъ лѣвую лапу. Самое вотъ это мѣсто, «змѣиная капища», а только сумча небольшая дѣйствительно. Вы по этой же части?—спросилъ онъ живо.—Можетъ имѣете чертикатъ (разрѣшеніе)?

— Нѣтъ, я просто интересуюсь стариной.

Старикъ важно погладилъ бороду.

— Въ нашихъ мѣстахъ старинности много. Это вотъ крѣпость Ераклея. Здѣсь ераклейскій идолъ стоялъ, къ коему во времена Макковеевъ сгоняли на поклоненіе. Много здѣсь этого. Около Славы тоже городище старое, царица какая-то строила. Монета старинная по землѣ разсыпана, сказываютъ такъ, что еще Лександры Македонскаго. Я тамъ плитку нашелъ мраморную, на плиткѣ обликъ и цифирь римская. У меня ее г-нъ Стефанеску купилъ. Сказывали послѣ—маре антика, значитъ по русски сказать: большой антикъ. Въ музеѣ находится. Вамъ что? Выйти угодно?

— Да, здѣсь сыровато.

— Дѣйствительно, и у меня кости что-то ноежать. Дудикъ, возьми кирку.

Дудикъ покорно захватилъ кирку и послѣдовалъ за нами наверхъ. Старикъ съ трудомъ вскарабкался на выступъ и, обойдя стѣну, вывелъ меня на площадку, съ которой открывался опять видъ на лиманъ, на Махмудійскія горы и на степи Добруджи. Онъ присѣлъ и погладилъ бороду. Въ его лицѣ виднѣлось какое-то особенное достоинство и спокойное довольство владыки, обозрѣвающаго свои владѣнія.

— Васъ какъ звать, господинъ?—спросилъ онъ не безъ важности.

— Владиміромъ. А васъ, кажется, Филимономъ?

— Знаете, стало быть? Вы не у русскаго ли доктора въ Тульчѣ проживаете?

— Да. А вы тоже, кажется, не здѣшній уроженецъ.

— Мы давно изъ Рассеи выбѣжали, изъ Стародубья... Дѣ

душка мой, покойникъ, еще живъ былъ... Давно...—прибавилъ онъ опять, помолчавъ.

— Изъ за вѣры?—спросилъ я.

— За нее,—отвѣтилъ онъ какъ-то неохотно.—Всякъ по своему съ ума-то сходитъ. Много я ихъ, вѣръ этихъ, видѣлъ.

— А теперь?

— Да мы молокане были... Я, признаться, теперь не хожу и къ нимъ. Вы пресвитера ихняго, Василія Федорова не знаете?

— Знаю.

— Обличаетъ онъ мене. А я говорю: посмотрите на свое обчество, особливо на молодежь! Пьянство, пѣсни, а добрыя дѣла те гдѣ?

Онъ усмѣхнулся тонкой улыбкой и сказалъ опять:

— Ты, говоритъ, мосонъ. Это онъ хохлу Карпенкѣ повѣрилъ. Этотъ хохолъ на бабинской дорогѣ, на одинадцатой километрѣ гору раскапываетъ. Въ этой горѣ, дѣйствительно, большая сумма заложена, да взять-то онъ не умѣетъ. Народъ обманываетъ. Сколько на него работали даромъ. Вотъ у Дудика выманилъ послѣднія 600 франокъ. Подумайте, человѣкъ семейный... Въ землю закопалъ деньги!

Лицо Дудика приняло выраженіе глубокаго отчаянія. При напоминаніи о шести стахъ франковъ, глаза тусклаго человѣка замигали, и губы повело судорожной гримасой. И тотчасъ же, при дальнѣйшихъ словахъ Филимона, черты его освѣтились дѣтской благодарностью.

— Ничего. Я его утѣшу,—благодушно продожалъ старикъ:— Молчи, Дудикъ, потерпи, будетъ и на твоей улицѣ праздникъ.

Онъ повернулся ко мнѣ и сказалъ съ спокойной увѣренностью:

— Этотъ кладъ я возьму. Я рожденъ подъ етою планетой, что найтить деньги. Про меня въ планетникѣ сказано, «что будетъ искать себѣ счастья по морямъ и по водамъ, и наконецъ найдетъ подъ землею». И притомъ вся моя физіономія описана.. Уже искалъ я и по морямъ, и по водамъ—сказалъ онъ съ легкимъ вздохомъ,—всего видѣлъ. Теперь уже мнѣ 78 лѣтъ. Приблизилось мое время,—найду, безпремѣнно.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на него, — въ словахъ «пла нетника» слышалась такая горькая шутка! Но лицо Филимона было ясно, Дудикъ смотрѣлъ на него съ надеждой и благоговѣніемъ.

— Этотъ Карпенко чуетъ, что я возьму, гдѣ онъ не можетъ. «Винъ кажетъ, немоляка, мосонъ». А что такое мосонъ, развѣ они понимаютъ.

— А что же это такое?

— Такіе были іерусалимскіе каменоломщики. Тайности природы проникали, нутренность земли видѣли. Я думаю, не

иначе — по планетамъ? Въ исторіяхъ пишуть, что будто весь видимый міръ отпечатанъ тамъ въ планетахъ, какъ все равно въ зеркалѣ. И есть люди астрономы, по писанію называемые звѣздочеты. Они не то что, напримѣръ, считають звѣзды. Это невозможно для ума человѣческаго. А глядять въ трубы. Въ трубѣ у него планета, а въ ней отраженіе всего міра вещественнаго...

Дудикъ подвинулся ближе и, приподнявшись на локтѣ, жадно слушалъ слова Филимона.

— Теперь,—продолжалъ Филимонъ, тономъ ученого, раскрывающаго тайны науки,—взять спиритизьму. Знаете, господинъ, что такое спиритизьма?

— Немного слыхалъ.

— Къ чему ее примѣнить? Василій Федоровъ, пресвитеръ, считаеть за волшебство. Неправда, не волшебство, а отраженіе міра невидимаго. Я человѣкъ мало ученый, а это понимаю...

Онъ задумчиво улыбнулся и продолжалъ тономъ величаваго сожалѣнія.

— Ты, говорить, душу свою погубилъ. Немоляка, мосонъ, волшебникъ... Ты бы хоть къ жидовской синагогѣ присталъ, все лучше... Не надо мнѣ ..

Онъ пожевалъ губами, какъ будто пережевывая что-то невкусное, и сказалъ:

— Много я этихъ вѣръ видалъ: безпоповцы, хатники, астрицкіе, филиповскіе, ѳедосѣевскіе, молоканскіе. Одни другихъ проклинають, анаѳемѣ придають, а простецы вѣрять. Отъ Меркурія это все идетъ... Темное меркуріево порожденіе!

— Какъ отъ Меркурія? — удивился я.

— А вы не знаете? Таковые вѣроучители больше подъ меркуріевой планетой рождаются. Объ нихъ сказано въ планетникѣ: лобъ имѣють низкій, умъ короткій, тѣло тяжелое, къ работѣ мало охотны, философы и ворбиторы, по русски сказать—ораторы, а безъ вѣры сердечной. Полководцы и великіе обманщики именемъ божіимъ. Сколько я ихъ видалъ, со всѣми поругался.—«Вы,—я имъ говорю,—меркуріево порожденіе, ваша планета темная». И вѣрно. Вы въ Галацѣ бывали?

— Бывалъ.

— Видѣли: тамъ извозчики, биржари,—все скопчики. И есть тамъ одинъ, Федоръ, по здѣшнему Тодоръ. Такъ тотъ говорить мнѣ разъ:—я богъ!—Хорошо, говорю, вы богъ. А какое ваше занятіе?—Биржарь.—Значить дать вамъ франку, вы меня можете въ рай доставить!

Филимонъ засмѣялся. Дудикъ тоже хихикнулъ.

— Полиція и та его знала. Приходить гвардистъ,—«унди есте Тодоръ?»—Какого вамъ Тодора надо?—«Тодоръ Думнезеу (значитъ по румынски «богъ»). Надо говорить «Тодора Думне-

зеу у часть, къ комиссару». Этотъ Тодоръ родился въ 1837. Всѣ такіе: тридцать седьмого, сорокъ четвертаго, пятьдесятъ перваго—все обманщики именемъ божіимъ. Много я къ нимъ присматривался, пока не понялъ. Потомъ уже наскрозь всѣхъ разглядѣлъ. Войдетъ онъ—я его вижу вся нутренняя. Разъ прибѣжалъ изъ Рассеи человѣкъ, зашелъ ко мнѣ. Лобъ маленькій, глаза съ мечтой. Глядитъ на тебя и не глядитъ, изъ себя сухой. «Вы, говорю, когда родились»?—Въ 1851 году, говоритъ.—«А пророкомъ не бывали?»—Нѣтъ, не бывалъ.—«Ну, такъ будете вы большой пророкъ». Такъ оно и вышло. Оказался такой пророкъ, что хлѣба не сталъ ѣсть; обнаружились у него и ученики таковые же, тоже не ѣдятъ: молоко, можно, творогъ, капусту, споски... — а хлѣба ни крохи. И то семь денъ постятся, на восьмой поѣдать. Вскорѣ стали помирать одинъ за однимъ.

Дудикъ закинулъ голову, какъ пѣтухъ, собирающійся крикнуть, и судорожно захихикалъ. Филимонъ, все также съ сожалѣніемъ глядя передъ собой, продолжалъ:

— А то есть еще констанцкой жудецы (уѣзда), городъ Мангалія, надъ Чернымъ моремъ, къ болгарской границѣ туда. Около этого города есть деревня, въ ней семей тридцать скопцовъ. У нихъ опять таковой же человѣкъ меркуріевой звѣзды былъ. Тотъ сказалъ всѣмъ: сто дней буду поститься, на сотый вознесусь на небо. Не то что какъ нибудь — воды не стану пить. Ну, стали къ нему собираться, особливо женскій полъ, плачутъ, въ восторгѣ бываютъ. Я, признаться, въ то время тоже искалъ этого. Думаю, вотъ чудо объявится... Потащился и я къ Мангалію...

— Что же, умеръ?

— По сейчасъ живъ, какъ быкъ. И вѣдь вотъ удивительно. Таковому обманщику и теперь вѣрятъ, онъ, говорятъ, лучше Христа. Тотъ 40 дней постился, а нашъ сто, и то живой. Этотъ рожденія 44-го году, тоже подъ Меркуріемъ. Собралъ себѣ такихъ же: сухіе, коротколобые... Стали они радѣть въ хатахъ: кричать, вертятся, конецъ міра возвѣщають, дѣлаютъ неистовства. И дверей, подлецы, не закрываютъ. Народъ мимо ходитъ: болгары, молдавана, турки—станутъ на улицѣ, глядятъ, соблазняются, Ну, тутъ ужъ другіе, изъ ихнихъ же, которые въ другіе годы рождены, особливо подъ Сатурномъ, — повскакали у хату, гдѣ они вертѣлись, давай ихъ кулаками потчивать. Той вертится,—онъ его кулакомъ, другой вопіетъ—онъ его въ ухо, третій пророчествуетъ,—онъ его подъ лавку...

Филимонъ замолчалъ, все также поглаживая бороду, и затѣмъ сказалъ:

— Много отъ вѣры заблужденія бываетъ. И въ другихъ прочихъ вѣрахъ, все они же болѣе, меркуріево племя, дѣй-

ствують. Той изъ одной чашки съ тобой не ѣсть, другой ближними гнушается. А я такъ одного жидовина всѣхъ больше любилъ. Въ двадцать восьмомъ годѣ рожденъ, подъ знакомъ солнца. Ликъ имѣлъ свѣтлый, открытый, взглядъ быстрый. Много мнѣ открылъ... Волшебство! Нѣтъ,—рѣшительно перемѣняя тонъ, продолжалъ онъ.—По этому дѣлу, чистота требуется. «Найди ты, говоритъ, Филимонушка, отроковицу или отрока, чистыхъ, у коихъ, говоритъ, душа не возмущалась еще нечистымъ помысломъ. Положи на землю зеркало,—они черезъ это зеркало увидятъ земную утробу... Это вѣрно...

— Что же, вы пробовали?

— Пробовалъ,—неохотно сказалъ Филимонъ.—Міръ теперь осквернился, и дѣтство уже нечисто. Сказывали мнѣ люди,— попытай въ Муругелѣ дѣвицу у Ивана рыбалки... Нѣтъ, запоздалъ!.. Худого я про нее не скажу: дѣвица непорочнаго поведенія, а не видитъ уже: «зеркало, дѣдушка, больше ничего», Ну, видно, познала нечистый огонь желанія, душа-то и замутилась... Вотъ въ этомъ дѣлѣ чистоту какую нужно! А они— волшебство!

Онъ вдругъ перевелъ глаза на меня и сталъ пытливо всматриваться въ мое лицо.

— А вы, господинъ, — въ которомъ году рождены?

— Въ 1853, — отвѣтилъ я съ недоумѣніемъ

— Какъ вы въ этотъ годъ попали?—съ раздумьемъ произнесъ Филимонъ. — Этого рожденія люди очень крѣпки корпусомъ. А годъ хорошій, — произнесъ онъ ласково. Вѣрно, что вы не по «этой части» ѣздите?

— Вѣрно, не по этой.

— Жаль. Я бы васъ въ компанію взялъ. Годъ вашъ хорошій. Мене докторъ знаетъ... Здѣсь сторона такая, — только заняться умному человѣку. Какъ ночи пойдутъ темныя къ осени или весной,—такъ тутъ по всей степѣ все огни горятъ. Деньги очищаются.

Онъ окинулъ мечтательнымъ взглядомъ разстилавшуюся у нашихъ ногъ за лиманомъ равнину и остановилъ глаза на синей махмудійской горѣ.

— Вонъ у той горѣ находятъ много древностей... Найдена подземная древняя церковь и такъ дароносица... Англичанинъ пріѣзжалъ, астрономъ, хотѣлъ купить это мѣсто въ казнѣ. А клады не на томъ мѣстѣ. Клады подальше, въ горѣ. Дудикъ ходилъ туда.

Дудикъ утвердительно мотнулъ головой.

— Семь человѣкъ ихъ собралось и турчинъ съ ними (опять утвердительной жесть со стороны Дудика). Нашли ходъ между камней, отмѣрили тридцать локтей отъ дуба, и тутъ об-

наружилась желѣзная плита. А у турчина черная книга, по коей клады отчитывают.

Дудикъ насторожился и удивленно поднялъ брови.

— Далъ онъ всѣмъ по свѣчѣ, и говоритъ: «смотрите, что бы ни было, вы молчите. А скажете слово, бѣда!» Подняли плиту, спустились по лѣстницѣ, видятъ: въ горѣ большая горница, выложена камнемъ. Турокъ раскрылъ книгу, читаетъ...

Дудикъ сдѣлалъ безпокойное движеніе.

— Читалъ-читалъ, выбѣгаетъ собачка, побѣгала, понюхала, ушла. Потомъ выбѣгаетъ буйволъ, огромная животная, пристрашнаго вида. Сталъ на мѣстѣ, взрылъ копытами землю, какъ взреветъ страшнымъ голосомъ, такъ что содрогнулась земная утроба. Тутъ одинъ еврей не выдержалъ, крикнулъ. Откуда ни возьмись поднялся вихорь, вынесъ всѣхъ изъ подземелья...

На лицѣ Дудика виднѣлось горестное изумленіе. Онъ заикнулся, хотѣлъ сказать что-то, заикнулся еще сильнѣе и махнулъ рукой. Между тѣмъ Филимонъ уже перевелъ глаза на другія мѣста степи, на которой тихо угасали лучи заката. И внезапно, всѣ мѣста, на которыя онъ смотрѣлъ, оживали подъ этимъ взглядомъ. Земная утроба, ревниво хранящая свои сокровища, разверзалась, и оттуда сверкало золото, «очищенное уже огнемъ» и ожидающее человѣка. Вонъ тамъ, на юго-западѣ, подъ Калагарманомъ, привлеченный ночными огнями, турокъ раскопалъ печку, а въ печкѣ оказались... угли. Но это турчинъ или выдумалъ, чтобы скрыть золото отъ правительства, или дѣйствительно не догадался: въ печахъ всегда закапываются клады, а угли если кладутся, то лишь для примѣты. Подъ Иссакчей огонь горѣлъ у старой мельницы. Мельникъ сталъ копать и выкопалъ корыто, а въ корытѣ гнилое просо, труха. Мельникъ опять не догадался, что это только примѣта, просо выкинулъ, а яму заровнялъ. Повыше Махмудіе есть деревня Куртъ-байръ. На зарѣ мимо этой деревни шелъ человѣкъ, и видитъ, горитъ огнемъ, будто хата. На этомъ мѣстѣ послѣ нашли могилу, вродѣ избы, а денегъ опять взять не съумѣли.

Филимонъ говорилъ долго и съ важнымъ спокойствіемъ. Дудикъ уже забылъ свои недавнія недоумѣнія и слушалъ его съ застывшимъ взглядомъ, точно загипнотизированный. Я тоже слушалъ Филимона съ истиннымъ наслажденіемъ: его рѣчь была образна, въ самомъ голосѣ была какая-то тайная сила внушенія. Я глядѣлъ на темнѣющія степи и задумчивые холмы, надъ которыми косые лучи солнца уже только скользили, не освѣщая, и мнѣ казалось, что я самъ вижу и огни, и золото, сверкающее въ глубинѣ земной утробы. Но все это были еще малые клады («тысячъ по двадцати»). Такой же кладъ долженъ былъ находиться и въ енисалейской крѣпости въ томъ мѣстѣ, гдѣ

водоемъ... Но самый главный кладъ заложенъ въ курганѣ, по бабинской дорогѣ, гдѣ хохолъ Карпенко раскапываетъ могилу...

Исторія этого клада не особенно древняя, но, быть можетъ, чудеснѣе всѣхъ остальныхъ. Я уже видѣлъ ранѣе самый курганъ, безобразно разваленный лопатами, видѣлъ однажды даже хохла Карпенко. Онъ стоялъ на свѣже разрытомъ бугрѣ и распоряжался работами. Онъ пріѣхалъ нарочно изъ Россіи, копалъ уже два года; сначала у него работало 100 человѣкъ, потомъ это число уменьшалось, довѣріе къ хохлу падало, и теперь онъ едва находилъ по десятку забулдыгъ, которыхъ поилъ водкой и подбодрялъ чудесными разсказами. Фигура Карпенко была огромная и мрачная. Широкая, желтая борода, огромная бородавка на носу, брови, какъ усы, и тяжелый взглядъ единственнаго глаза, все это придавало старому кладоискателю видъ угрюмый и даже зловѣщій.

Что его привлекло изъ Россіи, откуда онъ, въ Херсонской губерніи узналъ о небольшомъ курганѣ надъ дунайской плавней,—сказать трудно, несомнѣнно только, что слава скромнаго кургана носилась далеко среди подвижнаго и предпріимчиваго на все фантастическое населеніе Добруджи. Около него рылся какой-то неизвѣстный солдатъ, потомъ какой-то «святогорецъ» бросилъ келью на Аѳонѣ и, въ монашескомъ одѣяніи, бродилъ съ какими-то «описями», въ которыхъ значится и этотъ курганъ. Потомъ говорили о какомъ-то пріѣзжемъ изъ Россіи офицерѣ. Наконецъ, появился Карпенко, и взявъ разрѣшеніе, приступилъ къ серьезнымъ работамъ. На эти работы смотрѣлъ, улыбаясь, Филимонъ, увѣренный, что онъ одинъ знаетъ секретъ клада. И дѣйствительно, Карпенко уже «закопалъ въ землю» собственныя деньги, деньги Дудика, поплатились довѣрчивые тульчанскіе купцы изъ русскихъ и даже одинъ скупой болгаринъ; разрыли курганъ до материка, развалили землю по сторонамъ, но не нашли ничего. А Филимонъ все улыбался...

И теперь эта улыбка бродила на его лицѣ, когда, глядя на сѣверо-западъ, онъ движеніемъ руки указывалъ мнѣ въ направленіи къ томно сверкавшимъ излучинамъ Дуная.

— Да можетъ тамъ ничего и нѣтъ?—сказалъ я.

— Есть,—увѣренно отвѣтилъ Филимонъ.—Я тутъ когда-то копанинку искалъ; нашелъ на учурку да на пару клещей, иду назадъ по шакчинской дорогѣ. Гляжу: сидить человѣкъ, сдѣлалъ себѣ тѣнку отъ солнца. Здравствуйте, говорю. Здравствуйте.—Разговорились.—А здѣсь, кажеть, деньги есть, да еще не очищенные. Русскій генералъ Красновъ поклалъ...

— Зачѣмъ?

— А это, видите, было послѣ войны, двадцать восьмого году. Русскіе, значить, стояли у Адріанополѣ, а турки призвали

изъ Надоліи, съ теплой стороны, всякую урвань. А въ теплой сторонѣ въ тую пору была чумная боль, умирали дюже шибко. Вотъ турки стали перевозить такихъ умершихъ и пускали въ ручьи и рѣки. И пустили заразу. Тогда, значить, русскіе войски снялись и пошли назадъ, а турчинъ кинулся имъ на перерѣзъ, отъ Калафату. Да видишь, и самъ не посмѣлъ ускочить: какъ попалъ на это мѣсто, такъ и пошло его косить,—всѣ такъ и уснули, а русской уже подался къ Шактѣ (Иссакчѣ)... Поставили высокіе шесты, запалили смоляные канаты, сдѣлали ночь, какъ день, снялись русскіе войски, все идуть и идуть. Потомъ прошли и стало мѣсто, гдѣ лагери были, пусто... А она, боль, притаилася. Вотъ на зарѣ, на самой, скачеть на почтовой тройкѣ кульеръ къ главнокомандующему, и на немъ сумка съ казной. Какъ доскакали до того мѣста, такъ тутъ всѣ и погибли: пали лошади, померъ ямщикъ, и самъ кульеръ отбѣжалъ недалеко, тоже померъ. И случилось на ту пору, булгаръ проѣзжалъ изъ лѣсу. Видить: всѣ мертвые, и сумка лежить съ казной. Взялъ онъ слегу большую, зацѣпилъ тую сумку, волочеть къ себѣ. Когда посмотрить, а изъ сумки выскочилъ вродѣ клубокъ дыму, да по слегѣ къ нему ползеть... Онъ кинулъ сумку, давай Богъ ноги. Прибѣжалъ къ генераламъ: такъ и такъ. Тогда значить поняли что она, боль эта, больше всего угрызается въ металъ. Вотъ царь Миколай и приказалъ генералу Краснову всю войсковую казну закопать въ землю. На семнадцати тройкахъ привезли и закопали въ самый этотъ курганъ...

— Отчего же до сихъ поръ не выкопали?

— Боялись, что не очистилось еще. Приходили два солдата изъ Рассеи. Царь Александра Миколаевичъ бумагу имъ давалъ: ежели, говорить, что нибудь станетъ Карла румынской прекословить, скажите: мои деньги. А Карла, видишь, не дозволилъ: вы на мое королество боль пустите... Ну, теперь уже я вѣрно знаю, что все очистилось... Только бы какъ нибудь Карпенку съ этого мѣста содвинуть, я этотъ кладъ возьму. Плантъ сдѣлать нужно, требуется 50 франокъ... Я говорилъ землемѣру, сдѣлай мнѣ плантъ, а я тебѣ послѣ поль-боченка дамъ... Не хочеть... дурной человѣкъ, подъ Венерой имѣеть рожденіе...

II.

— Эй, Филимонъ!

Мы всѣ трое вздрогнули отъ неожиданнаго возгласа. Онъ раздался сзади изъ развалинъ, и эхо старой башни придавало ему странный отголосокъ.

— Филимонъ, старый чортъ! Куда схоронился?

Филимонъ весь съежился и сталъ приподыматься съ земли, упираясь старческой рукой въ камень. Въ пролетѣ башни, всклокоченный, съ заспанными глазами появился человѣкъ-птица, котораго я видѣлъ въ старомъ водоемѣ. Лицо его запухло, борода свалялась, онъ былъ, видимо, сердитъ и недоволенъ. Подойдя къ намъ и не обращая вниманія на кого нибудь въ отдѣльности, онъ сѣлъ на камень и дрожащими руками сталъ свертывать папиросу, поставивъ предварительно на землю пустую бутылку.

— Пустая!—сказалъ онъ, указывая на посуду. И потомъ, вытаскивая изъ кармана коробку спичекъ, прибавилъ лаконически:—ну, давай франку! Побѣгу за виномъ въ Енисалу, а то къ багаджію.

Старые глаза Филимона заморгали еще сильнѣе. Передо мной, вмѣсто недавняго владыки добружанскихъ сокровищъ, былъ жалкій сконфуженный старикъ, глядѣвшій на человѣка-птицу виноватымъ взглядомъ.

— Послушай, что я тебѣ скажу, Шуликъ...

— Я тебѣ не Шуликъ,—отрѣзалъ тотъ.

— Ну, Макарушка, послушай ты меня. Давай безъ вина копать. Скоро откопаемъ малый кладъ...

Шуликъ строго посмотрѣлъ на старика и сказалъ гордо, сквозь зубы, въ которыхъ торчала еще незажженная папироска:

— Что еще будешь мнѣ говорить. Ты Шулика не знаешь?..

Филимонъ заискивающе и подобострастно засмѣялся.

— Бѣдовый ты, Макарушка, право бѣдовый. Ну, что дѣлать. Я сколько тебѣ обѣщалъ? Десятую долю? Бери пятую часть! Ну, ну, третью!

— Вина мнѣ давай!

— Нѣту, Макарушка...

— Такъ пущай-же тебѣ черти копаютъ...

— Ахъ, Макарушка, въ нашемъ дѣлѣ нехорошо такія слова говорить. Ну, что дѣлать! Мы съ Дудкомъ какъ нибудь безъ тебя ужъ... А то ты и самъ не копаешь и намъ не даешь ходу.

— А бумага у тебе есть?—строго сказалъ Шуликъ совершенно начальственнымъ тономъ... Покажи чертижатъ, покажи планты...

Онъ чиркнулъ спичкой, закурилъ и, важно усѣвшись на камнѣ, сказалъ:

— Я здѣшній человѣкъ, а вы кто такіе собрались? Сейчасъ у Енисалу до нотара дойду, онъ васъ усѣхъ тутъ шатающихъ...

Но тутъ глаза его остановились на мнѣ, въ нихъ нель-

кнуло какое-то воспоминаніе, и онъ прибавилъ смягченнымъ тономъ:

— Я не про васъ, господинъ. Вы можете понимать Шулика... А они кто? Тьфу!

Онъ сплюнулъ и презрительно засмѣялся.

— Пять тысячъ сулитъ... Дуракъ, давай пять франокъ Шулику, слышишь! Чего тутъ шукаешь, голова!..

Видъ у Филимона былъ совершенно уничиженный. Онъ заборматалъ что-то о желѣзной плитѣ, о какой-то комнатѣ подъ водоемомъ, куда липоване опускали на веревкѣ шалыгу, и какъ эта шалыга стучала въ чугунную дверь, о томъ, какъ на горѣ бываютъ огни... Но Шуликъ, скептическій и наглый, только смѣялся.

— Огонь! Гдѣ ты видѣлъ огонь на горѣ? Огонь бываетъ на степѣ...

— Ну, вотъ, Макарушка, и на степѣ тоже.

Шуликъ многозначительно подмигнулъ мнѣ и сказалъ:

— Нар-родъ! Дураки, такъ они дураки и есть. Правда, господинъ? Онъ думаетъ, какъ огонь горитъ, то сейчасъ ему и кладъ. А того не понимаетъ, отчего онъ, огонь, только подъ пасху горытъ?

— А отчего?

— Я знаю отчего! — сказалъ онъ самодовольно.—Вы у мене спросите: тутъ прежде запорожцы были. Знаете запорожцевъ? Войну усе дѣлали, вбивали ихъ на войнѣ много, да у могилахъ закапывали. А у нихъ законъ: кого на войнѣ убьютъ, они бывало его миромъ мируютъ. Такъ ето теперь подъ пасху миро надъ могилами горытъ. А они думаютъ,— клады. Ха-ха-ха!

Шуликъ хрипло засмѣялся и, довольный своимъ объясніемъ, опять подмигнулъ мнѣ, какъ человѣку, который можетъ его понимать.

— Усякая вещь имѣетъ свою натуральность,—прибавилъ онъ докторальнымъ тономъ. Очевидно, онъ считалъ себя матеріалистомъ.

Филимонъ тихо дернулъ меня за рукавъ и отвелъ въ сторону, за уголъ башни. Войдя на время подъ старыя ворота, онъ порылся въ темномъ уголкѣ и вышелъ оттуда съ посохомъ, набалдашникъ котораго изображалъ какое-то фантастическое чудовище. Палка была, видно, недавно начата, и даже не отдѣлана.

— Хотите палочку, на память?—сказалъ онъ, не глядя мнѣ въ глаза.—Дадите отдѣлать, палочка хорошая...

— Хорошо, сказалъ я.—Но вѣдь вы бы ее продали. Скажите, сколько это стоитъ?

— Четыре франочки не покажется дорого?

— Хорошо, возьмите пять.

— Нѣтъ, четыре будетъ... Дурной человѣкъ этотъ Шуликъ, напрасно я съ нимъ и связался. А теперь ужъ нельзя. Малость и докопать-то осталось, а онъ вотъ какъ поступаетъ...

Я отдалъ пять франковъ. Старикъ густо покраснѣлъ, принимая деньги, и сказалъ застѣнчиво:

— Можетъ и не стоитъ пять франокъ. Ну, хорошо, господинъ. Найду кладъ, и вы счастливы будете. Фунтъ золота отдамъ...

III.

Новый крикъ донесся, заглушенный разстояніемъ, снизу. Это подымались на гору и звали меня мои знакомые липоване, уже возвращавшіеся изъ Журиловки. Филимонъ забезпокоился, встревоженный Дудикъ выбѣжалъ изъ за угла.

— Сойдите къ нимъ, господинъ, поскорѣе, — попросилъ меня Филимонъ.—Не хорошо, когда застанутъ насъ...

— О-го-го-го!—раздался звучный возгласъ богатыря Ивана совсѣмъ близко. Шуликъ, не торопясь, тоже присоединился къ намъ. Филимонъ сунулъ ему въ руку монету. Человѣкъ-птица посмотрѣлъ ее, усмѣхнулся и исчезъ за выступомъ скалы въ сторонѣ, противоположной той, откуда приближались липоване. Пока я слѣдилъ за нимъ,—Филимонъ и и Дудикъ тоже исчезли. Я оглянулся съ удивленіемъ: все было тихо, развалины стояли темныя и молчаливыя, какъ въ первую минуту, когда я поднялся сюда. Можно было подумать, что вся моя встрѣча съ «искателями» была сномъ, еслибы надъ водоемомъ не показалось вдругъ испуганное лицо Дудика:

— Кирку, кирку давайте,—прошипѣлъ онъ, указывая на желѣзную кирку, лежавшую на травѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ.

Я подалъ кирку, голова опять скрылась. Въ эту самую минуту, въ разломѣ стѣны показалось могучее брюхо Ивана.

— Ну что, сняли планты?—спросилъ онъ, отдуваясь и озираясь по сторонамъ.—Вотъ она, Ераклея! Повѣрите: сорокъ пять лѣтъ уже здѣсь не бывалъ. Мальчонкомъ бѣгалъ... Ишь тишина какая!

И на выразительномъ лицѣ некрасовца легкой тѣнью промелькнуло особенное выраженіе. Очевидно, и на него вѣяло отъ этихъ стѣнъ «ощущеніемъ прошлаго».

Внизу сарыкіойскіе бѣглецы угостили насъ ухой, и черезъ часъ наша лодка опять качалась на водахъ лимана. Изъ за стѣны камыша опять глядѣла на насъ сверху «Ераклея»,

величавая и темная. Мѣсяцъ подымался тонкимъ, почти не свѣтящимъ серпомъ, глубокое небо искрилось, точно въ его глубинѣ ползали миріады живыхъ свѣтляковъ, земля и вода, и линіи горизонта были совершенно темны. Изломы крѣпости рисовались въ вышинѣ причудливо и странно.

— Гляди, гляди, братцы, — сказалъ вдругъ, среди общаго молчанія, гребецъ...—На Ераклеѣ опять огонь...

Дѣйствительно, на самыхъ верхушкахъ крѣпостныхъ стѣнъ слегка мерцали красноватые отблески. Должно быть «искатели» варили ужинъ въ водоемѣ.

— Стало быть, правда,—задумчиво сказалъ Игнатъ.

— Очищается...—прибавилъ гребецъ, и наша лодка опять двигалась дальше, среди благоговѣйнаго молчанія, проникнутаго ощущеніемъ близкой и глубокой тайны.

Черезъ два дня, на зарѣ я подъѣзжалъ къ Тульчѣ. Подъ самымъ городомъ, на росистой дорогѣ мы обогнали двухъ пѣшеходовъ. Филимонъ шелъ спокойно, какъ всегда. Дудикъ плелся за нимъ, еще больше подавленный и угнетенный.

В. Короленко.

Голубой цвѣтокъ.

Изъ Баумбаха.

Въ лѣсу, на лужайкѣ, подъ шопотъ рѣчей
Деревьевъ, шумѣвшихъ вершиной,
Лежали три мальчика. Сонъ-чародѣй
Соткалъ ихъ своей паутиной.
    Приснился цвѣтокъ имъ, лазурнѣй небесъ.
    Горѣлъ онъ въ росѣ, какъ въ алмазахъ
    (О дивномъ цвѣткѣ этомъ много чудесъ
    Повѣдано въ старыхъ разсказахъ).
Очнувшись, разстались другъ съ другомъ они,
И каждый искать началъ скоро
Цвѣтокъ по горамъ, по доламъ и въ тѣни
Деревьевъ развѣсистыхъ бора.
    Въ сорочкѣ родился, знать, *первый* изъ нихъ:
    Нашелъ онъ въ duплѣ старой ивы
    Полнехонькій ларчикъ камней дорогихъ
    И снесъ ихъ домой онъ, счастливый.
Роскошный дворецъ онъ построилъ тогда,
Славнѣй сталъ барона любого,
И больше не вспомнилъ потомъ никогда
Цвѣтка, какъ лазурь, голубого.
    Второму, лѣсного орѣшка свѣжѣй,
    Попалась дѣвица-красотка
    И руку, и сердце подъ сѣнью вѣтвей
    Вручила счастливцу находка.
Что—годъ, онъ потомство свое умножалъ,
Плодилъ и сынишекъ, и дочекъ,
Картофель, капусту и рѣпу сажалъ,
Забывъ про лазурный цвѣточекъ.
    А *третій*? Ахъ, третій все грезитъ цвѣткомъ!
    Домой ужъ ему не вернуться!
    А люди считаютъ его дуракомъ
    И, встрѣтясь съ бѣднягой, смѣются.

К. Селаври.

ЖРЕЦЫ.

Романъ.

XXVII.

Самоубійство Перелѣсова и, главное, причины, вызвавшія его, произвели сильное и подавляющее впечатлѣніе.

Многіе изъ знавшихъ его не хотѣли вѣрить, чтобы молодой доцентъ, пользовавшійся репутаціей вполнѣ порядочнаго человѣка, проповѣдывавшій съ каѳедры идеи правды и добра, считавшійся однимъ изъ даровитыхъ и честныхъ жрецовъ науки, могъ написать такую клевету на товарищей. Возмущенное чувство протестовало противъ этого. Такая неожиданная подлость казалась невѣроятной даже скептикамъ, видѣвшимъ не мало предательствъ, не удивлявшихъ никого по нынѣшнимъ временамъ. Но и въ отступничествѣ соблюдается нѣкоторая приличная постепенность, а въ данномъ случаѣ какъ-то сразу порядочный, казалось, человѣкъ вдругъ оказался негодяемъ.

Сомнѣній въ этомъ быть не могло.

Хотя всѣ газеты—и не только московскія, но и петербургскія—словно бы сговорившись между собой, не давали никакихъ свѣдѣній о причинахъ самоубійства, а газета, напечатавшая о письмахъ, писанныхъ Перелѣсовымъ передъ смертью, даже поспѣшила опровергнуть это извѣстіе и на основаніи «новыхъ достовѣрныхъ извѣстій» сообщила, что Перелѣсовъ застрѣлился въ припадкѣ умопомѣшательства, — тѣмъ не менѣе, слухи о письмѣ покойнаго къ профессору Зарѣчному быстро распространились въ интеллигентныхъ кружкахъ. Кромѣ того, благодаря нескромности фактора типографіи, еще наканунѣ самоубійства многіе знали, что авторомъ пасквиля былъ Перелѣсовъ.

Эта трагическая расплата за тяжкій грѣхъ словно бы встряхнула сонныхъ людей и заставила призадуматься даже тѣхъ, которые ни надъ чѣмъ не задумываются, освѣтивъ передъ ними весь ужасъ жизни съ ея какими-то ненормальными условіями, благодаря которымъ даже среди самыхъ интеллигентныхъ людей, среди жрецовъ науки, возможны тѣ недостойныя

средства, какія были употреблены Перелѣсовымъ и, разумѣется, съ надеждою на успѣхъ.

Что же, значитъ, возможно среди менѣе интеллигентныхъ людей? — невольно являлся вопросъ, и чѣмъ-то жуткимъ, чѣмъ-то безотраднымъ вѣяло отъ этой утерянности принциповъ и нравственнаго чувства.

Перелѣсова жалѣли, и многіе рѣшили быть на его похоронахъ. Останься онъ жить, порядочные люди, разумѣется, отвернулись бы отъ него съ презрѣніемъ, но мертвый, добровольно заплатившій жизнью за грѣхъ, хоть и великій, онъ нѣсколько примирилъ съ собою.

Но за то «демонъ искуситель», этотъ старый циникъ, натравившій Перелѣсова соблазнительными намеками о профессурѣ на подлость, возбуждалъ общее негодованіе; особенно среди профессоровъ и молодежи. Позабывъ всякую осторожность, возмущенный до глубины души, Зарѣчный показалъ нѣсколькимъ изъ своихъ коллегъ не только письмо, имъ полученное отъ несчастнаго доцента, но и копію съ письма его къ Найденову, которую Перелѣсовъ приложилъ къ письму къ Зарѣчному съ предусмотрительностью человѣка, полнаго ненависти къ врагу, которому онъ желалъ отомстить за преждевременную смерть.

Слухи объ этомъ письмѣ въ тотъ же день разнеслись по городу, и—какъ же ругали Найденова, какихъ только бѣдъ не накликали возмущенные москвичи на этого замѣчательнаго ученаго...

Онъ спокойно сидѣлъ въ кабинетѣ за чтеніемъ какого-то любопытнаго изслѣдованія, когда поздно вечеромъ въ сочельникъ слуга подалъ ему письмо Перелѣсова.

Найденовъ подозрительно взглянулъ на незнакомый почеркъ, не спѣша и съ обычной аккуратностью взрѣзалъ конвертъ, вынулъ письмо, взглянулъ сперва на подпись и, недовольно скашивая губы, принялся читать слѣдующія строки, написанныя твердымъ, размашистымъ и неровнымъ почеркомъ.

«Глубокопрезираемый Аристархъ Яковлевичъ!

«Я переусердствовалъ и не оправдалъ вашихъ ожиданій въ качествѣ тонкаго и умѣлаго пасквилянта, и вы, конечно, назовете меня дуракомъ еще разъ, узнавши, что я ухожу изъ жизни, такъ какъ не обладаю той доблестью, какою обладаете вы: спокойно жить, думая, что всѣ подлецы, но не имѣютъ только храбрости быть откровенными. Я именно изъ подлецовъ мысли и, быть можетъ, остался бы такимъ, пока не получилъ бы кафедры, но вы съ проницательностью, достойною лучшаго примѣненія, поняли мою озлобленную, порочную

душу и, поманивъ меня профессурой, заставили быть орудіемъ въ вашихъ рукахъ, чтобы потомъ поглумиться надъ недостаточною понятливостью ученика. Вы, такимъ образомъ, сыграли блестяще роль подстрекателя, и, разумѣется, не ваша вина, что моя статья не достигла желаемой вами цѣли. Увлеченный надеждами, я переусердствовалъ. Разставаясь, благодаря вамъ, главнымъ образомъ, съ жизнью, я не могу отказать себѣ въ маленькомъ удовольствіи сказать вамъ, что вы поступили со мной нечестно. Желаю вамъ почувствовать угрызенія совѣсти, если только это возможно для васъ. Быть можетъ, мое самоубійство спасетъ другихъ, такихъ же слабыхъ, какъ я. Довольно и одного такого человѣка, позорящаго ученое сословіе. Къ чему же еще плодить ихъ? Вы, презрѣнный старикъ, спокойно доживете свой вѣкъ, а вѣдь совращенные вами могутъ не имѣть вашего мужества, и тогда кто нибудь изъ нихъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ, какъ черезъ нѣсколько часовъ сдѣлаю это я Столько ума и столько нечестности въ одномъ человѣкѣ! И изъ за него я долженъ умереть, когда такъ хотѣлось бы жить!

«Впрочемъ, я не надѣюсь, что васъ чѣмъ нибудь проймешь. Вы слишкомъ свободны отъ какихъ бы то ни было предразсудковъ и, слѣдовательно, неуязвимы. Одна только надежда: если дѣти ваши, которыхъ вы такъ любите, честны, то искренно желаю, чтобы они прозрѣли, каковъ у нихъ отецъ».

Не разъ во время чтенія этихъ строкъ старый профессоръ перекашивалъ свои тонкія губы, двигалъ скулами и ерзалъ плечами, полный злобы къ Перелѣсову, каждое слово котораго хлестало его, какъ бичемъ, своею грубой откровенностью. Онъ вѣдь понималъ, что Перелѣсовъ правъ, называя его убійцей. Но развѣ онъ, воспользовавшись дуракомъ, могъ разсчитывать, что тотъ окажется такой слабой тварью?

И, дочитывая заключительныя строки письма, Найденовъ невольно поблѣднѣлъ и на минуту словно бы закаменѣлъ, неподвижный, съ расширенными зрачками своихъ холодныхъ, отливавшихъ сталью, глазъ.

— Туда, дураку, и дорога!—наконецъ, прошепталъ онъ чуть слышно.

Проговоривъ со злобою эти слова, Найденовъ поднялся съ кресла, подошелъ къ камину и бросилъ на горѣвшіе угли письмо Перелѣсова. Пристальнымъ и злымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ, какъ вспыхнулъ листокъ и какъ затѣмъ, обращенный въ черный пепелъ, свѣтился искорками и, наконецъ, истлѣлъ.

И, словно бы почувствовавъ облегченіе, старый профессоръ удовлетворенно вздохнулъ и заходилъ по своему обширному кабинету.

Видимо недовольный, онъ думалъ о «глупой исторіи», какъ мысленно назвалъ онъ самоубійство Перелѣсова. Его озабочивало—какъ бы не припутали къ ней его имени.

Разумѣется, онъ никакого письма не получалъ, и никто о нёмъ никогда не узнаетъ. Если этотъ дуракъ дѣйствительно застрѣлился, надо быть на одной изъ панихидъ и затѣмъ на похоронахъ... Во всякомъ случаѣ, непріятная исторія. Вотъ что значитъ имѣть дѣло съ глупыми людьми. Сдѣлаетъ пакость въ надеждѣ на вознагражденіе и винитъ другихъ...

Такъ думалъ старый профессоръ, не догадывавшійся, что имя его уже крѣпко припутано къ этой «глупой исторіи», и что Перелѣсовъ, разставаясь съ жизнью, постарался отмстить виновнику своей смерти.

— Къ тебѣ можно, папа?—раздался на порогѣ свѣжій молодой голосъ.

— Можно, можно, Лизочка.

И голосъ Найденова зазвучалъ нѣжностью, а злые глаза его тотчасъ же приняли выраженіе нѣжной любви при видѣ высокой, стройной дѣвушки, лѣтъ двадцати.

Она заглянула отцу въ глаза, сама чѣмъ-то встревоженная, и спросила:

— Ты встревоженъ, папа?..

— Я?.. Нѣтъ... Съ чего мнѣ тревожиться, моя родная!—торопливо отвѣтилъ старикъ и съ какою-то особенной порывистою нѣжностью поцѣловалъ дочь.

— Такъ ты, значитъ, не знаешь печальной новости?

— Какой?

— Перелѣсовъ сейчасъ застрѣлился...

Старый профессоръ, давно уже ничѣмъ и не передъ кѣмъ не смущавшійся, смущенно проговорилъ:

— Застрѣлился? Откуда ты объ этомъ узнала, Лиза?

— Я сейчасъ гуляла и встрѣтила Ольгу Цвѣтницкую...

— И что же?—нетерпѣливо перебилъ Найденовъ.

— Къ нимъ на минутку заѣзжалъ Зарѣчный, чтобы сообщить, что Перелѣсовъ застрѣлился. И знаешь почему, папа?.. Это ужасно!—взволнованно прибавила молодая дѣвушка.

— Почему же?..

— Онъ былъ авторомъ этой мерзкой статьи — помнишь, папа?—въ которой были оклеветаны Зарѣчный, Косицкій и другіе профессора. И не могъ пережить позора...

— Но откуда все это извѣстно?—едва скрывая тревогу, спрашивалъ Найденовъ.

— Онъ самъ признался во всемъ въ письмѣ къ Зарѣчному и просилъ прощенія... Несчастный! Кто могъ думать, что онъ былъ способенъ на такую подлость... Но онъ искупилъ ее своею смертью... Говорятъ, что онъ еще написалъ письмо...

— Кому?—упавшимъ голосомъ спросилъ старый профессоръ.

— Ольга не знаетъ... Кому-то изъ профессоровъ.

Найденова охватила мучительная тревога, и онъ невольно вспомнилъ заключительныя строки только что уничтоженнаго письма. Вспомнилъ, и что-то невыносимо жуткое, тоскливое прилило къ его сердцу при мысли, что можетъ открыться его прикосновенность къ самоубійству Перелѣсова, и тогда онъ потеряетъ любовь сына и дочери.

А онъ ихъ любилъ и, кажется, однихъ ихъ во всемъ свѣтѣ!..

Дома, въ глазахъ жены и дѣтей, онъ былъ въ ореолѣ знаменитаго ученаго и безукоризненнаго человѣка. Никто изъ нихъ не зналъ и не могъ бы допустить мысли, что на душѣ стараго профессора слишкомъ много грѣховъ, и такихъ, за которые можно сгорѣть отъ стыда. Передъ своими онъ словно бы боялся обнажать душу и обнаруживать свой безпринципный цинизмъ, понимая, какъ это подѣйствовало бы на молодыя сердца, полныя энтузіазма и вѣры въ людей. Онъ большую часть своего времени проводилъ въ кабинетѣ, но, встрѣчаясь съ женой и дѣтьми, бывалъ съ ними необыкновенно ласковъ и нѣженъ и при нихъ никогда не высказывалъ своихъ безотрадно-скептическихъ взглядовъ неразборчиваго на средства честолюбца и карьериста, словно бы оберегая любимыя существа отъ своего тлетворнаго вліянія. И дѣти гордились своимъ отцомъ и горячо любили его, объясняя его нелюдимство и не особенно близкія отношенія съ профессорами его страстью къ ученымъ занятіямъ. Они, быть можетъ, и замѣчали, что многіе относятся къ отцу недоброжелательно и даже прямо враждебно, но и это—казалось имъ—происходило оттого, что не понимали горделивой и сдержанной съ посторонними натуры отца. Кромѣ того, боялись его насмѣшливаго подчасъ языка и завидовали его подавляющему превосходству и по уму, и по всѣми признанной репутаціи замѣчательнаго ученаго, труды котораго переводятся на иностранные языки.

Благодаря умному добровольному невмѣшательству Найденова въ воспитаніе своихъ дѣтей и благодаря вліянію необыкновенно кроткой матери, обожавшей мужа съ какимъ-то слѣпымъ, чуть-ли не рабскимъ, благоговѣніемъ любящей и нѣжной натуры,—дѣти выросли, совсѣмъ не похожіе по внутреннему складу на отца. Особенно его любимица Лиза, добрая дѣвушка и беззавѣтная энтузіастка, горѣвшая желаніемъ приложить свои силы на помощь обездоленнымъ и несчастнымъ.

Она была дѣятельнымъ членомъ попечительства и вмѣстѣ съ Маргаритой Васильевной дѣйствительно ретиво занималась дѣломъ благотворительности. Она посѣщала ежедневно свой

участокъ, не стѣсняясь подвалами и задворками, сердечно относилась къ бѣднякамъ и съ горячностью предстательствовала за нихъ передъ комитетомъ и раздавала имъ почти всѣ свои карманныя деньги вмѣсто того, чтобы на нихъ купить себѣ пару новыхъ перчатокъ или флаконъ духовъ. Кромѣ того Лиза была учительницей въ школѣ попечительства и относилась къ принятымъ на себя обязанностямъ съ отцовской добросовѣстностью и аккуратностью въ работѣ. Не похожая на большинство шаблонныхъ барышень, мечтающихъ о нарядахъ, выѣздахъ, балахъ, театрахъ и поимкѣ хорошаго жениха, она распоряжалась своимъ досугомъ на пользу ближняго и, бодрая, здоровая и румяная, не нервничала отъ неудовлетворенности жизнью, дѣлая свои маленькія дѣла скромно, толково и неустанно.

И отецъ, давно ужъ забывшій альтруистическія чувства и преслѣдовавшій въ жизни одни лишь свои интересы, не высмѣивалъ ни ея благотворительнаго пыла, ни ея посѣщеній по вечерамъ публичныхъ лекцій, ни ея увлеченія школой и возни съ грязными дѣтьми трущобъ, ни ея молодого задора и категоричности мнѣній, ни ея негодующихъ протестовъ противъ того, что добрая дѣвушка считала несправедливымъ, нечестнымъ и злымъ.

Напротивъ! Этотъ черствый себялюбецъ, высокомѣрный и жесткій по отношенію ко всѣмъ людямъ, исключая своихъ кровныхъ, съ снисходительнымъ вниманіемъ и, казалось, даже сочувственно слушалъ пылкія рѣчи своей любимицы, довѣрчивой и экспансивной, и своимъ мягкимъ ласковымъ взглядомъ какъ будто поощрялъ дочь вѣрить въ то, во что самъ давно не вѣрилъ, и проявлять безкорыстную дѣятельную любовь, которая ему лично казалось забавой.

И обычная саркастическая улыбка не кривила его тонкихъ безусыхъ губъ. Ему казалось святотатствомъ осквернить чистую душу своимъ скептицизмомъ стараго циника и обнажить передъ ней свое полное равнодушіе къ тому, что она считала красотой жизни.

«Пусть жизнь сама разрушитъ ея иллюзіи. Пусть знакомство съ людьми покажетъ ей человѣка такимъ, какъ онъ есть... А я не стану разрушать этой чистой вѣры!»—нерѣдко думалъ старикъ, слушая свою любимицу.

И старикъ пользовался ея безграничной любовью. Изъ страха потерять эту любовь онъ тщательно скрывалъ передъ нею самого себя и искусно показывалъ только то, что могло поддержать въ ея глазахъ его престижъ. Ужъ давно онъ потерялъ и уваженіе, и любовь друзей. Давно онъ самъ не уважалъ себя. Что-же у него останется въ жизни, если онъ по-

теряетъ любовь дѣтей, хотя бы онъ и пользовался ею обманомъ!

И эта «глупая исторія», это самоубійство Перелѣсова, о которомъ такъ горячо говорила дочь, показалась ему страшной трагедіей. Лучше было бы, еслибъ ея не было.

— Ты, я вижу, очень изумленъ и взволнованъ, папочка!—проговорила Лиза и быстро поцѣловала костлявую и сухую отцовскую руку.

Старикъ нѣжно потрепалъ дочь по щекѣ и отвѣтилъ:

— Да... Совсѣмъ неожиданно.

— Такой молодой и совершилъ такой ужасный поступокъ... Ты вѣдь зналъ Перелѣсова? Онъ, кажется, еще недавно у тебя былъ вечеромъ, въ день юбилея Косицкаго!..

— Былъ.

— Какъ ты объясняешь себѣ эту лживую статью... это предательство товарищей, папа?—допрашивала Лиза, не понимая, что она является палачемъ любимаго отца.

— Человѣкъ—очень сложный инструментъ, Лиза. Очень сложный, милая!—какъ-то раздумчиво проговорилъ Найденовъ, отводя взглядъ.

— Но всетаки, папа. Что могло заставить его рѣшиться на это?

— У людей бываютъ разныя страсти, Лиза. И побороть ихъ не всегда легко.

— Но всетаки онъ былъ не совсѣмъ дурной человѣкъ... Этотъ трагическій конецъ примиряетъ съ нимъ. Не правда ли?

— Да,—тихо проговорилъ отецъ.

— И, знаешь, папочка. Ольга говорила, будто кто-то обѣщалъ Перелѣсову, что онъ будетъ профессоромъ вмѣсто Зарѣчнаго, если напишетъ статью. Его кто-то вовлекъ.

— Это вздоръ!—почти крикнулъ Найденовъ.

И, спохватившись, прибавилъ тихо:

— Кто могъ обѣщать ему? Вѣрнѣе всего, Перелѣсовъ самъ додумался до этой статьи... Онъ давно мечталъ о профессурѣ... Теперь мало ли какихъ сплетенъ не будутъ распускать по поводу самоубійства Перелѣсова... Пожалуй, еще и мое имя приплетутъ...

— Твое? Что ты? Богъ съ тобой, папочка!—испуганно промолвила Лиза.

— Люди злы... Пожалуй, узнаютъ, что Перелѣсовъ заходилъ ко мнѣ послѣ юбилея...

— Такъ что же?..

— И выведутъ какія нибудь нелѣпыя заключенія... Отъ сплетенъ не убережешься... Ну, да я къ нимъ равнодушенъ... Мнѣ рѣшительно все равно, какъ обо мнѣ люди думаютъ, лишь бы дома меня знали и любили. А больше мнѣ ничего

не надо... И я знаю, что вы меня любите и не повѣрите никакимъ сплетнямъ про вашего отца... Неправда ли, Лиза?— необыкновенно нѣжнымъ и умоляющимъ голосомъ проговорилъ старый профессоръ, уже понявши изъ словъ дочери, что имя его припутано къ самоубійству Перелѣсова.

Этотъ «кто-то», обѣщавшій профессуру, смущалъ его.

— И ты еще спрашиваешь, родной? Да развѣ про тебя смѣютъ говорить что нибудь дурное?.. И развѣ мы можемъ повѣрить, что ты способенъ сдѣлать что нибудь дурное?.. О, папочка!.. Ты просто разстроенъ этимъ несчастнымъ происшествіемъ, и тебѣ въ голову лѣзутъ невозможныя мысли. Лучше поцѣлуй свою дочку и пойдемъ въ столовую. Сейчасъ подадутъ чай.

И Лиза порывисто обняла нагнувшагося къ ней отца, крѣпко поцѣловала его и, глядя на него своими восторженными блестящими глазами, воскликнула:

— О, дорогой мой папочка. Какъ я горжусь тобой!

Что-то теплое, счастливое прилило къ сердцу отца; онъ благодарно и умиленно гладилъ русую головку дочери своею вздрагивающею холодною рукой, и въ то же время думалъ о письмѣ Перелѣсова къ Зарѣчному. Что, если въ этомъ письмѣ онъ разсказываетъ все, какъ было?

И мучительный трепетъ страха охватилъ ничего не боявшагося стараго профессора при мысли, что дѣти могутъ узнать и убѣдиться, что напрасно они гордятся своимъ отцомъ.

Онъ чувствовалъ, что едва стоитъ на ногахъ.

— Папочка, да что съ тобой? Ты поблѣднѣлъ. Твоя рука дрожитъ?..—тревожно спрашивала Лиза.

— Ничего, ничего, родная...

И онъ присѣлъ на отоманку.

— Тебя такъ взволновало это ужасное извѣстіе?..

— На свѣтѣ много ужасныхъ извѣстій, Лиза... Я вѣрно утомился сегодня... Много работалъ. И я не пойду въ столовую пить чай... Принеси мнѣ сюда, голубушка...

Когда Лиза ушла, Найденовъ какъ-то жалко и безпомощно прошепталъ:

— Неужели начинается расплата?..

XXVIII.

На второй день праздника—утренняя панихида назначена была въ десять часовъ.

Въ небольшой залѣ, рядомъ съ опечатанной комнатой, въ которой застрѣлился Перелѣсовъ, стоялъ гробъ, обитый золотымъ глазетомъ. Толстый дьячекъ монотонно и гнусаво чи-

талъ псалтырь, взглядывая по временамъ равнодушнымъ взглядомъ изъ подъ густыхъ бровей на маленькую, бѣдно одѣтую старушку въ траурномъ платьѣ, обшитомъ плерезами, которая стояла у гроба и тихо, совсѣмъ тихо, точно запуганный ребенокъ, плакала, не отрывая своихъ выцвѣтшихъ, красныхъ отъ слезъ глазъ отъ обрамленнаго цвѣтами лица покойника, спокойнаго и серьезнаго, словно думающаго какую-то важную думу.

Старушка-мать, вдова маленькаго провинціальнаго чиновника, жившая въ уѣздномъ городѣ Смоленской губерніи на средства, которыя давалъ ей сынъ, удѣляя ихъ изъ своего скуднаго заработка, пріѣхала вчера вечеромъ, вызванная телеграммой Сбруева. Сбруевъ жилъ недалеко отъ Перелѣсова, на Арбатѣ, и къ нему первому прибѣжалъ квартирный хозяинъ, чтобы сообщить о самоубійствѣ своего квартиранта.

Сбруевъ былъ потрясенъ, когда поздно вечеромъ узналъ отъ Зарѣчнаго о причинахъ самоубійства Перелѣсова. Онъ искренно его пожалѣлъ и простилъ грѣхъ, искупленный смертью. По просьбѣ Зарѣчнаго онъ взялъ на себя хлопоты по устройству похоронъ и, такъ какъ послѣ смерти Перелѣсова у него найдено было всего лишь три рубля, то Сбруевъ рѣшилъ похоронить Перелѣсова на свой счетъ, еслибы коллеги отказались отъ складчины, и въ ту же ночь занялъ для этой цѣли двѣсти рублей.

Но на другой же день Зарѣчный объѣхалъ нѣсколькихъ профессоровъ и собралъ триста рублей и отдалъ ихъ Сбруеву.

Старушка почти не спала ночь. Не смотря на просьбы Сбруева идти къ нему переночевать, она просила, какъ милости, позволить ей остаться при сынѣ. Она не устала, а если устанетъ, подремлетъ въ креслѣ.

И, ничего до этихъ поръ не говорившая о сынѣ, она, глотая рыданія, вдругъ сказала:

— О еслибъ вы только знали, какой онъ былъ добрый и нѣжный ко мнѣ... О, еслибъ вы это знали! Онъ самъ нуждался... отказывалъ себѣ во всемъ—я только теперь это узнала—а мнѣ, голубчикъ, каждый мѣсяцъ посылалъ пятьдесятъ рублей... И писалъ, что живетъ отлично, что ни въ чемъ не нуждается... Онъ всегда такой былъ... деликатный... А я дура вѣрила, что онъ посылаетъ отъ излишковъ. И онъ еще въ послѣднемъ письмѣ писалъ, что скоро выпишетъ меня въ Москву, и мы будемъ вмѣстѣ жить, когда его сдѣлаютъ профессоромъ... Вотъ и выписалъ... И объясните мнѣ, ради Бога, Дмитрій Иванычъ, отчего Леня лишилъ себя жизни?.. Въ письмѣ ко мнѣ, оставленномъ на его столѣ, онъ проситъ прощенія, что оставляетъ меня одну, и только говоритъ, что жить

ему больше нельзя. Кто обидѣлъ его? Кому онъ мѣшалъ, мой голубчикъ?..

Сбруевъ грустно молчалъ.

— Такой хорошій, умный, молодой... Ему бы жить, а онъ... мертвый... Кто жъ погубилъ его? Какіе злодѣи? И неужели они не будутъ наказаны? Да гдѣ жъ тогда правда на землѣ, Дмитрій Иванычъ?

Она вдругъ смолкла, точно сама испугавшись этого порыва отчаянія, и снова заплакала.

А Сбруевъ все молчалъ и не замѣчалъ, что глаза его влажны отъ слезъ.

Около полуночи онъ ушелъ домой, а мать снова подолгу стояла у гроба и, застывшая въ скорби, глядѣла въ лицо сына, точно ожидая, не откроетъ ли оно причину ея сиротства.

Ночью старушка забывалась на нѣсколько минутъ въ тяжеломъ снѣ, сидя на креслѣ. И теперь она опять смотритъ на мертваго сына и опять тихо плачетъ.

На часахъ пробило девять ударовъ.

Вошла квартирная хозяйка, молодая, рыжеватая дама и, словно бы стыдясь занимать горюющую мать житейскими дѣлами, какъ-то томно проговорила:

— Извините... Я, конечно, понимаю ваше горе, но всетаки... не выпьете ли чашку чая?..

Старушка съ удовольствіемъ приняла предложеніе и вышла изъ комнаты.

Въ концѣ десятаго часа пріѣхалъ Сбруевъ и вслѣдъ за нимъ Невзгодинъ.

Они познакомились на юбилеѣ Косицкаго и понравились другъ другу.

— Какъ вы думаете, Дмитрій Иванычъ, много соберется на панихиду?—спросилъ Невзгодинъ.

— Я думаю. Вчера вечеромъ на первой панихидѣ было порядочно народа...

— И это правда, что я слышалъ вчера о Найденовѣ?.. Косицкій разсказывалъ...

— Правда. Не ожидали, что такой мерзавецъ?..—грустно протянулъ Сбруевъ.

— Это я давно зналъ, положимъ... Но я не думалъ, что онъ такъ неостороженъ...

— На всякаго мудреца довольно простоты, Василій Васильичъ...

— И неужели онъ послѣ всего... останется въ Москвѣ?..

— Не думаю!—какъ-то значительно промолвилъ Сбруевъ.— Вотъ мать покойнаго, оставшаяся сиротой и безъ куска хлѣба послѣ смерти Перелѣсова, спрашивала: гдѣ же правда на землѣ?

— И что вы ей отвѣтили?

— Ничего!—мрачно произнесъ Сбруевъ.

— Отвѣтить, хотя бы для утѣшенія старухи, гдѣ по нонынѣшнимъ временамъ гоститъ эта самая правда, очень затруднительно.

— Особенно намъ!—рѣшительно подчеркнулъ Дмитрій Иванычъ.

— Кому «намъ»?

— Вообще жрецамъ науки, выражаясь возвышеннымъ тономъ.

— Почему-же имъ особенно, Дмитрій Иванычъ?—удивленно спросилъ Невзгодинъ.

— А потому, что у насъ двѣ правды!—уныло протянулъ Сбруевъ.

— У людей другихъ профессій, пожалуй, этихъ правдъ еще больше.

Обыкновенно молчаливый и застѣнчивый Дмитрій Ивановичъ, подъ вліяніемъ самоубійства Перелѣсова, находился въ возбужденно-мрачномъ настроеніи, и ему хотѣлось поговорить по душѣ съ какимъ нибудь хорошимъ свѣжимъ человѣкомъ и притомъ не изъ своей профессорской среды, которая ему не особенно нравилась.

А Невзгодинъ именно былъ такимъ свѣжимъ человѣкомъ, возбуждавшимъ симпатіи въ Сбруевѣ. Невзгодинъ былъ вольная птица и не зналъ гнета зависимости и двойственности положенія. Кромѣ того Сбруеву казалось, что Невзгодинъ не способенъ на компромиссы.

И Дмитрій Ивановичъ заговорилъ вполголоса, «волнуясь и спѣша»:

— Быть можетъ и больше, но знаете ли, въ чемъ ихъ преимущество?

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что чиновникъ, напримѣръ, не обязанъ говорить хорошія слова, свершая, положимъ, не совсѣмъ хорошіе поступки. Сиди себѣ и пиши, худо или хорошо, это его дѣло. А мы обязаны.

— Какъ такъ?

— А такъ. Съ каѳедры мы проповѣдуемъ одну правду— если и не всю, то хоть частичку ея,—а въ жизни поступаемъ по другой правдѣ, назначенной для домашняго употребленія и для двадцатаго числа...

Онъ застѣнчиво улыбнулся своею грустною улыбкой и продолжалъ:

— Вотъ Перелѣсовъ не вынесъ рѣзкаго противорѣчія этихъ двухъ правдъ, обнаруженнаго передъ всѣми, и пустилъ себѣ пулю въ лобъ... Ну, а мы и не замѣчаемъ этихъ противорѣчій и,

если не дѣлаемъ сами крупныхъ пакостей и только, какъ Пилатъ, умываетъ руки при видѣ ихъ или дѣлаемъ маленькія подлости, то уже считаемъ себя порядочными людьми и надѣемся дожить до заслуженнаго профессора и отпраздновать свой юбилей вмѣсто того, чтобы уйти, пока еще не утрачено человѣческое подобіе, если не изъ жизни, какъ ушелъ Перелѣсовъ, то хоть изъ жрецовъ... Отчего, въ самомъ дѣлѣ, мы, русскіе интеллигенты, такія тряпки, Василій Васильичъ?—взволнованно воскликнулъ Сбруевъ, точно изъ души его вырвался страдальческій вопль.

— Много на это причинъ, Дмитрій Иванычъ...

— Однако звонятъ... Сейчасъ явится публика. Какъ жаль, что нельзя поговорить на эту тему основательнѣе и выяснить, почему болѣе стыдливые—тряпки, а безстыжіе ужъ черезъ чуръ наглы... Не позавтракаемъ ли вмѣстѣ завтра, послѣ похоронъ? Сегодня боюсь... Вечеромъ надо опять здѣсь быть, и неловко придти не въ своемъ видѣ. Я люблю, запершись, иной разъ выпить,—прибавилъ Сбруевъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Поѣдемъ въ «Прагу». Тамъ не особенно дорого... А то молчишь, молчишь... Ну и вдругъ захочется поговорить со свѣжимъ человѣкомъ, да еще такимъ счастливцемъ.

— Почему счастливцемъ?

— А какъ-же. Вѣдь нигдѣ не служите?

— Нигдѣ.

— Въ профессора не собираетесь?

— Нѣтъ.

— И, слышалъ, избрали писательскую карьеру?

— Хочу попробовать.

— И не бросайте ея, ежели есть талантъ. По крайней мѣрѣ самъ себѣ господинъ. Ни отъ кого не зависите...

— Кромѣ редактора и цензора... Особенно, если попадутся черезъ чуръ дальновидные!—усмѣхнулся Невзгодинъ.

— Но всетаки... въ вашей волѣ...

— Не писать? Разумѣется.

— Нѣтъ... Отчего не писать?.. Но не лакействовать. И это счастіе.

— Не особенное, Дмитрій Иванычъ.

— По сравненію съ другими профессіями—особенное.

Стали появляться разныя лица. Явилось нѣсколько профессоровъ; въ числѣ ихъ были и оклеветанные въ статьѣ покойнаго: Косицкій и Зарѣчный. Маленькая зала быстро наполнялась интеллигентной публикой, среди которой были учителя, студенты и много молодыхъ женщинъ.

Всѣхъ входящихъ въ залу тотчасъ-же охватывало какое-то особенное настроеніе взволнованности, страха и винова-

тости при видѣ спокойно-важнаго лица покойнаго. Трагическая его смерть напоминала, казалось, о чемъ-то важномъ и серьезномъ, что всѣми обыкновенно забывается, и придавала этому лицу выраженіе не то упрека, не то предостереженія.

И нѣкоторымъ изъ присутствующихъ оно, казалось, говорило:

«Я сдѣлалъ нечестное дѣло, въ которомъ и вы отчасти виноваты и... видите».

Не смотря на горделивое сознаніе всѣхъ присутствовавшихъ, что никто изъ нихъ не сдѣлаетъ такого нечестнаго дѣла и, слѣдовательно, не застрѣлится, многимъ становилось жутко, когда подходили къ покойнику и заглядывали въ его лицо. Разговаривали шопотомъ, словно боялись разбудить мертвеца. Почти у всѣхъ женщинъ были заплаканные глаза... Старушка мать гдѣ-то затерялась въ толпѣ, и на нее никто не обращалъ вниманія.

Кто-то принесъ въ корзинѣ массу живыхъ цвѣтовъ, и въ толпѣ пронесся шопотъ, что цвѣты прислала Аносова.

Нѣсколько профессоровъ собрались въ кучку и тихо поносили Найденова. Особенно отличались трусливые коллеги стараго профессора, которые потихоньку заискивали у него. Но здѣсь, у гроба, невольно хотѣлось щегольнуть цинизмомъ, выражая негодованіе противъ человѣка, котораго и раньше всѣ боялись и не любили, но всетаки терпѣли.

— Я ему руки не подамъ. Честное слово!—вдругъ сказалъ Цвѣтницкій, не зная, какъ это у него сорвалось съ языка, такъ какъ самъ онъ былъ убѣжденъ, что никогда не рѣшится сдѣлать этого, пока Найденовъ въ фаворѣ.

И, вѣроятно, замѣтивъ, что ему не повѣрили, Цвѣтницкій проговорилъ:

— Такъ таки не подамъ!

Зарѣчный между тѣмъ сообщилъ, что вчера, въ пять часовъ вечера, передъ самымъ обѣдомъ къ нему заѣзжалъ Найденовъ и не засталъ его дома.

— Я приказалъ не принимать его, если онъ еще разъ пріѣдетъ!—прибавилъ молодой профессоръ.

Слушатели удивлялись наглости Найденова. Самъ натравилъ Перелѣсова написать пасквиль и имѣетъ дерзость ѣхать къ Николаю Сергѣевичу. Вѣрно онъ не знаетъ, что Николай Сергѣичъ получилъ письмо отъ его жертвы.

— А можетъ быть узналъ и хотѣлъ уговорить васъ скрыть его.

— Чортъ его знаетъ. Теперь я понялъ, что это за человѣкъ!—негодующе замѣтилъ Зарѣчный, вспоминая, какъ Найденовъ глумился надъ нимъ по поводу его рѣчи и какъ раз-

сказывалъ, что защищалъ его, а между тѣмъ самъ же подговорилъ написать противъ него статью.

«И какимъ я былъ трусомъ тогда!»—подумалъ Николай Сергѣевичъ и почувствовалъ еще большую радость, что Найденовъ такъ основательно попался въ своихъ подлыхъ интригахъ.

Подошелъ еще одинъ профессоръ и сообщилъ, что слышалъ изъ вѣрныхъ источниковъ, будто по поводу самоубійства Перелѣсова будетъ назначено слѣдствіе.

На всѣхъ лицахъ мелькнули торжествующія улыбки.

— Тогда онъ навѣрное вылетитъ!—замѣтилъ Зарѣчный.

— И давно пора!—проговорилъ Цвѣтницкій.

И всѣ снова принялись бранить Найденова.

Одинъ только Косицкій слушалъ все это молча и грустно смотрѣлъ, какъ укладываютъ въ гробъ цвѣты.

Маргарита Васильевна вошла съ мужемъ и стала у дверей въ сосѣдней комнатѣ—столовой квартирныхъ хозяевъ. Невзгодинъ подошелъ къ Зарѣчной и, вглядывая на ея блѣдное, истомленное лицо, задумчивое и скорбное, спросилъ:

— Что съ вами? Зачѣмъ вы сюда пришли совсѣмъ больная?

— Со мной ничего особеннаго. Просто устала... не спала ночь въ дорогѣ. Я только что изъ Петербурга. А вы гдѣ пропадали?

— Работалъ. А порученіе ваше завтра же исполню.

— Спасибо.

Она помолчала и вдругъ промолвила чуть слышно:

— А какъ это просто.

— Что такое?

— Да вотъ это.

И Маргарита Васильевна едва замѣтнымъ движеніемъ головы указала на гробъ.

Невзгодинъ удивленно взглянулъ на молодую женщину.

— Вы хотите сказать, что просто разстаться съ жизнью?

— Ну да.

— Ужъ не манитъ ли и васъ эта простота?

— По временамъ являются такія мысли.

— Что это?.. Заразительность частыхъ самоубійствъ?

— Нѣтъ... Собственныя размышленія послѣдняго времени.

— И причины такого желанія?...

— Жить скучно!—прошептала молодая женщина, и на лицѣ ея появилась такая скорбная улыбка, что Невзгодину сдѣлалось жутко.

— Какъ это, подумаешь, ужасно!..

— А вы думаете, нѣтъ?

— Но ваши планы дѣятельности и другіе?..

— Оставить мужа?

— Да.

— Вѣдь вы сами же говорили, что одна дѣятельность не можетъ удовлетворить женщину. А въ другой мой планъ не вѣрили!—прибавила Маргарита Васильевна, и слабый румянецъ вспыхнулъ на блѣдныхъ щекахъ.

— Положимъ, говорилъ... Но изъ этого не слѣдуетъ, что нужно...

— Мало ли что не слѣдуетъ!—перебила Маргарита Васильевна.

— Вамъ полѣчиться надо.

— Можетъ быть.

— И что это нынѣ за безволіе какое-то у людей!

Невзгодинъ сопоставилъ только что бывшій у него разговоръ со Сбруевымъ съ тѣмъ, что говорила Маргарита Васильевна. И того мучаетъ двойственность положенія, и въ его рѣчахъ чувствуется смутное желаніе выхода изъ него, хотя бы путемъ смерти... И эта вотъ тоже. Нечего сказать, тряпичное поколѣніе въ болѣе стыдливыхъ его представителяхъ.

Да и самъ онъ развѣ не переживалъ въ Парижѣ такого настроенія?

Была полоса, когда и у него бродили мысли покончить съ собой изъ-за проклятыхъ вопросовъ, мучавшихъ своей неприложимостью въ жизни, и изъ-за отвергнутой любви къ этой самой Маргаритѣ Васильевнѣ, безъ которой жизнь ему казалась несчастной... И ко всему этому одиночество и хроническое голоданіе.

Но все это продолжалось у него не долго и безповоротно прошло. Работа, горделивое желаніе борьбы, примѣры мужества крупныхъ личностей и сознаніе долга передъ жизнью спасли его, направивъ мысли отъ своихъ маленькихъ личныхъ печалей на болѣе серьезныя и общественныя печали. Теперь онъ удивляется своему малодушію, и его удивляетъ малодушіе людей, которые безъ борьбы, безъ всякой попытки найти выходъ въ какомъ нибудь общественномъ дѣлѣ, отдаются во власть нервныхъ, личныхъ настроеній.

Ему было жаль Маргариту Васильевну. Кто ее знаетъ? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ она приведетъ въ исполненіе свое желаніе оттого, что скучно жить. А ей скучно жить, главнымъ образомъ, потому, что она никого не любитъ и жаждетъ любви.

Надо поговорить съ ней, успокоить ее, убѣдить куда нибудь уѣхать на время.

— Сегодня вы будете дома, Маргарита Васильевна?

— Цѣлый день.

— Можно зайти къ вамъ? Не помѣшаю?

— Заходите... Я всегда рада васъ видѣть.

— И ужъ больше не сердитесь на Ѳому невѣрнаго?

— Нѣтъ... Тѣмъ болѣе, что онъ...

— Былъ правъ въ своихъ сомнѣніяхъ? — подсказалъ Невзгодинъ.

— Не совсѣмъ, но до извѣстной степени!—грустно промолвила Маргарита Васильевна.—Вѣдь это такъ просто и такъ ужасно!—прибавила она, указывая взглядомъ на гробъ, и вся содрогнулась.

«Бѣдняга! Боится, что и мужъ застрѣлится! Какая же онъ скотина, если пугаетъ «этимъ!»—подумалъ Невзгодинъ.

Въ столовую вошелъ старенькій священникъ изъ ближняго прихода. Онъ тотчасъ же принялъ соотвѣтствующій предстоящей требѣ серьезно задумчивый видъ, поклонился и торопливо началъ облачаться въ траурную ризу при помощи дьячка. Вслѣдъ за нимъ вошли пѣвчіе, и въ комнатѣ запахло водкой. Нѣкоторые изъ пѣвчихъ были пьяны по случаю праздника и едва стояли на ногахъ.

Старенькій священникъ подозрительно покосился на пѣвчихъ и что-то шепнулъ дьячку.

— Не въ первый разъ, батюшка!—успокоительно проговорилъ дьячокъ.

Въ эту минуту въ залѣ мгновенно наступила мертвая тишина. Всѣ сразу смолкли, не окончивъ рѣчей и повернувъ головы къ раскрытымъ изъ залы въ прихожую дверямъ.

Почти на всѣхъ лицахъ застыло выраженіе необычайнаго изумленія и негодованія. Даже по лицу добряка Андрея Михайловача Косицкаго пробѣжала гримаса, точно отъ какой-то физической боли, и старикъ густо покраснѣлъ, точно сдѣлалъ что нибудь нехорошее, и ему стало стыдно.

Невзгодинъ переступилъ порогъ, взглянулъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Высоко поднявъ свою сѣдую, коротко остриженную голову и ни на кого не смотря своими сѣрыми, пронизывающими глазами, свѣтившимися изъ подъ очковъ рѣзкимъ, холоднымъ, словно сталь, блескомъ, сквозь толпу пробирался впередъ, къ гробу, Найденовъ съ обычнымъ своимъ спокойнымъ и надменнымъ видомъ.

Словно бы не замѣчая или не желая замѣчать того потрясающаго впечатлѣнія, какое произвело его прибытіе, онъ прошелъ впередъ и остановился около кучки профессоровъ, ничѣмъ не выказывая своего волненія и еще выше поднимая голову. Только движеніе скулъ, замѣченное Невзгодинымъ, могло обличить, что старый профессоръ отлично понимаетъ, въ какое убійственно-непріятное положеніе онъ поставилъ себя, явившись на панихиду.

И Невзгодинъ, какъ художникъ, любовался дьявольскимъ самообладаніемъ и дерзкою наглостью Найденова, ожидая, что будетъ дальше, и какъ его встрѣтятъ профессора.

Цвѣтницкій, стоявшій ближе къ Найденову, первый поклонился, и Найденовъ, небрежно протянувъ ему руку, повелъ взглядомъ на остальныхъ коллегъ. Еще два стыдливыхъ нерѣшительныхъ поклона, и отвѣтный общій кивокъ Найденова.

Зарѣчный отвелъ глаза въ сторону, будто не замѣчая бывшаго своего профессора. Косицкій встрѣтилъ взглядъ и поклонъ Найденова, не отвѣтилъ на него и только снова покраснѣлъ. Не поклонились Найденову еще двое.

Это оскорбленіе нанесено было у всѣхъ на глазахъ. Съ извѣстнымъ ученымъ, тайнымъ совѣтникомъ не хотѣли кланяться!..

Какъ только Найденовъ вошелъ въ залу, онъ сразу же понялъ, что Перелѣсовъ хорошо отомстилъ своему врагу. Эти изумленные, негодующіе взгляды, эти презрительныя улыбки почти въ упоръ ясно говорили, что онъ возбуждаетъ ненависть, и что его всѣ считаютъ виновникомъ самоубійства этого «болвана». Но возвращаться было уже поздно, и, наконецъ, не ему занимать наглости.

И Найденовъ нарочно прошелъ впередъ, къ коллегамъ, увѣренный, что никто изъ нихъ не посмѣетъ оскорбить его. Онъ зналъ ихъ хорошо. Но значитъ Зарѣчный показалъ всѣмъ письмо, и его, вліятельнаго профессора, считали настолько скомпрометированнымъ этимъ самоубійствомъ, что уже рѣшились обнаруживать свои цивическія чувства въ оскорбленіи. Прежде ненавидѣли, но не смѣли. Теперь смѣютъ.

«Начинается расплата!»—снова пришла въ голову Найденову мысль, не дававшая ему покоя послѣ разговора съ дочерью.

И, внутренно почти равнодушный къ нескрываемой ненависти всѣхъ этихъ людей и къ нанесенному коллегами оскорбленію (они поплатятся за это!—подумалъ старый профессоръ), онъ съ ужасомъ и тоскою подумалъ, что дѣти могутъ узнать про все, что только что произошло.

Поблѣднѣвшій, съ презрительно скошенными тонкими безусыми губами, онъ всетаки не терялъ самообладанія. Неподвижная, словно статуя, его высокая сухощавая, выпрямившаяся фигура стояла передъ гробомъ, и глаза его, горѣвшіе злымъ огонькомъ, какъ у затравленнаго волка, вызывающе смотрѣли сверху прямо въ лицо покойника.

Священникъ хотѣлъ было начинать службу, но въ это время изъ толпы вышелъ блѣдный, какъ полотно, Сбруевъ. Онъ подошелъ къ батюшкѣ и просилъ немного повременить.

Всѣ, ожидая чего-то необычайнаго, замерли. Найденовъ

плотнѣй сжалъ совсѣмъ побѣлѣвшія губы, и глаза его, казалось, пронизывали покойника.

Но въ нихъ блеснуло на мгновеніе что-то жалкое и беззпомощное, когда Сбруевъ отъ священника подошелъ къ нему и, не здороваясь и не поклонившись, взволнованно проговорилъ:

— Господинъ Найденовъ. Я вынужденъ сказать, что вамъ не мѣсто здѣсь, у гроба покойника, который...

Отъ волненія Сбруевъ больше ничего не могъ сказать.

Найденовъ не проронилъ ни слова. Медленно, словно бы нарочно замедляя шаги, направился онъ черезъ толпу, наполнявшую комнату, къ дверямъ.

Передъ нимъ брезгливо разступались, точно передъ зачумленнымъ, его провожали злорадными взглядами, вслѣдъ ему посылались проклятія, а онъ будто не видалъ и не слыхалъ ничего и шелъ, не склоняя подъ бременемъ позора своей сѣдой, высоко поднятой головы, по прежнему высокомѣрный, словно бы презирающій всѣхъ, и великолѣпный въ своемъ безстыдствѣ.

— Этакая наглость! — раздавались голоса.

Но, когда старый профессоръ вышелъ изъ квартиры и очутился на улицѣ, самообладаніе его оставило.

Онъ едва стоялъ на ногахъ и трясущимися губами беззвучно шепталъ какія-то угрозы и пугливо и растерянно озирался, словно боясь людей или не зная, куда ему идти. Наконецъ, упавшимъ, точно чужимъ голосомъ, онъ позвалъ извозчика.

Когда онъ сѣлъ въ сани, то какъ-то весь съежился, опустилъ голову и казался жалкимъ и безпомощнымъ, совсѣмъ не похожимъ на прежняго надменнаго старика.

Онъ пріѣхалъ домой и, когда слуга отворилъ ему двери,— спросилъ:

— Барышня дома?

— Нѣтъ-съ... Онѣ ушли съ Михайломъ Аристархычемъ тотчасъ послѣ васъ.

Казалось, это извѣстіе успокоило нѣсколько старика.

Нетвердыми шагами дрожащихъ ногъ прошелъ онъ въ кабинетъ и опустился въ кресло.

Черезъ нѣсколько минутъ пришла его жена, блѣднолицая пожилая женщина съ кроткими глазами и, увидавъ мужа, испуганно спросила:

— Аристархъ Яковлевичъ... Что съ тобой? Ты боленъ...

— Ничего... Такъ... слабость... А гдѣ дѣти?

— Ты развѣ ихъ не видалъ?

— Гдѣ?

— На панихидѣ. Они пошли туда...

— Они были тамъ?—спросилъ Найденовъ глухимъ голосомъ.

— Да. Лиза непремѣнно хотѣла идти на панихиду... Да отчего это тебя такъ удивляетъ?

Старый профессоръ поднялъ на жену взглядъ, полный ужаса и тоски, и изъ груди его вырвался стонъ.

XXIX.

Вскорѣ послѣ панихиды Невзгодинъ сидѣлъ въ кабинетѣ Маргариты Васильевны.

Она говорила:

— Вы понимаете чужія настроенія, Василій Васильичъ, но всетаки вы не знаете женской души. Вотъ вы давеча совѣтовали лѣчиться...

— Совѣтовалъ и теперь настаиваю. Вы изнервничались въ послѣднее время... Прежде вы были куда энергичнѣе...

— Прежде?.. Прежде я надѣялась, я ждала чего-то... А теперь?.. Развѣ вылѣчишь больную, неудовлетворенную душу бромомъ и обтираніями холодной водой? По совѣсти вамъ говорю, какъ доброму пріятелю: скучно жить.

Проговоривъ эти слова, Маргарита Васильевна взглянула грустнымъ, усталымъ взглядомъ на Невзгодина.

— Это настроеніе пройдетъ...

— Когда?.. Когда пройдутъ годы, и я сдѣлаюсь старухой.

И, помолчавши, прибавила съ тоской:

— А жить такъ хочется! Вѣдь я не жила совсѣмъ — вы правду какъ-то говорили... Я никогда и никого не любила... Я не знала, что значитъ забыть себя для другого, жить съ нимъ неразрывно и душою, и тѣломъ и съ радостью отдать за любимаго человѣка жизнь?.. А именно такого счастія я и искала, о такой любви и мечтала, а между тѣмъ... этого не было и никогда не будетъ!

— Отчего не будетъ? Развѣ вы не можете полюбить?

— Быть можетъ могу, но не посмѣю... Страшно строить свое счастье на несчастьи другого...

— Во первыхъ, не всегда несчастье другого такъ сильно, а во вторыхъ, когда любятъ, то все смѣютъ...

— А вы, Василій Васильевичъ, когда нибудь такъ любили?

— Развѣ вы не знаете?

— Какъ я могу знать?

— Да вѣдь я васъ такъ любилъ, Маргарита Васильевна!

— Развѣ?—удивленно и въ то же время обрадованно воскликнула Маргарита Васильевна.

— И, знаете ли, дѣло прошлое, и потому сознаюсь вамъ, что въ ту пору, когда вы отвергли мою руку, какъ руку легкомысленнаго и безпутнаго человѣка, я въ Парижѣ былъ въ такомъ настроеніи, что могъ наложить на себя руки.

— Вы?

— Я самый.

— И изъ за меня?

— Несовсѣмъ изъ за васъ... Причиной отправиться къ праотцамъ была не одна несчастная любовь, но и разныя сомнѣнія въ томъ, слѣдуетъ ли жить на свѣтѣ, не имѣя возможности передѣлать его радикально... Ну и, кромѣ того, одиночество... голоданіе.

— И долго было такое настроеніе?

— Съ мѣсяцъ, пожалуй, бродили мысли о покупкѣ револьвера... По счастью денегъ не было.

— Какъ же вы избавились отъ этихъ мыслей?

— Одинъ французъ, безрукій старикъ — руку ему откарнали при усмиреніи коммуны — голодавшій въ сосѣдней мансардѣ, высмѣялъ меня самымъ настоящимъ образомъ и сказалъ, что ужъ если мнѣ такъ хочется умереть, то лучше поѣхать въ Южную Америку и поступить въ ряды инсургентовъ... По крайней мѣрѣ, однимъ солдатомъ больше будетъ противъ правительства. Старикъ чувствовалъ ненависть ко всякому правительству... Но такъ какъ мнѣ не на что было ѣхать въ Южную Америку, то я занялся работой, досталъ уроки... читалъ... думалъ... и скоро устыдился своего намѣренія, сообразилъ, что я не одинъ на свѣтѣ, отвергнутый любимой женщиной и не одинъ со своими требованіями перекроить подлунную... Да и чтобы перекроить, надо жить, а не умирать... И—какъ видите—я не раскаиваюсь, что живу на свѣтѣ и строчу повѣсти и разсказы, хотя и я, какъ и вы, не знаю той любви, о которой вы мечтали...

— И которой не желали вы?

— Кто вамъ это сказалъ? Вѣдь и у меня губа не дура! Очень бы хотѣлъ полюбить женщину, которая была бы хороша, какъ Клеопатра Египетская, умна, какъ Маргарита Пармская, если только она въ самомъ дѣлѣ была такъ умна, какъ пишутъ историки, и притомъ не дѣлала бы сценъ ревности, не хлопала бы глазами, когда говорятъ про общественныя дѣла, и была бы и любовницей, и отзывчивымъ другомъ и хорошимъ товарищемъ... Я даже готовъ былъ бы сбавить кое что изъ своихъ требованій... Но пока такой любви нѣтъ, я нахожу, что можно и безъ нея жить... Развѣ жизнь, въ самомъ дѣлѣ, въ одной только любви?

— Для васъ, мужчинъ, пожалуй. А для женщины, такой какая она теперь, только въ любви. Я только недавно это

поняла. Поняла и почувствовала тоску жизни!—грустно прибавила Маргарита Васильевна.

Она помолчала и продолжала:

— И знаете-ли, Василій Васильичъ?.. Я много, много думала за это время о своемъ положеніи и не знаю, на что рѣшиться...

— То есть—разойтись съ мужемъ или нѣтъ?

— Да.

— Что же васъ останавливаетъ?

— Тогда рѣшеніе у меня было твердое—оставить его.

— А теперь?

— Мнѣ страшно... Если онъ, какъ Перелѣсовъ...

— Этого не будетъ.

— А если?

— Ну, такъ что-жъ! Человѣкъ, женившійся на женщинѣ, которая его не любитъ... Вѣдь онъ зналъ, что вы его не любите?

— Зналъ.

— Такой человѣкъ, если и застрѣлится, не можетъ возбуждать раскаянія... И надо быть великимъ эгоистомъ, чтобы стращать этимъ...

Невзгодинъ скоро ушелъ.

Маргарита Васильевна, оставшись одна, снова задумалась.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

К. Станюковичъ.

Среди ночи и льда.

Норвежская полярная экспедиція 1893—96 гг.

Фритьофа Нансена.

Среда, 1-го мая.—24,8°С. Сегодня я исправилъ свои финскіе башмаки съ подошвами изъ парусины; надѣюсь, что они еще про служатъ нѣкоторое время. У меня теперь двѣ пары такихъ башмаковъ, такъ что одна пара можетъ сушиться на солнцѣ.

Ледъ снова попортился, и переходы наши сдѣлались поэтому короче. Я записалъ въ пятницу 3-го мая:

Вчера мы прошли вовсе не такъ много, какъ я ожидалъ, хотя и сдѣлали нѣкоторые успѣхи. Ледъ былъ плоскій, и мы шли, не останавливаясь, цѣлыхъ четыре часа. Но затѣмъ опять стали попадаться канавы, ледяные хребты, черезъ которые, однако, пройти было можно, хотя ледъ и сдвигался подъ нашими ногами. Юговосточный вѣтеръ постепенно усилился. Во время нашего обѣда онъ повернулъ къ востоку и сталъ довольно сильнымъ; кромѣ того и ледъ еще болѣе испортился, и канавы и хребты стали еще хуже. Когда вѣтеръ дошелъ до скорости 9—10 метровъ въ секунду, то началась сильная мятель, закрывшая все кругомъ; разумѣется, при такихъ условіяхъ путешествовать было не особенно пріятно. Я счелъ благоразумнымъ остановиться и разбить палатку, если мы найдемъ хотя бы сколько нибудь защищенное мѣсто. Но это было легче сказать, нежели сдѣлать, потому что мятель едва позволяла что нибудь разглядѣть. Наконецъ, намъ удалось найти подходящее мѣсто, и мы, очень довольные, что нашли убѣжище, съѣли свое кушанье «fiskegratin» и залѣзли въ спальный мѣшокъ, между тѣмъ какъ вѣтеръ потрясалъ стѣнки палатки и громоздилъ кругомъ громадные снѣжные сугробы. Мы должны были раскинуть свою палатку непосредственно у новообразованнаго ледянаго кряжа, что было несовсѣмъ пріятнымъ сосѣдствомъ, но выбора у насъ не было, это было единственное мѣсто за вѣтромъ, которое намъ удалось найти. Ледъ началъ трещать подъ нами раньше, чѣмъ я уснулъ, и чувствовалось, какъ ледяной кряжъ позади насъ напираетъ толчками. Я лежалъ и раздумывалъ, не лучше ли было бы встать раньше, чѣмъ

на насъ обрушится ледяная глыба. Однако, раздумывая объ этомъ, я уснулъ и мнѣ снилось землетрясеніе. Когда я черезъ нѣсколько часовъ проснулся, все опять было спокойно, и только вѣтеръ завывалъ, наметая кучи снѣга вокругъ палатки.

Вчера вечеромъ убитъ былъ «Потифаръ». У насъ теперь осталось 16 собакъ; число ихъ уменьшается устрашающимъ образомъ, а между тѣмъ мы еще такъ далеко находимся отъ земли. Еслибъ мы уже достигли ея!

Суббота, 4-го мая. Вчера мы прошли около 15 километровъ, но канавы становятся все хуже. Когда мы выступили послѣ обѣда, нагрузивъ мои сани и каякъ и приведя въ порядокъ грузъ подъ каякомъ Іогансена, то вѣтеръ улегся, и снѣгъ падалъ спокойно и безшумно большими хлопьями, точно дома зимой. Непріятно, что почти ничего не видно и нельзя разглядѣть, какова дорога. Однако дѣло складывалось недурно, и мы подвигались впередъ. Ѣхать при такой мягкой погодѣ (—11,3°С) было чудесно; можно было дѣлать что угодно голыми руками, не приходя въ содроганіе отъ одной только мысли, что нужно разстегнуть пуговицу. Можно было снова дѣйствовать изъязвленными, отмороженными пальцами, не испытывая невыносимыхъ болей при дотрогиваніи до какого нибудь предмета.

Но открытыя канавы портили намъ жизнь, такъ какъ приходилось дѣлать большіе обходы и тратить много драгоцѣннаго времени. Впрочемъ, потомъ пошли большія пространства гладкаго льда, по которымъ мы весело продолжали свой путь, въ особенности когда ихъ освѣщало солнце. Просто удивительно, какъ оно дѣйствуетъ ободряющимъ образомъ. Незадолго передъ тѣмъ, промучившись прокладывая себѣ дорогу черезъ ледяныя глыбы и кряжи вдоль канавы, чтобы найти мѣсто для перехода, я буквально падалъ отъ утомленія, и никакое наслажденіе не могло сравниться съ тѣмъ, которое я испыталъ, забравшись въ мѣшокъ; теперь же, когда счастье намъ снова улыбнулось, усталости какъ не бывало!

Ночью, однако, ледъ сталъ замѣтно хуже; канава слѣдовала за канавой, и лишь сильно уклонившись отъ курса и сдѣлавъ большіе обходы, мы могли преодолѣть это препятствіе. Было отъ чего придти въ отчаяніе; къ тому же и вѣтеръ усилился. Чего бы я не далъ, чтобы уже видѣть землю, чтобы имѣть передъ собою хорошій путь, разсчитывать на опредѣленные дневные переходы и избавиться отъ вѣчной тревоги и неизвѣстности относительно канавъ! Никто не вѣдаетъ, какія затрудненія онѣ еще готовятъ намъ въ будущемъ, какія препятствія намъ нужно будетъ преодолѣть прежде чѣмъ мы достигнемъ земли! А, между тѣмъ, число собакъ постоянно уменьшается. Бѣдныя животныя получаютъ все, что только мы въ состояніи дать имъ, но отъ этого мало толку. Я такъ усталъ, что шатаюсь на своихъ лыжахъ.

Сегодня утромъ около пяти часовъ мы достигли широкой ка-

навы, и такъ какъ собаки не могли идти дальше, то мы остановились. Но когда заберешься въ палатку и влѣзешь въ мѣшокъ, держа въ рукахъ свое кушанье, издающее аппетитный запахъ, то ощущаешь такое чувство благосостоянія, которое не уничтожить никакимъ канавамъ.

Пройденный нами ледъ былъ большею частью плоскій, за исключеніемъ новообразованныхъ канавъ и кряжей, но они попадались большею частью на небольшихъ пространствахъ, и между ними былъ такой же плоскій ледъ, какъ вчера. Почти всѣ канавы имѣютъ, повидимому, одинаковое направленіе, онѣ идутъ поперекъ нашего курса съ легкимъ уклоненіемъ къ юго-западу. Сегодня утромъ температура снова упала до—17,8° C, послѣ того, какъ она уже повысилась до—11°, и я теперь надѣюсь, что вода скоро замерзнетъ. Быть можетъ, несправедливо съ нашей стороны проклинать вѣтеръ, тогда какъ наши товарищи на «Fram», навѣрное, ему радуются. Безъ сомнѣнія, и я радуюсь за нихъ, но это не мѣшаетъ мнѣ сильно желать, чтобы они подождали нѣсколько, пока мы не достигнемъ земли.

Среда, 8 мая. Канавы по прежнему встрѣчаются во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ледъ вообще очень неровенъ, и старые и новые ледяные кряжи смѣняютъ другъ друга. Между этими мѣстами попадаются большія ровныя пространства, безъ канавъ. Ледъ просто удивительный, онъ какъ будто все уплощается по мѣрѣ нашего приближенія къ материку, между тѣмъ какъ мы ожидали совсѣмъ иного. Еслибы все такъ осталось! Мнѣ кажется даже, что этотъ ледъ площе того, который окружалъ «Fram». Здѣсь совсѣмъ нѣтъ дѣйствительно непроходимыхъ мѣстъ; всѣ неровности какъ будто уменьшаются въ объемѣ, и встрѣчаются лишь незначительныя ледяныя глыбы, маленькіе холмы и кряжи. Нѣкоторыя канавы узки и, видно, образовались совсѣмъ недавно, такъ какъ покрыты лишь снѣжною массой; однако этотъ покровъ очень обманчивъ: съ виду онъ какъ будто состоитъ изъ плоскаго плотнаго льда, но стоитъ ткнуть въ него палкой, чтобы она вся ушла насквозь, до самой воды.

Сегодня утромъ я вычислилъ широту и долготу; первая (воскресенье, 5 мая) была 84°31' сѣв., вторая—66°15' вост. Мы не такъ далеко подвинулись къ югу, какъ я думалъ, но замѣтно подвинулись дальше на западъ. Въ будущемъ я намѣренъ больше придерживаться южнаго направленія, такъ какъ насъ по прежнему уноситъ теченіемъ на западъ, и я больше всего опасаюсь слишкомъ далеко забраться въ этомъ направленіи. Вѣроятно, мы скоро увидимъ землю и тогда уже будемъ знать, какого курса держаться. По настоящему мы уже должны были бы достигнуть земли.

Вчера мы не убили ни одной собаки, такъ какъ еще оставалось двѣ трети убитой наканунѣ «Улейки», и собаки могли полу-

чить роскошный обѣдъ. Я намѣренъ убивать собакъ лишь черезъ день; но, быть можетъ, мы скоро повстрѣчаемъ медвѣдя.

Четвергъ, 9-го мая. 13,3° С. Вчера былъ довольно удачный день. Ледъ не то что былъ очень хорошъ, поверхность его была очень бугристая, и идти было тяжело, но мы всетаки подвигались впередъ. Тамъ и сямъ намъ попадались большія ровныя пространства. Погода, когда мы выступили утромъ, около 2½ часовъ, была прекрасная, и солнце свѣтило сквозь легкія, бѣлыя перистыя облака. Собакамъ все труднѣе становится тащить сани, такъ какъ число ихъ уменьшается, да, какъ видно, деревянные полозья не очень легко скользятъ. Я давно уже рѣшилъ снять ихъ и сегодня хочу попробовать сдѣлать это. Не смотря на все это, собаки бѣгутъ довольно ровно и только изрѣдка останавливаются. Вчера мои сани везли только четверо собакъ, причемъ одна изъ нихъ, «Флинтъ», выскользнула изъ упряжи и убѣжала, такъ что мы только вечеромъ разыскали ее и въ наказаніе убили. Ледъ сегодня менѣе ровный, чѣмъ въ послѣдніе дни. Послѣ обѣда погода стала пасмурной, и вѣтеръ усилился; къ тремъ часамъ началась настоящая снѣжная буря. Нельзя было разглядѣть дороги, все было бѣло, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ выступали голубоватыя ледяныя глыбы, выглядывавшія среди крутящагося снѣга. Вскорѣ ледъ сталъ еще хуже, и я наткнулся на кряжи и неровности, которыхъ раньше не замѣтилъ. Мы сочли неблагоразумнымъ идти дальше. По счастью, мы наткнулись на хорошо защищенное мѣсто для стоянки. Я все болѣе и болѣе удивляюсь, что не видно никакихъ признаковъ земли. По нашимъ разсчетамъ, мы должны были уже пройти 84°.

Пятница, 10 мая.—8,8° С. Въ нашей жизни приходится не мало преодолѣвать затрудненій. Вчера день обѣщалъ быть хорошимъ, но погода помѣшала намъ идти впередъ. Когда мы до обѣда залѣзли въ свою палатку, то было хорошо; солнце свѣтило, дорога была хорошая, и ледъ казался ровнѣе обыкновеннаго. Прежде чѣмъ выступить, мы хотѣли удалить съемные деревянные полозья, но попробовавъ еще разъ свои сани, я нашелъ, что они и такъ хорошо скользятъ. Между тѣмъ Іогансенъ уже снялъ эти полозья со среднихъ саней. При этомъ мы открыли, что одинъ изъ полозьевъ березоваго дерева раскололся, и намъ ничего не оставалось, какъ снова прикрѣпить полозья. Мы довольно хорошо подвигались, хотя у насъ было только 13 собакъ; четыре были запряжены въ мои сани, четыре въ сани изъ березоваго дерева и пять въ сани Іогансена. Въ теченіе дня, однако, погода стала хмуриться, и началъ падать снѣгъ, такъ что мы не могли различать дороги. Но такъ какъ ледъ былъ довольно ровный, то мы продолжали подвигаться. Дойдя до одной канавы, мы обошли ее, но затѣмъ вскорѣ попали снова между цѣлымъ рядомъ ледяныхъ грядъ. Куда бы мы ни поворачивались, всюду наталкивались на углубле-

нія и ямы, хотя подъ покровомъ все еще падающаго снѣга дорога казалась гладкой, прекрасной. Такъ какъ было безполезно идти дальше, то мы и рѣшили сдѣлать остановку, съѣсть свой обѣдъ, вычислить долготу и подождать, пока снова прояснѣетъ. Еслибы это случилось не скоро, то мы могли бы и выспаться хорошенько... Проспавъ нѣсколько часовъ, я всталъ около часа утра, вышелъ изъ палатки; погода была все такая же пасмурная и облачная, только на горизонтѣ, на юго-западѣ, виднѣлась полоска неба. Я предоставилъ Іогансену спать, а самъ занялся вычисленіемъ нашей долготы, которая оказалась 64°20' в. Если мои вычисленія вѣрны, то мы значительно подвинулись къ западу. Пока я занимался, вдругъ послышался снаружи у одного изъ каяковъ какой-то подозрительный шумъ. Я прислушался, и, дѣйствительно, собаки возились у каяка Іогансена. Выскочивъ изъ палатки, я увидалъ, что «Харенъ» грызетъ кусокъ свѣжаго собачьяго мяса, который былъ оставленъ на завтра; я далъ собакѣ хорошую потасовку и тщательно прикрылъ отверстіе каяка лыжами, палками и капюшонами.

Погода все такая же, пасмурная, но вѣтеръ перешелъ нѣсколько къ югу, и полосы голубого неба на юго-западѣ нѣсколько больше выступаютъ надъ краемъ льдовъ. Неужели поднимется западный вѣтеръ? Мы бы обрадовались ему. Нетерпѣливыми взорами смотрѣлъ я на голубыя полосы неба; тамъ, далеко, сіяло солнце, и, быть можетъ, была земля. Я видѣлъ, какъ несутся перистыя облака по голубому воздуху, и меня охватывало желаніе скорѣе быть тамъ и чувствовать твердую землю подъ ногами, тогда всѣ наши труды были бы забыты. Ахъ, какъ я несказанно жажду этого! Пожалуй, лучше было бы залѣзть въ мѣшокъ и сократить время сномъ... Когда мы, наконецъ, встали передъ обѣдомъ, все осталось по прежнему, и тѣ же лазурно-голубыя полосы виднѣлись на юго-западѣ,

Воскресенье, 12-го мая.—17,5°С. Вчера день былъ лучше, чѣмъ мы ожидали. Хотя все время было облачно и пасмурно, и мы больше ощупью находили дорогу, такъ какъ разглядѣть было трудно, ледъ также былъ не особенно хорошъ, но мы всетаки подвигались впередъ, и временами намъ встрѣчались большія пространства гладкаго льда; только раза два намъ попадались открытыя канавы, составившія нѣкоторое препятствіе. Къ удивленію, на юго-западѣ все еще виднѣлись тѣ же полосы голубого неба, все выше поднимавшіяся надъ горизонтомъ, чѣмъ дальше мы подвигались. Мы все надѣялись, что онѣ еще болѣе расширятся, и погода прояснится. Но полосы не думали подниматься выше и оставались все такими же свѣтлыми, иногда даже понижались опять, такъ что на краю неба оставалась замѣтной только узкая полоска, но потомъ и она пропала. Надо надѣяться, что мы всетаки прошли положенные 14 километровъ, такъ что до твердой земли остается еще только

97 километровъ, если дѣйствительно она находится подъ 83° широты.

Между тѣмъ время проходитъ, и число собакъ уменьшается. У насъ осталось только двѣнадцать. Вчера была убита «Катта». Наши запасы также постепенно уменьшаются, хотя еще осталось достаточно. Первый жбанъ съ керосиномъ (10 литровъ) уже опустѣлъ три дня тому назадъ, и скоро мы покончимъ свой второй мѣшокъ съ хлѣбомъ.

Понедѣльникъ, 13-го мая. Я полагаю, что не ошибусь, считая, что вчера и сегодня мы прошли 30 километровъ. Намъ остается, слѣдовательно, еще 82 километра до 83° широты и отмѣченной въ этомъ мѣстѣ Пайеромъ земли. Мы придерживаемся южнаго курса, такъ какъ этотъ постоянный восточный вѣтеръ, вѣроятно, относитъ насъ на западъ. Ночью въ мѣшкѣ становится довольно тепло, такъ что прошлую ночь я даже не могъ спать отъ теплоты.

Вторникъ, 14-го мая.—14,1°C. Сегодня былъ день отдохновенія. Какъ разъ послѣ завтрака, когда мы собирались выступить, небо заволокло, и поднялась сильная мятель. Идти въ такую погоду по неровному льду было бы безполезно, и поэтому я рѣшилъ остаться и заняться кое какими мелкими работами и, главнымъ образомъ, перераспредѣленіемъ груза нашихъ саней, потому что у насъ оставалось мало собакъ. Это заняло время, но такъ какъ всетаки это нужно было сдѣлать въ концѣ концовъ, то мы, слѣдовательно, ничего не потеряли отъ однодневной остановки.

У насъ теперь накопилось столько дровъ отъ разломанныхъ саней и лыжъ, что я рѣшился поберечь керосинъ и употребить эти дрова какъ топливо. Мы развели костеръ, чтобы сварить ужинъ, и устроили изъ пустой жестянки изъ подъ керосина котелокъ, который повѣсили надъ огнемъ. Сначала мы попробовали разжечь костеръ у самаго отверстія палатки, но пришлось отказаться отъ этой попытки, такъ какъ мы чуть не сожгли палатку, и, кромѣ того, она такъ наполнилась дымомъ, что мы едва могли раскрыть глаза. Но за то было тепло и уютно. Мы затѣмъ перенесли костеръ подальше на лёдъ и избавились отъ опасности сжечь палатку или прокоптиться въ дыму, но съ этимъ вмѣстѣ исчезло и удовольствіе, доставляемое видомъ пылающаго костра. Однако мы сожгли цѣлыя сани, и намъ едва удалось вскипятить котелокъ воды, причемъ льдина, на которой мы находились, чуть-чуть не растаяла вся. Пришлось отказаться отъ мысли варить обѣдъ на дровахъ, и мы вернулись къ нашему доброму другу и вѣрному товарищу «Примусу», съ которымъ мы можемъ не разставатся, даже сидя въ своемъ мѣшкѣ. Керосина у насъ больше, чѣмъ нужно на весь нашъ путь, о чемъ же хлопотать? Но еслибы керосинъ вышелъ раньше конца путешествія, то мы можемъ замѣнить его медвѣжьимъ, тюленьимъ и моржовымъ жиромъ, котораго достанемъ сколько угодно.

Меня интересуетъ результатъ нашей перегрузки. Наши сани

съ каяками, конечно, стали тяжелѣе, но въ каждыя изъ нихъ будутъ запряжены по шести собакъ. Наконецъ, мы были вознаграждены яркимъ солнечнымъ сіяніемъ за наше терпѣніе. Но зато въ палаткѣ стало такъ жарко, что я обливался потомъ.

Ледъ довольно проходимъ, хотя канавы нѣсколько мѣшаютъ намъ. Притомъ же собаки наши такъ выбились изъ силъ, что останавливаются при каждой неровности. Мы поэтому подвигаемся впередъ очень мало.

Въ четвергъ я записалъ въ своемъ дневникѣ: многія изъ собакъ совсѣмъ лишились силъ. «Баро», который шелъ впереди, вчера уже не могъ двигаться, и мы его убили. Бѣдное животное! Онъ вѣрно служилъ намъ до самаго конца.

Вчера былъ день рожденія Іогансена; ему исполнилось 28 лѣтъ. По этому случаю мы устроили небольшой праздникъ. Угощеніе состояло изъ рыбной муки, любимаго кушанья Іогансена, и горячаго лимоннаго грога. Отъ лучей полуденнаго солнца было въ палаткѣ тепло и уютно. 6 часовъ утра—15,8°С.

Я вычислилъ сегодня вчерашнюю долготу и широту и нашелъ 83° 36 сѣв. широты и 59°55' восточной долготы. Широта вполнѣ совпадаетъ съ тою, которую я предполагалъ раньше, на основаніи своихъ прежнихъ наблюденій, но зато долгота возбуждаетъ нѣкоторую тревогу, такъ какъ имѣетъ слишкомъ западное направленіе, хотя мы и идемъ все время на югъ. Ледъ, повидимому, сильно увлекается теченіемъ, и, пожалуй, было бы вѣрнѣе взять курсъ нѣсколько на юговостокъ, чтобы не слишкомъ далеко отойти отъ земли. Для большей увѣренности я еще разъ провѣрилъ свои наблюденія отъ 7 и 8-го апрѣля, но не нашелъ въ нихъ никакой ошибки. Но всетаки странно, что мы до сихъ поръ не видимъ даже признаковъ земли. Въ 10-мъ часу вечера—17°С.

Пятница, 17 мая 10,9° С. Минимумъ—19° С. Сегодня годовщина конституціи. Я былъ убѣжденъ, что мы въ этотъ день будемъ уже гдѣ нибудь на твердой землѣ, но судьба судила иначе. Я лежу въ своемъ мѣшкѣ, мечтаю о праздническихъ увеселеніяхъ дома и мысленно переношусь туда, къ процессіямъ дѣтей и веселой толпѣ, наполняющей улицы. Какъ привѣтливо выглядятъ красные флаги, развѣвающіеся въ голубомъ весеннемъ воздухѣ, освѣщенные лучами солнца, проникающими сквозь молодую листву деревьевъ! А мы сидимъ здѣсь, на пловучемъ льду, и даже сами не знаемъ хорошенько, гдѣ находимся, и какъ велико разстояніе, отдѣляющее насъ отъ неизвѣстной земли, гдѣ мы надѣемся найти средства къ поддержанію нашей жизни. У насъ остались только двѣ упряжки собакъ, силы ослабѣваютъ, а между нами и нашею цѣлью лежитъ ледяное поле, гдѣ мы можемъ наткнуться на множество препятствій, доселѣ намъ неизвѣстныхъ; везти сани намъ также не подъ силу теперь. Мы упорно двигаемся миля за милей впередъ, а между тѣмъ теченіе уноситъ насъ на западъ въ море, ми-

мо земли, которую мы стремимся достигнуть. Безспорно, такая жизнь тяжела, но вѣдь придетъ же ей когда нибудь конецъ, достигнемъ же мы когда нибудь цѣли! Мы тоже высоко поднимемъ нашъ флагъ ради 17 мая, пусть этотъ день будетъ отпразднованъ и здѣсь, подъ 83°30', и если судьба судитъ намъ замѣтить сегодня какой нибудь признакъ, указывающій на близость земли, то радость наша увеличится вдвое.

Вчера былъ тяжелый день. Погода была великолѣпная, дорога прекрасная, такъ что можно было бы сильно подвинуться впередъ, еслибъ не собаки, которыя при всякомъ удобномъ случаѣ останавливаются. Я попробовалъ вчера самъ впречься впереди, и дѣло шло не дурно, но такъ какъ мнѣ нужно было отыскивать дорогу, то и пришлось оставить эту мысль. Мы подвигаемся всетаки впередъ и въ концѣ концовъ будемъ вознаграждены тѣмъ, что достигнемъ земли, еслибъ только не эти ужасныя канавы! Вчера мы наткнулись на цѣлыхъ чететыре канавы.

Воскресенье, 19 мая. Вчера мы неожиданно увидѣли въ канавахъ множество нарваловъ. Какъ разъ, когда мы собирались переходить канаву, возлѣ которой остановились наканунѣ, я обратилъ вниманіе на сопѣніе, напоминающее дыханіе кита. Сначала я подумалъ, что этотъ звукъ производятъ собаки, но затѣмъ увѣрился, что онъ исходитъ ихъ канавы. Я прислушался. Іогансенъ слышалъ эти звуки все утро, но думалъ, что это шумъ отъ напора льда въ отдаленіи. Вдругъ я замѣтилъ движеніе, а затѣмъ голову нарвала, вслѣдъ за которой появилось и туловище животнаго и, описавъ дугу, исчезло, затѣмъ показался второй нарвалъ. Тутъ жило цѣлое стадо. Я крикнулъ Іогансену, что появились нарвалы, бросился къ своимъ санямъ, чтобы достать ружье и гарпунъ. Между тѣмъ животныя исчезли изъ этого отверстія, и я уже слышалъ ихъ сопѣнье въ другихъ мѣстахъ, дальше къ востоку. Я пошелъ вдоль канавы въ этомъ направленіи, но выстрѣлить мнѣ не удалось, хотя я раза два подходилъ къ животнымъ довольно близко. Онѣ показывались въ сравнительно небольшихъ отверстіяхъ во льду, лежащихъ вдоль всей канавы. Мы могли бы, конечно, застрѣлить одно изъ этихъ животныхъ, еслибы остались цѣлый день слѣдить за отверстіями, но у насъ не было времени; да еслибы мы и убили нарвала, то намъ всетаки не пришлось бы воспользоваться своею добычей, такъ какъ сани и безъ того были ужъ достаточно тяжелы.

Мы подвигались теперь такъ медленно, что едва ли могло быть хуже, и я рѣшилъ удалить полозья у моихъ саней и замѣнить ихъ другими, обитыми накладнымъ серебромъ. Перемѣна къ лучшему оказалось поразительной, точно это не были прежнія сани.

Когда мы вечеромъ позднѣе попали на хорошій ледъ, то стали подвигаться очень быстро, такъ что, по моему мнѣнію, къ 11½ часамъ утра, когда мы сдѣлали остановку, мы успѣли пройти 15 километровъ. Мы, значитъ, дошли приблизительно до 83° 20' с. ш., слѣдовательно,

спустились уже до такихъ широтъ, которыя и до насъ посѣщались людьми. Не можетъ быть, чтобъ мы находились далеко отъ земли. Передъ самою остановкою вчера мы прошли канаву или полынью, которая выглядѣла совершенно такъ, какъ двѣ предшествующія, даже, быть можетъ, была нѣсколько шире. Сопѣніе нарваловъ слышалось и здѣсь, но хотя я находился вблизи отверстія во льду, я все-таки не могъ видѣть животныхъ, такъ какъ отверстіе было слишкомъ мало. Іогансенъ, подошедшій съ собаками, сказалъ мнѣ, что онѣ что-то почуяли, какъ только дошли до замерзшей канавы и порывались идти противъ вѣтра.

Чѣмъ далѣе мы идемъ къ югу, тѣмъ хуже становится ледъ. Мы попадаемъ иногда на пространства хорошаго ровнаго льда, но эти пространства часто бываютъ перерѣзаны широкими поясами нагроможденнаго льда, причемъ также попадаются канавы, замедляющія нашъ путь. Я записалъ 19 мая: Взобрался на самый высокій холмъ, на какой только мнѣ случалось всходить. Приблизительно измѣривъ его, я нашелъ $7^1/_2$ метровъ вышины, но такъ какъ ледъ, на которомъ онъ находился, значительно возвышался надъ уровнемъ воды, то, по всей вѣроятности, высота холма въ дѣйствительности была около 9 метровъ; онъ составлялъ гребень очень короткой и искривленной ледяной гряды и состоялъ лишь изъ мелкихъ кусковъ.

Въ этотъ день мы наткнулись на первые медвѣжьи слѣды. Увѣренность, что мы наконецъ дошли до такихъ мѣстъ, гдѣ водятся эти звѣри, и надежда поѣсть медвѣжьяго окорока насъ чрезвычайно радовали. 26 мая поднялась страшная мятель, невозможно было разглядѣть дорогу на неровной почвѣ, и намъ ничего не оставалось, какъ залѣзть подъ крышу и спать какъ можно дольше. Однако голодъ заставилъ меня встать и заняться приготовленіемъ обѣда, послѣ котораго мы выпили по кружкѣ молочнаго питья и затѣмъ снова залѣзли въ мѣшокъ, чтобы писать или дремать, какъ придется.

Мы не могли слишкомъ удалиться отъ 83°10' с. ш. и должны были бы уже добраться до земли Петермана, если она находится тамъ, гдѣ ее отмѣтилъ Пайеръ. Или мы заблудились, или земля эта очень мала! Быть можетъ, этотъ восточный вѣтеръ уноситъ насъ на западъ въ море, по направленію къ Шпицбергену. Только Богу одному извѣстно, какъ велика тутъ скорость теченія. Но я не унываю, у насъ еще осталось десять собакъ, и если мы даже проплывемъ мимо мыса Флигели, то все же къ западу отъ него встрѣтимъ достаточно земли, которую не можемъ пропустить. Врядъ ли мы можемъ голодать здѣсь, и еслибы даже случилось самое худшее, и намъ пришлось здѣсь зимовать, то мы бы и съ этимъ примирились... еслибъ только насъ никто дома не ждалъ! Барометръ все падаетъ, и наше терпѣніе подвергается долговременному испытанію.

Наконецъ, послѣ обѣда, на слѣдующій день (21-го мая) мы были въ состояніи снова двинуться въ путь, хотя падающій снѣгъ мѣшалъ намъ видѣть, и мы часто спотыкались, точно слѣпые. Вѣтеръ былъ довольно сильный и дулъ намъ въ спину, ледъ былъ довольно ровный, и я рѣшился прикрѣпить парусъ къ своимъ санямъ. Но хотя сани двигались сами по льду, собаки отъ этого не побѣжали бытрѣе. Бѣдныя животныя! Они такъ утомились, дорога трудная! Мы пересѣкли много новыхъ замерзшихъ лужъ. Вѣроятно, тутъ были нѣсколько времени тому назадъ большія пространства открытой воды. Я полагаю, что мы, безъ преувеличенія, прошли сегодня 22 километра; 83° с. ш. долженъ уже быть позади насъ, а между тѣмъ мы все еще не видимъ никакого признака земли. Это насъ нѣсколько безпокоитъ.

Пятница, 24-го мая—7,4°С. Минимумъ—11,4°С. Вчера былъ самый скверный день для насъ; канава, у которой мы остановились наканунѣ, оказалась хуже всѣхъ предшествующихъ. Въ часъ утра, въ то время какъ Іогансенъ занялся починкою палатки, я поплелся искать мѣста для переправы и проходилъ три часа, не найдя ничего. Намъ ничего не оставалось другого, какъ идти вдоль канавы на востокъ; вѣдь въ концѣ концовъ должны же мы перейти ее гдѣ нибудь. Однако, это продлилось дольше, чѣмъ мы ожидали. Когда мы дошли до того мѣста, гдѣ канава, повидимому, оканчивалась, то увидали что ледъ растрескался во всѣхъ направленіяхъ, и льдины перетирались другъ о дружку съ необычайною быстротой. Нигдѣ нельзя было перейти безопасно. Я было рѣшился уже перейти въ одномъ мѣстѣ, но когда проникъ туда съ санями, то увидалъ только открытую воду. Мы переходили съ большими затрудненіями съ одной льдины на другую, подвигаясь все дальше къ востоку, разсчитывая перейти гдѣ-нибудь. Ледъ сдвигался подъ нами и вокругъ насъ и часто мы едва успѣвали пройти. Только что у насъ появлялась надежда, что уже миновали это трудное мѣсто, какъ вдругъ нашимъ разочарованнымъ взорамъ представлялись новыя, еще худшія канавы и расщелины. Было отчего придти въ отчаяніе!

Хотя мы были голодны и до смерти устали, но, тѣмъ не менѣе, рѣшили не останавливаться, пока не преодолѣемъ этихъ затрудненій. Однако, дѣло казалось почти безнадежнымъ, и мы, наконецъ, послѣ девятичасовой работы, рѣшили въ часъ остановиться, чтобы поѣсть. Это удивительно! какъ бы ни было плохо положеніе вещей, но какъ только залѣзешь въ мѣшокъ и приготовишься ѣсть, то всѣ тревоги исчезаютъ, и человѣкъ превращается въ довольное животное, которое можетъ наѣдаться до сыта. Блаженное легкомысліе! Въ четыре часа, однако, мы должны были встать и опять приняться за прежнюю безнадежную работу, стремясь найти дорогу въ хаосѣ канавъ. Въ довершеніе всего погода до такой степени омрачилась, что абсолютно нельзя было разглядѣть ни ледяныхъ стѣнъ, ни углубленій. Сколько канавъ и расщелинъ мы перешли и черезъ

сколько грядъ перебрались, перетаскивая притомъ и тяжелыя сани,— я не знаю, но несомнѣнно ихъ было много.

Но всему бываетъ конецъ; конецъ пришелъ и нашимъ мученіямъ. Еще два съ половиною часа тяжелыхъ усилій, и послѣдняя канава осталась позади; передъ нами разстилалась прекрасная равнина. Въ общемъ мы проработали почти 12 часовъ, да еще кромѣ того утромъ я проходилъ три часа вдоль канавы, такъ что пробылъ на ногахъ, слѣдовательно, 15 часовъ. Мы изнемогали отъ усталости и промокли насквозь. Сколько разъ мы проваливались, вступая на обманчивую снѣжную кору, скрывающую воду между обломками льдинъ, этому нѣтъ числа! Мнѣ даже одинъ разъ утромъ съ большимъ трудомъ удалось выкарабкаться. Я спокойно бѣжалъ по льду на лыжахъ, какъ вдругъ почва подъ моими ногами стала опускаться. Къ счастью, по близости находились куски льда, и я бросился туда, а въ это время вода совершенно смыла снѣгъ, на которомъ я только что стоялъ. Вѣроятно, при другомъ исходѣ мнѣ пришлось бы довольно долго поплавать среди мелкаго льда, перемѣшаннаго со снѣгомъ, что, во всякомъ случаѣ, было бы не особенно пріятно, тѣмъ болѣе, что я былъ одинъ.

Наконецъ, передъ нами былъ плоскій ледъ, но, къ сожалѣнію, наше счастье было кратковременно. По темнымъ облакамъ на небѣ мы узнали, что передъ нами находится новая канава, до которой мы добрались къ 8-ми часамъ вечера. Я слишкомъ усталъ, чтобы искать переправы, тѣмъ болѣе, что за этою канавой виднѣлась еще другая. Такъ какъ нельзя было разглядѣть окрестности вслѣдствіе густо падающаго снѣга, то рѣшено было только найти мѣсто для стоянки. Но это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, отъ котораго не было никакой защиты на гладкой ледяной равнинѣ, которую мы только что прошли.

Намъ пришлось, въ концѣ концовъ, удовольствоваться защитой, которую представлялъ низкій холмъ изъ нагроможденнаго льда. На подвѣтренной сторонѣ его, гдѣ мы остановились, было слишкомъ мало снѣга, такъ что намъ стоило много труда разбить палатку. Наконецъ, внутри палатки «Примусъ» затянулъ свою пѣсенку, и распространился аппетитный запахъ кушанья, и въ мѣшкѣ лежали двое счастливыхъ людей, уютно закутавшихся и довольныхъ тѣмъ, что имъ удалось сдѣлать хорошій дневной переходъ и одолѣть всѣ препятствія.

Во время завтрака я вышелъ и опредѣлилъ высоту меридіана; къ нашему великому удовольствію, вычисленіе показало 82° 52° с. ш.

Воскресенье, 16 мая. Я вычислилъ сегодня вчерашнія наблюденія и нашелъ, къ великой радости, что долгота равняется 61°27 в. Мы, значитъ, не уклонились къ западу, а согласно нашему курсу подвинулись къ югу. Постоянный страхъ, что насъ пронесетъ мимо земли, не имѣетъ, слѣдовательно, основаній, и мы должны надѣяться, что скоро достигнемъ ея. Быть можетъ, мы нѣсколько болѣе уклонились на востокъ,

чѣмъ я предполагалъ, но ужъ никакъ не на западъ. Если мы теперь пойдемъ нѣкоторое время прямо на югъ, а затѣмъ на юго-западъ, то должны будемъ въ самомъ непродолжительномъ времени встрѣтить землю. По моему разсчету, мы вчера прошли 22 километра къ югу и теперь должны находиться на 82°40′, с. ш. Еще два дня пути, и мы достигнемъ болѣе пріятныхъ широтъ.

Ледъ впереди насъ, повидимому, проходимъ, но по виду неба мы должны разсчитывать, что повстрѣчаемъ канавы недалеко, и намъ не мало труда будетъ миновать ихъ. Я очень неохотно приступилъ бы теперь къ исправленію нашихъ каяковъ, пока мы не достигли земли и плотнаго внутренняго льда. Каяки же требуютъ основательнаго исправленія. Я хочу теперь, пока у насъ еще есть собаки, пользоваться ими для передвиженія.

Сегодня мы провели пріятное воскресное утро въ палаткѣ. Вычисленія привели меня въ хорошее настроеніе духа, жизнь кажется намъ болѣе свѣтлой. Скоро мы будемъ имѣть возможность быстро двигаться по открытой водѣ; о, какъ будетъ пріятно снова держать въ рукахъ весло и ружье и не возиться больше съ санями. Эти постоянные окрики на собакъ, чтобы онѣ бѣжали какъ слѣдуетъ дѣйствуютъ на наши нервы.

Понедѣльникъ, 28 мая. Во время завтрака я провѣрилъ свои вычисленія. Оказалось, что мы не ошиблись и находимся на 82°30°, с. ш., быть можетъ даже на одну или двѣ минуты южнѣе. Но тѣмъ болѣе странно, что мы не видимъ признаковъ земли, и я это не могу объяснить себѣ иначе, какъ тѣмъ, что мы больше уклонились къ востоку, чѣмъ предполагаемъ. Я считаю невозможнымъ, чтобы мы могли удалиться на западъ больше, чѣмъ сколько нужно, чтобы замѣтить землю Петермана и короля Оскара.

Вчера вечеромъ убита «Квикъ». Бѣдное животное! Оно совсѣмъ обезсилѣло и совсѣмъ уже не могло тащить сани, мнѣ было тяжело съ нимъ разставаться, но что жъ было дѣлать? Еслибъ даже мы добыли свѣжаго мяса, то все же намъ пришлось бы долгое время откармливать эту собаку, да и тогда, пожалуй, мы не могли бы извлечь изъ нея пользы, и намъ все равно пришлось бы убить ее. Но «Квикъ» была хорошая большая собака и на три дня доставила пищи нашимъ остальнымъ восьми собакамъ.

Среда 29-го мая. Вчера я произвелъ большія измѣненія въ своемъ костюмѣ; надѣлъ лапландскіе башмаки. Это была пріятная перемѣна. Ноги теперь остаются сухими и избавляешься отъ труда возиться съ финскими башмаками *), которые при такой мягкой температурѣ начинаютъ пріобрѣтать консистенцію, напоминающую одно наше національное кушанье изъ ржаной муки. Кромѣ того

---

*) Финскіе башмаки дѣлаются изъ мѣха оленя, а лапландскіе изъ выдѣланной кожи, воловьей или тюленьей (Phoca barbata) и только обшиваются оленьимъ мѣхомъ. Они тверды и непромокаемы.

нѣтъ нужды спать теперь, держа на груди мокрыя тряпки, чтобы онѣ высохли.

Сегодня мы увидали первую птицу (Procellaria glacialis).

Четвергъ 30-го мая. Вчера утромъ, въ пять часовъ, мы отправились въ путь, въ надеждѣ, что наконецъ-то вся сѣть канавъ осталась позади насъ. Но мы не успѣли далеко отойти, какъ уже увидѣли на небѣ отраженіе новыхъ канавъ. Я вскарабкался на холмъ, и зрѣлище, представившееся моимъ глазамъ, было далеко не утѣшительное: вездѣ канавы, перекрещивающіяся и расходящіяся по всѣмъ направленіямъ, насколько хватало глазомъ. Повидимому, въ какую бы сторону мы ни отправились, мы всетаки не могли бы выбраться изъ этой путаницы. Я побѣжалъ впередъ, чтобы посмотрѣть, нельзя ли какъ нибудь пробраться по льду черезъ канавы, но ледъ повсюду казался растрескавшимся, и, вѣроятно, другого уже не было, до самой земли. Какъ видно, намъ приходилось теперь имѣть дѣло не съ плотнымъ массивнымъ полярнымъ льдомъ, а съ тонкимъ, разбитымъ пловучимъ льдомъ, повинующимся волѣ вѣтровъ. Чего бы я не далъ въ эту минуту, чтобы теперь былъ мартъ со всѣми своими холодами и страданіями, а не конецъ мая съ его тепломъ. Я именно и опасался всегда конца мая и находилъ, что намъ чрезвычайно важно достигнуть къ этому времени земли. Къ сожалѣнію, мои опасенія оправдались. Или пусть бы было теперь однимъ или двумя мѣсяцами позднѣе. Быть можетъ, ледъ бы тогда разошелся, и больше было бы полыней и канавъ, такъ что можно было бы плыть въ каякѣ. Въ худшемъ случаѣ мы вынуждены будемъ ждать, пока наступитъ мягкая погода и ледъ совершенно растрескается. По такому глубокому снѣгу намъ трудно будетъ идти, если до тѣхъ поръ мы не достигнемъ земли. Но хватитъ ли у насъ провизіи? Стоя на высотѣ холма, погруженный въ печальныя размышленія, я смотрѣлъ на ледъ и ничего не видалъ, кромѣ канавъ и грядъ. Вдругъ я услышалъ хорошо знакомый мнѣ звукъ сопѣнія въ отверстіи какъ разъ позади меня. Это было отвѣтомъ на мои тревоги. Голодать мы не будемъ; звѣри тутъ есть, а у насъ есть и ружья и остроги. Цѣлое стадо нарваловъ скопилось у отверстія, чтобы подышать. Такъ какъ высокій ледъ скрывалъ ихъ отъ моихъ взоровъ, то я только могъ разглядѣть ихъ сѣрыя спины, показывавшіяся по временамъ надъ темною повехностью воды. Я долго стоялъ и смотрѣлъ на нихъ. Еслибъ со мною было ружье или гарпунъ, то я бы легко могъ убить нарвала. Да, да, не такъ ужъ плохо дѣло. Между тѣмъ, намъ нечего было стоять тутъ и смотрѣть на канавы, мы должны были попробовать пробраться какъ нибудь впередъ. Принявъ такое рѣшеніе, я вернулся къ санямъ. Но ни одинъ изъ насъ не думалъ, что мы можемъ пройти далеко, и тѣмъ пріятнѣе было убѣдиться, что мы подвигаемся довольно хорошо, не смотря на утомленіе собакъ.

Пока мы пробирались утромъ между двумя канавами, я вдругъ уви-

далъ на воздухѣ какой-то черный предметъ; это была кайра, нѣсколько разъ покружившаяся надъ нами. Вслѣдъ затѣмъ я услышалъ странный звукъ, точно кто нибудь трубилъ въ рожокъ. Я слышалъ этотъ звукъ нѣсколько разъ, и Іогансенъ также обратилъ на него вниманіе, но мы не могли понять, что это такое. По всей вѣроятности этотъ звукъ произведенъ былъ животнымъ, такъ какъ врядъ ли здѣсь, по близости, могли находиться люди *). Спустя нѣкоторое время надъ нашими головами пролетѣли птица—глупышъ. Я взялъ ружье, но прежде чѣмъ я вложилъ въ него патронъ, птица улетѣла. Здѣсь становится оживленнѣе. Пріятно видѣть столько жизни и чувствуется, что приближаешься къ болѣе привѣтливымъ областямъ. Позднѣе я увидалъ на льду тюленя, это былъ маленькій видъ (Phoca foetida), и мнѣ доставило бы удовольствіе добыть его. Но прежде чѣмъ я разобрался, что за животное находится передо мною, тюлень уже исчезъ въ водѣ.

Въ 10 часовъ мы пообѣдали. Чтобы не терять времени, мы уже не будемъ залѣзать въ мѣшокъ, когда обѣдаемъ. Ради собакъ мы рѣшили сократить свой дневной переходъ до восьми часовъ. Послѣ ѣды мы выступили опять въ 11 часовъ и въ три часа остановились и разбили палатку.

Пятница, 31-го мая. Вотъ и весь мѣсяцъ прошелъ, а мы не достигли земли и даже не видѣли ее. Навѣрное іюнь пройдетъ не такъ; невозможно, чтобы намъ еще долго нужно было идти. Мнѣ кажется, все подтверждаетъ это. Ледъ становится все тоньше, жизнь вокругъ насъ проявляется все больше, а передъ нами по прежнему виднѣется на небѣ тоже самое отраженіе воды или земли или того и другого. Вчера я увидѣлъ двухъ тюленей въ двухъ маленькихъ канавахъ; вечеромъ пролетѣла надъ канавою птица, а вчера утромъ мы нашли свѣжіе слѣды медвѣдицы съ двумя дѣтенышами, идущіе вдоль края канавы. Тутъ можно разсчитывать на свѣжее мясо, хотя страннымъ образомъ ни одинъ изъ насъ не чувствуетъ въ немъ особенной потребности. Мы довольны пищей, которая у насъ есть, но для собакъ это имѣло бы громадное значеніе. Вчера вечеромъ мы должны были убить «Пана», нашу лучшую собаку. Онъ никуда уже больше не годился и не могъ больше работать. Семь остающихся у насъ собакъ могутъ прокормиться три дня мясомъ Пана.

Для насъ было неожиданностью, что ледъ оказался здѣсь сильно изломаннымъ и напоминалъ бы настоящій пловучій ледъ, еслибъ не находились въ промежуткахъ большія льдины и гладкія пространства. Еслибъ этотъ ледъ еще больше разошелся, то легко было бы проѣхать на веслахъ между льдинами. Вчера нѣсколько разъ на меня нападало уныніе, когда насъ задерживали канавы, и я взби-

---

*) Это были вѣроятно тюлени, издающіе звукъ, похожій на протяжное «Хо».

рался на высокій холмъ для обозрѣнія мѣстности. Я думалъ, что намъ придется отказаться отъ всякой надежды идти впередъ, такъ какъ кругомъ я видѣлъ только настоящій хаосъ изъ ледяныхъ глыбъ и снѣга, смѣшаннаго со льдомъ и плавающаго въ открытой водѣ. Перепрыгивать съ одной льдины на другую, съ собаками и двумя тяжелыми санями, конечно, не легко, но послѣ многихъ усилій намъ удалось на этотъ разъ одолѣть препятствіе и, пройдя нѣкоторое разстояніе по глыбамъ, мы снова достигли ровнаго льда. Но все это снова повторялось, и мы натыкались на новыя канавы. Вчера вечеромъ мы наткнулись на пловучій ледъ, и трудно сказать какъ далеко онъ распространяется. Мы сдѣлали привалъ въ $6^1/_2$ часовъ и снова нашли прѣсный ледъ, что было очень пріятно. Съ 25-го мая у насъ не было такого льда. Но сегодня вечеромъ подулъ очень непріятный южный вѣтеръ, противъ котораго трудно будетъ идти. Дурная погода преслѣдуетъ насъ; почти каждый день бываетъ пасмурно и вѣтрено, и всего чаще дуетъ южный вѣтеръ, что для насъ въ особенности непріятно. Я измѣрилъ сегодня широту: мы должны находиться на 82°21'с, ш., а все еще нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы имѣть возможность стать твердою ногою на землю, но... терпѣніе! терпѣніе!

XII.

На саняхъ и въ каякѣ.

Суббота, 1-го іюня. Наконецъ, у насъ іюнь. Что-то онъ намъ принесетъ? Неужели и въ этомъ мѣсяцѣ мы не достигнемъ земли, къ которой такъ стремимся? Мы должны вѣрить и надѣяться, хотя бы время и затянулось. Счастье удивительная вещь. Еще вчера утромъ я ничего не ждалъ отъ этого дня, погода была пасмурная вслѣдствіе снѣжной вьюги, и дулъ противный вѣтеръ. Не лучше было и тогда, когда мы тотчасъ же послѣ выступленія наткнулись на канаву; кругомъ было мрачно и темно. Однако, потомъ оказалось лучше, чѣмъ мы ожидали. Мы обошли канаву въ сѣверо-восточномъ направленіи и нашли переправу, послѣ чего передъ нами раскинулась прекрасная гладкая равнина, по которой мы шли до самаго полдня. Съ пяти часовъ послѣ обѣда мы снова шли по хорошему льду около полутора часа, но затѣмъ опять пошли канавы, которыя воздвигали намъ препятствія на каждомъ шагу. Я искалъ переправы болѣе полутора часа, но не нашелъ ее, и намъ больше ничего не оставалось, какъ сдѣлать привалъ и подождать утра въ надеждѣ, что будетъ лучше. Но хотя утро уже наступило, а я все еще не знаю, наступило ли ожидаемое улучшеніе и сомкнулась ли расщелина во льду. Было 9 часовъ вечера, когда мы вчера раскинули палатку. Погода вдругъ прояснилась, какъ только мы

принялись ставить палатку, хотя весь день была сильная вьюга. Вѣтеръ стихъ, по голубому небу носились легкія бѣлыя облачка, такъ что можно было почти вообразить, что находишься на родинѣ среди лѣта.

Удивительно, какая иногда бываетъ разница во взглядахъ. Мы будемъ считать себя въ безопасности, если достигнемъ, раньше чѣмъ у насъ выйдутъ всѣ запасы, той самой земли, на которой Пайеру угрожала голодная смерть, еслибъ онъ не встрѣтилъ снова «Тегеттофа». Но ему не пришлось странствовать 2½ мѣсяца на пловучемъ льду между 83° и 86°, не встрѣтивъ ни одного живого существа.

Вчера утромъ, какъ разъ когда мы собирались выступить, мы вдругъ услышали сердитый крикъ бѣлой чайки: какъ разъ надъ нашими головами, высоко въ воздухѣ пронеслись двѣ птицы. Я хотѣлъ ихъ застрѣлить, но потомъ рѣшилъ, что на нихъ не стоитъ тратить патроны. Впрочемъ, вскорѣ послѣ того онѣ исчезли, но появились снова спустя нѣсколько минутъ. Когда мы сегодня лежали въ мѣшкѣ въ ожиданіи завтрака, то вдругъ услышали надъ палаткой хриплый крикъ, похожій на карканье вороны. Я полагаю, что это была, вѣроятно, серебряная чайка (Larus argentatus).

Странно! Всю ночь, сколько я разъ ни просыпался, солнце весело свѣтило сквозь шелковыя стѣнки палатки, и было такъ тепло и свѣтло, что я мечталъ о лѣтѣ вдали отъ канавъ и безконечныхъ мученій. Ахъ, какъ прекрасна кажется жизнь въ такія минуты! Какимъ свѣтлымъ представляется будущее! Но какъ только я всталъ въ 9½ часовъ, чтобы варить завтракъ, солнце спряталось, и снѣгъ снова началъ падать. Это повторяется теперь почти ежедневно. Не хочетъ ли солнце соблазнить насъ и заставить ждать здѣсь лѣта и таянія льдовъ, избавивъ насъ, такимъ образомъ, отъ необходимости прокладывать дорогу черезъ этотъ безнадежный хаосъ канавъ? Я боюсь, въ самомъ дѣлѣ, что дѣло до этого дойдетъ. Даже еслибъ мы могли сберечь свои запасы, убивая собакъ и потребляя ихъ въ пищу, и разсчитывать на какую нибудь дичь, то все же мы достигли бы Шпицбергена слишкомъ поздно, и весьма вѣроятно, что намъ пришлось бы тамъ перезимовать, и нашимъ близкимъ пришлось бы еще годъ ждать нашего возвращенія.

Воскресенье, 2-го іюня. Эта первая тетрадь моего дневника заканчивается въ Троицынъ день. Я никакъ не могъ представить себѣ, что мы въ это время все еще будемъ находиться на пловучемъ льду, не видя и признаковъ земли. Но судьба безжалостна, и мы не можемъ ее измѣнить.

Вчерашняя канава не только не сомкнулась, но расширилась еще больше, къ западу отъ насъ образовалась большая полынья, такъ что мы очутились посреди на льдинѣ, отрѣзанные отъ берега. Наступилъ, значитъ, моментъ, котораго мы всегда опасались: надо приняться за исправленіе каяковъ. Прежде всего мы установили

палатку подъ защитою ледяного холма, такъ что вѣтеръ не достигалъ до насъ, и мы могли вообразить себѣ, что царитъ полная тишина. Снять покрышку съ моего каяка и втащить его въ палатку для исправленія было дѣломъ одной минуты, и затѣмъ мы провели въ палаткѣ пріятный вечеръ. Обшивка каяка была скоро исправлена и снова стала непромокаемой, потомъ мнѣ пришлось выйти и заняться укрѣпленіемъ остова каяка, такъ какъ ремни, связывавшіе его, ослабѣли. Это была нешуточная работа, надо было закрѣпить, по крайней мѣрѣ, сорокъ ремней, притомъ же кое гдѣ ребра каяка раскололись, такъ что прежде нужно было починить самый остовъ судна. Іогансенъ также снялъ покрышку со своего каяка и принялся за ея починку. Послѣ приведенія въ порядокъ обоихъ каяковъ, мы уже можемъ не бояться никакихъ препятствій, будь то канавы, полыньи или открытое море. Не можетъ быть, чтобы мы еще долго не встрѣтили такой канавы и открытаго моря, по которому могли бы плыть на веслахъ. Непріятно только, что у насъ еще остались собаки, съ которыми придется въ такомъ случаѣ разстаться. Вчера мы раздали имъ порціи, но часть «Пана» осталась еще на ужинъ. Затѣмъ надо будетъ покончить съ «Клапперслангомъ». У насъ еще останется шесть собакъ, которыхъ, какъ мнѣ кажется, мы можемъ сохранить въ теченіе четырехъ дней и пройти съ ихъ помощью довольно большое разстояніе.

Троица! Какъ много привлекательнаго, напоминающаго о лѣтѣ, связано съ этимъ словомъ. Печально думать, что мы осуждены сидѣть здѣсь среди льда и снѣга, тогда какъ дома теперь такъ хорошо! Развѣ намъ легче отъ того, что и дома тоскуютъ? Сегодня крошка Лифъ отправится къ своей бабушкѣ на обѣдъ; быть можетъ, какъ разъ въ эту минуту на нее надѣваютъ новое платье. Но вѣдь наступитъ же время, когда и я, наконецъ, буду съ ними, но когда? Надо приниматься за работу, тогда все будетъ въ порядкѣ...

Въ теченіе всего слѣдующаго дня мы работали очень ревностно и даже не обѣдали. Случалось, что мы по двѣнадцати часовъ оставались безъ пищи, и нашъ рабочій день длился цѣлыя сутки. Однако все же исправленіе каяковъ заняло у насъ изрядное время, тѣмъ болѣе, что нужно было очень бережно обращаться съ имѣющимися у насъ матеріалами, такъ какъ врядъ ли мы могли бы имѣть случай пріобрѣсти новые. Но за то мы могли быть увѣрены, что наши каяки будутъ вполнѣ годны для плаванія и даже въ состояніи будутъ выдержать бурю, если таковая случится на пути къ Шпицбергену.

Во вторникъ 4-го іюня я записалъ въ своемъ дневникѣ: «Мнѣ кажется, это не можетъ долго длиться и мы скоро должны добраться до открытой воды или рыхлаго льда. Ледъ здѣсь кругомъ такой тонкій и изломанный, и погода совсѣмъ лѣтняя. Вчера термометръ стоялъ на — 1,5°, и снѣгъ былъ перемѣшанъ съ дождемъ. Онъ таетъ на крышѣ палатки, и очень трудно сохранять сухими пред-

меты, находящіеся внутри; со стѣнъ капало, когда мы подходили къ нимъ. Вчера была отвратительная погода со снѣгомъ, но мы ужъ привыкли къ этому. Сегодня, однако, погода прекрасная, небо свѣтлое и голубое, и солнце только что выглянуло изъ за верхушки холма и освѣтило палатку. Хорошо будетъ сидѣть на воздухѣ и работать; не такъ какъ вчера, когда все было мокро кругомъ. Хуже всего было съ укрѣпленіемъ ремней, которые отъ сырости не могли стягиваться какъ слѣдуетъ. Солнце такой вѣрный другъ! Мнѣ казалось раньше, когда оно свѣтило постоянно, что оно мнѣ надоѣло, но какъ радуетъ оно насъ теперь! Я не могу отдѣлаться отъ мысли, что теперь дома, на фіордѣ, прекрасное іюньское утро. Только бы скорѣе добраться до открытой воды, чтобы мы могли спустить свои каяки, и тогда уже не долго придется ждать возвращенія домой.

Сегодня мы въ первый разъ за все время пути развѣсили порціи для завтрака: масла 50 граммъ, хлѣба съ алевронатомъ 200 граммъ *). Счастье побаловало насъ недолго. Солнце спряталось, небо заволокло, и снѣгъ началъ падать хлопьями.

Среда, 5 іюня. Все еще на томъ же самомъ мѣстѣ, но надо надѣяться, что скоро мы будемъ въ состояніи отправиться дальше. Погода вчера была такъ хороша, что мы могли работать на воздухѣ и грѣться на солнцѣ, глядя на блестѣвшіе воду и ледъ и сверкающій снѣгъ. Вчера же мы убили нашу первую дичь, это была бѣлая чайка (Larus eburneus). Мы видѣли еще четырехъ чаекъ, но онѣ держались въ отдаленіи. Я пошелъ за ними, но цѣли не достигъ и только истратилъ патронъ; другой разъ такъ не сдѣлаю. Еслибъ мы постарались, то легко убили бы еще нѣсколько чаекъ, но это такая мелкая дичь, на которую не стоитъ тратить патроновъ. Я видѣлъ въ полыньѣ тюленя, такъ же какъ и Іогансонъ, кромѣ того мы видѣли и слышали нарваловъ. Жизни здѣсь достаточно, и я не сомнѣваюсь, что еслибъ наши каяки были въ порядкѣ, и мы могли бы плыть на веслахъ, то въ добычѣ у насъ не было бы недостатка. Но это теперь еще не нужно. У насъ въ настоящую минуту довольно провизіи, и лучше намъ не тратить времени на охоту. Ради собакъ не худо было бы убить крупную дичь, чтобы не имѣть нужды убивать ихъ самихъ до окончанія нашего саннаго путешествія и пока мы не можемъ еще воспользоваться каяками. Вчера убили «Клапперсланга» и раздѣлили на 25 порцій, которыхъ должно хватить для остальныхъ шести собакъ на четыре дня. Убиваніе собакъ составляетъ теперь исключительно задачу Іогансена, онъ такъ изловчился, что кончаетъ однимъ ударомъ моего длиннаго лапландскаго ножа, и собака не успѣваетъ даже крикнуть; затѣмъ при по-

---

*) До этого дня мы ѣли столько, сколько хотѣли, не развѣшивая порцій, оказалось, однако, что мы съѣли не болѣе того, что я опредѣлилъ въ началѣ для дневного пропитанія, т. е. одинъ килограммъ въ день сухой провизіи. Но теперь мы значительно уменьшили свои ежедневныя порціи.

мощи ножа и нашего маленькаго топора убитое животное въ нѣсколько минутъ раздѣляется на соотвѣтствующія порціи. Собаки сильно изголодались, такъ что вчера «Лиллеревенъ» сожрала ремень отъ лыжъ, сдѣланный изъ оленьей кожи, и обгрызла кусокъ дерева отъ лыжи Іогансена Покойная «Квикъ» сожрала свою парусинную упряжь и я не увѣренъ, что собаки вообще не отъѣдаютъ порою кусковъ парусины.

Мы находимся на 61° 16,5′ в. долготы и 82° 17,8′ сѣв. ш. Не могу понять, почему мы до сихъ поръ не видимъ земли. Единственное возможное объясненіе заключается по моему въ томъ, что мы болѣе уклонились на востокъ, чѣмъ думаемъ, и что земля въ этомъ направленіи простирается на югъ. Вѣроятно намъ осталось уже идти немного. Какъ разъ въ этотъ моментъ пролетѣла надъ нашими головами птица. По мнѣнію Іогансена, стоявшаго у палатки, это былъ родъ кулика.

Четвергъ, 6 іюня. Все на томъ же мѣстѣ! Я жажду наконецъ пуститься въ путь и найти разрѣшеніе загадки, надъ которою постоянно ломаю голову. Какое было бы удовольствіе снова странствовать и добраться наконецъ до открытой воды! Тогда жизнь покажется намъ совсѣмъ другой. Избавиться отъ льда и канавъ, отъ несносной возни, безконечныхъ непріятностей съ собаками и плыть на легкомъ суденышкѣ по волнамъ, развѣ это не было бы счастьемъ?

Вчера мы покончили съ починкой каяковъ. На днѣ каждаго каяка мы помѣстили плетенку изъ бамбука, на которую положимъ провизію, чтобы ее не подмочило, еслибы каякъ далъ течь. Сегодня мы ихъ еще разъ хорошенько осмотримъ и приведемъ все въ порядокъ. Завтра вечеромъ, вѣроятно, можно будетъ пуститься въ путь. Починка каяковъ заставила потратить весь запасъ веревокъ, такъ что изъ трехъ мотковъ у насъ остался только одинъ, да и тотъ не цѣлый. Но я очень хотѣлъ бы сохранить его, такъ какъ онъ можетъ намъ понадобиться и для ловли рыбы.

Наши запасы начинаютъ по немногу исчезать. Свѣсилъ вчера масло и нашелъ, что у насъ осталось только 2,3 килограмма. Считая по 50 граммъ на человѣка въ день, намъ должно хватить этого количества еще на 23 дня. Къ тому времени мы далеко подвинемся Сегодня въ первый разъ термометръ показывалъ выше нуля +0,2° C. Падающій снѣгъ совсѣмъ мягкій, и съ вершины ледяныхъ глыбъ капаетъ вода; вѣроятно, уже скоро вода покажется и на льдинахъ. Вчера вечеромъ шелъ настоящій дождь, такъ что мы иска и защиты отъ него въ палаткѣ. Мы точно лѣтомъ чувствовали себя, сидя въ палаткѣ и прислушиваясь, какъ капли ударяютъ объ ея стѣнки.

Суббота, 8 іюня. Наконецъ мы испробовали вчера наши каяки, проработавъ надъ ними безъ перерыва до самаго вечера. Просто удивительно какъ дѣйствуютъ эти длинные дни! Будь мы дома, то работая столько часовъ и не принимая пищи, мы бы непремѣнно по-

чувствовали сильный голодъ и усталость, здѣсь же этого не бываетъ хотя мы и обладаемъ первоклассимымъ аппетитомъ и наша способность спать тоже не мала. Мы здоровы и чувствуемъ въ себѣ такой запасъ силъ, какъ никогда.

Во время пробы каяковъ въ небольшой канавѣ по близости, мы замѣтили, что они сильно протекаютъ въ швахъ, вѣроятно, вслѣдствіе небрежнаго обращенія съ ними во время пути. Я надѣюсь, впрочемъ, что парусина, разбухнувъ въ водѣ, сдѣлается непромокаемой; въ противномъ случаѣ будетъ несовсѣмъ пріятно переправляться въ нихъ черезъ канавы, да и наша провизія легко можетъ обратиться въ кашу. Однако, мы и это перенесемъ терпѣливо, какъ и многое другое. Мы хотимъ сегодня выступить послѣ недѣльной остановки на одномъ мѣстѣ. Вчера былъ юго-восточный вѣтеръ и сегодня онъ еще усилился, если судить по его свисту между ледяными холмами. Когда я выглянулъ сегодня утромъ, то мнѣ послышался шумъ прибоя. Вчера всѣ канавы кругомъ сомкнулись, и открытой воды было видно немного. Я думаю, что это сдѣлалъ вѣтеръ, и если это такъ, то пусть онъ себѣ дуетъ на здоровье!

Іогансенъ убилъ вчера чайку, и, вмѣстѣ съ раньше убитой чайкой, она пошла намъ на обѣдъ. Давно мы не ѣли свѣжаго мяса, и, конечно, оно показалось намъ вкуснымъ, но не настолько, какъ можно было бы ожидать; это указываетъ, во всякомъ случаѣ, что мы питаемся хорошо. Я свѣсилъ хлѣбъ и нашелъ, что у насъ осталось еще 12 килограммъ пшеничнаго хлѣба и 7,8 килограммъ алевроната; этого должно хватить на 35—40 дней. Какъ далеко мы зайдемъ къ тому времени—извѣстно богамъ, но, во всякомъ случаѣ, часть пути уже будетъ сдѣлана нами.

Воскресенье, 9-го іюня. Вчера, наконецъ, мы покинули нашу стоянку, чему были болѣе чѣмъ рады. Не смотря на отвратительную погоду и снѣжную вьюгу, мы радовались, что опять начинаемъ свое странствованіе. Намъ понадобилось время, чтобы нагрузить сани и приладить каяки, но, въ концѣ концовъ, мы всетаки двинулись въ путь и покинули льдину, на которой пробыли цѣлую недѣлю, не прибѣгая къ помощи каяковъ, исправленныхъ для этой цѣли. Вѣтеръ сомкнулъ для насъ всѣ канавы, и мы нашли плоскій ледъ. Погода была такова, что на разстояніи метра ничего разсмотрѣть было нельзя, и снѣгъ, покрывавшій нашу одежду, промачивалъ насъ насквозь. Но всетаки хорошо было, что мы подвигались впередъ, навстрѣчу нашей цѣли. Мы дошли до ряда канавъ, которыя были очень непріятны вслѣдствіе цѣлой спутанной сѣти трещинъ и грядъ, расходящихся отъ нихъ въ разныхъ направленіяхъ. Нѣкоторыя изъ канавъ были широки и наполнены осколками льда, такъ что проѣхать на каякахъ было невозможно, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ куски льда лежали такъ плотно, что можно было пройти по нимъ. Всегда, однако, приходилось разыскивать дорогу, и для того, кто оставался позади съ собаками, время тянулось долго, тѣмъ болѣе, что, смотря

по погодѣ, онъ или промокалъ насквозь, или его пронизывалъ вѣтеръ. Часто Іогансену приходило въ голову, когда я долго не возвращался, что я провалился въ какой нибудь канавѣ и исчезъ навсегда. Когда сидишь на каякѣ одинъ и все ждешь и ждешь, вперивъ взоры вдаль, то порою странныя мысли приходятъ въ голову. Не разъ случалось, что Іогансенъ взбирался на ближайшій высокій холмъ и съ тревогою разсматривалъ ледяную равнину. Наконецъ, ему удавалось разглядѣть маленькое черное пятнышко, двигавшееся вдали, и у него отлегало отъ сердца. Когда Іогансенъ вчера сидѣлъ такимъ образомъ и ждалъ меня, то вдругъ онъ замѣтилъ, что края льдины, находящейся передъ нимъ, медленно поднимаются и опускаются, точно приводимые въ движеніе небольшою волной. Возможно ли, что вблизи есть открытая вода? Можетъ ли это быть морская волна? Какъ бы мы охотно повѣрили этому! Но, быть можетъ, это былъ просто вѣтеръ, приводившій въ волнообразное движеніе тонкій ледъ, на которомъ мы находимся. *). Удивительно, что этотъ вѣтеръ сдвигаетъ льдины, тогда какъ юго-западный раздвинулъ ихъ. Неужели море, наконецъ, недалеко отъ насъ! Я невольно припоминаю видѣнное нами отраженіе на югѣ; теперь оно виднѣется выше, но и погода стала довольно ясной. Что бы это такое было? Только бы намъ добраться туда!

Вчера мы снова набрели на слѣды медвѣдя. Насколько они были свѣжи—судить трудно, такъ какъ въ этомъ снѣгу все быстро сглаживается. Вѣроятно, эти слѣды оставлены вчера. «Харенъ» что-то почуялъ и побѣжалъ противъ вѣтра; Іогансенъ думаетъ, что медвѣдь недалеко. Ну, все равно, свѣжіе это слѣды или старые, все-таки они означаютъ, что медвѣдь побывалъ здѣсь въ то время, какъ мы, нѣсколько сѣвернѣе, заняты были починкою каяковъ. Рано или поздно, а онъ попадется намъ на дорогѣ. Что тутъ есть медвѣдь, видно еще изъ того, что убитая Іогансеномъ чайка выронила большой кусокъ ворвани, а это бы не случилось, еслибъ она не побывала въ обществѣ медвѣдей и моржей. Погда была мокрая и отвратительная и притомъ туманная, такъ что идти было очень трудно. Не особенно было пріятно продолжать путь, но останавливаться для обѣда среди такой мокроты также не представляло ничего привлекательнаго. Мы прошли нѣкоторое время и затѣмъ въ 10 часовъ остановились. Какъ пріятно было снова очутиться въ палаткѣ! И обѣдъ намъ показался превкуснымъ. Сознавать, что мы всетаки подвигаемся впередъ, не смотря ни на что, доставляетъ высокое удовлетвореніе. Температура портится, и снѣгъ сталъ совсѣмъ мокрый. Въ мой каякъ попало немного воды сквозь незакрытое отверстіе вверху, не стянутое шнуровкой. Мы ждемъ хо-

*) На самомъ дѣлѣ это движеніе происходило отъ напора льдинъ одна на другую. Мы потомъ не разъ замѣчали такое же движеніе.

едва на нѣсколько километровъ, но для этого времени года и это хорошо. Собаки не могутъ уже сами тащить сани: если никто имъ не помогаетъ, то онѣ останавливаются черезъ каждые два шага.

Суббота, 15 іюня. Половина іюня, а конца не предвидится! Положеніе вещей стало еще хуже. Но такъ скверно, какъ вчера, еще никогда не было и врядъ ли можетъ быть хуже. Чтобы сдвинуть сани съ мѣста, приходилось толкать изо всѣхъ силъ. Лыжи дѣйствовали плохо, и при каждой остановкѣ въ нихъ набивались комья снѣга. Подъ ногами образовывался ледъ, и мы соскальзывали внезапно съ лыжъ, погружаясь по колѣна въ снѣгъ, когда пытались тащить или толкать сани. Ничего другого не оставалось дѣлать, какъ, выкарабкавшись изъ снѣга, снова влѣзать на лыжи. Безъ лыжъ невозможно ходить по такому снѣгу. Было бы лучше, быть можетъ, крѣпче прикрѣпить лыжи къ ногамъ, но для насъ это было неудобно, потому что безпрестанно приходилось снимать ихъ, чтобъ переправлять сани черезъ кряжи и канавы.

«Лиллеревенъ» уже едва передвигаетъ ноги, шатается какъ пьяная и, свалившись, едва можетъ подняться. Сегодня она будетъ убита, и я почти радъ, что не буду видѣть ее. Единственная изъ моихъ собакъ, которая еще можетъ тащить, да и то если кто нибудь подталкиваетъ сани, это «Кайфасъ». Идти дальше такимъ образомъ—это значитъ изнурять безъ пользы людей и собакъ и тратить больше провіанта, чѣмъ слѣдуетъ. Мы отказались вчера отъ обѣда и сдѣлали остановку около 10 вечера, выступивъ въ путь около четырехъ съ половиною послѣ обѣда. Однако я останавливался на пути, чтобъ произвести наблюденія, такъ какъ здѣсь надо пользоваться тѣмъ моментомъ, когда солнце выходитъ изъ за тучъ.

Вчера вечеромъ я вычислилъ свои наблюденія и нашелъ, противъ ожиданій, что насъ сильно отнесло къ западу, и мы теперь находимся на 57°90' в. долготы. Но зато насъ отнесло къ сѣверу и мы находимся теперь подъ 82°26' с. ш., тогда какъ 4 іюня были подъ 82°17,8 с. ш. и это не смотря на то, что мы все время шли къ югу. Насъ радуетъ однако, что ледъ такъ сильно двигается. Это заставляетъ надѣяться, что мы попадемъ наконецъ въ открытую воду. Я уже начинаю сомнѣваться, чтобы мы могли собственными усиліями добраться до открытой воды. Дорога черезъ чуръ плоха, и я основываю теперь свои надежды на канавахъ. Къ счастью, подулъ сѣверный вѣтеръ. Пусть дуетъ; если вѣтеръ могъ насъ отнести на сѣверо-западъ, то точно такъ же можетъ отнести и на юго-западъ, на встрѣчу нашей цѣли, по направленію къ землѣ Франца-Іосифа или Шпицбергену.

Послѣ этого наблюденія я еще болѣе началъ сомнѣваться въ томъ, что мы находимся къ востоку отъ мыса Флигели, и все больше склоняюсь къ мысли, что первая земля, которую мы увидимъ, если только вообще мы увидимъ землю!—будетъ Шпицбергенъ. Въ

такомъ случаѣ мы даже издали не увидимъ земли Франца-Іосифа, которой я мечтаю днемъ и ночью! Но если этому не бывать, то что же дѣлать! Шпицбергенъ не плохое мѣсто. И если мы дѣйствительно уклонились такъ далеко на западъ, то я еще болѣе надѣюсь встрѣтить разошедшійся ледъ и открытую воду. Итакъ, на Шпицбергенъ! Еслибъ намъ удалось только раздобыть провизіи, то все было бы хорошо, но въ этомъ-то и заключается наиважнѣйшій вопросъ.

Я нарочно проспалъ довольно долго послѣ того какъ произвелъ вычисленія и поразмыслилъ о теченіи, которое уноситъ насъ, и о нашемъ будущемъ. При такихъ условіяхъ идти намъ торопиться нечего. Погода сегодня едва ли лучше чѣмъ вчера; при мягкой же температурѣ лучше путешествовать ночью, нежели днемъ. Самое лучшее какъ нибудь убить время, не тратя при этомъ провіанта больше, чѣмъ сколько абсолютно необходимо. Лѣто можетъ только вызвать перемѣну къ лучшему, а у насъ еще три лѣтнихъ мѣсяца впереди. Вопросъ только въ томъ, достанемъ ли мы себѣ пропитаніе на это время. Странно будетъ, я думаю, если не достанемъ. Птицъ много кругомъ, вчера я снова видѣлъ большую птицу, вѣроятно, серебристую чайку. Но у насъ не хватитъ патроновъ, чтобы долгое время питаться такою мелкою дичью. Всѣ мои надежды направлены на медвѣдей или тюленей. Хотя бы одного поймать, прежде чѣмъ исчезнутъ всѣ наши запасы, и мы обезпечены на долгое время.

Воскресенье, 16 іюня. Вчера было также худо. Дорога можетъ привести въ отчаяніе, ледъ отвратительный. Я размышляю о томъ, не будетъ ли благоразумнѣе убить собакъ и сохранить ихъ для собственнаго пропитанія и затѣмъ попытаться все таки продолжать путь насколько это возможно безъ собакъ. Такимъ способомъ мы обезпечимъ себя провизіей на 15, а, быть можетъ, и на 20 дней и можемъ нѣсколько подвинуться впередъ. Но, повидимому, мы лишь немного выиграемъ отъ этого, и потому лучше подождать. Однако земля или вода могутъ быть не далеко, и каждый километръ, пройденный нами по направленію къ югу, получаетъ значеніе, такъ что я рѣшилъ всетаки двигаться съ помощью собакъ, насколько это возможно впередъ. Можетъ быть, наступитъ перемѣна раньше, чѣмъ мы ожидаемъ, или хоть дорога станетъ лучше. Вчера намъ пришлось убить двухъ собакъ. «Лиллеревенъ» едва волочила ноги, повидимому, онѣ у нея были совсѣмъ парализованы. Я положилъ ее на сани, и когда мы добрались до холма, гдѣ были защищены отъ сѣвернаго вѣтра, отправился разыскивать дорогу, а Іогансенъ въ это время убилъ собаку. Другая моя собака была въ такомъ же положеніи. Такъ какъ мнѣ и съ санями было достаточно хлопотъ, то я оставилъ собаку лежать, надѣясь, что она подымется и поплетется за нами. Она дѣйствительно сдѣлала это, но прошла лишь небольшое разстояніе, и въ концѣ концовъ Іогансену пришлось

взять ее и положить на свои сани. Во время остановки и она была убита. У меня остался только «Кайфасъ», чтобы помогать мнѣ тащить сани, у Іогансена же есть еще двѣ собаки: «Харенъ» и «Суггенъ»; мы имѣемъ теперь кормъ для нихъ на десять дней. Какъ далеко уйдемъ мы къ тому времени, извѣстно богамъ; боюсь, что не очень далеко. Мы должны были улучшить нашъ примитивный способъ тащить сани и поэтому сдѣлали для себя настоящую сбрую изъ собачьей упряжи. Мы плотно укрѣпили лыжи къ ногамъ, и гдѣ ледъ былъ гладкій, мы могли дѣйствительно тащить сани и подвигаться впередъ, хотя намъ помогала въ этомъ только одна собака. Я убѣдился, что мы можемъ всетаки подвигаться впередъ, если только хоть часть пути будетъ сносной, не смотря на то, что сани останавливались при каждой неровности. Намъ приходилось тогда напрягать всѣ свои силы, чтобы сдвинуть сани, но тщетно, и въ концѣ концовъ, мы дѣлали обходъ, пока наконецъ намъ не удавалось преодолѣть препятствіе при помощи высшаго напряженія силъ, чтобы затѣмъ наткнуться на новое. Не лучше было и тогда, когда мы хотѣли повернуть сани, застрявшія въ снѣгу; это удавалось сдѣлать, лишь совсѣмъ приподнимая сани. Такимъ образомъ, мы подвигались шагъ за шагомъ, пока наконецъ не достигли небольшого пространства гладкаго льда, гдѣ дѣло пошло быстрѣе. При переправѣ черезъ канавы или хребты положеніе дѣлъ становилось еще хуже.

Судя по виду неба, на югѣ и юго-западѣ должны быть канавы. Быть можетъ, наши усилія будутъ вознаграждены. Мы выступили вчера вечеромъ въ 10 часовъ и остановились сегодня въ шесть утра. Въ послѣдніе дни мы не обѣдали изъ экономіи, находя, что сдѣлали слишкомъ мало успѣховъ и не заслуживаемъ много пищи. По этой же причинѣ мы собрали сегодня утромъ кровь «Лиллеревена» и приготовили изъ нея родъ похлебки, вмѣсто обычной «fiskegratin». Это было недурно; хотя это и была собачья кровь, но мы такимъ образомъ сберегли одну порцію рыбной муки. Вчера, прежде чѣмъ залѣзть въ мѣшокъ, мы пересчитали наши патроны и нашли, къ нашему удовольствію, что у насъ еще осталось 148 дробяныхъ и 181 ружейныхъ патроновъ и кромѣ того 14 патроновъ съ пулями. Съ такимъ запасомъ мы въ состояніи будемъ увеличить наши запасы на долгое время; если даже намъ не удастся убить болѣе крупную добычу, то мы всетаки можемъ убивать птицъ, а 148 птицъ намъ хватитъ надолго. Если мы будемъ употреблять только половинные заряды, то растянемъ наши запасы еще на болѣе долгое время. Открытіе это подѣйствовало на меня ободряющимъ образомъ, такъ какъ, по правдѣ сказать, наше положеніе представлялось мнѣ не очень блестящимъ. Быть можетъ, мы будемъ въ состояніи продержаться три мѣсяца, а въ это время должно что нибудь произойти. Кромѣ того, мы могли бы ловить чаекъ посредствомъ крючка и въ худшемъ случаѣ, принявшись

серьезно за дѣло, могли бы вѣроятно изловить сѣтью какихъ нибудь маленькихъ животныхъ. Возможно, что мы достигнемъ Шпицбергена слишкомъ поздно, чтобы застать тамъ какое нибудь судно, и намъ придется тамъ перезимовать, но это будетъ во всякомъ случаѣ привольная жизнь, въ сравненіи съ тою, которую мы ведемъ здѣсь на льду, не зная ни того, гдѣ мы находимся, ни того, куда насъ увлекаетъ теченіе, и не смотря на всѣ наши усилія не видимъ нашей цѣли. Я не хотѣлъ бы еще разъ пережить такое время. Еслибъ насъ никто ие ждалъ дома, то перезимовать на Шпицбергенѣ было бы даже очень соблазнительно. И вотъ я лежу и мечтаю о томъ, какъ мы тамъ хорошо устроимся. Внѣ этого льда все мнѣ представляется въ розовомъ свѣтѣ; но вѣдь выйдемъ же мы изъ иего когда нибудь. Мы должны утѣшать себя поговоркой, что ночь передъ разсвѣтомъ всегда бываетъ темнѣе. Всѣ свои надежды мы возлагаемъ на лѣто, погода навѣрное будетъ лучше. Наши порціи, такъ же какъ и собачьи, доведены уже до минимума, мы всѣ пятеро голодали съ утра до вечера и съ вечера до утра и рѣшили убивать все, что попадется по дорогѣ, чаекъ и буревѣстниковъ, но какъ на зло никакая дичь намъ теперь не попадалась. Канавы тоже стали хуже и были большею частью переполнены снѣгомъ и изломаннымъ льдомъ. Часто намъ приходилось цѣлыя разстоянія проходить по такому искрошенному льду, сквозь который мы ежеминутно проваливались. 18 іюня задулъ сильный западный вѣтеръ, отъ котораго дрожали стѣны нашей палатки. Вѣроятно насъ опять уноситъ назадъ, туда, откуда мы пришли, или, быть можетъ, даже сѣвернѣе. Такимъ образомъ, вѣтеръ и теченіе бросаютъ насъ въ разныя стороны, и, быть можетъ, такъ будетъ продолжаться все лѣто и намъ не удастся овладѣть положеніемъ. Наблюденіе, сдѣланное мною сегодня, указываетъ 82°19' с. ш., слѣдовательно, мы нѣсколько подвинулись къ югу. Я застрѣлилъ пару буревѣстниковъ и кайру (Uria Brünnichia), и это продлило наши запасы, но, къ сожалѣнію, я промахнулся, стрѣляя въ тюленя, а какъ мы бы обрадовались такой добычѣ!

«Тутъ, однако, много жизни,—писалъ я въ своемъ дневникѣ 20 іюня—маленькіе пингвины летаютъ тутъ цѣлыми стаями и даже показываются въ отверстіе палатки. Смотрѣть на нихъ доставляетъ удовольствіе, но, къ сожалѣнію, они такъ малы, что не стоитъ тратить на нихъ выстрѣловъ. Просто удивительно, какъ много появилось птицъ съ тѣхъ поръ какъ подулъ западный вѣтеръ. Внезапность появленія пингвиновъ замѣчательна, но что пользы въ этомъ? Земли не видать, а дорога такъ отвратительна, какъ только возможно. Настоящей оттепели, которая бы уничтожала снѣгъ, однако, нѣтъ. Вчера утромъ я прошелъ къ югу, чтобы посмотрѣть дорогу. Ледъ на нѣкоторомъ разстояніи былъ хорошій и плоскій, но затѣмъ опять начинались канавы. Надо прибѣгнуть къ рѣшительнымъ средствамъ и спустить каяки, хотя они и протекаютъ, и переправиться на

нихъ черезъ канавы. Съ этимъ рѣшеніемъ я вернулся. Мы не могли позволить себѣ настоящій завтракъ и поэтому съѣли только по 50 грам. хлѣба и столько же пеммикана, послѣ чего принялись исправлять насосы и приготовлять каяки къ плаванію. Въ моемъ каякѣ надо было починить дыру, которой я раньше не замѣтилъ».

Послѣ скуднаго ужина (60 граммъ хлѣба и 30 граммъ масла на каждаго) мы залѣзли въ мѣшокъ, чтобъ проспать какъ можно дольше и провести такимъ образомъ время безъ пищи. Въ часъ мы встали и позавтракали нѣсколько обильнѣе рыбиою мукой, но мы уже не можемъ ѣсть до сыта. Мы радуемся мысли пустить въ ходъ новую тактику и уже не избѣгать канавъ, а, наоборотъ, разыскивать ихъ. Вѣроятно, чѣмъ дальше мы будемъ подвигаться къ югу, тѣмъ больше будетъ встрѣчаться канавъ и тѣмъ больше мы будемъ имѣть шансовъ что нибудь застрѣлить. Существованіе наше, однако, довольно таки печальное. Попытка наловить рыбы сѣтью потерпѣла полнѣйшую неудачу: я поймалъ только одного птеропода (Clio borealis) и нѣсколько ракообразныхъ. Я не сплю цѣлыя ночи и все думаю о томъ, какъ бы выпутаться изъ всѣхъ этихъ затрудненій. Ну, да вѣдь найдется же какой нибудь выходъ въ концѣ концовъ!

Суббота, 22-го іюня. $9^1/_2$ часовъ утра. Послѣ сытнаго завтрака изъ тюленьяго мяса, печени, жира и супа, я лежу и предаюсь пріятнымъ мечтамъ, жизнь снова кажется прекрасной. Какъ мало было нужно, чтобы все измѣнилось въ нашихъ глазахъ! Вчерашній день и всѣ послѣдніе дни все казалось такъ мрачно и безнадежно. Ледъ былъ непроходимъ, дичи никакой не встрѣчалось, и вдругъ по близости нашихъ каяковъ появился тюлень, и Іогансенъ едва успѣлъ всадить въ него пулю, прежде чѣмъ онъ скрылся. Пришлось, однако, запустить въ него гарпунъ, чтобы онъ не уплылъ. Это первый бородатый тюлень (Phoca barbata), встрѣченный нами, и, благодаря ему, мы имѣемъ теперь запасъ пищи и горючаго матеріала болѣе чѣмъ на мѣсяцъ. Намъ торопиться болѣе нечего, и мы можемъ теперь тщательнѣе привести въ порядокъ свои сани и каяки и выждать по возможности лучшаго состоянія льда. За ужиномъ мы такъ же до сыта наѣлись, какъ и за завтракомъ. Будущее кажется намъ гораздо болѣе свѣтлымъ и обезпеченнымъ, и никакія темныя тучи не заслоняютъ его болѣе.

Мы, однако, выступили въ четвергъ безъ большихъ ожиданій. Дорога была обычная, и хотя на мягкомъ снѣгу образовалась твердая кора, но положеніе отъ этого не улучшилось; сани зачастую врѣзывались въ нее и останавливались и ихъ нельзя было сдвинуть, пока мы не поднимали ихъ спереди, а при поворотѣ они обыкновенно совсѣмъ застревали. Снѣгъ былъ такой рыхлый, что даже лыжи проваливались. Кромѣ того встрѣчались и канавы, которыя хотя и были проходимы, но часто заставляли насъ описывать ломаную линію. Мы ясно видѣли, что такъ продолжать невозможно, и

что намъ оставалось только одно—бросить все, безъ чего мы можемъ обойтись, и оставить только безусловно необходимое, чтобы добраться до земли раньше, чѣмъ будетъ съѣденъ послѣдній кусокъ. Мы осмотрѣли весь багажъ, чтобы рѣшить, съ чѣмъ можно разстаться. Аптечка, запасныя перекладины для саней, запасныя лыжи и запасные толстые чулки, грязныя рубашки и палатка,—безъ этого можно было обойтись, но, разставаясь со спальнымъ мѣшкомъ, мы оба глубоко вздохнули. Кромѣ того, нужно было позаботиться о нѣкоторыхъ реформахъ въ снаряженіи каяковъ. Твердо рѣшившись произвести всѣ эти приготовленія уже на слѣдующій день, мы отправились дальше. Скоро мы достигли большой полыньи, черезъ которую нужно было переправиться. Каяки были спущены на воду и соединены вмѣстѣ посредствомъ лыжъ, пропущенныхъ черезъ ремни *), образовавъ такимъ образомъ вполнѣ надежную флотилію. Затѣмъ мы нагрузили на нихъ сани съ поклажей. Мы были въ нѣкоторомъ затрудненіи относительно того, какъ переправить собакъ, но онѣ сами разрѣшили вопросъ, забравшись на каякъ, и улеглись въ сани, какъ будто это было для нихъ самое обыкновенное дѣло. «Кайфасъ» возсѣдалъ впереди на моихъ саняхъ, а двѣ другія собаки сзади. Въ то время, какъ мы возились съ каяками, на поверхности воды показался тюлень. Я счелъ за лучшее, однако, не стрѣлять въ него, пока у насъ не готовы каяки, увѣренный, что тогда мы скорѣе достанемъ его. Но тюлень больше не показывался. Эти тюлени точно заколдованные и какъ будто посланы, чтобы насъ задерживать. Въ этотъ день я уже раньше два раза видѣлъ тюленей, но напрасно старался подкараулить ихъ и три раза промахнулся; это скверно отзовется на нашихъ боевыхъ запасахъ, если такъ будетъ дальше. Я замѣтилъ, что прицѣливаюсь слишкомъ высоко для такихъ небольшихъ разстояній, и поэтому пуля пролетаетъ мимо. Въ первый разъ послѣ долгаго времени мы снова плыли по голубымъ волнамъ. Наша флотилія должна представлять весьма странное зрѣлище, нагруженная санями, мѣшками, оружіемъ и собаками—настоящій цыганскій таборъ, какъ сказалъ Іогансенъ. Еслибъ насъ кто нибудь встрѣтилъ тогда, то навѣрное очень бы затруднился, куда насъ причислить, и ужъ, конечно, не подумалъ бы, что мы—полярные изслѣдователи. Не легкая это работа грести межъ саней и лыжъ, далеко выступающихъ съ обѣихъ сторонъ каяковъ. Однако мы всетаки подвигались впередъ и почитали бы себя счастливыми, еслибы можно было такъ путешествовать весь день, вмѣсто того, чтобы тащить эти ужасныя сани по отвратительному льду. Наши каяки никакъ нельзя назвать непроницаемыми, и намъ

*) Эти ремни придѣланы къ каяку противъ гребца, чтобы онъ могъ пропускать въ нихъ весло, когда собирается стрѣлять и т. п.; такъ какъ лопасти весла при этомъ лежатъ сбоку на водѣ, то онѣ много содѣйствуютъ удержанію судна въ равновѣсіи.

нѣсколько разъ приходилось прибѣгать къ насосамъ, однако, мы всетаки легко справлялись съ этимъ и поэтому желали, чтобъ намъ встрѣчалось побольше открытой воды на пути. Наконецъ, мы достигли другой стороны полыньи, и я вскочилъ на край льдины, чтобъ вытащить каяки, какъ вдругъ услышалъ вблизи громкій всплескъ воды. Это былъ тюлень, соскользнувшій въ воду. Вслѣдъ затѣмъ я услышалъ всплескъ съ другой стороны, и въ третій разъ надъ поверхностью воды появилась громадная голова, съ пыхтѣніемъ поворачивавшаяся въ разныя стороны и скрывшаяся подъ льдомъ раньше, чѣмъ мы успѣли схватить ружья. Это былъ большой бородатый тюлень. Мы были увѣрены, что онъ исчезъ совсѣмъ, но едва я взялся за сани, чтобы втащить ихъ, какъ голова тюленя снова показалась у каяковъ. Я поискалъ глазами ружье, но оно оказалось на каякѣ, и я не могъ достать его.—Скорѣе берите ружье, Іогансенъ, и стрѣляйте. Живѣе, живѣе!—крикнулъ я, и въ тотъ же моментъ раздался выстрѣлъ. Изъ головы тюленя брызнула кровь. Я бросилъ сани и въ одинъ мигъ швырнулъ гарпунъ въ тюленя, лежащаго на поверхности воды. Опасаясь, что тонкая веревка не выдержитъ, если тюлень начнетъ двигаться, я выхватилъ ножъ и всадилъ его въ горло тюленю. Вода на большое разстояніе окрасилась кровью, о чемъ я очень пожалѣлъ: такимъ образомъ пропадало хорошее кушанье, но измѣнить тутъ ничего было нельзя.

Пока я возился съ тюленемъ, сани, наполовину уже вытащенныя, снова сползли въ воду, и каяки вмѣстѣ съ Іогансеномъ и собаками уплыли. Онъ пробовалъ было втянуть сани обратно, но тщетно, и они такъ и остались лежать однимъ концомъ въ водѣ, другимъ на каякѣ. Сани привели въ разстройство всю флотилію, и каякъ Іогансена такъ накренило, что онъ одною стороною совсѣмъ легъ на воду; притомъ же онъ сильно пропускалъ воду, которая съ опасною быстротой повышалась внутри его. Нашъ кухонный аппаратъ свалился въ воду со всѣмъ своимъ драгоцѣннымъ содержимымъ. Лыжи также свалились и плавали возлѣ, а наша флотилія все больше и больше погружалась, между тѣмъ какъ я стоялъ и держалъ драгоцѣнную добыту Все вмѣстѣ представляло картину полнѣйшаго замѣшательства. Мнѣ не оставалось другого выбора, какъ бросить тюленя и вытащить каякъ, прежде чѣмъ онъ потонетъ. Это было не легко,—наполненный водою каякъ былъ тяжелъ, но тащить тюленя было еще труднѣе, и мы провозились не мало прежде чѣмъ вытащили огромное животное на ледъ. Отъ радости мы принялись плясать вокругъ тюленя, совершенно не думая ни о каякѣ, наполненномъ водой, ни о промоченныхъ насквозь вещахъ. У насъ теперь было пропитаніе и горючій матеріалъ. Затѣмъ пришлось заняться просушкою вещей и, главное, боевыхъ припасовъ, но, къ нашему счастью, патроны оказались довольно непроницаемыми для воды и поэтому не очень пострадали. Хуже было съ порохомъ, такъ какъ жестянка, въ которой онъ находился, на-

полнилась водой. Остальное было не такъ важно, хотя, конечно, было мало утѣшительнаго въ томъ, что нашъ хлѣбъ оказался совершенно размокшимъ въ соленой водѣ. Мы нашли мѣсто для стоянки по близости, разбили палатку и, быстро разрѣзавъ на куски нашу добычу, перемѣстили ее въ безопасное мѣсто. Могу сказать, что врядъ ли когда нибудь находились на плавучемъ льду болѣе довольные люди, чѣмъ были мы въ это утро, когда сидѣли въ своемъ мѣшкѣ и насыщались тюленьимъ мясомъ, жиромъ и супомъ, сколько только могли вмѣстить наши желудки. Мы оба находили, что никогда еще не ѣли такъ вкусно. Наѣвшись до сыта, мы залѣзли поглубже въ мѣшокъ и заснули сномъ праведниковъ, въ сознаніи, что избавились отъ всякихъ заботъ въ ближайшемъ будущемъ.—Я полагалъ, что самое лучше будетъ остаться тамъ, гдѣ мы находились, питаться нашей добычей, не трогая запасовъ, и ждать, пока ледъ разойдется больше, или же дорога исправится. Еслибы мы теперь пошли дальше, пришлось бы бросить большую часть нашэй добычи, а при такихъ обстоятельствахъ это было бы безуміемъ.

Воскресенье, 23 іюня. Сегодня Ивановъ день и притомъ воскресенье. Какъ радуются сегодня школьники, какія веселыя толпы народа тамъ въ Норвегіи устремятся сегодня въ лѣса и долины... а мы сидимъ здѣсь на плавучемъ льду, варимъ и жаримъ тюленье мясо, до отвалу насыщаемыя тюленьимъ жиромъ и не знаемъ, когда такая жизнь кончится. Быть можетъ, намъ придется перезимовать здѣсь. Всего меньше могъ я думать, что мы будемъ здѣсь теперь! Но всетаки очень пріятно, послѣ того какъ мы довели свои порціи до минимума, имѣть возможность снова наѣдаться до сыта. Тюленье мясо кажется намъ все болѣе и болѣе вкуснымъ, и я нахожу, что жиръ, какъ сырой, такъ и жареный, легко можетъ замѣнить масло. Мы ѣли вчера на завтракъ жаркое и супъ съ сырымъ жиромъ. Къ обѣду я поджарилъ куски тюленьяго мяса, лучше которыхъ намъ не подали бы, пожалуй, даже въ Грандъ-отелѣ, и только не хватало кружки пива. На ужинъ я приготовилъ блины изъ тюленьей крови, изжаренные въ жиру вмѣсто масла. Они оказались превосходными; Іогансенъ объявилъ, что они первый сортъ. Но жарить въ палаткѣ, пользуясь для этого ворванью — весьма сомнительное удовольствіе. Если сама лампа не дымитъ, то дымитъ ворвань и несчастному повару разъѣдаетъ глаза, такъ что у него слезы льются градомъ. Но могло быть даже хуже. Горѣлка, сдѣланная мною изъ накладного серебра, однажды нагрѣлась до того, когда я пекъ блины, что ворвань и куски жира вспыхнули. Пламя поднялось высоко. Я пробовалъ было затушить его, но оно разгоралось все сильнѣе. Самое лучшее было бы вытащить лампу изъ палатки, но времени не было. Палатка наполнилась удушливымъ дымомъ, мнѣ пришла несчастная мысль схватить горсть снѣга и бросить на горѣвшую ворвань. Снѣгъ зашипѣлъ и затрещалъ, горящее масло разбрыз-

галось по всѣмъ направленіямъ, и отъ лампы поднялось цѣлое море пламени, которое наполнило палатку и сожгло все, что находилось по близости. Задыхаясь отъ дыма, мы бросились къ выходному отверстію и, обрывая застежки, выскочили, сломя голову, радуясь, что не поплатились жизнью. Во время взрыва лампа погасла, но когда мы потомъ осмотрѣли палатку, то нашли, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла сковородка, большую выжженную дыру въ шелковой стѣнкѣ палатки. Пришлось употребить одинъ изъ нашихъ парусовъ для починки этой дыры. Мы опять залѣзли въ палатку, поздравляя себя съ тѣмъ, что такъ легко отдѣлались, и съ величайшими усиліями снова зажгли лампу, такъ что я могъ спечь послѣдній блинъ. Мы весело съѣли его съ сахаромъ и объявили, что лучшаго кушанья никогда не ѣдали; мы, впрочемъ, имѣли основаніе быть въ хорошемъ настроеніи въ этотъ день, такъ какъ вычисленія показали, что мы находимся на 82° 4,3' сѣв. ш. и 57° 48' в. д. мы, значитъ, подвинулись къ югу почти на 14', не смотря на юго-западные вѣтры; это въ высшей степени неожиданное и пріятное открытіе.

Среда, 26 іюня. День 24 іюня мы, конечно, отпраздновали очень торжественно. Во первыхъ, въ этотъ день исполнилось два года со времени нашего отъѣзда; во вторыхъ, прошло сто дней (въ сущности было двумя днями больше) съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули Fram; въ третьихъ, это былъ Ивановъ день. Разумѣется, празднованіе заключалось въ томъ, что мы мечтали о лучшихъ временахъ, разсматривали наши карты, обсуждали дальнѣйшіе планы и прочли все, что нашлось у насъ, т. е. корабельный журналъ и навигаціонныя таблицы. Іогансенъ совершилъ прогулку вдоль канавы и промахнулся, стрѣляя въ тюленя. Затѣмъ, довольно поздно ночью, мы принялись за ужинъ, состоявшій изъ превосходныхъ кровяныхъ блиновъ съ сахаромъ. Печеніе блиновъ на нашей горѣлкѣ длилось долго, и поэтому мы съѣдали каждый испеченный блинъ, какъ только онъ былъ готовъ, чтобы онъ не успѣлъ простыть, и длинная пауза между двумя блинами содѣйствовала возбужденію нашего аппетита. Затѣмъ мы сварили бруснику, которая также показалась намъ очень вкусной, не смотря на то, что ее подмочило соленой водой. Послѣ такой великолѣпной трапезы мы залегли въ мѣшокъ и улеглись спать въ восемь утра.

Я всталъ въ полдень, чтобы произвести измѣренія. Погода была великолѣпная, какой давно не бывало. Я залѣзъ на холмъ, дожидаясь, пока солнце достигнетъ высшей точки на небѣ, и, грѣясь въ его лучахъ, смотрѣлъ на ледяную равнину; снѣгъ, покрывающій ее, сверкалъ и блестѣлъ, такъ же какъ и полынья, находившаяся передо мною, спокойная, точно горное озеро, и отражавшая въ своихъ прозрачныхъ водахъ свои ледяные берега. Было такъ тихо, тихо, солнце жгло, и я мечталъ о родинѣ... Прежде чѣмъ вернуться въ палатку, я пошелъ набрать немного воды, чтобы сварить супъ на

завтракъ. Въ этотъ самый моментъ я увидалъ у края льдины тюленя и побѣжалъ за ружьемъ и каякомъ, но, спустивъ его на воду, убѣдился, что отъ лежанія на солнцѣ онъ сталъ протекать, какъ рѣшето, и мнѣ пришлось скорѣе грести назадъ, чтобы не потонуть.

Пока я выкачивалъ каякъ, тюлень снова вынырнулъ, и на этотъ разъ я сдѣлалъ удачный выстрѣлъ: животное осталось лежать на водѣ. Въ одну минуту я спустилъ на воду свое протекающее судно и всадилъ въ тюленя гарпунъ. Пока я тащилъ тюленя за собою на берегъ, каякъ мой наполнился водою, и я совсѣмъ промокъ. Дотащивъ тюленя до палатки, я вскрылъ его, собравъ всю кровь, какую только могъ, и разрѣзалъ мясо на куски. Затѣмъ я влѣзъ въ палатку, надѣлъ сухіе панталоны и снова залѣзъ въ мѣшокъ, оставивъ сушиться свое платье на солнцѣ. Теперь уже нетрудно согрѣться въ палаткѣ. Вчера вечеромъ было такъ жарко, что мы не могли спать, хотя и не залѣзали въ мѣшокъ. Вернувшись съ тюленемъ къ палаткѣ, я замѣтилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ нея выпалъ колышекъ, торчитъ голая нога Іогансена, который такъ крѣпко спалъ, что не замѣчалъ ничего. Съѣвъ по маленькому кусочку шоколаду, въ ознаменованіе моей удачной охоты, и проглядѣвъ еще разъ мои вычисленія, мы снова расположились на отдыхъ. Очень странно, что мы, судя по измѣренной широтѣ, находимся все на томъ же мѣстѣ и не двигались къ югу, не смотря на сѣверный вѣтеръ Ужъ не прикрѣпленъ ли этотъ ледъ къ землѣ? Во всякомъ случаѣ, мы не должны быть далеко отъ нея.

Четвергъ, 27-го іюня. Все та же однообразная жизнь, тотъ же сѣверный вѣтеръ, та же погода и тѣ же размышленія о будущемъ! Вчера была буря; сильный сѣверный вѣтеръ сопровождался твердымъ, зернистымъ снѣгомъ, ударявшимъ въ палатку съ такимъ шумомъ, что можно было принять его за настоящій дождь. Снѣгъ тотчасъ же таялъ на стѣнкахъ палатки, и вода сбѣгала внизъ. Внутри палатки всетаки уютно. Что намъ за дѣло до вѣтра,—мы лежимъ въ нашемъ тепломъ мѣшкѣ, слушаемъ, какъ хлопаютъ стѣнки палатки, и воображаемъ, что мы быстро уносимся на западъ, хотя, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ мы и не движемся съ мѣста. Но если этотъ вѣтеръ насъ не погонитъ, то, значитъ, ледъ прикрѣпленъ къ землѣ, и мы находимся отъ нея недалеко. Я надѣюсь, что, пока мы тутъ находимся, насъ отнесетъ въ проливъ между землею Франца Іосифа и Шпицбергеномъ. Погода была такая холодная и вѣтренная, что работать на открытомъ воздухѣ было нельзя. Ну да намъ, къ сожалѣнію, спѣшить некуда.

Въ послѣднее время въ канавахъ произошли большія перемѣны; отъ полыньи, которую мы переплывали, почти ничего не осталось, и со всѣхъ сторонъ происходилъ напоръ. Я надѣюсь, что изломанный въ куски ледъ скорѣе разойдется, когда придетъ время; однако, это случится не раньше конца іюля, а до тѣхъ поръ мы

должны запастись терпѣніемъ. Вчера мы разрѣзали часть тюленьяго мяса на тонкіе куски и повѣсили для просушки. Намъ нужно увеличить свои дорожные запасы и приготовить пеммиканъ или сушеное мясо. Іогансенъ нашелъ вчера по близости лужу прѣсной воды, что было очень пріятно, такъ какъ не нужно растапливать ледъ. Это первая хорошая вода для приготовленія кушанья, найденная нами. Если тюленей будетъ мало, и они будутъ рѣдко показываться, то у насъ есть птицы. Вчера двѣ чайки обнаружили такую дерзость, что усѣлись на тюленьей шкурѣ у палатки и принялись клевать жиръ. Мы два раза ихъ отгоняли, но онѣ снова возвращались. Когда у насъ выйдетъ мясо,—мы начнемъ ловить птицъ.

Такимъ образомъ день проходилъ за днемъ, и мы все ждали, пока растаетъ снѣгъ, и занимались приготовленіями къ дальнѣйшему путешествію. Эта жизнь напомнила мнѣ эскимосовъ, которые переѣхали фіордъ, чтобы собрать сѣно. Когда они прибыли къ назначенному мѣсту, то увидѣли, что трава еще мала. Тогда они расположились тутъ же и стали ждать, пока трава выраститъ настолько, чтобы ее можно было косить. Но ждать, пока условія измѣнятся, приходится долго. Я писалъ 29-го іюня: «Температура все еще не хочетъ подниматься настолько, чтобы повліять на снѣгъ. Мы всячески стараемся убить время въ разговорахъ о томъ, какъ хорошо будетъ, когда мы вернемся домой, и какъ мы тогда будемъ наслаждаться жизнью. Мы обсуждаемъ, какъ долго еще намъ нужно ждать этого, но иной разъ заводимъ бесѣду о томъ, какъ мы устроимъ свою зимовку на Шпицбергенѣ, если намъ не придется вернуться домой въ этомъ году Но въ худшемъ случаѣ намъ придется зазимовать здѣсь».

Воскресенье, 30-е іюня. Итакъ, наступилъ послѣдній день мѣсяца, а мы все еще на одномъ мѣстѣ, гдѣ находились въ началѣ мѣсяца. Дорога не стала лучше; но погода сегодня превосходная, такъ тихо, что мы лежимъ совсѣмъ спокойно въ палаткѣ и потѣемъ. Черезъ открытыя двери мы смотримъ на ледъ, освѣщенный солнцемъ, лучи котораго пронизываютъ бѣлыя перистыя облака. Всюду царствуетъ воскресная тишина, лишь слабый вѣтерокъ дуетъ съ юго-востока. О какъ хорошо сегодня дома; все въ цвѣту, фіордъ сверкаетъ на солнцѣ! Быть можетъ ты сидишь тамъ, на вершинѣ мыса, и держишь Лифъ на рукахъ или быть можетъ ты катаешься съ нею на лодкѣ? Мои взоры блуждаютъ по льду, сквозь открытую дверь, и я вспоминаю, что еще много льдинъ отдѣляютъ меня отъ того времени, когда я снова все это увижу. Мы сидимъ тутъ на дальнемъ сѣверѣ, черные отъ копоти, и мѣшаемъ похлебку въ котлѣ. Насъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ ледъ, только ледъ, сверкающій своею бѣлизной и чистотой, которой намъ такъ не хватаетъ самимъ. Ахъ, все тутъ слишкомъ бѣло! Глаза напрасно устремляются вдаль, отыскивая хотя бы малѣйшую черную точку

на далекомъ горизонтѣ, чтобы отдохнуть на ней. Мы уже два мѣсяца ждемъ этого. Сегодня какъ будто всѣ птицы снова пропали, и даже пингвиновъ не видать. Мы ихъ видѣли до вчерашняго дня и слышали, что онѣ улетаютъ на сѣверъ и на югъ. Вѣроятно, они удалились, потому что теперь въ этихъ мѣстахъ мало воды. Еслибъ мы могли также легко передвигаться, какъ птицы!

Среда, 3-го іюля. Зачѣмъ писать? Что могу я повѣрять этимъ листкамъ? Ничего, кромѣ всепоглощающаго страстнаго желанія быть дома и уйти отъ этого однообразія! Всѣ дни совершенно одинаковы, за исключеніемъ только того, что въ послѣдніе два дня дулъ южный вѣтеръ и мы плывемъ къ сѣверу. Вчерашнее измѣреніе указываетъ, что насъ отнесло назадъ до 82°8,4' сѣв. ш., долгота же осталась безъ измѣненій. Вчера, такъ же какъ и позавчера, у насъ былъ настоящій солнечный день, а это большая рѣдкость. Горизонтъ съ южной стороны былъ совсѣмъ свѣтлый, чего давно уже не бывало, но мы напрасно высматривали землю. Я этого не постигаю Вчера шелъ снѣгъ. Палатка такъ протекала, что мѣшокъ былъ совсѣмъ мокрый. Этотъ постоянный снѣгъ, низачто не желающій превратиться въ дождь, просто можетъ довести до отчаянія; свѣжій выпавшій снѣгъ обыкновенно ложится толстымъ слоемъ сверху и задерживаетъ таяніе. Вѣтеръ снова образовалъ нѣсколько канавъ во льду, и опять появились птицы. Вчера мы видѣли нѣсколько пингвиновъ; вѣроятно, они прилетѣли съ юга, отъ земли.

Суббота, 6 іюля. +1° С. Дождь. Наконецъ, послѣ двухъ недѣль мы дождались такой погоды, на которую давно разсчитывали. Всю ночь и весь день шелъ настоящій, славный дождь. Можетъ теперь наконецъ растаетъ этотъ вѣчный снѣгъ, онъ сталъ теперь мягокъ и рыхлъ какъ пѣна. Еслибы только дождь продержался цѣлую недѣлю! Но мы и оглянуться не успѣли, какъ уже снова подулъ холодный вѣтеръ со снѣгомъ, образуется опять кора, и мы снова должны ждать. Я слишкомъ привыкъ къ разочарованіямъ, чтобы вѣрить чему нибудь. Это такая школа терпѣнія. Однако дождь привелъ насъ въ хорошее настроеніе.

Дни тянутся медленно. Мы попеременно работаемъ то надъ придѣлыванiемъ деревянныхъ рукоятокъ къ каякамъ, то надъ окраскою нашихъ каяковъ, чтобы сдѣлать ихъ непромокаемыми. Окраска каяковъ, однако, стоитъ мнѣ большого труда. Въ теченіе многихъ дней я занимался сжиганіемъ костей, такъ что все это мѣсто пропахло точно костяной заводъ; затѣмъ пришлось ихъ толочь или растирать, что также было нелегко. Полученный такимъ образомъ порошокъ я смѣшалъ съ ворванью, но эта краска оказалась никуда негодной. Мнѣ пришлось прибѣгнуть къ смѣшиванію этого порошка съ сажей и прибавлять побольше масла, такъ что теперь, въ своихъ попыткахъ добыть побольше сажи, я прокоптилъ все наше помѣщеніе. Но, не смотря на всѣ мои старанія, мнѣ удается собрать лишь небольшую горсточку сажи, хотя дымъ вздымается

такъ высоко, что его должно быть видно на Шпицбергенѣ. Да, трудненько приходится, когда по близости нѣтъ лавки. Чего бы я не далъ за маленькое ведерко самой обыкновенной черной масляной краски! Но въ концѣ концовъ мы найдемъ всетаки средство выпутаться изъ этихъ затрудненій, но зато сами превратимся въ совершенныхъ трубочистовъ.

Въ среду вечеромъ мы убили «Харена». Бѣдное животное! Онъ уже никуда не годился въ послѣднее время, но, вѣроятно, Іогансену было трудно съ нимъ разстаться. Онъ съ грустью смотрѣлъ на мертвую собаку, душа которой отправилась, быть можетъ, туда, гдѣ нѣтъ ни ледяныхъ равнинъ, ни хребтовъ, ни канавъ. Теперь у насъ остались только двѣ собаки, «Суггенъ» и «Кайфасъ», которыхъ мы постараемся сохранить какъ можно дольше и извлечь изъ нихъ возможную пользу.

Третьяго дня мы вдругъ открыли на востокѣ черный холмъ. Мы разсмотрѣли его въ подзорную трубу. Онъ выглядывалъ совершенно какъ черная скала, выступающая изъ снѣга и превосходящая своей величиной всѣ сосѣднія вершины. Я разглядывалъ окрестности съ вершины сосѣдняго холма, но никакъ не могъ рѣшить, что это такое. Мнѣ кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы это былъ островъ, такъ какъ онъ остается все въ томъ же разстояніи отъ насъ, хотя насъ, безъ сомнѣнія, увлекаетъ теченіемъ. Мы вчера видѣли это возвышеніе и видимъ его сегодня въ томъ же направленіи, но не можемъ замѣтить никакого напора или движенія во льду. Я считаю наиболѣе вѣроятнымъ, что это Айсбергъ. Какъ только проясняется горизонтъ, то одинъ изъ насъ направляется на сторожевую башню, — ближайшій къ нашей палаткѣ холмъ—высматриваетъ землю, то въ подзорную трубу, то безъ нея; но ни разу еще не удалось намъ увидѣть что нибудь, кромѣ того же самаго обнаженнаго горизонта. Я ежедневно обхожу окрестности, чтобы посмотрѣть, не растаялъ ли снѣгъ, но, повидимому, онъ не убываетъ, и по временамъ меня начинаютъ разбирать сомнѣнія, исчезнетъ ли онъ вообще въ теченіе этого лѣта. Если онъ не исчезнетъ, то надежды наши болѣе чѣмъ плохи. Самое лучшее, на что мы могли бы тогда надѣяться—это зимовка гдѣ нибудь на землѣ Франца-Іосифа. Но теперь пошелъ дождь и обливаетъ стѣны палатки, капая оттуда на ледъ. Снова проснулась надежда, и мы мечтаемъ о томъ, какъ пріятно будетъ провести осень и зиму на родинѣ.

Среда, 10-го іюля. Удивительно, что теперь, какъ разъ тогда, когда мнѣ есть что разсказать, мнѣ совсѣмъ не хочется писать. Мнѣ все представляется безразличнымъ. Но что же я хотѣлъ сказать? Да, то, что мы вчера сдѣлали прекрасную подстилку изъ медвѣжьяго мѣха для своего спальнаго мѣшка и проспали цѣлый день, сами того не замѣчая. Я полагалъ, что проснулся въ шесть утра, но когда я вышелъ изъ палатки, то положеніе солнца мнѣ показалось

нѣсколько страннымъ; я задумался было надъ этимъ, но потомъ рѣшилъ, что было шесть часовъ вечера, а не утра, и мы, слѣдовательно, проспали цѣлыхъ 22 часа. Мы мало спали въ послѣднее время, такъ какъ намъ было очень неудобно лежать на лыжахъ, которыя мы подложили подъ нашъ мѣшокъ, чтобы защитить его отъ лужъ. Кой-какіе клочки мѣха, уцѣлѣвшіе еще на нижней сторонѣ мѣшка, служили плохою защитою отъ острыхъ краевъ лыжъ.

Благодѣтельный дождь продолжался въ субботу цѣлый день и удалилъ большую часть снѣга, чему мы, конечно, очень обрадовались. Чтобы отпраздновать хорошую погоду, мы рѣшили выпить за ужиномъ шоколаду, а то послѣднее время мы питались только нашею добычей. Мы приготовили шоколадъ и подали къ нему куски сырого тюленьяго жира, что было очень вкусно. Но меня постигла большая непріятность. Мы такъ радовались предстоящему рѣдкому угощенію, а между тѣмъ я какъ-то ухитрился сдѣлать неловкое движеніе и опрокинулъ весь сосудъ съ драгоцѣннымъ содержимымъ на ледъ. Пока я ждалъ, когда будетъ готова вторая порція, варившаяся на лампѣ съ ворванью, снаружи вдругъ раздался лай «Кайфаса». Я ни минуты не сомнѣвался, что онъ увидѣлъ какого нибудь звѣря и поэтому хотѣлъ скорѣе отправиться на ледяной холмъ, чтобы осмотрѣть окрестности, но каково же было мое удивленіе, когда, высунувъ голову изъ палатки, я увидѣлъ медвѣдя, который прямо направлялся къ собакамъ. Я бросился къ ружью, медвѣдь между тѣмъ остановился въ удивленіи и смотрѣлъ на меня. Я всадилъ въ него пулю и думалъ, что уложу его на мѣстѣ, но онъ только пошатнулся, а затѣмъ повернулся и побѣжалъ; и прежде чѣмъ я успѣлъ вытащить второй патронъ изъ моего кармана, наполненнаго всякою всячиною, онъ уже исчезъ за холмами. Я отправился за нимъ въ догонку вмѣстѣ съ Іогансеномъ и, отойдя недалеко, мы увидѣли еще двѣ головы, принадлежавшія двумъ медвѣженкамъ, которые стали на заднія лапы и смотрѣли на свою мать, а она шла къ нимъ, пошатываясь и оставляя за собою кровавый слѣдъ. Затѣмъ они всѣ втроемъ бросились бѣжать черезъ канаву, и началась бѣшеная погоня черезъ равнины, холмы, канавы и всевозможныя препятствія. Воспламенившаяся страсть къ охотѣ дѣйствуетъ удивительно, и тамъ, гдѣ въ другое время, казалось, было бы очень трудно подвигаться впередъ и, гдѣ, быть можетъ, не разъ остановился бы въ нерѣшительности передъ канавой, теперь, охваченный охотничьимъ пыломъ, не обращаешь вниманія ни на какія препятствія. Медвѣдица была тяжело ранена и волочила лѣвую ногу, но подвигалась всетаки настолько скоро, что мнѣ трудно было слѣдовать за ней. Медвѣжата въ тревогѣ бѣжали возлѣ нея, забѣгая по временамъ впередъ, какъ будто побуждая ее идти скорѣе; они, очевидно, не понимали, что съ нею. Я нѣсколько разъ приближался къ ней на разстояніе выстрѣла, но не хотѣлъ стрѣлять, пока не былъ увѣренъ въ томъ, что уложу ее сразу,

такъ какъ у меня оставалось только три патрона, по одному на каждаго звѣря. Наконецъ, медвѣдица повернулась ко мнѣ бокомъ, и тогда мой выстрѣлъ уложилъ ее. Медвѣжата бросились къ ней и начали толкать ее и бѣгать кругомъ. Я зарядилъ ружье и выстрѣлилъ въ одного изъ нихъ. Онъ упалъ съ глухимъ ревомъ возлѣ своей матери, умирающей въ лужѣ крови. Другой медвѣжонокъ бросился къ нему, точно желая ему помочь, но только съ грустью посмотрѣлъ на него. Когда я подошелъ къ нему, то медвѣжонокъ равнодушно отвернулъ голову. Что ему было до меня? Все, что ему было дорого на свѣтѣ, было уничтожено, и онъ не зналъ, куда ему идти и поэтому не двигался съ мѣста. Я прямо подошелъ къ нему, и съ пулею въ груди онъ упалъ мертвый рядомъ съ матерью.

Вскорѣ подошелъ Іогансенъ, задержанный на пути канавой. Мы выпотрошили животныхъ и затѣмъ вернулись въ палатку, чтобы привести сани и собакъ. Наша вторая порція шоколада показалась намъ особенно вкусна послѣ такого перерыва. Содравъ шкуры съ двухъ медвѣдей и разрѣзавъ ихъ тѣла на куски, мы сложили ихъ въ кучу и прикрыли шкурой для защиты отъ чаекъ, третьяго же медвѣдя увезли съ собой. На другой день мы перевезли и остальныхъ; теперь у насъ такъ много мяса, что даже больше, чѣмъ намъ будетъ нужно. Впрочемъ, очень хорошо, что мы можемъ теперь кормить собакъ мясомъ до сыта, онѣ въ этомъ очень нуждаются. «Суггенъ», бѣдняга, очень плохъ и врядъ ли въ состояніи будетъ работать. Онъ не могъ идти съ нами, когда мы отправились за медвѣдями, намъ пришлось посадить его на сани. Но онъ страшно вылъ, находя, вѣроятно, ниже своего достоинства такой способъ передвиженія, такъ что Іогансенъ долженъ былъ отнести его назадъ. У собакъ, повидимому, дѣлается параличъ заднихъ ногъ; онѣ падаютъ и поднимаются съ большимъ трудомъ. Такъ было рѣшительно со всѣми, и только Кайфасъ по прежнему свѣжъ и бодръ.

Медвѣжата оказались очень большими. Я не могъ себѣ представить, чтобы они родились въ этомъ году, но у медвѣдицы еще было молоко, и, конечно, трудно было допустить, чтобы медвѣжата сосали полтора года. Тѣ медвѣжата, которыхъ мы убили 4-го ноября прошлаго года на Fram, были гораздо меньше. Повидимому, у бѣлыхъ медвѣдей дѣтеныши рождаются въ разныя времена года. Въ желудкѣ медвѣжатъ мы нашли куски тюленьей шкуры.

Понедѣльникъ, 15-го іюля. Въ то время, какъ мы работали надъ каяками, мимо насъ пролетѣла розовая чайка. Въ четвергъ я увидѣлъ вторую такую же чайку, съ кольцомъ изъ черныхъ перьевъ вокругъ шеи. Чайка летѣла съ сѣверо-востока на юго-западъ.

Среда, 17-го іюля. Наконецъ, мы снова можемъ пуститься въ путь и серьезно думать о возвращеніи на родину. Снѣгъ достаточно растаялъ, такъ что я надѣюсь, что намъ довольно легко

будетъ подвигаться домой. Мы очень спѣшимъ со своими приготовленіями. Каяки у насъ уже выкрашены сажей съ ворванью и сухой толченой пастельной краской, смѣшанной съ ворванью, насколько только удалось смѣшать эти различные ингредіенты. Теперь мы употребляемъ въ дѣло смѣсь изъ стеарина, дегтя и смолы. Мы еще пересмотримъ всѣ наши запасы и бросимъ все, что не абсолютно необходимо. Мы должны распрощаться также и съ нашимъ спальнымъ мѣшкомъ и палаткой. *). Дни удобствъ для насъ прошли, и намъ придется оставаться подъ открытымъ небомъ, пока насъ не заберетъ какое нибудь китоловное судно. Между тѣмъ мы продолжаемъ оставаться здѣсь, въ «лагерѣ томленія», какъ мы назвали это мѣсто, а время шло. Мы ѣли за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ медвѣжье мясо, и оно намъ нисколько не надоѣло; мы даже нашли, что грудинка молодого медвѣдя очень тонкое кушанье. Удивительно, что такая исключительно мясная и жирная пища не причинила намъ никакого разстройства, и мы совсѣмъ не ощущали потребности въ мучной пищѣ, хотя, пожалуй, большой кусокъ пирога доставилъ бы намъ высшее блаженство. По временамъ мы наслаждаемся грогомъ изъ лимоннаго сока, кровяными блинами или пареной брусникой и мечтаемъ о томъ, какъ будетъ хорошо, когда мы вернемся домой и опять будемъ наслаждаться всѣми прелестями цивилизаціи. Счастливое невѣдѣніе! Быть можетъ, намъ придется пережить еще не мало тяжелыхъ дней и перенести тяжелыхъ испытаній, прежде чѣмъ мы вернемся домой. Нѣтъ, я хочу надѣяться на лучшее! У насъ еще впереди два лѣтнихъ мѣсяца, и многое еще можетъ произойти.

Пятница, 19-го іюля. Сегодня утромъ пролетѣли двѣ чайки съ сѣверо-востока. Онѣ летѣли такъ низко надъ моею головой, что я прекрасно могъ разглядѣть розовую окраску груди. Вчера еще пролетѣла одна чайка. Удивительно, какъ ихъ тутъ много. Гдѣ же мы находимся?

Вторникъ, 23-го іюля. Вчера утромъ мы покинули, наконецъ, «лагерь томленія» и теперь находимся въ дорогѣ. Мы работали дни и ночи, чтобы имѣть возможность выйти. Мы сначала думали, что выступимъ 19-го, потомъ 20-го, затѣмъ 21-го, но постоянно насъ что нибудь задерживало. Надо было высушить хлѣбъ, подмоченный соленой водой, а на это требовалось время; потомъ нужно было заштопать чулки, хорошенько осмотрѣть каяки и т. д. Мы рѣшили отправиться въ свое послѣднее путешествіе такъ, чтобы все было въ порядкѣ. Такъ и было сдѣлано, и все шло хорошо. Двигаться впередъ оказывалось легче, чѣмъ мы разсчитывали, хотя ледъ еще не совсѣмъ гладкій. Сани тащить легче послѣ того, какъ мы оставили все, безъ чего могли обойтись. Снѣгъ сильно стаялъ, и въ концѣ пути мы даже могли двигаться безъ лыжъ, и, разумѣется,

*) Мы, однако, потомъ рѣшили взять ее съ собою.

безъ нихъ легче переправляться черезъ разныя неровности и хребты. Іогансенъ совершилъ фокусъ, переправившись черезъ канаву на своемъ каякѣ; онъ посадилъ «Суггенъ» на носовую часть каяка, а самъ сталъ на колѣни на кормовой части, чтобы поддерживать каякъ въ равновѣсіи. Я тоже попробовалъ сдѣлать это, но нашелъ свой каякъ слишкомъ валкимъ и предпочелъ перетащить его черезъ канаву, осторожно перескакивая со льдины на льдину.

Мы теперь вездѣ находимъ воду для питья. Питаемся мы своими прежними запасами, но удивительно, что ни мнѣ, ни Іогансену эта пища не кажется вкусной, хотя можно было бы ожидать какъ разъ обратнаго, послѣ того какъ мы цѣлый мѣсяцъ ѣли только одно мясо. Хорошо, что мы опять въ дорогѣ, и самое пріятное, что сани наши не тяжелы. Мы, однако, много оставили въ «лагерѣ томленія». Кромѣ изряднаго количества мяса и жира, мы оставили тамъ три прекрасныя медвѣжьи шкуры. Тамъ и нашъ пріятель спальный мѣшокъ покоится на медвѣжьихъ шкурахъ. Мы оставили еще множество вещей, которыя валяются тамъ въ хаотическомъ безпорядкѣ, но зато мы взяли съ собою мѣшокъ съ сушеннымъ медвѣжьимъ и тюленьимъ мясомъ и полную сковородку жира. Мы основательно избавились отъ всего лишняго.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ дворянскому вопросу.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, возобновляются занятія особой коммиссіи, на которую возложено всестороннее выясненіе современныхъ нуждъ помѣстнаго дворянства и выработка мѣропріятій для удовлетворенія этихъ нуждъ. Коммиссія образована такъ недавно, что пока еще не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо результатахъ ея трудовъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе всего лѣта она не засѣдала. Затѣмъ и по свойству дѣла, порученнаго коммиссіи, нельзя предвидѣть скораго его завершенія. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, ей пришлось начать съ собиранія матеріаловъ, которыхъ не оказалось въ наличности. За ними коммиссія обратилась къ мѣстнымъ учрежденіямъ и только къ концу осени надѣется получить изъ губерній затребованныя свѣдѣнія Если послѣднія и будутъ доставлены въ Петербургъ къ назначенному сроку, что не всегда удается сдѣлать, то всетаки врядъ-ли подготовительныя работы можно будетъ считать оконченными. Трудно предположить, чтобы коммиссія удовлетворилась тѣмъ запасомъ данныхъ, который теперь находится въ распоряженіи представителей дворянства и мѣстныхъ властей. Вѣроятнѣе, что еще не разъ и не два коммиссія вынуждена будетъ просить дополнительныхъ свѣдѣній, и прежде, чѣмъ наберется достаточный матеріалъ для рѣшенія первой изъ ея задачъ—для всесторонняго выясненія дворянскихъ нуждъ—пройдетъ немало времени. Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь за свѣдѣніями въ провинцію, коммиссія желаетъ получить, конечно, не жалобы на трудное время, изложенныя съ большимъ или меньшимъ краснорѣчіемъ, а фактическія указанія и цифры, освѣщающія различныя стороны дворянскаго вопроса. Содержаніе циркуляра, разосланнаго коммиссіей по губерніямъ, не оглашено въ печати, но, не боясь ошибиться, можно сказать, что она нуждается въ подробныхъ свѣдѣніяхъ какъ объ общей численности дворянъ-землевладѣльцевъ по губерніямъ и уѣздамъ, такъ и о группировкѣ дворянскихъ владѣній по размѣрамъ, о задолженности въ банки и въ частныя руки, о хозяйственномъ положеніи дворянскихъ имѣній и т. п. На всѣ эти вопросы, если не довольствоваться завѣдомо устарѣлыми или гадательными цифрами, мѣстная администрація и представители дворянства могутъ отвѣтить только послѣ предварительнаго обслѣдованія;

ибо до настоящаго времени, какъ ни много говорилось о дворянскомъ оскудѣніи и прочихъ дворянскихъ невзгодахъ, такихъ свѣдѣній собрано не было. Весьма вѣроятно, что коммиссія пожелаетъ обстоятельно ознакомиться съ современнымъ положеніемъ дворянства и въ другихъ отношеніяхъ. Можно предвидѣть, что вниманіе коммиссіи привлекутъ такіе вопросы, какъ участіе дворянства въ мѣстномъ общественномъ управленіи, государственная служба дворянъ въ провинціи и столичныхъ учрежденіяхъ, образованіе и пр. и пр. Поэтому, если теперь затребованныя свѣдѣнія касаются немногихъ предметовъ, то въ будущемъ придется, тѣмъ или инымъ спообомъ, значительно пополнить матеріалы коммиссіи. Во всякомъ случаѣ, нужно время и для провинціальныхъ учрежденій, чтобы собрать надлежащія свѣдѣнія, и для особой коммиссіи, чтобы разобраться въ фактическомъ матеріалѣ, имѣющемъ поступить въ нее. Словомъ, какихлибо результатовъ отъ дѣятельности коммиссіи еще долго ждать. Къ цѣли, которая ей поставлена, ведетъ длинный путь подробнаго изслѣдованія и изученія, но это путь единственно возможный, если желать дѣйствительно всесторонняго выясненія вопроса и не хвататься за готовыя рѣшенія, услужливо и теперь уже предлагаемыя разными «свѣдущими» въ дворянскомъ вопросѣ людьми, а положиться на этихъ людей и ихъ проекты, какъ мы сейчасъ увидимъ, нѣтъ никакого основанія.

Готовыхъ рѣшеній дворянскаго вопроса за послѣднее время слишкомъ много, такъ что одно обиліе ихъ, пожалуй, можетъ произвести впечатлѣніе: нужна ли подготовительная стадія въ работахъ особаго совѣщанія? Не будетъ ли она излишней проволочкой, если на лицо оказывается столько свѣдущахъ людей, которымъ хорошо извѣстны какъ нужды дворянства, такъ и причины переживаемаго дворянами «кризиса» и надежнѣйшія средства, долженствующія исцѣлить недуги и уврачевать раны дворянскаго сословія? Только вотъ пріемы, съ которыми свѣдущіе люди приступаютъ къ дѣлу, плохо рекомендуютъ этихъ радѣтелей о дворянскомъ благѣ. Слишкомъ ужъ много они проявляютъ суетливости и нетерпѣнія и слишкомъ мало послѣдовательности. Отнынѣ,—утверждаютъ они,—«невозможно ни отрицать существованія дворянскаго вопроса, ни отказываться отъ его рѣшенія, ни откладывать это рѣшеніе на неопредѣленное время, ни извращать его сущность». Но тутъ же слѣдомъ вы узнаете, что «извратить сущность дворянскаго вопроса тѣмъ легче, что у насъ въ общей массѣ публики и даже въ самомъ дворянствѣ взгляды на эту сущность далеко еще не установились». («Моск. Вѣд.» № 79). Они ждутъ «внезапнаго пробужденія въ дворянствѣ давно уснувшей сословной солидарности, съ тѣмъ, чтобы съ самаго начала дружною работою сплоченнаго сословія придти на помощь правительственной инниціативѣ». Но случилось такъ, что за короткое время существованія коммисіи ни одно дворянство не успѣло заявить ей своихъ желаній,—и «скептицизмъ» свѣдущихъ

людей, «скептицизмъ по отношенію къ нашему дворянству начинаетъ переходить въ пессимизмъ». (Гражд. «Дневникъ» отъ 8 окт.).

Свое нетерпѣніе и торопливость «свѣдущіе» люди объясняютъ тѣмъ, что «дворянскій вопросъ такъ обширенъ и многостороненъ, что иной разъ цѣлая совокупность его ускользаетъ отъ глазъ наблюдателя, сосредоточивающаго свое вниманіе то на одной, то на другой его сторонѣ. Каждая изъ этихъ сторонъ несомнѣнно имѣетъ существенное значеніе, а потому весьма понятно, что она иной разъ можетъ представляться единственною существенною стороной, изъ за которой забываются всѣ остальныя». Эта опасность не угрожаетъ, впрочемъ, самимъ «свѣдущимъ» людямъ Они наперечетъ знаютъ всѣ «существенныя стороны» дворянскаго вопроса и, рекомендуя не забывать ни одну изъ нихъ, представляютъ внушительный списокъ:

„Крайняя задолженность дворянскаго землевладѣнія, постепенное исчезновеніе помѣстнаго дворянства, паденіе дворянскаго хозяйства вслѣдствіе отсутствія правильно организованнаго сельскаго труда, низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ и высокихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, утрата дворянствомъ своихъ прежнихъ правъ и обязанностей, какъ служилаго сословія, искусственное разобщеніе его интересовъ съ интересами крестьянства, отсутствіе у него возможности руководить мѣстною и сельскою жизнію живымъ и дѣятельнымъ участіемъ въ ней отъ имени и въ духѣ самодержавной правительственной власти, и т. д. Всѣ эти отдѣльныя части великаго общаго вопроса,—авторитетно заявляютъ намъ,—не могутъ быть рѣшены отдѣльно одна отъ другой; всѣ онѣ находятся въ тѣснѣйшей связи между собою и переплетаются тысячью крупныхъ и мелкихъ вѣтвей, разрубить которыя значило бы не спасти, а погубить дворянство". („Моск. Вѣд." № 79).

Но сами «свѣдущіе» люди дарятъ своимъ вниманіемъ далеко не «всѣ эти отдѣльныя части великаго общаго вопроса». Они находятъ, напр., что «плохо, ужасно плохо идетъ дѣло о возстановленіи дворянства», когда «говорятъ о сельскомъ хозяйствѣ, о тарифахъ и сельскохозяйственныхъ машинахъ, говорятъ о какой-то шаблонной помощи дворянскому банкротству, а не говорятъ о томъ, что дворянство не можетъ существовать на мѣстахъ его жительства безъ особыхъ правъ и безъ опредѣленныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, направленныхъ ко благу народному».

Въ такихъ случаяхъ положеніе окрашивается нѣсколько въ иной цвѣтъ, чѣмъ при общей демонстраціи «великаго вопроса». На первое мѣсто выдвигается одинъ козырный пунктъ программы.

«Банкротство дворянства,—разъясняютъ намъ,—произошло вовсе не потому, что оно не умѣло вести сельскаго хозяйства на принципѣ наемнаго труда. Банкротство это наступило вслѣдствіе лишенія дворянства его значенія въ уѣздѣ, вслѣдствіе отнятія у него права руководить народною жизнью, вслѣдствіе изолированія его отъ крестьянъ, возложенія на него, какъ и на весь земледѣльческій классъ, непосильныхъ тягостей, гоненія его въ теченіе 35 лѣтъ на всѣхъ поприщахъ его укромненной дѣя-

тельности и даже за самый фактъ его существованія». Отсюда выводится, что прежде всего необходимо возвращеніе дворянству его «прежнихъ правъ и обязанностей, какъ служилаго сословія». «Если не придти дворянству на помощь радикальнымъ возвращеніемъ его на историческую стезю, то несостоятельность этого драгоцѣннаго для Россіи и Самодержавія сословія будетъ непоправима, и самыя мѣры воспособленія дворянству станутъ безсмысленными и ненужными мѣрами оживленія мертваго тѣла». («Моск. Вѣд.» № 77).

Настоятельность въ возвращеніи «прежнихъ правъ и обязанностей» подкрѣпляется и сообщеніями о томъ, «какъ живется въ деревнѣ». На сцену являются достовѣрные свидѣтели, дающіе показанія о «разнузданности» и прочихъ порокахъ мужика.

«Не говорю уже,—пишетъ, напр., одинъ изъ нихъ,—о тяжеломъ матеріальномъ положеніи помѣщиковъ, обусловливаемомъ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ. Еще болѣе нежели матеріальная бременитъ насъ моральная атмосфера нашей деревни. Руки опускаются, энергіи не хватаетъ, когда человѣкъ окруженъ такою гнетущею нравственною обстановкой. Власти надъ крестьяниномъ нѣтъ; никого и ничего онъ не боится: до Бога высоко, до Царя далеко, а прочее... что прочее,—теперь тотъ панъ, у кого деньги есть, вотъ лозунгъ, получившій права гражданства у нашихъ крестьянъ. Купецъ, промышленникъ, богатый кулакъ, еврей-ростовщикъ, все это смотритъ на «пана» презрительно, ибо можетъ его купить, продать и держитъ его туго зажатымъ въ карманѣ... Крестьяне пьянствуютъ, играютъ въ карты на ярмаркахъ, поляхъ и дорогахъ, безчинствуютъ, бьютъ родителей, топчатъ святыя иконы, рубятъ кресты на кладбищахъ и оскверняютъ ихъ. Женщинѣ, дѣтямъ или вообще робкому человѣку становится не безопаснымъ ѣздить по дорогамъ». («Моск. Вѣд.» отъ 11 окт.).

Эта тема неистощима, тѣмъ болѣе, что многіе изъ корреспондентовъ, не забывшихъ «добраго стараго времени», успѣли убѣдиться, что въ настоящее время даже въ деревнѣ иногда приходится «быть безмѣрно осторожнымъ въ мѣропріятіяхъ». Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только, что, по словамъ другого столь же достовѣрнаго свидѣтеля,

«малѣйшее стремленіе къ обузданію ихъ (мужиковъ) произвола вызываетъ протесты—подачею жалобъ, съ самымъ возмутительнымъ измышленіемъ невѣроятныхъ небылицъ, на дѣйствія всѣхъ должностныхъ лицъ, не исключая и земскихъ начальниковъ. Какъ бы очевидно ни были неосновательны эти жалобы, по нимъ всегда требуются объясненія. Жалобы эти всегда очень пространны, и объясненія по нимъ излагаются на нѣсколькихъ листахъ, ибо противъ всякаго вымысла необходимо представлять оправданіе. Переписка эта отнимаетъ массу времени, и такой порядокъ заставляетъ быть безмѣрно осторожнымъ въ мѣропріятіяхъ, даже законныхъ, и дѣлаться невольнымъ попустителемъ многихъ безобразій въ крестьянской средѣ: дѣлежей, пьянства, безумнаго мотовства; кражъ и выманиванія денегъ подъ предлогомъ найма на работы. Грустное раздумье беретъ вѣрнаго слугу Царскаго: и радъ бы установить порядокъ, но невозможно. Куда же можно придти при этихъ условіяхъ и къ чему? Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что придемъ къ плохому результату. А жалко, что народъ при своихъ хорошихъ природныхъ свойствахъ

губится искусственно, разоряется; тюрьмы переполнены, нравственность падаетъ, и семейныя основы уничтожаются». («Моск. Вѣд.» отъ 11 окт.).

Словомъ, опять—поставьте дворянство на «историческую стезю», возвратите ему «право руководить народною жизнью»... Жаль только, что нѣкоторая расплывчатость этихъ выраженій затемняетъ мысль печальниковъ о «разнузданности» деревни. Трудно понять, какую практическую мѣру имѣютъ они въ виду. Одно ясно—что нынѣшніе порядки не удовлетворяютъ «свѣдущихъ людей». Они разочарованы и въ мѣстныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, возникшихъ въ 1889 году.

«Реформа,—говоритъ уже отъ себя редакція названной московской газеты,—не вполнѣ достигла своей цѣли. Въ благодѣтельномъ вліяніи дѣятельности земскихъ начальниковъ на улучшеніе крестьянской администраціи и крестьянскаго суда не можетъ быть сомнѣній, и это подтверждается всѣми безпристрастными наблюдателями и изслѣдователями. Несомнѣнно также вліяніе новыхъ крестьянскихъ учрежденій и на частную жизнь крестьянъ огражденіемъ ихъ законныхъ правъ и личной и имущественной безопасности. Но по тѣмъ формамъ, въ которыя вылился институтъ земскихъ начальниковъ, и по сложившимся условіямъ ихъ дѣятельности весьма возможно, что они не являются достаточно сильными, чтобы вполнѣ искоренить то зло деревенскаго безправія и самовольства, которое пустило слишкомъ глубокіе корни въ пореформенную эпоху». («Моск. Вѣд.» отъ 11 окт.).

Увы, нужно еще что-то посильнѣе, что именно—не досказано въ разсчетѣ на проницательность читателя.

Впрочемъ, одно пожеланіе было выражено съ достаточьой ясностью. Мы говоримъ о проектѣ г. Кривскаго, который встрѣтилъ общее сочувствіе «свѣдущихъ» въ дворянскомъ вопросѣ людей. Неудача этого проекта въ правительственной коммиссіи для пересмотра законодательства о сельскихъ рабочихъ—по газетнымъ слухамъ, онъ былъ отвергнутъ или, по крайней мѣрѣ, не принятъ въ цѣломъ составѣ—не послужила поводомъ къ снятію его съ очереди: и теперь еще въ разныхъ провинціальныхъ сельскохозяйственныхъ обществахъ и собраніяхъ занимаются обсужденіемъ предположеній г. Кривскаго. О взглядахъ, положенныхъ имъ въ основу проекта, можно судить хотя бы по слѣдующимъ выдержкамъ изъ «объяснительной записки» къ нему, приведеннымъ въ № 284 «Русскихъ Вѣдомостей».

«Главная бѣда въ хозяйствѣ,—говоритъ г. Кривскій въ одномъ мѣстѣ,—заключается въ томъ, что рабочіе могутъ безнаказанно (?!) не исполнять договоровъ, обманывать хозяина, присвоивать себѣ его деньги и наносить большіе убытки. Короче—разорять и грабить» (?!!). Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Вслѣдствіе отсутствія надзора (?) за крестьянскимъ самоуправленіемъ, въ сельскомъ населеніи воцарились совершенныя безначалія (?) и безурядица, а порожденныя ими распущенность и своеволіе дошли до крайнихъ размѣровъ. Вліяніе мировыхъ судей на

народную нравственность, вслѣдствіе какъ дальности разстоянія ихъ мѣста жительства отъ большинства жителей участка, такъ и по самому свойству ихъ власти, ничтожно. Все это взятое вмѣстѣ произвело страшный упадокъ нравственныхъ началъ въ крестьянахъ. Крестьяне сами сознаютъ (?) это и говорятъ: «народъ ослабъ». Свойственное ему до этого строгое отношеніе къ своимъ договорнымъ обязанностямъ болѣе не существуетъ, и вѣрная когда-то пословица «нанялся—продался», теперь говоритъ неправду». Въ концѣ «записки» г. Кривскій пишетъ: «Признаніе усадьбы хозяина публичнымъ мѣстомъ, въ смыслѣ отвѣтственности по законамъ благоустройства, необходимо, потому что рабочіе позволяютъ себѣ невыносимо буянить и безчинствовать, и унять ихъ безъ поднятія авторитета хозяина невозможно»... «Стачки сельскихъ рабочихъ вреднѣе и опаснѣе стачекъ фабричныхъ рабочихъ. Поэтому для предупрежденія ихъ необходимо установить болѣе строгія мѣры. Фабричныя произведенія отъ пріостановки работъ менѣе страдаютъ и остаются только неоконченными. Городской полиціи легче принять противъ нихъ мѣры. При стачкахъ сельскихъ рабочихъ во время уборки хлѣба зерно осыпается и пропадаетъ безвозвратно. Сельскому хозяину трудно получить помощь полиціи, а сельской полиціи трудно, скорѣе невозможно, принять мѣры противъ большого скопленія пришедшихъ съ разныхъ сторонъ рабочихъ на сельскіе базары. При убійствахъ, совершенныхъ толпою въ 5—6000 человѣкъ, почти невозможно открыть виновныхъ». Такова, говоритъ газета, точка зрѣнія г. Кривскаго на сельскихъ рабочихъ; руководствуясь ею, онъ и составилъ проектъ. Суть его—«договорная книжка должна быть обязательна для всѣхъ видовъ заключенія займа», не исключая и работъ поденныхъ, совершаемыхъ въ сосѣднихъ экономіяхъ; но многія детали достойны особаго вниманія. Напримѣръ, пунктъ д параграфа 3-го гласитъ, что договорныя книжки должны, между прочимъ, служить «для записи въ нихъ, по требованію нанимателя (!), взысканія или долга рабочаго, не выполнившаго договора». Или § 37: «Нерадѣніе, дерзость, пьянство, частыя отлучки безъ дозволенія, грубость и лѣнь рабочаго или служащаго, а также прилипчивыя болѣзни, даютъ хозяину право увольнять его безъ судебнаго разбирательства (!) и въ договорной книжкѣ дѣлается помѣтка—уволенъ». § 44: «За неисполненіе приказа хозяина относительно запрещенія въ указанныхъ имъ мѣстахъ: курить табакъ, варить пищу, ночевать, пасти и поить скотъ, хозяинъ имѣетъ право виновныхъ въ томъ рабочихъ и служащихъ штрафовать отъ одного до трехъ рублей. При повтореніи можетъ уволить» и т. д. и т. д.».

Это, по крайней мѣрѣ, ясно и опредѣленно, быть можетъ, даже слишкомъ ясно, чтобы разсчитывать на успѣхъ. Чаще, однако, на первый планъ выдвигаются свѣдущими людями не «мѣры обузданія», а «мѣры оживленія». Оно, впрочемъ, и понятно: о первыхъ принято говорить, когда рѣчь идетъ о деревнѣ вообще, вторыя же имѣютъ непосредственное касательство къ «кризису». Писатели и ораторы, распространяющіеся на эту тему, обыкновенно отмѣчаютъ лишь мимоходомъ, что «умаленіе служебной роли дворянства въ Россіи послѣ 1861 года отозвалось расшатанностью нашего общественнаго строя, особенно въ деревняхъ» и переходятъ къ болѣе существенной части вопроса. «Дворянская задолженность, говорятъ намъ, образовалась подъ вліяніемъ потрясенія, перенесеннаго помѣщиками въ эпоху освобожденія крестьянъ, когда прежняя форма кредита была рѣзко упразднена, новаго кредита не было

создано, а выкупныя суммы сокращались какъ удержаніемъ прежнихъ долговъ полностью такъ и 20-проц. скидкой и биржевыхъ курсомъ выкупныхъ % бумагъ, и, слѣдовательно, дворянская задолженность была въ значительной степени вызвана рядомъ правительственныхъ мѣропріятій». (См. отчетъ *Спб. Вѣд* о засѣданіи 2 мая въ петербургскомъ собраніи экономистовъ).

По мнѣнію однихъ, долгъ правительства великъ, но не поддается точному учету: «во сколько милліоновъ рублей можетъ быть оцѣнена несправедливость, допущенная дѣятелями реформы 1861 года относительно дворянства противъ воли Государя, нѣтъ физической возможности опредѣлить». (*Гражд* № 56).

Другіе берутся составить надлежащій счетъ и даже находятъ, что именно теперь пора подсчитать, «что собственно потеряло дворянство, и что оно получило, въ видѣ вознагражденія за экспропріацію его собственности. Оно лишилось 31,291 тыс. дес. земли, оцѣниваемыхъ, по даннымъ департамента земледѣлія, въ среднемъ по Европейской Россіи въ 28 р. за десятину, итого 904 мил. рублей. Оно лишилось права на обязательный трудъ 10,696 тыс. душъ крестьянъ. Оцѣнка этой потери можетъ быть сдѣлана только приблизительно. Государственный заемный банкъ выдавалъ ссуды по разсчету 40 р. на душу. Примѣняя нынѣшнюю практику выдачи нормальныхъ ссудъ въ размѣрѣ 60 проц. оцѣнки, получимъ капитальную оцѣнку для упраздненнаго права на трудъ въ 713 мил. руб. Такимъ образомъ, дворянство лишилось имущественной цѣнности на 1,617 мил. руб. Съ другой стороны, дворянство получило выкупного вознагражденія на номинальную сумму въ 867½ мил. руб. Но вознагражденіе это выдавалось не денежными знаками, а проц. бумагами, реализація которыхъ происходила съ значительными убытками. Въ первое десятилѣтіе было выдано на руки помѣщикамъ, за удержаніемъ на покрытіе прежнихъ долговъ, 326 мил. р.; потеря же на курсѣ составляла около %, т. е. свыше 100 мил. р.; потери слѣдующаго десятилѣтія составили около 25 мил. руб. Съ причисленіемъ къ этому 20 проц. скидки при обязательномъ выкупѣ можно заключить, что общая потеря въ зависимости отъ способа разсчета по выкупу составила 150—170 мил, руб. Слѣдовательно размѣръ выкупного вознагражденія былъ сокращенъ приблизительно до 700 мил. руб., а чистая потеря дворянъ-землевладѣльцевъ выразилась въ суммѣ около 900 мил. руб.». (Ст. г. А. Полѣнова въ *Спб. Вѣд.*, май 1897 г.)

По мнѣнію автора этого разсчета, «самая элементарная справедливость требовала, чтобы вознагражденіе за экспропріацію было выдано тѣмъ денежнымъ знакомъ, который въ то время имѣлъ законное хожденіе въ странѣ, т. е. полнымъ рублемъ, отнеся, какъ это всегда дѣлается, убытки соотвѣтственной кредитной операціи на средства всего государства. Между тѣмъ вся тягость тогдашнихъ кредитныхъ условій была возложена на дворянство, и безъ

того потрясенное въ своемъ имущественномъ положеніи. Такое отношеніе государства къ принятому на себя обязательству если не оправдывалось, то объяснялось затруднительнымъ въ то время финансовымъ положеніемъ. Но совершенно необъяснимой представляется другая мѣра, изъ той же области разсчета за экспропріацію, именно скидка 20 проц. въ случаѣ требованія помѣщикомъ обязательнаго выкупа. Невыясненныя отношенія, какими по необходимости были временно обязательныя, невозможность какихъ-либо правильныхъ разсчетовъ—все это тормозило и разстраивало сельскохозяйственные разсчеты, совершаемые на продолжительные періоды. Поэтому 20-проц. скидка составляла какъ бы поборъ, притомъ совершенно произвольнаго размѣра, за выполненіе государствомъ одной изъ существенныхъ его функцій—за установленіе правильныхъ и прочныхъ имущественныхъ отношеній въ странѣ. И помѣщики по необходимости должны были идти на эту скидку, такъ какъ изъ двухъ золъ она составляла меньше. Вотъ тотъ «дебетъ», который лежитъ на государствѣ по отношенію къ коренному нашему частному землевладѣнію — дворянскому. О какомъ-нибудь вознагражденіи за утраченное право на крѣпостной трудъ не можетъ быть и рѣчи. Эта жертва составляетъ гордость дворянства, именно какъ жертва».

Но не всѣ такъ великодушны, какъ г. Полѣновъ. Вотъ письмо одного «скромнаго обывателя деревни» къ кн. Мещерскому, помѣщенное въ «Дневникѣ» его отъ 21 августа. Соглашаясь вполнѣ съ издателемъ *Гражданина*, который отказывается даже счесть, «сколько онъ, этотъ русскій помѣщикъ—потерпѣлъ ненужныхъ для государства убытковъ отъ несправедливостей, которыми сотрудники Александра II сопровождали крестьянскую реформу», корреспондентъ пишетъ:

„Я, скромный обыватель деревни и вовсе не финансистъ, изъ своего далека, нахожу, что удовлетворить и хотя отчасти исправить эту несправедливость возможно было бы ни для кого не обиднымъ способомъ, а именно: немедленно же выпустить въ обращеніе безпроцентныхъ кредитныхъ бумажекъ на сумму сто милліоновъ рублей, и этимъ выпускомъ при посредствѣ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, обязанныхъ тщательно и точно провѣрить количество частныхъ, помимо залога дворянскому банку, долговъ дворянъ-землевладѣльцевъ, долги тѣ полностью погасить, погашенную сумму долга каждаго дворянина-землевладѣльца записать за нимъ отдѣльнымъ долгомъ государственному банку; на имѣнія дворянъ-землевладѣльцевъ, получившимъ такимъ образомъ дополнительную ссуду, наложить запрещенія, а кромѣ того долгъ тотъ обезпечить векселями, выданными тѣми же дворянами землевладѣльцами на имя государственнаго банка, за какой долгъ взимать въ пользу банка: на управленіе дѣлами банка — проц., въ погашеніе долга + проц. и росту 3 проц. годовыхъ; векселей по суммѣ долга взять не одинъ на всю сумму, а нѣсколько на разные сроки отъ трехъ мѣсяцевъ и до одного года суммою не болѣе (500) пятисотъ рублей каждый; при наступленіи же срока платежа по векселю погашенія всей суммы по векселю не требовать, а допустить перемѣну векселя съ обязательной уплатой погашенія части ка-

питальной суммы долга по векселю не менѣе $^3/_4$ проц. при каждой перемѣнѣ векселя какъ бы краткосроченъ ни былъ вексель, если срокъ его при этомъ не превышаетъ годичнаго; а погашеніе всего долга, а равно и выпущенныхъ бумажекъ разсрочить на тотъ срокъ, какой по разсчету выше упоминаемыхъ платежей причтется и, во всякомъ случаѣ, не менѣе какъ на 35 лѣтъ, т.-е. то время, сколько съ реформы 1861 года страдаетъ дворянство отъ несправедливостей, допущенныхъ той реформой. Но кромѣ этого слѣдуетъ признать имѣнія потомственныхъ дворянъ, заложенныя въ дворянскомъ банкѣ, ни въ какомъ случаѣ не отчуждаемыми и не подлежащими ни публикаціи, ни продажѣ, а при неаккуратности платежа брать въ опеку или администрацію. Такое мое предложеніе, полагаю, никого не стѣснитъ, а сразу подниметъ то сословіе, возстановленія правъ и дѣятельности котораго желаетъ мудрый и молодой Монархъ. Конечно, я, какъ не финансистъ, быть можетъ, и не совсѣмъ точно и согласно съ наукой о финансовомъ правѣ изложилъ свои мысли, быть можетъ, мнѣ найдутся оппоненты и люди, которые придумаютъ лучшій для этого выходъ, но умъ хорошо, а два лучше, говоритъ пословица, и я рѣшилъ изложить вамъ, князь, свои мысли, такъ какъ понимаю вещи своимъ незатѣйливымъ умомъ и по моему крайнему разумѣнію".

Такой же проектъ, даже въ еще болѣе упрощенной и общедоступной формѣ, внесъ саранскій уѣздный предводитель дворянства г. Юрловъ въ коммиссію, избранную пензенскимъ дворянскимъ собраніемъ для разсмотрѣнія дворянскаго вопроса.

«Г. Юрловъ, по словамъ «Нижегородскаго Листка», - считаетъ даже излишнимъ доказывать, что земля все больше и больше уходитъ изъ дворянскихъ рукъ. Этотъ фактъ,—по мнѣнію г. Юрлова,—зависитъ отъ того, что дворянскія имѣнія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ не заложены почти въ полной своей стоимости, причемъ, конечно, доходъ съ земли, приблизительно, цѣликомъ поглащается платежами въ банкъ и обязательными повинностями. Задолженность дворянства,—говоритъ г. Юрловъ,—является слѣдствіемъ того, что это сословіе вынесло на своихъ плечахъ крестьянскую реформу 1861 года. За освобожденныхъ крѣпостныхъ помѣщики ничего не получили, безвозмездно были отданы крестьянамъ ихъ избы, скотъ и сельско-хозяйственный инвентарь, а въ надѣлъ за полцѣны отошли лучшія удобренныя пашни. Изъ этого положенія г. Юрловъ дѣлаетъ выводъ, что въ настоящее трудное для дворянъ время было бы вполнѣ справедливо вознаградить изъ за понесенныя жертвы, за освобожденныхъ крѣпостныхъ, за крестьянскій скотъ, за крестьянскія избы и за дешево отошедшіе надѣлы. Г. Юрловъ находитъ, что было бы справедливо простить дворянамъ всѣ долги государственному земельному банку, а тѣмъ дворянамъ, имѣнія которыхъ уже взяты банкомъ за неплатежъ процентовъ, позволить получить эти земли обратно даромъ. Дворянскія имѣнія, заложенныя въ частныхъ банкахъ,—по мнѣнію г. Юрлова,—слѣдуетъ выкупить за счетъ государства, безъ начисленія долга на владѣльцевъ».

Проекты г. Юрлова и «скромнаго обывателя деревни» отличаются наибольшей откровенностью: простить всѣ долги помѣщиковъ дворянскому земельному банку, выкупить на государственный счетъ всѣ дворянскія имѣнія, заложенныя въ частныхъ банкахъ, раздать сто милліоновъ! Но и другіе «свѣдущіе люди» не далеко ушли отъ этихъ господъ «съ незатѣйливымъ умомъ», какъ

одинъ изъ нихъ самъ себя аттестовалъ. Всѣ они исходятъ изъ одного положенія, что тридцать шесть лѣтъ назадъ совершена вопіющая несправедливость по отношенію къ помѣщикамъ, и на этомъ именно основаніи настаиваютъ на щедрой помощи, кто—въ видѣ немудрой раздачи, кто—въ болѣе хитрой формѣ, напримѣръ, на образованіе оборотныхъ капиталовъ для товарищества сельскихъ хозяевъ. Слѣдуетъ поэтому поближе разсмотрѣть, чѣмъ оправдываются такія смѣлыя домогательства.

«Несправедливость», о которой говорятъ «свѣдущіе» люди,—плодъ чистѣйшей фантазіи. Эта легенда, сложившаяся на нашихъ глазахъ и принявшая форму счета, по которому русскому народу и государству предлагаютъ уплатить не то 200, не то 900 милл. рублей, не выдерживаетъ прикосновенія критики. Колоссальные итоги убытковъ, понесенныхъ дворянствомъ вслѣдствіе недостаточнаго будто бы вознагражденія за экспропріированную у него собственность, обязаны своимъ происхожденіемъ грубой ошибкѣ въ счетѣ. Стоимость отчужденнаго дворянскаго имущества выведена «свѣдущими людьми» чуть ли не въ удвоенной цифрѣ, а то, что получено за это имущество, нѣсколько преуменьшено. Но вторая ошибка не такъ важна, какъ первая. Въ самомъ дѣлѣ, стоимость земли, отошедшей къ крестьянамъ въ надѣлъ, высчитана г. Полѣновымъ по цѣнамъ, стоявшимъ послѣ реформы, въ шестидесятыхъ годахъ, а затѣмъ отдѣльно опредѣлена и «капитальная оцѣнка» упраздненнаго права на обязательный трудъ, причемъ въ основаніе разсчета взята сорокарублевая ссуда на душу, выдававшаяся государственнымъ заемнымъ банкомъ. Итогъ получился внушительный, но удивляться тому, что онъ значительно превышаетъ сумму, выданную помѣщикамъ по выкупной операціи,—нечего. Дѣло въ томъ, что авторъ разсматриваемаго вычисленія совершенно упустилъ изъ виду одно важное обстоятельство: государственный заемный банкъ выдавалъ ссуды въ разсчетѣ на душу подъ населенныя имѣнія, а оцѣнка души заключала въ себѣ оцѣнку и земли, вслѣдствіе чего въ разныхъ районахъ и при различныхъ соотношеніяхъ между числомъ крѣпостныхъ и размѣрами имѣнія ссуды выдавались неодинаковыя, (См. напр. *Врем.* Ц. С. Ком. № 2. 1888 г. стр. II). Такой способъ оцѣнки закладываемыхъ имѣній былъ принятъ государственнымъ заемнымъ банкомъ по той причинѣ, что до отмѣны крѣпостного права земля стоила недорого, цѣнился же прикрѣпленный къ ней обязательный трудъ. Въ подтвержденіе этихъ словъ сошлемся на изслѣдователя, который не можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастно-недоброжелательномъ отношеніи къ помѣстному дворянству. Характезируя дореформенное помѣщичье хозяйство, А. С. Ермоловъ пишетъ: «Вся задача сельскаго хозяина, все его искусство сводились въ то время къ тому, чтобъ умѣть наилучшимъ образомъ использовать эти обильныя и притомъ почти даровыя богатства. Ни земля, ни лѣсъ сами по себѣ не цѣнились, или

цѣнились очень мало,—все свое значеніе, свою цѣну они получали лишь постольку, поскольку къ нимъ могъ быть примѣненъ даровой трудъ крѣпостного работника. Вотъ отчего и богатство нашихъ помѣщиковъ измѣрялось въ прежнее время не пространствомъ земель, не площадью лѣсовъ, а числомъ *душъ*». («Современные сельскохозяйственные вопросы» М. 1891. стр. 4). Эта истина, впрочемъ, до настоящаго времени, кажется, никѣмъ не опровергалась, но авторомъ разсматриваемаго статистическаго упражненія она, повидимому, хорошо забыта. Если исправить одну эту крупнѣйшую ошибку, отъ «дебета», лежащаго будто бы на государствѣ по отношенію къ дворянству, не останется ничего.

Составитель счета отъ имени дворянства правъ лишь въ одномъ отношеніи: дѣйствительно, ни о какомъ вознагражденіи за утраченное право на крѣпостной трудъ не можетъ быть рѣчи. Но не потому, что «эта жертва составляетъ гордость дворянства, именно какъ жертва», и не потому даже, что однимъ изъ главныхъ основаній крестьянской реформы была отмѣна крѣпостного права безъ вознагражденія за личность освобождаемыхъ крестьянъ, а потому, что *фактически* и она подлежала выкупу. «Редакціонныя комиссіи (составлявшія положенія 19 февраля) не искали безусловнаго соразмѣренія повинностей съ цѣнностью земли... потому, что строгое соразмѣреніе вообще высокихъ цѣнъ на землю съ дорогими цѣнами на трудъ имѣло бы послѣдствіемъ разореніе значительной части дворянскаго сословія, ибо во всей нечерноземной, промышленной и оброчной половинѣ Россіи средніе крестьянскіе оброки иногда далеко превосходятъ процентъ съ капитальной стоимости крестьянскихъ надѣловъ» (Скребицкій, «Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II». Томъ III, стр. 96). Эти-то повинности и были сохранены для временно-обязанныхъ крестьянъ, они же положены за основаніе при переходѣ крестьянъ на выкупъ. Въ какой мѣрѣ такія условія были выгодны для помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній, можно видѣть изъ слѣдующаго замѣчанія члена-эксперта редакціонныхъ комиссій Н. П. Шишкова: «При высшемъ надѣлѣ крестьянъ землею, — писалъ онъ,—во многихъ нечерноземныхъ мѣстностяхъ, въ большей части имѣній, при надѣленіи крестьянамъ положеннаго количества земли, оное у крестьянъ противъ прежняго уменьшится, а повинность останется почти та же самая... При этомъ помѣщикамъ, которые будутъ получать такой оброкъ, останется еще часть земли, сверхъ высшаго надѣла, въ полное ихъ распоряженіе; почему въ такихъ имѣніяхъ крестьяне не будутъ имѣть въ своемъ матеріальномъ быту никакого улучшенія. Помѣщикъ ничего не потеряетъ, ничѣмъ не рискуетъ, ибо повинность безсрочна; но имѣя въ своемъ распоряженіи еще оставшуюся за надѣломъ землю, можетъ быть въ выгодѣ, особенно при выкупѣ правительствомъ крестьянскаго надѣла». Какъ извѣстно, дѣйствительность оправдала это

предсказаніе не только по отношенію къ нечерноземной полосѣ, о которой говоритъ Шишковъ, но и относительно черноземной. Правда, въ томъ же отзывѣ Шишкова выражено опасеніе, что интересъ черноземнаго владѣльца не огражденъ. Но это опасеніе было напраснымъ, хотя бы потому, что редакціонная комиссія, уступая настояніямъ помѣщиковъ, во второмъ періодѣ своихъ работъ рѣшилась «возвысить предположенную прежде цифру денежной повинностей собственно для черноземныхъ мѣстностей». (Скреб. т. 3, стр. 749). Нисколько не удивительно поэтому, что чрезъ шестнадцать лѣтъ послѣ выхода крестьянъ на волю было сдѣлано открытіе, въ свое время вызвавшее не мало нареканій, но затѣмъ послужившее поводомъ къ такому важному мѣропріятію, какъ пониженіе выкупныхъ платежей. Оказалось именно, что повсемѣстно въ Европейской Россіи, «отъ сѣвера Вятской губерніи и степей оренбургскихъ и самарскихъ до Подоліи, Волыни и Литвы, отъ болотъ Новгородскаго Полѣсья до степей Новороссіи» платежи и повинности бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ за землю «не находятся вовсе въ соотвѣтствіи, не говоримъ уже съ доходами, отъ надѣловъ получаемыми, но и со всей совокупностью условій, обезпечивающихъ бытъ крестьянъ» (Янсонъ, «Опытъ статистич. изслѣдованія и т. д.» стр. 119—124). Редакціонныя комиссіи ошибались, стало-быть, когда утверждали, что установленный ими «размѣръ повинности соображенъ съ средствами земледѣльцевъ»; но они были близки къ истинѣ, говоря, что эта повинность «во многихъ случаяхъ представляетъ собою не одну поземельную ренту, а отчасти падаетъ и на личность крестьянъ». Время показало, что ради истины нужно отказаться и отъ смягчающаго «отчасти». Въ восьмидесятыхъ годахъ было сдѣлано интересное сопоставленіе данныхъ о средней цѣнности земли по губерніямъ, по оцѣнкѣ частныхъ банковъ ипотечнаго кредита и по оцѣнкѣ выкупной операціи. И вотъ обнаружилось, что въ 24 губерніяхъ изъ 49, чрезъ двадцать лѣтъ послѣ реформы, не смотря на сильное увеличеніе цѣнъ на землю *), выкупная ссуда была выше банковой оцѣнки. (Ходскій, «Земля и земледѣлецъ», т. II, стр. 49—50).

Надо обратить вниманіе еще и на то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ съ банковой оцѣнкой сравнивалась не выкупная стоимость надѣла, а именно выкупная ссуда. Иначе говоря, помѣщикъ и въ случаѣ обязательнаго выкупа по его требованію, со скидкою съ выкупной стоимости 20%, получалъ больше, чѣмъ стоила отходившая отъ него земля. Такимъ образомъ, говорить о «поборѣ...за установленіе правильныхъ и прочныхъ имущественныхъ отношеній къ землѣ» по мень-

*) По даннымъ оффиціальной статистики, съ шестидесятыхъ годовъ къ 1883 году цѣна на земли въ среднемъ для 48 губ. Евр. Россіи, поднялась на 143% (Сельское и лѣсное хозяйство Россіи. Изд. департамента землед. 1893, стр. 325.

шей мѣрѣ неосновательно. Помѣщики выигрывали при выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ не только вслѣдствіе упорядоченія поземельныхъ отношеній, но и потому, что совершали выгодную сдѣлку, продавая землю дороже ея дѣйствительной стоимости.

За указанными поправками счетъ, составленный «свѣдущими» людьми, долженъ претерпѣть столь серьезныя измѣненія, что, пожалуй, благоразумнѣе было бы его не предъявлять. Но нужно остановиться еще на одномъ обвиненіи, взводимомъ на правительство временъ освобожденія крестьянъ. Почему вознагражденіе не было выдано наличными деньгами? Исчерпывающій отвѣтъ на это былъ данъ еще финансовой коммиссіей, составлявшей проектъ выкупной операціи, при самомъ приступѣ ея къ работамъ. «Такая мѣра,—по совершенно основательному мнѣнію коммиссіи,—необходимо обусловливается увеличеніемъ денежныхъ знаковъ, но подобное явленіе, вызванное не усиленіемъ производительности, а одними лишь требованіями выкупной операціи, уронило бы цѣнность самихъ денежныхъ знаковъ; а потому, независимо отъ общаго кризиса, такой способъ вознагражденія помѣщиковъ обратился бы во вредъ имъ самимъ». (Скреб. т. IV, стр. 304). Словомъ, всѣ эти жалобы на несправедливость, допущенную будто бы тридцать шесть лѣтъ назадъ, построены на пескѣ. Условія, на которыхъ производилась «экспропріація», были выгодны для помѣщиковъ. Но важнѣе всего то, что «при выкупѣ фактически выкупалась не только земля, но и крѣпостное право. Это,—говоритъ проф. Ходскій, одна изъ темныхъ сторонъ Положенія 19 февраля, которое явилось результатомъ уступокъ крѣпостному духу, уступокъ въ пользу противниковъ реформы». Въ качествѣ сторонника золотой середины, почтенный профессоръ старается тутъ же смягчить впечатлѣніе, но не находитъ ничего другого, кромѣ «практическаго оправданія». «Кто знаетъ,—замѣчаетъ онъ,—не затормозилось ли бы дѣло освобожденія съ землею, еслибы за нее не была предложена слишкомъ высокая цѣна!» (назван. сочиненіе, т. II, стр 36). Конечно, все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ; но не будемъ говорить о томъ, что было бы, еслибы было. То же, что было и есть на самомъ дѣлѣ, ни въ какой мѣрѣ не оправдываетъ требовательности гг. Полѣновыхъ, Мещерскихъ, Юрловыхъ и другихъ «скромныхъ обывателей деревни» «Дебетъ», если таковой и существуетъ, лежитъ не на государствѣ.

Вмѣстѣ съ легендой о несправедливости, совершенной тридцать шесть лѣтъ назадъ, выпадаетъ главная составная часть проектовъ «свѣдущихъ» людей. Всѣ эти выдумки насчетъ «воспособленія» теряютъ подъ собой почву, если нѣтъ «дебета» за государствомъ. А затѣмъ, что же остается отъ всего шума, поднятаго съ нѣкотораго времени этой малолюдной, но крикливой кучкой? Говорилось о матеріальной помощи дворянамъ—владѣльцамъ заложенныхъ имѣній. Но льготы заемщикамъ дворянскаго банка уже предоставлены

въ предѣльномъ размѣрѣ. По указу 29 мая 1897 г. платежи заемщиковъ понижены до $3^1/_2$%, недоимки зачислены въ особый долгъ, погашаемый на весьма льготныхъ условіяхъ, одновременно допущена разсрочка долговъ по ссудамъ соло-векселямъ и пр. Тѣмъ же указомъ, даровавшимъ новыя облегченія заемщикамъ дворянскаго банка, министру финансовъ предписано «принять къ непремѣнному руководству, что по изданіи сего узаконенія никакія дальнѣйшія измѣненія въ постановленіяхъ, относящихся къ платежамъ и всякаго рода льготамъ по ссудамъ изъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка и особаго его отдѣла, не должны быть допущены впредь до совершенія конверсіи остающихся въ обращеніи $4^1/_2$% и 4% закладныхъ листовъ названнаго банка». И нельзя не признать, что эта мѣра была дѣйствительно необходима, ибо уже и теперь банкъ долженъ платить по своимъ обязательствамъ больше, чѣмъ получить съ заемщиковъ. Дальше для удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ дворянскаго землевладѣнія остаются лишь такія мѣры, какъ улучшеніе условій желѣзнодорожной перевозки продуктовъ сельскаго хозяйства, перемѣны въ таможенной политикѣ, лучшая организація хлѣбной торговли, распространеніе въ странѣ сельскохозяйственнаго и — не меньше того—общаго образованія и т. д. Но обо всемъ этомъ, если и упоминается въ разбираемыхъ проектахъ, то вскользь: не на нихъ сосредоточивалось вниманіе «свѣдущихъ» людей. Не будемъ преувеличивать значеніе только что перечисленныхъ и подобныхъ имъ мѣръ; они могутъ быть выгодны для хозяйствъ дворянъ-землевладѣльцевъ, какъ и для недворянскихъ хозяйствъ, но, конечно, не представляютъ всеспасительнаго средства. Главное, однако, то, что мѣры этого рода не заключаютъ въ себѣ ничего спеціально дворянскаго...

Переходя къ остальнымъ пунктамъ готовой програмны, исходящей изъ «охранительнаго» лагеря въ журналистикѣ и на другихъ поприщахъ дѣятельности, мы не найдемъ ничего, кромѣ того же откровеннаго проекта закрѣпощенія сельскихъ рабочихъ, составленнаго г. Кривскимъ, кромѣ несбыточной мечты «Московскихъ Вѣдомостей» о возстановленіи капитанъ-исправниковъ, кромѣ столь же несбыточной мечты кн. Мещерскаго о томъ, чтобы офицерами русской арміи могли быть исключительно потомственные дворяне.

Проекты реставраціи капитанъ-исправниковъ или крѣпостного права подъ именемъ упорядоченія отношеній между нанимателями и работниками въ сельскомъ хозяйствѣ едва ли заслуживаютъ серьезнаго вниманія, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока остаются на столбцахъ газетъ извѣстнаго направленія. Но по поводу толковъ о предоставленіи дворянамъ исключительнаго права на занятіе тѣхъ или иныхъ должностей то въ мѣстномъ управленіи, то въ арміи, кстати будетъ указать на одинъ характерный фактъ. Извѣстно, что земскіе начальники, по первоначальнымъ предположеніямъ, должны были вербоваться исключительно въ средѣ помѣст-

наго дворянства. Но послѣднее, какъ обнаружилось еще за нѣсколько недѣль до введенія положенія 12 іюля 1889 года въ губерніяхъ первой очереди, не могло выдѣлить достаточнаго числа кандидатовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ образовательнаго или служебнаго и имущественнаго ценза. Наканунѣ введенія новаго закона пришлось смягчить эти требованія, притомъ именно въ отношеніи образованія. Тѣмъ не менѣе, и на новыхъ, измѣненныхъ условіяхъ помѣстное дворянство не могло замѣстить всѣ должности земскихъ начальниковъ; какъ въ самомъ началѣ, такъ и теперь, среди нихъ число *утвержденныхъ*, т. е. принадлежащихъ къ мѣстному дворянству, не превышаетъ числа *назначенныхъ*, т. е. чиновниковъ или офицеровъ запаса арміи. Если офицерами приходится замѣщать должности, спеціально предназначенныя для помѣстнаго дворянства, то можно ли считать практически осуществимымъ проектъ о томъ, чтобы офицерами могли быть только потомственные дворяне?

Нашъ обзоръ предложеній «свѣдущихъ людей» былъ бы неполонъ, еслибы мы не разсмотрѣли еще одного пункта, обыкновенно украшающаго собою «охранительныя» программы возрожденія дворянства. Это—установленіе заповѣдныхъ имѣній. «Свѣдущіе» люди позаимствовали мысль о недѣлимости и неотчуждаемости дворянскихъ владѣній изъ ходатайствъ, возбужденныхъ нѣсколькими дворянскими собраніями въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Почипъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ полтавскому дворянству, обратившемуся съ такимъ ходатайствомъ къ правительству еще въ 1887 году. Оно просило, чтобы каждому дворянину было предоставлено обращать свое имѣніе въ заповѣдное, и чтобы наименьшій размѣръ заповѣдной собственности былъ установленъ въ 400 десятинъ, тогда какъ, по дѣйствующему закону 1845 года, заповѣдное имѣніе можетъ быть учреждено только съ Высочайшаго разрѣшенія и притомъ должно заключать въ себѣ не менѣе десяти тысячъ десятинъ. Позже примѣру полтавскаго собранія послѣдовали дворянства Владимірской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Нижегородской, Пензенской, Псковской, С.-Петербургской, Симбирской, Таврической, Уфимской, Харьковской и Херсонской губерній. Многочисленность однородныхъ (но не вполнѣ тождественныхъ) ходатайствъ въ данномъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ того, что въ дворянскомъ сословіи укоренилось убѣжденіе въ необходимости заповѣдныхъ имѣній. Содержаніе нѣкоторыхъ ходатайствъ даетъ право думать, что, напротивъ, наше дворянство не только не сочувствуетъ этой мысли, но опасается ея осуществленія. Такъ, пензенское собраніе пришло къ заключенію, что недѣлимость заповѣдныхъ участковъ, соединенная съ единонаслѣдіемъ, создастъ въ средѣ дворянъ многочисленную группу обдѣленныхъ и ничѣмъ необезпеченныхъ и на ряду съ ней немногихъ обладателей заповѣдныхъ имѣній; такое раздѣленіе дворянъ на два класса, рѣзко отличающихся по имущественной обезпеченности,—предвидитъ пензенское собраніе—

должно породить рознь въ дворянствѣ и борьбу противоположныхъ интересовъ. Ясно, что отъ заповѣдности имѣній названное собраніе ждетъ далеко неблагопріятныхъ результатовъ для дворянства. Но всетаки оно, какъ и нѣкоторыя другія дворянскія собранія, придерживающіяся тѣхъ же взглядовъ на заповѣдность, возбудило ходатайство. Такая непослѣдовательность объясняется появленіемъ въ проектахъ этихъ собраній дополнительнаго предложенія, котораго не имѣли въ виду полтавскіе иниціаторы дѣла: въ пензенскомъ, екатеринославскомъ и нѣкоторыхъ другихъ ходатайствахъ возбужденъ вопросъ о заповѣдности, т. е. о недѣлимости и неотчуждаемости, заложенныхъ дворянскихъ имѣній. Трудность достиженія этой цѣли очевидна, ибо въ понятіи заложеннаго, но неотчуждаемаго имѣнія заключается непримиримое противорѣчіе, но очевидно также и то, что, собранія, выступившія съ такимъ предложеніемъ, интересуются вовсе не недѣлимостью дворянскихъ имѣній, а нѣкоторымъ желательнымъ для нихъ, но неосуществимымъ нововведеніемъ въ области поземельнаго кредита. Свое истинное отношеніе къ заповѣдности дворянство, ходатайствующее о неотчуждаемости заложенныхъ имѣній, обнаружило, признавъ нецѣлесообразной заповѣдность имѣній на вѣчныя времена. Оно допускаетъ, что дворяне будутъ прибѣгать къ учрежденію заповѣдныхъ имѣній при стеченіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ, но будущія поколѣнія могутъ быть счастливѣе—такъ зачѣмъ же стѣснять ихъ заповѣдностью. Кажется, трудно быть менѣе убѣжденнымъ въ преимуществахъ единонаслѣдія и неотчуждаемости? При такомъ отношеніи къ институту заповѣдныхъ имѣній даже оффиціальныхъ сторонниковъ этой мысли, не трудно предугадать его судьбу. Еслибы когда нибудь дворянскія ходатайства и были удовлетворены, законъ о недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ имѣніяхъ остался бы у насъ мертвой буквой: войти въ жизнь ему помѣшаютъ несочувствіе самихъ дворянъ и... земельныхъ банковъ.

Изъ нашего краткаго обзора готовыхъ проектовъ рѣшеній дворянскаго вопроса можно, думается, видѣть, что они не удовлетворяютъ цѣли и должны быть отвергнуты. Особой коммиссіи, на которую возложено всесторонне выяснить и найти способъ къ удовлетворенію современныхъ нуждъ помѣстнаго дворянства, предстоитъ трудная задача, для облегченія которой раньше было сдѣлано очень немного. Въ началѣ этой замѣтки указано, какъ много времени и труда потребуетъ отъ особаго совѣщанія надлежащее выполненіе только первой половины задачи. Еще труднѣе, конечно, изыскать мѣропріятія, помощью которыхъ можетъ быть достигнуто справедливое и дѣйствительное рѣшеніе вопроса. Поэтому не будемъ ждать завершенія трудовъ совѣщанія въ близкомъ будущемъ...

В. А.

Новыя книги.

Стихотворенія А. А. Грешнера. Кіевъ 1897.

„Балеты долго я терпѣлъ, но и Дидло мнѣ надоѣлъ!"— воскликнулъ нѣкогда пресытившійся герой Пушкина. Мы, современные читатели и критики, испытываемъ нѣчто подобное по отношенію къ нашимъ стихотворцамъ. Упуская изъ виду, что съ одной нивы не собираютъ подъ рядъ двухъ жатвъ, и однимъ блюдомъ тоже не угощаютъ дважды, они не устаютъ преподносить намъ свои перепѣвы и подражанія надсоновской поэзіи, очевидно, прельщаясь ея безпримѣрнымъ успѣхомъ. Десятки, сотни маленькихъ Надсоновъ вотъ уже сколько лѣтъ ползутъ и лѣзутъ на насъ со всѣхъ сторонъ, тянутъ все одинъ и тотъ же мотивъ, и что мудренаго, если мы запросимъ, наконецъ, пощады и завопимъ: „Довольно Надсона! Надоѣло! Давайте что-нибудь новенькое, свое, оригинальное".

Кіевскій поэтъ г. Грешнеръ—типичный маленькій Надсонъ. „Эти пѣсни—души моей скорбный дневникъ", заявляетъ онъ въ посвященіи сборника любимой женщинѣ:—„дѣти думъ затаенныхъ, сомнѣній моихъ, никому неповѣданной муки", „эти пѣсни я сердцемъ своимъ изболѣлъ" — и вамъ сейчасъ же вспоминаются давно знакомые стихи:

> Какъ недугомъ, я каждою пѣсней болѣлъ,
> Каждой творческой думой терзался...

Но, чтобы г. Грешнеръ не обвинилъ насъ въ голословности и поспѣшности вывода, выпишемъ на удачу нѣсколько тирадъ изъ *разныхъ* мѣстъ его книги и предоставимъ читателю самому судить, правы мы или нѣтъ.

Надсонъ. Я пришелъ къ тебѣ съ открытою душою, истомленный скорбью, злобой и недугомъ. Г. *Грешнеръ*. Я вернулся къ тебѣ, утомленный борьбой съ предразсудками пошлыми свѣта, я пришелъ раздраженный, разбитый, больной, съ жаждой ласки, любви и привѣта.

Надсонъ. Отверзтой безднѣ зла, зіяющей мнѣ въ очи, ни дна нѣтъ, ни границъ,—и на ея краю... безсильный, какъ дитя, въ раздумьи я стою. Что значу я, пигмей, со всей моей любовью, и разумомъ моимъ, и волей и душой, предъ льющейся вѣка страдальческою кровью? Г. *Грешнеръ*. Предъ этой массой жертвъ, громадою дѣяній невольно я стою, безмолвенъ, пораженъ... Что боль души моей среди людскихъ страданій? и т. д.

Надсонъ. Опять *вокругъ* меня ночная тишина... Г. *Грешнеръ*, Опять *кругомъ* меня ночная тишина...

Надсонъ. Чуть останусь одинъ—и во мнѣ подымаетъ жизнь со смертью мучительный споръ, и, какъ пытка, усталую душу терзаетъ ихъ старинный, немолчный раздоръ. Г. *Грешнеръ. Чуть останусь одинъ*— и въ душѣ молодой, упоенной надеждой на счастье, просыпаются думы, и мрачной толпой, словно тучи на небѣ въ ненастье, затемняютъ мнѣ свѣтъ, давятъ сердце мое...

Мы легко могли бы наполнить нѣсколько печатныхъ страницъ такими поразительными параллелями, но очень ужъ скучна и неблагодарна эта работа доказывать автору, что онъ не оригиналенъ. Впрочемъ, оригинальность г. Грешнера заключается именно въ томъ, что онъ—*маленькій* Надсонъ, и, какъ у таковаго, все у него миніатюрно, мизерно, а подчасъ и прямо пошловато. Возьмемъ, хотя бы, мотивъ любви, этотъ пробный камень для каждаго поэта. Г. Грешнеръ „въ нѣмомъ восторгѣ *млѣетъ*“ при видѣ своей возлюбленной.

Глазки, глазки голубые,
Глазки полные любви
И лукавые такіе.
О, зачѣмъ вы не мои!
Вѣчно вами любоваться,
Цѣловать васъ, миловать
Вотъ что значитъ наслаждаться
И.. съ огнемъ играть!

Поэтъ страдаетъ безсонницей. «*Невѣдомыхъ* желаній исполненъ, я томлюсь, покоя чуждъ и сна; раскрытыя уста ждутъ пламенныхъ лобзаній, и мысль бездѣйствія полна“.

Такъ дѣва утренней порою,
Проснувшись, не спѣшитъ открыть своихъ очей
И въ сладкомъ полуснѣ, отдавшись нѣгѣ томной,
Еще чужда огня въ крови,
Мечтой неясной и *нескромной*
Ужъ бродитъ въ области желанныхъ ласкъ любви!

Этимъ оригинальнымъ сравненіемъ самого себя съ нескромной дѣвой поэтъ обнаруживаетъ, что весьма и весьма даже „вѣдомыя“ желанія наполняютъ его мечты. „Въ эту жизнь, въ эту страсть и горячку любви“, признается г. Грешнеръ въ другомъ мѣстѣ,—„окунулъ я (!) всю юность и силы мои“,—и дѣйствительно, добрыя три четверти его книги посвящены воспѣванію „жаркихъ ласкъ“ и „огненныхъ поцѣлуевъ“ (недаромъ же онъ сынъ юга!).

Летятъ часы... Летятъ, какъ сновидѣнья,
Какъ легкихъ призраковъ волшебный рой,
И самый воздухъ полонъ опьяненья,

И тайнъ любви и страсти молодой.
Въ груди—огонь.. Безумнымъ поцѣлуямъ
Теряютъ счетъ горячія уста,
Сильнѣе кровь мы ласками волнуемъ,
И будитъ умъ нескромная мечта...
Тѣснѣе, ближе мы... Сплелися руки...
Въ глазахъ—любви восторгъ, желанья муки,
Но—силою разсудка побѣжденъ
Насъ лишь томитъ мятежный сердца стонъ.

Эхъ, г. Грешнеръ! не такою изображалъ „любовь" настоящій Надсонъ, котораго вы изъ себя корчите:

Вся—мысль, вся—красота, увитая цвѣтами,
Съ улыбкой дѣвственной и дѣвственной душой!..

Это не мѣшаетъ, однако, кіевскому поэту быть очень высокаго мнѣнія о своей поэзіи. Стихи свои онъ не зоветъ иначе, какъ „вдохновенными". „Лавоpевой толпой ко мнѣ мечты мои слетаютъ, и Музы полными огня дарятъ лобзаньями меня и вдохновеньемъ осѣняютъ"; „и льется пѣснь моя широкою волною" (стихъ, между прочимъ, тоже взятый у Надсона); „созвучій рой изъ устъ моихъ несется, и *пѣсня чаръ и прелести полна*"... Обращаясь къ своему сыну младенцу, поэтъ восклицаетъ: „А ты... что ждетъ тебя?.. Могу ли передать тебѣ въ наслѣдіе я пѣсенъ даръ чудесный?" И, провидя, наконецъ, свою кончину, размышляетъ: „Когда умру, надъ свѣжею могилой прочтутъ моихъ заслугъ отчизнѣ цѣлый рядъ и славу воздадутъ...»

„Блаженъ, кто вѣруетъ!" скажемъ мы относительно всѣхъ этихъ розовыхъ иллюзій г. Грешнера, потому что не намъ, очевидно, разрушить ихъ.

Чтобъ докончить портретъ нашего маленькаго Надсона, мы можемъ сообщить читателямъ, что онъ обладаетъ „тонкимъ" слухомъ и „чуткой" душой, и что взоръ его „лучистъ" Эти любопытныя автобіографическія свѣдѣнія почерпнуты нами изъ его же стихотворныхъ признаній.

А. Осиповичъ (А. О. Новодворскій). Собраніе сочиненій. Спб. 1897.

Непривѣтливо отнеслась судьба къ Новодворскому при жизни, да врядъ-ли многимъ привѣтливѣе и послѣ смерти. Ровно пятнадцать лѣтъ имя его было какъ бы вычеркнуто изъ памяти читающей публики, такъ какъ маленькіе разсказы его, читавшіеся въ свое время съ большимъ удовольствіемъ, оставались разсѣянными по книжкамъ старыхъ журналовъ, гдѣ и разыскать-то ихъ, даже при сильномъ желаніи, стоило немалаго труда. Первый изъ этихъ разсказовъ („Эпизодъ изъ жизни ни павы ни вороны") помѣщенъ былъ въ мартовской

книжкѣ „Отеч. Зап". 1877 г., а послѣдній, счетомъ восьмой („Исторія"), только пять лѣтъ спустя, въ мартѣ 1882 г. Немудрено поэтому, что и при жизни писателя, отличавшагося такой ничтожной производительностью, литературный образъ его оставался мало выясненнымъ для большой публики.

Не повезло Новодворскому и въ литературныхъ друзьяхъ. Одинъ изъ нихъ, г. Ясинскій, желая въ своемъ некрологѣ Новодворскаго подчеркнуть нищету, сгубившую его физическія силы, утверждалъ, напр., будто въ юные годы покойный былъ такимъ богатыремъ, что дубинку, съ которой онъ обыкновенно расхаживалъ, не всякій былъ въ состояніи и поднять!.. Но это усердіе не по разуму было, по крайней мѣрѣ, невиннаго сорта. Несравненно худшее впечатлѣніе производитъ „Очеркъ жизни и литературной дѣятельности А. О. Новодворскаго", написанный г. Гродецкимъ и предпосланный „Собранію сочиненій" покойнаго писателя. Здѣсь усердіе не по разуму касается уже не такихъ пустяковъ, какъ гимназическая дубинка, а самого существа дѣла. Чего чего только нѣтъ въ этомъ претенціозномъ „очеркѣ", полномъ истерическихъ выкриковъ по адресу русскаго общества, не хотѣвшаго при жизни Новодворскаго прислушаться къ „стенящимъ звукамъ" его „возвышенной проповѣди", а по смерти отдавшаго предпочтеніе... Гаршину. Общество наше „не поняло ни его мыслей, стремленій и идеаловъ, ни способа ихъ выраженія, какъ, можетъ быть, не понимаютъ другъ друга сверкающій, могучій метеоръ, свалившійся на землю, и сонная черноземная, застывшая въ лѣни и неподвижности земля, нехотя принявшая его въ свои холодныя объятія" и т. д. и т. д. Не станемъ, однако, подробно останавливаться на этой шумной и непріятной реторикѣ (всего непріятнѣе была бы она скромному Новодворскому, еслибъ онъ могъ ее слышать) и ограничимся только совѣтомъ читателю, купивъ „собраніе сочиненій", и не заглядывать даже въ предисловіе г. Гродецкаго. Оцѣнка писателя сдѣлана въ немъ совершенно невѣрная, безъ нужды и мѣры раздутая, а біографическихъ данныхъ почти никакихъ нѣтъ: не указанъ даже годъ рожденія Новодворскаго (1853), не указано время напечатанія ни перваго, ни послѣдняго его разсказа.

А купить книжку Новодворскаго мы порекомендуемъ всякому, кто интересуется судьбами родной литературы. Много произведеній,—быть можетъ, гораздо болѣе талантливыхъ—канетъ современемъ въ безжалостную Лету, разсказы же Новодворскаго, несомнѣнно, сохранятся, такъ какъ создавались они не внѣ времени и пространства, выходили не изъ досужей головы автора, а писались кровью его многострадальнаго сердца. Конечно, много есть людей въ настоящее время,

давно и основательно позабывшихъ, какъ ту эпоху, такъ и тѣ историческія условія, при которыхъ жилъ и писалъ Новодворскій; но это большею частью люди, съ которыхъ все, что называется, какъ съ гуся вода,—и не придется особенно жалѣть, если такого сорта читателями книжка Новодворскаго будетъ встрѣчена холодно, или, быть можетъ, даже съ глумленіемъ... Мы увѣрены, что въ обществѣ нашемъ есть и болѣе живые элементы, которые примутъ теперь Новодворскаго, какъ дорогого покойника, возвращающагося къ жизни.

Въ исторіи новѣйшей русской литературы Новодворскій по праву долженъ занять свое опредѣленное мѣсто. Онъ не былъ, конечно, проповѣдникомъ какихъ-либо возвышенныхъ идеаловъ, чѣмъ-то вродѣ непризнаннаго пророка — все это чистѣйшій вздоръ; но онъ первый явился талантливымъ изобразителемъ общественнаго настроенія своего удивительнаго, полнаго глубокаго интереса времени, разлада и душевныхъ мукъ извѣстной части тогдашней молодежи, отставшей отъ „вороньяго" стада невѣждъ и пошляковъ и не могшей или не умѣвшей пристать къ своимъ бодрымъ, восторженно вѣрующимъ сверстникамъ—„павамъ". Этотъ несчастный типъ является излюбленнымъ героемъ его произведеній, фигурируя почти въ каждомъ изъ нихъ, иногда даже въ нѣсколькихъ видахъ, въ образѣ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Стремясь всюду отыскать „ни-паво, ни вороній" характеръ, которымъ, очевидно, болѣлъ самъ авторъ, онъ хватаетъ иногда даже черезъ край, навязывая его людямъ и героямъ другихъ эпохъ, самому, напримѣръ, Бѣлинскому... Критика не разъ уже указывала на парадоксальность такого обобщенія: страстный, неугомонный, дѣйствительно „вѣчно алчущій правды" духъ „неистоваго Виссаріона", конечно, менѣе всего имѣлъ въ себѣ „ни паво, ни вороньихъ чертъ"! Если позволительно вообще примѣнять къ эпохѣ Бѣлинскаго терминологію Новодворскаго, то нашъ великій критикъ скорѣе всего былъ чистокровной „павой", которая, при всѣхъ своихъ многочисленныхъ колебаніяхъ, всегда, всю жизнь оставалась близкой къ „подножію божества"...

Но затронутый молодымъ беллетристомъ мотивъ, очевидно, былъ глубоко-жизненнымъ мотивомъ, такъ какъ вслѣдъ за нимъ его начали разрабатывать и другіе, изъ которыхъ наибольшимъ талантомъ отличались Всеволодъ Гаршинъ и Надсонъ. Кажется, безошибочно можно при этомъ утверждать, что изъ троихъ писателей послѣдніе двое обладали (или успѣли ее проявить) несравненно большею художественною силою: то самое, что въ изображеніи Новодворскаго оставалось всегда прикованнымъ къ текущей дѣйствительности, къ ея временнымъ условіямъ, они умѣли, силою поэтическаго та-

ланта, обобщать, дѣлать понятнымъ и доступнымъ для всякаго времени и для всякихъ читателей,—и здѣсь-то, по всей вѣроятности, кроется главная причина огромнаго успѣха Гаршина и Надсона, совершенно затмившихъ собою скромное имя Новодворскаго. Въ разсказахъ послѣдняго уже въ настоящее время отдѣльные намеки и даже цѣлыя положенія, производившіе въ свое время чарующее впечатлѣніе, могутъ показаться или совершенно непонятными, или черезчуръ ужъ наивными... О томъ, чтобы Новодворскаго могли понять и оцѣнить иностранцы, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи.

Но есть за то у Новодворскаго одна сильная сторона, которую онъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ вполнѣ развить, но которой и слѣда не было въ талантахъ его литературныхъ соперниковъ. Сила эта заключается въ богатомъ природномъ юморѣ, горькомъ, порою желчномъ, но никогда и ни въ какихъ положеніяхъ жизни ему не измѣнявшемъ. Мы думаемъ, что юморъ этотъ являлся не однимъ только національнымъ свойствомъ малороссійскаго характера, но показывалъ также и природную нравственную силу человѣка. Сила эта была, правда, въ значительной степени ослаблена грустными обстоятельствами и условіями, какъ личной жизни Новодворскаго, такъ и историческаго момента, въ который онъ жилъ, но она всетаки не была въ немъ въ конецъ уничтожена. И мало того: намъ сдается, что съ теченіемъ времени сильная сторона стала бы брать въ немъ верхъ надъ разлагающими и обезволивающими сомнѣніями, и что не прервись такъ безобразно рано его жизнь, и самый талантъ его могъ бы развернуться гораздо шире... По крайней мѣрѣ, нельзя отрицать, что излюбленный въ первыхъ его разсказахъ типъ „ни павы, ни вороны“ съ теченіемъ времени начинаетъ видоизмѣняться и сливаться съ типомъ болѣе бодрымъ, болѣе положительнымъ (Злючка, Алешка), а въ послѣднихъ разсказахъ („Мечтатели“, „Исторія“) даже совсѣмъ исчезаетъ, и на его мѣсто являются, правда, въ неясныхъ еще контурахъ (Абрамовъ) или даже совершенно закрытые дымкой поэтическаго тумана (Псевдонимовъ) герои съ рѣшительной волей, чуждые безплоднаго нытья и убивающей рефлексіи. Къ этому надо прибавить, что молодой писатель, очевидно, прекрасно знакомъ былъ, какъ съ показной стороной, такъ и съ изнанкой родной дѣйствительности, и житейскій фонъ, на которомъ парадируютъ его колеблющіеся или сильные волей герои, всегда чрезвычайно ярокъ и типиченъ. Генералъ въ „Мечтателяхъ“, Nicolas и maman въ „Наканунѣ ликвидаціи“, „онъ“ въ „Романѣ“ и пр.—все это фигуры, прямо какъ-бы выхваченныя изъ жизни и смѣлой рукой недюжиннаго художника перенесенныя на полотно. Сцена на баркѣ въ самомъ

первомъ разсказѣ Новодворскаго—можно сказать, классическая сцена (между прочимъ, читатель замѣтитъ невольную, но яркую параллель ей въ печатаемыхъ у насъ американскихъ очеркахъ г-жи Сомовой); не менѣе жизненна и художественна исторія „Побѣга въ Америку“ двухъ мальчиковъ въ разсказѣ „Карьера“: исторія эта, веселая и вмѣстѣ трогательно-грустная, такъ и просится въ дѣтскую хрестоматію...

Вообще, житейскія сцены, будничные разговоры будничныхъ людей, мечты и дѣйствія всевозможныхъ пошляковъ необыкновенно удавались Новодворскому, и еслибы со временемъ онъ раздѣлался съ своимъ „ни-паво, ни вороньимъ“ нытьемъ и перешелъ къ широкому изображенію русской дѣйствительности, такой, какова она есть, то, повторяемъ, талантъ его могъ-бы проявиться въ болѣе яркомъ свѣтѣ, и кто знаетъ—какое мѣсто онъ занялъ бы тогда въ русской литературѣ. Задатки большого роста, во всякомъ случаѣ, у него были.

Что касается юмора Новодворскаго, то намъ не разъ приходилось слышать на этотъ счетъ ироническія замѣчанія: многимъ онъ кажется дѣланнымъ, какъ и самая манера письма придуманной и натянутой... Въ доказательство приводятся обороты рѣчи вродѣ: „Это верховая лошадка Сонички; она (не верховая лошадка) почувствовала“... „Съ однимъ господиномъ у Альфреда де-Мюссе, который (господинъ, а не Мюссе)“ и т. д., и т. д. Образчики этихъ дешевыхъ, чисто-грамматическихъ каламбуровъ, къ сожалѣнію, довольно часто попадаются у Новодворскаго, но мы думаемъ, что ихъ скорѣе слѣдуетъ отнести къ торопливости и неряшливости слога, нежели къ неудачнымъ потугамъ остроумія: стоитъ прочесть „разсказы“ безъ предвзятаго желанія къ нимъ придираться, чтобы признать, что природный юморъ билъ въ душѣ автора черезъ край. Такой своеобразной и вмѣстѣ легкой манеры выраженія, такой неподдѣльно-искренней ироніи, съ какою сплошь написанъ, напримѣръ, довольно большой разсказъ „Наканунѣ ликвидаціи“, *сочинить* невозможно. Въ усиленіи этого богатаго природнаго юмора чисто внѣшними рессурсами и уловками Новодворскому, очевидно, не было надобности, и—доживи онъ до изданія своихъ разсказовъ отдѣльной книгой, разумѣется, онъ выкинулъ бы изъ нихъ все лишнее и ненужное, что теперь рѣжетъ непріятно слухъ и можетъ дать обильную пищу придирчивой критикѣ...

Въ заключеніе нашей замѣтки скажемъ, что вся денежная выручка отъ продажи книги предназначена издателями въ пользу родственниковъ покойнаго, и кстати напомнимъ, какой трогательной заботливостью о матери и сестрахъ и какими жертвами для нихъ была наполнена вся недолгая жизнь Новодворскаго...

Өедоръ Фальковскій. Веселые звуки и другіе маленькіе разсказы. 1897.

Книжка г. Фальковскаго названа, какъ это вообще теперь въ модѣ, по имени перваго изъ составляющихъ ее разсказовъ. Но еслибы читатель ухватился за нее, какъ за средство развѣять свой сплинъ, прочтя дѣйствительно нѣчто веселое и ободряющее, то былъ бы жестоко обманутъ. Трагическій писатель г. Фальковскій, всюду мерещится ему драма, и названа его книга „Веселыми звуками“ лишь для пущаго контраста и эффекта. Какое ужъ тутъ веселье, когда въ первомъ же разсказѣ вы натыкаетесь на болѣзнь и смерть, во второмъ — на смерть, безуміе, измѣну. И дальше идетъ все въ томъ же родѣ: смерть молодого мужа, горе и одиночество любящей супруги; смерть нѣсколькихъ собакъ и одного человѣка; утопленница; отравившаяся; умершая отъ родовъ; убитая кулакомъ пьянаго мужа; вивисекція котенка и затѣмъ смерть самого вивисектора; гибель студента отъ бѣлой горячки; смерть бабушки въ богадѣльнѣ, куда запряталъ ее богатый сынъ; смерть ребенка; еще утопленица... Этого-ли, повидимому, не довольно? Но у г. Фальковскаго есть еще спеціально-святочные разсказы, гдѣ покойники фигурируютъ уже прямо цѣлыми гуртами; правда, въ этихъ послѣднихъ разсказахъ мы имѣемъ дѣло съ попытками юмора и шутки, но характерно то, что г. Фальковскій и шутить-то не любитъ безъ мертвецовъ, кладбищъ и всякихъ другихъ ужастей...

Мы не думаемъ, однако, чтобы въ самой натурѣ начинающаго писателя лежала трагическая складка. Дѣло объясняется несравненно проще: г. Фальковскій, очевидно, слишкомъ еще юнъ и настоящую реальную жизнь знаетъ очень плохо. Гдѣ же могъ онъ найти болѣе благодарныя темы для своихъ многочисленныхъ разсказовъ, какъ не во всякаго рода смертяхъ, убійствахъ и, вообще, исключительныхъ и случайныхъ положеніяхъ жизни? Эффектъ достигается здѣсь самъ собою, безъ особыхъ усилій со стороны автора; достаточно, чтобы послѣдній былъ грамотенъ и умѣлъ, по мѣрѣ надобности, подпускать горячія тирады съ претензіей на возвышенность или сарказмъ, а еще лучше—на психологическую глубину, и, смотришь, въ какомъ-нибудь захолустномъ муравейникѣ онъ уже прослылъ молодымъ талантомъ, подающимъ надежды.

Г. Фальковскій не только грамотенъ, но и пишетъ довольно легко и занятно. Обладая при этомъ умѣньемъ писать быстро и много (за два года имъ сочинено двадцать четыре разсказа), онъ безъ труда можетъ сдѣлаться газетнымъ фельетонистомъ, котораго редакторы съ удовольствіемъ будутъ печатать, а наша нетребовательная публика съ такимъ же удо-

вольствіемъ почитывать... А между тѣмъ, это было бы, говоря по совѣсти, жаль, потому что въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Фальковскій беретъ темы простыя, безыскуственныя и изображаетъ хорошо знакомую ему среду, онъ обнаруживаетъ, по нашему мнѣнію, и признаки нѣкотораго дарованія. Къ такимъ вещамъ нельзя не отнести, напр., два разсказа изъ жизни гимназистовъ—„У берега“ и особенно „Михей“. Здѣсь все описано такъ просто и вмѣстѣ такъ живо, точно самъ авторъ только что покинулъ гимназическую скамью...

О молодости г. Фальковскаго говоритъ и оригинальное предисловіе издателя: „Выпуская въ свѣтъ этотъ сборникъ разсказовъ, я отъ души желаю моему товарищу, чтобы онъ во всю свою жизнь сохранилъ ту вѣру и любовь къ человѣку, которою согрѣта его первая книжка, составленная изъ этихъ мелкихъ вещихъ, и чтобы онъ въ своихъ дальнѣйшихъ, болѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ,—если ему суждено остаться на тернистомъ пути писателя,—оставался вѣрнымъ всему тому, чему онъ стремится служить теперь“.

Пожелаемъ ли мы, съ своей стороны, г. Фальковскому „остаться на тернистомъ пути писателя“? Очень это щекотливый вопросъ, и очень трудно дать на него тотъ или другой рѣшительный отвѣтъ, трудно именно потому, что путь писателя—и завидный, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительно, тернистый путь. Во всякомъ случаѣ, пускай г. Фальковскій не торопится и, прежде чѣмъ вторично пробовать свои писательскія силы, понаберется настоящаго, серьезнаго знанія жизни и человѣческаго сердца.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней) Томъ V. Спб. 1897.

Новый томъ полезнаго труда г. Венгерова оживляетъ надежду на окончаніе этого изданія, столь необходимаго для всѣхъ интересующихся судьбами русской литературы, а измѣненіе въ расположеніи статей, введенное съ этого тома составителемъ, позволяетъ разсчитывать, что теперь появленіе въ свѣтъ уже имѣющихся въ распоряженіи редактора словаря и давно ждущихъ очереди матеріаловъ будетъ ускорено. Статьи теперь будутъ появляться не въ алфавитномъ порядкѣ, а въ порядкѣ накопленія и по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ готовы къ печати. За время, отдѣляющее выходъ настоящаго тома отъ предыдущаго, г. Венгеровымъ предприняты два вспомогательныхъ изданія, долженствующихъ, по его указанію, оказать существенное вліяніе на судьбы „критико-біогр. словаря“, такъ какъ они являются подготовитель-

ными для него работами. Изданія эти: „Русскія книги"— полный перечень всѣхъ русскихъ книгъ, и „Списокъ русскихъ писателей и источниковъ для ихъ изученія", печатаемый теперь въ сборникѣ II отдѣленія Академіи Наукъ. Можно согласиться съ составителемъ, утверждающимъ, что „остовъ Словаря законченъ и остается теперь сторона чисто-литературная", Однако, не слѣдуетъ преувеличивать легкость исполненія этой стороны, которая и сложнѣе и отвѣтственнѣе стороны библіографической. Дать всесторонній, безпристрастный, какъ то приличествуетъ словарю, и исторически-безспорный критическій отзывъ о писателѣ или даже составить обобщающій сводъ сужденій о его дѣятельности—вотъ задача, исполненіе которой потребуетъ ужъ не механическаго труда, но творческой мысли, а неисполненіе низведетъ. Словарь на степень сборника сырыхъ матеріаловъ и—что самое печальное—перенесетъ его изъ рукъ обширной читающей публики на полки книгохранилищъ записныхъ библіографовъ и ученыхъ изслѣдоватей. Словарь русскихъ писателей, и вообще русская энциклопедія, не можетъ быть изданіемъ только справочнаго характера: онъ долженъ подобно французской „Энциклопедіи" имѣть руководящее значеніе. Грѣшно было бы упустить столь дѣйствительный способъ воздѣйствія на читателя. Словарь не забрасываютъ послѣ прочтенія, какъ газету или даже книжку журнала, къ нему обращаются за свѣдѣніями въ теченіе многихъ лѣтъ; самая форма его изложенія—спокойная историческая—имѣетъ результатомъ то, что имъ меньше увлекаются, но ему больше вѣрятъ. Поэтому хорошее выполненіе этой литературно-критической стороны словаря придаетъ ему особенную цѣнность.

Содержаніе новаго тома словаря полно выдающагося интереса, не смотря на то, что статей, посвященныхъ первокласснымъ писателямъ (мы не говоримъ объ ученыхъ): въ немъ нѣтъ. Составъ сотрудниковъ словаря обогащается, въ V томъ сдѣлали вклады профессора А. Н. Бекетовъ (объ И. П. Бородинѣ), Милюковъ (о Болтинѣ), Бестужевъ-Рюминъ, Петрушевскій, Буличъ, Сумцовъ, гг. Лесевичъ, Владиміръ Соловьевъ, Меньшиковъ, Латышевъ, Джаншіевъ, и даже графъ Л. Толстой „почтилъ словарь замѣткой" о крестьянинѣ сектантѣ Бондаревѣ, гдѣ съ обычной непреклонностью объявляетъ, что „сочиненіе Бондарева „Трудолюбіе или торжество земледѣльца" переживетъ всѣ тѣ сочиненія, которыя описаны въ этомъ лексиконѣ, и произведетъ большее вліяніе на людей, чѣмъ всѣ они взятыя вмѣстѣ". Мы не думаемъ, чтобы редакторъ словаря не только раздѣлялъ это мнѣніе, но и видѣлъ въ немъ какую-либо основательность.

Филологамъ посчастливилось въ этомъ томѣ словаря; мы

находимъ здѣсь весьма полныя и обстоятельныя статьи о Бодуэнѣ-де-Куртенэ, Бодянскомъ, Венелинѣ, Буслаевѣ, Крушевскомъ. Статья о Ѳ. И. Буслаевѣ—цѣлая монографія размѣрами больше двухъ листовъ. Какъ и многія другія статьи словаря, она имѣетъ ту особенную цѣнность, что представляетъ собой въ извѣстной степени первоисточникъ; такъ, свѣдѣнія, сообщаемыя въ ней по воспоминаніямъ проф. Кирпичникова, напечатаны въ словарѣ впервые. Какъ сообщаетъ редакторъ въ запискѣ, представленной имъ въ Академію Наукъ, въ его архивѣ имѣется около тысячи собственноручныхъ автобіографическихъ записокъ писателей и ученыхъ самыхъ различныхъ сферъ дѣятельности и общественнаго положенія. Къ этому надо присоединить, какъ въ статьѣ о Буслаевѣ, воспоминанія составителей статей о писателяхъ, которыхъ они лично знали. Въ этомъ смыслѣ очень интересна статья В. В. Лесевича о мало кому извѣстномъ кавказскомъ журналистѣ пятидесятыхъ годовъ Бобылевѣ и С. А. Венгерова о В. М. Ведровѣ, бывшемъ цензорѣ словаря, „истинномъ другѣ литературы и литераторовъ", въ самыя тяжелыя времена облегчавшемъ положеніе литературы при рѣдкой добросовѣстности *въ обоихъ направленіяхъ*. Изъ статей самого редактора отмѣтимъ статью о Дружининѣ, которая печаталась въ „Вѣстникѣ Европы" и является въ словарѣ въ переработанномъ и значительно дополненномъ видѣ.

Сборникъ въ память Александра Серафимовича Гацискаго. Изданіе Нижегородской архивной комиссіи. Н. Новгородъ, 1897.

Имя А. С. Гацискаго извѣстно почти всякому образованному человѣку, имѣющему дѣло съ газетой и журналомъ. Но это извѣстность совершенно особаго рода. Извѣстно собственно „имя", но рѣдкій изъ знающихъ его можетъ назвать тѣ труды, которые выдвинули это имя въ литературѣ. „Провинціальный писатель", вотъ и все. Впрочемъ, для того времени, когда работалъ А. С. Гацискій, это было уже очень много. Въ одной изъ статей „Сборника" дана характеристика покойнаго, именно какъ „литератора обывателя" въ лучшемъ значеніи этого слова. „Въ исторіи каждой національной литературы,—говоритъ авторъ,—есть непремѣнно періодъ такъ называемаго меценатства, своего рода паразитизма, когда, еще неокрѣпшая, она нуждается въ стороннемъ покровительствѣ и поддержкѣ". Областная пресса тоже имѣла свой періодъ меценатства. Ее, сиротливую и убогую, взялъ подъ свое покровительство, самъ далеко не вельможа и не богачъ—литераторъ-обыватель. Онъ не получалъ отъ нея ни матеріальныхъ выгодъ, ни поддержки въ своей карьерѣ. Наоборотъ, карьерѣ она могла только по-

вредить, а въ смыслѣ матеріальномъ—она сама нуждалась въ постоянныхъ воспособленіяхъ изъ личныхъ доходовъ литератора-обывателя. Для нея-то онъ нерѣдко даже „служилъ", чтобы охранять ее на два фронта—отъ предубѣжденій сверху, отъ равнодушія и часто враждебной косности снизу. Теперь провинціальная пресса составляетъ уже фактъ, живое и значительно окрѣпшее явленіе; она находится, конечно, въ условіяхъ, гораздо болѣе тяжелыхъ, чѣмъ пресса столичная, но все же она растетъ и крѣпнетъ. Въ послѣдніе годы въ провинціи народился уже новый типъ литератора, который не только не кормитъ, такъ сказать, отъ руки младенца-прессу, удѣляя ей крохи отъ своего „жалованія", но и кормится отъ нея самъ. Это снимаетъ съ провинціальнаго писателя присущій литератору-обывателю оттѣнокъ безкорыстія и идеализма, но это несомнѣнно поднимаетъ самую прессу, придавая ей характеръ самостоятельной силы среди другихъ дѣйствующихъ силъ провинціи. А для идеализма и самоотверженія поприще въ этой области остается всетаки немалое. Какъ бы то ни было, оглядываясь назадъ, мы не можемъ не видѣть громадныхъ заслугъ исчезающаго типа „литератора-обывателя" въ дѣлѣ развитія областной прессы, и нижегородская архивная комиссія подала хорошій примѣръ благодарности и уваженія къ честной памяти одного изъ выдающихся тружениковъ этого типа. Да и самъ по себѣ сборникъ составленъ довольно живо и интересно. Кромѣ статей Н. Я. Агафонова, В. Г. Короленко и А. А. Савельева, посвященныхъ характеристикѣ покойнаго писателя, въ сборникѣ есть еще его автобіографія и посмертная статья полу-историческаго содержанія („Въ вотчинѣ кн. Пожарскаго"). Все вмѣстѣ не только рисуетъ интересную физіономію самого „литератора-обывателя", но и отмѣчаетъ любопытную стадію нашего культурнаго развитія. Изданъ сборникъ весьма прилично и снабженъ хорошо исполненнымъ портретомъ Гацискаго.

Серафима Аргамакова. Дѣйствительность, мечты и разсужденія провинціалки. Спб. 1897.

Еще недавно у насъ было въ модѣ „народолюбіе". Теперь людямъ, „разочаровавшимся въ народѣ", имя легіонъ. Г-жа Аргамакова—одна изъ этого легіона, и данное ея произведеніе есть ничто иное, какъ крикъ наболѣвшаго сердца. Нѣкогда „любимой мечтой" г-жи Аргамаковой было—служеніе народу. Она готовилась къ этому служенію, когда „встрѣтила человѣка, котораго полюбила". Спустя годъ послѣ замужества, она отправилась съ мужемъ въ усадьбу къ дядѣ, который, повидимому, и въ то время народолюбіемъ не увлекался.

„Деревенская обстановка и жизнь привели г-жу Аргамакову въ восторгъ, любезный пріемъ дяди поддержалъ пріятное расположеніе духа“, тѣмъ болѣе, что и дядя „не скрывалъ пріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго ею на него“. Въ Орловской усадьбѣ водворилась идиллія, но тутъ-то и помѣшало „модное народолюбіе“. Дядя былъ „очень сдержанъ съ народомъ“, племянница наоборотъ была совершенно несдержанна. Хотя дядя и объяснялъ ей „обычную манеру крестьянъ вымаливать деньги“, но она не внимала и стала „безтактно вмѣшиваться въ дѣла дяди, забывая разницу лѣтъ, выговаривала ему (за отказы просителямъ), упрекала въ безсердечіи и, убѣжавъ вслѣдъ за уходящимъ просителемъ въ переднюю, совала несчастному нѣсколько рублей, позабывая, что деньги ей самой подарены тѣмъ же дядей“. Сдержанный дядя охладѣлъ къ экспансивной племянницѣ, и это была ея первая жертва на алтарѣ „моднаго народолюбія“. Первая, но, къ сожалѣнію, не послѣдняя. Была у г-жи Аргамаковой такая же „несдержанная“ родственница, которую судьба надѣлила несчастной, но непобѣдимой склонностію „говорить всѣмъ правду въ глаза“. Г-жа Аргамакова очень пространно и съ ссылками на литературу доказываетъ, что это черта очень неудобная. И дѣйствительно, провинціальная Кассандра навлекла массу непріятностей на своего мужа, занимавшаго какое-то скромное положеніе, а себѣ совершенно разстроила нервы и для поправки отправилась къ г-жѣ Аргамаковой, въ деревню. Здѣсь обѣ пріятельницы произвели опытъ какого-то своеобразнаго „опрощенія“. Онѣ вели помѣщичье хозяйство, но себѣ устроили „жизнь самую простую, не вдаваясь въ крайности: носили гладкія ситцевыя платья, для удобства головнымъ уборомъ служили имъ платки, а ради здоровья ходили босыя до глубокой осени“. Въ такомъ видѣ („не вдаваясь въ крайности“) онѣ исполняли хозяйственныя работы, готовили для всѣхъ пищу, носили со двора дрова, поили телятъ, кормили свиней и т. д. Родственницѣ г-жи Аргамаковой этотъ образъ жизни началъ приносить пользу, но вскорѣ опять подгадилъ „народъ“, въ видѣ работниковъ усадьбы. „Тяжелѣе всего было видѣть,—пишетъ г-жа Аргамакова,—какъ они между собою поднимали насъ на смѣхъ и даже доброту нашу приписывали глупости“. Этого мало. Баловство ихъ дошло до столь невѣроятныхъ предѣловъ, что „увидавъ на ледникѣ нѣсколько кадушекъ масла, они нахальнѣйшимъ образомъ стали требовать, чтобы и имъ давалось масло, сбитое мною лично на машинѣ, выписанной изъ Парижа, говоря: „мы тоже люди“ (вотъ „народолюбія достойные плоды!“). „Умѣстно будетъ сказать,—прибавляетъ авторъ,—что въ этой мѣстности крестьяне въ пищу употребляютъ исключительно (!)

свиное сало, и когда имъ въ маслѣ было отказано, то они изъ-подъ замка украли все сливочное масло, спрятавъ его въ озерѣ". Отчасти, конечно, вина этихъ людей смягчается,—вѣдь они, бѣдные, питались „исключительно" свинымъ саломъ. Но, къ сожалѣнію, этимъ дѣло не ограничилось: „народъ" совершенно отравилъ жизнь двухъ пріятельницъ на лонѣ природы. А такъ какъ, поправившись физически, подруга г-жи Аргамаковой опять принялась за старое свое занятіе, то однажды „обличаемый ею воръ" былъ приведенъ краснорѣчіемъ обличительницы въ такое волненіе, что „она чуть не претерпѣла отъ него побои". При этомъ всѣ „приключенія" народолюбивыхъ пріятельницъ встрѣчались мѣстнымъ обществомъ и администраціей не только равнодушно, но „даже служили имъ развлеченіемъ". Въ этомъ отношеніи, какъ видимъ, „общество" сошлось совершенно съ неблагодарнымъ народомъ, для котораго зрѣлище опрощенныхъ помѣщицъ составляло тоже предметъ веселья.

Все это, разумѣется, истощило терпѣніе г-жи Аргамаковой, и теперь, когда она дѣлится съ нами результатами своего горестнаго опыта, ея книгу можно было бы принять за львиное рыканіе одного изъ сотрудниковъ „Гражданина", скрывшаго подъ дамскимъ чепчикомъ свой грозный обликъ,—до того ея обобщенія относительно народа категоричны и рѣшительны. Для „народа" у г-жи Аргамаковой просто уже не хватаетъ мрачныхъ красокъ, и положеніе несчастнаго „землевладѣльца" въ деревнѣ она сравниваетъ (опять вмѣстѣ съ провинціалами князя Мещерскаго) съ положеніемъ піонера „на азіатской окраинѣ, гдѣ ежеминутно приходится защищать имущество и самую жизнь". Самыя злоупотребленія провинціальной администраціи приписываетъ г-жа Аргамакова тому, что въ ея составъ входятъ лица низшихъ сословій (стр. 57). Однако, окончательные выводы г-жи Аргамаковой едва ли удовлетворили бы кн. Мещерскаго и г-на Грингмута. Такъ, вмѣсто того, чтобы требовать замѣщенія должностей становыхъ, по меньшей мѣрѣ, маркизами, она неожиданно заявляетъ, что „хорошо было-бы обратить вниманіе на дѣятельность администраціи и подвергать отвѣтственности лицъ, пользующихся властью". Народную школу она тоже не считаетъ порожденіемъ французскаго якобинства и ждетъ отъ нея многаго,—ссылаясь на примѣръ двухъ сходовъ Самарской и Саратовской губерній, гдѣ „благодаря грамотности крестьянъ, не смотря на угрозы уѣздной власти и на трехдневный арестъ и кутузку,—сходы всетаки отстояли свои права". Тутъ же, попутно, обнаруживается, значитъ, и глубокое несогласіе г-жи Аргамаковой съ провинціалами изъ „Гражданина" во взглядахъ на кутузку, въ которой, какъ извѣстно, человѣкъ

можетъ пользоваться лучшей изъ свободъ,—свободой внутренней. Однимъ словомъ, понемногу выясняется, что г-жа Аргамакова даже и въ своемъ разочарованіи осталась человѣкомъ съ добрымъ сердцемъ и благими пожеланіями. Ея мечты не имѣютъ и теперь ничего человѣко-ненавистническаго и по существу очень благодушны. Она, правда, журитъ толстовцевъ, которые, по ея мнѣнію, отрицаютъ бракъ и желаютъ совсѣмъ отвыкнуть отъ употребленія пищи. Это, конечно, безразсудно: „безбрачіе вблизи природы немыслимо уже потому, что сама природа, особенно весною, располагаетъ къ любви" (слѣдуетъ ссылка на статью г-на Соколова, „Аскетическое начало въ нравственности"). Но, въ сущности, сама г-жа Аргамакова мечтаетъ именно объ интеллигентныхъ колоніяхъ, мѣрами правительства водворяемыхъ среди темнаго народа, для культурнаго воздѣйствія и даже для развитія въ народѣ правового сознанія! Эти колоніи, по ея мнѣнію, призваны „вполнѣ удовлетворить мечты французскаго короля Генриха IV, который желалъ, чтобы у французскаго крестьянина ежедневно варилась въ супѣ курица" (84). Все это въ значительной мѣрѣ примиряетъ насъ съ г-жей Аргамаковой и если, по совѣсти, мы не можемъ рекомендовать ея книгу нашимъ читателямъ, боясь, что они не скажутъ намъ за это спасибо,—то всетаки отъ души желали бы, чтобы она попала въ руки сотрудниковъ „Гражданина" и „Моск. Вѣдомостей". Привлеченные львинымъ рыканіемъ въ началѣ, они, быть можетъ, незамѣтно для себя послѣдуютъ за г-жей Аргамаковой и далѣе въ область ея благодушія, гдѣ самые львы примутъ кроткій обликъ овечекъ...

Л. Д. Ляховецкій. Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ съ приложеніемъ избранной рѣчи каждаго изъ нихъ Спб. 1897.

Б. Глинскій. Русское судебное краснорѣчіе. Спб. 1897.

Если прибавить къ этимъ двумъ книгамъ цѣлый рядъ сборниковъ рѣчей нашихъ судебныхъ дѣятелей, появившійся за послѣдніе годы, и большое московское изданіе, „Русскіе судебные ораторы" (1895—1897), то не трудно будетъ замѣтить во всѣхъ этихъ изданіяхъ попытку подвести итоги непродолжительной исторіи нашего судебнаго краснорѣчія — созданія реформы 20 ноября 1864 г. Но печатной рѣчи мало для достаточнаго знакомства съ ораторомъ—въ этомъ его коренное отличіе отъ писателя,—и характеристика его должна выйти изъ подъ пера очевидца. Произведеніе ораторскаго искусства должно непремѣнно имѣть характеръ импровизаціи; даже тѣ ораторы, которые пишутъ заранѣе свои рѣчи, симулируютъ этотъ freie Vortrag, пряча бумажку, съ которой считываютъ

рѣчь — не потому, чтобы имъ нужно было кокетничать своей памятью или искусствомъ, но потому, что отсутствіе этого элемента свободнаго созданія въ самый моментъ произнесенія лишаетъ рѣчь ея существеннѣйшихъ чертъ. Вотъ почему характеристика *оратора* должна быть непремѣнно сообщеніемъ впечатлѣній, производимыхъ его творчествомъ, иначе это будетъ заурядный литературный портретъ, портретъ писателя иногда посредственнаго и неинтереснаго, за которымъ такъ и скроется яркая и даровитая личность оратора.

Этому элементарному требованію мало удовлетворяютъ обѣ названныя въ заголовкѣ попытки охарактеризовать русское судебное краснорѣчіе. Общей характеристики русскаго оратора на судѣ нѣтъ ни въ той, ни въ другой книгѣ. Онѣ представляютъ собой рядъ отдѣльныхъ характеристикъ, по большей части блѣдныхъ и банальныхъ. Содержаніе обѣихъ книгъ случайно и неполно; у г. Ляховецкаго пропущены такіе ораторы, какъ Герардъ, Плевако, Хартулари, у г. Глинскаго нѣтъ характеристикъ Муромцева, Жуковскаго, Холевы; Купернивъ, Муравьевъ, Лохвицкій обойдены здѣсь и тамъ; и здѣсь и тамъ больше говорится объ адвокатахъ, чѣмъ объ ораторахъ — это, вѣдь, не одно и тоже. Книгу г. Глинскаго и слѣдовало бы, въ сущности, назвать не „Русское судебное краснорѣчіе“, которое въ ней не получаетъ никакого освѣщенія, а „Панегирики адвокатамъ“. Картинный стиль г. Глинскаго рѣдко повинуется намѣреніямъ автора, который, желая похвалить г. Хартулари, говоритъ, что этотъ представитель адвокатуры „былъ участникомъ многихъ выдающихся явленій общественной жизни, нашедшихъ свой заключительный финалъ (sic) въ стѣнахъ судебнаго зданія“. Не поздоровится отъ такой запутанной хвалы,—но не по винѣ г, Глинскаго, который также находитъ, что „психологическій анализъ—тотъ побѣдоносный конь, который успѣшно выноситъ г. Андреевскаго изъ спутанныхъ и темныхъ коллизій дѣла, спасаетъ отъ стрѣлъ прокуратуры и даетъ въ руки громкую побѣду“.

Г. Ляховецкій очень одобряетъ А. Я. Пассовера, который на упреки товарищей, почему онъ не пишетъ, отвѣчалъ „мило шутя“, что не желаетъ „изъ двухъ книгъ дѣлать третью“. Вѣроятно поэтому г. Ляховецкій нашелъ удобнымъ „сдѣлать“ книгу, гдѣ на 324 страницы ему принадлежитъ около 90. На этихъ немногихъ страницахъ банальность царитъ нераздѣльно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Ляховецкій дѣлаетъ экскурсы въ нѣсколько чуждую ему область литературныхъ сужденій. Боясь промахнуться, онъ прячетъ свою нерѣшительность за общими мѣстами; такъ о стихотвореніяхъ г. Андреевскаго онъ находитъ возможнымъ сказать только то, что

сборникъ ихъ „не могъ произвести значительнаго впечатлѣнія въ государствѣ (sic), имѣющемъ такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ". Несомнѣнно, но очень мало для характеристики поэзіи г. Андреевскаго. Немногіе не безъинтересные факты не искупаютъ удручающей ненужности разсужденій г. Ляховецкаго. Стилистика его имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы образцы ея стали въ своемъ родѣ классическими; къ „пищѣ" во рту г. Карабчевскаго,—„адвоката отъ пятокъ до маковки",—можно прибавить еще „куски разнообразныхъ знаній", щедрой рукой разбросанные въ рѣчахъ г. Спасовича. Выборъ рѣчей, помѣщенныхъ въ книгѣ, хотя онъ и состоялся по соглашенію составителя съ лицами ихъ произнесшими, нельзя назвать удачнымъ.

Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. **В. М. Грибовскаго.** Спб. 1897.

Книга г. Грибовскаго произведеніе во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное. Чтобы отыскать въ прошломъ нашей науки нѣчто подобное, намъ пришлось обратиться къ давно прошедшимъ временамъ, къ 1858 году. Въ этомъ году вышло, нынѣ—увы!—забытое, сочиненіе Вельтмана, „Аттила и Русь IV и V в.", достойнымъ преемникомъ котораго является Византія г. Грибовскаго. Различна лишь судьба двухъ книгъ. Тогда какъ книга любителя-археолога и романиста Вельтмана сразу сдѣлалась притчей во языцѣхъ, предметомъ справедливыхъ насмѣшекъ и всеобщаго глумленія, г. Грибовскій на основаніи своего „труда" былъ признанъ достойнымъ ученой степени магистра государственнаго права. Видно вопросъ о пріобрѣтеніи ученыхъ степеней не даромъ сдѣлался за послѣднее время предметомъ обсужденія. (см. статью В. А. Мякотина въ Іюльской книжкѣ Русск. Бог. за 1897 г.)

Начать съ того, что г. Грибовскій не знаетъ ни источниковъ, ни литературы по исторіи Византіи вообще и византійскаго государственнаго права въ частности. Единственные современники, изъ которыхъ онъ приводитъ выдержки, это Никита Хоніатъ и Іоаннъ Киннамъ, и то, очевидно, потому, что оба переведены на русскій языкъ. Ссылки на своды законовъ V, VI и слѣдующихъ вѣковъ имѣютъ чисто случайный характеръ: авторъ знакомъ съ ними, поскольку выдержки изъ нихъ встрѣчаются въ трудахъ русскихъ ученыхъ проф. Васильевскаго, Успенскаго, Павлова и т. д. Самостоятельнаго значенія его сочиненіе уже поэтому не имѣетъ; тѣмъ не менѣе, г. Грибовскій старается дѣлать видъ, будто онъ знакомъ съ источниками, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ называетъ наиболѣе важные изъ нихъ. Къ сожалѣнію, онъ, однако, такъ

неосторожень, что въ числѣ ихъ два раза называетъ извѣстнаго писателя XVII вѣка, кардинала Баронія. Очевидно, латинская форма имени этого врага протестантовъ обманула г. Грибовскаго, и онъ его превратилъ въ очевидца событій XII вѣка (стр. 129 и 219).

Не будучи основана на изученіи источниковъ, книга г. Грибовскаго представляетъ изъ себя компиляцію. Но и какъ компиляція она никуда не годится. Прежде всего выборъ книгъ, которыя послужили основаніемъ для разсужденій г. Грибовскаго, прямо поразителенъ. По существу весь его „трудъ“ основанъ на Histoire de la civilisation hellénique Папарригопуло и отчасти на Histoire du droit byzantin Mortreuil'я. Между тѣмъ, книга перваго представляетъ краткое и довольно поверхностное популярное извлеченіе изъ пятитомнаго греческаго труда того же автора,—на который г. Грибовскій не ссылается; а исторія византійскаго права Мортрейля вышла въ сороковыхъ годахъ, въ свою очередь, несамостоятельна и во многомъ устарѣла. Послѣднее слѣдуетъ сказать и о Гиббонѣ. Трудовъ Krumbacher'a, Hertzberg'a, Hopf'a, Heimbach'a, Rambaud, Schlumberger, Bury, Gfrörer'a, Guldenpenning'a и др. онъ не знаетъ, не говоря уже о болѣе спеціальныхъ изслѣдованіяхъ (напр. Lecrivain о сенатѣ, Диля и Гартмана о византійскомъ управленіи и т. д.)

Еще удивительнѣе его „источники“ для очерка греческой и римской исторіи и культуры (стр. 35—65). Вы тутъ встрѣтите исторію государственной науки Поля Жане и исторію всеобщей литературы Шерра и даже гимназическое пособіе Велишскаго о бытѣ Грековъ и Римлянъ (стр. 351). Единственные серьезные труды, о которыхъ г. Грибовскій упоминаетъ, это переведенныя на русскій языкъ сочиненія Дройзена по исторіи эллинизма и Финлея о Греціи подъ римскимъ владычествомъ. Рѣшаясь дать общую характеристику „эллинизма“ и „р манизма“, авторъ не подумалъ даже заглянуть въ труды Дункера, Мейера, Курціуса, Белоха, и, что, пожалуй, всего удивительнѣе, Моммзена,—зато онъ ссылается на брошюрку какого-то г Питципіоса, „Le romanisme“! Писать о народѣ и власти въ Византіи, не зная римскаго государственнаго права Моммзена!

Итакъ, г. Грибовскій написалъ свое сочиненіе, не зная ни источниковъ, ни литературы предмета. Это по меньшей мѣрѣ... смѣло. Правда, еслибъ онъ хоть сколько-нибудь былъ знакомъ съ тѣмъ предметомъ, о которомъ онъ написалъ толстую книгу въ 400 слишкомъ страницъ, онъ бы ея вовсе не написалъ. Онъ бы понялъ, что нельзя „попутно“ (стр. XXII) разрѣшать такіе вопросы, что ихъ нужно изучать серьезно и систематически, не отдаваясь празднымъ фантазіямъ. Въ предисловіи г. Грибовскій говоритъ, что онъ „могъ удѣлить изученію одной

изъ областей греко-римскаго міра только нѣсколько лѣтъ“ (тамъ же). Насъ удивляетъ, что автору понадобилось нѣсколько лѣтъ, чтобъ написать такую вещь: для этого, особенно при нѣкоторой изобрѣтательности и безцеремонномъ обращеніи съ фактами, достаточно и двухъ-трехъ мѣсяцевъ.

А этими качествами авторъ обладаетъ въ поразительной степени... Посудите сами, читатель.

Вы думали, что представленія грековъ о божествѣ были довольно матеріальнаго характера, помнили, что философъ Ксенофанъ обвинялъ Гомера и Гезіода въ томъ, что они изображали боговъ преступниками, ворами, прелюбодѣями и т. д.? Такъ прочитайте же, что г. Грибовскій говоритъ на стр. 39: „у Гомера встрѣчаются самыя высокія понятія объ отношеніяхъ Бога и человѣка“. Дѣйствительно, Аѳина помогаетъ Діомеду ранить Ареса, Аполлонъ мститъ ни въ чемъ неповиннымъ грекамъ за поступокъ Агамемнона, Зевсъ помогаетъ однимъ, Гера другимъ!..

Вы знали, что семейная жизнь грековъ не отличалась большими достоинствами, что женщина жила въ теремѣ, и лишь куртизанки играли роль, что греки постоянно вели войны за гегемонію, что спартанцы чрезвычайно жестоко относились къ рабамъ. Г. Грибовскій повторяетъ за Папарригопуло, что преданность семейному очагу, высокое положеніе женщины въ семьѣ, сознаніе общенароднаго единства, мягкость рабства и т. д. были „національными чертами греческой народности“ (стр. 40).

Вы думали, что римляне считали земледѣліе единственнымъ занятіемъ, достойнымъ свободнаго человѣка? Г. Грибовскій увѣряетъ, что они его презирали (стр. 36).

Вамъ, наконецъ, было извѣстно, что Птоломеи и Селевкиды представляли изъ себя типичные образчики распущенныхъ восточныхъ деспотовъ. Г. Грибовскій заявляетъ, что они „точно съ умысломъ старались осуществить въ себѣ идеалъ платоновскаго правителя“ (51). И такого явнаго вздора можно указать еще многое множество. Чуть не на каждой страницѣ встрѣчаются подобнаго рода перлы. Платонъ оказывается „прямымъ проповѣдникомъ магизма“ (52); римляне всегда презирали грековъ „какъ варваровъ“ (55); право римскаго гражданства можно было купить за „единовременный взносъ опредѣленной суммы“ (58); римляне „своимъ грубымъ умомъ“ не могли понять ученія Христа (60), а, между тѣмъ, апостолъ Павелъ былъ „римляниномъ по духу и воспитанію“ (298); за то бл. Августинъ (85) и Тертулліанъ (71) оказываются романизованными греками; греки отличались „врожденной наклонностью къ мистической философіи“ (61); власть епископовъ опиралась на „монархическія убѣжденія восточныхъ грековъ“

(64); восточныя провинціи римской имперіи представляли „особое полунезависимое государство" (65)... На носу у алжирскаго бея шишка вскочила....

Но, можетъ быть, вы снисходительны, читатель. Можетъ быть, вы скажете, что, конечно, г. Грибовскій понятія не имѣетъ о самыхъ элементарныхъ фактахъ греческой и римской исторіи, но вѣдь это не его спеціальность. Въ греко-римскую исторію онъ сунулся по легкомыслію, не вѣдая, что творитъ, но за то занимался Византіей и здѣсь, вѣроятно, дома.

Такъ посмотримте же на результаты спеціальныхъ занятій этого своеобразнаго „ученаго". Къ сожалѣнію, они неутѣшительны.

Византія г. Грибовскаго поразительное государство: такой страны ни до, ни послѣ г. Грибовскаго никто, конечно, даже и во снѣ не видывалъ. „Говоря новѣйшимъ юридическимъ языкомъ", читаемъ мы на стр. 328, „въ рукахъ византійскаго императора нераздѣльно и совокупно сосредоточивались всѣ функціи верховенства свѣтскаго и духовнаго и всѣ отрасли власти законодательной, исполнительной и судебной . Казалось бы, неограниченная монархія, кесаропапизмъ? Открываемъ стр. 203 и читаемъ, что народъ пользовался правомъ возстанія, „признаваемымъ даже властью", а на стр. 242 говорится, что Византія „представляетъ собой какъ бы типъ вѣчевой монархіи". Кесаропапизмъ, право возстанія, вѣчевая монархія!.. Въ довершеніе путаницы на стр. 142 оказывается, что „сенатъ вступаетъ (неизвѣстно когда?) въ силу классической эпохи (т. е. нужно думать, рѣшаетъ всѣ дѣла въ послѣдней инстанціи)... ограниченіе власти растетъ" (стр. 143).

Растетъ и недоумѣніе и негодованіе читателя. Какъ примирить кесаропапизмъ и „признаваемое даже властью" право возстанія? А, между тѣмъ, это такъ просто. Одно магическое слово, и г. Грибовскій спасенъ. Дѣло въ томъ, что воля императора неограничена ничѣмъ, лишь если она... благожелательна (328); но чуть только она становится злой, она ограничивается... правомъ возстанія. Все становится ясно; „расходятся морщины на челѣ". Но увы! не надолго. Во первыхъ, причемъ въ этой хитроумной теоріи утвержденіе, что „ограниченіе власти (сенатомъ) растетъ"? А во вторыхъ—и это главное—откуда г. Грибовскій взялъ свою теорію? Во всякомъ случаѣ, не изъ источниковъ: ни одинъ законодательный памятникъ, ни одинъ современникъ не говоритъ, что одна „благожелательная" воля императора неограничена, и подавно нигдѣ не говорится о признаніи „права возстанія". Нѣтъ также ни одного ученаго, который рѣшился бы высказать такую явную несообразность. Г. Грибовскій просто на просто... выдумалъ свою теорію. Какъ Вельтманъ

нѣкогда, по словамъ Погодина, командовалъ въ своихъ историческихъ измышленіяхъ народами, восклицая: „Се Свевы! Се Славяне!“, такъ г. Грибовскій командуетъ византійскими императорами, народомъ и сенатомъ. Занятіе, можетъ быть, и пріятное, но въ научномъ отношеніи мало пригодное. Но что же дѣлать, если г. Грибовскому полюбился допотопный методъ любителя-археолога 50-хъ годовъ, и нашелся факультетъ, который его одобрилъ?

Останавливаться подробнѣй на этой книгѣ не стоитъ. Всѣхъ встрѣчающихся въ ней курьезовъ указать всетаки невозможно, а сказаннаго достаточно, чтобы судить о ея достоинствахъ. Очевидно, содержаніе этого „изслѣдованія“ таково, что не получи его авторъ ученой степени, не стоило бы о немъ и говорить. Развѣ какой нибудь изслѣдователь XX вѣка сослался бы на эту книгу, какъ на доказательство низкаго уровня научныхъ представленій въ нашемъ обществѣ въ концѣ XIX вѣка. Но успѣхъ г. Грибовскаго придаетъ его книгѣ нѣкоторый общественный интересъ. Ученымъ степенямъ у насъ придается большое значеніе. По факту пріобрѣтенія степени судятъ и о научныхъ заслугахъ человѣка, его знаніяхъ и способностяхъ. На Западѣ на это дѣло смотрятъ проще, но у насъ осуждаютъ западные университеты за слишкомъ щедрую раздачу степеней... и сами признаютъ возможнымъ дать степень магистра за книгу, каждая страница которой свидѣтельствуетъ о невѣжествѣ, отсутствіи метода и безцеремонности автора ея. Очевидно, „смѣлость“, дѣйствительно, города беретъ...

Психологія чувствъ Т. Рибо, проф. въ „Collège de France“ и редакторъ журнала „Revue philosophique“. Перев. съ французскаго М. Гольдсмитъ. Спб. 1897 г. Изданіе Ф. Павленкова.

Т. Рибо, профессоръ въ Collège de France и редакторъ журнала Revue Philosophique. **Психологія чувствъ** въ двухъ частяхъ. Перев. съ франц. Кіевъ 1897 г. Изданіе Ф. А. Іогансона.

Новый трудъ Рибо посвященъ одному изъ самыхъ темныхъ и мало разработанныхъ отдѣловъ психологіи. Психологія чувствованій не принадлежитъ къ числу излюбленныхъ предметовъ изслѣдованія. По вычисленію самого Рибо, за послѣдніе годы только менѣе двадцатой части книгъ и статей, занимавшихся психологическими вопросами, были посвящены психологіи чувствованій; если же принять во вниманіе то обстоятельство, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ авторы посвящали свои силы разсмотрѣнію лишь частныхъ вопросовъ изъ области жизни чувства, то потребность въ полномъ и систематическомъ изложеніи психологіи чувствованій сдѣлается очевидною.

Эту потребность и удовлетворяетъ разсматриваемая нами книга Рибо. Авторъ даетъ не только полный обзоръ жизни чувства, но еще при этомъ и принимаетъ во вниманіе всѣ новѣйшія изслѣдованія въ области психологіи чувствованій.

Книгу свою авторъ дѣлитъ на двѣ части: общую и спеціальную. Въ общей части мы имѣемъ прежде всего обширное введеніе, посвященное эволюціи жизни чувства (vie affective). Авторъ указываетъ на то, что всякое чувство слагается изъ двухъ элементовъ: изъ двигательныхъ проявленій и изъ состояній довольства или недовольства. Который изъ этихъ элементовъ первиченъ? Авторъ отвѣчаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ: первичны двигательныя проявленія; состоянія же довольства и недовольства суть только указатели существованія этихъ двигательныхъ явленій. Эволюція жизни чувства начинается съ протоплазматической чувствительности. У простой массы протоплазмы, у одноклѣточныхъ организмовъ уже несомнѣнно замѣчаются разнообразныя *стремленія* (tendances); когда эти стремленія начинаютъ сопровождаться сознаніемъ, то они превращаются въ *потребности* (besoins); далѣе возникаютъ простыя эмоціи, сложныя эмоціи и страсти. Эмоціи въ жизни чувства соотвѣтствуютъ воспріятіямъ въ области познаванія; а страсти соотвѣтствуютъ навязчивымъ идеямъ.

Какъ во введеніи, такъ и во всей остальной книгѣ авторъ борется противъ интеллектуалистовъ, считающихъ, что удовольствія и страданія всегда только присоединяются къ познавательнымъ актамъ. Авторъ, напротивъ, считаетъ чувство явленіемъ первичнымъ.

Первыя главы посвящены изученію удовольствія и страданія. Физическое страданіе: боль, и душевное страданіе: печаль тожественны по своей натурѣ; въ эволюціи душевнаго страданія можно отмѣтить три стадіи: привхожденіе воспоминанія, ассоціація съ представленіемъ и ассоціація съ концептомъ.

Наибольшій интересъ представляютъ дальнѣйшія главы, посвященныя вопросу объ эмоціи. Авторъ является рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи Ланге-Джемса, утверждающей, что эмоція есть не что иное, какъ сознаніе органическихъ измѣненій, вызванныхъ извѣстнымъ представленіемъ. Старая и до сихъ поръ господствующая теорія считаетъ, что представленіе вызываетъ эмоцію, которая обнаруживается извѣстными физическими симптомами, а Ланге и Джемсъ утверждаютъ, что представленіе вызываетъ извѣстныя органическія измѣненія, которыя и сознаются нами въ формѣ эмоціи. Такъ, наприм., согласно господствующей теоріи, мысль объ опасности вызываетъ страхъ, который и обнаруживается извѣстными физическими симптомами; согласно же утвержденію Ланге и Джемса, мысль объ опасности вызываетъ извѣстныя органическія явленія, которыя

и обусловливаютъ возникновеніе эмоціи; т. е., мы не потому дрожимъ, что боимся, а потому боимся, что дрожимъ. Эта теорія, обнародованная еще въ 1884 году, съ тѣхъ поръ подвергалась многочисленнымъ нападкамъ, которыя, однако, по нашему мнѣнію, не могли поколебать ея основного положенія, а только указали на различныя второстепенныя несовершенства. А Рибо, безусловно присоединяясь къ ученію Ланге-Джемса, всетаки, вноситъ весьма важную, хотя и не относящуюся къ существу дѣла, поправку. Въ самомъ дѣлѣ, новая теорія эмоцій носила явственную дуалистическую и антиэволюціонную окраску; Рибо отбрасываетъ этотъ посторонній элементъ и придаетъ ей монистическій и эволюціонный характеръ, который несомнѣнно гораздо болѣе гармонируетъ съ основною идеею теоріи, чѣмъ дуализмъ Джемса.

Вторая половина книги Рибо посвящена описанію спеціальныхъ проявленій чувства; здѣсь разсматриваются инстинктъ самосохраненія, симпатія, половой инстинктъ, чувство нравственное, религіозное и эстетическое, ученіе о характерахъ и т. п.

Эта прекрасная книга появилась у насъ въ двухъ переводахъ. Переводъ, сдѣланный г. Гольдсмитомъ (изданіе Павленкова), слѣдуетъ считать вполнѣ удовлетворительннымъ: мы просматривали его во многихъ мѣстахъ и нигдѣ не встрѣтили ошибокъ. Замѣтимъ только, что переводчикъ не твердъ въ употребленіи терминовъ „чувство“ и „чувствованіе“. Въ текстѣ встрѣчаются мѣста, гдѣ онъ употребляетъ терминъ „чувствованіе“ тамъ, гдѣ слѣдовало бы сказать „чувство“; а заглавіе книги слѣдовало бы перевести: „психологія чувствованій“, ибо авторъ разсматриваетъ не только сложныя чувства, но и элементарныя чувствованія.

Что касается кіевскаго изданія г. Іогансона, то это уже не первая хорошая книга, изданная г. Іогансономъ въ отвратительномъ переводѣ. Переводчикъ, повидимому, человѣкъ довольно невѣжественный, къ тому же плохо знающій французскій языкъ и еще, вдобавокъ, не особенно старательно относящійся къ дѣлу. Такъ, напримѣръ, переводчикъ, очевидно, смѣшиваетъ слова: *connaissance* и *conscience*, вслѣдствіе чего происходитъ невообразимая путаница. Онъ постоянно слово connaissance переводитъ словомъ *сознаніе* и поэтому, когда Рибо излагаетъ ученіе „интеллектуалистовъ“ школы Герберта, согласно которому чувство есть явленіе производное, зависящее отъ познавательныхъ актовъ,—то русскій читатель узнаетъ, что интеллектуалисты учатъ, что чувство зависитъ отъ сознанія. Небрежность переводчика и его плохое знаніе французскаго языка хорошо видны на слѣдующемъ примѣрѣ. Рибо пишетъ: „La pathologie de chaque émotion a été esquissée *à titre*

de complément et d'éclaircissement". Въ русскомъ переводѣ мы читаемъ: „Психологія всякой эмоціи будетъ очерчена *съ полнотою и ясностью*!!!" (стр. 7). Положимъ, слово „психологія" вмѣсто „патологія" есть простая опечатка, но ни на какую опечатку нельзя свалить дальнѣйшую нелѣпость. Рибо говоритъ о состояніяхъ, извѣстныхъ „sous les dénominations flottantes de sentiments, émotions, passions", въ русскомъ переводѣ мы читаемъ о состояніяхъ извѣстныхъ „подъ *неточными* названіями" и т. д. (стр. 9). На той же 9-ой страницѣ выраженіе: „manifestations *motrices*" переведено: „*рефлекторныя* проявленія". Основной терминъ Рибо „tendance" переведенъ (стр. 10) сначала неправильно словомъ: *влеченіе*, а двѣ строки ниже правильно словомъ: *стремленіе*; но, найдя правильный переводъ, переводчикъ не потрудился измѣнить неправильный. Слова: „l'apparition des *émotions* primitives" переведены (стр. 10): „Появленіе первоначальныхъ *ощущеній*". Какъ видите, психологическая терминологія переводчика представляетъ изъ себя первобытный хаосъ. А вотъ опять примѣръ знанія языка. Рибо ссылается на книгу Клода Бернара, причемъ называетъ эту книгу „très connu et déjà *ancien*" (она вышла въ 1876 году), по русски книга Кл. Бернара названа „устарѣлымъ" сочиненіемъ (стр. 11). У автора жизнь органическая „supporte" сознательную чувствительность, у переводчика (стр. 13) она „главенствуетъ" надъ нею. Du *vital* au psychique переведено: „отъ *физики* къ психикѣ".

Для характеристики образованности переводчика можно указать, что онъ, очевидно, не слыхалъ о химіотаксіи, иначе онъ не перевелъ бы sensibilité *chimiotaxique* словами чувствительность *химикотоксическая* (стр. 12). Не слышалъ онъ также и объ эпилептической аурѣ, которую онъ превратилъ (стр. 16) въ эпилептическую „ору". Наконецъ, имена самыхъ извѣстныхъ ученыхъ ужасно перевраны, напр., Ферворнъ названъ Веруорномъ.

Мы могли бы привести еще очень много подобныхъ же примѣровъ, но думаемъ, что и этихъ достаточно. Замѣтимъ только, что и здѣсь заглавіе книги переведено: „Психологія чувствъ" вмѣсто „Психологія чувствованій"; съ другой стороны, выраженіе vie affective переводчикъ постоянно передаетъ терминомъ „чувствованіе", что ведетъ къ недоразумѣніямъ.

Книги, поступившія въ редакцію.

Вл. А. Тихонова. Разбитые кумиры. Повѣсти и разсказы. СПб. 98. Ц. 1 р.

Н. Алексѣевъ. Среди бѣдъ. Историческій романъ, въ двухъ частяхъ. Изд. книгопрод. Д. А. Наумова СПб. 97. Ц. 1 р. 25 к.

Его-же. Преступный путь. Романъ въ трехъ частяхъ. Изд. книгопродавца Д. А. Наумова СПб. 97. Ц. 75 к.

Я. А. Харламовъ. Бой-баба. Повѣсть. Изд. книгопродавца Наумова. СПб. 98. Ц. 60 к.

Бѣлое золото. Повѣсть **Д. Н. Мамина-Сибиряка.** Библіотека «Дѣтскаго чтенія», М. 97. Ц. 50 к.

Сынъ оружейника. Повѣсть **Вильяма Стордарда.** Съ англійскаго А. Н. Рождественской. Библ. «Дѣтскаго чтенія». М. 97. Ц. 30 к.

Изъ пѣсенъ о трудѣ. Стихотворенія **И. А. Бѣлоусова.** Библ. «Дѣтскаго чтенія». М. 97. Ц. 25 к.

С. А. Андреевскій. Стихотворенія. Изд. 2-е. СПб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Викторъ Гюго. Отверженные. Романъ. Пер. съ франц. Изд. 2-е А. С. Суворина. СПб. 97. Ц. 3 р. 50 к. за два тома.

Викторъ Гюго. Гернани. Драма въ 5 дѣйствіяхъ (въ стихахъ) Пер. С. С. Татищева. Изд. А. С. Суворина («Дешевая библіотека») СПб. 97. Ц. 15. к.

Корнетъ Отлетаевъ. Повѣсть **кн. Г. Кугушева.** Изд. А. С. Суворина СПб. 97. Ц. 1 р.

Ив. Ивановичъ. Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Изд. А. И. Попова. Т. I—ый М. 98. Ц. 2 р.

кв. Горацій Флаккъ. Оды. Книга первая. Переводъ въ стихахъ съ примѣчаніями. П. Порфирова СПб.. 98. Ц. 50 к.

Макс. Леоновъ. Стихотворенія. Изд. второе, дополненное М. 98. Ц. 75 к.

Н. А. Лухманова. Изъ міра жизни и фантазіи. Новые разсказы. Изд. М. В. Попова. СПб. 98. Ц. 75 к.

В. М. Грибовскій (Гридень). Студенческіе разсказы. СПб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека Ф. Павленкова №№ 79, 80 (испанскія сказки **Ф. Кабальеро** и **А. Труэба**, пер. Н. В. Ватсонъ), 81, 82, (сказки **Перро**, Б. Д. Порозовской). СПб. 97. Ц. 15 к. за №.

Складка. Альманахъ. Року Божато 1897.—Спорудывъ К. А. Билыловськый. Въ пользу О—ва для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. (Чистая прибыль назначается на помощь малороссамъ переселенцамъ). СПб. 97.

Исторія новой русской литературы отъ Гоголя до нашихъ дней. Лекціи, читанныя въ Александровскомъ лицеѣ **Н. Котляревскимъ.** Вып. I. СПб. 97.

I. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ подъ ред. П. Вейнберга. Вып. XXII М. 97. Ц. по подпискѣ 7 р.

Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей. Біографическіе наброски **В. Д. Смирнова.** СПб, 97. Ц. 1 р.

Великій артистъ крестьянинъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Біограф. очеркъ **В. Е. Ермилова.** Библ. «Дѣтскаго Чтенія». М. 97. Ц. 25 к.

Г. С. Десятовъ. Къ біографіи Ѳ. М. Рѣшетникова. Изд. газеты «Волжскій Вѣстникъ». Казань 97. Ц. 5 к.

Ж. Ж. Руссо. Исповѣдь. Пер. Ѳ. Н. Устрялова Изд. А. С. Суворина. СПб. 98. Ц. 3 р.

Л. Волковъ. Адамъ Мицкевичъ и его произведенія. Критико-біографическій очеркъ. Варшава. 97.

Куно-Фишеръ. Философъ пессимизма. (характеристика Шопенгаура). «Новая Библ». № 4. Одесса. 97. Ц. 20 к.

Философія **Герберта Спенсера** въ сокращенномъ изложеніи **Говарда Коллинса.** Съ предисловіемъ Спенсера. Переводъ съ англ. П. В. Мокіевскаго. 2-е изд. Ф. Павленкова. СПб. 97. Ц. 2 р.

Путь къ счастью. Составилъ **Фридрихъ Кирхнеръ.** Переводъ съ нѣм. Изд. Ф. Павленкова. СПб. 97. Ц. 60 к.

Характеръ и нравственное воспитаніе. Составилъ **Фр. Кейра.** Переводъ съ франц. подъ редакціей Р. И. Сементковскаго. СПб. 97. Ц. 40 к.

О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки **Жюля Пейо.** Переводъ съ франц. М. А. Энгельгардта. Изданіе Ф. Павленкова. СПб. 97. Ц. 50 к.

Психологія чувствъ. **Т. Рибо.** Перев. съ франц. М. Гольдсмитъ. СПб. 98. Ц. 80 к.

М. М. Филипповъ. Философія дѣйствительности. Т. II. СПб. 97. Ц. полнаго сочиненія 7 руб.

Г. Зиммель. Проблемы философіи исторіи. Съ приложеніемъ статьи Бугле «Зиммель о наукѣ морали». Переводъ подъ ред. В. Н. Линда. Изд. магазина «Книжное Дѣло». М. 98. Ц. 60 к.

Алексѣй Ник. Острогорскій: Образованіе и воспитаніе. СПб. 97. Ц. 50 к.

Алексѣй Ник. Острогорскій. Педагогическія экскурсіи въ область литературы. Изданіе К. П. Тихомирова. М. 97. Ц. 1 р. 50 к.

Жизнь растеній. Соч. проф. **А. Кернеръ Ф. Марилаунъ.** Переводъ съ 2-го нѣм. изд. съ библіографич. указателемъ и оригинальными дополненіями А. Генкеля и В. Траншеля подъ ред. проф. И. П. Бородина Изд. Т—ва «Просвѣщеніе». Вып. І-ый Ц. по подпискѣ (30 вып.) 12 р. 89 к. Ц. отд. вып. 50 к.

Человѣкъ. Соч. проф. **І. Ранке.** Переводъ со 2-го нѣм. изд. д-ра медицины А. А. Синявскаго подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Вып. 1-ый. Изд. Т—ва «Просвѣщеніе». Ц. по подпискѣ (30 вып.) 12 р. Ц. отд. вып. 50 к.

Отто Фогель. Начальная ботаника. Пер. съ нѣмец. М. А. Петунниковой. Съ 216 рис. въ текстѣ. М. 98. Ц. 75 к.

Ф. Фэдо. Ботаникъ-любитель. Переводъ съ франц. Е. И. Шевыревой подъ редакціей и съ дополненіями В. Добровлянскаго. 200 рисунковъ въ текстѣ. Изд. Ф. Павленкова. СПб. 97. Ц. 1 р.

В. Лункевичъ. Среди животныхъ. Очерки изъ жизни животныхъ для дѣтей старшаго возраста. Съ 50 рис. въ текстѣ Тифлисъ 97. Ц. 50 к.

Антонъ Лампа. Силы природы и естественные законы. Переводъ съ нѣм. Э. Лесгафта. Ч. II. Съ 8 портретами. Изд. О. Н. Поповой («Образоват. Библ.» № 7). СПб. 98. Ц 50 к.

И. Сѣченовъ. Физіологическіе очерки. Ч. I. Съ 15 рис. Изд. О. Н. Поповой («Образов. Библ.» № 8) СПб. 98. Ц. 60 к.

Учебникъ физiологiи человѣка со включенiемъ гистологiи и микроскопической анатомiи и въ примѣненiи къ практической медицинѣ. Д-ра L. Landois. Переводъ съ 9-го нѣм. изд. подъ ред. и съ дополненiями проф. В. Я. Данилевскаго. Съ 375 рис. Изд. третье, В. В. Хавхина. Харьковъ 98. Ц. 8 р. 50 к.

Учебникъ зоологiи для студентовъ, приноровленный къ программѣ испытанiя въ Государственной физико-математической коммиссiи. **А. Брандта,** проф. Харьковскаго университета. Съ 524 рис. Харьковъ. 98. Ц. 2 р. 75 к.

Основы общей зоологiи. **К. Ѳ. Линдемана.** Съ 175 рис. Изд. А. Ф. Маркса. СПб. Ц. 1 р. 60 к.

Фритiофъ Нансенъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Путешествiе норвежской экспедицiи на кораблѣ «Фрамъ» къ сѣверному полюсу. Полный переводъ съ англiйскаго подъ ред. Н. Березина. Конецъ 1-ой и 2-ая часть. Изд. О. Н. Поповой. СПб. 97. Ц. за оба тома 4 р.

О. Треворъ-Бетти. Во льдахъ и снѣгахъ. (Путешествiе на островъ Колгуевъ). Переводъ съ англ. А. Филиппова. Изд. П. П. Сойкина («Полезная Библiотека») СПб. 97. Ц. 50 к.

Завоеванiе воздуха. (Очерки изъ исторiи воздухоплаванiя) **Гр. Ф—тъ.** Изд. П. П. Сойкина СПб. 97. Ц. 50 к.

Точный способъ опредѣленiя времени рубки срубленныхъ деревьевъ Составилъ **П. И. Рашевскiй.** Варшава. 97.

В. Н. Сатаровъ. Практическiй курсъ элементарной грамматики (для учениковъ народныхъ и церковно приходскихъ школъ). Изданiе К. Н. Тихомирова. М. 97. Ц. 15 к.

Отчетъ коммиссiи по организацiи домашняго чтенiя за 1896 г. и статистическiе матерiалы о ея дѣятельности за 1895 и 1896 г.г. М. 97. Ц. 30 к.

Отчетъ о дѣятельности Орловской городской публичной библiотеки за 1896 г. Вятка. 97.

Отчетъ совѣта общества попеченiя о начальномъ образованiи въ г. Омскѣ за 1896 годъ. Омскъ 97.

Взгляды Н. А. Милютина на учебное дѣло въ царствѣ польскомъ. Очерки **Людовика Страшевича.** Переводъ съ польскаго. СПб. 97.

Популярно юридическая библiотека, издаваемая Ф. Павленковымъ. № 4. Аренда и наемъ имуществъ. Составилъ **Я. В. Абрамовъ.** СПб. 97. Ц. 25 к.

Общепонятное законовѣдѣнiе. Научно-практическое пособiе. **Н. П. Друживина.** Библ. «Дѣтскаго Чтенiя». М. 98. Ц. 1 р.

В. Лексисъ. Производство и потребленiе драгоцѣнныхъ металловъ за послѣднее десятилѣтiе. Переводъ съ нѣмецкаго А. Гурьева. СПб. 97. Ц. 1 р.

Русскiе банки. Справочныя и статистическiя свѣдѣнiя о всѣхъ дѣйствующихъ въ Россiи кредитныхъ учрежденiяхъ. Составилъ **А. К. Голубевъ** (Годъ второй). Изд. Комитета съѣзда представителей банковъ коммерческаго кредита. СПб. 97.

Биржа и биржевыя сдѣлки. Д-ръ **М. Веберъ.** Переводъ съ нѣм. Изд. I. Юровскаго («Междунар. Библ.» № 49). СПб. 97. Ц. 15 к.

Внѣшняя торговля Россiи въ 1896 году. Предварительныя свѣдѣнiя Изд. Департамента таможенныхъ Сборовъ. СПб. 97.

Краткія свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи за 1896 г. Изд. Департ. Таможенныхъ Сборовъ. СПб. 97.

Луи Бертранъ. Общества взаимной помощи въ Бельгіи. Переводъ съ французскаго. Изд. О. Н. Поповой. СПб. 98. Ц. 60 к.

Къ вопросу о денежной реформѣ. (Соображенія сельскаго хозяина). Второе дополненное изд. **Г. Бутми.** Одесса. 97.

І. Янсенъ. Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ Реформаціи. Переводъ съ 16-го нѣм. изд. Изд. О. Н. Поповой. СПб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Жюссерантъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Переводъ съ французскаго. Изд. О. Н. Поповой. СПб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. Написалъ **Ш. Сеньобосъ.** Пер. съ франц. Часть вторая. СПб. 97. Ц. 2 р.

Шарль Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы Эволюція партій и политическихъ формъ. Пер. съ франц. подъ редакціей В. Поссе. Изданіе О. Н. Поповой. СПб. 98.

День царя Алексѣя Михайловича (Сцены изъ жизни Москвы XVII-го вѣка). **А. А. Кизеветтеръ.** Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе». М. 97. Ц. 10 к.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Пер. съ франц. подъ редакціей Э. Л. Радлова. Изданіе А. Ф. Пантелѣева. Вып. I. Съ 36 политипажами. СПб. 97.

С. Пэнъ. Первый всемірный конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ. Изданіе книжнаго магазина Я. Х. Шермана. Одесса 97. Ц. 35 к.

Бакинскіе нефтяные промыслы и заводы въ санитарно-врачебномъ отношеніи **Л. Бертенсона.** СПб. 97. Ц. 1 р.

К. Льдовъ. Вопіющее дѣло. М. 97. Ц. 30 к.

Н. А. Лухманова. Черты общественной жизни. Изд. М. В. Попова. СПб. 98. Ц. 1 р.

Д. А. Линевъ. (Далинъ). Вторая книга «Не сказокъ». СПб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Лучше поздно, чѣмъ никогда. (По поводу статей проф. Исаева о земледѣльцахъ изъ образованнаго класса). **Ив. Царевскаго.** Кутаисъ. 97. Ц. 10 к.

Указатель изданій министерства земл. и госуд. имущ. Составилъ **И. И. Мамонтовъ.** СПб. 97 г.

Французская критика.

(Письмо изъ Франціи).

Продолжая тревожно всматриваться въ проявленія все крѣпчающей реакціи среди французской буржуазіи, я нахожу ихъ не только въ политической, не только въ соціальной, но и въ чисто идейной области. Посмотрите хотя бы, чѣмъ стала литературная критика въ рукахъ преемниковъ Сентъ-Бева и Тэна. Я постараюсь, по мѣрѣ силъ и возможности, указать на основныя черты современной критики и нарисовать нѣсколько типовъ ея представителей. Конечно, и эту, повидимому, чисто литературную задачу я буду разсматривать съ единственной точки зрѣнія, которая симпатична мнѣ, а именно съ точки зрѣнія общественной. Предоставимъ полуторааршиннымъ непризнаннымъ геніямъ декадентства воспѣвать на разные лады высоту и величіе того процесса самоудовлетворенія, которому они предаются за письменнымъ столомъ во имя искусства для искусства и галиматьи для галиматьи. Насъ интересуетъ широкій міръ Божій; намъ дорога общественная атмосфера коллективныхъ радостей и горестей, въ которой всѣ мы плаваемъ и внѣ которой, отнюдь не становясь «сверхъ—человѣкомъ», какъ это угодно было утверждать одному изъ маніаковъ индивидуализма, мы на самомъ-то дѣлѣ превращаемся въ сугубую бестію. Ученый грекъ вѣрно замѣтилъ, что «политическое общежитіе» не нужно или «богу», или «звѣрю» *). Будемъ же всегда и во всемъ людьми, простыми, порядочными людьми, для которыхъ дорого счастіе людей-братьевъ, и о чемъ бы ни шла рѣчь, будемъ стоять на общественной точкѣ зрѣнія.

Посмотримъ сначала, къ какимъ выводамъ пришла критика въ лицѣ Сентъ-Бева и Тэна, чѣмъ стала она и какіе вопросы подняла подъ вліяніемъ тѣхъ двухъ замѣчательныхъ работниковъ мысли, у которыхъ сильное несходство литературныхъ типовъ не можетъ скрыть извѣстной общности направленія и пріемовъ оцѣнки.

Предшественникомъ и инниціаторомъ является Сентъ-Бевъ, какъ

---

*) Aristotelis politica, 1. 2: „Кто не можетъ принимать участіе въ общежитіи или не нуждается въ этомъ, довлѣя самъ себѣ, тотъ не членъ государства, а или звѣрь или богъ". Слѣдовало бы добавить, съ одной стороны, что и звѣри, кромѣ хищниковъ, слагаются въ общежитія, а съ другой, что самъ Олимпъ представляетъ лишь идеализированную греческую семью патріархальнаго періода.

признаетъ и самъ Тэнъ, приглашая лишь критику сдѣлать еще далѣе шагъ отъ того пункта, къ которому привелъ ее авторъ «Поръ-Ройяля» и «Понедѣльничныхъ бесѣдъ». Съ Сентъ-Бева я и начинаю. Въ чемъ лежала оригинальность этого удивительнаго критика? Въ жизненномъ и психологически-общественномъ характерѣ его разбора, который исключаетъ чисто-книжную и педантичную оцѣнку произведенія. Сама по себѣ эта точка зрѣнія не являлась новостью въ то время, когда Сентъ-Бевъ начиналъ дѣйствовать какъ критикъ. Уже Вильмэнъ, съ легкой руки претенціозной, но умной баронессы Сталь, развивалъ въ своихъ лекціяхъ конца 20-годовъ, что «литература есть выраженіе общества», и любилъ ставить авторовъ и ихъ труды въ зависимость отъ общихъ условій. Но у этого историка литературы, вслѣдствіе размашисто ораторскаго и поверхностнаго характера его критики, отдѣльныя личности и ихъ произведенія лишь размѣщались въ рамкахъ различныхъ общественныхъ направленій, а не соединялись органически съ этими широкими подраздѣленіями: формально *принадлежа* имъ, авторы на самомъ дѣлѣ затеривались въ нихъ, блуждая отъ одной перегородки къ другой.

Тутъ-то и явилась критика Сентъ-Бева съ новыми и очень важными пріемами, которые придали жизненность и блескъ отвлеченной мысли о связи между литературой и обществомъ. Я дамъ самому знаменитому критику выразить свое profession de foi, которое онъ развилъ въ 1862 г. по поводу одной книжки о Шатобріанѣ:

«У меня явилась мысль изложить разъ навсегда нѣкоторые изъ принциповъ и нѣкоторыя изъ привычекъ моего метода, которые руководятъ мною издавна при изученіи литературныхъ дѣятелей. Мнѣ часто приходилось слышать упреки современной критикѣ, а особенно моей, въ томъ, что у нея нѣтъ теоріи, что она носитъ историческій, чисто индивидуальный характеръ. Тѣ, которые наиболѣе благосклонно отнеслись ко мнѣ, выразились на мой счетъ, что я довольно хорошій судья, но судья, у котораго нѣтъ свода законовъ. И, однако, у меня есть свой методъ; и хотя онъ не существовалъ и не проявился раньше въ формѣ теоріи, онъ сложился все же путемъ самой практики, и долгій рядъ приложеній его къ частнымъ оцѣнкамъ лишь оправдалъ его справедливость въ моихъ глазахъ... Прежде всего очень полезно начинать сначала и, когда есть на лицо возможность, брать великаго или выдающагося писателя въ его родной странѣ, среди его расы. Еслибы можно было хорошо знать съ физіологической точки зрѣнія эту *расу* его отцовъ и предковъ, то этимъ проливался бы яркій свѣтъ на тайное и существенное свойство умовъ; но чаще всего этотъ глубокій корень остается скрытымъ въ темнотѣ и ускользаетъ отъ наблюденія. Можно, несомнѣнно, признать и раскрыть черты выдающагося человѣка, по крайней мѣрѣ отчасти, у его родныхъ, особенно у его матери, связанной съ нимъ самымъ вѣрнымъ и непосредственнымъ родствомъ; а также у его сестеръ, братьевъ, даже у дѣтей его. Здѣсь встрѣчаешь существенныя очертанія характера, которыя часто маскируются, слишкомъ сгущаясь и соединяясь въ одно, въ великой личности; основной фонъ находится у его кровныхъ родственниковъ въ болѣе обнаженномъ и простомъ видѣ: сама природа произвела этотъ ана-

лиэъ... Когда узнали, такимъ образомъ, насколько это возможно, происхожденіе, непосредственное и близкое родство выдающагося писателя, остается опредѣлить еще одинъ существенный пунктъ, вслѣдъ за элементомъ образованія и воспитанія: а именно первую *среду*, первую группу друзей и современниковъ, среди которой находился писатель въ тотъ *моментъ*, когда его талантъ проявился, принялъ опредѣленныя формы и возмужалъ. Талантъ, дѣйствительно, навсегда остается запечатлѣнъ этимъ вліяніемъ и, чтобы онъ ни дѣлалъ впослѣдствіи, слѣды того вліянія остаются навсегда.... Очень крупныя личности могутъ обойтись сами по себѣ безъ такой группы: онѣ составляютъ, въ свою очередь, центръ, и вокругъ нихъ собираются другіе. Но группа, ассоціація, союзъ и дѣятельный обмѣнъ идей, постоянное соревнованіе на глазахъ равныхъ и пэровъ, именно и даетъ талантливому человѣку возможность *проявиться вовнѣ*, въ полномъ развитіи и силѣ. Есть и такіе таланты, которые принадлежатъ къ нѣсколькимъ группамъ заразъ и не перестаютъ путешествовать среди этихъ послѣдовательныхъ обстановокъ, совершенствуясь, превращаясь или даже извращаясь. Въ этомъ случаѣ важно отмѣтить во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ и медленныхъ или быстрыхъ превращеніяхъ скрытую и постоянную пружину, прочный и основной стимулъ личности... Всякое произведеніе извѣстнаго *автора*, разсмотрѣнное такимъ образомъ и въ надлежащій *моментъ*, поставленное снова въ его естественную *среду* и окруженное всѣми обстоятельствами, среди которыхъ возникло, получаетъ тогда все свое значеніе, какъ историческое, такъ и литературное, является съ надлежащей степенью оригинальности, новизны или подражанія, и тутъ уже не рискуешь при оцѣнкѣ его изобрѣтать ложныя красоты и восхищаться невпопадъ, какъ это случается почти неизбѣжно, когда критикъ держится за чистую риторику.... Для того, чтобы какъ слѣдуетъ узнать даннаго человѣка, т. е. нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ безплотный духъ, вы никогда не будете располагать достаточно многочисленными способами и пріемами. Пока не поставишь относительно даннаго автора извѣстнаго ряда вопросовъ и не отвѣтишь на нихъ, хотя бы умственно и для самого себя, до тѣхъ поръ не можешь быть увѣренъ, что держишь его цѣликомъ, даже когда эти вопросы покажутся совершенно не относящимися къ характеру его писаній: что думалъ онъ о религіи? какое дѣйствіе производило на него зрѣлище природы? какъ онъ велъ себя по части женщины? а по части денегъ? богатъ онъ былъ или бѣденъ? какова была его діэта, его обыденная манера жить? Наконецъ, какой у него былъ порокъ или слабость? У каждаго человѣка есть своя. Ни одинъ изъ отвѣтовъ на эти вопросы не безразличенъ для сужденія объ авторѣ книги и о самой книгѣ, если только эта книга не есть голый трактатъ по геометріи, а въ особенности, если это есть литературное произведеніе, куда входитъ понемногу всего изъ автора» *).

Я позволю себѣ выдѣлить и процитировать изъ той же статьи слѣдующее очень важное мѣсто:

«Современемъ, какъ я полагаю, люди успѣютъ построить на болѣе широкихъ основаніяхъ науку моралиста; въ настоящее же время она находится на той точкѣ, на которой ботаника была до Жюссье, а сравнительная анатомія до Кювье, т. е., такъ сказать, въ анекдотическомъ состояніи. Что касается до насъ, мы пишемъ пока простыя монографіи, мы накопляемъ частныя наблюденія; но я уже улавливаю извѣстную общую связь, нѣкоторыя общія отношенія, и найдется умъ болѣе широкій, болѣе свѣт-

*) C.—A. Sainte-Beuve, *Nouveaux lundis*; Парижъ, 1884, 4-е изд., т. III, стр. 13—28, passim.

лый и сохраняющій тонкость въ обработкѣ деталей, который въ одно прекрасное утро откроетъ великія естественныя дѣленія, соотвѣтствующія цѣлымъ семьямъ родственныхъ умовъ (famles d'èsprits). Но даже и тогда, когда наука о различныхъ характерахъ умовъ будетъ организована, какъ мы можемъ представлять себѣ это издали, она все же останется столь деликатной и подвижной, что будетъ существовать лишь для тѣхъ, которые имѣютъ къ тому природное призваніе и талантъ наблюдателя: она всегда будетъ *искусствомъ*, требующимъ ловкаго артиста, подобно тому какъ медицина требуетъ спеціальнаго такта отъ занимающагося ею, и т. д.» *).

Если читатель потрудится внимательно прочесть только что приведенныя цитаты, онъ безъ труда пойметъ, какое новое содержаніе было внесено Сентъ-Бевомъ въ формальное положеніе о зависимости литературы отъ жизни. Теперь между каждымъ авторомъ и окружавшей его общественной средой выростали подъ мастерской рукой критика реальныя нити зависимости, прикрѣплявшія данную личность къ ближайшей обстановкѣ, а литературныя произведенія къ выроствшей ихъ почвѣ. «Раса», психическая организація автора, группа друзей и современниковъ, такое или иное воспитаніе, «моментъ» развитія таланта, «среда», которая служила полемъ дѣятельности писателя,—все это вмѣстѣ взятое несравненно ближе опредѣляло и литературнаго дѣятеля и литературныя произведенія, чѣмъ тѣ широкія перегородки, среди которыхъ, какъ я уже сказалъ, бродили и затерявались, хотя бы у Вильмэна, писатели, выражавшіе извѣстное общественное теченіе. И что всего болѣе привлекаетъ въ этой творческой работѣ критика, это умѣнье строить извѣстный типъ въ такой индивидуальности и особенности, которая даетъ намъ лишь сама жизнь. Сентъ-Бевъ скромно признавался, что онъ обрабатываетъ лишь частныя монографіи, и его порою упрекали, что дальше этихъ «біографій душъ» онъ не пошелъ. За то онъ избѣжалъ и тѣхъ обширныхъ, но искусственныхъ обобщеній въ области литературы, которыя вели къ искаженію дѣйствительныхъ характеровъ писателей и ихъ произведеній. Но возьмите его «Исторію Поръ-Ройяля». Развѣ она не является изображеніемъ всей идейной жизни XVII вѣка, а въ особенности той «семьи родственныхъ умовъ», которая отличалась въ тогдашней Франціи серьезнымъ отношеніемъ къ религіозному чувству? И развѣ съ другой стороны эта общая психологическая черта разсматриваемыхъ имъ личностей помѣшала Сентъ-Беву представить ея обособленіе и видоизмѣненіе у различныхъ живыхъ янсенистовъ: аббата Де-Гораннъ, Анжелики Арно, Николя, Лансело и т. д.

Чтобы понять силу и привлекательность критика Сентъ-Бева, надо обратить вниманіе на одну особенность его натуры. Это былъ дрянной характеръ: неустойчивый, поддающійся различнымъ вліяніямъ и болѣе сильнымъ личностямъ, онъ не могъ никогда

*) L. c., стр. 17.

быть послѣдовательнымъ въ своей жизни; ренегатство было, можно сказать, его естественнымъ призваніемъ. Но у этой дрянной натуры было развито тонкое пониманіе человѣческой психологіи и способность временно вдумываться и вчувствываться (sit venia verbo!) въ различныя стороны человѣческой дѣятельности. Присоедините къ этому страстную и облагораживающую любовь къ литературному труду, единственную пружину, которая отличалась прочностью и упругостью въ этомъ нетвердомъ и мелко-эгоистичномъ человѣкѣ. Вы поймете, почему Сентъ-Бевъ могъ дать такую превосходную галлерею типовъ, особенно же между современниками. Въ различные періоды своей жизни онъ былъ послѣдовательно то либераломъ, то романтикомъ-мистикомъ, то сенъ-симонистомъ, то поклонникомъ кальвинизма, то консерваторомъ и лакеемъ имперіи, то свободнымъ мыслителемъ. Въ каждый такой періодъ онъ находился подъ вліяніемъ сильныхъ людей, на точку зрѣнія которыхъ онъ временно становился, жилъ ихъ интимной жизнію ума и сердца, а потомъ отрывался отъ нихъ, измѣнялъ имъ, становился подъ другое знамя и начиналъ вращаться среди другихъ людей, съ объективнымъ любопытствомъ (если не мѣшала тому досада на прежнихъ товарищей) вглядываясь въ представителей оставленнаго имъ міровоззрѣнія. «Можно измѣнять убѣжденія, но нельзя измѣнить своего характера», писалъ онъ по поводу Ламеннэ, и, дѣйствительно, самъ онъ всю жизнь остался страстнымъ наблюдателемъ-психологомъ, для котораго пребываніе въ столь различныхъ группахъ и котеріяхъ послужило лишь наилучшимъ способомъ накопленія наблюденій и даже, какъ опять таки выражался самъ онъ, производствомъ «экспериментовъ» надъ человѣческой душой. Оттого рядъ вопросовъ, который онъ обращаетъ въ приведенной мною длинной цитатѣ къ тому или другому автору, изрядно припахиваетъ беззастѣнчивымъ залѣзаніемъ въ чужую душу и пріемами литературнаго сыска и шпіонства. Но когда онъ садился къ письменному столу, когда творческій энтузіазмъ критика неизмѣримо поднималъ его надъ обычной пошлостью его натуры, изъ подъ пера его выливались удивительныя вещи. Онъ начиналъ любить, такъ сказать, отцовской любовью анализируемые и возстановляемые имъ типы литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, и наслажденіе пониманіемъ, приближеніемъ къ психологической истинѣ порою такъ охватывало его, что онъ давалъ въ общемъ вѣрную и правдивую характеристику не только несимпатичныхъ ему людей, но даже своихъ личныхъ враговъ. *) Тонкость и правдивость

---

*) Я не говорю, разумѣется, о ехидномъ искаженіи личностей, когда дѣло доходило до борьбы съ ними. Тутъ Сентъ-Бевъ, не переставая быть талантливымъ, становился по истинѣ гадокъ, что съ нимъ случалось всякій разъ, когда, желая парировать рѣзкіе отзывы своихъ прежнихъ дру-

анализа, умѣнье поставить передъ читателемъ данную личность во весь ея ростъ, во всей ея индивидуальности и на надлежащій пьедесталъ окружающихъ условій, и составляютъ главнѣйшую заслугу Сентъ-Бева въ области критики. Тотъ тактъ, который, по его словамъ, нуженъ критику для обработки отдѣльныхъ характеристикъ, доходилъ у него до положительной геніальности.

Дальнѣйшее развитіе критики было дѣломъ Тэна, вліяніе котораго на современную французскую литературу дѣйствительно громадно. Разница умственной организаціи Сентъ-Бева и Тэна объясняетъ различіе ихъ пріемовъ, но, въ сущности, ихъ основная точка зрѣнія на предметъ одна и та же. У Сентъ-Бева она не такъ разработана, не такъ обоснована, ея контуры обозначены скорѣе фактически, чѣмъ теоретически, рядомъ тѣхъ жизненныхъ и изящныхъ портретовъ, галлерея которыхъ развертывается передъ нами въ литературно-историческихъ сочиненіяхъ автора «Поръ Рояля» и «Понедѣльничныхъ бесѣдъ». У Тэна эта точка зрѣнія принимаетъ систематическій характеръ, подраздѣлена на параграфы, расчленена на основныя положенія, блеститъ и рѣжетъ, какъ металлъ, но какъ металлъ же черезчуръ пряма и холодна. Лично я высоко ставлю Тэна и не одобряю того легкаго отношенія къ этому замѣчательному уму, которое обнаруживается у людей, оскорбленныхъ односторонними взглядами философа на ту или другую сторону общественной жизни. Но, высоко ставя Тэна, я не могу закрывать глаза на его крупные недостатки, составляющіе, если хотите, вогнутую сторону его выдающихся достоинствъ.. Тэнъ мнѣ напоминаетъ очень сложную и крайне сильную машину, которая употребляется, скажемъ, для рѣзьбы по металлу: неумолимо, механически точно страшныя острія этой машины вонзаются и распиливаютъ огромныя глыбы металла, вырѣзывая изъ нихъ куски безукоризненно правильной формы. Но положите подъ эту страшную машину, на это новое Прокрустово ложе, какой нибудь живой организмъ, десять, сто такихъ организмовъ: вы легко можете представить себѣ зрѣлище этой гигантской рѣзни, это кромсанье по живому, это вывертываніе рукъ и ногъ, это распиливаніе на геометрическіе куски неправильныхъ, но прелестныхъ въ своей неправильности формъ и явленій жизни... Въ Сентъ-Бевѣ мы имѣли передъ собой жреца эпикурейца эстетической правды; Тэнъ стоитъ передъ нами фанатикомъ логической истины. «Абстракція», написалъ онъ на фронтонѣ своего сильнаго этюда объ «умѣ и познаніи», и въ этомъ основномъ, по его мнѣнію, свойствѣ человѣческой натуры онъ, очевидно, выразилъ характеристичную черту своего ло-

---

зей о постоянномъ ренегатѣ, онъ старался утопить ихъ въ грязи сплетенъ, интимныхъ анекдотовъ, отзывовъ близкихъ, не предназначавшихся для печати, и т. д.

гическаго аппарата. Не обольщайтесь образнымъ, яркимъ, порою высоко-художественнымъ слогомъ Тэна: эта внѣшняя оболочка составляетъ лишь новую типичную особенность неумолимаго логика. Хотите продолжать мое сравненіе? Въ такомъ случаѣ представьте себѣ, что фанатикъ, управляющій безжалостной машиной, изрѣзавъ, искромсавъ прелестныя формы жизни, украшаетъ ихъ роскошными гирляндами и букетами яркихъ цвѣтовъ, придавая мертвымъ обрѣзкамъ иллюзію и призрачную свѣжесть дѣйствительности.

Въ области литературной исторіи и критики Тэнъ считаетъ себя однимъ изъ учениковъ Сентъ-Бева. Такъ, указавъ въ предисловіи къ «Исторіи англійской литературы» на то, какой богатый источникъ для психологіи живыхъ людей находится въ изученіи мертвыхъ документовъ, Тэнъ восторженно отзывается о мастерскомъ возсозданіи въ «Поръ-Рояле» Сентъ-Бева религіозныхъ дѣятелей XVII вѣка и заключаетъ:

«Таковъ этотъ второй шагъ, который въ настоящее время мы завершаемъ. Онъ представляетъ собой исключительно результатъ современной критики. Никто не превзошелъ здѣсь правдивостью и величіемъ нашего Сентъ-Бёва; въ этомъ отношеніи мы всѣ его ученики; его методъ преобразуетъ теперь въ книгахъ и даже въ газетахъ всю литературную, философскую и религіозную критику. Мы дожны отправляться отъ этого метода, чтобы начать дальнѣйшую эволюцію критики. Я уже пробовалъ нѣсколько разъ указать на эту эволюцію; тутъ открывается, по моему мнѣнію, новый путь для исторіи, и я постараюсь описать его въ подробностяхъ» *).

Но даже и въ этомъ дальнѣйшемъ шагѣ вліяніе Сентъ-Бева на Тэна сказывается очень ощутительно: самые элементы объясненія литературныхъ дѣятелей и ихъ произведеній взяты у Сентъ-Бева; Тэнъ лишь рѣзче формулируетъ ихъ и придаетъ имъ болѣе научный, но и болѣе педантичный характеръ. Такъ мы видѣли, что тонкій біографъ обращаетъ вниманіе при оцѣнкѣ писателя на «расу», которая снабжала первоначальнымъ матеріаломъ психику писателя, на «среду» современниковъ и друзей, которая оттискивала неизгладимый отпечатокъ на свѣжемъ еще талантѣ, на «моментъ», который придавалъ особую форму и направленіе литературному дѣятелю. Разверните теперь уже упомянутое введеніе Тэна къ «Исторіи англійской литературы», и вы наткнетесь на слѣдующія формулы:

«Три различные источника производятъ совмѣстно это элементарное нравственное состояніе (націи и литературнаго дѣятеля, Н. К.): *раса среда и моментъ*. То, что называютъ *расой*, представляетъ тѣ врожденныя и унаслѣдованныя предрасположенія, которыя человѣкъ приноситъ съ собой на свѣтъ, и которыя обыкновенно соединяются съ опредѣленными

---

*) H. Taine, *Histoire de la littérature anglaise*; Парижъ, 1895, 9-е изд. т. I, стр. XIV—XV.

различіями въ темпераментѣ и структурѣ тѣла. Онѣ измѣняются смотря по народностямъ... Когда констатировали такимъ образомъ внутреннюю структуру расы, слѣдуетъ разсмотрѣть *среду*, въ которой она живетъ, ибо человѣкъ не одинъ въ мірѣ; его охватываетъ природа, его окружаютъ другіе люди; на первоначальную и постоянную складку характера налагаются случайныя и второстепенныя складки, и физическія или соціальныя условія дополняютъ или же, наоборотъ, разстраиваютъ природный элементъ, который подвергается ихъ вліянію... Но есть еще и третій классъ причинъ; ибо, наряду съ внутренними и внѣшними силами (читай: расой и средой. Н. К.), существуетъ уже произведенное ими совмѣстно дѣло, и само это дѣло способствуетъ выработкѣ послѣдующихъ результатовъ: сверхъ постояннаго импульса и данной среды, имѣется еще на лицо пріобрѣтенная скорость. Когда національный характеръ и окружающія условія производятъ свое дѣйствіе, они производятъ его не надъ голой доской, но надъ доской, носящей уже слѣды отпечатковъ. Смотря потому, въ какой *моментъ* берешь доску, и отпечатокъ получается различный; и этого уже достаточно, чтобы и окончательный результатъ получился совершенно другой» *).

Вотъ, откуда идетъ пресловутая теорія трехъ «основныхъ силъ» въ исторіи, которая у учениковъ Тэна сдѣлалась положительно педантическимъ символомъ вѣры, напоминающимъ теорію «трехъ единствъ» у Аристотеля. Тэнъ взялъ ее у Сентъ-Бева, но по своему переработалъ ее, и то, что у критика-біографа представляло, такъ сказать, легкій и граціозный рисунокъ, превратилось, подъ твердой рукой критика-философа, въ жесткую и отчетливую гравюру, глубоко вырѣзанную на стали. Въ смыслѣ опредѣленности и ясности формулировки это было, если хотите, шагомъ впередъ; въ смыслѣ внутренней правдивости и жизненности, это было отступленіемъ. Дѣйствительно, Тэнъ—типъ страстнаго искателя формулы, неумолимаго логика: разъ какая нибудь идея возникла въ его головѣ, онъ немедленно абстрагировалъ ее отъ сопровождающихъ, поясняющихъ и оправдывающихъ представленій и выводилъ изъ нея цѣпь прочно связанныхъ слѣдствій, которыя, именно въ силу своей абстрактности, чѣмъ дальше отодвигались отъ первоначальнаго логическаго звена, тѣмъ больше удалялись и отъ дѣйствительности. Прибавьте къ этому, что даже личныя симпатіи и антипатіи мыслителя, его аффективные предразсудки (а такихъ у него было немало) принимали въ его логической головѣ форму научныхъ незыблемыхъ истинъ; и если ему попадался по дорогѣ неподходящій къ его теоріи фактъ, онъ расправлялся съ нимъ далеко не нѣжно, укорачивалъ, растягивалъ, а порою и просто закалывалъ на алтарѣ формулы.

Наружные пріемы Тэна часто очень обманчивы. Его ученики любятъ восторгаться его «индуктивнымъ способомъ изученія», добросовѣстнымъ накопленіемъ фактовъ и документовъ, его великой любовью къ истинѣ. На самомъ же дѣлѣ, сама эта любовь къ истинѣ проявлялась въ чистой формѣ лишь тогда, когда изу-

*) Histoire de la littérature anglaise, т. I, стр. XXIII—XXX, passim.

ченіе данной группы явленій не приводило Тэна къ результатамъ, которые противорѣчили заранѣе поставленной имъ формулѣ или же затрогивали его соціальные предразсудки. Ибо Тэнъ былъ всю свою жизнь именно аналитикомъ, а не синтетикомъ: два-три факта наводили его на извѣстную мысль, и дѣло было кончено; эта мысль изъ предварительной гипотезы превращалась въ окончательную формулу, и нашъ страстный ученый могъ накоплять горы документовъ: изъ нихъ онъ бралъ только то, что ему было нужно. Логическое и, повторяю, чисто аналитическое развитіе мысли влекло его по заранѣе намѣченному пути, и онъ, загипнотизированный страстью къ формулѣ, не замѣчалъ и не хотѣлъ замѣчать противорѣчащихъ его гипотезѣ фактовъ. Собственно говоря, онъ могъ бы при этомъ обойтись и совсѣмъ безъ фактовъ, которые у него всегда лишь иллюстрировали положеніе, но никогда не доказывали его. Его копленіе документовъ было, въ сущности, научной роскошью, и количество собранныхъ данныхъ никогда не является у Тэна достаточной гарантіей объективнаго изученія, а скорѣе, напротивъ, признакомъ страстнаго желанія односторонне представить дѣло въ угоду заранѣе построенной логической формулѣ.

Мнѣ пришлось слышать отъ хорошо знавшаго Тэна пріятеля, извѣстнаго живописца Геннера (Henner), прелестный психологическій анекдотъ, раскрывающій эту особенность страстнаго логика. Всѣ мы восторгались въ свое время «Путешествіемъ по Италіи» Тэна. Знаете, какъ имъ былъ составленъ первый томъ этой работы (Римъ и Неаполь)? Тэнъ пріѣхалъ въ Италію, по обыкновенію, прочитавъ и продумавъ все, что могло относиться къ интересовавшимъ его сторонамъ вопроса, и заранѣе составивъ себѣ извѣстное представленіе и о характерѣ, архитектурѣ, живописи «вѣчнаго города». Какъ на грѣхъ во все время его пребыванія въ Римѣ шелъ нестерпимо упорный дождь. Тэнъ въ теченіе недѣли сдѣлалъ всего двѣ прогулки по городу; за то просидѣлъ у себя въ номерѣ гостинницы и въ сосѣднемъ ресторанѣ съ живописцами и скульпторами, посылавшимися французскимъ правительствомъ въ Италію для усовершенствованія: вынувъ записную книжку съ заранѣе поставленными вопросами, онъ, словно судебный слѣдователь, неумолимо требовалъ отъ своихъ собесѣдниковъ подробныхъ отвѣтовъ и постоянно призывалъ отклонявшихся къ «дѣлу». Въ результатѣ получилось описаніе Рима, и тѣмъ хуже, если дѣйствительность была односторонне отражена въ записной книжкѣ Тэна, послужившей, впрочемъ, основаніемъ блестящему изображенію Италіи.

Но оставимъ въ сторонѣ анекдотъ и посмотримъ на факты, представляемые самыми сочиненіями Тэна. Какъ вамъ нравится, напримѣръ, слѣдующій «индуктивный методъ изученія» предмета? Дѣло все идетъ объ «Исторіи англійской литературы». Казалось

бы, что сама книжка должна доставлять во всѣхъ своихъ частяхъ подтвержденіе основныхъ мыслей, развитыхъ въ предисловіи: обыкновенно введенія даже и пишутся послѣ, какъ результатъ изученія авторомъ извѣстнаго круга вопросовъ. И что же, тотъ самый страстный логикъ, который построилъ въ предисловіи систему «трехъ основныхъ силъ», причемъ подчеркнулъ даже особенное значеніе «расы» *), забылъ въ самомъ началѣ своего труда—не говорю изучить,—но даже просто упомянуть ни много ни мало, какъ... о вліяніи кельтической расы, которая именно является на порогѣ англійской исторіи и создала такія замѣчательныя произведенія, какъ циклъ Коншобара, Оссіана, короля Артура **). Англійскіе критики, дѣйствительно, поражены этимъ колоссальнымъ пробѣломъ тэновской литературы, да и есть чему удивляться, ибо одно изъ двухъ: или формула расы, среды и момента построена изъ фактовъ и индуктивнымъ путемъ; тогда непонятно, какъ одинъ изъ первоначальныхъ характеровъ расы, одинъ изъ типичнѣйшихъ «фактовъ» литературы совершенно оставленъ въ сторонѣ; или же эта формула является заостреніемъ и подчеркиваніемъ соображеній Сентъ-Бева о зависимости писателя отъ физіологическихъ, природныхъ и соціальныхъ условій, и тогда не говорите намъ объ индуктивномъ характерѣ работъ Тэна. Вопросъ этотъ не оставляетъ, впрочемъ, сомнѣнія въ хронологическомъ смыслѣ. Знаменитая «троица» Тэна впервые развита въ первомъ томѣ англійской литературы, вышедшемъ въ 1864 г.; въ его прелестномъ и наименѣе загроможденномъ формулами, появившемся въ 1853 г., этюдѣ о Лафонтенѣ, упоминается лишь о «галльскомъ духѣ» (раса) и ландшафтахъ Шампани (природа), которые опредѣляли характеръ поэта и его произведеній ***). Но въ промежуткѣ появилась какъ разъ цитированная мною статья Сентъ-Бева, въ которой говорится о расѣ, средѣ и моментѣ, и которая, очевидно, вдохновила Тэна и побудила его придать научный видъ практическимъ требованіямъ, поставленнымъ критикѣ Сентъ-Бевомъ.

Относительно соціальныхъ предразсудковъ Тэна, мѣшавшихъ ему, этому страстному логику, оставаться послѣдовательнымъ въ своихъ воззрѣніяхъ, можно было бы сказать очень много: недостатка

---

*) См. l. c., стр. XXIII—XXV: Въ природѣ существуютъ разновидности людей, какъ существуютъ разновидности быковъ и лошадей... Въ этомъ заключается такая особая сила, что, не смотря на огромныя отклоненія, причиняемыя ей двумя другими факторами, ее всетаки узнаешь... это почти несокрушимая сила первоначальныхъ чертъ характера...

**) См. о роли кельтовъ въ хорошей книгѣ J. J. Jusserand, *Histoire littéraire du peuple anglais*; Парижъ, 1894, стр. 7—8, что не мѣшаетъ Жюссерану сдѣлать принятый у французовъ комплиментъ «учителю» (см. стр. II—III).

***) H. Taine, La Fontaine et ses fables; Парижъ, стр. 1—8 тринадцатаго изд. 1895.

въ матеріалахъ и по этому предмету нѣтъ, и фактовъ несправедливаго аффективнаго отношенія Тэна къ людямъ и вещамъ имѣется достаточно. Укажу наиболѣе разительный образчикъ. Тэнъ крайне гордился тѣмъ, что, подобно искусному механику, умѣлъ раскрыть основную пружину дѣятелей первой революціи и конструировать игру этихъ живыхъ манекеновъ: ему и книги въ руки. Какъ же характеризуетъ онъ наиболѣе яркихъ представителей этого огромнаго движенія? Я говорю о якобинцахъ, о «типѣ якобинца». Слушайте:

«Необыкновенные контрасты соединились вмѣстѣ, чтобы образовать его: это сумасшедшій, у котораго есть логика, и чудовище, которое воображаетъ, что у него есть совѣсть. Преслѣдуемый маніею своего догмата и своей гордости, онъ страдаетъ двумя болѣзнями: болѣзнію ума и болѣзнію сердца: онъ потерялъ здравый смыслъ и извратилъ въ себѣ нравственное чувство. Постоянно созерцая абстрактныя формулы, онъ кончилъ тѣмъ, что перестал видѣть живыхъ людей; постоянно восторгаясь самимъ собой онъ кончилъ тѣмъ, что перестал различать въ своихъ врагахъ и даже простыхъ соперникахъ кого-либо, кромѣ злодѣевъ, достойныхъ казни. На этой наклонной плоскости ничто не можетъ остановить его; ибо, опредѣляя вещи какъ разъ обратно ихъ дѣйствительному значенію, онъ совершенно испортилъ въ себѣ тѣ драгоцѣнныя качества, которыя приводятъ насъ къ истинѣ и справедливости. Никакой проблескъ свѣта не можетъ достигнуть глазъ, принимающихъ свою слѣпоту за проницательность; никакое угрызеніе совѣсти не можетъ коснуться души, возводящей свое варварство на степень патріотизма и превращающей самое злодѣяніе въ долгъ» *).

Вотъ къ какимъ выводамъ пришелъ страстный искатель логической истины, «великій своей добросовѣстностью» (le grand consciencieux, какъ нѣсколько непереводимо называетъ его Поль Бурже въ предисловіи къ печатающемуся теперь роману Золя «Парижъ»). Теперь позвольте сопоставить съ этой психологической формулой якобинца другую формулу того же самаго типа, написанную опять таки Тэномъ, и вотъ по какому поводу. Карлейль, какъ извѣстно, съ грязью смѣшалъ французскую революцію и изображалъ ея дѣятелей положительными исчадіями ада. И вотъ Тэнъ въ дополнительномъ томѣ къ исторіи англійской литературы, трактующемъ о современныхъ представителяхъ этой литературы, а въ томъ числѣ о Карлейлѣ, хочетъ сдѣлать существенную поправку къ этому одностороннему мнѣнію. Итакъ, вниманіе, читатель:

«Но поставьте же рядомъ со зломъ и добро, отмѣтьте же наряду съ пороками и добродѣтели! Эти скептики вѣрили въ доказанную разумомъ истину и не хотѣли никакой иной руководительницы. Эти логики основывали общество исключительно на справедливости и были готовы рисковать скорѣе своею жизнію, чѣмъ отказаться отъ разъ установленной теоремы. Эти эпикурейцы охватывали своими симпатіями все человѣче-

*) Les origines de la France contemporaine т. III (La conquête jacobine); Парижъ, 1881, стр. 32.

ство. Эти бѣшеные люди, эти простые рабочіе, эти Жаки, голодные, раздѣтые, сражались на границѣ во имя общечеловѣческихъ интересовъ и отвлеченныхъ принциповъ. Благородство и энтузіазмъ проявлялись въ изобиліи и у насъ во Франціи, какъ у васъ въ Англіи: признайте же ихъ, хотя форма, въ которую они облекались здѣсь, и не ваша. Наши дѣятели революціи посвятили себя абстрактной истинѣ, какъ ваши пуритане истинѣ теологической; они слѣдовали указаніямъ философіи, какъ ваши пуритане предписаніямъ религіи; они ставили своею цѣлью спасеніе всего человѣчества, какъ ваши пуритане свое личное спасеніе. Они боролись со зломъ въ обществѣ, какъ ваши пуритане боролись со зломъ въ душѣ. Они были настолько же благородны и великодушны, насколько ваши пуритане добродѣтельны. Подобно послѣднимъ, они отличались героизмомъ, но героизмомъ симпатичнымъ, героизмомъ общественнымъ, готовымъ къ пропагандѣ, который преобразовалъ всю Европу, тогда какъ вашъ героизмъ служилъ только вамъ самимъ» *).

Можно ли найти двѣ болѣе противорѣчивыя формулы у того же самаго писателя? Каждая фраза одной покрывается и взаимно уничтожается каждой фразой другой, и въ результатѣ этой оригинальной алгебраической суммировки величинъ съ противоположными знаками получается лишь одно положительное указаніе: дѣятели великой революціи питали слабость къ абстракціи, т. е. какъ разъ къ тому самому свѣтилу, которое такъ ярко прокидывается въ умственномъ аппаратѣ Тэна. Спрашивается, когда же «индуктивное изученіе явленій» сыграло злую штуку надъ нашимъ философомъ: тогда ли, когда онъ упрекалъ Карлейля въ непониманіи французскихъ условій, или тогда, когда самъ писалъ точь въ точь какъ Карлейль? И еслибы мы захотѣли приложить къ этой метаморфозѣ воззрѣній Тэна на такое крупное явленіе, какъ революція 1789 г., любимую имъ теорію трехъ основныхъ силъ, то мы отбросили бы въ данномъ случаѣ «расу» писателя и остановились бы на «средѣ» и «моментѣ». Дѣйствительно, въ промежуткѣ между написаніемъ «Исторіи англійской литературы» и изученіемъ «Основъ современной Франціи» произошли замѣтныя измѣненія въ личной жизни Тэна и общественномъ строѣ его отечества. Изъ бѣднаго искателя истины Тэнъ превратился въ богатаго человѣка, женившись на дочери милліонера-архитектора Денуэлля, которая принесла ему въ приданое великолѣпный отель съ такими монументальными залами и скульптурой по дереву, что не дальше какъ нынѣшнимъ лѣтомъ одинъ изъ фигаристовъ, вспоминая этотъ отель, только языкомъ прищелкнулъ отъ удовольствія и растекся въ сладостномъ описаніи нѣкой передней въ готическомъ стилѣ. Такова была личная новая «среда» Тэна. Что касается до общественнаго «момента», то за это время Франція подверглась разгрому... Вотъ разгадка тезы и антитезы, выставленныхъ Тэномъ на протяженіи 16 лѣтъ, и я мысленно вижу, какіе новые штрихи, и коварные и благосклонные вмѣстѣ, Сентъ-Бевъ

*) Histoire de la littérature anglaise; Парижъ, 1897, дополнительный (V) томъ 10 изд., стр. 321—322.

прибавилъ бы къ литературному портрету того аскета и ригориста, которымъ онъ представилъ Тэна въ началѣ шестидесятыхъ годовъ *).

Но я не хотѣлъ бы оставить читателя подъ неблагопріятнымъ впечатлѣніемъ противорѣчивыхъ взглядовъ Тэна. Его многотомная экскурсія въ область политической исторіи въ общемъ можетъ считаться однимъ изъ крупнѣйшихъ промаховъ этого сильнаго ума. Но въ той сферѣ, которая занимаетъ насъ здѣсь, а именно по отношенію къ критикѣ и исторіи литературы, мысли Тэна, не смотря на свою излишнюю односторонность, положительно замѣчательны для своего времени. Сколько интересныхъ сближеній срывается тутъ изъ подъ пера Тэна, какая недюжинная энергія ума и какой великолѣпный литературный талантъ сверкаютъ на каждой страницѣ его исторіи англійской литературы, гдѣ онъ дѣлаетъ конкретныя примѣненія своей общей теоріи, истолковывающей реальными условіями почвы воздушные цвѣты поэзіи. Можно считать его взгляды на значеніе «расы» крайне преувеличенными **); можно находить нѣкоторое преувеличеніе даже въ его понятіи о «средѣ», которая зачастую слагается у него въ гораздо большей степени изъ природныхъ, чѣмъ изъ соціальныхъ условій; можно, наконецъ, придавать главное значеніе «моменту», разумѣя подъ этимъ терминомъ игру историческихъ силъ въ данномъ обществѣ, вѣчно мѣняющихъ его форму, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и быстрѣе. Но кто не согласится съ важностью общей точки зрѣнія Тэна, которая, отбрасывая безплодную эстетическую критику,—прикладывающую свой схоластическій аршинъ къ различнымъ авторамъ и властно объявляющую «лобъ» или «затылокъ»,—замѣняетъ эту критику критикой общественной, объясненіемъ продуктовъ искусства изъ элементовъ самой жизни. Кто лучше Тэна обработалъ на континентѣ Европы періодъ Возрожденія въ Англіи, а особенно Спенсера, влюбленнаго въ «идеальную красоту» поэзіи? Кто живѣе его изобразилъ блестящую плеяду драматурговъ XVI-го вѣка, современниковъ и соперниковъ Шекспира, и кто остроумнѣе его построилъ эту грандіозную фигуру изъ основной черты ея генія: «воображенія или чистой страсти»? Кто глубже проникъ въ поэтическую логику и величественный энтузіазмъ Мильтона? А загляните въ четвертый томъ и остановитесь хотя бы на характеристикѣ Байрона или развер-

---

*) См. Sainte-Beuve, Nouveaux lundis; т. VIII, стр. 66—137 четвертаго изд. (Парижъ, 1885).

**) Теорія «устойчивыхъ» расъ, не говоря уже о чистыхъ, все болѣе и болѣе расшатывается подъ ударами современной антропологіи. Даже спеціалисты-критики, признающіе вообще большія заслуги за Тэномъ, вводятъ сильныя ограниченія въ этомъ пунктѣ. Ср. интересную книжку Emile Hennequin La critique scientifique, Парижъ 1888 г., особенно стр. 96 и слѣд.

ните дополнительный томъ, посвященный «современникамъ», и найдите тамъ анализъ сложной фигуры Карлейля: думаю, что одинъ изъ такихъ этюдовъ могъ бы уже составить литературную репутацію автора.

Возьмите, наконецъ, его лекціи о «философіи искусства», въ которыхъ онъ, можетъ быть, порою черезчуръ пригоняетъ анализируемыя имъ произведенія изящныхъ искусствъ къ «тремъ основнымъ силамъ» формулы. Развѣ, не смотря на эти увлеченія логика, вы не подивитесь таланту, съ какимъ Тэнъ опредѣляетъ хотя бы условія живучести извѣстнаго художественнаго созданія въ зависимости отъ общей атмосферы эпохи или ея «нравственной температуры»? *) А его блестящее изображеніе «момента» въ части труда, посвященной скульптурѣ у древнихъ грековъ? Можно ли ярче выяснить путемъ контрастовъ особенности античнаго и христіанскаго міровоззрѣнія, сказывающіяся во взглядахъ на жизнь, смерть и загробное существованіе?...**)

Подведемъ же итоги тому, что дала критика Сентъ-Бева и Тэна: это послужитъ лучшимъ введеніемъ ко второй половинѣ настоящаго этюда, которую я посвящу современной критикѣ. Подъ перомъ тѣхъ двухъ замѣчательныхъ авторовъ чисто эстетическая оцѣнка уступила мѣсто психологическому истолкованію литературныхъ произведеній и объясненію ихъ значенія изъ общественныхъ условій. Безапелляціонный судъ надъ писателемъ и книгой во имя «вѣчныхъ принциповъ» эстетики, столь любезныхъ сердцу какого нибудь Низара, замѣнился стремленіемъ вдуматься въ автора и прочувствовать его въ спеціальной исторической обстановкѣ, которая опредѣляла элементы его творчества и давала— какъ бы это сказать? — характерный тембръ его поэтическому голосу. Холодная классификація литературныхъ дѣятелей, размѣщавшая ихъ въ извѣстной іерархіи согласно ихъ большему или меньшему приближенію къ идеалу догматическаго критика, эта классификація была отодвинута на задній планъ непосредственнымъ эстетическимъ наслажденіемъ, получаемымъ отъ того или другого автора при одномъ, впрочемъ, условіи: отрѣшеніи отъ узкихъ вкусовъ даннаго времени или данной среды и проникновеніемъ въ чуждую атмосферу другой эпохи или иной среды. И въ этомъ отношеніи умѣлыя цитаты изъ авторовъ, которыя такъ кстати давалъ Сентъ-Бевъ, и блестящіе переводы, которыми изобилуетъ исторія англійской литературы Тэна, принесли громадную пользу: они пріучали читателя къ непосредственному, свѣжему знакомству съ книгой, минуя назойливое присутствіе догматическаго критика съ мѣриломъ изящнаго въ рукахъ и властнымъ

*) См. въ его главѣ De la production de l'oeuvre d'art стр. 67—70 перваго тома Philosophie de l'art: Парижъ, 1895, 7 изд.

**) См. стр. 169—176 второго тома той же Philosophie de l'art.

приговоромъ на устахъ. Таковы были главнѣйшія пріобрѣтенія, сдѣланныя критикой, благодаря литературной дѣятельности Сентъ-Бева и Тэна. Какъ же расправились съ наслѣдствомъ ихъ преемники? Это мы сейчасъ увидимъ.

Приглядываясь къ современой критикѣ въ лицѣ ея главныхъ представителей, мы можемъ легко различить въ ней два направленія: догматическое и импрессіонистское *). Я говорю, конечно, о преобладающихъ теченіяхъ: есть критики, которые не укладываются вполнѣ точно въ эти рубрики, но и въ нихъ можно отыскать идейную близость съ тѣмъ или другимъ направленіемъ. Если вдумываешься въ основныя черты упомянутыхъ двухъ типовъ критики, то ихъ отношеніе къ общественно-психологической и общественно-философской критикѣ Сентъ-Бева и Тэна представляется фигурально въ видѣ двухъ линій, которыя удаляются отъ центральной точки въ двѣ совершенно противоположныя стороны. Что составляетъ суть современнаго догматизма? Возвращеніе къ прежней критикѣ, оцѣнивающей произведенія на основаніи извѣстнаго традиціоннаго кодекса эстетики. А въ чемъ выражается современный импрессіонизмъ? Въ оцѣнкѣ произведенія во имя личныхъ вкусовъ и мимолетныхъ впечатлѣній, проходящихъ по душѣ критика въ тотъ моментъ, когда онъ анализируетъ данную вещь. Возьмите съ одной стороны Брюнетьера, который пресерьезно прикладываетъ къ литературнымъ произведеніямъ неизмѣнный масштабъ «родовъ» и измѣряетъ ростъ книги въ футахъ и линіяхъ сообразно съ тѣмъ, принадлежитъ ли она къ высокому, среднему или низкому «роду»; вспомните его упражненія въ оцѣнкѣ «Королей въ изгнаніи» Альфонса Додэ, выше которыхъ онъ ставитъ «Жиль Блаза», надъ которымъ, въ свою очередь, возвышаются въ его литературномъ пантеонѣ трагедіи XVII вѣка. А съ другой стороны возьмите наслаждающагося переливами своихъ ощущеній Леметра, который не безъ самодовольнаго кокетства закончилъ одну изъ своихъ критикъ монументальной фразой: «можетъ быть, я долженъ былъ бы совершенно иначе оцѣнить только что разобранную книгу... Но это будетъ въ слѣдующій разъ».

Присмотритесь, однако, къ обѣимъ формамъ критики: не смотря на свое крайнее несходство, и та и другая представляютъ собой реакцію — въ противоположныя стороны отъ общественной реальной критики Сентъ-Бева и Тэна. И реакція эта въ обоихъ случаяхъ знаменуетъ торжество личнаго начала, абстрагирующаго человѣка отъ условій среды и момента. По отношенію къ импрессіонистамъ это не требуетъ дальнѣйшаго объясненія: ихъ критика носится какъ саврасъ безъ узды или, выражаясь болѣе по-

---

*) Ср. G. Pellissier, Dogmatisme et impressionisme, Revue bleu, № отъ 16 октября 1897 г. (стр. 486—492).

этически, какъ дикая зебра по полямъ словесности, срывая по произволу одинъ цвѣтъ, фыркая на другой и услаждаясь прихотливымъ топотомъ своихъ рѣзвыхъ ногъ.

Но и почтенный г. Брюнетьеръ, не смотря на кажущуюся объективность своихъ оцѣнокъ, служитъ столь ненавистному ему въ другихъ личному элементу. У него, какъ увидимъ ниже, есть эстетическій идеалъ, окристализовавшійся въ XVII вѣкѣ: и вотъ, вырывая всякаго писателя и всякое произведеніе изъ породившей и выростившей ихъ обстановки, онъ судитъ ихъ на основаніи этого идеала, выборъ котораго, въ сущности, такъ же случаенъ, какъ капризы импрессіониста.

Читатель лучше схватитъ это на конкретныхъ примѣрахъ. Я характеризую здѣсь съ одной стороны Брюнетьера, какъ представителя догматической критики, и Фаге, какъ родственнаго ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ума; а съ другой, Жюля Леметра и Анатоля Франса, какъ наилучшихъ выразителей импрессіонизма.

Начиная, какъ и полагается, съ г. Брюнетьера, этого грознаго Юпитера критическаго Олимпа, я долженъ откровенно признаться читателю, что отказываюсь видѣть въ академикѣ и главномъ редакторѣ «Revue des deux Mondes» того законченнаго и завзятаго реакціонера, какимъ его рисуютъ неоперившіеся геніи декадентства. Что у него есть большая доза педантизма, и что его душа лежитъ къ нѣкоторымъ формамъ идейной реакціи, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но, приглядываясь ближе къ этой сѣрой и массивно-чугунной фигурѣ критика, вы замѣтите примѣсь и болѣе легкаго и болѣе блестящаго металла: онъ даже привлечетъ васъ нѣкоторыми сторонами своей въ общемъ, дѣйствительно, не особенно симпатичной личности, и въ самомъ его догматизмѣ вы отыщете извѣстное колебаніе, извѣстную тревогу ума, потребность прислушиваться къ современности и отвѣчать на ея запросы. Онъ самъ не столько дѣятель, сколько жертва современной реакціи, охватившей верхніе классы Франціи; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ несомнѣнно лучше и чутче мѣднолобыхъ представителей теперешней буржуазіи.

Такъ, для него соціальная роль литературы не подлежитъ вопросу, и искусство для искусства находитъ въ немъ умѣлаго, а порою чуть не талантливаго противника.

«У меня есть точка зрѣнія,—говорилъ онъ въ 1893 г. на лекціяхъ въ Сорбоннѣ,—которую я не оставлю, и никогда не отожествляя искусства съ моралью, я никогда не допущу, чтобы ихъ совершенно отдѣляли, чтобы разрывали связь, чтобы прекращали между ними зависимость, которая должна соединять ихъ, въ качествѣ вещей человѣческихъ или общественныхъ. Я чуть было не допустилъ это раньше—дѣло было уже давно!— Но теперь я не допускаю. И здѣсь, какъ вы знаете, я имѣю за себя величайшихъ людей:

Dieu le veut! dans les temps contraires
Chacun travaille, et chacun sert.
Malheur à qui dit à ses frères:
Je retourne dans le desert!
Malheur à qui prend ses sandales
Quand les haines et les scandales
Tourmentent le peuple agité!
Honte au penseur qui se mutile
Et s'en va, chantre inutile,
Par la porte de la cité! *)

Это стихи изъ Виктора Гюго. Вотъ изъ Ламартина:

Honte à qui peut chanter pendant que Rome brûle,
S'il n'a l'âme, et la lyre, et les yeux de Néron!
Pendant que l'incendie en fleuve ardent circule
Des temples au palais, du cirque au Panthéon.
Honte à qui peut chanter, pendant que chaque femme
Sur le front de ses fils voit la mort ondoyer,
Que chaque citoyen regarde si la flamme
Dévore déja son foyer.... **)

«Что же, назовутъ ли меня теперь «буржуа», если я прибавлю, что самъ артистъ можетъ существовать лишь при извѣстномъ состояніи общества, законы котораго онъ долженъ принимать, такъ какъ онъ предъявляетъ къ нимъ требованія и извлекаетъ изъ нихъ выгоды?.. Для того, чтобы существовали живописцы и музыканты, надо, чтобы существовала цивилизація, дающая имъ досуги; а пока они преслѣдуютъ свою «внутреннюю мечту», надо, чтобы были буржуа, рабочіе, крестьяне, которые дѣлаютъ или, скорѣе, расквитываются за нихъ, дѣлая «черную работу» человѣчества.... Никто не обязанъ говорить или писать, но тотъ, кто принимается за это, долженъ всегда отвѣчать за свои слова или писанія передъ всѣмъ человѣчествомъ».

Отбросьте нѣкоторыя выраженія... и вы не можете не отнестись въ общемъ сочувственно къ развитой здѣсь точкѣ зрѣнія. Но Брюнетьеръ борется не только противъ эгоизма артиста: онъ нападаетъ и на эгоизмъ самого буржуа; его смущаютъ и тотъ необузданный индивидуализмъ, и та ожесточенная борьба интересовъ, которые такъ ярко проявляются въ современномъ обществѣ. И говоря о соціальныхъ романахъ Жоржъ-Занда, написанныхъ подъ вліяніемъ Ламеннэ, онъ съ большой теплотой (насколько можно примѣнить это выраженіе къ его холодной и догматической ма-

---

*) т. е.: Такъ хочетъ Богъ! каждый долженъ работать, долженъ служить въ времена несчастія! Горе тому, кто говоритъ своимъ братьямъ: я удаляюсь въ пустыню! Горе тому, кто надѣваетъ свои сандаліи, въ то время какъ злоба и скандалы мучаютъ волнующійся народъ! Позоръ мыслителю, который калѣчитъ себя и, словно безполезный пѣвецъ, уходитъ изъ воротъ города!

**) т. е.: Позоръ тому, кто можетъ пѣть, когда Римъ горитъ, если только у него нѣтъ души, лиры и глазъ Нерона, когда пылающая рѣка пожара катится отъ храмовъ ко дворцу, отъ цирка къ Пантеону! Позоръ тому, кто можетъ пѣть, когда всякая женщина видитъ смерть парящей надъ головой ея сыновей, и всякій гражданинъ смотритъ, не пожрало ли уже пламя его очага.

нерѣ писанья) относится къ той эпохѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, когда мыслители и романисты

«начали замѣчать, что между людьми существуютъ другія страданія, помимо обманутой любви и оскорбленной гордости, болѣе жестокія мученія, чѣмъ мученія Чаттертоновъ и Индіанъ, Рюи-Блазовъ и Антони, когда стали отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что возрастающій прогрессъ индивидуализма имѣлъ своимъ необходимымъ дополненіемъ увеличеніе человѣческихъ бѣдствій, что, благодаря ему, появилось въ мірѣ нѣчто жестокое, возникъ *желѣзный законъ*, и что самое чувство состраданія уменьшилось среди людей» *).

Нѣсколько дальше **) онъ даже пытается видѣть противовѣсъ этому индивидуализму въ соціализмѣ, хотя и разсматриваетъ его, опять-таки не безъ филистерства, какъ синонимъ «морали», и тутъ же прибавляетъ, что людскихъ бѣдствій собственно нельзя устранить, а ихъ можно лишь уменьшить и ослабить.

Наконецъ, даже въ пресловутомъ походѣ его на науку, которую онъ обвинилъ въ «банкротствѣ», есть извѣстная симпатичная сторона: въ то время, какъ Бертело нѣсколько наивно думаетъ, что точное и положительное знаніе уже однимъ своихъ развитіемъ должно создать совершенный соціальный строй, Брюнетьеръ не вѣритъ такому оптимизму и обращается къ пѣвцамъ чистаго научнаго прогресса съ вопросомъ, много ли всѣ замѣчательныя техническія открытія и усовершенствованія дали общаго счастія и матеріальнаго благосостоянія человѣчеству. Въ неполной и испорченной католическими тенденціями формѣ этотъ вопросъ напоминаетъ тотъ вопросъ, которымъ задался (и который разрѣшилъ отрицательно) нашъ философъ-публицистъ въ извѣстной статьѣ: Демократичны ли естественныя науки?

Вообще же нельзя сказать, чтобы Брюнетьеръ былъ принципіальнымъ врагомъ новыхъ теченій, или чтобы его умъ былъ совершенно закрытъ для вопросовъ современности. Благодаря нѣкоторымъ усиліямъ мысли онъ даже сдѣлалъ извѣстные шаги впередъ, и его отношеніе къ Тэну, Ренану, Дарвину не лишено извѣстной симпатіи и, во всякомъ случаѣ, уваженія; а ученіе эволюціонизма такъ увлекло его кой-какими сторонами, что идею эволюціи онъ старается приложить,—правда, очень формально и очень абстрактно,—къ развитію литературы. Несчастіе Брюнетьера въ томъ, что, будучи неглупымъ и знающимъ въ своей спеціальности человѣкомъ, онъ представляетъ собой лишь второстепенную фигуру, которая по нынѣшнимъ жалкимъ временамъ принуждена занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ критикѣ. Ему бы всю жизнь играть вторую скрипку, а условія сдѣлали изъ него

---

*) F. Brunetière, L'evolution de la poésie lirique en France au XIX siècle; т. I, стр. 311.

**) l. c., стр. 317.

солиста и въ послѣднее время даже авторитетнаго капельмейстера. Для такихъ натуръ надо зарядиться извѣстными идеями, а зарядившись, онѣ могутъ вести неуклонно и послѣдовательно свою линію. Въ періодъ общественнаго энтузіазма такія «вторыя роли» и такіе неглупые ученики могутъ быть очень полезны въ качествѣ вѣрныхъ спутниковъ, вращающихся вокругъ крупныхъ умственныхъ свѣтилъ. Въ періодъ же упадка и реакціи они совершенно естественно берутъ себѣ за знамя какую нибудь старую тряпку, вытащенную ими изъ историческаго чулана, и цѣлую жизнь добросовѣстно служатъ реакціонной идеѣ.

Такую ветошь подобралъ себѣ и Брюнетьеръ, и самый характеръ ея уже указываетъ, что этотъ подборъ былъ обусловленъ извѣстными обстоятельствами той буржуазной, академической и университетской среды, въ которой онъ жилъ и развивался. Это знамя—преклоненіе передъ XVII в. и реакція противъ XVIII в.; и нѣтъ ничего легче, какъ понять, что это направленіе должно быть распространено среди тѣхъ слоевъ буржуазіи, которые не участвуютъ непосредственно въ управленіи современной республикой, и которымъ поэтому нѣтъ надобности преувеличивать свою нѣжность къ «великимъ принципамъ 1789 г.». Мыслящая часть буржуазіи теперь ясно видитъ, что ей или нужно продолжать освободительныя тенденціи прошлаго вѣка, но это идетъ противъ ея интересовъ, такъ какъ логически приводитъ къ раскрѣпощенію четвертаго сословія, или же возвращаться назадъ, и въ этомъ случаѣ въ пику XVIII-му в. идеализировать его предшественника. Чѣмъ былъ XVII вѣкъ? Вѣкомъ торжества католицизма и абсолютнаго авторитета *). Прекрасно, будемъ преклоняться передъ этими принципами и, если не можемъ воплотить ихъ непосредственно въ жизнь—разъ вырванныя растенія съ трудомъ пускаютъ снова корни,—то будемъ, по крайней мѣрѣ, упиваться видомъ и запахомъ поблекшихъ цвѣтовъ милаго намъ вѣка, его политическими теоріями, его теологіей, его искусствомъ, его эстетическими идеалами, его великими людьми и т. д.

Преклоненіе передъ XVII вѣкомъ и передъ наиболѣе типичными выразителями его и вдохновляетъ критическую музу Брюнетьера: нашъ критикъ размѣщаетъ авторовъ и произведенія въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ, въ той мѣрѣ, какъ они подходятъ къ идеалу «великаго вѣка», и, замѣтьте, не эстетическому только, но политическому и идейному. Героемъ историческаго романа является у Брюнетьера Боссюэтъ. Немудрено, что Брюнетьеръ, мѣряя людей и явленія узкой мѣркой католика-прелата, до возмутительности несправедливо принижаетъ сложную и не-

*) Говорю это въ общихъ чертахъ: мнѣ кажется, что до сихъ поръ очень мало обратили вниманія на ростъ сомнѣнія и отрицанія даже въ этомъ вѣкѣ.

обыкновенно крупную фигуру Вольтера, не засчитывая ему даже въ число достоинствъ его стремленія продолжать съ чисто-литературной точки зрѣнія классическія традиціи XVII-го вѣка. Послушайте, напримѣръ, слѣдующій отзывъ строгаго догматика:

«Вольтеръ, однако, вовсе не есть,—какъ нѣсколько разъ злорадно принималась утверждать иностранная критика, и какъ утверждалъ самъ Гёте,—вовсе не есть «величайшій писатель, какого только возможно представить себѣ между французами». Если справедливо, что глубина міровоззрѣнія, совершенство формы, аффективная сторона и искренность чувства совершенно отсутствовали у Вольтера, то другіе, во всякомъ случаѣ, обладали этими качествами въ исторіи нашей литературы и нашей расы, другіе, у которыхъ не было недостатка ни въ одномъ изъ качествъ, составлявшихъ геній Вольтера, но которые, благодаря счастливой гармоніи натуры, не забыли присоединить къ нимъ ни приличіе языка, ни честность характера, ни достоинство жизни. Въ предшествовавшемъ вѣкѣ былъ великій человѣкъ, который такъ же представлялъ свое время, какъ Вольтеръ свое, и резюмировалъ, такъ сказать, въ самой совершенной формѣ и до мельчайшихъ качествъ, своихъ знаменитыхъ современниковъ: я назвалъ Боссюэта.... Епископъ взялся за оружіе лишь затѣмъ, чтобы поддерживать, защищать и укрѣплять; придворный льстецъ Фридриха и Екатерины Второй вступилъ въ борьбу только для того, чтобы разрушать, разлагать и завершать пораженія, начатыя уже другими. Боссюэтъ сражался лишь во имя того, что придаетъ цѣну человѣческому обществу: религіи, власти, чувства уваженія; Вольтеръ, можетъ быть, за двумя-тремя исключеніями, вмѣшивался въ борьбу, лишь когда дѣло касалось его самого, и цѣлые шестьдесятъ лѣтъ воевалъ только въ интересахъ своего богатства, своей славы и своей репутаціи, и т. д.» *).

Собственно, на такія вещи не возражаютъ: ихъ отмѣчаютъ и проходятъ мимо. Брюнетьеру угодно забывать, помимо всего прочаго, реабилитацію Вольтеромъ несчастнаго Каласа (въ 1762 г.), защиту имъ Сирвена (1765 г.), де-ла-Барра (1768 г.), вдовы Монбайльи (1770 г.), графа де-Моранжье (1773 г.), генерала Лалли, и т. п. Спустя болѣе чѣмъ сто лѣтъ послѣ смерти Вольтера очень удобно издѣваться надъ памятью человѣка, благодаря которому (и товарищамъ его) самъ г. Брюнетьеръ можетъ безнаказанно писать разныя свои «эволюціи» и «критическіе этюды», не опасаясь Бастиліи. И какъ не припомнить здѣсь извѣстной тирады ученаго Дюбуа-Реймона: «Да, какъ ни парадоксально звучитъ это, всѣ мы болѣе или менѣе вольтеріанцы, вольтеріанцы, сами не зная того и не называясь ими. Вольтеръ такъ сильно проникнулъ своимъ вліяніемъ въ общественную жизнь, что тѣ идеальныя блага, изъ-за которыхъ онъ боролся въ теченіе всей своей долгой жизни съ неутомимымъ рвеніемъ, со страстнымъ самопожертвованіемъ, боролся всѣми орудіями ума, а особенно своей страшной насмѣшкой, что терпимость, свобода мнѣній, человѣческое достоинство, справедливость, превратились для насъ какъ бы въ естественную жиз-

*) Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française; Парижъ, 1888, серія первая, стр. 251—263, passim.

ненную стихію, нѣчто вродѣ воздуха, о которомъ мы начинаемъ думать, лишь когда намъ его не достаетъ; однимъ словомъ, то, что нѣкогда выливалось изъ-подъ пера Вольтера въ видѣ необыкновенно смѣлой мысли, стало теперь общимъ мѣстомъ».

Съ другой стороны, какъ легко было бы противоставить идеализированному Боссюэту Брюнетьера настоящаго Боссюэта: узкаго католика, мысль котораго никогда не знала сомнѣнія въ традиціонныхъ взглядахъ своей среды; жалкаго философа, убогость міровоззрѣнія котораго не выкупается его великолѣпнымъ слогомъ *); поклонника нетерпимости, который апплодировалъ отмѣнѣ нантскаго эдикта, призывалъ административные громы на голову экзегета Ришара Симона и преслѣдовалъ смирныхъ и скромныхъ квіэтистовъ, вродѣ г-жи Гюйонъ; человѣка, который далеко не можетъ претендовать на героизмъ и необыкновенную высоту личной жизни, ибо, по словамъ лицъ, хорошо его знавшихъ, «теряетъ голову», когда узнаетъ о близкомъ своемъ концѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, больной, разбитый, съ камнемъ на сердцѣ... и въ мочевомъ пузырѣ часами поджидаетъ въ переднихъ версальскаго дворца стараясь перехватить улыбку и хоть нѣсколько косыхъ лучей «короля-солнца» и надоѣдая ему просьбами о своемъ недостойномъ племянникѣ **).

Естественно, что, не выпуская ни на минуту своего эстетическаго аршина, Брюнетьеръ очень рѣзко относится и къ современной литературѣ, особенно къ тому, что получило, можетъ быть, не совсѣмъ удачное названіе натурализма. Здѣсь его критика частностей мѣстами не лишена справедливости, и отрицательныя стороны пресловутаго «экспериментальнаго романа» освѣщены положительно удачно. Но ему не хватаетъ общаго пониманія и общаго сочувствія къ тому литературному теченію, которое, не смотря на свои мнимо научныя претензіи, проявляетъ и жизненность, и силу, и извѣстную оригинальность. Когда онъ борется противъ самоувѣреннаго и поверхностнаго разглагольствованія Золя насчетъ того, что романистъ долженъ производить «опыты» надъ человѣкомъ, подобно химику, продѣлывающему различные эксперименты надъ веществами въ своей лабораторіи; когда онъ старается установить исторически, что элементы «истинна о натурализма» существовали и до Золя, и даже до Бальзака; когда онъ вышучиваетъ неумѣстное употребленіе школой Золя научныхъ терминовъ «эволюція», «наслѣдственность» и т. д.,—онъ совершенно правъ, и этой борьбѣ про-

*) См. его пресловутый Discours sur l'histoire universelle, особенно заключительную 8-ю главу третьей части (стр. 653—656 т. XXIV Oeuvres complètes de Bossuet (изд. F. Lachat); Парижъ, 1861).

**) См. объ этомъ, между прочимъ, въ мемуарахъ секретаря Боссюэта, Ледье (Mémoires et journal de l'abbé Le Dieu sur la vie et les ouvrages de Bossuet; Парижъ, 1856—1857, въ четырехъ томахъ).

тивъ натуралистическаго доктринерства можно только сочувствовать. Но какъ же проглядѣть тѣ несомнѣнныя достоинства, которыми отличается хотя бы тотъ же Золя, какъ художникъ, не смотря на педантическое ребячество своихъ теорій? Какъ не почувствовать той силы, того дыханія, того трепета жизни, который проникаетъ романы Золя, особенно, когда дѣло идетъ объ изображеніи коллективныхъ чувствъ и дѣйствій (вспомните хоть его «Жерминаль»), и ради котораго вы прощаете соціальному исторіографу «семьи Ругоновъ» и слабую психологическую обрисовку отдѣльныхъ характеровъ, и загроможденіе фабулы ненужными конкретными деталями, и безполезную грязь, и холодную скабрезность—увы! столь многочисленныхъ сценъ?

Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи Брюнетьеръ, нехотя и, по обыкновенію ворча и сертито придираясь, сдѣлалъ нѣкоторый шагъ впередъ, въ смыслѣ пониманія новыхъ задачъ искусства. Просмотрите въ послѣднемъ изданіи его «Натуралистическаго романа» *) первую главу, говорящую о «реалистическомъ романѣ въ 1875 г.» и послѣднюю, заключающую въ себѣ отзывъ о Мопассанѣ, и вы найдете довольно ощутительную разницу въ оцѣнкѣ въ первой статьѣ никто изъ реалистовъ не находитъ пощады передъ грознымъ критикомъ литературнаго «матеріализма» (за исключеніемъ развѣ Додэ, да и то съ какими оговорками!); въ статьѣ же о «повѣстяхъ Мопассана» преобладаетъ хвалебный тонъ, и, не смотря на мелкія оговорки (съ этимъ уже нужно мириться у любителя XVII-го вѣка!), Мопассанъ получаетъ изъ рукъ строгаго экзаменатора дипломъ «истиннаго артиста». Впрочемъ, и самъ г. профессоръ сознается въ этой легкой метаморфозѣ и уже въ предисловіи 1891 г. говоритъ:

„Не все, однако, было потеряно изъ тѣхъ усилій, которыя сдѣлалъ натурализмъ, и онъ не пройдетъ, не обогативъ нашу литературу нѣкоторыми прочными пріобрѣтеніями" **).

Мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о чисто-литературныхъ свойствахъ Брюнетьера. Въ извѣстныхъ писательскихъ кружкахъ имя этого критика является синонимомъ бездарнаго педанта. Тутъ есть значительное преувеличеніе. Брюнетьеръ, собственно говоря, не лишенъ таланта, хотя талантъ этотъ, какъ я уже сказалъ, второстепенный. Тамъ, гдѣ дѣло касается до его основныхъ убѣжденій, гдѣ онъ взволнованъ, возбужденъ, изъ подъ его пера выходятъ недурныя вещи, и, пожимая плечами при чтеніи иныхъ архаическихъ разсужденій, вы не можете отказать ему ни въ умѣньи писать, ни въ искренности. Но этого человѣка преслѣдуетъ, какъ кошмаръ, недосягаемый, по его мнѣнію, идеалъ

*) Ferdinand Brunetière, Le roman naturaliste; Парижъ, 1896 (5-е изд.).
**) l. c., стр. II (Avertissement).

XVII-го вѣка, и онъ подражаетъ своимъ литературнымъ учителямъ даже въ слабостяхъ ихъ. Понятно, что въ этомъ вѣчно натянутомъ настроеніи, съ этимъ тяжелымъ багажомъ усвоенныхъ формъ и пріемовъ онъ не можетъ писать просто и естественно. Кто изъ французовъ не смѣялся надъ его привычкою строить періоды на манеръ Боссюэта, начиная ихъ съ архаическихъ или претенціозныхъ выраженій, вродѣ *que si cependant*, *tout de même que*, и т. д. испещряя ихъ отборными прилагательными вродѣ *insigne* и т. п. и удручая, въ концѣ концовъ, читателя самой этой монотонностью заученнаго педантизма? Брюнетьеръ любитъ XVII вѣкъ, можно сказать, до самопожертвованія, до того, что не отступаетъ, ради этой любви, передъ вещью, которая страшнѣе смерти для француза: боязнью сдѣлаться притчей во языцѣхъ и мишенью для дешевыхъ насмѣшекъ.

Фагэ, строго говоря, не можетъ быть причисленъ къ критикамъ догматическаго типа: это, скорѣе, психологъ-моралистъ, который можетъ даже отчасти напомнить «біографа душъ», но который рисуетъ свои портреты не въ видахъ психологической правды, какъ Сентъ-Бевъ, а съ цѣлью доказать при помощи своихъ біографій превосходство своего моральнаго идеала. Но такъ какъ этотъ идеалъ, подобно идеалу Брюнетьера, выражаетъ реакціонныя стремленія интеллигетной буржуазіи, и такъ какъ, опять-таки подобно Брюнетьеру, онъ покоится на преклоненіи передъ XVII мъ вѣкомъ, я считаю умѣстнымъ дать характеристику Фагэ сейчасъ же вслѣдъ за характеристикой горячаго поклонника Боссюэта.

Брюнетьеръ подкупаетъ васъ порой своею искренностью, и, не смотря на все резонированіе, вы отличите въ его разсужденіяхъ значительную долю наивнаго безкорыстія: жрецъ часто отступаетъ на задній планъ передъ прославляемымъ имъ идоломъ, и его *я* сливается съ дорогими ему идеями, которыя онъ считаетъ за честь пропагандировать. Моралистъ Фагэ, вопреки этому спеціальному оттѣнку своей критики, очень любитъ свое *я*, и сплошь да рядомъ вы можете подмѣтить, что такіе или иные идеалы представляются ему высокими не только въ силу своего внутренняго значенія, а и потому что онъ самъ, Эмиль Фагэ, дѣлаетъ имъ честь, защищая ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ любитъ преувеличивать и свои подвиги по части разрушенія враждебныхъ ему идеаловъ. У него есть даже особая стереотипная фраза, особая приличная формула, которая служитъ для выраженія этихъ сокрушительныхъ претензій; это—три слова: «по моей винѣ». Такъ, характеризуя унижаемый имъ XVIII-й вѣкъ, онъ скажетъ:

«Какъ бы ни былъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ XVIII-й вѣкъ, онъ покажется здѣсь читателю,—отчасти, можетъ быть, *по моей винѣ*, а

отчасти по самой природѣ вещей,—очень блѣднымъ между вѣкомъ, который предшествуетъ ему, и вѣкомъ, который за нимъ слѣдуетъ» *).

Станетъ ли онъ говорить о лирической литературѣ XIX-го вѣка, а по поводу ея о своихъ критическихъ пріемахъ, онъ не преминетъ ввернуть свою горделиво-скромную формулу и выразиться, напр., слѣдующимъ образомъ:

«Литература эта, относительно которой я постарался гораздо болѣе указать на ея характеръ и изучить ея вліяніе, чѣмъ изслѣдовать ея происхожденіе, потому что это изслѣдованіе, безъ сомнѣнія *по моей винѣ*, не могло повести ни къ чему очень прочному и достовѣрному».... и т. д. **).

Правда, это выдвиганіе своего я на первой планъ не мѣшаетъ нашему моралисту обладать спеціальными знаніями, литературнымъ талантомъ и особаго рода изворотливымъ умомъ. И однако отъ всѣхъ этихъ свойствъ и качествъ нашему критику одно горе. А горе вотъ почему. М—г. Фагэ не столько любитъ XVII вѣкъ, сколько ненавидитъ XVIII. Но такъ какъ XVIII вѣкъ очень крупный вѣкъ, а его представители во многихъ отношеніяхъ являются настоящими гигантами, m—г. же Фагэ, во всякомъ случаѣ роста умѣреннаго, то получается комическое зрѣлище: тамъ, далеко вверху, въ высшихъ сферахъ жизни и мысли, величаво поднимаются колоссальные образы Дидро, Руссо, Вольтера; здѣсь, у подножія, среди безотрадной долины плоскости и пошлости, бѣгаетъ, суетится, сердится маленькое существо, пытаясь, если не свалить, то поколебать, укусить этихъ гигантовъ, наконецъ просто показать имъ кулакъ...

Читайте хотя бы его введеніе къ этюдамъ о XVIII вѣкѣ, его общую характеристику этого вѣка. Фагэ, конечно, не можетъ прямо отказать въ историческомъ значеніи этому періоду подъема и, что бы ни говорили, творческаго энтузіазма (а не одного только разрушенія). За то онъ постарается опошлить и осмѣять эти великолѣпные порывы, объясняя ихъ дѣтскимъ характеромъ эпохи:

«Это—вѣкъ-ребенокъ, или, если хотите, вѣкъ-юноша. У него есть свойственные этому возрасту живость, безцеремонный пылъ, любопытство, коварство, невоздержность, пустословіе, самонадѣянность, вѣтренность, недостатокъ серьезности и манеръ, неприличныя шалости, а также извѣстное великодушіе, доброта, склонность къ слезамъ, потребность растрогиваться, и, наконецъ, тотъ инстинктивный оптимизмъ, который вѣчно вѣритъ, что счастіе близко, вѣчно думаетъ, что можетъ схватить его... Мало найдется эпохъ, въ которыя бы больше импровизировали; и мало эпохъ, въ которыя бы больше изобрѣтали всякаго старья съ бо̀льшимъ чувствомъ удовольствія и бо̀льшимъ вкусомъ къ скандалу.... Остается сказать, какая вышла изъ этого литература. Она могла бы быть великолѣпной философской литературой; и современники дѣйствительно такъ

*) Emile Faguet, Dix-huitième siècle. Etudes littéraires Парижъ, 1896, стр. V (Avant-propos) 15-го изданія.

**) См. его же: Etudes littéraires sur le dix neuvième siècle Парижъ, 1887 , стр. VII—VIII (avant propos) 2-го изданія.

думали. На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего подобнаго; въ этомъ, я думаю, всѣ согласны въ настоящее время. Для объясненія этого я не нахожу никакой общей причины. Вина лежитъ въ самихъ личностяхъ. Философы XVIII-го вѣка всѣ были или черезчуръ горды или черезчуръ заняты разными дѣлами, чтобы быть очень серьезными. Они остались крайне поверхностны, правда, блестящи.... Черезъ двѣсти лѣтъ они будутъ ставиться ни во что въ исторіи философіи» *).

Тутъ слѣдовало бы, собственно говоря, остановить шустраго критика и обратить его вниманіе на то, что историки философіи думаютъ иначе, и что, напр., такой знатокъ въ этой спеціальности, какъ благородный и ученый Ланге, отдалъ должное французской философской мысли XVIII вѣка. Но развѣ можно спорить серьезно съ Фагэ объ общихъ теоретическихъ вопросахъ? Это не по его части; его интересуетъ придирчивая критика личностей и вычитыванье «морали» людямъ другого нравственнаго и умственнаго типа. Эта «мораль» въ ковычкахъ идетъ у него обыкновенно рука объ руку съ фривольностью разсужденій и поразительною легковѣсностью оцѣнокъ. Посмотримъ же на его критику конкретныхъ личностей, выбирая, конечно, одинъ—два примѣра.

Развертываемъ въ его «Восемнадцатомъ вѣкѣ» первый этюдъ объ авторѣ знаменитаго «Философскаго словаря» Пьерѣ Бэйлѣ (Bayle). Суть этого этюда заключается въ томъ, чтобы, похваливъ добросовѣстность скептика, повернуть его фронтомъ къ послѣдующимъ философамъ и доказать, что они были не продолжателями, а исказителями его.

«Его ученики дѣлаютъ изъ разума новую вѣру, новаго идола и новый храмъ, и ухитряются изъ скептицизма учителя извлечь догматизмъ столь же повелительный, столь же надменный, столь же воинствующій и столь же страшный для общественнаго спокойствія, какъ и всякій другой догматизмъ. У этого человѣка, который не вѣрилъ ни во что, они и заимствуютъ доказательства, что надо вѣрить въ нихъ самихъ, и т. д.» **).

Написать это значитъ, увлекшись сокрушеніемъ «учениковъ», забыть, что между ними и учителемъ была прямая идейная связь, потому что положительная заслуга Бэйля заключалась именно въ его отрицательной дѣятельности, тогда какъ положительная заслуга его учениковъ лежала въ постройкѣ новаго зданія на расчищенной почвѣ; и что и Бэйль и его послѣдователи одинаково работали при помощи критической мысли, въ противоположность мысли традиціонной. Это было уже давно и очень хорошо выяснено человѣкомъ, который, несомнѣнно, зналъ исторію философіи получше сердитаго моралиста-критика ***).

Очень типична для мосье Фагэ та манера, при помощи кото-

*) Dix-huitième siècle. стр. XII—XX, passim.
**) Dix-huitième siècle, стр. 28.
***) См. L. Feuerbach, Pierre Bayle nach seinen für die Geschichte der Philsophie und Menschheit interessantesten Momenten; Лейпцигъ 1844, стр. 165 и слѣд. второго изданія.

рой онъ рисуетъ искаженные портреты нелюбимыхъ имъ дѣятелей XVIII вѣка. Никто не требуетъ отъ автора быть «вяленой воблой», изъ которой вытащена вся внутренность, все умственное и аффективное содержаніе, всѣ симпатіи и антипатіи; никто, словомъ, не требуетъ отъ историка и критика невозможнаго, нечеловѣческаго *безпристрастія* въ смыслѣ отсутствія идеала. Но за то всегда должно требовать *объективности* въ обработкѣ фактическаго матеріала, т. е. добросовѣстнаго изображенія различныхъ элементовъ, изъ которыхъ историкъ и критикъ строитъ свою теорію или характеристику. Вы имѣете свой идеалъ, я—свой; но если вы въ угоду своей теоріи искажаете факты, я здѣсь останавливаю васъ: плохъ же и несостоятеленъ вашъ идеалъ, если для его спасенія вы принуждены замалчивать одни объективные элементы и выдумывать другіе...

Мнѣ это пришло въ голову, когда я читалъ этюдъ Фагэ о Дидро. Вотъ, дѣйствительно, одинъ изъ самыхъ крупныхъ, симпатичныхъ, человѣчныхъ, благородныхъ дѣятелей «вѣка просвѣщенія». Его недостатки, его противорѣчія объясняются его разносторонней, кипучей и необыкновенно-талантливой натурой. Пріемъ для изображенія такой личности подсказывается самой природой предмета: найдите умственный центръ, основной механизмъ этого вѣчно движущагося, вѣчно увлеченнаго разными идеями и аффектами человѣка, которому, какъ говорятъ его біографы, не было времени подумать о себѣ. Затѣмъ, не упуская изъ виду психологическаго центра, представьте различныя измѣненія, теченія и вплоть до противорѣчій, которыя составляютъ жизнь этой богатой натуры. Наконецъ, попробруйте прослѣдить тѣ нити, которыя связываютъ различныя точки этой, такъ сказать, пестрой психологической периферіи съ уже установленнымъ центромъ. Тогда только вы поставите существенныя черты на первый планъ, второстепенныя на задній, и путемъ этого размѣщенія получите различныя стороны человѣка въ надлежащей перспективѣ, а, стало быть, и живой, тѣлесный образъ изображаемой личности

А какъ поступаетъ нашъ критикъ-моралистъ? Дидро ему антипатиченъ своими идеалами и своимъ направленіемъ дѣятельности: значитъ, его нужно, во чтобы то ни стало, поставить передъ читателемъ въ невыгодномъ свѣтѣ. Но такъ какъ положительныя и привлекательныя стороны Дидро болѣе или менѣе хорошо извѣстны литературной части публики, то, боясь быть пойманнымъ съ поличнымъ, Фагэ пускаетъ въ ходъ особую тактику: онъ выхватываетъ какую-нибудь такую положительную черту Дидро, наскоро беретъ ее и моментально выпускаетъ, точно обжигаясь; затѣмъ онъ начинаетъ набрасывать на нее различныя ограниченія, оговорки, указываетъ на смѣшныя проявленія этой черты, все это замѣтьте, безъ надлежащей перспективы, хотя въ живой, злой и мѣстами забавной формѣ. Когда каждая изъ такихъ рельефныхъ

чертъ личности Дидро обрастаетъ цѣлымъ слоемъ критическихъ замѣчаній, вы, конечно, не можете схватить основныхъ очертаній изображаемаго типа. Отъ времени до времени авторъ вмѣшивается болѣе непосредственно въ эти фокусы превращенія и заранѣе объявляетъ вамъ, какую психологическую теорему онъ хочетъ доказать, чтобы внушить направленіе вашей мысли и поставить васъ въ надлежащую позицію, съ которой упомянутый психологическій фокусъ произведетъ на васъ болѣе сильное впечатлѣніе.

Такъ ведя настоящую приходо-расходную книгу добродѣтелей и пороковъ съ явнымъ усиліемъ вписать побольше фактовъ въ отрицательную страницу (и слѣдуя здѣсь такимъ плохимъ судьямъ, какъ Лагарпъ, Вилльмэнъ, Низаръ, отчасти Витэ), авторъ пытается представить Дидро типомъ мелкаго французскаго буржуа съ его слабой нравственностью, отсутствіемъ деликатности, грубыми инстинктами, но съ любовью къ труду, извѣстной честностью и т. д. Дальше, объясняя противорѣчія въ идеяхъ и сочиненіяхъ Дидро,—изображаетъ душу философа даже въ видѣ нѣсколькихъ буржуа, подвыпившихъ за столомъ и разсуждающихъ съ блескомъ, но безъ всякаго метода обо всемъ, что только придетъ въ голову. Затѣмъ слѣдуетъ казуистическая критика идей и различныхъ сторонъ таланта Дидро, причемъ, желая нагромоздить возможно больше противорѣчій въ психологическомъ типѣ этого оригинальнаго мыслителя, Фагэ допускаетъ вопіющія противорѣчія уже въ самой критикѣ своей: такъ Дидро то умѣетъ замѣчательно «видѣть», то не умѣетъ «наблюдать», то пишетъ блестящими «образами», то не имѣетъ «литературнаго воображенія», то необыкновенно ясно излагаетъ отвлеченныя мысли, то тяжело и туманно пишетъ о философскихъ теоріяхъ, которыхъ самъ не понимаетъ, и т. д., и т. д. И, наконецъ, вся эта мелкая, придирчивая критика завершается слѣдующимъ окончательнымъ итогомъ:

«Нѣсколько геніальныхъ догадокъ, нѣсколько съ жаромъ написанныхъ разсказовъ, нѣсколько ловко нарисованныхъ силуэтовъ, нѣсколько новыхъ теорій, черезчуръ перемѣшанныхъ съ туманностями, много неприличныхъ пошлостей, много глупостей, безконечно много пустословія и смутной чепухи, вотъ что оставилъ Дидро.... Его роль была крупнѣе, чѣмъ его произведенія... Истинный французъ среднихъ классовъ, лишенный остроумія, внутренняго достоинства, но полный ума и способностей усвоенія, легко работающій и говорящій, съ низменнымъ идеаломъ, съ малымъ нравственнымъ сознаніемъ, но очень добрымъ сердцемъ.....» *).

Замѣтьте, что на этихъ же страницахъ у Фагэ чуть-чуть не вырывается признаніе «геніальности» Дидро, но онъ предпочитаетъ кончить на зачисленіи этого великолѣпнаго ума въ разрядъ «второстепенностей»: такъ дорого стоитъ современному

*) l. c., стр. 323.

французскому буржуа отдать справедливую дань знаменитымъ дѣятелямъ прошлаго вѣка. Приходится поэтому напомнить шустрому критику, что Дидро былъ очень высоко цѣнимъ великими умами и просто крупными, но добросовѣстными критиками,—замѣтьте, не только французами, но и иностранцами. Припомните отзывъ о немъ такого первокласснаго ума, какъ Контъ, который считалъ Дидро за «величайшаго генія XVIII вѣка»; припомните оцѣнку Гете въ письмѣ къ Цефтеру отъ 9 марта 1831 г.:

«Дидро есть Дидро, единственная въ своемъ родѣ личность; кто придирчиво критикуетъ его самого или его произведенія, тотъ филистеръ, имъ же имя легіонъ. Нѣтъ, дѣйствительно люди не умѣютъ съ благодарностью принимать неоцѣненныя блага, которыя имъ даются Богомъ, природой или ихъ же ближними» *).

А отзывъ Розенкранца, такъ хорошо выдвигающаго на первый планъ основную черту характера Дидро, его пламенный энтузіазмъ:

«Въ Дидро, какъ въ Сократѣ, было нѣчто демоническое. Онъ только тогда становился вполнѣ самимъ собою, когда поднимался къ идеямъ истины, добра и красоты. Въ этомъ состояніи экстаза, которое, по его собственному описанію, было замѣтно на немъ даже внѣшнимъ образомъ, и которое самъ онъ чувствовалъ по особому движенію волосъ на срединѣ лба и трепету, пробѣгавшему по всѣмъ членамъ, въ этомъ состояніи онъ былъ настоящимъ Дидро, краснорѣчіе котораго, опьяненное энтузіазмомъ, увлекало, подобно сократовскому, всѣхъ слушателей за собою **).

А, наконецъ, отзывъ такого знатока эпохи энциклопедистовъ, какимъ является умный и философски образованный Джонъ Морлей:

«.... Руссо былъ движимъ страстью и чувствомъ; Вольтеръ былъ лишь мастеромъ блестящаго и проницательнаго раціонализма. Только одинъ Дидро изъ этого знаменитаго тріо носилъ въ своемъ умѣ идею научнаго метода; одинъ выказывалъ склонность къ цѣльной доктринѣ и къ широко-органическому и построяющему міровоззрѣнію. Онъ обладалъ рѣдкой способностью настоящаго философскаго размышленія... Столь особенный и замѣчательно дѣятельный геній долженъ, конечно, интересовать насъ даже независимо отъ важнаго мѣста, которое онъ занимаетъ въ исторіи литературы и мысли» ***).

Думаю, что рядомъ съ отзывами такихъ компетентныхъ судей привязчивая и мелкая критика Фагэ падаетъ до невысокаго уровня простого бойко написаннаго упражненія на данную тему: развѣнчать XVIII вѣкъ и великихъ предковъ современной буржуазіи. И тутъ, повторяю, главная причина неуспѣха нашего критика заключается въ томъ, что именно въ сферѣ отвлеченнаго мышленія между Фагэ и разбираемыми имъ авторами существуетъ громадная разница въ силѣ и независимости ума. Я уже не говорю о томъ, что съ одними спеціальными знаніями по литературѣ нельзя

---

*) Это письмо служитъ эпиграфомъ къ добросовѣстной работѣ гегельянца Розенкранца: Didrot's Leben und Werke; Лейпцигъ, 1864, (въ двухъ томахъ)

**) Karl Rosenkranz, l. c., и т. II, стр. 411.

***) John Morley, Diderot and the Encyclopaedists; Лондонъ, 1878, стр. 9—10 перваго тома.

судить о продуктахъ философской мысли. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на Фагэ, когда его не смущаютъ реакціонныя вожделѣнія, и когда дѣло идетъ о чисто-литературномъ вопросѣ: тамъ онъ на своемъ мѣстѣ, тамъ его сужденія основаны на знаніи предмета, и тамъ его изложеніе живо, интересно и хорошо оттѣняетъ существенныя и второстепенныя стороны разбираемаго писателя; короче сказать, тамъ онъ критикъ, обладающій небольшимъ, но положительнымъ талантомъ. Такъ, напр., его этюдъ о Бальзакѣ въ «Девятнадцатомъ вѣкѣ» прочтется съ интересомъ даже послѣ извѣстныхъ эдюдовъ Сентъ-Бева (недохвалившаго мощнаго автора «Человѣческой Комедіи») и Тэна (перехвалившаго его). Въ особенности здѣсь интересно противоставленіе вульгарности Бальзака, какъ мыслителя, его геніальности, какъ художника, а также разборъ того оригинальнаго сочетанія романтизма и реализма, которое такъ поражаетъ въ Бальзакѣ *).

Фагэ раздѣляетъ очень часто вмѣстѣ съ Брюнетьеромъ упрекъ въ педантизмѣ, который ему дѣлаютъ писатели декадентской, символической и мистической школы. Иные готовы даже признать извѣстный талантъ за Брюнетьеромъ, но совершенно отказываютъ въ немъ Фагэ. Слѣдовало бы сказать какъ разъ наоборотъ: у Брюнетьера больше добросовѣстности и меньше таланта; у Фагэ больше таланта и меньше добросовѣстности **).

Приступая къ характеристикѣ импрессіонистской критики, которая выражаетъ иную сторону идейной реакціи среди буржуазіи, а именно ея глубокій индифферентизмъ и житье со дня на день безъ всякихъ идеаловъ, лишь одними ощущеніями,—приступая къ этой критикѣ, я хотѣлъ бы и самъ отнестись къ ней нѣсколько на ея ладъ. Съ Брюнетьеромъ, съ Фагэ можно было спорить, негодовать за ихъ отзывы, бороться противъ ихъ реакціонныхъ взглядовъ. Съ господами импрессіонистами этотъ пріемъ не годится. Если вы будете говорить съ ними объ идеяхъ, пытаться схватить и сформулировать ихъ взгляды, чтобы противоставить имъ свои, они первые расхохочутся и надъ этими взглядами, и надъ вашей претензіей уловить капризныя и вѣчно мѣняющіяся формы ихъ фантазіи. Будемъ же и мы слѣдовать этой тактикѣ и такъ же мало принимать ихъ въ серьезъ, какъ сами они мало принимаютъ въ серьезъ основные вопросы жизни и мысли... И такъ, съ чего начать, какому впечатлѣнію отдать первое мѣсто въ этой характеристикѣ? Не будемъ задумываться:

*) Etudes littéraires sur le dix-neuvième siècle, стр. 413—453.

**) Нашъ критикъ доказалъ это еще совсѣмъ недавно, толкуя (въ Revue bleue) о монизмѣ Геккеля, но не понимая ни монизма, ни самого Геккеля.

предоставимъ развитіе нашей статьи случаю и игрѣ ассоціаціи идей въ нашемъ мозгу... Да, о чемъ, бишь, мы хотимъ писать? Объ импрессіонистской критикѣ. Но стоитъ ли писать о ней вообще? Возьмемъ лучше живыхъ людей, въ которыхъ она отчетливѣе отражается, напр., гг. Жюля Леметра и Анатоля Франса: ихъ имена чаще всего звучатъ въ ушахъ, когда рѣчь идетъ объ импрессіонизмѣ... А далѣе что? Оба они любятъ классиковъ: предпошлемъ же ихъ характеристикѣ какую нибудь классическую цитату,—какую-же? Ассоціація идей намъ отвѣчаетъ: такую, чтобы тамъ разыгрывалась какая нибудь варіація на тему «оба»... И вотъ элегическая тѣнь Виргилія становится у насъ за спиной и подсказываетъ намъ граціозные стихи:

Ambo florentes aetatibus, Arcades ambo
Et cantare pares, et respondere parati!

Т. е. въ вольномъ русскомъ переводѣ: «оба въ цвѣтущемъ возрастѣ»,—въ цвѣтущемъ съ французской точки зрѣнія, ибо одному изъ нихъ 44 года, другому 53; оба «родомъ изъ Аркадіи», изъ той счастливой Аркадіи, которая представляетъ буржуазную среду и знаменуетъ возможность сладко пить, ѣсть, спать, наслаждаться своими литературными талантами, если таковые имѣются, и смѣяться надъ всякимъ положительнымъ идеаломъ, но смѣяться умѣренно и прилично, а особенно не смѣшивать такого идеала съ существенными благами жизни: положеніемъ, почетомъ и оффиціальными синекурами и оффиціальными знаками отличія: оба они академики, оба—офицеры ордена Почетнаго Легіона, а одинъ такъ даже занималъ мѣсто библіотекаря въ сенатѣ; «оба равны въ искусствѣ пѣть, и скоры на реплику», оба готовы писать о чемъ угодно и какъ угодно, но всегда ловко, красиво, подчасъ умно и по большей части забавно; оба, наконецъ, изящные jemenfoutiste'ы, т. е. люди, принадлежащіе къ распространенной теперь категоріи умныхъ индифферентистовъ, которымъ на все, въ сущности, наплевать, кромѣ своего *я*, его удобствъ, его ощущеній и наслажденія разнообразіемъ этихъ ощущеній.

Оба... но впрочемъ здѣсь я останавливаюсь: если Деміургу всемірной комедіи все равно, какую индивидуальную маску носитъ тотъ или другой изъ представителей jemenfoutisme'а, каждый изъ нихъ можетъ запротестовать противъ такой совмѣстной обработки ихъ типовъ. Приходится различать эти два родственные ума, хотя, признаться, ихъ можно различать только въ общемъ; а когда приходится ограничиваться той или другой отдѣльной мыслью, останавливаться на той или другой цитатѣ, то, право, начинаешь мѣшаться. Напримѣръ, кому принадлежитъ эта фраза:

«Я попытался опредѣлить годъ тому назадъ впечатлѣніе, которое произвели на меня романы Золя, взятые въ цѣломъ. И что же? Хотя мы и

весь міръ находимся въ безпрестанномъ потокѣ, и хотя, съ другой стороны, есть извѣстное удовольствіе въ перемѣнѣ взглядовъ (прежде всего такимъ образомъ наслаждаешься вещами на гораздо большее число способовъ, а затѣмъ эта способность воспринимать различныя впечатлѣнія отъ одного и того же предмета можетъ сойти такъ же хорошо за гибкость ума, какъ и за его легковѣсность), однако, говорю это къ стыду моему, я не достаточно измѣнился въ теченіе одного года... *).

Кто такъ мило и такъ легко порхаетъ по столь серьезной и страшной и мучительной душевной операціи, какъ перемѣна взглядовъ и убѣжденій? Не изящный ли скептицизмъ Анатоля Франса? Нѣтъ, приведенная фраза принадлежитъ Жюлю Леметру. Но почему бы не могъ написать ее и его молочный братъ, вскормленный одною и тою же музою (fille-mère, читатель!) индифферентизма? Развѣ не вылилась однажды изъ-подъ его пера слѣдующая мысль:

«Слѣдуетъ позволить бѣднымъ смертнымъ не всегда согласовать свои максимы со своими чувствами. Слѣдуетъ даже выносить, чтобы каждый изъ насъ обладалъ сразу двумя или тремя философіями, ибо разъ вы не создали для себя какой-либо доктрины, у васъ нѣтъ никакого резона думать, что хороша только одна изъ нихъ; это пристрастіе можно извинить развѣ лишь изобрѣтателю системы. Какъ обширная страна отличается разнообразіемъ климатовъ, такъ точно нѣтъ широкаго ума, который не заключалъ бы въ себѣ многочисленныхъ противорѣчій. И сказать правду, души, чуждыя нелогичности, наводятъ на меня страхъ; такъ какъ я не могу вообразить себѣ, чтобы онѣ никогда не ошибались, то я боюсь, что онѣ ошибаются именно всегда, а между тѣмъ умъ, который не кичится своей логичностью, можетъ снова обрѣсти истину, даже и потерявъ ее» **).

Чѣмъ это не Леметръ, и Леметръ чистѣйшей воды? Догадайтесь теперь, кому принадлежитъ слѣдующая цитата?

«Критика, подобно философіи и исторіи, есть родъ романа, предназначеннаго для сметливыхъ и любопытныхъ умовъ, а всякій романъ есть, въ сущности, автобіографія....Хорошій критикъ тотъ, кто разсказываетъ приключенія своей души посреди шедевровъ искусства. Изъ себя нельзя выйти. И въ этомъ одна изъ нашихъ величайшихъ бѣдъ. Чего бы мы не дали, чтобы посмотрѣть только въ теченіе одной минуты на небо и землю тысячеграннымъ глазомъ мухи, или чтобы понять природу грубымъ и простымъ мозгомъ орангутанга. Но этого намъ не позволено. Мы заключены въ своей личности, какъ въ вѣчной тюрьмѣ. Будь критикъ откровеннымъ, онъ долженъ былъ-бы сказать: господа, я буду говорить сейчасъ о самомъ себѣ по поводу Шекспира, по поводу Расина, Паскаля или Гете. Случай, какъ видите, очень благопріятный» ***).

Эта мысль, смѣшивающая необходимый субъективизмъ лично-

---

*) Jules Lemaitre, Les Contemporains; Парижъ, 1889, серія четвертая, стр. 263.

**) Anatole France, La vie littéraire, Парижъ, 1897, вторая серія, стр. II (préface).

***) Anatole France l. c., серія первая, стр. III—IV.

сти съ разговорами о собственной душѣ («автобіографія») по поводу чужихъ произведеній, одинаково достойна какъ Франса, такъ и Леметра, и надо найти ее въ обложкѣ «Литературной жизни», чтобы узнать, что она принадлежитъ m—r. Анатолю, а не m—r. Жюлю.

И однако, если брать совокупность впечатлѣній, то можно найти нѣкоторую разницу въ литературной физіономіи двухъ родственныхъ авторовъ: Леметръ болѣе личный, болѣе раздражительный и болѣе желчный критикъ, и порою изъ подъ его заученной улыбки любезнаго скептика сквозитъ злая гримаса недовольнаго судьи; Франсъ, за очень рѣдкими исключеніями, болѣе ровный и спокойный цѣнитель, ухитряющійся отъ души тѣшиться самыми недостаками автора и книги тамъ, гдѣ Леметръ началъ бы издѣваться. Франсъ—индифферентистъ по природѣ; Леметръ—индифферентистъ по привычкѣ. Первый—продуктъ и среды и темперамента; второй—главнымъ образомъ, продуктъ обстановки. Оттого, когда порою Леметра задѣвало за живое по той или иной причинѣ какое-нибудь соціальное или литературное явленіе, онъ на время забывалъ свой кодексъ «а по мнѣ наплевать» и писалъ вещи, проникнутыя извѣстнымъ убѣжденіемъ или хотя бы предразсудкомъ окружающей его среды. Вспомните, какой голосъ страсти звучитъ въ его надѣлавшемъ много шуму этюдѣ о Ренанѣ, этюдѣ, въ которомъ онъ не словилъ, какъ мнѣ кажется, серьезнаго отношенія Ренана къ наукѣ, но который такъ настойчиво, почти зло указываетъ на излишній эпикуреизмъ философа: «а онъ смѣется! онъ радуется! онъ веселъ» *). Или припомните уничтожающую критику, направленную противъ грошово-моральныхъ романовъ Жоржа Онэ, въ которыхъ Леметръ видитъ «тройную эссенцію банальности» **). Сопоставьте съ этимъ недавній эпизодъ, приключившійся съ нашимъ критикомъ на столбцахъ «Фигаро», гдѣ онъ написалъ сердитую, но беззубую статью противъ «революціонеровъ», и самъ же почувствовалъ, что промахнулся, да такъ промахнулся, что два раза пытался косвеннымъ образомъ поправить комичное впечатлѣніе, произведенное этимъ обвинительнымъ актомъ, который былъ совсѣмъ не къ лицу скептическому жрецу jemenfoutisme'а... Но свободенъ ли, впрочемъ, отъ этихъ припадковъ «убѣжденія» и Анатоль Франсъ?

Только что приведенный мною фактъ наводитъ меня на одну общую мысль. Критики импрессіонизма горячо защищаютъ свободу и прихотливость своихъ впечатлѣній и отзывовъ и ссылаются даже при этомъ на Сентъ-Бева (по моему, несправедливо, ибо у послѣдняго общественно-психологическое

---

*) См. Les contemporains; Парижъ, 1888, первая серія, стр. 303—204 двѣнадцатаго изд.

**) l. c., стр. 355.

объясненіе данной книги, пониманіе и конструированіе личности автора играли всегда важную роль). Но такъ ли они ужъ свободны въ своихъ впечатлѣніяхъ, эти почтенные любители переливовъ убѣжденій «нѣсколькихъ философій сразу»? Не найдемъ-ли мы въ этой свободной игрѣ ощущеній какого либо центра, основной точки, вокругъ которой колеблются въ ту и другую сторону эстетическіе приговоры критиковъ, но отъ которой они никогда значительно не удаляются? Этотъ центръ, этотъ пунктъ привѣса, вокругъ котораго колеблется импрессіонистскій маятникъ, дѣйствительно, есть, и пунктъ этотъ—приличія и предразсудки буржуазной среды. Мнѣ, напр., очень характерно показалось слѣдующее обстоятельство, и я попрошу самихъ читателей провѣрить это впечатлѣніе. Оба наши критика мѣряютъ Золя и Мопассана совершенно разными мѣрами и вѣшаютъ различными вѣсами. Возьмите соотвѣтствующіе этюды и сравните пріемы импрессіонистской критики по отношенію къ упомянутымъ авторамъ. Ихъ симпатіи лежатъ, очевидно, на сторонѣ Мопассана; конечно, они не могутъ отрицать литературнаго значенія Золя, но, читая ихъ, чувствуешь, что это имъ дорого стоитъ. И если у Леметра прорываются ноты уваженія, а порою, прямого сочувствія къ большому «эпическому таланту» Золя, то Франсъ (пишущій, главнымъ образомъ, по поводу «Земли» и «Грезы»), можно сказать, раздѣлываетъ плодовитаго романиста съ живостью и увѣренностью, которыя являются очень подозрительными у владѣльца «нѣсколькихъ философій». Для вящшаго убѣжденія читателей въ томъ, что Золя не знаетъ и никогда не видѣлъ описываемыхъ имъ крестьянъ, Франсъ приводитъ даже въ доказательство комичное письмо нѣкоего доктора, выдающаго аттестатъ добропорядочности французскому мужику, и сопровождаетъ свою критику «патріотическимъ» доносомъ Ульбаха на Золя. И однако, что же новаго и особенно дурного сказалъ о крестьянахъ Золя, чего вы не нашли бы въ разсказахъ Мопассана изъ деревенской жизни? Отвѣтствуйте хоть вы, г. Леметръ, вы, который собрали въ вашемъ этюдѣ коллекцію ужасныхъ крестьянскихъ типовъ изъ этихъ разсказовъ *)! Какъ вамъ нравится эта милая семья крестьянъ, которые ѣдятъ колбасу на трупѣ дѣда? А кабатчикъ, который отравляетъ водкой старую бабу изъ-за своихъ личныхъ интересовъ? А добродѣтельный крестьянинъ, который насилуетъ свою служанку, а затѣмъ, когда она дѣлается его женой, безчеловѣчно бьетъ ее за то, что она даетъ ему «наслѣдниковъ»? и т. д. Но вы прощаете это Мопассану, и я скажу вамъ, почему. Потому, что Мопассанъ, изображая порою ненужныя скабрезности (правда, почти всегда въ великолѣпной формѣ), не говорилъ такъ свободно и такъ цинически-развязно, какъ Золя въ своей

*) Les Contemporains, первая серія, стр. 295.

«Землѣ», о нѣкоторыхъ традиціяхъ, которыя уважаются чисто внѣшнимъ образомъ въ вашей «приличной» средѣ! Потому, что Золя черезчуръ откровенно представилъ грязь и разложеніе этой «приличной» среды въ Pot-bouill'ѣ.

И такъ, вотъ что такое эта свободная игра импрессіонистской критики: глубочайшій индифферентизмъ ко всему, кромѣ свего *я*, его комфорта и ощущеній; но защита буржуазной среды, ея матеріальныхъ интересовъ и ея предразсудковъ, какъ только дѣло заходитъ о колебаніи этихъ основъ и того мягкаго кресла, въ которомъ сидятъ и эпикурействуютъ элегантные jemenfoutiste'ы.

Н. К.

Капиталистическая идиллія.

Гергартъ фонъ Шульце-Геверницъ. Крупное производство, его значеніе для экономическаго и соціальнаго прогресса.—Этюдъ изъ области хлопчато-бумажной промышленности. Подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Б. Струве. Въ приложеніи лекція проф. Е. фонъ Филипповича; „Экономическій прогрессъ и успѣхи культуры". 1897.

Странное впечатлѣніе производитъ лежащая передъ нами книга. Состоитъ она изъ трехъ частей: довольно обширнаго предисловія, написаннаго П. Б. Струве; изслѣдованія фрейбургскаго профессора Шульце-Геверпитца о крупномъ производствѣ и лекціи вѣнскаго профессора Филипповича. Каждое изъ этихъ произведеній представляетъ самостоятельный, болѣе или менѣе значительный интересъ; но два изъ нихъ находятся въ рѣшительномъ противорѣчіи съ третьимъ: идеи, которыя проводятся гг. Струве и Филипповичемъ по многимъ существеннымъ пунктамъ опровергаютъ то, что утверждаетъ и пытается доказать Шульце-Геверницъ. При чтеніи этой книги естественно возникаетъ вопросъ: въ чемъ же заключается внутренняя связь между тремя ея частями? Для какой цѣли и во имя чего онѣ соединены въ одномъ изданіи и подъ одной редакціей?

Шульце-Геверницъ принципіальный сторонникъ капиталистическаго строя и въ частности крупнаго производства, и книга его имѣетъ цѣлью доказать не только возможность соціальнаго прогресса на почвѣ существующей организаціи народнаго хозяйства, но и непреложную необходимость такого прогресса при крупномъ производствѣ, устроенномъ на капиталистическихъ началахъ. Капиталистическое производство въ крупныхъ размѣрахъ въ глазахъ Шульце-Геверница является не только условіемъ, не препятствующимъ улучше-

нію быта рабочихъ, но служитъ главнѣйшей и могущественнѣйшей причиной всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ улучшеній въ этой области. Раздѣляя убѣжденіе Брентано, что «улучшеніе положенія трудящихся классовъ совершается путемъ дальнѣйшаго развитія существующей хозяйственной системы», Шульце-Геверницъ хочетъ показать, какъ побѣда крупной формы промышленности на почвѣ существующей капиталистической организаціи «вызываетъ сперва техническій, а послѣ соціальный прогрессъ, и какъ рука объ руку съ этимъ переворотомъ идетъ и подъемъ рабочаго класса». Фрейбургскій профессоръ, стремясь обосновать это положеніе, руководится не одними научными цѣлями; онъ желаетъ нанести ударъ соціалистамъ, полагающимъ, что «современное экономическое развитіе приковываетъ работника къ жизненному минимуму, и что на почвѣ этого развитія прогрессивное улучшеніе его, а въ особенности прочное повышеніе заработной платы, невозможно». По мнѣнію Шульце-Геверница, изображеніе соціальнаго прогресса, совершающагося на почвѣ крупнаго капиталистическаго производства, «было бы лучшимъ средствомъ борьбы съ тѣмъ соціальнымъ пессимизмомъ, который полагаетъ, что современное экономическое развитіе ведетъ къ общественной катастрофѣ...».

Итакъ, крупное производство на капиталистическихъ началахъ— двигатель соціальнаго прогресса. Шульце - Геверницъ считаетъ ошибочнымъ «воззрѣніе Карла Маркса, что трудящіеся классы, экономическое положеніе которыхъ понижается съ развитіемъ крупной промышленности, становятся въ то же время все большей и большей политической силой»...

Шульце-Геверницъ, отвергая практическіе выводы того направленія, противъ котораго онъ возстаетъ, вполнѣ послѣдовательно отвергаетъ и теоретическую основу этихъ выводовъ. Онъ совершенно правильно видитъ эту основу въ ученіи Рикардо о заработной платѣ, получившемъ дальнѣйшее развитіе въ трудахъ Маркса. Свое разногласіе съ Рикардо Шульце-Геверницъ формулируетъ очень ясно и опредѣленно, говоря, что по Рикардо «развитіе крупной промышленности, которое онъ (Рикардо) уже имѣлъ передъ глазами, вовсе еще не означаетъ въ то же время и соціальнаго развитія». Это несомнѣнно вытекаетъ изъ теоретическаго ученія Рикардо о заработной платѣ, какъ вытекаетъ изъ дальнѣйшаго развитія этого ученія — теорія прибавочной стоимости. Для того, чтобы прочно обосновать свое оптимистическое воззрѣніе, Шульце-Геверницу слѣдовало бы опровергнуть прежде всего теоретическія положенія, на которыхъ основаны взгляды, составляющіе то, что онъ называетъ соціальнымъ пессимизмомъ. Но онъ этого не дѣлаетъ, ссылаясь относительно Рикардо на чужія мнѣнія, относительно же Маркса ограничиваясь бѣглыми замѣчаніями. Какую цѣну имѣютъ эти замѣчанія, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. «Прядильщикъ на мюляхъ,—говоритъ Шульце-Геверницъ на

стр. 168—работаетъ не въ 2,000 разъ больше, чѣмъ прилежная пряха стараго времени, а ткачъ на механическомъ станкѣ не въ 40 разъ больше неутомимѣйшаго изъ ручныхъ ткачей, и однако же, производительность перваго какъ разъ въ 2,000 разъ, а второго въ 40 разъ выше производительности при старыхъ способахъ производства». Къ этому положенію авторъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Опроверженіе извѣстнаго ученія о такъ называемой «прибавочной стоимости». Это лаконическое заявленіе, представляющее изумительный примѣръ непониманія Маркса, достаточно характеризуетъ Шульце-Геверница, какъ теоретика, и вполнѣ объясняетъ, почему онъ воздержался отъ критики теорій «соціальнаго пессимизма».

Шульце-Геверницъ предпочитаетъ доказывать свои взгляды на конкретномъ примѣрѣ, именно, на исторіи хлопчатобумажной промышленности въ Англіи. Цѣлымъ рядомъ любопытныхъ данныхъ онъ характеризуетъ громадный техническій прогрессъ, достигнутый названной отраслью промышленности за послѣднія 60 лѣтъ, сопоставляя при этомъ свои выводы съ фактами, относящимися къ Германіи. Оказывается, что въ Англіи, гдѣ хлопчатобумажная промышленность вполнѣ организована на началахъ крупнаго производства, рабочій управляетъ почти вдвое большимъ числомъ машинъ, чѣмъ въ Германіи, гдѣ хлопчатобумажная промышленность не достигла еще такого развитія. Самыя машины въ Англіи идутъ скорѣе; потери сравнительно съ теоретическою производительностью меньше; сниманіе и надѣваніе катушекъ требуетъ меньше времени, разрывы нитей случаются рѣже, а связываніе разорванныхъ производится скорѣе. Отсюда слѣдуетъ, что издержки на трудъ для каждаго фунта пряжи, въ особенности если считать и издержки по надзору, въ Англіи положительно ниже чѣмъ въ Германіи.

Изобразивъ техническое развитіе англійской хлопчатобумажной промышленности за послѣднія десятилѣтія, Шульце-Геверницъ рисуетъ яркую картину благосостоянія, которымъ, по его словамъ, пользуются рабочіе, благодаря техническому прогрессу производства. Проводя и въ этомъ отношеніи параллель съ Германіей, онъ констатируетъ, что заработная плата англійскихъ прядильщиковъ почти вдвое выше нѣмецкой, а рабочій день рѣдко гдѣ превышаетъ 9 часовъ, противъ 11—11½ часовъ нѣмецкихъ фабрикъ. Затѣмъ авторъ приводитъ бюджеты нѣсколькихъ рабочихъ семей Ланкашира, въ доказательство того, что «крупная промышленность въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она всего ранѣе утвердилась и наиболѣе развилась, отнюдь не создаетъ пролетаріевъ» (стр. 236). Въ подтвержденіе сказаннаго Шульце Геверницъ даетъ описаніе обстановки, въ которой живутъ англійскіе прядильщики и ткачи,—обстановки, которой у насъ позавидовали бы многіе чиновники, получающіе не только мелкіе, но-

и средніе оклады. Но особенно характеристичнымъ для высокаго положенія хлопчатобумажныхъ рабочихъ Ланкашира авторъ считаетъ «широкое распространеніе среди нихъ владѣльцевъ капиталовъ, накопляемыхъ изъ излишковъ многочисленныхъ (?) рабочихъ бюджетовъ. Здѣсь,—замѣчаетъ Шульце-Геверницъ,—мы имѣемъ дѣло съ своего рода экономической децентрализаціей общества, происходящей путемъ все болѣе и болѣе равномѣрнаго распредѣленія собственности — что является слѣдствіемъ развитой крупной индустріи, какъ мы уже видѣли это выше» (стр. 253).

Свои выводы относительно хлопчатобумажнаго производства авторъ распространяетъ и «на другія отрасли современной крупной промышленности, поскольку ихъ продукты допускаютъ измѣреніе и сравненіе между различными странами міра» (стр. 166). На стр. 244 и слѣд. приводится нѣсколько бюджетовъ въ доказательство «того, что хлопчатобумажные рабочіе Ланкашира отнюдь не находятся въ исключительномъ положеніи, и что, напротивъ, таково же положеніе *вообще всѣхъ* рабочихъ англійской крупной промышленности». Резюмируя свои общія соображенія о значеніи развитія крупнаго производства для распредѣленія народнаго дохода, Шульце-Геверницъ противопоставляетъ двѣ точки зрѣнія. Въ Германіи, по его словамъ, пользуется широкимъ распространеніемъ взглядъ, по которому «крупная промышленность пролетаризируетъ общество и уничтожаетъ средніе слои. Бѣдные дѣлаются бѣднѣе, богатые богаче... Для насъ, говоритъ Шульце-Геверницъ, каждая фабричная труба знакъ не только экономическаго, но и соціальнаго прогресса».

Прежде всего возникаетъ вопросъ, какъ широки предѣлы того соціальнаго прогресса, символомъ котораго служитъ фабричная труба? Распространяется ли благосостояніе, такъ ярко изображенное Шульце-Геверницомъ, на весь рабочій классъ или, по крайней мѣрѣ, на значительное большинство его? Самъ Шульце-Геверницъ ограничиваетъ свои выводы исключительно крупной промышленностью и притомъ того типа, къ которому относится хлопчато-бумажная промышленность Ланкашира. Онъ придаетъ въ этомъ отношеніи важное значеніе цѣлому ряду условій, отмѣчаемыхъ имъ при сравненіи описаннаго выше положенія дѣлъ въ Ланкаширѣ съ состояніемъ камвольной (шерстяной) промышленности въ Брэдфордѣ. «Мы попадаемъ здѣсь,—говоритъ авторъ,—въ совершенно иной, какъ экономическій, такъ и соціальный міръ. Уже рынокъ сырья здѣсь менѣе развитъ, чѣмъ въ бумагопрядильной промышленности. Тогда какъ прядильщикъ Ланкашира покупаетъ изъ недѣли въ недѣлю, шерсть продается въ Ливерпулѣ съ аукціона лишь два раза въ годъ. Поэтому въ Брэдфордѣ необходимъ особый классъ шерстяныхъ торговцевъ, которые поручаютъ смѣшиванье и выческу шерсти особымъ подрядчикамъ. Обѣ эти работы вполнѣ носятъ характеръ сезонныхъ работъ: онѣ производятся лишь въ теченіе части года, съ примѣненіемъ дневныхъ и ночныхъ смѣнъ,

причемъ заработная плата низка, а обстановка труда вредна для здоровья... Въ смыслѣ экономическаго развитія шерстопряденіе и шерстоткачество Брэдфорда уступаютъ Ланкаширу: среднее число веретенъ на 1 прядильню Іоркшира равно 10,000, среднее же число станковъ въ шерстоткацкихъ Брэдфорда 60—100 штукъ... Точно также и условія труда въ шерстопрядильняхъ Іоркшира и stuff-good-ткацкихъ Брэдфорда значительно хуже Ланкаширскихъ» (стр. 274). Изъ приведенныхъ словъ видно, что Шульце-Геверницъ ставитъ соціальный прогрессъ въ прямую связь съ развитіемъ крупной промышленности въ извѣстномъ спеціальномъ смыслѣ, который онъ опредѣляетъ, объясняя указанныя выше различія между Ланкаширомъ и Брэдфордомъ тѣмъ, что въ послѣднемъ округѣ «дѣло идетъ отнюдь не о той крупной промышленности, которая основывается *на вывозъ* и, подобно Ланкаширской индустріи, господствуетъ въ своей области *надъ міровымъ рынкомъ*» (стр. 275).

По убѣжденію Шульце-Геверница, развитіе крупной промышленности служитъ причиной соціальнаго прогресса; поэтому ходъ послѣдняго опредѣляется степенью, въ какой крупная промышленность успѣла централизоваться и овладѣть обширными рынками. Авторъ подтверждаетъ это положеніе не только различіемъ экономическихъ и соціальныхъ условій Ланкашира и Брэдфорда, но и сходствомъ въ указанныхъ отношеніяхъ между Брэдфордомъ и Германіей. «Между нѣмецкой и англійской шерстопрядильной промышленностью, — говоритъ Шульце-Геверницъ, — существуетъ, правда, значительное раздѣленіе труда, благодаря чему во многихъ отношеніяхъ между ними нѣтъ непосредственной конкурренціи; но, принимая во вниманіе всѣ условія, мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что по своему экономическому развитію нѣмецкая и англійская промышленность въ данномъ случаѣ стоятъ на одинаковой ступени. *Отсюда одинаковость соціальныхъ отношеній* и тутъ и тамъ, *отсюда различіе между Брэдфордомъ и Ланкаширомъ*, хотя они отдѣлены другъ отъ друга всего часомъ желѣзнодорожной ѣзды» (стр. 275).

Такое положеніе требуетъ очень вѣскихъ доказательствъ. Одинъ фактъ совпаденія благопріятныхъ соціальныхъ условій въ Ланкаширѣ съ широкимъ развитіемъ крупнаго производства и менѣе благопріятныхъ соціальныхъ условій въ Брэдфордѣ и Германіи съ менѣе широкимъ развитіемъ крупной промышленности не доказываетъ еще положеній, высказанныхъ Шульце-Геверницемъ. Въ этомъ случаѣ, какъ всякому понятно, подобный пріемъ доказательства не примѣнимъ, потому что могутъ существовать помимо развитія промышленности и другія причины, вліяющія на соціальное положеніе рабочаго класса. Шульце-Геверницъ и не ограничивается приведенными выше сопоставленіями. Онъ стремится показать, что крупная промышленность неизбѣжно ведетъ къ улучшенію быта рабочихъ, потому что она заинтересована въ соціальномъ прогрессѣ.

Если это такъ, то между предпринимателями и рабочими въ крупной индустріи должна существовать естественная гармонія интересовъ, которая неизбѣжно и проявится въ отношеніяхъ между ними. Шульце-Гевернитцъ пытается убѣдить насъ, что такъ именно и обстоитъ дѣло въ Ланкаширѣ. По его словамъ, «въ (англійскомъ) хлопчатобумажномъ производствѣ исчезла принципіальная противоположность между капиталомъ и трудомъ» (стр. 191), и отношенія настолько миролюбивы, что «наиболѣе развитые рабочіе по свободному рѣшенію выбираютъ хозяина въ парламентъ». Положеніе предпринимателя, какъ утверждаетъ Шульце-Гевернитцъ, настолько заманчиво при такихъ условіяхъ, что оно пріобрѣтаетъ «значеніе, которое имѣетъ свою цѣну и какъ идеальное благо. Такимъ идеальнымъ благомъ,—поясняетъ авторъ,—конечно, является сознаніе, что стоишь въ первомъ ряду людей, водворяющихъ въ странѣ внутренній миръ» (стр. 209).

Подобныя отношенія могутъ установиться только подъ условіемъ принципіальной гармоніи между интересами труда и капитала. Здѣсь мы подходимъ, наконецъ, къ теоретической основѣ вопроса, которымъ занимается Шульце-Геверницъ, къ ученію о заработной платѣ. Мы видѣли выше, что онъ выступаетъ въ этой области противникомъ и Рикардо, и К. Маркса; и совершенно понятно, что, оставаясь на почвѣ ученія этихъ писателей о заработной платѣ и отношенія ея къ прибыли, невозможно усматривать гармонію интересовъ предпринимателя и рабочаго, которымъ приходится дѣлить между собою цѣнность, создаваемую трудомъ послѣдняго изъ нихъ.

Чѣмъ меньше будетъ доля рабочаго, тѣмъ больше доля хозяина: вмѣсто гармоніи мы находимъ антагонизмъ, вмѣсто соединенія—борьбу. Не такъ смотритъ на дѣло Шульце-Геверитцъ. Отвергая, но не опровергая теорію прибавочной стоимости, онъ стремится доказать, что интересы крупнаго фабриканта и рабочаго въ отношеніи даже заработной платы совпадаютъ. Онъ исходитъ изъ того положенія, что съ развитіемъ индустріи машины становятся все дороже, количество продукта на 1 рабочаго непомѣрно возрастаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и отвѣтственность отдѣльнаго рабочаго... «Отъ того полуголоднаго фабричнаго пролетаріата, который крупная промышленность создала при своемъ появленіи, нельзя требовать ни физической ловкости, ни интеллигентности, ни принятія на себя отвѣтственности. Для всего этого необходимъ болѣе высокій жизненный уровень и надлежащее сокращеніе рабочаго времени». Можетъ ли быть достигнуто и то и другое безъ ущерба для хозяйственнаго прогресса? Шульце-Геверитцъ отвѣчаетъ утвердительно:—«результатомъ техническаго прогресса является громадное возрастаніе производства. Благодаря ему дѣлается возможнымъ соотвѣтственное пониженіе задѣльной заработной платы. Однако послѣдняя понижается не въ одинаковой пропорціи съ возрастаніемъ производства: въ такомъ случаѣ положеніе рабочаго оставалось бы

безъ перемѣны. Напротивъ, пониженіе задѣльной платы нѣсколько отстаетъ отъ увеличенія производства, такъ что недѣльный заработокъ растетъ. Ткачъ, работающій съ 4 станками, на каждый изъ нихъ получаетъ значительно меньше, чѣмъ ткачъ, управляющійся съ однимъ станкомъ; но на каждый изъ своихъ станковъ первый получаетъ больше четверти заработка второго. Онъ *долженъ получать болѣе, ибо иначе* его жизненный уровень не могъ бы быть выше, чѣмъ ткача, работающаго на одномъ станкѣ. Но при жизненномъ уровнѣ послѣдняго немыслимъ рабочій, справляющійся съ 4 станками (стр. 172). Поэтому-то справедливо парадоксальное на первый взглядъ утвержденіе, что высота жизненнаго уровня рабочихъ классовъ служитъ показателемъ промышленной силы націи, ибо она въ то же время показываетъ и степень техническаго прогресса» (стр. 174). То, что говоритъ Шульце-Геверницъ о заработной платѣ составляетъ процессъ ея увеличенія, который въ данномъ случаѣ совершается въ формѣ, представляющейся пониженіемъ задѣльной платы; если благодаря усовершенствованію машинъ, рабочій въ теченіе одного дня производитъ въ 10 разъ большее количество даннаго продукта, чѣмъ раньше, то понятно, что его заработокъ при задѣльной платѣ останется прежнимъ лишь въ томъ случаѣ, если послѣдняя будетъ понижена въ 10 разъ на каждую единицу продукта. Если же она понизится только въ 9 разъ, то заработокъ повысится. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ процессомъ повышенія заработной платы, и намъ въ данномъ случаѣ рѣшительно все равно, въ какой формѣ онъ совершается. Важенъ фактъ повышенія, и намъ нужно знать, насколько этотъ фактъ гармонируетъ съ интересами капитала. Шульце-Геверницъ усматриваетъ въ этомъ случаѣ гармонію, исходя изъ того положенія, что крупная промышленность нуждается въ интеллигентныхъ рабочихъ, а такъ какъ рабочій не можетъ быть интеллигентнымъ при низкомъ жизненномъ уровнѣ, то, слѣдовательно, крупная промышленность заинтересована въ поднятіи жизненнаго уровня рабочаго класса.

Приведенное разсужденіе совершенно оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о степени интеллигентности, которая требуется отъ рабочаго въ интересахъ производства, и относительной высоты того жизненнаго уровня, которымъ обусловливается необходимая, съ этой точки зрѣнія, степень умственнаго развитія рабочаго персонала.

Во первыхъ, далеко нельзя утверждать, что машинное производство даже при пользованіи сложными и усовершенствованными механизмами требуетъ отъ рабочаго значительнаго умственнаго развитія или хотя бы большаго развитія, чѣмъ какое требуется отъ ремесленника, въ особенности въ нѣкоторыхъ болѣе сложныхъ ремеслахъ. Мнѣніе Маркса по этому вопросу было весьма опредѣленное и, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, прямо противоположное мнѣнію Шульце-Геверница. «Въ то время, какъ машин

ная работа,—говоритъ авторъ «Капитала»,—въ высшей степени напрягаетъ нервную систему, она вмѣстѣ съ тѣмъ подавляетъ разностороннюю игру мускуловъ и прекращаетъ всякую свободу физической и умственной дѣятельности. Даже облегченіе работы дѣлается орудіемъ пытки, потому что машина не освобождаетъ рабочаго отъ труда, но освобождаетъ его трудъ отъ содержанія. Всякому капиталистическому производству, насколько оно является не только рабочимъ процессомъ, но также процессомъ употребленія капитала для полученія прибавочной стоимости, свойственно то, что не рабочій примѣняетъ условія труда, а, наоборотъ, условія труда примѣняютъ рабочаго; но только при машинномъ производствѣ это противоположеніе дѣлается технически ощутимой дѣйствительностью. Благодаря превращенію рабочаго въ автомата, орудіе производства во время самого производственнаго процесса выступаетъ передъ рабочимъ, какъ капиталъ, какъ мертвый трудъ, который господствуетъ надъ живой работой и высасываетъ ее. Отдѣленіе умственныхъ факторовъ производственнаго процесса отъ ручного труда и превращеніе этихъ факторовъ въ силы капитала, господствующія надъ трудомъ, получаютъ свое завершеніе, какъ было раньше сказано, въ крупномъ производствѣ, основанномъ на примѣненіи машинъ». (Das Kapital, I, 432).

Во вторыхъ, если усовершенствованные механизмы, употребляемые въ настоящее время въ производствѣ, и требуютъ болѣе ловкаго и развитого рабочаго, то размѣръ этихъ требованій далеко не такъ великъ, чтобы можно было изображать машину двигателемъ умственнаго прогресса рабочихъ классовъ. Если машина и предъявляетъ по отношенію къ себѣ нѣкоторыя требованія рабочему, то эти требованія, во всякомъ случаѣ, далеко не достаточны, чтобы содѣйствовать подъему рабочаго класса до того уровня, до котораго онъ долженъ возвыситься, чтобы представлять изъ себя интеллигентную силу; а именно такова должна быть цѣль соціальнаго прогресса. Въ третьихъ, степень интеллигентности, необходимая по условіямъ машиннаго производства, отнюдь не связана неизбѣжно съ такимъ высокимъ жизненнымъ уровнемъ, какого стремятся достигнуть рабочіе въ передовыхъ странахъ, напримѣръ, съ такимъ уровнемъ сравнительнаго благосостоянія, какимъ пользуются ланкаширскіе рабочіе, по описанію Шульце-Геверница. Если потребностямъ крупной индустріи не можетъ удовлетворить полуголодный пролетаріатъ, то отсюда вовсе еще нельзя заключать, какъ это дѣлаетъ только что названный экономистъ, что развитая промышленность требуетъ вполнѣ интеллигентныхъ и матеріально обезпеченныхъ рабочихъ.

Если мы обратимся къ дѣйствительности, то увидимъ, что она категорически опровергаетъ Шульце Геверница и безпощадно разрушаетъ идиллію, которую онъ нарисовалъ въ своей книгѣ. Прежде всего нужно замѣтить, что отнюдь не всѣ рабочіе въ текстильныхъ производствахъ живутъ въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ.

какія изображены были нѣмецкимъ профессоромъ: по свидѣтельству Сиднея Вебба, значительныя категоріи рабочихъ участвующихъ въ упомянутыхъ производствахъ въ качествѣ ткачей, ворсильщиковъ и т. п., не зарабатываютъ и 1 фунта въ недѣлю (Labour in the longest reign 1837—1897 by Sidney Webb, стр. 20). Но оставимъ въ сторонѣ даже это обстоятельство и посмотримъ, какими причинами обусловливается высокая заработная плата тѣхъ рабочихъ, которыхъ имѣетъ въ виду Шульце-Геверництцъ. Его положеніе сводится къ тому, что такая заработная плата необходима по техническимъ условіямъ крупнаго производства, въ данномъ случаѣ хлопчатобумажнаго, и что поэтому высокое вознагражденіе ланкаширскихъ рабочихъ отвѣчаетъ не только ихъ собственнымъ интересамъ, но также интересамъ капитала. Посмотримъ что говорятъ факты.

Одинъ изъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ Ланкашира далъ слѣдующія показанія передъ Коммиссіей Труда въ 1891 году. Между предсѣдательствующимъ, членомъ парламента Мунделлой, и свидѣтелемъ Аленнъ Росселемъ происходилъ слѣдующій діалогъ.

Предс. Какое вліяніе, по вашему мнѣнію, имѣли рабочіе союзы?

Свид. Вы спрашиваете относительно рабочихъ?

Пред. Прежде всего относительно заработной платы.

Свид. Они (рабочіе союзы), безъ сомнѣнія, заставили (forced) предпринимателей платить болѣе высокое вознагражденіе за трудъ, чѣмъ то, которое предприниматели въ состояніи платить. Другими словами, заработная плата берется изъ хозяйскихъ кармановъ.

Пред. Согласны ли вы, въ общемъ, съ г. Симпсономъ (другой свидѣтель) въ томъ, что рабочіе при посредствѣ своихъ союзовъ добились слишкомъ широкаго участія въ прибыляхъ хлопчатобумажнаго производства?

Свид. Да, дѣйствительно...

Послѣ этихъ заявленій предсѣдатель ставитъ на видъ свидѣтелю, что заработная плата устанавливается по взаимному соглашенію между ассоціаціями предпринимателей (Masters' Association) и рабочихъ (Workmen's Association). Слѣдов., предприниматели приняли по соглашенію съ рабочими и ту норму заработной платы, на которую жалуется свидѣтель. Чѣмъ же объяснить въ такомъ случаѣ чрезмѣрную высоту этой нормы?

Свид. Я спрашивалъ г. Симпсона относительно послѣдняго повышенія заработной платы—и говорилъ ему, что это безумный поступокъ. Я сказалъ: «мы не успѣемъ много состариться, какъ въ положеніи нашей промышленности произойдетъ серьезное ухудшеніе. Что вы дѣлаете, соглашаясь на подобное предложеніе? Черезъ какихъ нибудъ три мѣсяца оно было бы снято съ очереди». Изъ дальнѣйшаго опроса выясняется, что Симпсонъ, состоящій членомъ исполнительнаго комитета Ассоціаціи предпринимателей,

высказывался противъ повышенія заработной платы, но комитетъ всетаки согласился исполнить требованіе рабочихъ, потому что, по словамъ свидѣтеля, «рабочіе союзы *вырываютъ*, какъ въ настоящемъ случаѣ, такую плату, какой производство не можетъ оплачивать».

Пред. Они не вырываютъ въ буквальномъ смыслѣ, т. е. безъ согласія предпринимателей?

Свид. Безъ сомнѣнія согласіе дается, но противъ воли. Даже рабочіе смѣются по поводу послѣдняго повышенія платы.

Свидѣтель заявляетъ, что если онъ состоитъ членомъ Ассоціаціи предпринимателей, то съ единственной цѣлью «показать свое сочувствіе цѣлямъ, которыя она преслѣдуетъ, т. е. положить предѣлъ несправедливымъ пререканіямъ рабочихъ союзовъ».

Пред. Изъ вашихъ показаній можно заключить, что, по вашему мнѣнію, союзы дѣйствуютъ неблагопріятно на рабочихъ, какъ относительно качества работы, такъ и въ смыслѣ духа антагонизма и инсубординаціи, который они создаютъ?

Свид. Да.

Пред. Получаете ли вы въ Ланкаширѣ хорошую работу благодаря вознагражденію за трудъ, которое вы платите?

Свид. Есть исключенія. Производится не мало и плохой работы.

Пред. И это можно приписать вліянію союзовъ?

Свид. Это нужно приписать тому, что трудно управлять рабочими. Въ ихъ головахъ засѣла мысль, что они хозяева, и я приписываю это въ очень значительной степени вліянію союзовъ.

Пред. Вы говорите, что рабочіе заставляютъ предпринимателей дѣлать то, что нравится рабочимъ, а не то, что отвѣчаетъ условіямъ рынка?

Свид. Они стремятся такъ дѣйствовать.

Пред. Но, конечно, рабочіе не могутъ заставить васъ сдѣлать то, чего вы не хотите дѣлать?

Свид. Они будутъ плохо работать, если вы не исполните ихъ желаній. *)

Коммиссія допрашиваетъ рабочаго—ткача, Дж. Вилькока, который утверждаетъ, что союзы не приносятъ никакой пользы рабочимъ, потому что предприниматели и безъ давленія союзовъ повысили бы плату за трудъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это было бы возможно по условіямъ производства. Между свидѣтелемъ и членомъ коммиссіи Маудслеемъ происходитъ слѣдующій разговоръ.

Маудслей. Вы нѣсколько разъ говорили, что предприниматели повышали бы плату за трудъ и безъ вмѣшательства союза?

Свид. Да.

---

*) Royal commission on Labour. Minutes of Evidence Group. C, vol. I, Textile стр. 138. и слѣд.

Маудс. Не будете ли вы добры привести намъ примѣръ такого повышенія въ хлопчато бумажной промышленности?

Свид. Такіе примѣры извѣстны.

Маудс. Отлично; но приведите намъ какой нибудь случай.

Свид. Я не могу привести вамъ такого случая.

Маудс. Такъ вы продолжаете утверждать, что подобные случаи бывали, но вы не можете привести ни одного изъ нихъ?

Свид. Нѣтъ.

Маудслей спрашиваетъ свидѣтеля, добивался ли онъ когда нибудь повышенія заработной платы безъ вмѣшательства союза?

Свид. Нѣтъ, никогда.

Маудс. И вамъ теперь около 40 лѣтъ?

Свид. Да, около того *).

Отношенія, изображаемыя въ приведенныхъ показаніяхъ, свидѣтельствуютъ, что Ланкаширъ не представляетъ въ дѣйствительности идилліи, которую изображаетъ Шульце-Геверницъ: здѣсь, какъ во всѣхъ сферахъ крупной промышленности, ведется борьба между трудомъ и капиталомъ, и сравнительное благосостояніе рабочихъ является результатомъ этой борьбы, знаменуя собою отнюдь не гармонію между интересами работодателей и нанимаемыхъ. Вопреки утвержденію Шульце - Геверница, ланкаширскіе предприниматели вовсе не считаютъ выгоднымъ для себя платить рабочимъ такое вознагражденіе за трудъ, которое обезпечивало бы имъ высокую степень матеріальнаго благосостоянія, и если они соглашаются на повышеніе заработной платы, то исключительно подъ давленіемъ рабочихъ союзовъ. Слѣдовательно, крупная промышленность не вноситъ гармоніи въ отношенія между предпринимателями и рабочими и сама по себѣ не гарантируетъ соціальнаго прогресса; онъ наступаетъ лишь тогда, когда плодами усовершенствованнаго производства могутъ воспользоваться обширные классы населенія. Въ Ланкаширѣ мы видимъ примѣръ сравнительно широкаго участія рабочихъ въ пользованіи результатами производственнаго процесса; въ Брэдфордѣ, гдѣ, по словамъ самого же Шульце-Геверница, рабочіе плохо организованы, картина мѣняется. Наконецъ, г. Струве въ предисловіи приводитъ рядъ данныхъ, показывающихъ, что обширные слои рабочаго населенія Англіи совершенно не пользуются плодами экономическаго прогресса, отмѣчающаго развитіе британской промышленности въ последніе 60 лѣтъ.

Выписками изъ Сиднея Вебба, Чарльза Буса и отчета меньшинства Королевской Комиссіи Труда, авторъ предисловія выясняетъ, что, не смотря на колоссальный ростъ англійской промышленности, бѣдность за послѣднія 50 лѣтъ въ Англіи нисколько не уменьшилась. Пространной цитатой изъ Сиднея Вебба, авторъ предисловія

*) Тамъ же, стр. 131.

показываетъ намъ, что въ Англіи, «существуетъ огромное множество людей, экономическое положеніе которыхъ все еще находится на общемъ уровнѣ 1842 г.». По вычисленію Чарльза Буса почти 32°/₀ всего четырехмилліоннаго населенія Лондона принадлежитъ къ тѣмъ четыремъ классамъ населенія, которые, по классификаціи Буса, относятся къ «бѣднякамъ» т. е. живутъ въ состояніи такой хронической нужды, что участь ихъ никогда, даже въ 1842 году, по самой природѣ вещей не могла быть хуже. «Нашему времени,— замѣчаетъ по этому поводу Сидней Веббъ,—досталось на долю явить зрѣлище милліонной слишкомъ массы бѣдняковъ въ предѣлахъ *одного* города. И если мы поближе присмотримся къ ужаснымъ подробностямъ, сообщаемымъ м-ромъ Бусомъ, и примемъ во вниманіе, что помимо этихъ огромныхъ подонковъ, составляющихъ 32°/₀ еще почти цѣлая треть населенія Лондона на самомъ дѣлѣ получаетъ доходъ, недостаточный для безбѣднаго существованія лондонской семьи, то мы почувствуемъ, что нашъ прославленный прогрессъ съ 1842 г., какъ ни какъ, завелъ насъ вовсе не очень далеко... Во всякомъ случаѣ, въ высшей степени вѣроятно, что въ 1892 г. въ Великобританіи существуетъ большее число людей, получающихъ нищенскую заработную плату (Starvation wages—буквально—голодную плату), чѣмъ ихъ было въ 1842 году, хотя число этихъ людей по отношенію ко всему населенію меньше». Въ статьѣ проф. Филипповича, напечатанной въ концѣ той же книги послѣ дифирамба Шульце-Геверница, мы находимъ слѣдующее положеніе, подводящее итогъ мнѣніямъ Буса и Вебба. «Плодами экономическаго прогресса,—говоритъ вѣнскій профессоръ,—дѣйствительно пользуются, кажется, лишь болѣе крупные предприниматели, торговцы, «рентьеры» и всѣ тѣ, кому особое ихъ положеніе гарантируетъ прочность и соотвѣтствующій времени ростъ ихъ доходовъ, а также представители свободныхъ профессій» (стр. 309). Приведя факты въ подтвержденіе своихъ словъ, проф. Филипповичъ говоритъ:—«Подведемъ итоги всему тому, что было сказано выше и что относится также и къ наиболѣе благопріятно обставленнымъ рабочимъ. Дурныя квартирныя условія дѣлаютъ для нихъ затруднительнымъ или невозможнымъ имѣть домашній очагъ, который доставлялъ бы имъ чистыя радости жизни. До сихъ поръ еще нѣтъ ни одного класса рабочихъ, который бы, по своему экономическому положенію, былъ въ состояніи ограничить трудъ женщины преимущественно работой въ собственномъ хозяйствѣ; до сихъ поръ еще рабочее время, въ большей части промышленности, такъ продолжительно, и трудъ, въ связи съ техникой производства, до того напряженъ, что у рабочихъ не остается достаточно ни досуга, ни умственной бодрости для того, чтобы внѣтрудовая жизнь могла быть существенно облагорожена; до сихъ поръ еще опасность безработицы и грозящее вмѣстѣ съ тѣмъ обѣдненіе всей семьи настолько велики, что они дѣйствуютъ парализующимъ образомъ и

губятъ много зародышей предусмотрительности и заботы о будущемъ... Рабочіе видятъ, что жизнь надъ ними дѣлается все прекраснѣе и лучше, а они, какъ ни стараются вкарабкаться выше, снова и снова низвергаются обратно въ низины своего класса» (стр. 321).

Факты, сообщаемые въ лекціи проф. Филипповича и статьѣ г. Струве, должны привести читателя къ заключенію, что прогрессъ чисто экономическій отнюдь не знаменуетъ собою соціальнаго прогресса. Даже въ такой странѣ, какъ Англія,—странѣ, въ которой при широкомъ развитіи и высокомъ техническамъ совершенствѣ производства рабочій классъ располагаетъ всѣми средствами, чтобы организоваться и защищать свои интересы, даже въ Англіи милліоны остаются въ сторонѣ отъ поступательнаго движенія культуры. Въ ихъ существованіе капитализмъ съ его крупной и усовершенствованной промышленностью не внесъ за шестидесятилѣтній періодъ никакихъ улучшеній. Идиллія, нарисованная Шульце-Геверницемъ, оставляетъ совершенно въ тѣни истинныя причины сравнительнаго благосостоянія ланкаширскихъ рабочихъ и даетъ превратное представленіе о положеніи массы рабочаго населенія въ Великобританіи. Основная идея Шульце-Геверница, что крупное производство по самой своей природѣ ведетъ къ соціальному прогрессу, остается недоказанной съ теоретической точки зрѣнія и опровергается фактами.

Г. Струве, выпустившій подъ своей редакціей книгу Шульце-Геверница и присоединившій къ ней статью и лекцію, опровергающія главные ея выводы, держится иного взгляда. По его мнѣнію,—«основное положеніе Шульце-Геверница, что всѣ соціальныя улучшенія, которыя наблюдаются теперь въ сферѣ капиталистическаго хозяйства, тѣсно связаны съ экономическимъ прогрессомъ въ узкомъ смыслѣ, т. е. съ прогрессомъ производства или техники, и безъ него не были бы мыслимы—врядъ ли можетъ быть оспариваемо». Для доказательства этого «основного положенія», нужно полагать, и выпущено г. Струве сочиненіе нѣмецкаго профессора.

Но дѣло въ томъ, что Шульце Геверницъ ставитъ свои основныя положенія ясно и опредѣленно, а г. Струве формулируетъ ихъ такъ, что они подаютъ поводъ къ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Шульце Геверницъ не оставляетъ въ читателѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что по его, Шульце-Геверница, мнѣнію, экономическій прогрессъ въ узкомъ смыслѣ въ силу внутренней необходимости приводитъ къ соціальному прогрессу, отсюда выводъ—содѣйствуйте экономическому прогрессу, и вы тѣмъ самымъ будете работать на пользу рабочаго класса. Не то говоритъ г. Струве: основное положеніе, которое онъ ставитъ, значительно уже того, что утверждаетъ Шульце Геверницъ. Г. Струве не говоритъ, что экономическій прогрессъ въ узкомъ смыслѣ, другими словами, техническій прогрессъ производства, необходимо приводитъ къ соціаль-

ному прогрессу; по его мнѣнію, послѣдній только связанъ съ первымъ: экономическій прогрессъ составляетъ conditio sine qua non соціальнаго прогресса. Другими словами: увеличеніе производительности труда, обусловленное усовершенствованіемъ техники и организаціи производственнаго процесса, является необходимымъ матеріальнымъ условіемъ повышенія заработной платы. Это значитъ, что доля продукта, приходящаяся рабочему, не можетъ возрастать, если не растетъ общая сумма продукта, являющаяся результатомъ производственнаго процесса. Къ этому сводится «основное положеніе» г. Струве, которое онъ ограничиваетъ «сферой капиталистическаго хозяйства».

Изъ сказаннаго отнюдь не вытекаетъ, однако, того, что утверждаетъ Шульце Геверницъ Если экономическій прогрессъ и служитъ матеріальнымъ основаніемъ соціальнаго прогресса, то отсюда не слѣдуетъ, что соціальное положеніе рабочихъ необходимо улучшится при усовершенствованіи производственнаго процесса. Факты, приведенные въ предисловіи г. Струве и освѣщенные лекціей проф. Филипповича, показываютъ, что «въ сферѣ капиталистическаго хозяйства» соціальный прогрессъ можетъ и не слѣдовать за экономическимъ прогрессомъ или можетъ подвигаться крайне медленно въ то время, какъ совершенствованіе производственнаго прогресса идетъ гигантскими шагами. Ростъ и техническій подъемъ производства ведутъ къ увеличенію общей суммы хозяйственныхъ благъ, которыми располагаетъ страна, но въ какой мѣрѣ рабочій классъ участвуетъ въ пользованіи этими благами,—это вопросъ, который при капиталистическомъ хозяйствѣ зависитъ отнюдь не отъ одного техническаго прогресса, но, главнѣйшимъ образомъ, отъ цѣлаго ряда соціальныхъ и политическихъ условій. Мы понимаемъ, по какимъ мотивамъ Шульце-Геверницъ выдвигаетъ на первый планъ производственный процессъ, но почему это дѣлаетъ г. Струве, объяснить трудно. Пропагандировать основную идею Шульце-Геверница даже въ томъ ослабленномъ видѣ, который придаетъ ей авторъ предисловія, значитъ направлять мысль читателя на ту сторону вопроса, которая на практикѣ превосходно обставлена и безъ содѣйствія г. Струве, и отвлекать вниманіе отъ той стороны, которая преднамѣренно или поневолѣ оставляется въ тѣни.

Г. Струве говоритъ, что основное положеніе Шульце-Геверница, отнюдь, впрочемъ, не новое, какъ справедливо замѣчаетъ самъ же авторъ предисловія, «является драгоцѣннымъ оружіемъ въ борьбѣ противъ всякихъ явныхъ и скрытыхъ попытокъ повернуть назадъ колесо исторіи, потому что оно показываетъ не только тщету, но и глубоко реакціонный характеръ этихъ попытокъ». Другими словами, «основное положеніе» Шульце-Геверница доказываетъ тщету и реакціонный характеръ попытокъ, имѣющихъ цѣлью задержать или ограничить распространеніе и развитіе капитализма въ Россіи; упомянутое «основное положеніе» доказываетъ

будто бы, что достигнуть этой цѣли нельзя и стремиться къ ея достиженію не слѣдуетъ. Это мнѣніе, дѣйствительно, нашло бы въ книгѣ Шульце-Геверница сильный доводъ въ свою пользу, если-бы было доказано, что въ сферѣ капиталистическаго хозяйства техническій прогрессъ производства, опирающійся на такой могущественный двигатель, какъ личный разсчетъ, необходимо приводитъ къ соціальному прогрессу. Но это положеніе не доказано; слѣдовательно, книга Шульце Геверница во всякомъ случаѣ не можетъ служить «драгоцѣннымъ оружіемъ», какимъ его считаетъ г. Струве. Еще менѣе она является имъ при томъ смягченіи ея выводовъ, какое произведено въ предисловіи. Можно ли говорить о реакціонномъ характерѣ попытокъ, направленныхъ противъ хозяйственнаго строя, сохраняющаго и поддерживающаго «тотъ ужасающій по своимъ размѣрамъ осадокъ населеній», который, по словамъ меньшинства королевской коммиссіи по рабочему вопросу, «ведетъ отчаянно бѣдную жизнь и рѣдко поднимается надъ уровнемъ голоданія». (Цит. по предисловію г. Струве, стр. IX).

«Основное положеніе» г. Струве, даетъ поводъ и къ другимъ весьма прискорбнымъ недоразумѣніямъ. Если въ сферѣ капиталистическаго хозяйства соціальныя улучшенія немыслимы безъ экономическаго прогресса въ узкомъ смыслѣ, то отсюда слѣдуетъ, что соціальное положеніе рабочихъ можетъ улучшиться только подъ условіемъ повышенія производительности труда, или возрастанія общей суммы продукта, являющагося результатомъ производственнаго процесса.

Такого мнѣнія держится Шульце-Геверницъ, утверждая, что сравнительно низкая заработная плата брэдфордскихъ рабочихъ обусловлена сравнительной отсталостью Брэдфорда съ точки зрѣнія техники и организаціи производства. Отсюда вытекаетъ, что брэдфордскій рабочій не можетъ разсчитывать на улучшеніе условій своей жизни, пока промышленность, дающая ему заработокъ, не поднимется на болѣе высокую ступень экономическаго развитія въ узкомъ смыслѣ. Съ этой точки зрѣнія предприниматель можетъ доказывать тщету всякихъ попытокъ со стороны рабочихъ улучшить свое положеніе при данномъ состояніи производственной техники: въ подтвержденіе своего взгляда онъ сошлется на мнѣніе, по которому въ сферѣ капиталистическаго хозяйства соціальныя улучшенія немыслимы безъ экономическаго прогресса.

Безспорно, что безъ существованія производства нельзя говорить о распредѣленіи и что тѣмъ большей *можетъ оказаться* доля тѣхъ, между которыми распредѣляется продуктъ, чѣмъ значительнѣе сумма этого продукта. Но не подлежитъ сомнѣнію и то, что при данной суммѣ продукта распредѣленіе его можетъ быть весьма различно. Слѣдовательно, нельзя утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Струве, что безъ экономическаго прогресса немыс-

лимъ прогрессъ соціальный; въ извѣстныхъ, во многихъ случаяхъ, очень широкихъ предѣлахъ онъ возможенъ. Техника и организація производства могутъ оставаться неизмѣнными, а заработная плата можетъ повыситься: при данной длинѣ рабочаго дня и данной интенсивности работы, вознагражденіе труда зависитъ отъ пропорціи, въ которой дѣлится рабочій день на необходимое и добавочное рабочее время (Lurplusarbeitzeit). Понятно, что необходимое время, въ теченіе котораго вырабатывается цѣнность, возмѣщающая рабочую силу, можетъ быть удлинено, если сократится добавочное время, въ теченіе котораго вырабатывается прибавочная стоимость, превращающаяся затѣмъ въ прибыль капиталиста. Утверждать, что «всѣ соціальныя улучшенія, которыя наблюдаются теперь въ сферѣ капиталистическаго хозяйства тѣсно связаны съ прогрессомъ производства или техники», значитъ исходить изъ теоретическаго взгляда, который, во всякомъ случаѣ, принципіально расходится съ ученіемъ К. Маркса о заработной платѣ и прибыли. Если же г. Струве имѣлъ въ виду доказать, что заработная плата не можетъ быть высока, если сумма продукта, создаваемаго производственнымъ процессомъ, мала, то это «основное положеніе» сводится къ тому, что часть не можетъ быть больше цѣлаго. Только этотъ тезисъ и успѣли доказать гг. Струве и Шульце-Геверницъ; но имъ не удалось опровергнуть того, что прогрессъ производства или техники при капиталистическомъ хозяйствѣ не знаменуетъ собою необходимо и соціальнаго прогресса, и что при капиталистическомъ хозяйствѣ соціальныя улучшенія возможны при данномъ уровнѣ производственной техники. Примѣръ Ланкашира не можетъ служить «драгоцѣннымъ оружіемъ» для доказательства того, что всюду, гдѣ производство достигнетъ того же техническаго уровня, какого достигла ланкаширская хлопчатобумажная промышленность, положеніе рабочихъ улучшится въ такой же степени, какъ улучшалось положеніе ланкаширскихъ ткачей. Съ другой стороны, нельзя утверждать и того, что въ Брэдфордѣ, при болѣе низкомъ уровнѣ техники производства, положеніе рабочихъ не можетъ улучшиться. Созданіе матеріальнаго базиса для соціальнаго прогресса отнюдь не гарантируетъ при капиталистическомъ хозяйствѣ осуществленія соціальнаго прогресса въ дѣйствительности. Пусть читатели рѣшатъ, что̀ правильнѣе: проводить ли *эту* идею, или пропагандировать противорѣчащее ей «основное положеніе» Шульце-Геверницца. Если г. Струве полагаетъ вмѣстѣ съ этимъ экономистомъ, что каждая фабричная труба необходимо знаменуетъ собою соціальный прогрессъ, то пусть онъ открыто признаетъ это и не вводитъ въ заблужденіе русскихъ читателей. Если же г. Струве не раздѣляетъ воззрѣній Шульце-Геверницца, то я спрашиваю, какую цѣль онъ преслѣдуетъ, пропагандируя его буржуазныя идеи....

А. Мануиловъ.

Новыя слова о старыхъ дѣятеляхъ.

Новыя слова, и въ частности именно новыя слова о старыхъ дѣятеляхъ, за послѣднее время слышатся въ большомъ количествѣ съ разныхъ сторонъ. Все новое болѣе или менѣе интересно, но, памятуя мудрое правило: «необ ятнаго не обымешь», мы въ предѣлахъ настоящей замѣтки собрались говорить лишь о новомъ словѣ, исходящемъ изъ одного опредѣленнаго источника. Прошло нѣсколько лѣтъ съ той поры, какъ въ нашей литературѣ впервые раздался призывъ «идти на выучку къ капитализму», заявленный въ качествѣ боевого клича новаго направленія общественной мысли. Тогда, при первомъ выступленіи своемъ на литературную арену, писатели этого направленія были озабочены, главнымъ образомъ, развитіемъ собственныхъ теоретическихъ взглядомъ и не считали, повидимому, особенно нужнымъ обстоятельно выяснить свое отношеніе къ предшествовавшей имъ русской литературѣ и устанавливать ту или иную тѣсную связь съ нею. Напротивъ, ихъ интересъ къ ней имѣлъ очень односторонній характеръ. Довольствуясь общимъ и достаточно, правду сказать, туманнымъ заявленіемъ, что они служатъ продолжателями стараго западничества, они не искали себѣ ближайшихъ союзниковъ и почти исключительно заняты были полемикой съ несимпатичными имъ направленіями, да и въ ней не шли очень глубоко. Почти всѣ они могли бы повторить о себѣ слова г. Струве, что онъ «не останавливался на историко-литературныхъ деталяхъ, не «рылся» въ старыхъ изданіяхъ» (П. Струве, «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи», с. 1). Въ немногіе годы, прошедшіе съ той поры, много воды утекло. Первоначальная формула: «пойдемъ на выучку къ капитализму» уже весьма скоро писателемъ того же въ общемъ направленія была признана «очень неосторожной», хотя и вытекшей изъ «благороднаго увлеченія западника» (Бельтовъ, «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», с. 286—7), а съ пріобрѣтеніемъ даннымъ направленіемъ постояннаго органа въ видѣ журнала «Новое Слово», въ эту формулу частью ея же авторомъ, частью другими лицами были внесены нѣкоторыя, подчасъ очень многозначительныя, поправки. Это не помѣшало, впрочемъ, старой формулѣ и въ неприкосновенномъ видѣ вновь повторяться на страницахъ названнаго органа. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ органѣ дѣлаются попытки установить въ болѣе опредѣленныхъ чертахъ связь новаго направленія со старыми литературными теченіями. Не ограничиваясь болѣе одной полемикой съ писателями современными, «Новое Слово» пытается оцѣнить съ новыхъ точекъ зрѣнія и дѣятельность

писателей и цѣлыхъ литературныхъ группъ, сошедшихъ уже съ житейской сцены, и, «въ полномъ сознаніи того, что наше время весьма и весьма нуждается въ ретроспективныхъ обозрѣніяхъ и оцѣнкахъ русской жизни», предпринимаетъ рядъ историко-литературныхъ обзоровъ (см. статью г. Novus'а, Н. Слово, апрѣль, II, 37). Намъ, читающему люду, обѣщаютъ показать при этомъ много новаго и любопытнаго. Кое-что въ этомъ направленіи уже и сдѣлано почтеннымъ журналомъ и, судя по появившимся образцамъ, можно и въ самомъ дѣлѣ ожидать много любопытнаго, хотя, пожалуй, и не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ давались обѣщанія. Цѣль настоящей замѣтки и заключается въ томъ, чтобы отмѣтить наиболѣе любопытныя изъ произнесенныхъ уже новыхъ словъ. Почему всетаки новыхъ словъ, а не новаго слова,—это видно будетъ ниже.

Моментомъ, съ котораго начинаются историко-литературные обзоры «Н. Слова», взяты 40-е года и, какъ сейчасъ увидитъ читатель, выборъ этотъ сдѣланъ не случайно. Первымъ болѣе систематическимъ обращеніемъ журнала въ этой эпохѣ, послужила напечатанная въ апрѣльской его книгѣ статья г. Novus'а: «На разныя темы». Въ ней авторъ частью полемизируетъ съ г. Чичеринымъ по поводу его статьи о книгѣ г. Вѣтринскаго: «Грановскій и его время», частью излагаетъ собственныя воззрѣнія на развитіе русской теоретической мысли въ 40-хъ годахъ, причемъ особенно много вниманія удѣляетъ В. П. Боткину. Статья г. Чичерина была въ свое время отмѣчена въ библіографическомъ отдѣлѣ «Р. Богатства» и возвращаться къ ней теперь врядъ ли есть какая-нибудь нужда. Другое дѣло—воззрѣнія самого г. Novus'а на дѣятелей 40-хъ годовъ, воззрѣнія, подчасъ очень интересныя, если не поучительныя. «За всякимъ теоретическимъ обращеніемъ къ прошлому, говоритъ названный авторъ, скрываются задняя мысль практическаго свойства» (34). Это общее правило, очевидно, примѣнимо и къ самому г. Novus'у и на первый взглядъ возможно развѣ лишь удивляться тому, ради какой «мысли практическаго свойства» особенно понадобилась ему фигура именно В. П. Боткина, этого, по выраженію Герцена, «подсолнечника, поворачивающаго свою голову ко всякому свѣтилу», *). Г. Novus такъ любезенъ и предупредителенъ, что не оставляетъ и на этотъ счетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. «Для того, говоритъ онъ, чтобы нанести ударъ утопизму, ставшему съ 60-хъ годовъ прочной литературной традиціей, необходимо было вернуться къ тѣмъ положеніямъ, которыя Боткинъ въ 40-хъ годахъ подхватилъ, но которыя не вошли въ оборотъ, потому что не подходили къ той общественности, куда попали» (61—2). Оказывается такимъ образомъ, что Боткинъ былъ въ Россіи если не родоначальникомъ, то первымъ предвозвѣстникомъ того новаго міровоззрѣнія, адептами котораго

*) Н. А. Бѣлоголовый, Воспоминанія и другія статьи, М. 1897, с. 639

выступаютъ г. Novus и его товарищи по журналу. Между Боткинымъ и ними, между 40-ми и 90-ми годами лежитъ одна цѣльная полоса, одна сплошная ошибка утопизма. Поставленная въ такомъ оригинальномъ освѣщеніи, фигура Боткина несомнѣнно пріобрѣтаетъ высокій интересъ. Попытаемся же присмотрѣться къ ней при благосклонной помощи г. Novus'а.

Исключительному положенію опередившаго свою эпоху пророка, въ какое авторъ ставитъ Боткина, соотвѣтствуютъ въ его представленіи и изъ ряду вонъ выходящія дарованія этого дѣятеля. По словамъ г. Novus'а, въ извѣстномъ кружкѣ московской интеллигенціи 40-хъ годовъ Боткинъ былъ «членомъ, послѣ Герцена, быть можетъ, самымъ даровитымъ» (50). Вполнѣ точное опредѣленіе степени даровитости писателя всегда, конечно, нѣсколько затруднительно, и все же только что приведенное утвержденіе можетъ показаться немного страннымъ. Г. Novus не останавливается и на немъ и продолжаетъ: «Этотъ острый критическій умъ далъ русской литературѣ гораздо меньше того, на что онъ былъ способенъ. Съ удивительной научной прозорливостью—безъ особенно напряженной работы мысли, а скорѣе благодаря какой-то геніальной интуиціи—онъ частью воспринималъ, частью, быть можетъ, предвосхищалъ важнѣйшія соціологическія обобщенія, до которыхъ дорабатывалась европейская наука въ лицѣ французскихъ соціалистовъ (Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ) и французскихъ историковъ и великихъ нѣмецкихъ теоретиковъ соціологіи Штейна и Маркса» (50). Острый критическій умъ, удивительная научная прозорливость, геніальная интуиція, усвоеніе важнѣйшихъ соціологическихъ обобщеній западной науки—не слишкомъ ли ужъ много всего этого для талантливаго дилletанта, какимъ былъ и остался въ теченіе всей своей жизни В. П. Боткинъ? И, во всякомъ случаѣ, крайне любопытно знать тѣ соображенія, на основаніи которыхъ ему отводится столь почетное мѣсто и приписываются столь блестящія качества. Постараюсь привести эти соображенія по возможности подлинными словами г. Novus'а. «Геніальныя прозрѣнія Боткина, замѣчаетъ онъ, разсыпаны большею частью въ его частныхъ письмахъ. Правда, и въ прославившихъ Боткина «Письмахъ объ Испаніи» (1845) встрѣчаются мѣста, въ которыхъ нельзя не увидѣть близкаго сходства со взглядами, высказанными въ частной корреспонденціи 40-хъ годовъ. Вотъ самое характерное изъ этихъ мѣстъ: «Ничто не служитъ такимъ вѣрнымъ барометромъ ступени просвѣщенія, на какой находится общество, какъ его политико-экономическое устройство и его политико-экономическія понятія, мѣры и распоряженія, и самое вѣрное изображеніе цивилизаціи какой-либо страны было бы описаніе ея экономическихъ отношеній и учрежденій» (50). Da ist der Hund begraben. Примѣръ «геніальнаго прозрѣнія», надо, однако, правду сказать, выбранъ г. Novus'омъ не совсѣмъ удачно. Въ книгѣ Бот-

кина есть два-три мѣста, которыя можно было, пожалуй, привести для той же цѣли съ нѣсколько бо́льшимъ успѣхомъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ протестъ Каталоніи противъ общаго закона о рекрутской повинности, замѣнившаго обычай платы за рекрутъ деньгами, объясняетъ тѣмъ, что «Испанія прежде всего страна муниципальныхъ привычекъ и особенностей», но затѣмъ прибавляетъ: «впрочемъ, у каталонцевъ... это выходитъ изъ физическаго положенія ихъ мануфактурной и промышленной страны, нуждающейся всего болѣе въ рабочихъ рукахъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о невозможности серьезнаго революціоннаго движенія въ Испаніи: «Можно ли бояться изверженій народнаго волкана въ странѣ, гдѣ у самаго бѣднѣйшаго мужика есть всегда вдоволь хлѣба, вина и солнца, и гдѣ даже у нищаго есть на зиму и шерстяные штаны, и шерстяной плащъ! Вотъ почему здѣсь народъ такъ равнодушно смотритъ на политическія событія. Какъ нація, онъ безъ всякаго сомнѣнія безконечно выиграетъ отъ возрожденія Испаніи, но собственно какъ народъ, въ своихъ отношеніяхъ къ дворянству, къ третьему сословію,—ясно, что не онъ именно здѣсь особенно нуждается въ освобожденіи. Если здѣсь что дѣйствительно страдаетъ, такъ это интересы средняго сословія—просвѣщеніе, торговля, промышленность». Еще въ одномъ изъ своихъ «Писемъ» Боткинъ такъ опредѣляетъ андалузца: «прогрессистъ онъ потому, что его торговые интересы требуютъ прежде всего неприкосновенности личности и собственности» *). Вотъ и всѣ мѣста данной книги, заключающія въ себѣ какія-либо замѣчанія о вліяніи экономическаго фактора на другія стороны жизни. Какъ видно изъ нихъ, это вліяніе въ глазахъ Боткина сводилось къ воздѣйствію экономическихъ порядковъ на политическія идеи и учрежденія, воздѣйствію, однако, далеко не всесильному. На первый взглядъ, приведенная г. Novus'омъ фраза Боткина имѣетъ болѣе широкое значеніе, но, увы, такъ можетъ показаться только на первый взглядъ, въ дѣйствительности же ея смыслъ едва ли не еще болѣе узокъ. Въ самомъ дѣлѣ, настоящій ея смыслъ можетъ быть понятъ только въ связи съ тою цѣпью мыслей, въ которой она составляетъ у Боткина лишь отдѣльное звено, и изъ которой ее произвольно вырвалъ г. Novus, увлекшись ея кажущимся общимъ значеніемъ. Попробуемъ возстановить этотъ смыслъ, не перепечатывая относящихся сюда страницъ книги Боткина. Онъ разсказываетъ объ испанской таможенной системѣ, о громадныхъ пошлинахъ съ ввозныхъ товаровъ и тутъ-то ставитъ приведенную фразу, давая ей такое непосредственное продолженіе: «Политическая экономія, на которую романтики и люди феодальные смотрѣли, какъ на науку слишкомъ матеріальную, лавочную, какъ на науку торгашей,—въ наше время

---

*) Сочиненія В. П. Боткина. изданіе журнала «Пантеонъ Литературы», Спб. 1890, т. I, стр. 40—1, 75—6, 150.

стала наука государственнаго управленія, и Англія доказала высокую степень своей цивилизаціи особенно тѣмъ, что поставила законы политико-экономическіе въ основу своего государственнаго управленія. Какихъ, напримѣръ, результатовъ можетъ ожидать государство отъ такой таможенной системы, какъ испанская. Она поведетъ за собой сильное развитіе контрабанды и вслѣдствіе этого ущербъ государственныхъ доходовъ,... а въ конечномъ результатѣ всего этого стоячесть національныхъ фабрикъ»... Уже изъ этого отрывка можно видѣть довольно невинный въ соціологическомъ отношеніи характеръ главной фразы, но этого еще мало. «Впрочемъ, продолжаетъ Боткинъ свои разсужденія, эта страна феодальныхъ привычекъ, рыцарства и войны съ давнихъ поръ съ пренебреженіемъ смотрѣла на промышленность и торговлю». Такое пренебреженіе возникло благодаря многовѣковой борьбѣ съ маврами, во время которой каждый храбро бившійся мужикъ могъ сдѣлаться дворяниномъ и лишь «на народонаселеніе, которое, будучи перемѣшано съ маврами, занималось ремеслами, смотрѣли какъ на недостойное». «Презрѣніе къ торговлѣ имѣло ту же причину, какъ и презрѣніе къ промышленности. Потомки старыхъ христіанъ, — словомъ, гидальги презирали обычая жидовъ и мавровъ». И далѣе Боткинъ разсказываетъ о мѣрахъ, въ силу этихъ «національныхъ предразсудковъ» принимавшихся противъ торговли и промышленности, предпосылая своему разсказу какъ бы въ видѣ общаго заключенія такое замѣчаніе: «можете себѣ представить, каково было, при такихъ общественныхъ понятіяхъ, положеніе промышленности и торговли въ Испаніи. Въ этомъ отношеніи исторія ея похожа на лѣтопись безумства, читая которую, едва вѣришь собственнымъ глазамъ» *). Изъ этихъ выдержекъ не трудно убѣдиться, что для Боткина экономическія идеи и учрежденія являлись не причиной, а признакомъ извѣстнаго состоянія цивилизаціи, вытекающей изъ національнаго характера, въ созданіи котораго играютъ немаловажную роль и внѣшнія условія. Въ другихъ случаяхъ Боткинъ намѣчалъ и иные признаки для сужденія объ исторіи народа. Заговоривъ объ арабахъ, онъ замѣчаетъ, что «арабская архитектура лучше всякой философіи исторіи объясняетъ судьбу этого народа» **), опять-таки потому, что въ ней сказался національный духъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ трудовъ онъ указывалъ

*) Тамъ же, стр. 160—6.

**) Тамъ же, стр. 273 Считаю не лишнимъ оговориться, что данная книга Боткина, какъ извѣстно, и съ фактической стороны своей, и по отношенію ко взглядамъ, высказываемымъ въ ней, далеко не является вполнѣ самостоятельнымъ произведеніемъ. Такъ какъ эта сторона вопроса совершенно обойдена г Novus'омъ, то и я счелъ возможнымъ не останавливаться на ней, трактуя названую книгу какъ выраженіе взглядовъ, во всякомъ случаѣ раздѣлявшихся Боткинымъ, если и не всегда являвшихся его собственными «прозрѣніями».

на значеніе, какое религія имѣла въ жизни древнихъ народовъ, и тутъ же прибавлялъ, что «вѣрованія и миѳологія народа есть самое лучшее объясненіе и его свойствъ, и его исторіи» *). Эти строки взяты изъ статьи (о Фетѣ), написанной болѣе, чѣмъ черезъ десять лѣтъ послѣ «Писемъ объ Испаніи», когда нѣкоторые взгляды Боткина уже сильно измѣнились, но сами по себѣ они нисколько не противорѣчатъ отмѣченному выше взгляду: между миѳологіей и экономикой разстояніе не больше, чѣмъ между экономикой и архитектурой. Чтобы не узнать этого воззрѣнія на исторію, согласно которому политическіе и экономическіе порядки, миѳологія и искусство являются одинаково порожденіями національнаго характера, познающагося черезъ ихъ изученіе, и чтобы причислить сторонника такого воззрѣнія къ людямъ, воспринимавшимъ и предвосхищавшимъ важнѣйшія соціологическія обобщенія Маркса,—надо обладать немалою долею близорукости.

Но г. Novus находитъ, что «геніальныя прозрѣнія» Боткина были высказаны имъ не столько въ его печатныхъ трудахъ, сколько въ частныхъ письмахъ. Изъ послѣднихъ онъ указываетъ особенно на письмо къ Анненкову отъ 20 ноября 1846 г., написанное по возвращеніи автора письма изъ заграничнаго путешествія въ Петербургъ. Позволю себѣ для ясности привести весь цитируемый имъ отрывокъ изъ этого письма, не смотря на его величину. «Встрѣча моя—писалъ Боткинъ—съ нашими общими пріятелями была для меня необыкновенно пріятна и интересна. Изъ нихъ, разумѣется первое мѣсто принадлежитъ Бѣлинскому. Въ его понятіяхъ я нашелъ большую перемѣну, по моему мнѣнію, къ лучшему. Но я теперь еще больше убѣдился въ истинѣ того, что понятія, идеи совершенно обусловливаются общественностію, въ которой поставленъ человѣкъ, а идеи, развиваемыя одними книгами, не повѣряемыя безпрестанно процессомъ общественнымъ, быстро улетучиваются въ отвлеченности, да, кромѣ того, принимаютъ еще колоритъ и комбинаціи той общественности, куда попадаютъ эти идеи. Опредѣленность и отчетливость, къ которымъ теперь всего болѣе стремится современный процессъ, здѣсь еще мало въ ходу этому, съ одной стороны, причиною нѣмецкія теоретическія идеи, а съ другой отсутствіе всякаго практическаго примѣненія. Какъ бы то ни было, а сила русской литературы теперь, главное, состоитъ въ единеніи. Идеологія (о, святители, какое густое и тяжелое тѣсто была эта идеологія!) послужила къ поднятію «Отечественныхъ Записокъ»; идеологія должна поднять и «Современникъ». Но въ этой идеологіи, къ счастью, совершилось движеніе, и послѣ долгаго скитанія по нѣмецкимъ пустотамъ она начала обращать свое вниманіе на практическій міръ, или, другими словами,—нашихъ друзей занимаетъ такая философія, которая имѣетъ

*) Тамъ же, т. II, стр. 359.

прямое отношеніе къ практическому міру. Остается только литературной критикѣ освободиться отъ своего Молоха—художественности. Это, къ сожалѣнію, пока единственное убѣжище ея. Но съ этой стороны разборъ Бѣлинскаго «Онѣгина», и особенно Татьяны, есть уже большой прогрессъ. Пока промышленные интересы у насъ не выступятъ на сцену, до тѣхъ поръ нельзя ожидать настоящей дѣльности въ русской литературѣ. Но я вру. Тогда какъ въ Англіи и Франціи литература есть зеркало нравовъ, у насъ она—наставительница. Вотъ почему вся сила ея заключается въ идеологіи. Двигаютъ массами не идеи, но просвѣщаютъ ихъ идеи» *). По поводу этого письма г. Novus не безъ нѣкотораго лиризма замѣчаетъ: «Отъ частнаго, не предназначеннаго для печати письма нельзя требовать послѣдовательности изложенія и стройности аргументаціи. Основная мысль Боткина, однако, ясна: *понятія, идеи совершенно обусловливаются общественностью; двигаютъ массами интересы, а не идеи* (курсивъ г. Novus'а)—вотъ его реалистическіе тезисы, которые не только для 40-хъ годовъ, но и для нашего времени звучатъ на русскомъ языкѣ новымъ и смѣлымъ словомъ» (51). Врядъ ли, однако, дѣло такъ ужъ ясно, какъ это кажется г. Novus'у. Въ письмѣ Боткина ясно, въ сущности, одно—рѣзко заявленный имъ протестъ противъ господствовавшей ранѣе въ русской литературѣ философской отвлеченности и оторванности отъ жизни. Все остальное подлежитъ еще большимъ толкованіямъ, особенно, если въ этомъ остальномъ видѣть выраженіе глубокихъ взглядовъ Боткина. Это не трудно и показать. Г. Novus между прочимъ вполнѣ довѣряетъ высказанному въ приведенномъ письмѣ протесту противъ «художественности» со стороны Боткина, будто бы опередившаго даже въ этомъ отношеніи Бѣлинскаго, и только замѣчаетъ, что позднѣе онъ отступился отъ этого мнѣнія. Но вотъ что мы читаемъ въ письмѣ Бѣлинскаго къ Боткину, написанномъ въ январѣ 1847 г. «Для меня иностранная повѣсть должна быть слишкомъ хороша, чтобы я могъ читать ее безъ нѣкотораго усилія, особенно вначалѣ; и трудно вообразить такую гнусную русскую, которой бы я не могъ осилить, а будь повѣсть русская хоть сколько нибудь хороша, главное—сколько-нибудь *дѣльна*—я не читаю, а пожираю... Ты—сибаритъ, сластена...—тебѣ, вишь, давай поэзія да художества—тогда ты будешь смаковать и чмокать губами. А мнѣ поэзіи и художественности нужно не больше, какъ настолько, чтобы повѣсть была истинна, т. е. не впадала въ аллегорію, или не отзывалась диссертаціею... Будь повѣсть хоть разхудожественна, да если въ ней нѣтъ дѣла—то я къ ней совершенно равнодушенъ» **). Для тѣхъ, кто достаточно знакомъ съ безстрашною правдивостью Бѣлинскаго и съ не-

---

*) «Анненковъ и его друзья», СПБ., 1892, с. 520—1.

**) Пыпинъ, «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», II, 312—3.

обыкновенной воспріимчивостью «подсолнечника»—Боткина, врядъ ли встрѣтится затрудненіе въ выборѣ между этими двумя разногласящими показаніями. Но если даже отказаться отъ предубѣжденія въ пользу Бѣлинскаго, то передъ нами остаются два лица, изъ которыхъ каждый уличаетъ другого въ стремленіи къ художественности, самъ отрекаясь отъ такого стремленія. Очевидно, дѣло не вполнѣ ясно. Это, впрочемъ, только иллюстрація. И тѣ «реалистическіе тезисы», за провозглашеніе которыхъ г. Novus такъ благодаренъ Боткину, едва ли вполнѣ ясно представлялись уму послѣдняго. Не идеи двигаютъ массами, а интересы,—это, повидимому, ясно, но вотъ въ цитированной уже выше статьѣ Боткина о Фетѣ, послѣ цѣлаго ряда комплиментовъ по адресу «практическаго направленія вѣка» и указаній на связь между экономическимъ благосостояніемъ и духовнымъ движеніемъ, мы читаемъ такія строки: «что бы ни говорили враги философскаго направленія и исключительные поборники матеріальныхъ интересовъ,—а общество человѣческое живетъ и движется только нравственными идеями» *). Правда, эта фраза отдѣлена отъ цитированнаго выше письма десятилѣтнимъ промежуткомъ времени, и, быть можетъ, за эти годы Боткинъ измѣнилъ свои мнѣнія и по данному вопросу. Поищемъ разъясненій поближе, такъ какъ разъясненія всетаки нужны. Идеи—говоритъ Боткинъ—не двигаютъ массами, но просвѣщаютъ ихъ. Какъ же это надлежитъ понимать? Въ «Письмахъ объ Испаніи», печатавшихся въ то же время, къ какому относится это письмо, есть одинъ эпизодъ, какъ бы разъясняющій такой вопросъ. Авторъ говоритъ о политическомъ положеніи Испаніи. «Глубоко—замѣчаетъ онъ—ошибаются тѣ, которые судятъ объ Испаніи по французскимъ идеямъ, по французскому общественному движенію. Кромѣ множества радикальныхъ различій, не должно забывать, что Франція была приготовлена 50 годами философской литературы. Въ Испаніи, послѣ писателей ея «золотого вѣка» въ продолженіе двухъ вѣковъ не было другой литературы, кромѣ проповѣдей духовенства, которое, конечно, всѣми силами старалось о поддержаніи стараго общественнаго устройства, въ которомъ само господствовало». Затѣмъ онъ указываетъ на другія причины, по которымъ «перевороты въ Испаніи не могутъ выйти изъ массъ»,—на сравнительную обезпеченность матеріальнаго положенія послѣднихъ и на характеръ народа, который «одаренъ удивительнымъ чувствомъ повиновенія» **). Просвѣтительная роль идей оказывается, такимъ образомъ, довольно близкою отъ роли самостоятельнаго фактора общественной жизни. При такихъ условіяхъ, кажется, приходится признать, что высокій пьедесталъ, со-

*) Сочиненія В. П. Боткина, II, 353—4.
**) Тамъ же, I. 57.

оруженный для Боткина усиліями г. Novus'а, не отличается большою прочностью.

Критику «Новаго Слова» этотъ пьедесталъ понадобился для особой цѣли, къ которой онъ наконецъ и подводитъ читателя. Напомнивъ недовольство Боткина Герценовскими «Письмами изъ Avenue Marigny» и приведя соотвѣтствующій отрывокъ изъ его письма къ Анненкову, кончающійся словами: «Дай Богъ, чтобы и насъ была буржуазія!», онъ съ немножко комичнымъ самодовольствомъ вопрошаетъ: «чѣмъ это лучше или хуже столь опороченнаго изреченія: «пойдемъ на выучку къ капитализму»? Г. Струве, вѣроятно, не подозрѣвалъ, что по существу онъ совершаетъ нѣкоторый плагіатъ у Боткина» (56). Признаться, нельзя позавидовать ни «плагіату» г. Струве, ни отысканному для него г. Novus'омъ союзнику. Г. Novus, повидимому, не подозрѣваетъ, что ему принадлежитъ только честь обращенія Боткина въ ученики Маркса, а о нерасположеніи Боткина и нѣкоторыхъ другихъ московскихъ друзей Герцена къ увлеченію послѣдняго соціализмомъ и движеніемъ пролетаріата на Западѣ не мало было писано въ нашей литературѣ. Какъ много наивности или, говоря словами г. Novus'а, «удивительной научной прозорливости» было въ «геніальныхъ прозрѣніяхъ» Боткина на этотъ счетъ,—можно видѣть уже изъ того, что въ Россіи онъ ждалъ поворота въ общественномъ развитіи отъ выступленія на промышленное поприще дворянства, тогда какъ купеческій классъ въ его глазахъ былъ «осужденъ безъ возврата на тучность и грубое невѣжество», а на Западѣ умилялся передъ робкимъ оппозиціоннымъ движеніемъ французской буржуазіи въ 1848 г., которое такъ мѣтко и безпощадно осудилъ Герценъ *).

Невольно напрашивается и еще вопросъ, почему все-таки г. Novus именно Боткина такъ выдвинулъ впередъ, признавъ его самымъ даровитымъ послѣ Герцена членомъ московскаго кружка. Не будемъ уже говорить о Грановскомъ, заслуживающемъ, пожалуй, болѣе пристальнаго вниманія, но Бѣлинскій то, кажется, во всякомъ случаѣ могъ бы претендовать на этотъ титулъ съ большимъ правомъ, чѣмъ Боткинъ. Не такъ думаетъ г. Novus и имѣетъ къ тому основаніе. «Бѣлинскій—говоритъ онъ—никогда не былъ сильнымъ философомъ и по своему философскому образованію онъ

---

*) Письма къ Анненкову отъ 20 ноября 1846 г. и 17 февраля 1848 г. см. сборникъ «Анненковъ и его друзья», с. 523 и 554. Вотъ относящійся сюда отрывокъ изъ послѣдняго письма: «Въ счастливое время, другъ мой, живете вы въ Парижѣ, я хочу сказать: въ интересное время. Мы здѣсь съ нетерпѣніемъ ждемъ журналовъ: чѣмъ разрѣшится этотъ знаменитый обѣдъ оппозиціи? Въ первый разъ послѣ 1830 года вопросъ поставленъ такъ твердо и конституціонно. Больно мнѣ все таки вспомнить при этомъ случаѣ о письмахъ Герцена о буржуазіи, за мои нападки на которыя вы въ послѣднемъ вашемъ ко мнѣ письмѣ такъ мнѣ намылили голову». Самыя «нападки» см. тамъ же, с. 551.

безспорно уступалъ своему преемнику, который въ 1855 г. первый въ русской литературѣ воздалъ должное заслугамъ геніальнаго критика. Мы позволяемъ себѣ держаться такого мнѣнія, не смотря на... авторитетъ г. Чичерина» (58). Послѣдняя прибавка очень язвительна, и г. Novus'у надо было бы только дополнить ее хотя бы слѣдующимъ образомъ: «и не смотря на... авторитетъ другихъ писателей «Новаго Слова». Говорю это потому, что въ августовской книжкѣ почтеннаго журнала, въ статьѣ г. Каменскаго: «Судьбы русской критики», прочиталъ слѣдующее мѣсто: «Бѣлинскій былъ самой замѣчательной философской организаціей, когда либо выступавшей въ нашей литературѣ» (21). И это не просто бѣгло брошенная фраза, а мысль, которую г. Каменскій развиваетъ въ цѣломъ рядѣ статей. Эти статьи его подъ приведеннымъ заглавіемъ начались въ апрѣльской книжкѣ «Н. Слова», той самой, въ которой была помѣщена и много разъ цитированная выше статья г. Novus'а. Въ іюлѣ г. Каменскій, возражая между прочимъ г. Волынскому, писалъ: «Бѣлинскій искалъ въ философіи пути къ счастью...—и, конечно, не къ личному счастью, а къ счастью своихъ ближнихъ, къ благу своей родной страны. На этомъ основаніи многіе вообразили, что онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ «философскаго таланта», и на него стали посматривать сверху внизъ, съ нѣкоторымъ снисходительнымъ одобреніемъ даже такіе люди, которые въ смыслѣ способности къ философскому мышленію недостойны были бы развязать ремень у ногъ его. Эти самодовольные господа забыли или не знали, что во время Бѣлинскаго пути къ общественному счастью искала въ философіи почти вся мыслящая Европа». Противопоставляя «этимъ самодовольнымъ господамъ» себя, г. Каменскій говорилъ: «мы полагаемъ, что Бѣлинскій былъ, одной изъ высшихъ философскихъ организацій, когда-либо выступавшихъ у насъ на литературное поприще» (18—19). Это, конечно, нѣсколько слабѣе того, что сказано г. Каменскимъ въ августѣ, но, во всякомъ случаѣ, какъ эти слова далеки отъ мнѣнія Novus'а. Противорѣчіе, по истинѣ, прискорбное для журнала, собравшагося давать своимъ читателямъ «ретроспективныя обозрѣнія и оцѣнки русской жизни». И тѣмъ болѣе прискорбное, что Бѣлинскимъ оно не ограничивается: Герцена, котораго г. Novus ставитъ даже выше Боткина, г. Каменскій считаетъ «блестящимъ, но поверхностнымъ» (Н. Сл., августъ, 11). Итакъ мы получаемъ двѣ схемы развитія русской мысли въ 40-хъ годахъ: по одной—впереди всѣхъ дѣятелей той поры стоялъ Герценъ, за нимъ слѣдовалъ Боткинъ съ его «геніальными прозрѣніями», а Бѣлинскій «не былъ сильнымъ философомъ»; по другой—Бѣлинскій былъ одной изъ высшихъ и даже высшей философской организаціей во всей нашей литературѣ, а Герценъ являлся поверхностнымъ мыслителемъ. Читатель видитъ теперь, почему я въ началѣ замѣтки сказалъ, что почтенный журналъ даетъ намъ даже не новое слово, а новыя

слова, и обилію этихъ новыхъ словъ, право, приходится лишь удивляться. Выходитъ нѣчто пикантное: г. Novus обращается съ убійственной ироніей къ г. Чичерину, не замѣчая, что задѣваетъ ею и своего ближайшаго сосѣда, г. Каменскаго; послѣдній, въ свою очередь, громитъ тяжелыми сарказмами побѣдную голову г. Волынскаго, попутно уничтожая ими г. Novus'a. И при этомъ г. Novus съ чувствомъ возвѣщаетъ о статьяхъ г. Каменскаго, а г. Каменскій ссылается на статью г. Novus'a, такъ что они какъ будто другъ друга читаютъ. Зрѣлище получается не то печальное, не то комическое.

Въ статьяхъ г. Каменскаго интересна, впрочемъ, не одна общая схема, даваемая ими, но и пріемы ея возсозданія, и способы аргументаціи автора. Это пріемы совершенно особые, выдѣляющіе даннаго писателя изъ толпы россійскихъ литераторовъ, и на нихъ стоитъ нѣсколько остановиться.

Въ первой же изъ ряда его статей, озаглавленныхъ: «Судьбы русской критики», имѣются слѣдующія строки: «консервативные выводы, сдѣланные Бѣлинскимъ изъ философіи Гегеля, будучи совершенно неправильны, въ то же самое время дѣлаютъ ему величайшую честь, показывая, что онъ былъ едва ли не самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ умовъ, когда-либо выступавшихъ у насъ на литературное поприще» (Н. Слово, апрѣль, 74). Г. Каменскій не только напечаталъ эту фразу, но и подчеркнулъ ее курсивомъ, очевидно, желая, чтобы читатель обратилъ на нее особое вниманіе. Не смотря на это, трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, будто онъ этою фразою хотѣлъ лишь подшутить надъ читателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы Бѣлинскій сразу сдѣлалъ изъ философіи Гегеля не «совершенно неправильные», а совершенно правильные выводы, неужели это свидѣтельствовало бы о слабости его ума? Онъ могъ слишкомъ узко понять исходныя точки даннаго міросозерцанія и сдѣлать изъ нихъ логически правильные, но односторонніе и, слѣдовательно, въ конечномъ итогѣ невѣрные выводы — и неужели опять-таки именно эта ошибка, сама по себѣ взятая, а не освобожденіе изъ-подъ ея власти, даетъ намъ право говорить о необыкновенной силѣ ума великаго критика? И еслибы Бѣлинскій на всю жизнь остался при «консервативныхъ выводахъ», то называлъ ли бы его теперь г. Каменскій самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ умовъ, выступавшихъ у насъ на литературное поприще? Лишь внимательно вчитываясь въ статьи г. Каменскаго, можно наконецъ убѣдиться, что приведенная фраза не шутка, не обмолвка даже, а одинъ изъ главныхъ тезисовъ автора, старательно защищаемый имъ на протяженіи длиннаго ряда страницъ. Присмотримся же поближе къ этому любопытному тезису.

Внѣшнимъ поводомъ для появленія названныхъ статей послужила книга г. Волынскаго: «Русскіе критики», съ авторомъ которой г. Каменскій и ведетъ неустанную полемику, обличая его въ не-

знаніи Гегеля и въ непониманіи Бѣлинскаго. Для насъ и напыщенныя вѣщанія г. Волынскаго, и сердитыя внушенія, дѣлаемыя ему критикомъ «Н. Слова», не особенно интересны, и я оставлю всю эту полемику въ сторонѣ, за однимъ, впрочемъ, исключеніемъ. Одного крупнаго эпизода въ этой полемикѣ намъ неизбѣжно предстоитъ коснуться, такъ какъ онъ имѣетъ весьма близкое отношеніе къ новому слову, изобрѣтенному г. Каменскимъ. По словамъ последняго, «г. Волынскаго очень удивляетъ временное примиреніе Бѣлинскаго съ дѣйствительностью. Онъ можетъ объяснить его только тѣмъ, что Бѣлинскій плохо понялъ Гегеля. Сказать по правдѣ, такое объясненіе не ново. Его можно найти и въ «Быломъ и Думахъ» Герцена, и въ воспоминаніяхъ И. С. Тургенева, и даже въ одномъ письмѣ Н. Станкевича къ Невѣрову, написанномъ почти тотчасъ по появленіи знаменитыхъ статей о Бородинѣ и о Менцелѣ» (Н. Слово, іюль, 2). Особо ставитъ г. Каменскій взглядъ на Бѣлинскаго г. Михайловскаго и приводитъ изъ его статьи «Прудонъ и Бѣлинскій» слѣдующее мѣсто: «Пройдетъ много лѣтъ, смѣнится много критиковъ и даже критическихъ пріемовъ, но нѣкоторые эстетическіе приговоры Бѣлинскаго останутся во всей силѣ. Но за то только въ этой области Бѣлинскій и находилъ для себя почти непрерывный рядъ наслажденій. Какъ только эстетическое явленіе осложнялось философскими и нравственно-политическими началами, такъ чутье правды болѣе или менѣе измѣняло ему, между тѣмъ какъ жажда оставалась все та же, и это-то и дѣлало изъ него того великомученика правды, какимъ онъ выступаетъ въ своей переппскѣ». По поводу этого отзыва г. Каменскій отъ себя заключаетъ, что подъ указанное общее мѣрило долженъ подходить и періодъ увлеченія Бѣлинскаго гегелевской философіей, который, «какъ видно, не вызываетъ въ г. Михайловскомъ ничего, кромѣ жалостливаго участія къ «великомученику правды», да еще, можетъ быть, чувства негодованія противъ «метафизики», но уваженіе относится *только* къ правдивости Бѣлинскаго, а что касается философскихъ и нравственно-политическихъ идей, тогда имъ высказанныхъ, то г. Михайловскій не видитъ въ нихъ ничего, кромѣ «вздора» (ib., 3—4). Среди этихъ разсужденій внезапно разыгравшаяся фантазія рисуетъ г. Каменскому цѣлую картину, какъ наши «передовые» писатели пугаютъ порожденнымъ «метафизикой» «паденіемъ» Бѣлинскаго «молодыхъ писателей, непочтительныхъ Коронатовъ литературы, осмѣливающихся усомниться въ правильности нашего «передового» катехизиса и обращающихся къ иностраннымъ источникамъ съ цѣлью лучшаго уясненія себѣ вопросовъ, волнующихъ современное цивилизованное человѣчество» (2—3) Картина выходитъ немножко лубочная, но яркая; нехорошо, пожалуй, только то, что она совершенно фантастическая, и что это прекрасно знаетъ самъ г. Каменскій. Затѣмъ онъ подводитъ итоги существовавшимъ до него воззрѣніямъ на отношеніе Бѣлинскаго

къ философіи Гегеля. Взглядъ г. Михайловскаго «по существу... одинаковъ съ взглядомъ г. Волынскаго. Разница только въ томъ, что, по мнѣнію г. Михайловскаго, примиреніе «навѣяно» было Гегелемъ, а по мнѣнію г. Волынскаго, заимствованному имъ у Станкевича, Герцена, Грановскаго, Тургенева и другихъ, Гегель былъ въ этомъ примиреніи совершенно непричемъ, но оба они твердо убѣждены въ томъ, что примирительные взгляды Бѣлинскаго представляютъ одну сплошную ошибку». Самъ же г. Каменскій, въ противоположность всѣмъ перечисленнымъ имъ лицамъ, думаетъ, что «въ теченіе примирительнаго періода своего развитія, именно въ области «нравственно-политической», Бѣлинскій высказалъ много мыслей, не только вполнѣ достойныхъ мыслящаго существа (какъ выражается гдѣ-то Байронъ), но до сихъ поръ заслуживающихъ полнаго вниманія со стороны всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ найти правильную точку зрѣнія для оцѣнки окружающей насъ дѣйствительности» (ib., 4). Разъясняя свою точку зрѣнія, г. Каменскій указываетъ, что теоріи XVIII вѣка о господствѣ человѣческаго разума надъ событіями въ началѣ XIX столѣтія, подъ вліяніемъ французской революціи, замѣнились идеей о законосообразности историческаго процесса, необходимо приводящаго къ свободѣ, причемъ наилучшимъ выраженіемъ этой идеи явилась діалектическая философія Гегеля. Понимая ходъ исторіи, какъ безпрерывное развитіе всемірнаго духа, порождающаго все новыя идеи и отыскивающаго для нихъ новыя формы, эта философія служила настоящей «алгеброй прогресса». «Но — продолжаетъ авторъ—философія Гегеля была не только діалектической системой. Она объявляла себя также системой абсолютной истины. Но если абсолютная истина уже найдена, то цѣль всемірнаго духа—самопознаніе—уже достигнута, и его движеніе впередъ лишается всякаго смысла. Такимъ образомъ претензія на обладаніе абсолютной истиной должна была привести Гегеля въ противорѣчіе съ его собственной діалектикой и поставить его во враждебное отношеніе къ дальнѣйшимъ успѣхамъ философіи. Но это еще не все. Она должна была сдѣлать изъ него консерватора и по отношенію къ общественной жизни» (ib., 10). Этотъ абсолютный характеръ, приданный Гегелемъ своей философіи, и это консервативное ея настроеніе наиболѣе полно выразились въ позднѣйшихъ трудахъ знаменитаго философа, особенно въ его «Philosophie des Rechts». Поэтому, «если ученіе Гегеля о разумности всего дѣйствительнаго многими понято было совершенно неправильно, то въ этомъ былъ виноватъ прежде всего онъ самъ, придавъ ему очень странное, совсѣмъ не діалектическое истолкованіе и провозгласивъ воплощеннымъ разумомъ тогдашній прусскій общественный порядокъ» (13). Что касается Бѣлинскаго, то для него, увлекавшагося ранѣе фихтіанствомъ, усвоеніе гегеліанскихъ идей было не регрессомъ, а большимъ шагомъ впередъ, такъ какъ онѣ вывели его съ почвы абстрактныхъ идеаловъ на точку

зрѣнія закономѣрнаго развитія народной жизни. Но при этомъ онъ усвоилъ именно абсолютную систему Гегеля и потому перешелъ отъ либерализма къ «консервативнымъ выводамъ». Однако «этотъ новый взглядъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не тому, что Бѣлинскій будто-бы плохо понялъ Гегеля, а, наоборотъ, что онъ вполнѣ усвоилъ себѣ духъ той гегелевой философіи, которая выразилась въ предисловіи въ «Philosophie des Rechts» (26—7). При этомъ вся разница между нимъ и Гегелемъ сводится къ тому, «что «неистовый Виссаріонъ» горячится гораздо больше, чѣмъ спокойный нѣмецкій мыслитель, а потому и доходитъ до такихъ крайностей, до какихъ не договаривался Гегель» (27). Съ теченіемъ времени самъ Бѣлинскій понялъ свою ошибку и увидѣлъ необходимость развить идею отрицанія, не находившую себѣ мѣста въ абсолютной системѣ (августъ, 7, 11 и слѣд.); сдѣлавъ это, онъ не переставъ, однако, быть гегеліанцемъ, а лишь перешелъ на почву истинной, діалектической философіи Гегеля.

Я умышленно изложилъ взгляды г. Каменскаго безъ всякихъ комментаріевъ съ своей стороны и жду теперь, что читатель спроситъ: неужели все это и въ самомъ дѣлѣ ново, а не повторялось въ литературѣ уже десятки разъ? Г. Каменскій увѣренъ въ новизнѣ своихъ сообщеній и утверждаетъ, будто до него одни (Герценъ, Станкевичъ, Грановскій, Тургеневъ «и другіе») объясняли примиреніе Бѣлинскаго съ дѣйствительностью его непониманіемъ Гегеля, другіе (г. Михайловскій) находили, что это примиреніе было «навѣяно» Гегелемъ, и всѣ видѣли во взглядахъ Бѣлинскаго за этотъ періодъ «одну сплошную ошибку». Не будемъ, однако, полагаться на его утвержденія и попробуемъ провѣрить ихъ. Раскрываемъ «Былое и Думы» и читаемъ: «Гегель во время своего профессората въ Берлинѣ, долею отъ старости, а вдвое отъ довольства мѣстомъ и почетомъ, намѣренно взвинтилъ свою философію надъ земнымъ уровнемъ и держался въ средѣ, гдѣ всѣ современные интересы и страсти становятся довольно безразличны, какъ зданія и села съ воздушнаго шара; онъ не любилъ зацѣпляться за эти проклятые практическіе вопросы, съ которыми трудно ладить, и на которые надобно было отвѣчать положительно. Насколько этотъ насильственный и неоткровенный дуализмъ былъ вопіющъ въ наукѣ, которая отправляется отъ снятія дуализма, легко понятно. Настоящій Гегель былъ тотъ скромный профессоръ въ Іенѣ, другъ Гельдерлина, который спасъ подъ полой свою феноменологію, когда Наполеонъ входилъ въ городъ; тогда его философія не вела ни къ индійскому квіетизму, ни къ оправданію существующихъ гражданскихъ формъ». Разсказавъ объ окончаніи примирительнаго періода у Бѣлинскаго, тотъ же авторъ прибавляетъ: «Бѣлинскій вовсе не оставилъ вмѣстѣ съ одностороннимъ пониманіемъ Гегеля его философію. Совсѣмъ напротивъ» (т. VII, с. 124—5, 134). Стало быть, о существованіи противорѣчія у самого Гегеля, о «дуализмѣ» его фи-

лософіи, не сразу замѣченномъ Бѣлинскимъ, было извѣстно и до г. Каменскаго, и авторъ «Былого и Думъ» вовсе не помышлялъ обвинять Бѣлинскаго въ совершенно произвольныхъ выводахъ, въ которыхъ Гегель будто бы былъ не причемъ. За то въ этихъ выводахъ всѣ видѣли лишь «одну сплошную ошибку», проповѣдь квіетизма. А между тѣмъ, «сближеніе съ «дѣйствительностью», совершаемое подъ вліяніями Гегеля,—какъ бы оно ни было отвлеченно, было уже шагомъ впередъ въ сравненіи съ прежними уклоненіями отъ всякаго подобнаго сближенія». И даже «если одно время Бѣлинскій былъ защитникомъ общественнаго status quo, его мнѣнія всетаки не были квіетизмомъ. Въ самомъ крайнемъ развитіи этого бытового консерватизма были столь сильные идеальные запросы, что настоящіе защитники общественной неподвижности никогда бы не могли назвать его своимъ». Это, однако, говоритъ намъ не г. Каменскій, а много раньше его писавшій г. Пыпинъ *), и такимъ образомъ въ открытіяхъ перваго писателя по этому пункту врядъ ли опять-таки была серьезная нужда. Но вотъ г. Михайловскій,—онъ-то ужъ прямо заявляетъ, что примиреніе было лишь «навѣяно» Гегелемъ на Бѣлинскаго, и что всѣ мнѣнія послѣдняго за этотъ періодъ были «философскимъ вздоромъ». И это не совсѣмъ-то такъ: хотя поставленныя въ ковычки выраженія и имѣются въ названной статьѣ г. Михайловскаго: «Прудонъ и Бѣлинскій», но они слишкомъ ужъ произвольно вырваны и истолкованы суровымъ критикомъ. Въ первыхъ же строкахъ упомянутой статьи авторъ говоритъ, что онъ намѣренъ сравнивать не мнѣнія, а личности Прудона и Бѣлинскаго. Затѣмъ, характеризуя Бѣлинскаго, онъ отмѣчаетъ, что въ первый періодъ своей жизни Бѣлинскій впадалъ въ крайность «дикой вражды къ общественнымъ порядкамъ во имя абстрактнаго идеала общества», а въ слѣдующемъ перешелъ въ другую крайность безусловнаго оправданія всякой дѣйствительности, причемъ авторъ прибавляетъ: «перемѣна эта совершилась подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, постепенно овладѣвавшей Бѣлинскимъ». Въ третьемъ періодѣ своего развитія послѣдній остановился на идеѣ человѣческой личности, отказавшись отъ примиренія съ дѣйствительностью **). Любопытно сопоставить эту схему съ той, которую даетъ самъ г. Каменскій: «если Бѣлинскій въ первой фазѣ своего развитія жертвовалъ дѣйствительностью ради идеала, а во второй идеаломъ ради дѣйствительности, то въ третьей и послѣдней фазѣ онъ стремился примирить идеалъ съ дѣйствительностью посредствомъ идеи развитія, которая дала бы идеалу прочное основаніе и превратила бы его изъ абстрактнаго въ конкретный» (августъ, 13). Остается, кажется, спросить словами одного изъ героевъ Успенскаго: по какому случаю шумъ?

---

*) Бѣлинскій, его жизнь и переписка, I, 225, 114—5.
**) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, Спб. 1897, III, 640, 672, 676—8.

Бѣда въ томъ, что г. Михайловскій, приведя одно изъ наиболѣе любопытныхъ писемъ Бѣлинскаго за время его «примирительнаго» настроенія—именно, отъ 7 августа 1837 г.—и характеризуя это письмо, какъ «настоящую святыню, вполнѣ очевидную даже для самаго грубаго глаза, если только онъ хоть разъ въ жизни напрягался, вглядываясь въ даль, чтобы найти тамъ правду», вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ себѣ сказать по поводу этого письма слѣдующее. «Больной, нищій, въ завтрашнемъ днѣ не увѣренный, Бѣлинскій съ невозмутимымъ спокойствіемъ объясняетъ, что все идетъ къ лучшему, и что философія даетъ такое счастье, какого толпа и не подозрѣваетъ, и какого внѣшняя жизнь не можетъ ни дать, ни отнять. Со стороны смѣшно, если хотите, дико, нелѣпо, фикція, иллюзія, обманъ, ложь, но очевидно, что самъ Бѣлинскій въ ту минуту, дѣйствительно, обладалъ такимъ счастьемъ, потому что глубоко вѣрилъ, что навѣянный на него философскій вздоръ есть правда» *). Этого г. Каменскій простить не можетъ. Кажется, ясно, что слова: «философскій вздоръ» не относятся ко всѣмъ мнѣніямъ Бѣлинскаго, но г. Каменскому подумать объ этомъ некогда, онъ уже шумитъ и мечетъ ироническія стрѣлы, и открываетъ новыя слова.

Мы, въ самомъ дѣлѣ, подошли опять къ новому слову г. Каменскаго о Бѣлинскомъ, отчасти намъ уже знакомому. Оно заключается въ томъ, что для Бѣлинскаго совершенно неизбѣжно было увлеченіе такъ называемымъ правовѣрнымъ гегеліанствомъ со всѣми его крайностями, такъ какъ только это ученіе давало стройную теорію развитія общественной жизни, теорію, передъ которой оказывались несостоятельными всѣ другія. Съ этой точки зрѣнія онъ не видитъ большого грѣха и въ тѣхъ крайностяхъ, до которыхъ доходилъ Бѣлинскій въ эпоху примиренія, и хотя отмѣчаетъ, что его оптимизмъ доходилъ до «величайшихъ наивностей», но находитъ для этихъ наивностей полное оправданіе, и притомъ не только въ характерѣ ихъ автора. Усвоивъ абсолютную философію Гегеля, «Бѣлинскій вдругъ почувствовалъ подъ собою надежную почву и... въ теченіе нѣкотораго времени глазами эпикурейца посматривалъ на окружающую его дѣйствительность, предвкушая блаженство ея философскаго познанія. И какъ тутъ было не сердиться на «маленькихъ великихъ людей», которые своими—*пора признать это* (курсивъ г. Каменскаго) — въ теоретическомъ отношеніи совершенно неосновательными разглагольствованіями мѣшали предаться спокойному и радостному наслажденію неожиданно открытымъ сокровищемъ истины?» (Н. Сл., авг., 4). «Маленькіе великіе люди» или, иначе, «извѣстные, но не славные люди»—это термины самого Бѣлинскаго, и вотъ что писалъ онъ въ статьѣ «Менцель, критикъ Гёте» о французской литературѣ, которая представлялась ему въ ту пору ареною дѣйствій именно этого разряда людей. «Теперь ея произведенія—буй-

*) Тамъ же. 674.

ное безуміе, которое, обоготворивъ неистовство животныхъ страстей, выдаетъ, подобно Гюго, Дюма, Эжену Сю, мясничество за трагедію и романъ, а клеветы на человѣческую натуру за изображеніе настоящаго вѣка и современнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ нынѣшняя французская литература?.. Г-жа д'Юдеванъ, или извѣстный, но отнюдь не славный Жоржъ Зандъ, пишетъ цѣлый рядъ романовъ, одинъ другого нелѣпѣе и возмутительнѣе, чтобы приложить къ практикѣ идеи сенъ-симонизма объ обществѣ. Какія же это идеи? О, безподобныя!—именно: индюстріальное направленіе должно взять верхъ надъ идеальнымъ и духовнымъ; должно распространиться равенство не въ смыслѣ христіанскаго братства, которое и безъ того существуетъ въ мірѣ со времени первыхъ двѣнадцати учениковъ Спасителя, а въ смыслѣ какого-то масонскаго или квакерскаго сектанства; должно уничтожить всякое различіе между полами, разрѣшивъ женщину на всятяжкая и допустивъ ее наравнѣ съ мужчиною къ отправленію гражданскихъ должностей, а главное — предоставивъ ей завидное право мѣнять мужей по состоянію своего здоровья... Необходимый результатъ этихъ глубокихъ и превосходныхъ идей есть уничтоженіе священныхъ узъ брака, родства, семейственности, словомъ совершенное превращеніе государства сперва въ животную и безчинную оргію, а потомъ—въ призракъ, построенный изъ словъ на воздухѣ» *). Къ сожалѣнію, и по недостатку мѣста, и по инымъ соображеніямъ я не могу привести здѣсь другихъ «наивностей» Бѣлинскаго, направленныхъ противъ «маленькихъ великихъ людей», протесты которыхъ г. Каменскій, надо полагать, тоже призналъ бы совершенно неосновательными въ теоретическомъ отношеніи. Но я убѣдительно прошу читателя просмотрѣть какъ упомянутое выше письмо Бѣлинскаго въ книгѣ г. Пыпина, такъ и статью о Менцелѣ и рецензіи на «Очерки Бородинскаго сраженія» и «Бородинскую годовщину», и особенно обратить вниманіе на страницы 216—224. 242 и 265—9 третьяго тома сочиненій Бѣлинскаго (въ изданіи 1859 г.). Мысли, которыя онъ тамъ встрѣтитъ, не менѣе ясно, чѣмъ приведенная выдержка, покажутъ ему, не было ли въ воззрѣніяхъ великаго критика въ данную пору доли «философскаго вздора» и правъ-ли былъ онъ самъ, говоря впослѣдствіи, что его развитіе совершалось «страшными зигзагами». Г. Каменскій находитъ, что именно такой ходъ развитія былъ неизбѣженъ. Приходится, конечно, признать его неизбѣжнымъ, уже по тому одному, что онъ былъ, но еще вопросъ, гдѣ искать причины этой неизбѣжности. Онъ былъ неизбѣженъ для Бѣлинскаго, какъ конкретной личности, съ его лихорадочнымъ нетерпѣніемъ овладѣть истиной, съ его страшнымъ пыломъ бойца и пропагандиста, быстро развивающаго всѣ логическія послѣдствія разъ схваченной идеи.

*) Сочиненія Бѣлинскаго, М. 1859, ч. III, с. 304—5.

Но въ исторіи мысли это было крупной ошибкой, и Бѣлинскій былъ ближе къ правдѣ, когда съ свойственнымъ ему безстрашіемъ и рѣзкостью называлъ нѣкоторыя послѣдствія этой ошибки не наивностями, а «мерзостями». Это можно признать, не посягая на нравственное достоинство Бѣлинскаго и не пытаясь отрицать серьезнаго и во многомъ благотворнаго вліянія на умственное развитіе какъ его самого, такъ и значительной части русскаго общества, гегеліанскихъ идей.

При помощи идей гегеліанства г. Каменскій объясняетъ, между прочимъ, и одинъ частный фактъ въ исторіи мнѣній Бѣлинскаго, именно измѣненіе въ его взглядахъ на буржуазію, которое обнаружилось у него незадолго до смерти, и слѣды котораго остались въ его письмѣ къ Анненкову отъ 15 февраля 1848 г. Бѣлинскій, ранѣе преданный всецѣло идеямъ соціализма, теперь писалъ: «мой вѣрующій другъ и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я въ спорахъ съ вами о буржуазіи называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль, какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная, аркадская мысль! Послѣ этого отчего же не предположить, что живущіе въ русскихъ лѣсахъ волки соединятся въ благоустроенное государство, заведутъ у себя сперва абсолютную монархію, потомъ конституціонную и наконецъ перейдутъ въ республику? Пій IX въ два года доказалъ, что значитъ великій человѣкъ для своей земли. Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами. Странный я человѣкъ! Когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удается выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, піэтистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли—тутъ я и назадъ. Вѣрующій другъ и славянофилы наши оказали мнѣ большую услугу» *).

Г. Каменскій даетъ этому письму такое толкованіе. Бѣлинскій долженъ былъ встрѣтиться въ Парижѣ съ крайними мнѣніями рус-

---

*) Анненковъ и его друзья, СПБ. 1892, с. 611.

скихъ людей насчетъ будущей роли Россіи въ рѣшеніи соціальнаго вопроса и съ свойственнымъ ему чутьемъ теоретической истины подмѣтить ихъ полную отвлеченность. «Въ старомъ гегельянцѣ должна была опять заговорить давно знакомая ему и издавна мучившая его потребность связать идеалы съ жизнью... и вотъ онъ ставитъ будущую судьбу Россіи въ зависимость отъ ея экономическаго развитія» (Н. Слово, августъ, 20). Натянутость и недостаточность такого объясненія, ясныя съ перваго взгляда, могли зависѣть и отъ того,—по крайней мѣрѣ, отчасти, —что г. Каменскому данное письмо извѣстно только по книгѣ г. Пыпина, гдѣ изъ него выпущено нѣсколько характерныхъ фразъ. Г. Novus зналъ его въ полномъ видѣ и, хотя и называетъ его «однимъ изъ интереснѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ обнаруженій западническаго духа», но вмѣстѣ съ тѣмъ впадаетъ по поводу его въ недоумѣніе, которое, въ концѣ концовъ, и разрѣшаетъ открытіемъ, что авторъ письма «никогда не былъ сильнымъ философомъ». И г. Каменскому, и г. Novus'у дорогъ въ этомъ письмѣ, въ сущности, лишь призывъ въ Россію буржуазіи, но первый изъ нихъ почти не замѣчаетъ цѣлаго цикла идей, связанныхъ съ этимъ призывомъ, второй же плохо въ нихъ разбирается *). По взгляду Бѣлинскаго, исторію дѣлаютъ личности, а не массы,—«личности, свободныя отъ роковыхъ опредѣленій, подъ тяжестью которыхъ коснѣютъ массы», какъ пояснилъ бы историкъ той поры. Подобная личность можетъ явиться въ роли правителя государства и могучимъ толчкомъ двинуть впередъ его развитіе. Вообще же такія личности скорѣе всего могутъ выходить изъ среды обезпеченнаго и просвѣщеннаго класса, какъ это и подтверждалъ, повидимому, примѣръ западно-европейскихъ городовъ.—Не находя соотвѣтствующихъ условій въ жизни русскаго дворянства и русскаго купечества, отдѣльно взятыхъ, Бѣлинскій уже въ силу настойчивыхъ ожиданій могъ, наконецъ, «ясно увидѣть» готовящееся превращеніе русскихъ дворянъ въ буржуазію. Къ тому же самому, какъ мы видѣли, пришелъ и Боткинъ, и это бросаетъ любопытный свѣтъ на характеръ его «реалистическихъ тезисовъ». Во всемъ этомъ было не мало наивнаго, но, пожалуй, еще болѣе наивно цѣпляться теперь за одинъ членъ символа вѣры, остальныя части котораго давно опровергнуты и основательно забыты.

Г. Струве нѣкогда «искренно желалъ» будущему историку «народничества» «сочетать въ себѣ добросовѣстность и безпристрастіе объективнаго изслѣдователя съ литературнымъ талантомъ Тэна». Не знаю, найдется ли въ будущемъ такой историкъ, но несомнѣнно то, что историки стараго западничества, выступившіе въ «Н. Словѣ», плохо удовлетворили требованіямъ, предъявлявшимся почтеннымъ авторомъ «Критическихъ замѣтокъ».

*) «Вопросъ о культурномъ значеніи буржуазіи—говоритъ г. Novus—спутывается у него (Бѣлинскаго) съ вопросомъ о роли личности въ исторіи, хотя логической связи между ними нѣтъ» (Н. Слово, апрѣль, 57).

Показавъ, по мѣрѣ силъ, характеръ «новыхъ словъ о старыхъ дѣятеляхъ» и пріемы, при помощи которыхъ эти слова создаются, я могу считать свою задачу оконченной, но мнѣ не хочется оставить перо, не сказавъ еще нѣсколькихъ словъ, связанныхъ съ тою же темой. Въ сентябрьской книжкѣ «Н. Слова» читатель можетъ найти статью г. Иванова «Плохая выдумка», посвященную роману г. Боборыкина: «По другому». Авторъ этой статьи указываетъ на все, — мягко выражаясь, — неудобство часто внѣшняго описанія борьбы различныхъ направленій, соединеннаго съ искаженіемъ ихъ настоящаго существа. О г. Боборыкинѣ остается вмѣстѣ съ авторомъ этой статьи сказать: виноватъ, но можно прибавить: заслуживаетъ снисхожденія. Заслуживаетъ снисхожденія потому, что самъ онъ для обоихъ взятыхъ имъ направленій человѣкъ посторонній, сердце его объ нихъ не болитъ, а описалъ онъ ихъ такъ же, какъ описываетъ все, что онъ видитъ или о чемъ слышитъ и что кажется ему интереснымъ и подходящимъ къ сезону. Но что сказать о самомъ «Н. Словѣ», въ августовской и сентябрьской книжкахъ котораго помѣщена построенная по тому же самому пріему повѣсть г. Чирикова: «Инвалиды»? Главный герой этого разсказа — Крюковъ является въ рекомендаціи автора человѣкомъ вполнѣ опредѣленнымъ, хотя эта опредѣленность достигается исключительно при помощи наклеиваемыхъ на него ярлычковъ: перечня книгъ, какія онъ читалъ въ юности, сообщенія, что онъ «присоединился къ программѣ дѣятельности по формулѣ: «все для народа и все посредствомъ народа», «былъ подхваченъ волною движенія» и т. п. Послѣ двадцатилѣтнихъ странствій и знакомствъ съ инородцами Крюковъ вернулся на родину. «Вернулся онъ съ какими-то фантастическими надеждами, планами и замыслами, съ горячею вѣрою въ свое прежнее дѣло и съ непреодолимымъ желаніемъ начать все сызнова». Для этого человѣка съ ярлыкомъ авторъ находитъ два дѣла: составить артель рабочихъ на желѣзной дорогѣ, которая, конечно, сейчасъ-же и рушится, и попытаться обмануть инженера, у котораго онъ нашелъ мѣсто и который поручилъ ему заключить мировую сдѣлку съ отцомъ убитаго на дорогѣ крестьянина. Не отказываясь отъ порученія, Крюковъ уговариваетъ крестьянина не брать предложенныхъ инженеромъ на мировую 300 р., а стребовать судомъ 1.000 р. Обманъ обнаруживается, и Крюковъ долженъ покинуть мѣсто, на желѣзной дорогѣ. Онъ — и писатель, но писаніемъ своимъ просуществовать не можетъ и потому беретъ мѣсто корректора при газетѣ въ нѣкоемъ городкѣ. Здѣсь онъ въ домѣ своего бывшаго университетскаго товарища встрѣчается съ его родственникомъ, молодымъ студентомъ—«марксистомъ», уѣхавшимъ въ эту далекую провинцію, и со второго слова они начинаютъ говорить другъ другу непріятности, а съ третьяго—обмѣниваются ругательствами. Измученный работой, тоской и послѣднимъ оскорбленіемъ, Крюковъ заболѣваетъ, и товарищъ-врачъ отвозитъ

его въ больницу. Скажите на милость, неужели это живой человѣкъ, а не деревянная маріонетка, двигающаяся по волѣ автора. неужели это исторія, а не плохой анекдотъ? Въ качествѣ анекдота все, конечно, возможно, но вѣдь въ видѣ анекдота возможны и тѣ эпизоды, которые происходятъ съ героями романа г. Боборыкина. За что же «Н. Слово» сердится тогда на почтеннаго романиста? Или разсказъ г. Чирикова тоже — новыя слова о старыхъ дѣятеляхъ? Плохо же будетъ, если много придется такихъ словъ выслушивать. Нельзя не сказать однако, что такія слова тоже не болѣе, какъ своего рода «плохая выдумка». Надо думать, впрочемъ, что найдутся и люди, которымъ такая выдумка очень понравится, именно потому, что она мало соотвѣтствуетъ той дѣйствительности, которую якобы изображаетъ. По крайней мѣрѣ, «Русскій Вѣстникъ» поторопился привѣтствовать выдумку «Н. Слова», разыгравъ при этомъ на данную почтеннымъ журналомъ тему и кое-какія собственныя варіаціи. Тотъ насмѣшливый тонъ несомнѣннаго превосходства, который усвоило себѣ «Н. Слово» по отношенію къ 70-мъ годамъ, не менѣе хорошо удается и «Р. Вѣстнику». Герой повѣсти г. Чирикова—говоритъ послѣдній журналъ — запоздалый «семидесятникъ», сумѣвшій какимъ-то чудомъ донести до нашего времени цѣлыми и несокрушенными, не смотря на рядъ горькихъ разочарованій, тогдашніе «модные» идеалы о преобразованіи человѣчества и достиженіи всеобщаго благополучія путемъ организаціи артелей и кустарныхъ промысловъ». «Въ общемъ — продолжаетъ «Р. Вѣстникъ» свои назидательныя размышленія — повѣсть эта затрогиваетъ одну изъ самыхъ печальныхъ сторонъ русской жизни, къ счастью, теперь уже отошедшую въ область прошлаго: она подводитъ жизненные итоги лицъ, лучшіе годы которыхъ протекли подъ вліяніемъ умственнаго и нравственнаго шатанія. Такіе люди (какъ герой повѣсти) не могли выбраться ни на какую настоящую дорогу, не сумѣли сдѣлаться полезными ни себѣ, ни другимъ, потому что шли впередъ, не видя передъ собою цѣли, и всю свою жизнь пробродили въ заколдованномъ кругѣ отвлеченныхъ формулъ и фразъ». По мнѣнію журнала, 70-е годы были для русской интеллигенціи эпохою рабства передъ фразой, причемъ «эта новая форма рабства утвердила свое владычество надъ всѣми тѣми, кто не имѣлъ подъ ногами твердой почвы. А такихъ было много. Большинство изъ нихъ погибли въ борьбѣ, не имѣя ни силъ, ни воли, чтобы побѣдить, и только нѣкоторые, жалкіе остатки влачатъ свое искалѣченное существованіе, въ тягость себѣ и другимъ. Изъ этой именно категоріи и взяты авторомъ герои его повѣсти,— эти печальные и блѣдные призраки минувшаго прошлаго» (Р. Вѣстникъ, ноябрь, с. 358—60). Къ основной темѣ «Н. Слова» «Р. Вѣстникъ» кое-что добавилъ отъ себя, но всетаки — какое трогательное единеніе двухъ журналовъ и какъ умилительно наблюдать его въ наши времена, казалось бы, не очень располагающія къ

согласію. Писатели «Н. Слова» послѣднее время почему-то расположены находить большое сходство между своими шутками и шутками «Свистка» или «свистуновъ». Признаться, мнѣ шутки «Н. Слова» гораздо болѣе напоминаютъ остроты стараго «Русскаго Вѣстника» надъ авторомъ «Полемическихъ красотъ». Но это вопросъ особый, а пока любопытно было бы узнать, когда именно «Современникъ» и «Свистокъ» такъ успѣшно попадали въ унисонъ съ «Р. Вѣстникомъ» начала 60-хъ годовъ, какъ это удалось «Н. Слову» по отношенію къ «Р. Вѣстнику» нашихъ дней? Если компанія, въ какой очутился почтенный журналъ, и не совсѣмъ пріятна, то нельзя сказать, чтобы она была совсѣмъ незаслужена. Читатель пойметъ, быть можетъ, что, говоря объ этомъ трогательномъ единеніи, я ограничиваюсь указаніемъ факта, такъ какъ не имѣю достаточно силы назвать его настоящимъ его именемъ, хотя и имѣлъ бы, можетъ статься, достаточно воли для этого.

В. Мякотинъ.

Литература и жизнь.

О народничествѣ, діалектическомъ матеріализмѣ, субъективизмѣ и проч.— О страшной силѣ г. Novus'а, о моей робости, и о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ.—Н. Н. Златовратскій.

Для многихъ было бы, вѣроятно, очень удобно, еслибы существовало только два цвѣта—черный и бѣлый, или только двѣ страны свѣта, напримѣръ, сѣверъ и югъ, или только взаимно перпендикулярныя линіи и т. п. Въ этой фантастической скудости красокъ, линій, очертаній жить было бы гораздо скучнѣе, чѣмъ въ нашей теперешней пестротѣ и сложности, но за то гораздо легче было бы оріентироваться. Наши предки называли всѣхъ европейцевъ нѣмцами, и еслибы это представленіе объ иностранцахъ, какъ о людяхъ одинаковаго происхожденія, языка, вѣроисповѣданія, соотвѣтствовало истинѣ, то, конечно, этнографія была бы чрезвычайно легкой наукой, равно какъ и языковѣдѣніе, исторія и проч. Но затѣмъ открылось, что среди «нѣмцевъ» есть и настоящіе нѣмцы-колбасники, и легкомысленные французы, и итальянцы-шарманщики, и гордые испанцы, и рыжіе и коварные англичане. Еще шагъ, и мы узнали, что не всѣ нѣмцы колбасники, не всѣ англичане коварны и рыжи, не всѣ французы легкомысленны. Еще дальше открылось, что не только между французами существуютъ люди весьма серьезные и глубокомысленные, а между англичанами—прямодушные, но что тѣ и другіе, равно какъ и нѣм-

цы, итальянцы, испанцы, дѣлятся на группы, рѣзко отличающіяся своими интересами, образомъ жизни и т. д. Каждый шагъ въ направленіи этого раздробленія представленія о «нѣмцахъ» требовалъ извѣстнаго напряженія ума и о размѣрахъ этого напряженія намъ, уже твердо знающимъ, что нѣмцы вовсе не колбасники по преимуществу, трудно судить. А если есть люди, находящіе особое наслажденіе въ напряженной работѣ мысли, то гораздо больше такихъ, которые этого напряженія, сознательно или безсознательно, избѣгаютъ. Отсюда стремленіе къ упрощенію дѣйствительности, къ сведенію ея красокъ, звуковъ, образовъ и картинъ къ малому числу, но рѣзко различныхъ элементовъ. Замѣтятъ, можетъ быть, что и процессъ, обратный тому, который мы сейчасъ видѣли, процессъ обобщенія, путемъ уловленія сходныхъ чертъ въ различныхъ предметахъ, также требуетъ значительнаго напряженія мысли. Это безспорно, какъ безспорно и то, что обобщеніе не значитъ упрощеніе дѣйствительности. Обобщеніе имѣетъ цѣлью найти нѣкоторое единство въ различныхъ предметахъ, не покушаясь на ихъ особенности, и открываетъ мысли болѣе широкіе горизонты, тогда какъ упрощеніе дѣйствительности эти горизонты суживаетъ. Въ этомъ узкомъ пространствѣ люди чувствуютъ себя лучше, увѣреннѣе, сложнѣйшія задачи представляются имъ чрезвычайно легкими, и любой Давъ можетъ стать Эдипомъ. Поэтому ихъ инстинктивно, помимо ихъ сознанія, тянетъ къ упрощенію дѣйствительности. Тотъ же результатъ получается и при простомъ незнакомствѣ съ рядомъ явленій, объ которыхъ идетъ рѣчь, какъ оно и было съ нашими предками, когда они всѣхъ иностранцевъ считали нѣмцами. Наконецъ, къ тому же часто приводитъ игра страстей, управляющихъ ходомъ мысли «упростителей» помимо ихъ сознанія.

Возьмемъ какую нибудь историческую личность. Возьмемъ Некрасова. Этотъ замѣчательный человѣкъ представляетъ собою чрезвычайно сложный переплетъ свѣта и тѣней: превосходный поэтъ, грѣшившій, однако, иногда очень грубыми стихотвореніями; пѣвецъ народа и всѣхъ обездоленныхъ, нажившій, однако, по предсказанію Бѣлинскаго, «капиталецъ»; яркій представитель и отчасти даже вождь извѣстнаго направленія, извлекавшій, однако, изъ своей лиры, по его собственнымъ словамъ, «невѣрные» звуки, и т. д. Эта сложность ставитъ въ трудное положеніе умы несвѣдущіе, то есть недостаточно знакомые съ жизнью и дѣятельностью Некрасова, умы лѣнивые и неповоротливые, обѣгающіе всякую сложность, наконецъ, умы, обезоруженные страстью,—будь то любовь или ненависть. Въ извѣстной статьѣ Лѣскова «Загадочный человѣкъ» разсказывается о томъ, какъ разочаровался Артуръ Бенни въ нашемъ просвѣтительномъ движеніи вообще и въ нѣкоторыхъ особливо уважаемыхъ имъ людяхъ въ частности. Тутъ приводятся совершенно безсмысленныя сплетни о покойникахъ, Чернышевскомъ и Елисеевѣ, и затѣмъ Лѣсковъ продолжаетъ: «Но что уже совсѣмъ

срѣзало Бенни, такъ это нѣкоторыя стихотворенія столь извѣстнаго поэта, Николая Алексѣевича Некрасова. Я говорю о тщательно изъятой Некрасовымъ изъ продажи книжечкѣ, носящей заглавіе «Мечты и звуки». Я уберегъ у себя эту рѣдкость нынѣшняго времени, и Бенни переварить не могъ этой книги» (Лѣсковъ, Сочиненія, VIII, 104)—Книжка «Мечты и звуки» была *издана* въ 1840 г. (значитъ, написана и того раньше), когда Некрасову было 19 лѣтъ, и состояла изъ дѣтскихъ стихотвореній, наивныхъ по содержанію и ребячески слабыхъ по формѣ. Бѣлинскій рѣзко отозвался о нихъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», причемъ сдѣлалъ едва ли не единственный въ жизни крупный эстетическій промахъ: отказалъ юному автору, какъ поэту, во всякой будущности. Старикъ Жуковскій, къ которому обуреваемый сомнѣніями Некрасовъ обратился за совѣтомъ, оказался въ этомъ случаѣ проницательнѣе великаго критика. Онъ предсказалъ юношѣ-поэту, что тотъ впослѣдствіи пожалѣетъ, если выпуститъ эту книжку, и посовѣтовалъ, по крайней мѣрѣ, не выставлять имени. Книжка и была издана подъ инціалами Н. Н., а потомъ Некрасовъ, естественно недовольный этимъ дѣтскимъ лепетомъ, скупалъ и уничтожалъ книжку. Вотъ и вся исторія, которую Лѣсковъ разсказываетъ съ такими злорадными подчеркиваніями. Почему такая пустяковина, какъ «Мечты и звуки», могла «уже совсѣмъ срѣзать» Бенни—трудно понять. Но дѣло въ томъ, что къ показаніямъ Лѣскова вообще слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, и можно сказать навѣрное, что разочарованія въ Некрасовѣ (по крайней мѣрѣ, по поводу книжки «Мечты и Звуки») Бенни никогда не переживалъ. Это—плодъ злобной фантазіи Лѣскова, который, однако, хорошо зналъ, что онъ дѣлаетъ, пуская свой шипъ по змѣиному. Онъ разсчитывалъ на наше позорное незнакомство съ нашимъ прошлымъ даже относительно популярнѣйшихъ писателей и потому смѣло представилъ обыкновеннѣйшую и невиннѣйшую исторію книжечки «Мечты и звуки», какъ какое-то злое или лицемѣрное дѣло, долженствующее провести лишнюю непріятную черту на портретѣ Некрасова. Но на оригиналѣ этого портрета и безъ того есть подлинныя, не выдуманныя непріятныя черты, радующія враговъ, приводящія въ смущеніе друзей. Онъ самъ это понималъ и ясно выразилъ словами: «Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи вчерашній другъ, качая головой». И вотъ, и врагъ, и другъ, отчасти по недостаточной гибкости ума, а отчасти ослѣпленные враждой или любовью, наровятъ «упростить» этотъ сложный образъ, выкрасить этотъ портретъ одной какой нибудь краской: такъ легче, удобнѣе. Но это не будетъ портретъ Некрасова.

Какъ ни оригинальна фигура Некрасова, но это всетаки единичная личность, и если въ ней многимъ разобраться такъ трудно, что они предпочитаютъ эти трудности обходить, то тѣмъ паче слѣдуетъ этого ожидать по отношенію къ вопросамъ общественной

жизни. Здѣсь и поводовъ, и соблазновъ для упрощенія, конечно, гораздо больше. Позволю себѣ напомнить читателю одну маленькую рецензію, напечатанную въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году (№ 6). Дѣло идетъ о переводной брошюрѣ Гельда «Фабрика и ремесло». Переводчикъ, г. Спасскій, предпринялъ эту работу въ видахъ борьбы съ «тѣмъ утопическимъ романтизмомъ, съ которымъ въ извѣстной части нашей русской экономической литературы обсуждается вопросъ о кустарной или домашней промышленности». Брошюра (собственно рѣчь) слѣдитъ за постепеннымъ сокращеніемъ сферы дѣйствія мелкаго производства и вытѣсненіемъ, въ Англіи и Германіи, ремесла фабрикой. Г. Спасскій очень почтительно относится къ рѣчи Гельда, «проникнутой стремленіемъ къ трезвому, лишенному утопизма анализу историческаго мѣста каждой формы». Это не мѣшаетъ ему, однако, «упрощать» мнѣнія нѣмецкаго ученаго. Такъ, Гельдъ называетъ ремесло «достойнымъ вниманія придаткомъ (ein achtungswerthes Anhängsel) крупной промышленности», а г. Спасскій переводитъ это мѣсто словами: «*не заслуживающій особаго вниманія* придатокъ», да еще печатаетъ эти слова курсивомъ, котораго въ подлинникѣ нѣтъ. Затѣмъ переводчикъ и совсѣмъ пропускаетъ одно мѣсто, гдѣ Гельдъ оговариваетъ, что совершеннаго вытѣсненія ремесла во всѣхъ отрасляхъ производства никоимъ образомъ ожидать нельзя. Не смотря на скромность этой оговорки, она показалась переводчику всетаки слишкомъ осложняющею дѣло. По этой же причинѣ и «достойное вниманія» для Гельда превращается для переводчика въ «незаслуживающее вниманія». Г. Спасскій считаетъ себя, по всей вѣроятности, «діалектическимъ матеріалистомъ» (я придерживаюсь послѣдняго mot d'ordre) и ведетъ борьбу съ «народничествомъ». Пониманіе и рѣшеніе вопросовъ общественной жизни значительно, конечно, облегчилось бы, еслибы къ нимъ можно было относиться только съ «діалектически-матеріалистической» или «народнической» точки зрѣнія, и къ этой то легкости тяготѣетъ г. Спасскій, безцеремонно устраняя даже незначительныя препятствія. Поведеніе его въ этомъ случаѣ можетъ показаться совершенно исключительнымъ, и я хотѣлъ бы надѣяться, что оно дѣйствительно таково. Но собственно стремленіе свести различныя направленія къ двумъ упомянутымъ рубрикамъ у насъ въ настоящее время чрезвычайно распространено: либо правовѣрные, либо гяуры.

Въ книгѣ «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» г. Струве, перечисливъ нѣсколько писателей, продолжаетъ (29): «Всѣмъ этимъ писателямъ присуща, правда, въ разной степени, вѣра въ возможность «самобытнаго развитія» Россіи. Эта вѣра объединяетъ писателей самаго различнаго склада, отъ г. Михайловскаго до г. Юзова, въ одно направленіе, которому мы присвоеваемъ названіе народничества». А въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 2 г. Струве пишетъ: «Мы хорошо

знаемъ, что... г. Михайловскій не признаетъ себя народникомъ и *вполнѣ справедливо* отдѣляетъ себя отъ г. В. В. и другихъ народниковъ par excellence. Тѣмъ не менѣе, *въ нашемъ смыслѣ* онъ—народникъ» (оба курсива принадлежатъ г. Струве).

Здѣсь мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, оговорку о «нашемъ смыслѣ» и объ условномъ пониманіи «народничества», въ которое авторъ включаетъ писателей «самаго различнаго склада», между прочимъ, и такихъ, которые «вполнѣ справедливо» не считаютъ себя народниками. Это хорошо, конечно, что авторъ употребляетъ ходячій терминъ съ оговоркой на счетъ того смысла, который онъ въ него вкладываетъ, но было бы еще лучше, еслибы онъ не включалъ въ одну группу людей «самаго различнаго склада». Тѣмъ болѣе, что и тотъ единственный признакъ, на основаніи котораго г. Струве построилъ свое обобщаніе,—возможность «самобытнаго развитія» Россіи,—присущъ указаннымъ имъ писателямъ, по его собственнымъ словамъ, «въ разной степени». А если прибавить, что нѣкоторые изъ нихъ, въ виду двусмысленности поставленныхъ г. Струве въ ковычки словъ «*самобытное* развитіе», никогда ихъ не употребляютъ,—то окажется, что г. Струве своими оговорками, по малой мѣрѣ, не способствовалъ выясненію понятія «народничества».

Если я «въ смыслѣ г. Струве»—народникъ, то одинъ изъ столповъ народничества, покойный Юзовъ, утверждалъ, что я—«одинъ изъ вреднѣйшихъ марксистовъ» («Основы народничества», 2—е изд. 1884 г., стр. 361). И это перекидываніе меня изъ одного враждующаго лагеря въ другой, тогда какъ я завѣдомо не имѣю чести принадлежать ни къ тому, ни къ другому, кажется мнѣ очень интереснымъ, какъ частный случай вышеупомянутаго тяготѣнія къ упрощенію дѣйствительности. Конечно, гораздо легче налѣпить на то или другое литературное явленіе одинъ изъ двухъ ходячихъ ярлыковъ, чѣмъ разбираться въ этомъ явленіи, если оно сколько нибудь сложно. Но очевидны и неудобства подобныхъ пріемовъ, тѣмъ болѣе, что и самые ярлыки, наклеиваемые съ такою увѣренностью въ ихъ точности и опредѣленности, на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ точны и опредѣленны.

Въ двухъ первыхъ изданіяхъ книги г. Скабичевскаго «Исторія новѣйшей русской литературы» характеристика г. Евгенія Маркова заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія строки: «Въ противоположность Боборыкину, рьяному западнику, мѣряющему русскую жизнь по масштабу парижской культуры, Евгеній Марковъ смотритъ на нее съ *народнической* точки зрѣнія: онъ до извѣстной степени почвенникъ, проводящій ту мысль, что городская жизнь портитъ людей, нравственно калѣчитъ ихъ и растлѣваетъ, и лишь возвращеніе въ деревню или въ родную усадьбу, въ среду народа и на лоно природы, можетъ спасти человѣка, возстановить равновѣсіе его силъ и дать имъ благотворный исходъ». Въ тре-

тьемъ изданіи книги подчеркнутое мною слово «*народническая* точка зрѣнія» замѣнено словомъ «руссофильская точка зрѣнія». Сдѣлалъ ли эту поправку г. Скабачевскій motu proprio или подъ вліяніемъ указаній критики, но самый фактъ возможности или необходимости этой замѣны одного термина другимъ представляется мнѣ въ данномъ случаѣ чрезвычайно знаменательнымъ. Слово «народничество» у насъ въ такомъ ходу, что, казалось бы, должно покрывать собою вполнѣ опредѣленное содержаніе. И однако, вотъ историкъ новѣйшей русской литературы, въ продолженіе многихъ лѣтъ пристально слѣдящій за нашими умственными теченіями, поскольку они отражались въ литературѣ, счелъ нужнымъ, разъ употребивъ это слово, замѣнить его другимъ. О г. Марковѣ намъ много распространяться незачѣмъ. Это писатель, у котораго чего хочешь, того просишь. Собственно объ его отношеніи къ «народничеству» стоитъ отмѣтить развѣ только то, что, если не ошибаюсь, онъ изобрѣлъ и, во всякомъ случаѣ, охотно употребляетъ (я не знаю, что онъ теперь дѣлаетъ) презрительную кличку «мужиковствующіе». Не будемъ также останавливаться и на томъ, что «руссофильство» (если только г. Скабичевскій не производитъ его отъ имени Руссо!) вовсе не требуетъ проклятій городской жизни и возвращенія «въ среду народа и на лоно природы». По крайней мѣрѣ, намъ извѣстны весьма многіе руссофилы, совершенно чуждые подобныхъ идиллическихъ наклонностей. Вообще, Богъ съ нимъ, съ г. Марковымъ и его характеристикой. Насъ интересуетъ здѣсь только фактъ смутности представленій о «народничествѣ», не смотря на то, что объ немъ идутъ въ нашей литературѣ и внѣ ея постоянные разговоры.

За послѣднее время гг. «діалектическіе матеріалисты», чувствуя, повидимому, недостаточность ярлыка «народникъ», нѣсколько усложняютъ его и направляютъ свои громы на «народниковъ и субъективистовъ». Къ сожалѣнію, однако, они нигдѣ не разъясняютъ этого новаго ярлыка и едва ли даже не еще болѣе затемняютъ имъ то, съ чѣмъ хотятъ бороться. Нѣсколько болѣе, если не по отношенію къ «народничеству», то по отношенію къ «субъективизму» даетъ весьма благосклонный къ «діалектическому матеріализму» г. Филипповъ въ своемъ двухтомномъ сочиненіи «Философія дѣйствительности». Мнѣ еще придется, вѣроятно, вернуться къ этому произведенію, и здѣсь я ограничусь лишь нѣсколькими словами. При этомъ я долженъ опять говорить о себѣ, но не потому, чтобы хотѣлъ непремѣнно занимать читателей своей особой, а потому, что такъ устроилъ г. Филипповъ. Отмѣтивъ, въ числѣ прочихъ соціологическихъ школъ, «субъективно-телеологическія теоріи общественности» и назвавъ трехъ представителей ихъ—г. Карѣева, Лестера Уорда и меня, г. Филипповъ останавливается затѣмъ исключительно на мнѣ. Одни изъ моихъ взглядовъ онъ одобряетъ, другіе не одобряетъ, но особенно настаиваетъ на томъ, что я въ своихъ

соціологическихъ работахъ вовсе не примѣняю «субъективнаго метода». Онъ говоритъ: Михайловскій «сознается, что онъ вывелъ свое опредѣленіе прогресса изъ данныхъ объективной науки... Смѣту міросозерцаній Н. К. Михайловскій выводитъ изъ смѣны формъ кооперацiи, такъ что здѣсь объективный принципъ—раздѣленіе труда—опредѣляетъ психическое настроеніе членовъ общества, а не наоборотъ. Большаго не могли бы потребовать даже экономическіе матеріалисты, противъ которыхъ Н. К. Михайловскій въ недавнее время выступилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ» («Философія дѣйствительности» II, 1106). Я дѣйствительно «сознаюсь»... Предпочиталъ бы, однако, какое нибудь другое выраженіе, потому что сознаваться можно только въ какомъ нибудь грѣхѣ, преступленіи или ошибкѣ, а съ моей точки зрѣнія опираться на данныя объективной науки не только не составляетъ грѣха, преступленія или ошибки, но, напротивъ того, обязательно. И если г. Филипповъ заставляетъ меня въ этомъ «сознаваться», то это значитъ мнѣ кажется, что онъ несовсѣмъ уяснилъ себѣ мой «субъективизмъ». Конечно, въ этомъ виноватъ, можетъ быть, я самъ, но и собственные взгляды г. Филиппова на субъективизмъ не ясны. Отринувъ «субъективный методъ», онъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «Отрицаніе субъективнаго *метода* не есть, однако, отказъ отъ всякой *субъективности*. Есть та «глубокая, всеобъемлющая и гуманная субъективность», которая, по словамъ Бѣлинскаго, «не допускаетъ быть чуждымъ міру, но заставляетъ проводить черезъ свою живую душу явленія внѣшняго міра». Нельзя любить и негодовать «по методу» (тамъ же, подстрочное примѣчаніе). Послѣднее, разумѣется, совершенно справедливо, но я и не предлагалъ никогда любить и негодовать «по методу», и было бы, можетъ быть, лучше, еслибы г. Филипповъ не утруждалъ себя изложеніемъ столь несомнѣнныхъ истинъ, а болѣе ясно опредѣлилъ бы ту «субъективность», отъ которой и онъ не отказывается: фразы Бѣлинскаго какъ будто и недостаточно. Г. Филипповъ говоритъ далѣе, что я предлагаю нѣчто такое, больше чего «не могли бы потребовать даже экономическіе матеріалисты», и, повидимому, удивляется, что я противъ послѣднихъ «въ недавнее время выступилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ». Быть можетъ, справедливѣе было бы, еслибы г. Филипповъ направилъ свое удивленіе въ другую сторону. Въ самомъ дѣлѣ, если я почти тридцать лѣтъ тому назадъ (г. Филипповъ цитируетъ статью 1869 г.) утверждалъ, что «смѣна формъ кооперацiи опредѣляетъ собою психическое настроеніе членовъ общества», то можно удивляться, что люди, ознакомившіеся съ этой истиной вчера, съ такимъ задоромъ уличаютъ меня въ ея незнаніи. А если г. Филипповъ дастъ себѣ трудъ немножко подумать, то онъ убѣдится, что мой субъективизмъ находится въ самой тѣсной связи съ этой истиной. Было бы очень соблазнительно остановиться на этомъ подольше, но на сей разъ я довольствуюсь указаніемъ на невыясненность многихъ

идей, словесныя выраженія которыхъ находятся во всеобщемъ обращеніи, какъ ходячая монета.

«Діалектическій матеріализмъ» отнюдь не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. «Мы не можемъ не признать,—говоритъ г. Струве,—что часто философское обоснованіе этого ученія еще не дано, и что оно еще не справилось съ тѣмъ огромнымъ конкретнымъ матеріаломъ, который представляетъ всемірная исторія. Нуженъ, очевидно, пересмотръ фактовъ съ точки зрѣнія новой теоріи; нужна критика новой теоріи на фактахъ. Быть можетъ, многія односторонности и слишкомъ поспѣшныя обобщенія будутъ оставлены» («Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи», 46). И г. Булгаковъ «во избѣжаніе недоразумѣній считаетъ нужнымъ замѣтить, что онъ вовсе не считаетъ матеріалистическое пониманіе исторіи окончательно выработаннымъ и законченнымъ» («Новое Слово», октябрь, 45). Нельзя не привѣтствовать эти признанія, гарантирующія, повидимому, осторожность выводовъ и призывающія къ пересмотру фактовъ и критикѣ теоріи. Можно бы было поэтому не придавать большого значенія тѣмъ многочисленнымъ противорѣчіямъ, которыми переполнены произведенія различныхъ представителей «діалектическаго матеріализма», хотя бы противорѣчія эти касались наиболѣе коренныхъ вопросовъ. На нихъ можно бы было смотрѣть, какъ на choc des opinions, изъ котораго постепенно выработается истина. Вотъ, напримѣръ, г. Струве въ вышеупомянутой книжкѣ на разные лады и съ чрезвычайною настойчивостью развивалъ ту мысль, что «экономическій матеріализмъ просто игнорируетъ личность, какъ соціологически ничтожную величину», что роль личности въ исторіи равна нулю. Г. же Бельтовъ напротивъ утверждаетъ: «Матеріалисты-діалектики далеки отъ того, чтобы сводить роль личности въ исторіи къ нулю; они ставятъ передъ личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный терминъ, надо признать совершенно исключительно идеалистической» («Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», 234). А затѣмъ г. Струве объясняетъ, что и «нельзя спорить о томъ, играетъ ли личность какую нибудь роль въ историческомъ процессѣ и имѣетъ ли она вообще реальное существованіе», что это вопросъ гносеологическій, и потому «разрѣшить его въ сущности не въ силахъ ни одна изъ существующихъ «философій исторіи», не исключая и такъ называемаго экономическаго матеріализма» («Новое Слово», октябрь, «Новыя книги», 92). Или вотъ, напримѣръ, г. Бельтовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ настаиваетъ на «матеріалистическомъ монизмѣ», а г. Струве «вполнѣ подписывается подъ словами г. Милюкова: «для самаго экономическаго матеріализма связывать свою судьбу съ философскимъ матеріализмомъ и неудобно, и безполезно. Неудобно потому, что философскій матеріализмъ есть одинъ изъ самыхъ плохихъ видовъ монизма; между тѣмъ, экономическій матеріализмъ вполнѣ со-

вмѣстимъ и съ иными монистическими воззрѣніями. Безполезно же потому, что «матеріальный» характеръ экономическаго фактора есть только кажущійся; на самомъ дѣлѣ явленія человѣческой экономики происходятъ въ той же психической средѣ, какъ и всѣ другія явленія общественности» (l. c.). Въ предыдущей книжкѣ «Русскаго Богатства» мнѣ пришлось остановиться на подобномъ же фактѣ: г. Туганъ-Барановскій считаетъ «экономическій факторъ» господствующимъ въ обществѣ и опредѣляющимъ собою историческій процессъ, а г. Каменскій объявляетъ этотъ взглядъ совершенно ложнымъ.

Повторяю, всѣ эти и многія другія подобныя противорѣчія не составляли бы большой бѣды, еслибы гг. діалектическіе матеріалисты памятовали, что дѣло идетъ о доктринѣ, еще недостаточно обоснованной. Но, признавая фактъ этой необоснованности на словахъ, они на дѣлѣ говорятъ каждый свое отъ имени какъ бы цѣльнаго, сложившагося ученія и не вступаютъ въ обмѣнъ мыслей между собою, а или отмѣняютъ разъ высказанные взгляды путемъ декретовъ, или же валятъ съ больной головы на здоровую. Г. Бельтовъ тщился доказать, что матеріалистическій монизмъ есть единственное философское ученіе, соотвѣтствующее современному состоянію науки. Нельзя назвать его старанія очень удачными, но все же онъ старался, а г. Струве, не входя въ разсмотрѣніе этихъ стараній, просто декретируетъ (да еще чужими словами): «философскій матеріализмъ есть одинъ изъ самыхъ плохихъ видовъ монизма». Г. Туганъ-Барановскій старался доказать преобладающее значеніе «экономическаго фактора». Опять таки, это не были перлы знанія и логики, но г. Каменскій, какъ мы видѣли, въ сущности, доказывая вздорность и «отсталость» взглядовъ г. Тугана-Барановскаго, валитъ отвѣтственность за нихъ на «народниковъ и субъективистовъ», да еще съ удивительно яснымъ лбомъ замѣчаетъ: «дальше этого смѣшеніе понятій идти не можетъ»...

Нѣтъ, я думаю, можетъ идти и дальше. Все зависитъ отъ прыткости и беззастѣнчивости, а эти качества очень быстро прогрессируютъ въ органѣ діалектическихъ матеріалистовъ. Въ октябрьской книжкѣ «Новаго Слова» г. Novus начинаетъ свою статью, озаглавленную «На разныя темы», заявленіемъ, что онъ «давно не бесѣдовалъ съ читателями въ непринужденной формѣ». Давно ли г. Novus занимается «непринужденными» бесѣдами и долго ли онъ оставлялъ безъ нихъ читателей «Новаго Слова», я, признаться, не справлялся, но что октябрьская его статья написана вполнѣ непринужденно,—это вѣрно. Непринужденность этой бесѣды доходитъ до того, что авторъ находитъ возможнымъ говорить о моихъ «наблюденіяхъ въ петербургскихъ и московскихъ трактирахъ». Откуда г. Novus получилъ свѣдѣнія объ этихъ моихъ наблюденіяхъ, я не знаю (въ статьѣ, которую г. Novus удостоилъ своимъ вниманіемъ,— о «Мужикахъ» г. Чехова,—я ссылался на литературные источники),

но еслибы эти свѣдѣнія были даже вполнѣ достовѣрны (а они совсѣмъ не вѣрны), то пользованіе ими въ качествѣ полемическаго пріема заслуживаетъ, пожалуй, болѣе сильнаго эпитета, чѣмъ «непринужденный». И послѣ этого нечего уже, конечно, удивляться тому, что г. Novus оказывается неспособнымъ понять мотивы нашего долгаго воздержанія отъ полемики съ «Новымъ Словомъ». Онъ глумится надъ этимъ воздержаніемъ, иронически обѣщаетъ, что «марксисты послѣдуютъ благому примѣру, подаваемому писателями «Русскаго Богатства». «Впрочемъ,—прибавляетъ онъ,—мои коллеги народъ ненадежный и того и гляди сорвутся съ добровольно надѣтой на себя цѣпи».—Кто у нихъ тамъ на цѣпи сидитъ и кто сорвался или сорвется съ цѣпи, этого г. Novus не сообщаетъ, но онъ настолько вдохновляется образами разныхъ сидящихъ на цѣпи и срывающихся съ цѣпи грозныхъ животныхъ, что видитъ единственную причину нашей полемической умѣренности по отношенію къ «Новому Слову»... въ страхѣ. «Русское Богатство» вообще трусить вступить въ полемику съ «Новымъ Словомъ», а въ особенности я, пишущій эти строки, боюсь г. Novus'а. Какой, подумаешь, въ самомъ дѣлѣ страшный!

Левъ вырвался изъ клѣтки,
Быкъ съ цѣпи сорвался!..

Ахъ, j'en ai tant vu, всякихъ новусовъ и новиссимусовъ, j'en ai tant vu, и еслибы это все были львы и быки... Впрочемъ; и въ настоящемъ случаѣ приходится говорить во множественномъ числѣ, о львахъ и быкахъ, а не о единственномъ Novus'ѣ. Въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» я говорилъ о причинахъ нашего воздержанія и возвращаться къ этому не буду. Что же касается спеціально моего ужаса передъ грознымъ обликомъ сидящаго на цѣпи или сорвавшагося съ цѣпи г. Novus'а, то послѣдній видитъ его въ слѣдующемъ. Онъ писалъ о «Мужикахъ» г. Чехова, я тоже писалъ о нихъ, причемъ полемизировалъ съ г. Novus'омъ, не называя его, однако, по имени,—очевидно, я боялся прогнѣвать г. Novus'а и «сдѣлалъ такъ, чтобы полемика была и какъ будто ея не было». Въ дѣйствительности полемика несомнѣнно была, только не съ однимъ г. Novus'омъ. «Мужики» г. Чехова вызвали неумѣренные восторги не въ одномъ «Новомъ Словѣ», а въ очень многихъ органахъ печати, причемъ и комментировался разсказъ въ смыслѣ противопоставленія города и деревни не однимъ г. Novus'омъ. Поэтому я вездѣ говорилъ не о *комментаторѣ*, а о *комментаторахъ*, никого изъ нихъ не называя по имени. И если это признакъ смятеннаго робостью духа, то я его обнаружилъ не передъ однимъ г. Novus'омъ. Но онъ, въ великолѣпномъ сознаніи своей грозной мощи, хочетъ быть единственнымъ... Этому великолѣпію вполнѣ соотвѣтствуетъ и окончаніе его статьи: «Ceterum censeo: въ «Мужикахъ» заключается глубокій общественный смыслъ, и потому, независимо отъ ихъ высокаго художественнаго достоинства, этотъ

маленькій очеркъ замѣчательное литературное явленіе». Эта форма декрета такъ удобна, что и я могъ бы окончить подобнымъ же «ceterum censeo» противоположнаго содержанія; тѣмъ болѣе, что «непринужденность» г. Novus'а, его неспособность понять мотивы дѣйствій противниковъ, его комическая увѣренность въ своей силѣ,— все это не такія черты, которыя располагали бы къ бесѣдѣ съ нимъ. Но мнѣ всетаки хочется остановиться еще на двухъ-трехъ мѣстахъ его непринужденной статьи.

Разсказъ г. Чехова, какъ, вѣроятно, помнятъ читатели, оканчивается тѣмъ, что вдова и дочь полового Чикильдѣева просятъ милостыни подъ окнами деревенскихъ избъ: «Подайте милостыни, Христа ради». Въ связи съ этимъ концомъ я обратился къ «коментаторамъ» (а не исключительно къ г. Novus'у, какъ онъ думаетъ) съ такими словами: «Господа, подайте милостыню своего вниманія подлинной вдовѣ и сиротѣ подлиннаго рабочаго человѣка, гдѣ бы онъ ни работалъ, въ деревнѣ ли, въ городѣ ли, и не сшибайте лбами двухъ разрядовъ людей, жизнь которыхъ, въ разныхъ родахъ, но одинаково темна и скудна, одинаково требуетъ и одинаково заслуживаетъ участія». Отъ этихъ моихъ словъ г. Novus'а даже «нѣсколько покоробило», и оно разражается длинной тирадой, въ которой можно усмотрѣть двѣ стороны. Во первыхъ, его возмущаетъ «призывъ къ литературной филантропіи» («милостыня вниманія») причемъ онъ щеголяетъ своимъ презрѣніемъ къ филантропіи вообще, цитируетъ Прудона и т. д. Если читатель сопоставитъ эту тираду съ напечатанной въ той же книжкѣ «Новаго Слова» статьей г. М. Б. «Памяти Н. А. Варгунина» и заключительными строками статьи г. П. В. «Текущіе вопросы внутренней жизни», то убѣдится, что діалектическіе матеріалисты очень боятся слова «филантропія», но о самой филантропіи имѣютъ довольно смутныя понятія. Мнѣ здѣсь нѣтъ повода объ этомъ распространяться, такъ какъ я ни къ какой филантропіи не приглашалъ, и моя «милостыня вниманія» есть такая же метафора, какъ и, напримѣръ, засвидѣтельствованное г. Novus'омъ сидѣніе на цѣпи сотрудниковъ «Новаго Слова». Выше я воспользовался этой послѣдней метафорой, какъ метафорой, и это мое право, но я обнаружилъ бы крайнюю наивность, еслибы, слѣдуя примѣру г. Novus'а, разразился по этому поводу патетическою рѣчью въ такомъ родѣ: «Сообщеніе почтеннаго сотрудника «Новаго Слова» повергло насъ въ ужасъ. Какъ! наканунѣ XX вѣка держать людей на цѣпи, когда еще въ прошломъ столѣтіи многіе филантропы возставали противъ такого варварства по отношенію даже къ страдающимъ умственнымъ разстройствомъ, но и тогда безопасныя для общества формы этихъ недуговъ, въ родѣ, напримѣръ, маніи величія, не вызывали столь жестокихъ мѣръ» и т. д. Проговоривъ такую рѣчь, я могъ бы, подобно г. Novus'у, самодовольно оглядывать слушателей: какой, дескать, я умный и какой передовой!.. Сразу все понялъ!..

«Разъяснять общественный смыслъ того, что происходитъ въ дѣйствительной жизни, и того, что изъ этой дѣйствительной жизни отражается въ литературѣ, это наши, какъ говорятъ нѣмцы, verdammte (?) Schuld und Pflichtigkeit. На то мы и состоимъ въ литературномъ цехѣ. Пусть г. Михайловскій думаетъ, что это значитъ «сшибать лбами два разряда людей», но мы полагаемъ, что ничего такого литература не въ состояніи дѣлать; сшибаетъ лбами только жизнь, и на наше горе въ данномъ случаѣ жизнь производитъ это полезное дѣло съ непріятною для насъ медленностью. Итакъ, наша задача и обязанность разъяснять общественный смыслъ явленій жизни и литеретуры, а раздачу «милостынь вниманія» мы предоставляемъ г. Михайловскому и его единомышленникамъ. Филантропія—душеспасительное дѣло, но ни въ жизни, ни въ литературѣ мы не считаемъ ее общественной задачей». И т. д. въ пику «филантропамъ», не менѣе презрѣннымъ, чѣмъ «народники и субъективисты», но и не болѣе ихъ яснымъ для самого критика. Во всякомъ случаѣ, мое: «подайте милостыню вниманія» есть метафора, вызванная послѣдними строками разсказа г. Чехова и имѣющая цѣлью привлечь вниманіе читателей и критиковъ къ тѣмъ сторонамъ этого литературнаго явленія, которыя упущены комментаторами изъ вида. Я именно приглашалъ внимательнѣе отнестись къ смыслу разсказа и соотвѣтственныхъ явленій жизни. Правда, я не только «разъяснялъ», не только констатировалъ факты и обращался къ логической способности читателя, а выражалъ свои чувства. Не думаю, однако, чтобы это выходило изъ предѣловъ правъ и обязанностей «литературнаго цеха», ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы исключить изъ литературнаго цеха много великихъ именъ. И даже г.г. діалектическіе матеріалисты, «гордые своимъ неумолимымъ объективизмомъ», не только «разъясняютъ», а и волнуются горемъ и радостью, каковыя волненія стараются и читателямъ внушить. Вотъ и г. Novus сообщаетъ намъ о своемъ «горѣ» по тому поводу, что жизнь сшибаетъ людей лбами «съ непріятною для него медленностью». Послѣдовательный «неумолимый объективистъ», еслибы таковой былъ возможенъ, сказалъ бы: пріятно вамъ или нѣтъ, горюете ли вы или радуетесь, а медленность извѣстнаго процесса столь же неизбѣжна, какъ и самый процессъ: «разъясняйте» эту медленность, а горя свои и непріятности оставьте при себѣ, ибо это не больше, какъ «милостыня вниманія». И, однако, г. Novus горюетъ и жалуется на непріятности. А г. С. Б. въ предыдущей, сентабрьской книжкѣ «Новаго Слова» идетъ еще дальше. Онъ говоритъ: «Одно дѣло признавать историческую неизбѣжность даннаго процесса или даннаго результата (въ данномъ случаѣ образованія земледѣльческой буржуазіи) и другое дѣло становиться въ извѣстное активное отношеніе къ этому процессу. Насколько вообще возможно такое активное отношеніе, мы, конечно,

становимся не на сторону экспропріирующихъ, а экспропріируемыхъ» («Еще нѣсколько словъ по поводу неурожая»).

Я считаю это заявленіе не менѣе въ своемъ родѣ важнымъ, чѣмъ разъясненіе г. Каменскаго относительно теоріи «преобладанія экономическаго фактора». Не дальше, какъ годъ тому назадъ г. Туганъ-Барановскій, конечно, тоже гордый своимъ неумолимымъ объективизмомъ (кто имъ нынѣ не гордится!) издѣвался надо мной въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Статьи г. Михайловскаго не помѣшали нашему капитализму подчинить себѣ самостоятельнаго производителя, интересы котораго такъ горячо, хотя и такъ неудачно, пытается защищать г. Михайловскій. Причина этой неудачи заключается въ томъ, что мой оппонентъ, забывъ объ экономическихъ законахъ, вообразилъ, будто жизнь всецѣло направляется идеалами «критически мыслящихъ личностей», тогда какъ эти идеалы вліяютъ на жизнь только въ томъ случаѣ, если они соотвѣтствуютъ экономическимъ условіямъ даннаго историческаго момента и не вступаютъ въ конфликтъ съ направленіемъ экономическаго развитія» («Міръ Божій», апрѣль 1896 г., стр. 284). Соображая все вышесказанное, я могъ бы, съ подобающею мнѣ скромностью, отвѣтить г. Тугану-Барановскому такъ: многоуважаемый діалектическій матеріалистъ, вы находитесь во власти заблужденія: я никогда не «воображалъ, будто жизнь всецѣло направляется идеалами критически мыслящихъ личностей». Это ваше сочиненіе, столь же талантливое, какъ и все, что выходитъ изъ подъ вашего пера. Но если вы подадите милостыню вниманія моимъ собственнымъ сочиненіямъ, то найдете въ нихъ, можетъ быть, то самое, что нашелъ г. Филипповъ: нѣчто такое, «больше чего не могли бы потребовать даже экономическіе матеріалисты». Что же касается вашего торжества по тому поводу, что мои статьи «не помѣшали нашему капитализму» и проч., ибо находились «въ конфликтѣ», то я долженъ признаться, что онѣ не помѣшали и многому другому. Радуюсь за васъ, незнакомаго съ горькимъ сознаніемъ конфликта, радуюсь отсутствію разлада между вашими идеалами и дѣйствительностью. Позволю себѣ, однако, сослаться на слова вашего товарища, г. С. Б.: неизбѣжность извѣстнаго процесса, даже если она вполнѣ доказана, не обязываетъ насъ ему содѣйствовать; напротивъ, насколько возможно, мы съ г. С. Б. будемъ ему противодѣйствовать, ибо «мы, конечно, становимся не на сторону экспропріирующихъ, а экспропріируемыхъ», то есть будемъ дѣлать то самое дѣло, которое вамъ кажется столь презрительнымъ...

Въ Москвѣ празднуется тридцатилѣтній юбилей литературной дѣятельности Н. Н. Златовратскаго. Тридцать лѣтъ не малый срокъ въ жизни каждаго человѣка и, можетъ быть, въ особенности писателя. Есть свои радости въ жизни писателя, но въ общемъ тер-

нисть и труденъ его путь. «Литература освѣтила ему жизнь, но она же напоила ядомъ его сердце»,—эта эпитафія героя щедринскаго разсказа «Похороны» приличествуетъ многимъ писателямъ, если только они заправскіе писатели, а не диллетанты, удѣляющіе литературѣ свои досуги, и не ремесленники, относящіеся къ ней исключительно съ точки зрѣнія построчной и полистной платы. Самый процессъ литературной работы, конечно, доставляющій извѣстное наслажденіе, часто бываетъ отравленъ сомнѣніемъ и недовольствомъ, ибо писатель сколько нибудь значительный рѣдко бываетъ доволенъ результатомъ своей работы: въ его умѣ все это слагалось ярче, сильнѣе, стройнѣе. И это составляетъ иногда источникъ такихъ мученій, оцѣнить которыя можетъ только тотъ, кто самъ испыталъ ихъ. Но слово, сказанное писателемъ, должно удовлетворить не только его самого, оно должно произвести извѣстное дѣйствіе,—непосредственно ли въ видѣ желаннаго практическаго результата или въ видѣ внушенія извѣстныхъ мыслей и чувствъ читателямъ. И здѣсь опять возможенъ рядъ колебаній, сомнѣній, разочарованій: слово можетъ оказаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и чѣмъ больше души вложилъ писатель въ свое слово, тѣмъ, понятно, горше этотъ отрицательный результатъ. Все это можетъ настигнуть и европейскаго писателя, но, конечно, въ гораздо большей степени русскаго, въ силу условій нашей печати и дряблости нашего общественнаго мнѣнія. Если прибавить къ этому матеріальныя невзгоды и всякія случайности, вліяющія на судьбу русскаго писателя, то онъ окажется вполнѣ беззащитнымъ существомъ, жизнь котораго черезъ край ереполнена тревогами...

Я вовсе не хочу идеализировать нашу писательскую среду. Безъ сомнѣнія, есть и такіе писатели,—и даже очень много ихъ,—которымъ совершенно не знакомо недовольство собою, а также и такіе, которые уже потому не оказываются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что чутко прислушиваются—откуда дуетъ вѣтеръ и сообразно съ этимъ налаживаютъ свои паруса. Но не объ нихъ теперь рѣчь, объ нихъ можно и забыть, когда говоришь о писателѣ въ родѣ Н. Н. Златовратскаго. Какъ талантливый художникъ, онъ не могъ, за свою тридцатилѣтнюю дѣятельность, не испытывать, хоть временами, разлада между образами и картинами, носившимися передъ его умственнымъ взоромъ, и ихъ окончательнымъ словеснымъ выраженіемъ на бумагѣ. А что касается разныхъ властныхъ или же модныхъ теченій, то достаточно въ этомъ отношеніи извѣстна стойкость г. Златовратскаго. Ужъ, конечно, онъ не побоится остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, если судьба поставитъ его въ это трагическое для писателя положеніе. А если и перемѣнитъ когда нибудь фронтъ, то навѣрное не потому, что это обѣщаетъ какія-нибудь выгоды или обезпечитъ популярность, а единственно потому, что послѣ мучительной внутренней ломки придетъ къ новымъ взглядамъ на жизнь.

Не хочу я также возбуждать въ читателѣ жалость къ представителямъ русской литературы. Много скорбнаго, обиднаго и прямо даже жалкаго въ ихъ положеніи, но въ настоящую минуту мы чествуемъ тридцатилѣтнюю дѣятельность одного изъ нихъ, и самый фактъ этого торжественнаго чествованія долженъ влить противоядіе въ тотъ «ядъ», которымъ литература «напоила его сердце». Нынѣ часто можно слышать мнѣніе, что пѣсня г. Златовратскаго спѣта, не только въ смыслѣ сокращенія, за послѣднее время, его литературной дѣятельности, которое можетъ быть объяснено чисто личными причинами (усталостью, болѣзнью), а и въ смыслѣ окончательнаго паденія того міросозерцанія, которому г. Златовратскій оставался вѣренъ всю свою многотрудную жизнь. Пусть такъ (я возвращусь къ этой темѣ ниже), но г. Златовратскій, во всякомъ случаѣ, зналъ счастье вольнаго союза съ «читателемъ-другомъ», счастье общенія съ внимательной и многочисленной аудиторіей. И разъ онъ удовлетворялъ запросамъ, конечно, не худшей части нашего общества, разъ онъ давалъ въ теченіе многихъ лѣтъ пищу ея уму и сердцу,—онъ займетъ въ исторіи литературы навѣрное почетное мѣсто. Скажу прямо: міросозерцаніе г. Златовратскаго недостаточно широко для того, чтобы обнять жизнь въ ея многосторонности, но это не кладетъ ни малѣйшей тѣни на писателя, какъ писателя. Г. Златовратскій всю жизнь честно служитъ истинѣ, какъ онъ ее понимаетъ, онъ «дѣлъ своихъ цѣною злата не взвѣшивалъ, не продавалъ, не ухищрялся противъ брата и на врага не клеветалъ». И самое его упорство въ одностороннемъ освѣщеніи жизни имѣетъ свои достойныя уваженія стороны: искренность и мужество...

Если тридцать лѣтъ въ жизни отдѣльнаго человѣка — срокъ очень большой, то въ жизни общества это одно мгновеніе. Такъ обыкновенно говорятъ, да оно, пожалуй, такъ и есть, если смотрѣть на исторію, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета. Но какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка не всѣ мгновенія равны между собой, такъ и историческія мгновенія бываютъ особенно многозначительныя. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣднія пережитыя нами тридцать лѣтъ принадлежатъ къ числу именно такихъ, особенно многозначительныхъ историческихъ мгновеній. Эти тридцать лѣтъ стоятъ цѣлаго вѣка, и хотя во многихъ отношеніяхъ мы нынѣ находимся совсѣмъ не такъ далеко отъ исходной точки, какъ можетъ показаться, хотя жизнь взяла многое назадъ изъ того, что дала или, по крайней мѣрѣ, обѣщала, но въ общемъ пройденъ всетаки большой путь. До такой степени большой, что мы часто забываемъ исходныя точки или даже просто не знаемъ ихъ.

Мы празднуемъ тридцатилѣтіе литературной дѣятельности г. Златовратскаго, потому что въ 1866 г. былъ напечатанъ въ «Искрѣ» его первый разсказъ «Падежъ скота». Но собственно какъ вполнѣ опредѣленная литературная физіономія, г. Златовратскій гораздо

моложе. После ряда незначительных очерков въ «Искрѣ», «Будильникѣ», «Недѣлѣ», г. Златовратскій обратилъ на себя вниманіе въ 1874 г. разсказомъ «Крестьяне присяжные». Но и въ этомъ талантливомъ разсказѣ онъ еще не былъ тѣмъ Златовратскимъ, какимъ онъ займетъ свое особенное, рѣзко опредѣленное мѣсто въ исторіи литературы. Этотъ Златовратскій вырисовывался лишь постепенно. Поэтому, хотя его дѣятельность и началась въ 60-хъ годахъ, во было бы чисто фактическою ошибкою считать его типическимъ представителемъ міросозерцанія 60-хъ годовъ. И не въ хронологическомъ только отношеніи, а и въ отношеніи характера и направленія его творчества. Онъ никогда прямо, открыто не «отказывался отъ наслѣдства», но усвоилъ себѣ только одну его часть и односторонне разработалъ ее. За исключеніемъ одного пункта, о которомъ сказано будетъ ниже, односторонность эта, однако, совсѣмъ не такъ значительна, какъ принято думать. И хотя г. Златовратскій несомнѣнный «народникъ», но было бы грѣшно и несправедливо приписывать ему крайности нѣкоторыхъ теоретиковъ народничества. Когда теоретики пожелали формулировать свое «новое слово» (они такъ именно выражались), то прежде всего отказались отъ наслѣдства 60-хъ годовъ въ дѣлѣ пониманія значенія національности. Они возставали противъ «европейскихъ очковъ», настаивали на «самобытности» и доходили до послѣднихъ предѣловъ узкаго національзма. Г. Златовратскій совершенно чуждъ этого теченія. Въ его «Деревенскихъ будняхъ» читаемъ, между прочимъ, слѣдующее. Приведя слова А. Н. Энгельгардта о нѣкоторомъ «тайничкѣ», имѣющемся въ мозгу каждаго русскаго мужика, г. Златовратскій пишетъ: «Существуетъ этотъ «тайничекъ» у всѣхъ мужиковъ, даже у богатыхъ собственниковъ, вовсе не потому, что они «русскіе мужики», и будетъ существовать, пока, дескать, мужикъ будетъ *русскій* мужикъ, а просто потому, что настоящая эпоха—эпоха критическая, переходная въ жизни русскаго мужика, эпоха, когда идетъ борьба за преобладаніе между старыми традиціями и новыми вѣяніями, между общиной и крайнимъ индивидуализмомъ. Кончится эта борьба въ пользу общины—и этому «тайничку» незачѣмъ будетъ существовать, потому что нечему будетъ скрываться въ тайнѣ. Кончится борьба въ пользу полнаго индивидуализма—кулакъ и собственникъ почувствуютъ свою настоящую силу, тогда и мужикъ, будь онъ самой чистой русской крови, потеряетъ всякое сознаніе о «тайничкахъ» и, въ охраненіи основъ индивидуальной собственности, явится такимъ «столпомъ», что утретъ носъ всякому нѣмцу... Если мы будемъ возлагать надежды на неувядаемость какого-то мистическаго «тайничка», пока мужикъ будетъ *русскій* мужикъ, и въ пользу этого тайничка пальцемъ не шевельнемъ, то намъ очень скоро придется убѣдиться, что и русскій богатый мужикъ знаетъ не хуже нѣмца,

гдѣ раки зимуютъ» (Цитирую по только что вышедшему третьему изданію сочиненій Златовратскаго, II, 324—325).

Кромѣ очень ярко выраженнаго отрицательнаго отношенія къ мистической самобытности, мы видимъ въ этой цитатѣ еще одну любопытную черту. Каковы бы ни были выводы г. Златовратскаго изъ его деревенскихъ наблюденій, но наблюдатель онъ замѣчательно добросовѣстный. И когда объ немъ говорятъ, какъ объ идеализаторѣ деревни, то упускаютъ обыкновенно изъ виду, что его идеализація отнюдь не побуждаетъ его закрывать глаза на отрицательныя съ его точки зрѣнія явленія деревенской жизни. Нынѣшніе развязные писатели, отказывающіеся отъ наслѣдства, приписываютъ себѣ открытіе процесса дифференцированія, происходящаго въ современной деревнѣ. Но и изъ нихъ болѣе свѣдущіе принуждены указывать на произведенія г. Златовратскаго, въ которыхъ двадцать лѣтъ тому назадъ этотъ процессъ былъ изображенъ съ неоставляющею мѣста сомнѣніямъ яркостью. Основная точка зрѣнія г. Златовратскаго состоитъ въ томъ, что деревня переживаетъ кризисъ, эпоху борьбы старыхъ и новыхъ началъ, причемъ, хотя симпатіи его явно лежатъ на сторонѣ старыхъ (общинныхъ) началъ, онъ съ полнымъ безпристрастіемъ слѣдитъ за перипетіями борьбы, не предрѣшая ея исхода.

Перечитывая сочиненія г. Златовратскаго, и именно разсказъ «Городъ рабочихъ» (1888 г., т. I, 246—264), я невольно вспомнилъ вышеупомянутаго переводчика рѣчи Гельда, г. Спасскаго. Онъ навѣрное считаетъ себя «объективистомъ» и съ снисходительнымъ презрѣніемъ смотритъ на г. Златовратскаго, какъ на «романтика» и «утописта». Это не помѣшало ему, однако, прямо поддѣлать Гельда. Прочтите же разсказъ романтика и утописта «Городъ рабочихъ», написанный на ту же тему—«ремесло и фабрика», и воздайте должное мужественной искренности и фактической правдивости автора. Правда, г. Златовратскій придаетъ часто тѣмъ или другимъ наблюденнымъ имъ фактамъ преувеличенное значеніе (см., напримѣръ, перечисленіе видовъ «общинной помочи» на стр. 341 и слѣд. второго тома), но онъ ничего не скрываетъ: факты остаются фактами, и читатель воленъ согласиться или не согласиться съ авторомъ въ ихъ оцѣнкѣ. Онъ не только апологетъ общинныхъ «устоевъ», но и правдивый лѣтописецъ ихъ разложенія. Поэтому, совершенно независимо отъ его принципіальной точки зрѣнія, вся фактическая часть его писаній заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и глубокой благодарности всѣхъ интересующихся народною жизнью. Въ особенности въ этомъ отношеніи цѣнны очерки «Деревенскія будни», представляющіе прямо записки или дневникъ наблюдателя безъ всякихъ художественныхъ замысловъ.

Какъ художникъ, г. Златовратскій не нуждается въ похвалахъ Его талантъ общепризнанъ, и такія произведенія, какъ «Крестьяне—

присяжные», «Въ артели», а также многіе изъ позднѣйшихъ разсказовъ всегда останутся въ числѣ украшеній русской литературы, хотя и не первостепенныхъ. Нельзя, къ сожалѣнію, то же сказать о самомъ большомъ его беллетристическомъ произведеніи, «Устояхъ», представляющихъ отчасти художественную обработку того же матеріала, который въ иной формѣ использованъ въ «Деревенскихъ будняхъ». Въ «Деревенскихъ будняхъ» г. Златовратскій неоднократно говоритъ о неудовлетворительности всѣхъ ранѣе произведенныхъ наблюденій и изслѣдованій народной жизни. Онъ не дѣлаетъ исключеній ни для свѣдѣній, полученныхъ черезъ «свѣдущихъ людей», ни для личныхъ наблюденій и ихъ научной и беллетристической обработки, ни для «либеральныхъ и нелиберальныхъ», искреннихъ и лицемѣрныхъ «друзей народа», ни для сторонниковъ и противниковъ общины. Все это, по его мнѣнію, недостаточно серьезно и слишкомъ поверхностно. Это уже нѣкоторый, хотя и не формулированный, намекъ на «отказъ отъ наслѣдства», дурно отозвавшійся прежде всего на самомъ г. Златовратскомъ. По нынѣшнему времени не лишнее будетъ замѣтить, что я отнюдь не проповѣдую культа предковъ, напротивъ, критическое отношеніе къ духовному наслѣдству необходимо, но нужно много разъ примѣрять прежде, чѣмъ отрѣзать себя отъ работы предшествующихъ поколѣній, ибо это, во всякомъ случаѣ, просто невыгодно, не говоря уже о несправедливости.

Между прочимъ г. Златовратскій говоритъ: «Сами художники, вышедшіе изъ интеллигенціи и берущіеся за сюжеты изъ народной жизни, должны, во имя добросовѣстности, измѣнить методы своихъ отношеній къ деревнѣ, основывая ихъ до сего времени *только* на непосредственныхъ впечатлѣніяхъ: они должны заняться такой же предварительной солидной подготовкой, какую имѣютъ солидный этнографъ и историкъ народной жизни. Иначе, повторяю, будетъ какъ было до сихъ поръ,—кое какіе типики, сцены семейной жизни, построенныя на общихъ банальныхъ основахъ любви, ревности и проч. Но общаго смысла народной жизни, духа ея, который проходилъ бы черезъ всѣ типы, той неизгладимой идеи, которая проникаетъ каждый непосредственный индивидуумъ народной массы, отъ нихъ не ждите» (II, 297).

«Солидная подготовка», безъ сомнѣнія, всегда и во всякомъ дѣлѣ полезна, но что подъ нею разумѣетъ въ данномъ случаѣ г. Златовратскій—несовсѣмъ ясно. Охотно вѣрю, что самъ онъ, приступая къ своимъ деревенскимъ наблюденіямъ, обладалъ подготовкой «солиднаго этнографа и историка народной жизни», но явныхъ слѣдовъ этой спеціальной подготовки въ его трудахъ не видно (двухъ, трехъ мимоходныхъ указаній въ такомъ родѣ, что община существовала не только у насъ, и т. п., конечно, недостаточно); они построены именно *только* на «непосредственныхъ впечатлѣніяхъ». Правда, презрительно относясь къ послѣднимъ, г. Зла-

товратскій разумѣлъ, можетъ быть, первыя не продуманныя и не провѣренныя впечатлѣнія, и въ такомъ случаѣ онъ, конечно, правъ; правъ въ своемъ отрицаніи, правъ и въ томъ отношеніи, что самъ онъ наблюдалъ внимательно и относился къ своимъ наблюденіямъ вдумчиво. Но онъ былъ не одинъ и не первый на этомъ поприщѣ. У насъ безспорно было много грубыхъ и поверхностныхъ картинъ изъ народной жизни (радующимся обличенію «деревенскаго идіотизма» въ «Мужикахъ» г. Чехова можно напомнить, напримѣръ, Николая Успенскаго), но, съ другой стороны, достаточно указать на трепещущіе жизнью и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутые серьезною мыслью картины и образы Гл. Успенскаго. Не такъ, значитъ, «было до сихъ поръ», какъ это кажется г. Златовратскому. И въ своемъ стремленіи сказать непремѣнно новое слово, онъ впалъ въ ошибку, значительно повредившую художественной сторонѣ многихъ его произведеній, и въ особенности «Устоевъ». Требуя отъ другихъ уловленія «общаго смысла народной жизни, духа ея, который проходилъ бы черезъ всѣ ея типы, той неизгладимой идеи, которая проникаетъ каждый непосредственный индивидуумъ народной массы», г. Златовратскій въ дѣйствительности самъ не нашелъ этого единаго «духа», этой «идеи». Какъ добросовѣстный наблюдатель, онъ и констатировалъ борьбу двухъ «духовъ» или «идей»,—общиннаго и личнаго. Ею онъ занятъ и въ «Устояхъ». Но въ силу презрительнаго отношенія къ «кое какимъ единичнымъ типикамъ, сценамъ семейной жизни, построенныхъ на общихъ банальныхъ основахъ любви, ревности и пр.»,—онъ далъ въ «Устояхъ» рядъ не столько живыхъ лицъ и подлинныхъ положеній, сколько схематическихъ фигуръ, долженствующихъ воплощать различные оттѣнки двухъ борющихся «духовъ». Поэтому, не смотря на интересный замыселъ «Устоевъ», въ этомъ обширнѣйшемъ изъ произведеній г. Златовратскаго столько анти-художественно подчеркнутаго, столько рѣжущаго мало-мальски чуткое ухо излишнею явностью намѣреній автора, столько сухой схематичности, что его даже читать трудно. Эта трудность еще увеличивается страннымъ художественнымъ капризомъ автора: нѣкоторыя страницы «Устоевъ» написаны полустихотворнымъ размѣромъ, который невольно скандируется при чтеніи.

Въ «Деревенскихъ будняхъ» огуломъ осуждаются всѣ бывшіе наблюдатели и изслѣдователи народной жизни. Въ «Устояхъ» наблюдатели и изслѣдователи сводятся лицомъ къ лицу съ народомъ, но уже не въ качествѣ только наблюдателей и изслѣдователей: это люди искренно или же на словахъ ищущіе сближенія съ народомъ, очарованные великой правдой, хранящейся въ тайникахъ народной жизни, или же разочарованные въ ней. Впрочемъ, тема эта съ большею сосредоточенностью разрабатывается въ нѣкоторыхъ другихъ разсказахъ, въ особенности въ «Золотыхъ сердцахъ». Но на этотъ разъ для проникновенія въ народную жизнь требуется уже

не солидная подготовка этнографа и историка, а нѣчто совсѣмъ иное, а именно, кажется, «вѣра сердца», какъ выражается одна изъ героинь «Золотыхъ сердецъ», прибавляя, впрочемъ: «это несовсѣмъ точно, но еще нѣтъ названія, такъ какъ все это пока очень неопредѣленно». «Вѣра сердца» и еще нѣчто, что мы сейчасъ увидимъ.

Въ глубинѣ народнаго духа, на самомъ днѣ, лежитъ вѣками сохраненная великая «правда жизни». Но надъ ней ходятъ волны, извнѣ притекающія и не только все прибывающія, но постепенно растворяющія и нижніе, глубокіе слои. Разные истомленные пустотою своей жизни, разочарованные и неудовлетворенные интеллигентные люди знаютъ, чуютъ или, по крайней мѣрѣ, наслышаны о народной правдѣ. Но, во первыхъ, между ними самими много людей поверхностныхъ, неискреннихъ, несерьезныхъ, увлеченныхъ просто моднымъ теченіемъ «народолюбія» (мы говоримъ о прошедшемъ времени, читатель!), довольствующихся фразой, неспособныхъ вынести блеска народной правды и проч., и проч. А съ другой стороны, до этой правды нельзя добраться иначе, какъ столкнувшись предварительно съ наносными, извнѣ притекшими волнами, въ которыхъ правды уже нѣтъ или же она имѣется лишь въ слабомъ растворѣ. Таковы рамки, въ которыя вставляетъ г. Златовратскій свои картины попытокъ сближенія съ народомъ, оканчивающіяся обыкновенно неудачей. Рамки, на первый взглядъ, очень удобныя для автора, какъ правдиваго бытописателя. Въ самомъ дѣлѣ, ему незачѣмъ идеализировать ищущихъ сближенія съ народомъ,—мало ли тамъ пустыхъ и слабыхъ людей; незачѣмъ идеализировать и народную среду,—заранѣе извѣстно, что надъ тайной народнаго сокровища ходятъ извнѣ притекшія мутныя волны, въ которыхъ опять мало ли какая дрянь можетъ содержаться. Но самое выгодное въ этихъ рамкахъ, кажется, то, что по той или по другой причинѣ, или по совокупности ихъ, до сокровища такъ никто и не добирается. Не смотря, однако, на эту выгодную позицію, интеллигентные люди «Устоевъ» и «Золотыхъ сердецъ», вообще говоря, опять таки не столько живые люди, сколько схематическія фигуры, вслѣдствіе чего добросовѣстный наблюдатель оказывается недостаточно правдивымъ художникомъ.

Остановимся на одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ «Золотыхъ сердецъ», на томъ именно, котораго вышеупомянутая героиня считаетъ «воплощеніемъ вѣры сердца». Это нѣкто Башкировъ. Желая индивидуализировать этотъ образъ, оживить его, авторъ придалъ ему много, слишкомъ много оригинальныхъ до странности чертъ. Это совсѣмъ особенный человѣкъ уже по происхожденію своему,—онъ плодъ увлеченія юной помѣщичьей дочери дикимъ башкиромъ, атаманомъ разбойничьей шайки. Наружности онъ замѣчательно уродливой. Весь складъ его жизни, всѣ привычки, манеры—какія то несуразныя. Окончивъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ но-

сковскаго университета (всѣ пять лѣтъ пробылъ) онъ, однако, говоритъ страннымъ, не то что народнымъ, а какимъ-то супра-народнымъ языкомъ въ такомъ родѣ: «*Ничаво*, я теперь не уйду, я и самъ *изусталъ*». Но сердце у него доброе, прямо сказать, золотое сердце, и всѣ приданныя ему авторомъ оригинальныя черты еще болѣе оттѣняютъ его схематичность: вотъ человѣкъ, который, казалось бы, ничѣмъ не взялъ, ничего у него, кромѣ золотого сердца, нѣтъ. Есть, впрочемъ, и еще нѣчто—медицинскія знанія. Онъ охотно водится съ крестьянами и городскими простыми людьми и пользуется, въ свою очередь, ихъ расположеніемъ, но, повидимому, не столько въ качествѣ врача, сколько въ качествѣ золотого сердца. Началось это еще во времена студенчества, въ средѣ котораго Башкировъ тоже пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Такъ какъ онъ уже тогда слылъ знатокомъ народа, то кое-кто изъ товарищей пожелалъ имъ воспользоваться для нѣкоторыхъ особыхъ цѣлей. Произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Скажи, Башкировъ, ты вѣдь хорошо знаешь простой народъ?

— Чаво я знаю? Знаю Петра да Сидора. Вотъ чаво я знаю!

— Ну, да хотя этого Петра да Сидора изучилъ же ты? Вотъ они съ тобой сходятся, довѣряютъ тебѣ. Ты, значитъ, знаешь, чѣмъ можно добиться ихъ довѣренности, чѣмъ разрушить ту стѣну недовѣрія, которая существуетъ между нами и ими?

— Знаю,—протянулъ Башкировъ, хитро улыбнувшись.

— Въ чемъ же, въ чемъ штука?—вскрикнулъ обрадовавшійся юноша—трудно?

— Нѣтъ, ничего... лёгко!

— Легко?

— Не сумлявайся... лёгко.

— Ну такъ въ чемъ же штука-то?

— Штука-то?.. Быть нещщастнымъ!

Пріятель отчего-то переконфузился, а Башкировъ сталъ хладнокровно переобувать сапоги и молчалъ.

Однако и этотъ человѣкъ, и это «воплощеніе вѣры сердца», не смотря на свое знаніе ключа къ народной душѣ, не нашелъ сокровища. Объ этомъ можно судить по слѣдующему. Авторъ дважды сводитъ Башкирова, въ числѣ прочихъ «простыхъ людей», съ какими то странниками, къ которымъ Башкировъ относится съ необыкновеннымъ почтеніемъ; но оба странника оказываются никакого почтенія не заслуживающими плутами.

Между прочимъ, одинъ изъ этихъ плутовъ говоритъ «объ *отрѣшеніи*, о пустынѣ». Подчеркнутое слово часто срывается съ устъ самыхъ разнообразныхъ дѣйствующихъ лицъ «Золотыхъ сердецъ» (а отчасти и «Устоевъ»). Такъ не лишенный практичности, юркій мужикъ Кузя «бросаетъ мимоходомъ афоризмъ собственной философіи въ родѣ того, что «ежели по настоящему времени судя, то самое лучшее—отрѣшиться, потому вездѣ единственно какъ мамонъ и болѣе ничего» (III, 45). Но и начетчицы Павла и Секлетея, хозяйствовавшія, какъ заправскіе мужики, и принимавшія участіе во

всѣхъ мірскихъ дѣлахъ, рѣшаютъ: «все сдать на міръ и отрѣшиться... будетъ ужъ, пожили для міру». И когда ихъ спрашиваютъ, куда же они пойдутъ, одна изъ нихъ отвѣчаетъ: «Нигдѣ путь не заказанъ тому, кто отрѣшился... Въ томъ-то, милушка, и сила, что умѣй отъ куска, отъ жилища, отъ живота отрѣшиться, и будетъ вѣра твоя велика... Разучился человѣкъ отрѣшаться» (ib. 53, 54). «Такъ ты, значитъ, рѣшилъ отойти, *отрѣшиться*,—спросилъ какъ-то особенно загадочно и задумчиво Морозовъ (помѣщикъ).—«Рѣшилъ Петръ Петровичъ, отрѣшиться рѣшилъ»,—отвѣчаетъ «умный мужикъ» (63) Про майорскую дочь, Катерину Егоровну, говорятъ: «Она, братъ, тоже сумѣетъ утечь, отрѣшиться... А въ этомъ—свѣтъ, свѣтъ!» (73).

Столь настойчиво влагая слово «отрѣшиться» въ уста людей очень разнообразныхъ положеній, авторъ, очевидно, желаетъ особенно подчеркнуть его значеніе. Въ тѣсной связи съ этимъ находятся и выраженія «вѣра сердца», «золотыя сердца» и неоднократное противопоставленіе разными дѣйствующими лицами «ума» и «сердца». И здѣсь мы опять встрѣчаемся съ отказомъ отъ наслѣдства 60-хъ годовъ, который, впрочемъ, лично г. Златовратскимъ никогда не былъ заявленъ.

Желаніе «отрѣшиться» сопровождается у дѣйствующихъ лицъ г. Златовратскаго сознаніемъ грѣха и жаждою его искупленія или, по крайней мѣрѣ, покаянія. Это несомнѣнно одинъ изъ элементовъ міросозерцанія 60-хъ годовъ. Когда «порвалась цѣпь великая» и даже еще въ преддверіи къ этому историческому событію, въ моментъ крымской войны, обнаружившей многоразличные изъяны нашего общественнаго строя, значительная и притомъ лучшая часть русскаго общества была охвачена сознаніемъ грѣха и жаждою покаянія. Дѣло шло не только о коренномъ историческомъ грѣхѣ, который назывался крѣпостнымъ правомъ, а и обо всѣхъ многочисленныхъ отъ него производныхъ. Страстныя обличенія какъ общихъ нашихъ, доживавшихъ свой вѣкъ порядковъ, такъ и отдѣльныхъ случаевъ насилія, неправосудія, грубости, невѣжества, словомъ всего, чѣмъ была такъ богата дореформенная Русь,—составляютъ самую яркую черту эпохи 60-хъ годовъ. Это какъ бы сама Россія каялась. Но и отдѣльныя личности, въ виду наплыва новыхъ идей и сознданія новаго порядка вещей, покаянно пересматривали свое прошлое и настоящее, «отрѣшаясь» отъ тѣхъ или другихъ привычекъ, того или другого образа жизни или общественнаго положенія. Гл. Успенскій очень тонко изобразилъ этотъ процессъ, окрестивъ его именемъ «болѣзни совѣсти». Замѣчательно однако, что Успенскій употребляетъ и другое, болѣе широкое названіе: «болѣзнь мысли». И, какъ я старался показать въ предисловіи къ сочиненіямъ Успенскаго, новая мысль вызывала работу не только уязвленной совѣсти, а и оскорбленной чести, рѣчь шла не объ обязанностяхъ только, но и о правахъ. Затѣмъ, тогдашняя мысль

отличалась большою (быть можетъ, иногда даже чрезмѣрною) самоувѣренностью и никоимъ образомъ не согласилась бы уступить долю своей компетенціи «вѣрѣ сердца», но и не допускала противопоставленія «ума» и «сердца» какъ элементовъ, другъ другу по существу враждебныхъ. Точно также не согласилась бы она погнуться въ угоду чьимъ бы то ни было мнѣніямъ, въ томъ числѣ и мнѣніямъ народа, хотя интересы трудящихся классовъ занимали въ міросозерцаніи 60-хъ годовъ первенствующее мѣсто Изученіе народнаго быта требовалось настоятельно, но «быть нещастнымъ» отнюдь не считалось хорошимъ для этого средствомъ. Если люди того времени и «отрѣшались», если они даже своего рода вериги надѣвали и тяжкія эпитемьи на себя налагали, то, во первыхъ, не видѣли въ этомъ «нещщастія», а во вторыхъ, не потому, чтобы считали себя пустыми сосудами, которые должны наполниться живой водой народной правды. Напротивъ, они сами разсчитывали внести лучъ свѣта въ народную массу и пробудить ея дремлющее сознаніе.

Было бы долго и во многихъ отношеніяхъ неудобно припоминать тѣ преувеличенныя надежды на народную воспріимчивость и тѣ разочарованія, которыя затѣмъ послѣдовали. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни были неудачны нѣкоторыя страницы «Устоевъ» и «Золотыхъ сердецъ» г. Златовратскій старался уловить (и укрѣпить и обосновать) извѣстное подлинное теченіе, въ лицѣ другихъ писателей открыто разорвавшее связь съ идеями 60-хъ годовъ. Повторяю, я отнюдь не считаю это наслѣдіе чѣмъ-то неприкосновеннымъ, напротивъ, оно подлежитъ приращенію, обогащенію, какъ данными научнаго движенія, такъ и данными житейскаго опыта, для чего оно обладаетъ достаточною широтою и гибкостью; но отказываться отъ него невыгодно, какъ это, между прочимъ, видно и изъ судьбы многихъ дѣйствующихъ лицъ произведеній г. Златовратскаго. «Будетъ ужъ, пожили для міру»,—говорятъ бабы начетчицы, желающія «отрѣшиться» и удалиться, собственно говоря, неизвѣстно куда, но, во всякомъ случаѣ, куда-то изъ міра, въ какую-то «пустыню». Въ простомъ народѣ это, какъ насъ учитъ исторія, нерѣдкое явленіе, но едва ли г. Златовратскій поступилъ правильно, пріурочивъ его къ тому историческому моменту, которымъ онъ занятъ въ «Устояхъ» и «Золотыхъ сердахъ», и поставивъ его въ неясную связь съ «отрѣшеніемъ» такъ называемыхъ интеллигентныхъ людей. Во всѣ тяжкія для народа времена изъ его среды выдѣлялись подвижники, удалявшіеся отъ грѣховнаго міра и спасавшіе душу въ удаленіи отъ мірскихъ дѣлъ. Они и находили въ этомъ успокоеніе своей смущенной совѣсти. «Отрѣшеніе» интеллигентныхъ героевъ г. Златовратскаго имѣетъ совсѣмъ другой характеръ. Это—отрѣшеніе не только «отъ куска, отъ жилища, отъ живота», а и цѣлякомъ отъ всего преемственно накопленнаго багажа, и жертва эта оказывается безполезною: все равно никто не

добирается до великой народной правды, гдѣ-то глубоко на днѣ сокрытой. Припомните хоть конецъ «Устоевъ». Отрѣшившаяся Лиза Дрекалова пишетъ своему учителю Пугаеву: «Яня все навѣщаетъ меня. Вчера мы долго говорили. И отчего это такъ легко говорить съ нимъ? А вѣдь онъ такой же мужикъ, какъ и всѣ. Онъ только... Все еще не могу опредѣлить однимъ словомъ: кто онъ? Нѣтъ, это не сынъ «земли», не «ратникъ труда», не подвижникъ «ума»... Онъ даже не все это вмѣстѣ,—онъ выше всего этого. Онъ царитъ надъ этимъ, беззавѣтный романтикъ! Мнѣ кажется, что исчезни изъ народа *это*, что такъ цѣлостно воплотилось въ Янѣ и отцѣ его Минѣ, безсильна будетъ оживить его и «земля», ибо власть ея обратится тогда въ страшную, могильную власть животнаго, хотя бы и мирнаго, прозябанія, и власть «міра», община, ибо эта власть ея станетъ условною, мертвою формой, деспотически принижающей неоживленную духомъ «порыва» личность; власть труда сдѣлается страшною властью машины, и наконецъ, самая власть «ума», власть интеллигенціи, превратится въ сухое, вялое доктринерство или умственный деспотизмъ... И только одно *это*... А что такое *это* — я не знаю, дорогой Пугаевъ, не знаю до сихъ поръ, но я вѣрю въ *это*, мало того, я чувствую его... всѣмъ существомъ своимъ. Значитъ, *оно* реально... Что изъ того, что я теперь не могу опредѣлить *это*? Это даже лучше: значитъ, *оно* такъ глубоко»...

Deo ignoto—такова надпись на храмѣ божества г. Златовратскаго. Иногда ему кажется, что онъ, не въ примѣръ другимъ, разгадалъ великую истину, но большею частью онъ приноситъ лишь жертвы на алтарѣ этого невѣдомаго божества... Быть можетъ, разгадка проще, чѣмъ онъ думаетъ, быть можетъ, нѣтъ надобности «отрѣшаться» въ такой степени и въ такой формѣ, какъ его герои, но несомнѣнно, что онъ оказалъ русскому обществу большую услугу, въ теченіе многихъ лѣтъ привлекая его вниманіе къ деревенской жизни. При всемъ своемъ преклоненіи передъ никому невѣдомой тайной, онъ добросовѣстно изучалъ дѣйствительность. Но и помимо результатовъ, къ которымъ онъ пришелъ, нельзя не поставить ему въ заслугу самый фактъ многолѣтняго пристальнаго вниманія къ деревенской жизни. Нельзя не оцѣнить этого въ особенности теперь, когда можно услышать уже слишкомъ упрощенное рѣшеніе вопросовъ, занимавшихъ г. Златовратскаго въ теченіе всей его литературной дѣятельности: «идіотизмъ деревенской жизни»—и конецъ...

Простите, читатель; это я опять г. Novus'а вспомнилъ. Все въ той же вышеупомянутой непринужденной бесѣдѣ онъ, въ подтвержденіе своихъ мнѣній о «Мужикахъ» г. Чехова, вспоминаетъ, что Марксъ «не боялся и съ полнымъ правомъ не боялся писать объ «идіотизмѣ деревенской жизни» и видѣлъ заслугу капитализма и буржуазіи въ разрушеніи этого идіотизма». Поэтому-то и онъ, г. Novus, считаетъ себя вправѣ говорить объ идіотизмѣ «мужиковъ»,

разрушаемомъ капитализмомъ и буржуазіей черезъ посредство «котлеты-марешаль» трактирнаго полового и омоченныхъ слезами «донъдеже» его добродѣтельной жены... Г. Novus вообще любитъ повторять чужія слова, не соображаясь съ условіями, при которыхъ они были впервые сказаны. Такъ, въ мартовской непринужденной бесѣдѣ читаемъ: «Откровенно говоря, еслибы я вѣрилъ въ фактъ упадка производительныхъ силъ Россіи подъ дѣйствіемъ процесса капиталистическаго развитія, то я бы или махнулъ на все рукой и сталъ бы жить въ свое удовольствіе, «пить кипрское вино и цѣловать красивыхъ женщинъ», или же... удавился бы». Вотъ какъ энергично! Надо, однако, замѣтить, что слова, поставленныя въ ковычкахъ, принадлежатъ Лассалю. Охотно вѣрю, что «кипрское вино и красивыя женщины» находятся всегда къ услугамъ г. Novus'а, но всетаки повтореніе Лассалевскаго выраженія производитъ въ его устахъ нѣсколько комическій эффектъ... Нельзя того же сказать объ «идіотизмѣ деревенской жизни». Это уже не смѣшно. Я не знаю, гдѣ именно у Маркса написаны эти грубыя слова, но давно извѣстно, что если Александръ Македонскій былъ великій герой, то стульевъ всетаки ломать не слѣдуетъ. Марксъ былъ вообще неразборчивъ въ выраженіяхъ, и, конечно, подражать ему въ этомъ отношеніи, по малой мѣрѣ, не умно. Но и то я увѣренъ, что приведенное выраженіе у Маркса простая бутада. И если поколѣніе, вмѣстѣ съ г. Златовратскимъ мучившееся надъ сложными вопросами деревенской жизни, приняло много напраснаго горя, то горе—хотя и иное—и тому поколѣнію, которое воспитается на презрительномъ отношеніи къ «идіотизму деревенской жизни»...

Ник. Михайловскій.

Много ли мужику хлѣба нужно?

Этотъ вопросъ до сихъ поръ не имѣетъ надлежащаго, достаточно убѣдительнаго для большинства отвѣта. А между тѣмъ и теоретическое и практическое его значеніе громадны. Съ нимъ приходится сталкиваться и ученымъ въ ихъ изслѣдованіяхъ экономическихъ и санитарныхъ условій народной жизни, и общественнымъ дѣятелямъ въ ихъ попеченіи о народномъ здравіи и народномъ продовольствіи.

Текущій годъ съ особою силою подчеркнулъ и теоретическую, и практическую важность этой неразрѣшенной проблеммы. Весной, въ оживленной полемикѣ о вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на народное хозяйство, вопросъ о томъ, много ли мужику хлѣба нужно, занималъ одно изъ центральныхъ мѣстъ. Осенью, въ началѣ тя-

желой годины, какую обѣщаетъ плохая жатва истекающаго года, онъ вновь настойчиво потребовалъ общественнаго вниманія. Если теоретическій споръ не привелъ къ соглашенію оппонентовъ и затихъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ вновь разгорѣться, въ этомъ еще нѣтъ особой бѣды. Наука не боится нерѣшенныхъ вопросовъ: если она ихъ поставила, то она же рано или поздно ихъ и разрѣшитъ. Другое дѣло жизнь. Продовольственныя затрудненія, а, можетъ быть, и болѣе суровая вещь—продовольственная нужда или даже голодъ, надвинувшіеся на насъ, ждать не будутъ. Подъ давленіемъ ихъ жизнь отвѣтитъ на нерѣшенный вопросъ, но отвѣтитъ по своему, отвѣтитъ, можетъ быть, тифомъ и новымъ тяжелымъ разстройствомъ народнаго хозяйства.

Вопросъ о количествѣ потребныхъ населенію продуктовъ имѣетъ свою сравнительно обширную литературу. Довольно многочисленныя попытки разрѣшить этотъ вопросъ исходили отъ представителей двухъ дисциплинъ: физіологіи и статистики. Опираясь на данныя о содержаніи различныхъ веществъ въ человѣческомъ организмѣ и объ ихъ ежедневныхъ тратахъ, физіологія въ точныхъ цифрахъ указываетъ потребное для человѣка количество важнѣйшихъ органическихъ веществъ, необходимыхъ для поддержанія жизни и здоровья. Такой отвѣтъ, можетъ быть, наиболѣе точный при современномъ уровнѣ знаній, имѣетъ одинъ существенный недостатокъ. Физіологія, давая его, имѣетъ въ виду или человѣка опредѣленнаго возраста, опредѣленной профессіи, съ напередъ изученнымъ организмомъ, въ напередъ данной обстановкѣ, или же человѣка средняго, нормальнаго. И этотъ отвѣтъ оказывается недостаточнымъ, когда дѣло касается народной массы. Физіологія не можетъ предусмотрѣть всѣ возможныя комбинаціи возрастовъ, уклоненій (и подчасъ очень существенныхъ) отъ физіологическаго типа, условій работы и, главное, питанія, какія встрѣчаются въ дѣйствительной жизни. Предусмотрѣть эти комбинаціи ей тѣмъ болѣе невозможно, что народное питаніе тѣсно связано съ другими народно-хозяйственными явленіями, которыя лежатъ совершенно внѣ сферы, изучаемой физіологіей. Чтобы учесть вліяніе этихъ комбинацій, которыя не могутъ быть напередъ предусмотрѣны и тѣмъ болѣе изучены, нуженъ другой методъ—статистическій. Необходимо опереться не на дедукцію изъ напередъ данныхъ истинъ, а на непосредственное наблюденіе, притомъ наблюденіе массовое. Только послѣднее даетъ возможность въ ряду причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ складывается изучаемое явленіе, открыть постоянно на него дѣйствующія и такимъ путемъ изучить его размѣры и измѣняемость.

Къ крайнему сожалѣнію, наша русская статистика по такому сложному соціально-физіологическому вопросу, какъ народное питаніе, до сихъ поръ располагаетъ крайне бѣднымъ матеріаломъ. Л. Н. Марессъ, болѣе, чѣмъ кто либо другой въ русской статисти-

ческой литературѣ потрудившійся надъ разработкой этого вопроса, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ трудовъ *), могъ собрать всего лишь 187 продовольственныхъ бюджетовъ, относящихся къ крестьянскимъ хозяйствамъ изъ 13 губерній. Бюджеты эти собраны разными лицами и учрежденіями, въ разное время и далеко не по одинаковымъ программамъ и, такимъ образомъ, въ смыслѣ своей систематичности и однородности, не могутъ считаться достаточно надежными для статистическихъ выводовъ. Само собой понятно, что продовольственная норма, опирающаяся на такой статистическій матеріалъ, далеко не всѣмъ кажется достаточно убѣдительной. Самъ г. Марессъ въ своихъ разсчетахъ предпочелъ опереться скорѣе на данныя физіологіи и органической химіи, чѣмъ на среднія изъ указаннаго числа продовольственныхъ бюджетовъ.

Недостаточность наличнаго статистическаго матеріала почти вовсе не позволяла до сихъ поръ затрогивать другихъ важныхъ вопросовъ народнаго потребленія, а именно вопроса о предѣлахъ измѣняемости продовольственныхъ нормъ или, какъ выражается г. Марессъ, «сжимаемости» народнаго потребленія и вопроса о составѣ пищевыхъ продуктовъ, потребляемыхъ народною массою.

Въ нашихъ рукахъ имѣется въ настоящее время сравнительно богатый матеріалъ по вопросу о потребленіи хлѣбныхъ и другихъ продуктовъ крестьянскимъ населеніемъ. Этотъ матеріалъ не только позволяетъ вновь вернуться къ вопросу о продовольственной нормѣ, но даетъ возможность затронуть и два послѣднихъ вопроса. Въ настоящей замѣткѣ мы и намѣрены познакомить читателя съ важнѣйшими выводами изъ этихъ данныхъ.

I.

Матеріалъ, которымъ мы будемъ пользоваться, собранъ лѣтомъ 1896 года при мѣстномъ земско-статистическомъ изслѣдованіи Козельскаго уѣзда Калужской губерніи.

Во время этого изслѣдованія, между прочимъ, были подвергнуты подробному описанію 1313 крестьянскихъ хозяйствъ. Насколько подробны были эти описанія, видно изъ того, что собранныя свѣдѣнія будутъ опубликованы (въ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Козельскому у.) по 1105 графамъ. По инструкціи, которой руководствовались изслѣдователи, выборъ хозяйствъ долженъ былъ производиться механически, а именно подробному обслѣдованію должно было подвергнуться каждое десятое наличное крестьянское хозяйство. Но строго соблюсти этотъ порядокъ выбора оказалось немыслимо. Изслѣдованіе сопровождалъ слухъ о предстоящемъ будто бы выселеніи на Амуръ всѣхъ хозяйствъ, которыя будутъ подробно опи-

*) См. сборникъ «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства». Спб. 1897 г. т. I.

ваны. Этотъ слухъ опирался, главнымъ образомъ, на то, что переписывался каждый десятый дворъ. Чтобы нѣсколько ослабить этотъ слухъ, приходилось довольно часто отказываться отъ указанной формы выбора, съ которой у населенія въ силу традицій связалось представленіе, какъ о самомъ непріятномъ жребіи (напомнимъ, напр., былыя наказанія перваго, десятаго и т. д. при неотысканіи зачинщиковъ). Кромѣ того, подробное описаніе требовало очень продолжительной бесѣды, и потому отъ него приходилось довольно часто освобождать представителей на сходѣ отъ малосемейныхъ дворовъ, которыхъ некому было замѣнить въ неотложныхъ работахъ по хозяйству. Благодаря послѣднему, нужно думать, обстоятельству, въ число описанныхъ попали по преимуществу хозяйства многосемейныя. Въ то время, какъ въ среднемъ по уѣзду на дворъ приходится 7,1 д. об. пола, въ подробно-описанныхъ хозяйствахъ—8,1. Распредѣленіе всего населенія и входящаго въ составъ подробно описанныхъ хозяйствъ по посѣвнымъ группамъ таковы:

Изъ 100 душъ обоего пола:	Въ хозяйствахъ: не сѣющихъ	засѣвающ. не б. 3 дес.	3—6 дес.	6—9 дес.	9—12 дес.	Св. 12 дес.
вообще въ уѣздѣ	3,0	21,4	37,6	21,7	8,8	7,5
въ описан. хозяйствахъ . . .	0,3	16,6	36,2	25,2	10,2	11,5

Это обстоятельство нельзя упускать изъ виду при обзорѣ излагаемыхъ нами данныхъ.

Такимъ образомъ, матеріалъ нашъ есть матеріалъ *мѣстный*, относящійся къ переходной полосѣ, лежащей на границѣ черноземныхъ земледѣльческихъ губерній и не черноземныхъ промышленныхъ. Впрочемъ, хотя въ Козельскомъ у. и встрѣчаются еще довольно значительныя пространства черноземныхъ почвъ, особенности промысловыхъ мѣстностей въ немъ выражены всетаки сильнѣе, чѣмъ земледѣльческихъ. Кромѣ того, матеріалъ, которымъ мы будемъ пользоваться, относится къ одному продовольственному году. При этомъ необходимо отмѣтить, что по урожаю — это годъ близкій къ среднему, а по низкимъ цѣнамъ на хлѣбъ — годъ благопріятный для народнаго потребленія.

Но съ другой стороны, это матеріалъ, собранный въ теченіе одной экспедиціи, сотрудниками одного учрежденія, по одной и той же программѣ, т. е. онъ является систематическимъ и однороднымъ, и по своему количеству далеко оставляетъ за собой имѣвшіяся до сего времени данныя.

Всего въ нашемъ распоряженіи имѣются данныя о годичномъ расходѣ важнѣйшихъ продуктовъ по 1313 крестьянскимъ хозяйствамъ. Въ нихъ насчитано всего 10.670 душъ об. пола. Въ тече-

ніе годичнаго періода въ тѣхъ же хозяйствахъ израсходовано 247,760 пуд. зерновыхъ продуктовъ и картофеля (въ переводѣ на рожь по отношенію 21 : 100). Это даетъ въ среднемъ по 23 пуда на душу.

Но эта средняя величина не представляетъ еще изъ себя продовольственной нормы. Во-1-хъ, не все населеніе, входящее въ составъ описанныхъ хозяйствъ, можетъ быть засчитано въ число ѣдоковъ. Въ общей численности населенія заключаются такія его группы, которыя не участвовали въ потребленіи, а именно: солдаты, состоящіе на дѣйствительной службѣ, младенцы до 1 года, большая часть промышленниковъ. Съ другой стороны, въ потребленіи принимали участіе лица, не принадлежащія къ семейному составу описанныхъ хозяйствъ. Въ числѣ ихъ наиболѣе важной группой являются наемные сроковые рабочіе. Если мы исключимъ однихъ и прибавимъ другихъ, то найдемъ, что въ потребленіи участвовало только 8,792 ѣдока безъ различія пола и возраста.

Во-2-хъ, не все указанное выше количество продуктовъ потреблено личнымъ составомъ крестьянскихъ хозяйствъ. Потребленіе въ послѣднихъ очень тѣсно связано съ продовольствіемъ скота въ нихъ. Вопросъ о томъ, много ли мужику хлѣба нужно, заключаетъ, въ сущности, два вопроса: много ли хлѣба нужно самому мужику и его домочадцамъ и много ли корма нужно мужицкому скоту. Соотношеніе между ѣдоками и скотомъ въ различныхъ мѣстностяхъ и въ хозяйствахъ различныхъ экономическихъ группъ далеко не одинаково. Поэтому на вопросъ о томъ, много ли нужно хлѣба крестьянскому населенію, правильнѣе всегда давать два отвѣта.

Въ числѣ продуктовъ, расходуемыхъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ, есть такіе, которые потребляются только въ пищу людямъ, и такіе, въ потребленіи которыхъ участвуютъ и скотъ и люди, и, наконецъ, такіе, которые идутъ исключительно въ кормъ скоту. Къ числу послѣднихъ въ уѣздѣ, по которому у насъ имѣются данныя, относятся овесъ и чечевица. Овесъ въ пищу людямъ не употребляется вовсе, чечевица, если и употребляется, то въ очень незначительныхъ размѣрахъ и преимущественно въ бѣдныхъ семьяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне, на вопросъ о томъ, не употребляютъ ли въ пищу чечевицы, съ негодованіемъ отвѣчали: «ея и свиньи не ѣдятъ». Въ другихъ—они относились къ этому вопросу много мягче: «конечно, еслибы поголоднѣе жили, то и сами ѣли бы». Наконецъ, въ третьихъ—приходилось слышать отвѣты, что чечевица употребляется въ пищу, хотя и въ очень незначительномъ количествѣ и въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ: «съ голодомъ и сами ѣдимъ, хлѣба не хватитъ—лепешекъ изъ чечевичной муки напечемъ—глядь и сутки прошли»; или, «по деревенской бѣдности чечевичные блины хороши»; «у меня 8 человѣкъ, а земли одна душа, хоть бы чечевицей ихъ накормить»; «въ хлѣбъ

нѣкоторые по бѣднотѣ прибавляютъ». Чечевица считается, однако, значительной «подмогой хлѣбу» и именно потому, что скотъ (кромѣ свиней) ее очень «обожаетъ». Во всякомъ случаѣ ее правильнѣе отнести къ кормовымъ, а не къ продовольственнымъ продуктамъ.

Изъ другихъ продуктовъ въ описанныхъ хозяйствахъ расходовались: рожь, пшеница, ячмень, греча, просо, горохъ, картофель. Греча, просо, пшеница и горохъ—продукты почти исключительно людского питанія; остальные—рожь, ячмень и картофель—отчасти идутъ въ кормъ скоту, но въ большей своей части потребляются тоже людьми и потому ихъ правильнѣе будетъ отнести къ продовольственнымъ продуктамъ.

Наши матеріалы даютъ лишь общее количество послѣднихъ продуктовъ, израсходованныхъ какъ на кормъ скоту, такъ и на пищу людямъ. Чтобы одну изъ этихъ частей отдѣлить отъ другой, мы воспользуемся воронежскими бюджетными данными *).

	Въ теченіе года израсходовано на 1 голову скота въ переводѣ на крупный: по калужскимъ даннымъ.	по воронежскимъ даннымъ.
Сѣна пуд.	43,0	8,0
Соломы копенъ	9,1	11,5
Овса пуд.	6,5	9,6
Чечевицы пуд.	0,7	6,5 **)
Присыпки пуд.	?	

Изъ этихъ данныхъ видно, что въ калужскихъ хозяйствахъ на голову скота приходится сѣна больше на 35 пудовъ, а соломы меньше на 2,4 копны, чѣмъ въ воронежскихъ. Можно съ увѣренностью полагать, что 35 пуд. сѣна по питательности превосходятъ 2,4 копны соломы, такимъ образомъ калужскія хозяйства лучше обезпечены кормовыми незерновыми средствами, чѣмъ воронежскія. Опираясь на данныя о цѣнахъ на овесъ, сѣно и солому, мы имѣемъ основаніе допустить, что избытокъ сѣна въ калужскихъ хозяйствахъ покрываетъ не только недостатокъ соломы въ нихъ, но и недостатокъ овса. Такимъ образомъ, чечевицей и частью продовольственныхъ продуктовъ въ нихъ долженъ покрыться только недостатокъ присыпки. Количество зерновыхъ продуктовъ, расходуемыхъ на голову скота, опредѣлится при этомъ въ 13 пудовъ, изъ коихъ 6,5 овса и 6,5 пуд. чечевицы, ржи, ячменя и картофеля.

Всего скота въ описанныхъ хозяйствахъ насчитано 5,517 головъ въ переводѣ на крупный. На его содержаніе, стало быть, необходимо отнести—71,721 пудъ зерновыхъ продуктовъ изъ числа израсходованныхъ въ описанныхъ хозяйствахъ. Остающаяся

*) Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по крестьянскому землевладѣнію въ Землянскомъ, Задонскомъ, Коротоякскомъ и Нижнедѣвицкомъ уѣздахъ. В. 1889 г.

**) Вмѣстѣ съ зерномъ, расходуемымъ на кормъ птицамъ.

затѣмъ часть въ количествѣ 176,390 пуд. пошла въ пищу людямъ. По разсчету на 1 ѣдока это даетъ 20 пудовъ.

Изъ имѣющихся въ литературѣ продовольственныхъ разсчетовъ наиболѣе серьезнымъ и обстоятельнымъ долженъ быть признанъ тотъ, который данъ г. Марессомъ въ упоминавшемся уже его трудѣ, помѣщенномъ въ сборникѣ «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства». Г. Марессъ опредѣляетъ продовольственную норму въ 18 пуд. на 1 душу безъ различія пола и возраста, а со скотомъ 25,5 пудовъ *).

Установленныя нами среднія и нормы, принимаемыя г. Марессомъ, несовсѣмъ сравнимы. Мы видѣли, напримѣръ, что калужскія хозяйства гораздо лучше обезпечены сѣномъ, чѣмъ воронежскія, а между тѣмъ норму для скота г. Марессъ принужденъ былъ опредѣлить именно по воронежскимъ даннымъ. Кромѣ того, онъ не исключаетъ въ своемъ разсчетѣ дѣтей до 1 года, солдатъ и промышленниковъ. Если мы тоже не будемъ исключать эти группы населенія, то наша средняя опустится до 16,5 пуд. и будетъ ниже нормы, принятой г. Марессомъ. Но и такое сравненіе будетъ несовсѣмъ правильно, потому что Козельскій уѣздъ, какъ промысловый, относительнымъ числомъ промышленниковъ значительно превосходитъ Россію въ цѣломъ, которую имѣлъ въ виду г. Марессъ въ своихъ разсчетахъ.

Если принять во вниманіе, что г. Марессъ свой разсчетъ построилъ, главнымъ образомъ, на данныхъ физіологіи и органической химіи, то необходимо допустить, что онъ имѣлъ въ виду именно ѣдока дѣйствительнаго, наличнаго, а не ѣдока, такъ сказать, приписного, только числящагося въ составѣ данной группы населенія. Поэтому для сравненія правильнѣе брать нашу среднюю въ 20 пудовъ. Г. Марессъ смотритъ на свою норму, какъ на минимальную и даже нѣсколько пріуменьшенную. Наша средняя даетъ норму потребленія при среднихъ условіяхъ для всѣхъ группъ крестьянскаго населенія. Принимая въ соображеніе это обстоятельство, нельзя не признать, что обѣ эти нормы очень близки между собою.

Но за то обѣ онѣ очень далеки отъ той продовольственной нормы, которая принята въ административныхъ сферахъ при выдачѣ ссудъ голодающему населенію. Административная норма, какъ извѣстно, равна 30 ф. на ѣдока въ мѣсяцъ или 9 пуд. въ годъ, т. е. она въ два слишкомъ раза меньше дѣйствительнаго потребленія при обычныхъ условіяхъ. Эта разница на самомъ дѣлѣ еще рѣзче. Ниже мы увидимъ, что при указанномъ количествѣ зерновыхъ продуктовъ и картофеля въ калужскихъ крестьянскихъ хо-

*) Г. Марессъ кладетъ еще 1 пудъ, расходуемый на уплату за помолъ. Въ Козельскомъ уѣздѣ за помолъ почти всегда платится деньгами, а не хлѣбомъ, а потому этотъ пудъ мы и исключаемъ.

зяйствахъ потребляется значительное количество мяса, а послѣднее, нужно думать, почти вовсе исчезаетъ изъ меню голодающаго населенія.

II.

Значительное число собранныхъ при мѣстномъ изслѣдованіи Козельскаго уѣзда продовольственныхъ бюджетовъ дало возможность подвергнуть ихъ разработкѣ по группамъ хозяйствъ, различающихся размѣрами своего земледѣльческаго производства. Посмотримъ же теперь, каковы размѣры потребленія въ хозяйствахъ, различнаго размѣра, или что почти синонимъ—въ хозяйствахъ различной зажиточности.

Остановимся сначала на условіяхъ содержанія скота въ большихъ и малыхъ крестьянскихъ земледѣльческихъ хозяйствахъ.

Группы хозяйствъ по посѣвной площади.	Въ теченіе года издержано по разсчету на 1 голову крупнаго скота.			
	Сѣна пудовъ.	Озимой соломы копенъ	Яровой соломы копенъ	Овса и чечевицы пудовъ
I Засѣваютъ не болѣе 3 дес.*)	54	4,8	2,7	6,4
II » » 3—6 »	43	5,1	3,4	6,5
III » » 6—9 »	41	5,5	4,1	7,5
IV » » 9—12 »	45	5,5	4,6	7,9
V » свыше 12 »	38	5,7	4,7	9,5

Въ малосѣющихъ хозяйствахъ по разсчету на голову крупнаго скота расходуется больше сѣна и меньше соломы, чѣмъ въ многосѣющихъ. Можно думать, что излишекъ озимой соломы въ многосѣющихъ хозяйствахъ всецѣло поглощается болѣе обильной подстилкой. Разница же въ количествѣ яровой соломы вполнѣ компенсируется разницей въ количествѣ сѣна. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное основаніе допустить, что незерновыми кормами хозяйства различнаго размѣра обезпечены одинаково. Но значительная разница въ количествѣ зерновыхъ кормовыхъ продуктовъ, приходящихся на голову крупнаго скота, заставляетъ предполагать, что въ малосѣющихъ хозяйствахъ относительно большая часть продовольственныхъ продуктовъ расходуется на скотъ, чѣмъ въ многосѣющихъ **). Есть полныя основанія думать, что въ малосѣющихъ хозяйствахъ скотъ кормится въ общемъ гораздо хуже, чѣмъ въ

---

*) Несѣющихъ хозяйствъ было описано только 8, причемъ въ числѣ ихъ оказалось нѣсколько семей съ нищими. Учетъ дней, проводимыхъ послѣдними на своемъ промыслѣ, и главное, собираемыхъ ими продуктовъ крайне затруднителенъ. Поэтому мы не рѣшаемся пользоваться данными объ этой группѣ населенія въ послѣдующемъ изложеніи. Скажемъ здѣсь только, что сѣна въ нихъ по разсчету на голову скота издержано 81 п., продовольственныхъ зерновыхъ продуктовъ по разсчету на ѣдока 15 пуд.

**) Необходимо имѣть въ виду еще одно обстоятельство. Малосѣющія хозяйства въ громаднѣйшей своей части безлошадныя или однолошад-

многосѣющихъ. Но за отсутствіемъ данныхъ, допустимъ, что во всѣхъ хозяйствахъ на скотъ расходуется одинаковое количество зерновыхъ продуктовъ, т. е. около 13 пуд. на голову. Тогда наши данныя позволяютъ указать слѣдующіе предѣлы измѣняемости потребительныхъ нормъ.

Группы хозяйствъ по посѣвной площади.	Въ теченіе года израсходовано по разсчету на ѣдока: всѣхъ зерновыхъ продуктовъ и картофеля.	продовольственныхъ продуктовъ за исключеніемъ издержанныхъ на скотъ.
I группа	23,6	17,5
II »	27,0	19,3
III »	29,2	20,7
IV »	30,5	20,8
V »	34,0	23,4

Такимъ образомъ, продовольственная норма колеблятся въ сравнительно узкихъ предѣлахъ отъ 17,5 до 23,4 пуд. на ѣдока. Даже въ малосѣющихъ, другими словами, въ самыхъ бѣдныхъ хозяйствахъ, принужденныхъ почти на половину прикупать необходимый себѣ хлѣбъ, она не спускается ниже 17,5 пуд. на ѣдока, т. е. всетаки почти вдвое выше административной нормы.

Въ дѣйствительности предѣлы колебаній ея еще уже. Мы допустили, что скотъ кормится одинаково въ хозяйствахъ всѣхъ группъ. Этого, конечно, на самомъ дѣлѣ не наблюдается. Если мы допустимъ, что кормовая норма для скота въ хозяйствахъ различныхъ группъ отклоняется отъ средней въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и продовольственная норма для людей въ послѣдней табличкѣ, иначе сказать, если мы допустимъ, что продовольствіе скота можетъ такъ же сжиматься, какъ и народное питаніе, то найдемъ:

Группы хозяйствъ по посѣвной площади.	Расходуется въ годъ зерновыхъ продуктовъ: на голову круп. скота.	на ѣдока.
I	11,3	18,3
II	12,5	19,6
III	13,5	20,4
IV	13,5	20,5
V	15,2	21,6

———

ныя, а многосѣющія—многолошадныя. Занятіе извозомъ, какъ промысломъ, доступно поэтому почти исключительно многосѣющимъ хозяйствамъ. Возможно, что сравнительный избытокъ въ потребленіи овса у нихъ объясняется именно участіемъ въ извозѣ. Если это такъ, если допустить, что въ многосѣющихъ хозяйствахъ скотъ кормится вообще лучше, то указываемая ниже разница въ количествѣ пищевыхъ продуктовъ, потребляемыхъ однимъ ѣдокомъ, будетъ еще меньше, а, стало быть, будутъ меньше и предѣлы, въ которыхъ сжимается народное потребленіе.

Продовольственная норма измѣняется въ еще болѣе узкихъ предѣлахъ, гораздо болѣе узкихъ, чѣмъ принято думать. Измѣняемость ея по отношенію къ средней для всѣхъ группъ крестьянскаго населенія (20 пуд.) равна лишь 16,5%, при отклоненіяхъ въ сторону минимума на 8,5% и въ сторону максимума на 8%.

Остановимся, однако, нѣсколько подробнѣе на питаніи отдѣльныхъ экономическихъ группъ. Населеніе въ многосѣющихъ хозяйствахъ, какъ никакъ, питается всетаки сытнѣе, чѣмъ въ малосѣющихъ. Это особенно будетъ замѣтно, если мы, кромѣ зерновыхъ, примемъ во вниманіе другіе продовольственные продукты. Такъ, въ нашихъ матеріалахъ имѣются данныя о потребленіи мяса населеніемъ. По разсчету на 1 ѣдока въ описанныхъ хозяйствахъ израсходовано мяса и сала:

Въ I группѣ	48	фунт.
» II »	56	»
» III »	55	»
» IV »	65	»
» V »	68	»
Въ несѣющихъ хозяйствахъ	42	»
Въ среднемъ	57	»

Потребленіе мяса въ калужскихъ хозяйствахъ вообще довольно значительно, достигая въ среднемъ 57 ф. на ѣдока въ годъ, что при 175 скоромныхъ дняхъ даетъ почти $^1/_3$ ф. въ день. При этомъ въ многосѣющихъ хозяйствахъ на ѣдока расходуется мяса почти на 30% больше, чѣмъ въ малосѣющихъ.

Указываемое нашими матеріалами количество потребляемаго населеніемъ мяса значительно выше, чѣмъ принято обыкновенно думать. Поэтому считаемъ не лишнимъ замѣтить, что матеріалъ по этому вопросу изъ наиболѣе достовѣрныхъ, такъ какъ потребленное мясо довольно хорошо поддается регистраціи. При изслѣдованіи спрашивалось, какая скотина рѣзалась въ теченіе года, и сколько было получено мяса и сала, а затѣмъ сколько его было продано и куплено. Указанныя въ текстѣ среднія скорѣе ниже дѣйствительныхъ, чѣмъ выше, такъ какъ крестьяне иногда забывали говорить объ убоѣ мелкой скотины. Кромѣ того, не считалось за рѣдкими исключеніями мясо, полученное отъ птицъ. Регистрація въ послѣдующихъ уѣздахъ показала, что птичьяго мяса въ сосѣднихъ съ Козельскимъ уѣздахъ расходуется около 2—3 ф. на ѣдока. Кромѣ потребленія мяса наши матеріалы содержатъ еще данныя о потребленіи растительныхъ маслянистыхъ веществъ — конопляннаго сѣмени и конопляного масла. Но воспользоваться этими данными крайне затруднительно, такъ какъ малосѣющія хозяйства преимущественно продовольствуются покупнымъ масломъ, а многосѣющія своимъ и конопляным сѣменемъ. Послѣднія изъ оставляемаго сѣмени иногда часть продаютъ уже масломъ. Если мы допустимъ, что съ 1 мѣры

конопли выходитъ 7 ф. масла (выходъ масла колеблется въ довольно широкихъ предѣлахъ), то найдемъ, что масла и конопляного сѣмени въ переводѣ на масло было израсходовано (по разсчету на ѣдока).

Въ I группѣ	7,2 ф.
» II »	6,4 »
» III »	5,3 »
» IV »	5,3 »
» V »	5,3 »

Если допустить выходъ масла болѣе высокій, то сравнительное положеніе малосѣющихъ группъ ухудшится, а многосѣющихъ улучшится. Но чтобы обратить послѣдній рядъ въ восходящій необходимо допустить слишкомъ большой выходъ, да и то правильнаго ряда не получится. Такимъ образомъ, можно думать, что въ малосѣющихъ хозяйствахъ постнаго масла потребляется сравнительно больше, чѣмъ въ многосѣющихъ. Можетъ быть, такимъ путемъ покрывается сравнительный недостатокъ мяса и сала въ первыхъ. Если это такъ, то мы вновь встрѣчаемся съ данными, указывающими на сравнительную устойчивость продовольственныхъ нормъ.

Питаніе различныхъ экономическихъ группъ населенія различно, не только по количеству потребляемыхъ продуктовъ, но и по ихъ качеству. Объ этой сторонѣ народнаго потребленія наши матеріалы даютъ слѣдующія указанія: *)

Групы хозяйствъ по посѣвной площади.	Изъ 100 пудовъ израсходованныхъ въ теченіе года продовольственныхъ продуктовъ: ржи и ржаной муки	пшеницы.	гречи, проса, крупы и пшена	ячменя и гороха.	картофеля.
I группа.	70,0	0,3	5,5	7,8	16,4
II »	68,9	0,6	6,4	9,7	14,4
III »	67,9	0,6	6,3	11,4	13,8
IV »	66,6	0;7	6,6	12,9	13,2
V »	66,5	1,4	8,8	11,1	12,2
Въ среднемъ.	68,3	0,6	6,7	10,4	14,0
Разница между крайними въ процентахъ къ средней	5.	183.	38.	32	30

Наиболѣе устойчиво въ пищѣ населенія процентное содержаніе ржи и ржаной муки, т. е. собственно хлѣба. Процентное же содержаніе различныхъ частей приварка въ хозяйствахъ различныхъ

*) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы поставлены въ необходимость разсматривать всѣ продовольственные продукты, израсходованные какъ въ пищу людямъ, такъ и въ кормъ скоту.

экономическихъ группъ подвержено значительнымъ колебаніямъ. Въ общемъ, многосѣющія хозяйства потребляютъ приварка, сравнительно съ хлѣбомъ болѣе, чѣмъ малосѣющія. Въ составѣ приварка у нихъ относительно меньше картофеля и больше всѣхъ другихъ продуктовъ, въ особенности же наиболѣе любимыхъ населеніемъ крупъ и пшеницы, т. е. каши и лапши.

Необходимо замѣтить, что средняя цѣна приварочныхъ продуктовъ выше, чѣмъ хлѣбныхъ. По покупнымъ цѣнамъ 189⁵/₆ года средняя цѣна пуда приварка равна 93 коп., тогда какъ цѣна ржаной муки—53 коп. Но на ряду съ этимъ необходимо отмѣтить, что картофель, усиленно потребляемый въ малосѣющихъ хозяйствахъ, въ переводѣ на рожь оказывается однимъ изъ самыхъ дорогихъ приварочныхъ продуктовъ (1 р.). Выгадывая на уменьшеніи приварка, эти хозяйства проигрываютъ на увеличеніи стоимости послѣдняго. Благодаря этому средняя стоимость пуда продовольственныхъ продуктовъ одинакова во всѣхъ группахъ *).

Группы хозяйствъ по посѣвной площади.	Цѣна за пудъ въ копейкахъ.		
	хлѣбныхъ продуктовъ.	приварочныхъ продуктовъ.	тѣхъ и другихъ.
I	53	95	66
II	63	93	66
III	53	91	65
IV	53	88	65
V	53	93	66
Всѣ	53.	93.	66.

Для характеристики состава потребляемыхъ продуктовъ важно не только процентное отношеніе ихъ между собою, но и среднее количество каждаго изъ нихъ, приходящагося на 1 ѣдока.

Группы хозяйствъ по посѣвной площади.	Въ теченіе года израсходовано пудовъ по разсчету на ѣдока:				
	ржи и ржаной муки.	гречи, проса пшена и крупъ.	ячменя, гороха и пшеницы.	картофеля.	итого.
I	14,9	1,2	1,7	3,5	21,3
II	16,0	1,5	2,4	3,3	23,2
III	16,5	1,6	2,9	3,3	24,3
IV	16,4	1,6	3,3	3,3	24 6
V	17,4	2,3	3,3	3,2	26,2

*) Мы не останавливаемся на различіи покупныхъ и продажныхъ цѣнъ на продукты для хозяйствъ различныхъ группъ и вездѣ беремъ среднюю поуѣздную цѣну, такъ какъ наша задача выяснить условія питанія, а не обмѣна.

Сжимая свое потребленіе, необезпеченныя группы населенія экономятъ на всѣхъ продуктахъ, за исключеніемъ одного картофеля. Въ послѣднемъ онѣ не только не экономятъ, но и замѣняютъ имъ другіе продукты. Мы только что видѣли, что такая замѣна не удешевляетъ средней стоимости ихъ продуктовъ, но она даетъ возможность сокращать ихъ количество: большій объемъ потребляемаго продукта, при одной и той же цѣнности, они предпочитаютъ большей питательности.

Такимъ образомъ, населеніе въ многосѣющихъ хозяйствахъ питается и сытнѣе, и вкуснѣе. Но этимъ не исчерпываются различія въ питаніи населенія разной зажиточности. Остановимся еще на одномъ такомъ различіи.

Всѣ продовольственные рессурсы, которыми распологали описанныя хозяйства, по источнику ихъ полученія могутъ быть раздѣлены на двѣ крупныхъ категоріи: а) полученные изъ своего хозяйства и б) полученные путемъ обмѣна и займовъ. Значеніе того и другого источника для хозяйствъ различной зажиточности видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

Группы хозяйствъ по посѣвной площади.	Изъ 100 пудовъ продовольствен. продуктовъ. Своихъ.	Купленныхъ и занятыхъ.	По разсчету на ѣдока приходится пудовъ. Своихъ.	Покупныхъ.
I	54,1	45,9	11,6	9,7
II	64,0	36,0	14,9	8,3
III	73,1	26,9	17,8	6,5
IV	76,6	23,4	18,9	5,7
V	83,6	16,4	21,9	4,3
Всѣ	6,8,8.	31,2.	16,2.	7,4.

Ни одна группа хозяйствъ, не смотря на средній урожай, не обошлась своими продуктами. Количество прикупленныхъ продуктовъ, достигая въ среднемъ для всѣхъ группъ почти 1/3 части, въ хозяйствахъ малосѣющихъ приближается къ половинѣ, а въ многосѣющихъ падаетъ до 1/6 почти. Такимъ образомъ, лучшее—болѣе сытое и болѣе вкусное—питаніе является при данныхъ условіяхъ спутникомъ «своего» хлѣба, а болѣе худшее покупного.

Отмѣченное нами различіе въ питаніи различныхъ экономическихъ группъ крестьянства естественно вызываетъ вопросъ: большее количество и лучшее качество продуктовъ, расходуемыхъ въ многосѣющихъ хозяйствахъ, представляетъ ли изъ себя излишество, или безвредную роскошь, или только приближается къ нормальному питанію. Наши матеріалы позволяютъ, хотя и косвенно, отвѣтить и на этотъ вопросъ.

Въ числѣ данныхъ, собранныхъ по описаннымъ хозяйствамъ, между прочимъ, заключаются свѣдѣнія о годичной смертности въ нихъ въ теченіе года и о числѣ рабочихъ дней, въ теченіе которыхъ болѣли лица рабочаго и полурабочаго возраста. И вотъ, что мы видимъ.

Группы хозяйствъ по посѣвной площади.	На 100 ѣдоковъ рабочихъ дней, пропущенныхъ по болѣзни.	На 1000 душъ обоего пола умершихъ.
I	294	50
II	258	41
III	247	44
IV	205	39
V	114	26

Только въ послѣдней группѣ хозяйствъ болѣзненность и смертность падаютъ до минимума. Трудно отрицать связь между этими двумя явленіями и различіями въ питаніи. А если мы признаемъ ее, то необходимо должны допустить, что во всѣхъ группахъ, вплоть до 5-й, по крайней мѣрѣ, питаніе еще не приблизилось къ нормальному. И при обычныхъ условіяхъ огромадная часть крестьянскаго населенія недоѣдаетъ и, благодаря этому, болѣетъ и умираетъ.

А. Пѣшехоновъ.

Въ № 10, въ статьѣ: «Добро г. Владиміра Соловьева» замѣчены слѣдующія опечатки:

На стр. 38 *напечатано*: «человѣчество духовное (?) или отъ Бога рожденное»—*слѣдуетъ*: «человѣчество духовное (,) или отъ Бога рожденное».

На стр. 43 *напечатано*: «недолжнымъ (?) или безнравственнымъ» — *слѣдуетъ*: «недолжнымъ (,) или безнравственнымъ».